

Владимир Шигин

НАВАРИН

Собрание сочинений
«Морская слава России»

©Владимир Шигин

2020

*Отважными бывали многие.
Кто, не щадя трудов и сил,
На славы бурные дороги
Эскадры флота выводил.
К нам шел с отвагой вместе опыт,
И тех не меркнут имена.
Кто брандеры водил к Синопу,
Зажег костер Наварина.
А. Лебедев*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ГРЕЧЕСКИЙ ГАМБИТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ «АЗОВ» ПОДНИМАЕТ ФЛАГ

Царствование императора Николая Первого российский флот встретил мятежом гвардейского экипажа. С кличем: "За Константина и жену его - Конституцию!", матросы вышли на Сенатскую площадь. Затем был картечный расстрел восставших и гражданская казнь главных виновников (из числа морских офицеров) на линейном корабле "Князь Владимир", когда старый адмирал Кроун самолично ломал над головами дерзнувших офицерские кортики...

Корабельное офицерство отнеслось к событиям декабрьским равнодушно. Гвардия, есть гвардия у них свои причуды, а наше дело моряцкое: поднимай паруса да крути штурвал! Восшествие Николая флот встретил с робкой надеждой в день свой завтрашний. На шумных офицерских попойках мичмана и лейтенанты, подперев руками отяжелевшие головы, мечтали о больших походах и блестящих победах. Капитаны ж, вечерами карты тасуя, солидно рассуждали, что новый государь не в пример старому умен и моряков, как его предшественник брат Александр ненавидеть не станет.

В словах капитанских была горькая истинна! При императоре Александре флот вниманием не баловали. Корабли по несколько лет к ряду гнили в портах, так и не сделав ни одной кампании. Когда ж случалось производить смотры высочайшие, то наскоро выкрашивали один из бортов, и начальство этим довольствовалось. Оба александровских морских министра и маркиз де Траверсе, и барон фон Моллер нанесли флоту гораздо больше вреда, чем пользы. Экономия на сущей ерунде, они, шутя, пускали на ветер миллионы. Дело дошло до того, что в 1824 году во время сильного наводнения, когда стихия разрушила часть Кронштадта и Петербурга, сорвала с якорей корабли,

под общий шум было списано на слом более половины флота, включая и не поврежденные новые корабли. Уничтожив собственный флот, морской министр несказанно обогатился, списав корабли на дрова! Подобного мировая история еще не знала!

Николай I, император всероссийский (1825—1855)

Знаменитый мореплаватель Головин, бывший в ту пору генерал-интендантом морского министерства с горечью констатировал: "Если гнилые, худо и бедно вооруженные и еще хуже и беднее того снабженные корабли, престарелые, хворые, без познаний и присутствия духа флотовожди, неопытные капитаны и пахари под именем матросов, в корабельные экипажи сформированные, могут составить флот, то мы его имеем".

Нелюбовь Александра Первого к флоту поражала современников. Чего там было больше непонимания или упрямства, сказать трудно. В минуты откровения император признавался близким:

- Я вообще не признаю значения морской силы для России. Деньги на флот уходят как в прорву, а толку от этого нет никакого! Для островитян - англичан корабли, быть может, и полезны, для нас же это сущее разорение!

Когда-то, вступая на престол, Александр, обращаясь к морякам, заявил во всеуслышание:

- Я извлеку наш флот из мнимого существования в подлинное бытие!

К концу царствования об этих словах никто уже и не упоминал. Российский флот "дней Александровых прекрасного начала" так и не дождался. Впрочем, кто из сильных мира сего, входя во власть, не обещал легко народу всяческих благ, потом столь же легко напроць, забывая о сказанном по прошествии определенного промежутка времени? Увы, но так было во все времена...

Кому-то может показаться невероятным, но одно время Александр даже носился с идеей передачи всего русского флота англичанам, и лишь открытое возмущение против этой затеи большинства высших сановников заставили императора отказаться от своего сумасбродного плана.

Сегодня может показаться дикостью, но штурманам российским в те годы было велено приобретать инструмент навигационный за свои кровные. А потому как получали штурмана в то время мало и были по причине своей худородности не допускаемы даже в кают-компанию, страдали они от такого приказа крепко. Семьи штурманские едва ли попрошайничеством не побирались, а сами навигаторы питались тем, что со стола офицерского останется.

Главным мериллом служебного рвення в ту пору стала красивость строевого шага, выправка и удаль в ружейных приемах. За согнутые колени и сутулость в строю выгоняли со службы даже самых заслуженных!

Не многим лучше бедолаг штурманов жило и корабельное офицерство. Ближе к осени спускали офицеры с судов кронштадтских баркасы, грузили в них кадки с ведрами и, объединяясь во флотилии, уходили на тех баркасах в финские шхеры. Спустя несколько дней возвращались обратно, доверху нагруженные грибами да ягодами. Часть добычи шла матросам, другая ж (большая) на кормление семей офицерских. Тем и жили. Воровали по этой причине тоже изрядно. А тот, кого ловили, рвал пред всеми на груди рубаху:
- У меня семеро по лавкам! Куды я их на рупь с полтиной подниму! Им што, подыхать!

Одни, терзаясь совестью, брали на прокорм. Вторые, не терзаясь, на пропой. Трети, совесть свою совсем потеряв, на обзаведение. В последнем преуспевал среди иных, люд портовый, чиновный. Никого не удивляло, что госпитальный смотритель, сошка мелкая, но нужная, не таясь, возвел в центре Кронштадта каменный особняк. Рядом с ним вперегонки возводили хоромы из ворованного корабельного леса мастера-корабельщика.

У офицеров корабельных в цене были перегоны Архангельские, когда «посуху» в город Архангельский за новопостроенным кораблем едут, а затем его вокруг Скандинавии на Балтику под парусами гонят. Выгода в тех перегонах была большая. Прибывшие на верфи Соломбальские, перво-наперво скупали у простодушных поморов пудами старые медные еще екатерининские пятаки, затем уж при стоянке в Копенгагене продавали ту медь с выгодой и, тут же на деньги вырученные, закупали контрабандный ром, который с еще большей выгодой перепродавали затем свои сослуживцам в Кронштадте и Ревеле. К прискорбию, но подобных приработков многие не то, что не стеснялись, а наоборот почитали за молодечество!

Бывало, придет новопостроенный транспорт в Кронштадт, а на нем ни якорей, ни парусов.

- При шторме-то и смыло за борт! - вздыхает капитан, глаза пряча.

- Так штормов у нас, почитай, какой месяц и не было! - начнет допытываться какой-нибудь умник из начальства.

- Что-то, вы, Савелий Палыч, как вчерась родились! - изумляется на то капитан. - Да продал я стаксель с верп-якорем купцу голландскому. Цену сторговал хорошую и вам доля немалая!

- Ладно, Никитич, - смягчался сразу начальник, - затылок в раздумьях почесывая. - Чего-то и впрямь шторма зачастили!

Сам Александр Первый в минуту откровения как-то пожаловался ближним:

- Вокруг одни воры и проходимцы! Они бы с радостью украли у меня последние линейные корабли, если бы знали только куда их можно спрятать! Разумеется, что и при самом жутком развале оставались честные и неподкупные. Но, ой, как им было тяжело! А потому ждали они нового царства, что манны небесной в трепетном ожидании возможных перемен.

Конец царствования Александра ознаменовался рядом кругосветных плаваний, организованных, не благодаря, а скорее вопреки императору на голом энтузиазме и порыве наших моряков.

Два отряда кораблей были посланы в ледовые океаны: один на север искать морской путь с востока на запад, второй на юг искать загадочную "Терра Инкогнита".

Подвиг шлюпов "Восток" и "Мирный" известен каждому. Беллинсгаузен с Лазаревым открыли не только множество островов, но и целый, дотоле неведомый материк - Антарктиду. Начальнику северной дивизии капитану 2 ранга Васильеву не повезло. Его шлюпы не смогли пробиться через Берингов пролив далеко на Север и отступили. И хотя вины Васильева в том не было никакой, Петербург встретил его убийственной эпитафией:

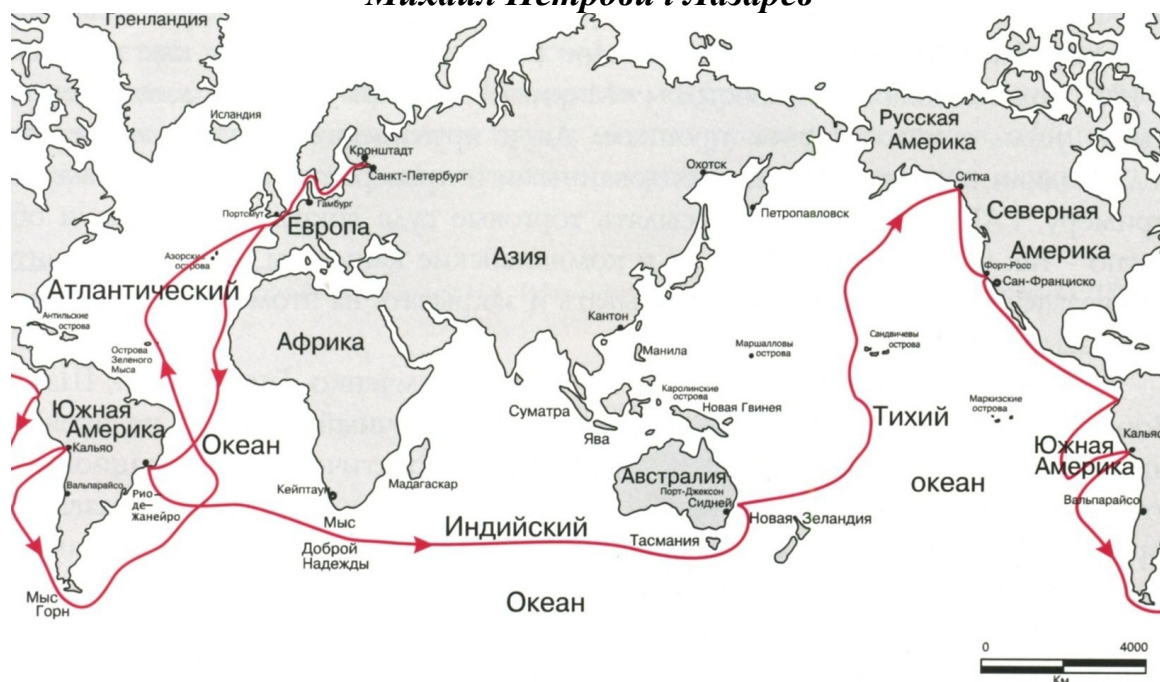
Васильев, претерпев на море разны бедства,

Два чучела привез в музей Адмиралтейства.

Во все времена публике были нужны лишь победители, а не побежденные. К моменту воцарения Николая Первого Андреевский флаг развевался уже по всем земным океанам: у берегов русской Америки нес службу шлюп "Предприятие" Отто Коцебу, в Индийских водах плыл транспорт "Кроткий", в южной Атлантике штормовал шлюп "Моллер" капитана Станюковича, а в Кронштадте готовился к кругосветному вояжу транспорт "Сенявин".

Михаил Петрович Лазарев

Плавание М. П. Лазарева на фрегате «Суворов» в 1813—1815 годах

В первые же дни своего восшествия Николай Первый дал флотским понять, что возложенные на него надежды не беспочвенны. Новый император начал возрождение морской мощи с того, что вернул из отставки героя Калиакрии, Афона и Дарданелл, кумира флотской молодежи вице-адмирала Дмитрия Сенявина. Старику тут же был дан чин полного адмирала и звание генерал-адъютанта. Затем, как при каждом новом воцарении водилось, образовал император комиссию по "воссозданию флота". Из руководства морского Николай разогнал безжалостно немощных и никчемных.

За развал флота поплатился вице-адмирал Моллер (правда далеко не сразу), его пощадили от отдачи под суд "единственно только по снисхождению и долговременной прежней усердной службе". Новый император давал дорогу молодым и дельным: Беллинсгаузену, Головнину, Крузенштерну. Для надзора же за порядком приставил своего любимца князя Меншикова, в деле морском сущего неуча, но царедворца и остроумца известного. Пока Меншиков был определен лишь наблюдателем, но виды на него император имел министерские.

По приказу нового императора произвели ревизию наличного флота и ужаснулись. На всей Балтике к плаванию оказались годными лишь корабль "Эммануил", да два фрегата "Меркуриус" и "Диана"! Перепуганный Моллер пытался, было, приписать к ним линейный корабль "Лейпциг" со "Святым Петром", но те, как оказалось, дальше Бельтов пускать было нельзя, иначе рассыпятся.

- И это все?! - пришел в ужас император.

- Все, но не совсем, ваше величество, - задрожал бумажкой в руках Моллер. - В ремонте корабли "Фершапенуаз", "Царь Константин" с "Еленой", в

достройке "Александр Невский", "Азов" и "Иезекииль" с бригами "Усердие" и "Охта".

- Но ведь "Эммануил" не корабль линейный, а всего-навсего фрегат, почему же вы его в кораблях числите! - тут же разоблачил Моллера император.

- Только для удовольствия вашего величества! - обречено опустил голову глава морского ведомства.

- Что ж! - после долгого и тягостного молчания произнес Николай. - Будем строить флот заново. Лишь бы только не опоздать со временем!

Тотчас были отпущены немалые деньги, и началась и усиленная постройка кораблей. В скорости произошли и другие изменения в жизни российского флота: отменили давно изжившую себя адмиралтейств-коллегию и учредили Главный морской штаб, изъяли чин капитана бригадного ранга и ввели должность дежурного адмирала.

Сам Николай, подражая своему великому предку, считал себя и известным инженером.

- Чтоб немедля заменили пеньковые штуртросы на кожаные, а крюйт-камеры стали оббивать листом свинцовым! - наставлял он морского министра Моллера. - О ходе работ докладывать мне лично!

Тот только записывал.

Закрутилось, завертелось! Полетели приказы, наказы и инструкции. оживился Кронштадт. Забегали чиновники. Повеселели моряки.

- Дай-то бог! Дай-то бог! - крестились старики-ветераны, не одно "восстановление флота" пережившие. - Чтоб в этот раз навсегда и всурьез за дело морское взялись!

5 августа 1825 года командир фрегата "Крейсер" капитан 2 ранга Михаил Лазарев 2-й был вызван в Главный Морской штаб. Начальствующий там вице-адмирал Моллер (уже томившийся в это время в ожидании суда или отставки за воровство), не задерживая капитана второго ранга в приемной, сразу пригласил его в свой кабинет.

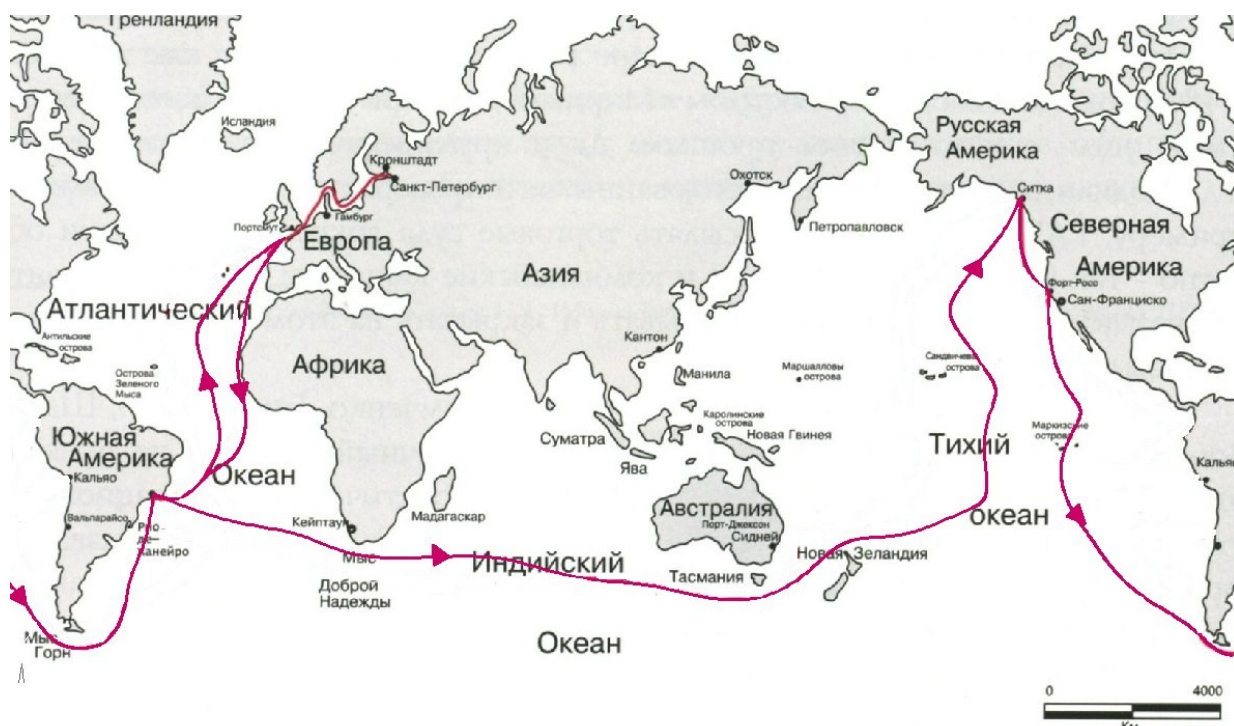
- Ну-с, Михаил Петрович, присаживайтесь! - махнул рукой, на стоявшую рядом резную стулу, Моллер. - Должен вас обрадовать, что государь, несмотря на всю свою занятость, не забыл о вас и не далее, как день назад велел мне подыскать для вас хорошую должность!

- Премного благодарен его величеству и вам господин вице-адмирал за работу и внимание к моей особе! - сидевшей на краю стула Лазарев, нервно теребил парадную треуголку.

- Принимая во внимание ваши заслуги перед Отечеством и, прежде всего, успешное завершение последнего вашего вокругосветного вояжа, но продолжал начальник штаба. - Мы сочли возможным предложить вам капитанство на новостроящемся в Архангельске 74-пушечном корабле.

- Лучшая награда моряку - это хорошее судно! - радостно улыбнулся капитан второго ранга. - Столь высокое назначение почитаю за честь!

- Вот и славно, - потер пухлые ладошки Моллер. - Более вас не задерживаю. Ждите официального приказа!

***Маршрут кругосветного плавания М. П. Лазарева
на фрегате «Крейсер» в 1822—1825 гг.***

Весь обратный путь до Кронштадта в продуваемом ветром баркасе. Лазарев напряженно обдумывал, как теперь ему теперь скорее завершить дела по сдаче к порту своего фрегата, оприходовании «остатных припасов» и расформировании команды.

Михаил Петрович Лазарев родился 3 ноября 1788 году во Владимире в дворянской семье. После смерти отца, сенатора, три его сына Андрей, Михаил и Алексей по Высочайшему соизволению императора Павла были зачислены кадетами в Морской корпус.

Известно, что за «отличные успехи» во время обучения в Морском корпусе Михаил Лазарев был премирован секстаном. В 1803 году произведен в гардемарины и по распоряжению правительства в числе 30 лучших выпускников корпуса был отправлен в Англию для службы волонтером. Проведя пять лет в непрерывных плаваниях в Атлантическом океане, Средиземном море, а на судах Ост-Индской компании - и в Тихом океане, неоднократно участвуя в боях с французскими кораблями, Лазарев вернулся в Россию уже опытным офицером.

Служба в британском флоте оставила неизгладимый след в характере «юноши острого ума и благородного поведения», как аттестовали его английские капитаны. Именно здесь молодой Лазарев проникся тем чувством долга к службе, любовью к морю, стремлением достигнуть в каждом деле наилучшего результата. Однако пребывание на английском флоте приучило

Лазарева и к иному. Отныне до конца своих дней он будет достаточно жесток в обхождении с матросами.

М. П. Лазарев — первый командир «Азова»

Во время начавшейся вскоре войны с Англией и Швецией мичман Лазарев служил на линейном корабле «Благодать» в эскадре адмирала П.И. Ханькова. Именно тогда он вызвался в числе других охотников идти на помощь атакованному при Рогервике английскими кораблями и пленному линкору «Всеволоду». Вскоре после этого Лазарев вернулся в эскадру Ханькова, на которой служил до конца сентября 1808 г.

В феврале 1811 года Лазарев уже лейтенант. В Отечественной войне 1812 года, служба на бриге «Феникс», участвует в высадке десантов в районе Данцига, предпринятых с целью отвлечения от Риги французов.

Получив боевое крещение в сражениях с французскими корсарами, побывав в плену, поучаствовав в двух войнах, испытал на себе все тяготы морской службы, Лазарев проникся глубоким убеждением, что «всякое положение человека, прежде всего, возлагает на него обязанности» и что «с точным, безукоризненным их выполнением связана не только служебная, но и личная честь».

Значительно превосходя организаторским способностям окружающих его офицеров, Лазарев был всегда ценным начальством. Когда в 1813 году Российско-Американская компания обратилась с просьбой к морскому министру назначить офицера для командования новым компанейским кораблем «Суворов» в предстоящем ему кругосветном плавании, был выбран именно он. Факт сам по себе поразительный, ведь опытных капитанов для столь трудного, но почетного мероприятия было предостаточно.

1 сентября 1813 года молодой офицер принял в командование свой первый корабль, который должен был доставить груз на остров Ситху через Северное море, Атлантический и Тихий океаны. Это первое кругосветное плавание Лазарева на Аляску, во время которого им были открыты необитаемые коралловые острова, названные островами Суворова, продолжалось без малого 3 года. Здесь заслуживает внимание и судебный процесс, выигранный лейтенантом против тогдашнего начальника колоний Российско-Американской компании Баранова. Самовластие Баранова заставило Лазарева самовольно оставить Ситху, под выстрелами батареи. Дирекция компании вначале протестовала против такого поступка, но потом, удостоверившись в крайнем положении командира и офицеров «Суворова», окончила спор отставкой Баранова с поста правителя Аляски.

Трудности этого возвращения - без медика и суперкарга - показали решительный и твердый характер Лазарева и его глубокие познания в морском деле, что во многом способствовало его последующей карьере.

1 сентября 1816 года «Суворов» благополучно бросил якорь в Кронштадте и Лазарев, сдав его компании, снова возвратился в разряд флотских офицеров. В 1817 году за выслугу на море 18-ти шестимесячных компаний он был в соответствии со статутом награжден орденом Святого Георгия 4-го класса.

Лето 1818 года лейтенант Лазарев провел на корабле «Память Евстафия» в плавании по Финскому заливу, а в 1819-1821 годах, командуя шлюпом «Мирный», участвовал в своем втором кругосветном плавании в экспедиции под командованием капитана 2 ранга Фаддея Беллинсгаузена, направленной для исследования Южного Ледовитого океана. Плавание это длилось 751 сутки, за время которых было пройдено 49 тысяч миль. Во время экспедиции, как известно, была открыта Антарктида, обойден вокруг антарктический материк и нанесено на карту около 30 новых островов.

В связи с успешным завершением Антарктической экспедиции лейтенант Лазарев был произведен через чин в капитаны 2 ранга «за отличие» и пожалован пенсией по чину лейтенанта, а спустя год награжден еще и орденом Владимира 4-й степени.

Назначенный командиром 36-пушечного фрегата «Крейсер», Лазарев почти сразу отправился на нем в свое третье кругосветное плавание - на остров Ситху, из которого возвратился спустя 3 года в 1825 года. Среди офицеров шлюпа были лейтенанты Нахимов, Бутенев и Завалишин (будущий декабрист), мичманы Домашенко и Путятин. Все лучшие из лучших!

Вместе с «Крейсером» к Аляске был направлен 20-пушечный шлюп «Ладога» под командованием капитан-лейтенанта Андрея Петровича Лазарева - старшего брата Михаила Петровича.

Русские корабли у берегов Аляски вели отчаянную борьбу с американскими и английскими браконьерами, хищнически бившими в наших водах пушного зверя и ведшими контрабандную торговлю оружием с туземными племенами. Во время этого плавания экипажем фрегата была также проведена и серия широтных научных исследований по океанографии и метеорологии.

Вокруг него объединялись наиболее способные и инициативные молодые офицеры: на «Крейсере» - Нахимов, Путятин, Завалишин.

Блестящий вид фрегата «Крейсер» при возвращении в Кронштадт после трудного и длительного похода, образцовый порядок на корабле, вызывал всеобщее изумление. За успешное выполнение задач этого плавания Лазарев сразу же получил чин капитана 1 ранга, орден Владимира 3-й степени и был пожалован пенсией по чину капитана 2 ранга.

Теперь же Лазареву предстояло подняться на высшую из капитанских ступеней – стать командиром новейшего линейного корабля, честь, о которой всегда мечтал каждый настоящий морской офицер!

После рождественских праздников Лазарев 2-й отправлялся в Архангельск. Вместе с капитанской должностью он прицепил на свой сюртук и новенькие эполеты капитана 1 ранга. Ехали целым санным поездом. Используя все свои связи, Лазарев забрал на новостройку почти половину своего старого экипажа. Из офицеров с ним поехали лейтенанты Павел Нахимов и Иван Бутенев, мичмана Ефимий Путятин и Александр Домашенко. Помимо личных вещей везли с собой немало и корабельного имущества. С особой бережливостью оберегали ящик с навигационным инструментом. За ящик отвечал мичман Домашенко, который и спал, обнявшись с вверенным ему казенным добром.

Архангельск встретил балтийцев пронзительным ветром и мокрым снегом.

- Точь-в-точь, как у нас в Кронштадте, а ишо север! - делились впечатлениями промеж себя матросы.

Матросов разместили в казармах местного флотского экипажа, офицеры сняли квартиры. Павла Нахимова прямо с саней забрал к себе квартировать друг и однокашник по Морскому корпусу Миша Рейнеке, только что назначенный начальником Беломорской гидрографической экспедиции. Едва вещи по углам закинули и сразу все на верфь. Там среди бревен и сугробов уже высился огромный корабельный короб. При виде будущего корабля матросы кричали "ура", офицеры радостно жали друг другу руки.

А через пару дней Лазарев вступил в хозяйственное наблюдение за кораблем и начал принимать в его достройке самое деятельное участие. Корабельный мастер Никита Иванов, много разных капитанов на своем веку повидавший, не зная, печалился или радовался этому последнему, уж слишком дотошному! С одной стороны, ну кому понравится, когда в твои дела то и дело вступают и с советами лезут, с другой, однако, чего печалится, когда советы те порой весьма дельные и дает их капитан весьма к званию твоему и годам уважительно.

По предложению "неугомонного капитана Лазарева" и его офицеров на достраиваемом корабле и то, и дело, что-то переделывали и меняли.

Работный люд ворчал:

- И принесла нелегкая умников на нашу голову это им не так, другое ни этак!

Матросы лазаревские на слова такие обижались:

- Вот ты душа плотницкая топориком постукал и к бабе своей под бок на печь, а нам на кораблике тобою кое-как сделанном по окиянам плысть! Так неужто, ты душа окаянная, хочешь, чтоб кораблик твой от волны рассыпался, а наши бабы вдовами стали?

- Ладно вам! - махали рукавицами плотники да конопатчики соломбальские. - Мы свое дело без Вас знаем. Наши кораблики хоть семь окиянов проплывут, и нечего им не станет!

Вечерами офицеры собирались у гостеприимного Миши Рейнеке. "Крейсерцы" вспоминали о недавнем кругосветном плавании, Рейнеке рассказывал о Беломорье...

Разговоры заводил обычно розовощекий Ефимий Путятин. Опившись чаю и вытирая полотенцем вспотевший лоб, он важно начинал:

- А помните, господа, бурю на траверзе Сан-Франциско? Когда мы штормовали без малого две недели. Могу вам задним числом нонче сознаться, уж, на что я крепок и стоек, но и то мысленно тогда со всеми домашними распрощался!

Павел Нахимов рыжий и ироничный, улыбаясь, кивал:

- Помним, помним, Ефимушка, как ты царю морскому "ура" кричал, Михайле Петровичу весь сюртук обрызгать изволил!

Ну, это с кем не бывает, - супился Путятин, - Поди, разбери, куда обед из себя выбрасывать, когда такая круговерть вокруг!

- Господа! Господа! А помните, как в порту Дервентском, по джунглям гулявши, мы заблудились, а дохтор Алиман, испугавшись, плакал и просил не бросать его на съеденье тамошним зверям! - скороговоркой закричал со своего места наивно-простодушный Саша Домашенко, - Вот смеху-то было!

- Положим, смеху было, когда из чащоб тех нас туземец местный вывел, а до того что-то не припомню, чтобы кто-то хохотал! - вставил со своего места Иван Бутенев, серьезный и рассудительный.

Михаил Францевич Рейнеке, 1801-1859

...Гуляя вечерами по дощатым архангельским тротуарам, Нахимов с Рейнеке вспоминали Морской корпус и однокашников.

- А что Павлуша, нынче с Завалишиным? - спрашивал Нахимова Рейнеке. - А то здесь о нем разное болтают?

- Митрий нынче в крепости Петропавловской сидит за участие в обществе преступном рылеевском. Мы еще на "Крейсере" в Новоархангельске стояли, как туда пришел именной указ немедленно отправить его в Петербург. Так на попутном компанейском карбасе и уплыл. Сколько не спрашивали, за что? Так ни чего, не сказал.

- Ну, а Володьку Даля встречал ли в столице? - Виделся пару раз после возвращения с морей. Даль нынче докторством практикует, да еще говорит, что на досуге словесностью баловаться начал, поговорки да прибаутки деревенские записывает.

- Вот как жизнь нас, Павлуша, раскидывает, - вздохнул Рейнеке,

- Кому море, кому словесность, а иным и острог! Вскоре главный командир архангельского порта вице-адмирал Миницкий вызвал к себе Лазарева и командира второго достраивавшегося корабля капитана 2 ранга Иосифа Свинкина.

- Его императорское величество милостиво соизволил дать наименование вашим кораблям. - Торжественно объявил он. - Отныне корабль, где капитанствует Михаил Петрович, следует именовать "Азовом", а тот, где Иосиф Иваныч "Иезекиилем". Объявите о том командам и примите мои поздравления!

В тот день обе команды от работ были освобождены. Матросам Миницкий от порта выкатил несколько бочек вина, а офицеры обеих "новопоименованных" кораблей прочно засели в местной ресторации. До глубокой ночи оттуда доносились возбужденные голоса:

- Офицеры "Иезекииля" презентуют азовскому столу ящик шампанского!
- "Азовцы" отвечают собраться с "Иезекииля" двумя! В марте оба корабля были освещены и спущены на воду, довооружены и сделали по несколько пробных выходов в море. Пополнились и команды. Еще одна партия офицеров прибыла из Кронштадта, а матросами укомплектовались из здешнего экипажа.

Затем, когда оба командира доложили главному командиру порта о готовности к плаванию, Меницкий зачитал им приказ Моллера об образовании особого отдельного отряда кораблей, переходящих из Архангельска в Кронштадт, В отряд помимо "Азова" и "Иезекииля" вошел и 24-пушечный шлюп "Спокойный", доставивший прошлым летом в Архангельск артиллерийские стволы для строящихся кораблей. Начальником отряда был определен Лазарева.

Когда командиры вышли из конторы командира порта, седой Свинкин, помнивший еще далекие и славные екатерининские времена, с сожалением сказал:

- Ну, вот вы, Михаил Петрович, и обходите нас стариков! Неловко почувствовавший себя Лазарев, лишь развел руками:

- Не от меня то зависит, Иосиф Иванович, а что назначили меня, там им на паркетах виднее кого из нас куда распихивать! - Да, нет, - усмехнулся сквозь редкие усы Свинкин. - Я на вас не в обиде, а на переходе за меня не волнуйтесь - старый конь борозды не портит!

Перед выходом в море простились и Нахимов с Рейнеке. - Искренне завидую тебе, Павлуша! Большому кораблю большое плавание! - обнял друга Рейнеке. - Твое дело, Миша тоже не из последних. Я ж твердо обещаю тебе, что, обо всех событиях моей жизни и службы непременно буду тебя извещать!

5 августа 1826 года 74-пушечные корабли "Азов" и "Иезекииль" в сопровождении 24-пушечного шлюпа "Спокойный" вышли на бар, а затем, вступив под паруса, взяли курс на неблизкий Кронштадт.

Частые штили и тихие переменные ветра почти на две недели задержали отряд в Белом море, затем начались шторма. В целом плавание, однако, прошло без особых происшествий, если не считать, что "Иезекииль" потерял в шторм шлюпку и трех человек, а на "Азове" при свежем ветре переломилась грот-марса-рея.

Первые дни команды питались припасенным свежим мясом и зеленью, затем как всегда с сожалением перешли на солонину и кислую капусту. В доставке было и столь любезной матросскому сердцу сушеной трески.

Много занимались различными доделками. Соблюдая осторожность, "обкуривали" огнем трюм, выгоняя сырость еще мокрого дерева. Играли ученья парусные и артиллерийские, кладя в стволы пороху четвертую долю против ядра.

Из письма П.С. Нахимова М.Ф. Рейнеке. "...Кампания наша началась довольно неприятно; мы вытерпели на море жесткий шторм от NW, так что нижние реи были спущены... Под парусами ничего не случилось

примечательного, кроме того, что мы потеряли грот-марса-рей и презабавно - в бомбрамсельный ветер, без волнения, днем; никто не знает истинной причины... Выхожу я с седьмого до первого на вахту сменить Шемана, спрашиваю, что сдачи. Он говорит, что шлюп отстаёт и он, по приказанию капитана, взял, первый риф. Марса-фал был не очень туго поднят, я спрашиваю: больше ничего? В это время сломился грот-марса-рей, "а вот вам ещё сдача!" - отвечает он. Но это послужило в пользу нашей дурной команде. Ветер вдруг начал свежеть и скоро вогнал во все рифы, так что развело порядочное волнение. Однако ж мы довольно скоро исправили свое повреждение. В Шкагераке прихватил нас крепкий NW, мы зашли в Винго, и я оттуда успел съездить в Готеборг; поступил там не хуже, чем в Лондоне, то есть, - издержал много денег. Не знаю, жалеть ли об них? Мне кажется, каждый морской офицер обязан поступать таким образом. Пробывши долгое время в море в беспрестанной деятельности, можно ли, ступивши на берег, отказать себе в чем-нибудь, что доставляет удовольствие? В Копенгагене за противным ветром простояли три дня. В Кронштадт пришли 19 сентября... Вообще кампания наша кончилась очень приятно, не было никаких неудовольствий, и офицеры между собой были очень согласны. Надо послушать, любезный Миша, как все относятся об капитане, как все его любят! Право, такого капитана русский флот не имел, и ты на будущий год без всяких отговорок изволь переходить к нам в экипаж, и тогда с удовольствием моим ничто не в состоянии будет сравниться! Прощай".

Первым по прибытии "Азова" в Кронштадт побывал на нем командующий эскадрой адмирал Кроун, въедливый и дотошный старик. Корабль ему понравился, и адмирал на прощанье пожал руку Лазареву:

- "Азов" ваш отличается примерной опрятностью и обращает внимание своею чистотой. Об этом я буду докладывать начальству!

Затем после череды мелких проверок "Азову" устроили депутатский смотр - высшую и самую строгую проверку в российском флоте. На палубу линейного корабля прибыл весь цвет тогдашнего адмиралитета: вице-адмирал Пустошкин - герой Очакова и Анапы, контр-адмирал Сорокин - боевой соратник знаменитого Ушакова, прошедший с ним все черноморские и средиземноморские бои, генерал-интендант Головнин - знаменитый российский мореплаватель и прочие не менее в своем деле сведущие. Целый день продолжался вымотавший всех и проверяющих и проверяемых смотр, пока вице-адмирал Семен Пустошкин, наконец, не объявил:

- Капитан, команда, да и сам корабль хороши, а нововведения на "Азове" придуманные, отмечаю особо, и полагал бы полезным на всем флоте использовать!

И уж в довершение всего посмотреть новые пополнение своего флота приехал сам император Николай Первый. И ему "Азов" с "Иезекиилем" тоже пришелся по душе.

Лишь к ноябрю высокие начальники оставили прибывшие корабли в покое и команды смогли свободно вздохнуть. И "Азов" и "Иезекииль" бы ли определены в состав бригады 74-пушечных линейных кораблей под

командой контр-адмирала Логина Гейдена. Впереди была очередная морская кампания.

В ходе нее предполагалось продемонстрировать средиземноморским державам Андреевский флаг.

- Чтобы, ежели, кто забыл, то вспомнил, а ежели кто и не забыл, то чтобы помнил и далее! - решил молодой император и велел звать к себе знаменитого кругосветчика и открывателя Антарктиды Фаддея Беллинсгаузена.

Когда капитан-командор прибыл, то ему было велено готовить к Средиземноморскому плаванью фрегаты "Константин" и "Елена". Команды же укомплектовать офицерами и матросами гвардейского экипажа.

- Пусть проветрятся, а то у них от безделья одни революции на уме! - резюмировал Николай Первый.

Но вначале на фрегаты была возложена секретная и чрезвычайно важная миссия. Они должны были доставить английским банкирам 174 пуда (почти три тонны!) русского золота. Справившись с этой задачей, фрегаты вернулись в Кронштадт. Затем фрегат "Константин" был заменен на почти одноименный линейный корабль "Царь Константин" и отряд убыл в Средиземноморье. Плавание Беллинсгаузена ничем примечательным отмечено не было. Вдоволь поштормовав зимой в Средиземном море, суда посетили Сардинию и Тулон. Там Беллинсгаузен некоторое время ждал решения своей судьбы: ждать на месте возможного прибытия эскадры для оказания помощи грекам или следовать домой. В Петербурге мнения разделились. Адмирал Сенявин ратовал за то, чтобы суда оставить в Средиземном море, вице-адмирал Моллер за то чтобы вернуть.

Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен

- Команды судов за время непрерывного пребывания в море приобретут опыт ни с чем несравнимый, изучат театр, кроме этого наличие боевого отряда в

столь важном для нас месте позволит действовать более смело в вопросах политических! - говорил Сенявин.

- Покупка продовольствия и неизбежные ремонтные работы будут стоить большой валюты! - аргументировал Моллер.

- Если мы хотим иметь боеспособный флот, то на плаваниях экономить нельзя иначе это будет лишь груда дров! - возражал Сенявин.

Николай Первый внимательно выслушал обеих, сердечно поблагодарил за государственную заботу Сенявина, но принял сторону Моллера. В Тулон была отправлена бумага: идти в Кронштадт!

Сами моряки были, впрочем, этим плаванием вполне довольны.

- Хоть поразвеелись немного! - говорили они промеж себя. - Не все же время в "маркизовой луже" шляться! Дай Бог, чтобы за этим плаванием и иные были!

ГЛАВА ВТОРАЯ ВОССТАНЬ, О, ГРЕЦИЯ, ВОССТАНЬ!

В последних числах марта 1826 года император Николай Первый принимал в Зимнем дворце поздравления по случаю своего восшествия на престол от британского представителя герцога Веллингтона.

Событие это обратило на себя внимание всей Европы. Ведь на подобных встречах зачастую делаются важные политические заявления, объявляются целые поэтические программы. Что-то скажет теперь новый всероссийский самодержец? Насколько отныне будет угрожать европейскому спокойствию новое обострение русско-турецкий отношений?

Наиважнейшим же в ту пору был для всех вопрос греческий, а потому европейские дворы пребывали в особом ожидании речи Николая Первого.

Вот уже несколько лет, как на Балканах шла ожесточенная борьба. Греки пытались, не считаясь с жертвами, сбросить с себя ярмо турецкого ига, воины султана карали за свободолюбие кроваво...

В Англии в ту пору царствовал король Георг Четвертый – самый мерзкий из династии Ганноверов. Ни один из королей Англии за всю ее историю не был столь непопулярен в стране. Кутежи и сожителство с сомнительными особами, тайные браки и скандальные разводы, и самое разгульное пьянство. Увы, выбирать англичанам было особенно не из кого. Два младших брата Георга были во всем под стать старшему.

Георг IV

В 1811 году после помешательства короля Георга Третьего его сын Георг был назначен регентом, а в 1820 после смерти отца взошел на престол. Современники отмечали, что королем Георг Четвертый стал уже на исходе своих физических и психических сил, имея расшатанное пьянством здоровье и безнадежно загубленную репутацию. Первое что сделал, одевши корону, Генрих Четвертый был развод с женой. После этого в Виндзоре последовали новые пьянки и скандальные похождения. В перерывах между ними король пытался заниматься политикой.

На российскую миссию Веллингтона Георг Четвертый возлагал большие надежды:

- Начинать новую политику, едва усевшись на трон, глупо! Вначале царю Николаю следует изучить старую!

Британскому монарху вторил лорд Каннинг, расчетливый и верткий, глава внешнеполитического кабинета:

- Царю Николаю незачем раскачивать европейские весы, которые с таким трудом остановил его старший брат на Венском конгрессе!

Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург цу Бейльштейн

С мнением Лондона, относительно возможных сюрпризов из Петербурга, соглашалась и Вена в лице своего канцлера. Взвесив все "за" и "против" Миттерних объявил:

- Войны со стороны России быть не может. Ведь у Николая вот-вот начнется очередная схватка с персами за Кавказ, зачем же искать себе еще одного врага!

Турки, однако, были настроены не столь благодушно. И министр двора Саид-эфенди твердил султану Махмуду неустанно:

- Новый русский царь всю свою жизнь был солдатом. Теперь, сев на трон, он захочет стать и героем. Война неизбежна и эта война будет с нами!

Император Николай встречал победителя Наполеона при Ватерлоо радушно. После обмена приветствиями и общих разговоров Веллингтон повернул беседу в нужное ему русло.

- Я сочувствую вам, ваше величество, что свое правление вы начали с усмирения гвардейского мятежа, - начал он издали, - Думается, сейчас самое главное для вас - установление порядка по всей империи!

- Порядок и законность - есть цель каждого монарха! - кивнул Николай, пока еще не понимая, куда клонит его гость.

- О, за Россию с таким государем как вы можно быть спокойным, - продолжал между тем, доверительно улыбаясь, Веллингтон, - Мое же правительство сейчас более всего волнуют распри турок с греками. Не кажется ли вам, что в данной ситуации уместно было бы поручить разрешение этого щекотливого дела британским политикам?

Николай Первый сразу помрачнел. Предложение герцога было ударом по его самолюбию. Конечно, он еще новичок на троне, но кто дал право тому заносчивому британцу столь беспардонно отстранять его от европейских дел, где Россия традиционно играла роль ведущую!

Герцог Веллингтон

- Я твердо решил вернуться к политике моей бабки Екатерины, - обратился император к Веллингтону ледяным голосом. - А она, как известно, мечтала с мечом в руках завоевать Константинополь! Я никогда не оставлю в беде наших единоверцев-греков и заставлю султана уважать как себя, так и подписанные моей державой договоры! Мой брат завещал мне крайне важные дела и самое важное из них - восточное. А потому я непременно должен положить конец этому делу!

- Но ведь турки не отказываются признавать подписанные между вами трактаты? – возразил, было, "железный герцог".

- Но они их и не выполняют! - резонно заметил Николай. - Могу вам сказать откровенно, что если дело дойдет до чести моей короны, то не я сделаю первый шаг к отступлению!

Посланник британского короля подавленно молчал, а император все продолжал добивать его своими откровениями:

- Турция, как неизлечимо больной человек и меня, поэтому, интересует сейчас не день его кончины, а то, как поступить с его наследством!

Веллингтон в замешательстве лишь развел руками:

- Ваше величество, вопрос о наследстве решался бы легко, будь в Турции два Константинополя: один - вам, другой - нам! К сожалению, Константинополь один. Что же касается Высокой Порты, то не забывайте, что она "умирает" уже несколько веков и до сих пор жива!

- Тогда ее следует побыстрее добить, дав свободу угнетенным христианам! - встал с кресла Николай, давая тем самым понять, что аудиенция окончена.

Было совершенно очевидно, что британская миссия в Петербурге терпит полный крах. Веллингтону было предложено подписать Петербургский протокол о примирении греков и турок, суть которого заключалась в признании Греции автономным государством, но с уплатой ежегодной дани султану. Веллингтон запросил время посоветоваться с Лондоном. Николай, понимая, что англичанам деваться некуда, не торопил:

- Дело важное советуйтесь!

Как показало время, в этой партии император Николай переиграл герцога Веллингтона. Россия все больше и больше втягивала Англию в решение греческого вопроса, от которого последняя открещивалась, как только могла.

Следом за англичанами отправились "прощупать" Николая в балканском вопросе и австрийцы. Российский император, однако, ответил на все попытки эрцгерцога Фердинанда Эсте, коснуться этой темы, молчанием. Австрийцы тоже ушли ни с чем.

Говорят, английский король Георг Четвертый, получив письмо Веллингтона, воскликнул в сердцах:

- Русский царь задирист и упрям, хлопот с ним все будет много! Пусть Каннинг взвесит все "за и "против" предлагаемого протокола. Сейчас нам главное выждать время!

Австрийский канцлер Миттерних, узнав о ходе переговоров в Петербурге, был огорчен не менее короля английского:

- Русский император не может навести порядок среди собственных офицеров, а уже тщится решать судьбы Европы! Какая глупость и какое тщеславие! Он даже не понимает, что балканский вопрос будет решаться не в Петербурге или Лондоне, а в Вене!

Послу России в Вене графу Дмитрию Татищеву он кричал, брызгая слюной:

- Священный континентальный союз, на котором покоилась тишина, и благоденствие Европы, отныне перестал существовать! И все это по вине Петербурга!

Понять неистовство Миттерниха было можно. В активизации русской внешней политики австрийский канцлер зорко усмотрел смертельную опасность для Австрийской империи.

Балканский клубок наматывал на себя одну интригу за другой. Политический барометр указывал приближение бури.

Вот уже пять лет в ущельях Пелопоннеса и Аттики гремели выстрелы, потоками лилась невинная кровь. Еще весной 1821 года, когда по всей Греции зацвели оливковые сады, земля древней Эллады поднялась против турок. Отчаянно сражались греки с турками и на море. Флотилия отчаянных корсаров с островов Идра, Специя и Псара под началом Якова Томбазиса и Андрея Миаулиса дерзко подстерегла десантную флотилию Халил-бея,

доставлявший янычар в Грецию. Несмотря на малые силы и противный ветер, греки отважно вступили в бой, атаковали и наголову разгромили турок. Остатки неприятельского флота бежали, но видимо, бог в тот день был все же на стороне греков, и остатки флота поглотил внезапно налетевший шторм. Лишь несколько избитых судов добрались тогда до спасительной Александрии. А вскоре новая удача: дерзкой атакой брандера был взорван двухпалубный турецкий фрегат, опрометчиво зашедший в Патрасский залив пополнить запасы воды. Это был уже вызов. В ответ в Константинополе и других городах Турции начались погромы христиан. Греков, армян и славян вырезали тысячами. С особой жестокостью убивали православных священников. В Константинополе озверевшей толпой был растерзан Вселенский патриарх. Его обезглавленное тело, спустя несколько дней, обнаружили в море греческие рыбаки и отвезли в Одессу, где мученик за веру и был похоронен при огромном стечении народа.

Чтобы задушить восстание, султан бросил к побережью Греции свой линейный флот. Битва за Эгейское море только начиналась.

К концу первого года борьбы отважные инсургенты освободили от захватчиков почти всю страну. Впервые за много веков греки стали хозяевами своей земли.

В январе следующего 1822 года национальное собрание официально провозгласило независимость страны и приняло конституцию.

В Константинополе, однако, мирится с потерей столь обширного и богатого пашалыка не желали. Но собственных сил для подавления столь обширного мятежа султан Махмуд Второй тоже не имел. Янычары, бывшие на протяжении столетий надеждой и опорой Османов, ныне воевать не желали. Большинство из них давно обзавелись всевозможными лавками, удачно торговали и богатели, а потому умирать за величие Порты им никакого резона не было. Зачем утруждать себя ненужными опасностями, когда можно ограбить собственных единоверцев, отбирая все, что приглянулось. Они бесчинствовали на базарах и улицах, горланили, требуя от султана своей любимой бараньей похлебки.

- Эти ненасытные еничери ныне больше страшны для меня, чем для врагов Блистательной Порты! – говорил Махмуд в узком кругу преданных вельмож, и в словах его была горькая правда.

Махмуд еще слишком хорошо помнил, как разъяренные янычары в один день сбросили с трона его дядю султана Селима. Тоже самое они могли в любой момент проделать и с ним самим.

Султан Махмуд II

- Положение мое хуже самого ужасного! – печалился султан Махмуд. – У меня нет войска, чтобы удержать в повиновении восставшие пашалыки! У моих ног вся вселенная, но я бессильный заложник в руках обстоятельств!

И тогда Махмуд обратился за помощью к своему могущественному вассалу - египетскому паше Мухаммеду-Али, властителю умному и беспощадному. В награду за покорение Греции обещаны были ему Сирия и Крит. Мухаммед уже давно (и это не было ни для кого секретом) мечтал отложиться от Высокой Порты и стать египетским падишахом. Унижаясь перед своим всесильным вассалом, Махмуд понимал, что отныне тот будет говорить с ним уже на равных. Это таило неисчислимые беды в будущем. Но иного выхода у султана все равно не было...

Тем временем по всему Эгейскому морю гремели бои. Возглавивший объединенный корсарский флот Андрей Миаулис разбил эскадру капудан-паши Хозрева на рейде острова Псара, прогнал турок от острова Самос и пожег египетские суда у Самоса и Кандии.

/ Миаулис Андрей Вокос (1772-1835 гг.) с детских лет плавал простым матросом на торговых судах, быстро разбогател. С началом восстания вооружил на острове Идра собственное судно и воевал в составе идриотской флотилии наварха Томбазиса. Позднее сам возглавил эту флотилию. Одержал ряд побед над турками. После установления греческой независимости, командовал эскадрой регулярного флота. Активно участвовал на стороне оппозиции в гражданской войне. Впоследствии был прощен и руководил восстановлением греческих ВМС. /

Султан был разъярен. Он сослал в ссылку неудачника Хозрева и призвал к себе более удачливого тунисского разбойника Кары-Али.

- Жалую тебя капудан-пашой, шубой и гаремом! - объявил султан. - Но наведи порядок в Эгейских водах!

- Я исполню твое повеление, о, великий из великих! - обещал новый капудан-паша. - Клянусь тебе, сосредоточие силы и мудрости, что я вычищу море или погибну за твою славу!

Самосское сражение 5 (17) августа 1824 года.

- Я верю, что ты сдержишь свое слово! - кивнул султан белоснежным тюрбаном. - Ступай и да пребудет с тобой милость Аллаха!

В наверхье султанского тюрбана хищно сверкнул огромный солитер.

- Пленных не брать, резать головы всем! - велел Кары-Али своим капитанам, посылая их на поиски корсаров.

Но последние были неуловимы. При этом корсары не столько скрывались от турецкого линейного флота, сколько нападали на него!

Бессмертный подвиг совершил уроженец острова Псары Константин Канарис. Храбрец темной ночью подкрался на брандере к стоящему на якоре в Хиосском проливе 84-пушечному флагману капудан-паши и подпалил его. Турки пытались потушить свой линкор, да куда там! От взрыва корабль взлетел на воздух, а вместе с ним и более двух тысяч турок, включая самого Кары-Али. Данное султану слово капудан-паша сдержал...

Уничтожение Канарисом турецкого флагмана

/Канарис Константин (1792-1877 гг.) - национальный герой Греции. Уроженец острова Псары. Участник и победитель ряда морских сражений. После провозглашения независимости Греции являлся министром морского флота в 1843 - 1844 гг. и 1854 г., глава правительства в 1864 - 1865 гг. и 1877 г. /

Константин Канарис

На сухопутье дела, однако, складывались совсем иначе. Жарким летом 1824 года египетские дивизии старшего сына Мухаммеда Ибрагима сошли с кораблей на греческую землю. Первым пал порт и крепость Наварино, ставший отныне опорной базой египетской армии.

Миаулис с Канарисом сожгли у Модона брандерами два десятка египетских транспортов, но удержать Наварин так и не смогли и вынуждены были отойти к Патрасскому заливу, где, и вели тяжелые морские бои.

Осада Наварино (1825)

А двадцатитысячная египетская армия уже готовилась к карательному маршу по греческой земле. Арабам было объявлено: "Все что возьмете - все ваше!"
- Тогда мы возьмем все! - ответили те.

При этом все бумаги "египтяне" писали только на французском. Полки и дивизии каирского правителя вели ветераны Ваграма и Аустерлица. Уставшие от долгого безделья и безденежья, они предложившие себя каирскому паше в качестве инструкторов. Все пушки и артиллерийские парки тоже были из арсеналов Тулона.

Разрозненным отрядам повстанцев устоять против такой мощи было невозможно. Терпя одно поражение за другим, они откатывались все дальше и дальше вглубь страны. Следом за ними по пятам шла мамелюкская конница неумолимая и беспощадная.

Очевидец так описывает, увиденное им в ту пору: "Ибрагим-паша... прошел по Морее, предав ее огню, проливая потоки крови. Он жег и разрушал города и села. Вырезал обитателей, превращал женщин и детей в рабов..."

Пытаясь найти заступничество у англичан, греки отправили в Лондон своих посланцев. Принимал их в своей резиденции лорд Каннинг - глава иностранного ведомства. Когда-то лорд баловался стихами и любил при случае обратиться к образам героев древней Эллады.

Осада Триполицы

Теперь же выслушав послов Луриотиса и Орландоса, Каннинг лишь заметил им желчно:

- Ссориться из-за вас с Константинополем я не буду!

- Но что же нам тогда делать? - был к нему вопрос отчаяния.

- Кайтесь перед султаном! - отвечал им любитель героических од.
- Мы лучше умрем, но на колени не встанем! - заявили просители, уходя.
Миссия в Лондон завершилась ничем. А положение греков меж тем ухудшалось с каждым днем. Из своей государственной казны они уже выгребли последние крохи - шестьдесят пиастров. На них купили несколько мешков пороха, а саму казну прикрыли за ненадобностью. Турки продолжали наступать вовсю. Город за городом, область за областью предавали они огню, загоня инсургентов все дальше в горы. Положение усугублялось враждой землевладельческого и судовладельческого кланов, соперничеством "полевых капитанов" и разворовыванием средств. Вскоре пал один из главных оплотов инсургентов - остров Псара, затем крепости Триполица и Каламата.

В апреле 1826 года после одиннадцатимесячной героической защиты пала крепость Миссолунги. Население ее вырезали полностью... Совсем недавно стало известно, что среди героических защитников Миссолунги были и русские добровольцы. Все они пали в той неравной борьбе. Увы, но мы почти ничего не знаем о них. Дошли только их имена Иван, Василий и еще один Иван. Кто они были, эти безвестные борцы за освобождение братской Греции? Этого мы, наверное, уже никогда не узнаем. Да и так ли это уже важно сейчас? Важнее иное, русский народ был рядом со своими греческими братьями в этой очистительной битве. Миссолунги пали, но величие их подвига осознала вся Греция, и пламя народной войны вспыхнуло еще ярче. Усилили натиск и египетские каратели. Вскоре ими были взяты и Афины. Горстка повстанцев укрылась на вершине Акрополя и отбивалась там почти год!

Ибрагим-паша

Вернувшись после покорения Афин в Морею, Ибрагим-паша утвердился на полуострове, заняв все города и селенья. К концу 1826 года греки

продолжали сопротивление только в нескольких горных районах на юге и востоке Мореи, где держались остатки регулярной греческой армии, да на островах Киклад. В горах было много мелких отрядов повстанцев-клефтов. Вождь клефтов суровый и длинноусый Федор Колокотрони в красной скуфейке набекрень, ободрял воинов:

- Мы еще возвратим дни былых побед, и наши длинные ружья будут, как и прежде, греметь в ущельях Пелопонесса!

Повстанцы-клефты сражались отчаянно, но они были бессильны против огромной вымуштрованной армии Ибрагим-паши. Греческое правительство перебралось на маленький остров Эгина, а самые непримиримые укрепились на острове Гидре, куда египтяне даже и не помышляли сунуться.

Именно тогда греческий народ обратился свои мольбы к великой и единой России. Но официальный Петербург оказался глух к этим мольбам. Император Александр Первый, создав своими руками Священный союз монархов, никак не мог поддержать свергнувших "законную" власть султана. Петербург объявил дружественный нейтралитет... Остальные столицы не удостоили Грецию и этим.

Священный союз:

Австрийская империя

Пруссия

Российская империя

Дальше, однако, произошло то, о чем никто не мог даже предположить! Пусть зверства пресытившихся от крови карателей оставляли равнодушными монархов и министров, но они не оставили равнодушными людей честных! Движение в пользу Греции, получившее название филэлинского, было стихийным и всеобщим. Повсюду собирались деньги в пользу повстанцев, закупалось оружие, отправлялись добровольцы.

В Париже местный прогреческий комитет для удобства сбора средств поделил город на участки, а дамы высшего света обходили дома, собирая ценности и деньги. В палате депутатов кипели настоящие страсти. Там яростный Бенжамен Констан требовал смертной казни соотечественникам, служившим под знаменами Ибрагима. Констан горячо поддержали Шатобриан, Ларошфуко и Лафайет.

Среди германских государств первенствовала в греческих симпатиях Бавария. Баварский король Людвик Первый во всеуслышание объявил, что

он сам является первым филэллином своей страны. Прижимистые немцы на этот раз гульденами не скупилась.

Людвиг I Баварский

- Кто бы мог подумать, что в баварском короле столько благородства! - восхищалась Людовиком европейская общественность. - Какое бескорыстие! Какое величие души!

Сам Людовик Первый, тем временем, таскал за уши младшего сына Оттона:

- Ты сегодня опять не учил греческую грамматику! За это останешься без сладкого, и завтра будешь заниматься вдвое больше!

- Но почему, мой фаттер! - плакал тот, горящие уши от отцовской длани прикрывая. - Неужели для того, чтобы править добрыми баварцами мне не хватит немецкой грамматики?

Отто , первый король Греции

- Ты должен быть готов к большому повороту в судьбе! - поучал его мудрый папа Людовик. - Не сегодня-завтра греки станут свободными и тогда им, конечно же, понадобится король, а где им его взять? Тогда-то вспомнят и о

нас, ведь мы первейшие филэллы в Европе! А потому ты должен быть готовым, чтобы встать Оттоном Первым Греческим!

- О, я буду строгим королем, мой фаттер, и наведу у этих греков настоящий немецкий порядок! - закивал молодой Оттон, отправляясь учить несносную кириллицу.

Пройдут годы, и хитрый Людовик Баварский претворит в жизнь сокровенную мечту, навязав грекам своего отпрыска. Но пока до этого еще далеко...

В моду тем временем возвращались греческие мотивы, как в дамском платье, так и в искусстве.

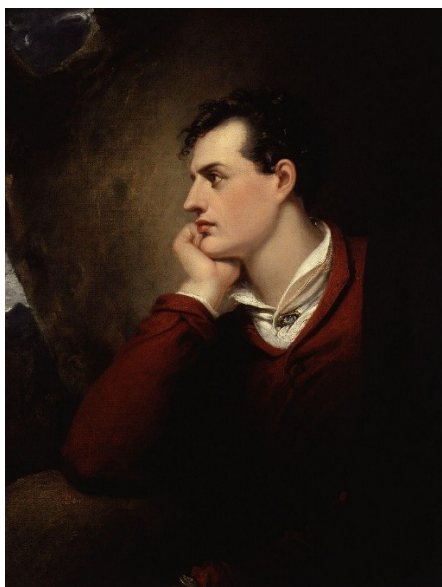
Модницы разом облачились в свободные "хитоны", в театрах на "ура" шли пьесы о древних героях, а с живописуемых картин смотрели на ценителей широкогрудые Гераклы и изящные Афродиты. Великий Шатобриан посвящал грекам свои книги. В салонах опять зазвучал всеми забытый Гомер. Все желали Греции добра, и все искренне верили в чудо, в ее освобождение. Но от пожеланий и слов до конкретных дел путь бывает порой весьма неблизок.

... Еще весной в пропахшем треской и пивом лондонской трактире "Корона и якорь" образовался британский греческий комитет. В него вошли лучшие и честнейшие.

- Мы всегда будем восхищаться величием нации, пробудившейся к свету! - провозгласил глава собрания герцог Глостер.

- Много сочувствия, но мало результатов! - мрачно констатировал Дэвид Рикардо.

Присутствовавший поэт Байрон молчал, сосредоточенно щелкая курками только что купленных пистолетов.

Байрон на картине Ричарда Весталла (1813)

Из воспоминаний знакомой поэта Маргерит Блессингтон: «Байрон уверен – из Греции ему не вернуться. Ему много раз снилось, как там подстерегает его смерть, и предчувствие, что так и произойдет, не покидает его.

- Зачем же вы едете? – спросила я.

- Как раз затем, чтобы отдаться велениям неотвратимой судьбы и обрести вечный покой в земле, священной для меня по юношеским воспоминаниям, и тем мечтам о счастье, которые не сбылись. Пусть так! Простая могила в Греции, простой надгробный камень мне желанней, чем мраморная плита в Вестминстерском аббатстве; честь, которой мне, вероятно, не отказали бы, случись мне окончить свои дни в Англии. Мои соотечественники – о, эти благородные души! – сделали все, чтобы воспрепятствовать мне жить в стране отцов, однако они не стали бы возражать против того, чтобы мой прах покоился там, где лежат останки наших поэтов».

Через несколько месяцев он встретит смерть среди отважных защитников Миссолунги...

Иногда в Лондоне раздавались голоса в защиту Греции и с трибун высоких. Глава палаты общин Хатчинсон не раз заявлял во всеуслышание:

- Правительство делает все возможное для истребления несчастных греков. Такое поведение вызывает презрение у живущих ныне и будет проклято потомками!

Но аплодировали храброму Хотчинсону в общем-то жидко. Возмутителю спокойствия на британском Олимпе апеллировал лорд Каннинг.

- Я не желаю обращать внимания на эти сопли! – ухмыляясь, заявлял он. - В политике существует только выгода, а остальное лишь демагогия для простаков!

Официальный Лондон отрещивался от греков до тех пор, пока там не прознали, что взоры инсургентов обратились к России. Теперь в Уайт-холле заволновались не на шутку.

- Пока мы взвешиваем все "за" и "против", русские уже готовятся к новому броску на юг. Их флот готовится войти в Средиземное море, а казаки клялись доскакать до Ганга!

Образ бородатых казаков во все времена внушал ужас британскому обывателю. Русский фактор неумолимо вторгался в греческую проблему и чем дальше, тем больше... В те дни всеобщего британского смятения австрийский посланник Эстерхази шифрованно депешировал в Вену: "Публика здесь... не желает, чтобы свобода Греции была достигнута за счет русского преобладания на Средиземном море".

Джордж Каннинг подумал и объявил о признании греков воюющей стороной.

- Почему вы идете на уступки? - накинулись на него тори.

- Никаких уступок джентльмены! - заверил их министр иностранных дел. - Этой ничего не значащей бумагой мы оставляем за собой место покровителя Греции, которое нам пригодится при любом дальнейшем раскладе сил, кроме этого действия греческих корсаров стали наносить вред нашей торговли. Отныне они не только не будут грабить наши суда, а наоборот,

станут их защищать! В остальном же наша политика по Греции останется пока прежней!

- А наш Джордж вовсе не глуп! - обменивались представители тори, покидая министра. - И оппозиции кусок сунул и нас не огорчил!

Джордж Каннинг

Ну, а что же Россия неофициальная, как она отнеслась к боли и трагедии братского народа? Наверное, нигде к страданиям греков не отнеслись так понимающе, как у нас. Да и как могло быть иначе! Ведь исстари Россию с Грецией связывала не симпатия, а любовь, не интриги, а взаимопомощь. И азбука была у нас одна - кириллица, и вера единая - греческая православная! Издавна, спасаясь от преследования, бежали на Русь к единоверцам греки, и каждому находилась там кров и стол. Не раз приходил к греческим берегам и российский флот, чтобы огнем своих пушек, облегчить жизнь единоверцам. Такое не забывается!

Помимо всего прочего Грецию с Россией связывали и самые тесные торговые узы. Закрытие с началом восстания турками проливов для русских и греческих судов сразу же сказалось на экономике южных губерний. Некуда стало вывозить хлеб, шерсть и кожи. Это вызвало ропот, одних и открытое возмущение других:

- Виданное ли дело притеснительства от басурманов терпеть неслыханные! Не это ли есть позор флагу и чести российской! Неужто перевелись у нас Суворовы и Кутузовы, чтобы навести должный порядок в Царьграде!

Современники тех дней пишут, что в кабаках, в ту пору зашедших греков, запаивали в усмерть, денег притом не требуя.

- Пейте, сердешные! - слезились кабатчики, щеку ладонью подпирая. - И так сколько вы от поганцев басурманских понатерпелися!

Прогречески была настроена не только вся православная церковь, но и весь российский генералитет. Все чаще и чаще теперь раскатывались в тиши штабных кабинетов балканские карты.

- Здесь обычным войскам делать нечего! - делились мнением меж собой генералы да полковники. - Нужны полки горные, наподобие кавказских!
- Как же идти-то в эту Грецию? - вопрошали те, что был поосторожней.
- Походом через княжества дунайские или десантом флотским через проливы черноморские напролом! - отвечали те, кто был решительнее.
Командующим освободительной армией видели одного человека - героя двенадцатого года знаменитого Ермолова. Будущий декабрист Кондратий Рылеев писал о нем:

*Наперсник Марса и Паллады,
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов! Поспеши спасти сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!*

В те дни и великий Пушкин, мечтая умереть за свободу Греции, писал строки, не менее вдохновенные:

*Восстань, о, Греция, восстань!
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань Олимп
И Пинд, и Фермопилы...*

Заявление императора Николая Первого о скором его вмешательстве в балканские дела вызвало незамедлительную реакцию по всей Европе и особенно на британских островах. Там взволновались не на шутку! Ведь Россия в лице своего императора уведомила всех о новом самостоятельном политическом курсе, и трудно теперь было точно сказать, куда повернет ее "политический корабль".

В Лондоне совещались лихорадочно, надо было что-то срочно предпринимать, но что конкретно не знал никто.

Первым изложил свой подход к "русской проблеме в балканских делах" министр иностранных дел граф Гровенор:

- Россия настроена решительно и будет добиваться независимости Греции. Оставшись в стороне, мы сами отдаем Петербургу судьбы всего Средиземноморья!

Министра поддержали лорды Эрскин (из вигов) и Абердин (из тори):

- Если поторопимся, то еще успеем выхватить Грецию из русских зубов!

- Что же делать? - вопрошали члены палаты лордов в тягостных раздумьях.

- Выход один! - объявил им, вошедший на трибуну, лорд Каннинг. - Надо подать России руку и быть рядом с ней в греческих делах. Конечно, это смена политики, но это сегодня единственно реальная политика!

Единодушие британских политиков было полным. Единственно, что немного смущало, так это давняя любовь к своему турецкому "другу". Ведь Стамбул издавна был не только бездонным рынком британских товаров, но и верным стражем черноморских проливов и все же выбор был сделан!

4 апреля 1826 года российский канцлер Карл Нессельроде подписал в Петербурге с герцогом Веллингтоном тайную декларацию по греческим делам. В ней обе стороны заявляли, что позволяют друг другу вмешиваться в балканские дела и готовы предостеречь султана от дальнейшего пролития крови. В конце декларации граф с герцогом оставили свободное место на тот случай, если Франция решит примкнуть к союзу "двух", то ее пожелания тоже будут внесены в протокол.

Подмахнув пером бумагу и скрепив ее королевской печатью, Веллингтон, повздыхав, внезапно заявил:

- Я надеюсь, граф, что ни о каком военном вмешательстве здесь вопрос не стоит, только чистая дипломатия!

Карл Нессельроде

Нессельроде согласно закивал:

- Разумеется, но дипломатия во имя пресечения кровопролития!

Когда же довольный собой герцог, обменивался с канцлером прощальным рукопожатием, Нессельроде угостил его заранее подготовленным монологом:

- Мы будем неукоснительно следовать подписанным протоколам лишь касаясь Греции. Что же до наших личных претензий к Турции, то здесь Россия будет поступать независимо от британской позиции!

Почти одновременно российское правительство потребовало от Стамбула обсуждения спорных вопросов, прежде всего, относительно возобновления русского торгового судоходства в проливах фактически прерванного с началом восстания.

Столицу Российской империи "железный герцог" покидал в настроении самом сумрачном...

- Веллингтон потерпел свое Ватерлоо! - говорили в те дни остряки и были недалеки от истины.

Россия круто меняла свой внешний политический курс. И этот новый курс был направлен на освобождении Греции.

Весна 1826 года пришла в столицу Высокой Порты рано. Уже давно отцвел душистый миндаль, а воды Босфора были на редкость теплы и спокойны. Над крышами домов кружили стремительные ласточки, а на базарах было не протолкнуться от снующего туда-сюда люда.

За крепкими запорами «Порога Счастья» (именно так возвышенно именовался дворец султана) вот уже несколько дней Махмуд Второй совещался с ближайшими вельможами.

- Положение дел в Греции, положение в Европе и рост могущества Мухаммеда-Али египетского заставляют нас думать об усилении военной мощи! – говорил Махмуд. – нервно перебирая сапфировые четки. – Нам нужно сильное войско, организованное по образцу франков! Иного пути просто нет! Только так мы сможем вернуть утраченное могущество! Забранные от сохи крестьяне не могут на равных драться с опытными солдатами гяуров! Они могут лишь храбро умирать, но, увы, не побеждать!

Мысль о создании регулярной армии европейского типа не первому пришла в голову султану Махмуду. Об этом в свое время мечтал еще его дядя султан Селим Третий, начавший создавать войско нового вида «низам-джедид». Но тогда с султаном быстро расправились взбунтовавшие янычары, усмотревшие в новых преобразованиях опасность для своих вековых привилегий. Поводом к янычарскому мятежу стал страшный голод, вызванный блокадой Константинополя эскадрой вице-адмирала Сенявина в 1807 году.

- Но еничери! Что скажут еничери?! – был невольный вскрик вельмож. - Ведь они снова взбунтуются и посадят на престол того, кого захотят!

- Я не намерен, как баран, ждать пока меня поведут на заклание! – передернул плечами Махмуд. – Мы их перебьем до того, как они поднимутся на нас!

- Но хватит ли у нас сил? – заволновался владыка Адрианополя Эссет-Мегмет-паша.

- Хватит! – качнул белоснежным тюрбаном Махмуд. – Я уже все продумал! Настало время покончить с проклятыми еничери раз и навсегда!

14 июня 1826 года янычарский ага-паша Гуссейн объявил своим подопечным, что скоро в столицу приедут египетские советники и станут учить янычар маршировать на пример гяуров.

- Не бывать тому! – зароптали собравшиеся на площади янычары. - Мы енычери, а не какие-то там презренные франки!

- В таком случае султан лишает вас баранины и оставляет лишь похлебку!

- Нам пустую похлебку! – загалдели янычары. – Султан хочет лишить нас древней привилегии, дарованной еще Сулейманом Великим! Гордыня помутила разум падишаха! Пришло время выносить на площадь котлы!

Вынос котлов – дело не шуточное! Вынос котлов – это начало мятежа! Узнав о намерении янычар, Махмуд послал крикунов, которые принялись кричать на площадях о милостях султана, если янычары разойдутся. Крикунов прогнали с позором. И началось! Толпы разъяренный янычар бросились к казармам выносить котлы, в которых они варили баранину. Одновременно началось избиение всех, кто попадался на пути, потом начался грабеж домов, Кто пытался оказать сопротивление, тут же рубили ятаганами! Люди разбегались в ужасе:

- Еничери несут свои котлы! О горе нам несчастным! Спасайтесь, кто может!

И вот огромные медные котлы вынесены на площадь Эйтмандана и перевернуты кверху дном у каменных ворот с вывеской «Здесь султан кормит своих янычар». Полуголые и потные котловары-ящичи тут же начали лупить в звонкие днища деревянными колотушками. Тут же, невесть откуда, появились дервиши-бекташи, и сразу же начали свой страшный танец. Орден бекташей издавна покровительствовал свирепым янычарам. Впадая в экстаз, «пляшущие дервиши» вертелись волчками все быстрее и быстрее, истошно выкрикивая воинственные сурны. Затем, все еще продолжая крутиться, бекташи начали рвать халаты и разбрасывать вокруг себя лоскутья. Янычары с благоговением хватали их и повязывали себе на голову. Теперь им был не страшен даже сам султан, ибо дервиши освятили их бунт!

Из записок французского посла: «Янычары срывали с себя мундиры и топтали их своими ногами, остальная же часть их одежд была уже изодрана в клочья, чтобы все видели их ярость. Разрушив дворец Порты, они разграбили его, расхитив все, что имело хоть малую цену, янычары истребили даже архивы, в которых искали уставы новых порядков...»

А мятеж все разрастался. По призыву бекташей к янычарам примкнули носильщики тяжестей – здоровенные мужланы, убивающие ударом кулака быка. За носильщиками прибежали пожарные. Эти начали с того, что подпалили несколько кварталов и принялись таскать себе из пожара все ценное. Беспорядки охватили теперь уже всю столицу.

Султан Махмуд немедленно покинул «Порог Счастья» и укрылся в мечети султана Ахмета. Разъяренных янычар мечеть бы тоже не остановила, но она позволяла выиграть некоторое время. А время в данной ситуации определяло все. С султаном были великий визир, главный духовник – шейх-уль-ислам, начальник артиллерии – топчу-баши Карижегенем-Ибрагим и насмерть перепуганный янычарский ага-паша Гуссейн. В качестве охраны египетские офицеры, которым султан сейчас доверял куда больше, чем своим.

- Настал решающий час, от которого зависит уже не моя жизнь и даже не судьба династии, но судьба всей Блистательной Порты! – вздохнул Махмуд,

выслушав очередного лазутчика о творимых янычарами безобразиях. – Выносите на улицу Санджак-шериф!

- Только не это! Помилосердствуй, о, великий падишах! – закричал, заламывая руки шейх-уль-ислам и пал ниц перед султаном.

Махмуд, не глядя, перешагнул через него:

- Седлайте моего скакуна, я выеду на улицы вместе с Санджак-шерифом!

Вынос Санджака-шерифа был событием из ряда вон выходящим. Предание гласило, что священное зеленое знамя ислама, сшито из халата самого пророка Мухаммеда. Последний раз Санджак-шериф выносили на улицу два поколения назад. По древнему закону каждый мусульманин должен беспрекословно повиноваться повелениям, сказанным под Санджак-шерифом. И вот теперь султан Махмуд решился снова явить его правоверным.

Расчет Махмуда был верен. За долгие века обыватели натерпелись от янычар столько, что ненавидели их, как только может ненавидеть человек своего самого лютого врага. Ныне Махмуд спровоцировал янычар на новый мятеж, от которого опять пострадал простой люд. Теперь, вынося из хранилища Санджак-шериф, султан мог призвать народ к полному истреблению ненавистных янычар.

Священное знамя, при чтении Алкорана, торжественно внесли в мечеть султана Ахмета. Толпы людей сбежались, чтобы коснуться складок халата самого пророка. Тысячи верующих в исступлении ползли на коленях к священному стягу. А с кафедры сам султан во весь голос проклинал проклятых отступников янычар и призывал расправиться с ними, не зная пощады.

- Убивайте еничери, иначе они убьют вас! – срывая голоса, кричали снующие в толпе крикуны.

Первыми откликнулись на этот призыв матросы капудан-паши, отчаянные головорезы-галионджи. У этих с янычарами имелись свои старые счеты. Прибежали садовники-бостанжи, которых в цветущем Константинополе было видимо-невидимо. Топчу-баши Каражегеном-Ибрагим призвал своих пушкарей, а те прикатили пушки.

- Заряжайте картечью! И торопитесь! Слышите, еничери уже идут сюда! – волновался султан.

Вдалеке слышался звон литавр и бой барабанов. То еничери шли свергать старого султана, чтобы посадить нового, того, кто бы соблюдал их старые обычаи и кормил жирной бараниной.

- Картечи нет и ядер тоже! – вздохнул топчу-баши. – Все давно разворовано!

- Что же делать? – в ужасе натянул поводья скакуну Махмуд Второй. – Они порвут нас на куски!

- Мы зарядим пушки ржавыми гвоздями! – ответил сообразительный начальник артиллерии. – И еничери проклянут день, когда родились на этот свет!

Подтащив пушки к площади Эйтмандана, топчу-баши самолично подпалил их фитили. Залп отдался громким эхом от стен близстоящих домов. На

площади поднялся истошный вой. Это значило, что ни один гвоздь не пропал даром. Янычары кинулись, было, бежать, но пушечные залпы настигали их, и спасения не было никому. Эйтмандан был завален трупами.

- Теперь надо вырезать всех, кто успел разбежаться! – велел султан.

И началось! От тихих Сладких Вод до шумной Галаты спасения не было никому. Янычар убивали тысячами. Вместе с ними лишали жизни пожарных и носильщиков тяжестей, пинками разгоняли пляшущих дервишей-бекташей. Улицы Константинополя были залиты кровью, и бродячие псы отъедались свежей человечинной. Янычар убивали везде: в домах и на улицах, в банях и даже в мечетях. Они пытались спрятаться в подвалах, в огородах и в колодцах. Но их отыскивали, а, отыскав, убивали на месте. Заодно с янычарами вырезали их жен и детей.

- Выкорчем проклятое семя с корнем! – кричали городские мясники, ловко орудуя своими страшными ножами.

Из воспоминаний очевидца: «Несколько дней на арбах и телегах вывозили мертвые тела янычар, которые были брошены в воду Босфора. Они плавали по волнам Мраморного моря, а поверхность вод так была покрыта ими, что трупы даже препятствовали плаванию кораблей...»

- Слава великому падишаху и потрясателю вселенной Махмуду – прекрасному убийце проклятых янычар, да продлит Аллах его счастливые годы на земле! – кричали толпы людей, пиная ногами изувеченные трупы своих недавних врагов.

Через два дня с янычарами в столице было покончено навсегда. Затем их начали резать в других городах Блистательной Порты, но убили далеко не всех. Не смотря на все усилия, несколько янычарских гарнизонов все же уцелели. Эти гарнизоны располагались на границе с Россией, а потому желающих служить там просто не было. Дунайские янычары чудом остались в живых. Придет совсем не много времени и Махмуд Второй об этом еще сильно пожалеет...

По странному совпадению выступление янычар произошло по времени почти одновременно с мятежом русской гвардии в Петербурге, вошедшей в историю, как восстание декабристов. Схожего в обоих случаях очень много. Даже разгоняли мятежников одинаково – пушками. Разумеется, причины обоих мятежей были совершенно разными. Однако совпадение по времени и характеру восстания достаточно знаковое.

Фридрих Вильгельм III

Едва с янычарами было покончено, султан Махмуд сразу же приступил к созданию новой регулярной армии. Египетские инструкторы, которые сами толком ничего не умели, его уже не устраивали. И султан обратился к прусскому королю Фридриху Вильгельму Третьему.

- О, да! – обрадовался Фридрих Вильгельм, в предвкушении турецкого золота. – Мы научим вас настоящей выправке и вымуштруем ваших феллахов так, что они будут маршировать не хуже потсдамских гренадер! Среди инструкторов, посланных в Турцию был и молодой, но уже весьма амбициозный капитан Гельмут фон Мольтке. Его кровавая слава еще далеко впереди...

Турция несколько отстала в развитии от остальной Европы, и теперь всеми силами стремилась ее догнать. Прусским инструкторам султан велел подготовить новую армию «низам-джедид» за два года.

- Через две весны я верну себе Грецию, усмирю Сербию и наведу порядок в Египте. Мое имя будет столь же грозным как имя Сулеймана Великолепного! Еще ничего не было решено. Все еще только начиналось.

Высказывая свои претензии Константинополю, Россия не шутила, но султан Махмуд Второй этого так не понял. Раздосадованный тем, что многие из возмутителей греческого восстания были в свое время возвращены в Петербурге, султан в припадке бешенства, ни с того ни с сего, порвал в клочья присланную из Петербурга бумагу.

- О, коварные, гяуры москов! - кричал он, стуча кулаками в шелковые подушки. - Я знаю, что разбойник Ипсилати был русским генералом, а негодяй Каподистрия ведал в России всеми делами европейскими!

Отныне по капризу Махмуда Босфор и Дарданеллы закрывались полностью. Если раньше удавалось провозить через проливы хоть часть товаров, то теперь и с этим было покончено. В Петербурге встревожились не на шутку. Турки уже начали конфисковывать товары. Склады Одессы и Херсона, Николаева и Таганрога были доверху забиты зерном и шерстью.

- Куды девать все, когда продать некуда! - хватались за голову купцы и тут же наставляли приказчиков. - Больше не брать!

- А нам что теперь делать прикажите! - кричали помещики, показывая на нескончаемые вереницы телег с зерном. - Жечь все это добро, что ли?

- А хоть и жгите! Все одно пропадет! Вывоза та нету, и не будет!

- Это от чего же? - срывались на плачь хозяева полей и усадеб.

- Да от того, что турка окаянный ворота босфорские закрыл накрепко!

- Где же наши Суворовы да Кутузовы, чтобы ворота те открыть, а турку наказать примерно! - раздавалось повсюду.

Все несли миллионные убытки. Возмущены были судовладельцы и помещики. Нечем было платить и работному люду. Зароптали крестьяне в деревнях и ремесленники на фабриках. В одно мгновение империя лишилась вывоза большей части хлеба – главной статьи экспорта. Теперь речь шла уже о безопасности самой России. Полицейское начальство доносило в тревоге:

- Брожение умов скоро достигнет точки кипения и тогда все выплеснется разом!

- Неужели возможен бунт? - тарасили глаза интеллигенты.

- Еще какой! - просвещали их. - Не просто бунт, а наш русский, самый беспощадный!

- Нешто новая пугачевщина? – крестились помещики и интеллигенты. – Свят, свят, свят!

Надо было что-то срочно предпринимать... Но что?!

- Нам ли победителям Наполеона, разгромивших нашествие двенадцати народов терпеть капризы гололобых! - в открытую кричали на улицах городов и деревень. - Не хотят добром ворота открывать, так мы сорвем запоры царградские сами, чай не впервой!

Герцог Веллингтон еще не добрался до родных британских берегов, а российская политика уже совершила крутой поворот. Русский посол в Константинополе Минчиаки (тоже из греков!) предъявил султану ноту, составленную в выражениях угрожающих. Россия требовала немедленного восстановления договора о проливах, освобождения из застенков сербских депутатов и отвода турецких войск от русских границ.

Турки бумагу приняли и затаились, словно ничего и не было. Тогда настырный Минчиаки явился в диван вторично, и там громогласно объявил:

- Российский император дает вашему султану еще шесть недель для раздумий. После чего я покидаю Стамбул. А что ожидает вашу страну, скоро узнаете!

К пограничному Пруту уже потянулись русские полки: с песнями и барабанным боем пехота, на рысях казачьи сотни. Колотились по дорожным колдобинам пушки и фуры. То двинулась с места Вторая Южная армия

империи. У Босфора забелели паруса Черноморского флота. Россия серчала, и серчала сильно!

И тогда испугался не на шутку и султан.

- О, я несчастный! - горестно вздыхал он, будучи о скорой войне извещенным. - И все из-за этой проклятой Аллахом Греции! Что же мне теперь делать?

А делать, к слову сказать, ему было и в правду нечего. К большой войне Высокая Порта была совершенно не готова. Виной же тому был сам Махмуд Второй. Немногим более года назад он, устав от своеволия и непомерных требований янычарского корпуса, решил навсегда от них избавиться. Спровоцировав янычар на бунт, Махмуд затем подавил его с ужасающей жестокостью. Очевидцы вспоминали, что трупы в те дни валялись на стамбульских улицах внавалку, а добивать раненных поручали уличным мальчишкам (у палачей просто не было сил этим заниматься). Так навсегда исчезли с исторической сцены свирепые янычары, те, что на протяжении многих веков внушали ужас и трепет всей Европе.

Рубя головы строптивцам, султан Махмуд мечтал о создании настоящей европейской армии с полками и дивизиями, с дисциплиной и выправкой. Но реальность оказалась сложнее. Набранные в новоустроенные полки землепашцы и скотоводы никак не желали маршировать и при каждом удобном случае разбежались. Создать армию пока никак не получалось... Даже греческую смуту султану пришлось давить руками египетского паши, что ж тогда говорить о возможной войне с Россией!

И Махмуд Второй пошел на попятную. Уже через день турки торопливо начали очищать Молдавию и Валахию. А когда на левом берегу Прута стала восьмидесятитысячное русское воинство, готовое к стремительному броску на Константинополь, то в Анкерман прикатили турецкие дипломаты. Переговоры с ними вел генерал-губернатор Новороссии граф Воронцов. Без лишних слов турки подписали все требуемые бумаги и заверили графа в своей вечной и безмерной любви. Провожали послов под грохот орудийных залпов, чем окончательно повергли последних в смятение.

В Петербурге ликовали! Несмотря на весь воинский пыл, там желали мира не меньше турок. Причины тому были веские: еще не улеглись отголоски декабристского восстания, не спокойно было и в Польше, плохо обстояло дело с финансами, да и позиции ведущих держав внушали известные опасения.

Аккерманский договор произвел на Европу впечатление неприятное. Ведь Россия отныне развязала себе руки. Настораживало всех и то, что о греческих делах в Аккермане не было произнесено ни слова. Первым почувствовал неладное британский министр иностранных дел лорд Каннинг.

- В Аккермане русские продиктовали свою волю загнанному в угол Махмуду, - резюмировал Каннинг. - О Греции ж они промолчали, так как не пожелали пока ограничивать себя в этом деле какими-либо обязательствами. Но какими? Откуда царь Николай, теперь нанесет нам удар и когда?

В тот же день британскому послу в Петербурге полетела соответствующая шифровка. За англичанами зашевелились и другие.

Канцлер Священной римской империи Меттерних был раздосадован не менее.

- Образ действий царя Николая в этом дипломатическом походе поразил меня в самое сердце! - высказал он своему министру иностранных дел фон Генцу. - Ничего не помню более вероломного со времен Наполеона!

- О, ваше сиятельство, я разделяю ваше возмущение! - энергично кивал головой белобрысый Генц. - Я не могу передать словами свою ненависть к русским. Они оторвали нас от союзной Англии!

Многоопытный Меттерних, заложив за спину руки, подошел к окну. Внизу, за дубовыми ставнями нес воды мутный Дунай.

- Не это главное сейчас, - покачал он седой головой. - Естественный ход событий все равно вернет Лондон в наши объятия. Нам же следует попытаться вырвать из этого чудовищного альянса хотя бы Париж!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ПОВСТАНЦЫ И КАРАТЕЛИ

А Петербург готовил соседям все новые и новые сюрпризы. После многих совещаний было признано, что наиболее приемлемый вариант помощи Греции - это посылка в Эгейское море и Дарданеллам боевой эскадры с одновременным крейсированием Черноморского флота у Босфора. Но и здесь было, над чем подумать. Английский флот к этому времени насчитывал более ста тридцати линейных кораблей и две сотни фрегатов, не считая прочей мелочи. Российский флот только еще начинал приходить в себя после александровского правления. Но выбора не было, и Николай Первый передал указание Балтийский флот к плаванию готовить.

24 июня 1827 года оттуда последовал новый политический шаг. Российский посол в Лондоне князь Ливен, французский посол принц Полиньяк и британский министр виконт Дублей по настоянию Ливена, подписали тройственный договор в защиту греческой независимости.

Особая статья этого договора гласила о том, что Турция дается всего месяц на заключение перемирия с греками. В противном случае союзники обязывались послать в Средиземное море свои эскадры, дабы воспрепятствовать дальнейшей переброске в Пелопонес свежих египетских войск. И хотя Дублей с Полиньяком уговорили Ливена применительно к эскадрам, употребить фразу "ограничиться наблюдением", главное было достигнуто.

Больше других перечитывал присланный документ французский король Карл Десятый.

Александр Иванович Рибопьер

Сын дофина Людовика, граф д, Артуа (этот титул носил Карл до коронации) большую часть своей жизни провел в эмиграции, спасаясь от якобинской гильотины. После отречения Наполеона он вернулся во Францию, а после смерти своего старшего брата Людовика Восемнадцатого, стал королем. В молодости будущий король отличался беспутством, но затем стал ревнителем самой строгой нравственности. Карла, по свидетельству современников, отличали изящные манеры, придворная элегантность и весьма ограниченный ум.

Вот и теперь, листая присланные бумаги, король с напряжением силился понять, не прогадал ли он?

- Разумеется, ослабление Стамбула даст наш шанс вернуть влияние в Египте, - рассуждал осторожный "бурбон" в кругу своего кабинета. - Но ведь с ослаблением Стамбула, усиливают свои позиции Англия с Россией! Вот и австрийский посол умоляет меня не торопиться исполнять все параграфы Лондонского договора. Думаю, что мы пока ограничимся лишь общими обещаниями!

- Вы правы, ваше величество! - склонили головы министры. - На кону слишком много и игра должна быть беспрюигршна!

В то время союзные державы имели в турецкой столице послами: Россия - Александра Ивановича Рибопьера, сына французского дворянина бежавшего от ужасов революции. Рибопьер был неплохим политиком и превосходным финансистом, успев в свое время побывать даже директором Государственного коммерческого банка. В уме он легко множил восьмизначные на восьмизначные, чем вызывал всеобщий восторг и зависть.

Англичане держали нынче при султани Стратфорда Каннинга, двоюродного брата министра иностранных дел Джорджа Каннинга. К этому времени,

Каннинг-младший успел уже послужить на дипломатическом поприще в Швейцарии и в США. Участвовал он и на Венском конгрессе. Излишне говорить, что младший брат пользовался полным доверием у старшего. В Константинополь его перевели из Петербурга как бы в доказательство неизменных сочувствий лондонского кабинета к Порте, да и сам Каннинг-младший был известным туркофилом.

Французский король в отличие от остальных прислал на Босфор бывшего наполеоновского генерала Гильемино Армана-Шарля. Генерал успел повоевать от Пиреней до Малоярославца и от Данцига до египетских пирамид. Последней боевой кампанией ветерана было недавнее вторжение армии герцога Ангулемского, где Арман-Шарль участвовал в качестве начальника штаба. И вот теперь, закаленного в ратных делах ветерана, бросили на поприще дипломатическое совершенно для него новое.

Арман Шарль Гильемино

Перед убытием его наскоро посвятили в тонкость дипломатического мастерства:

- Всем улыбаться, но никому не верить! Больше слушать и меньше говорить! Все остальное вам укажут в инструкциях!

Перед тем как навестить сообца турецкий диван, послы собрались вместе и совещались. Каждый говорил в соответствии со своим прошлым опытом.

- Надо посильней треснуть кулаком по столу и сказать, что, если не выполнят наших требований, в дело вступят армии и уж они не оставят от всей Турции камня на камне! - заявлял бравый генерал Арман-Шарль. - Нечего миндальничать с этими прохвостами! Восток признает лишь силу!

- Штыки хорошо, но золото лучше! - благостно вздохнул бывший банкир Рибопьер Александр Иванович. - От штыка уцелеть можно, но хорошей

взятки никогда! Надо подкупать всех и вся, а потом уже диктовать свои условия!

- Что вы, что вы, господа! - махал руками Стратфорд Каннинг. - Какие штыки, какие взятки, когда мы, перво-наперво, должны получить подробнейшие инструкции от своих министров. Пока не будет этого, я и пальцем не шевельну!

... Как бы то ни было, но в конце июля все три посла в Стамбуле: русский, английский и французский, заявили к министру иностранных дел Рейс-эфенди с решительным ультиматумом.

- Главы наших государств настаивают на посредничестве между Стамбулом и Афинами в решении греческого вопроса!

- Не желаю, и слышать! - отвечал им рейс-эфенди Портев-паша, на подушках возлежа в меланхолии пространной. - Никогда и ни от кого я не приму, какого бы тони было предложения о греках, ибо этот вопрос есть внутренние дела Оттоманской Порты, а ваша нота - вмешательство в наши внутренние дела! Бумаги ж ваши брать я не буду!

/Рейс-эфенди - должность в султанской Турции соответствующая европейскому министру иностранных дел. /

Делать нечего, послы вышли в приемную и деликатно "забыли" свой ультиматум на софе. Случай сам по себе аналогов в истории не имеющий! Так весьма необычно состоялось вручение важного политического документа.

- Последствия не заставят себя ждать! - заявил Рейс-эфенди, уходя российский посол Рибопьер.

- И последствия суровые! - добавил генерал Арман-Шарль.

- Мой брат Каннинг-старший еще скажет свое веское слово! - погрозил холеным пальцем Каннинг-младший. - Вот тогда дождетесь у нас!

Едва послы покинули диван, Рейсми-эфенди велел звать переводчика-драгомана и переводить послание союзников. Когда переводчик прочитал текст ноты, Пертев-паша призадумался:

- Это кажется уже война!

- Нет, но союзники уже твердо решили препятствовать нам в высадке войск на греческий берег! - подал голос кто-то из советников.

- Но как совместить понятия о дружбе с понятием о принуждении? - воскликнул рейс-эфенди. - Не могут хворост и огонь безопасно лежать друг против друга! Не могут!

Спустя месяц, ровно день в день, послы вновь дружно заявили к меланхоличному Рейс-эфенди. - Что решило ваше правительство, ведь срок ультиматума истек? - спросили они министра.

Рейс-эфенди был внешне надменен:

- Я опять заявляю, что определяющий, неизменный, вечный и окончательный ответ царя царей и владыки правоверных: никогда и ни от кого он не примет, какого бы ни было, предложения о греках!

Сидевшие на скамьях вдоль стен вельможи согласно закачали огромными турбанами:

- Греция - наше дело! - Нам решать, карать или миловать прахоподобных греков!

Тогда вперед иных вышел Рибопьер, тайный советник и кавалер многих орденов.

- Султан шутит с огнем! - мрачно заявил он.

- Вы объявляете нам войну? - скривил презрительно губы министр.

- Война еще не объявлена, но наши эскадры блокируют берега Греции и по первому приказу готовы вступить за честь своих флагов!

- Как можно совмещать дружбу с угрозами. Не могут огонь и хворост безопасно лежать друг подле друга! - пустился в философствования рейс-эфенди. - А впрочем, великий флот и войско падишаха вселенной сумеют постоять за себя!

- Ну, это мы еще посмотрим! - мрачно хмыкнул ветеран наполеоновских войн генерал Арман-Шарль. - Хотя по мне лучше было бы и обойтись без пролития крови!

В тот же день, посоветовавшись, послы решили известить о несговорчивости турок командующих своих эскадр, которым предписано было в ближайшее время появиться у греческих берегов.

Более иных настойчив в том был Александр Рибопьер:

- Коль меры убедительные успеха не имели, следует непременно переходить к мерам принудительным!

Рибопьера горячо поддержал старый вояка Арман-Шарль. Британский посол отмолчался, но и против не выступил.

Что касается греков, то их правительство, находившееся к тому времени на острове Поросе, немедленно известило всех и вся, что они принимают все параграфы Лондонского трактата союзников незамедлительно и с радостью. Таким образом, принудительные меры союзникам следовало принимать лишь против находившихся в Морее турок и египтян.

Весь демарш предпринятый тремя союзными послами в Константинополе, обернулся их полным поражением. Турция ни на какие уступки идти так и не согласилась. Отныне исход конфликта должен был решаться уже не в дипломатических салонах, а на шканцах боевых кораблей. Время политиков заканчивалось, начиналось время адмиралов!

Сэр Стратфорд Каннинг писал в те дни вице-адмиралу Кондрингтону: "... Хотя и не следует принимать враждебных мер и, хотя союзные правительства желают избежать всего, что могло бы привести к войне, тем не менее, в случае надобности, прибытие турецких подкреплений должно быть, в конце концов, предупреждено силой и если бы все другие средства были истощены, то пушечными выстрелами."

Эдвард Кодрингтон

А Махмуд Второй, ни его рейс-эфенди все никак не могли поверить в, казалось бы, очевидное, что три великие державы готовы выступить против них из-за столь, казалось бы, ничтожного повода, как свобода Греции. А потому султаном было велено своему министру иностранных дел проявлять в переговорах известную выдержку. Пусть союзники пошумят и отступят! Кроме того, послано было и ободряющее письмо Ибрагим-паше в Наварино.

События в Греции ждать себя долго не заставили. Египетские полки Ибрагима снова пришли в движение и устремились в новый опустошительный поход по окровавленной Элладе. Поход этот по разумению султана должен был показать всем сомневающимся, что отдавать кому-либо свой законный пашалык он не намерен. Пока сам Ибрагим жег города и села в Морее, его первый помощник Решид-паша громил провинции на западе страны. Мелкие отряды инсургентов отступали все дальше и дальше в горы. Крупных боев уже не было, но мелкие ожесточенные стычки происходили повсеместно.

В довершение всего, как обычно бывает в пору поражений, в греческом стане начался разброд и дразги. Партия землевладельцев стала подозревать в диктаторских устремлениях немногочисленных, но ершистых буржуа, а те с подозрением косились в свою очередь на влиятельную группировку владельцев судов. Обвиняли друг друга и генералы. Народ же молил о пришествии настоящего спасителя отечества, звал его, и этот спаситель пришел. Звали его Иван Каподистия. был он генералом российской службы и выдающимся европейским политиком. Каподистия еще не прибыл в греческие пределы, а его уже избрали президентом.

- Берегите силы! - слал советы соратником Каподистия, пытавшийся сам тем временем, незаметно для турок пересечь границу. - Изматывайте врага в мелких боях. В больше ж не ввязывайтесь! Нам надо лишь выиграть время, и Россия придет нам на помощь!

Новый греческий президент говорил со знанием дела. Каподистия был свидетелем партизанской борьбы двенадцатого года в России. Но его голосу на родине не вняли. Во главе греческой армии в те дни встали новые генералы - английские. Один из них Джон Черч даже самолично произвел себя в генералиссимусы. Эти-то генералы и решили собрать воедино все отряды и дать туркам генеральный бой. Трезвые головы, правда, нашлись и здесь:

- Граф Каподистия советует переходить на войну партизанскую.

- Рисковать последним - это смерть!

- У Эллады наверно уже не осталось никого из ее героев! - презрительно усмехались Джон Черч (генералиссимус!) и Пол Конкрейн (адмирал!). - Неужели ныне в цене здесь одни трусы!

Последние письма лорда Каннинга требовали немедленного успеха. Это укрепило бы позиции Англии среди греков, партизанская борьба, провозглашаемая Каподистрией, была на руку России, а этого допустить было никак нельзя!

Масла в огонь добавило и неожиданное отбитие у турок одним из небольших отрядов монастыря Святого Спиридония. И хотя этот мелкий успех ничего, в сущности, не менял, уверенность у поборников генерального боя окрепла. Тогда-то правители и решили бесповоротно - генеральному сражению быть!

...На рассвете 5 мая 1827 года, когда в тесных горных ущельях еще стоял туман, а солнце еще только начинало свое восхождение в небо, греческие войска лавиной устремились на врага. Когда же на западе запыменел закат, все было кончено. Греческая армия, разгромленная наголову, более не существовала. Лишь неутомимые башибузуки, бродя меж павших, с азартом резали головы раненым. А буквально спустя несколько дней пал и последний оплот повстанцев - афинский Акрополь. С этого момента всякое сколько-нибудь организованное сопротивление Ибрагиму-паше прекратилась. Отныне каждый отряд, каждый еще державший в руках ружье повстанец, был предоставлен самому себе. Многие, епархии, не видя более смысла в борьбе, передавались на милость турок, надеясь этим спасти людские жизни и нажитое добро.

Сокрушительное поражение сразу же привело к окончательному разброду в рядах повстанцев.

- Будем сражаться до последней капли крови! - призывал греков неукротимый вождь храбрецов Колокотрони.

За Колокотрони стеной стояли отважные спартиаты, в чьих жилах текла кровь героев Фермопил и Марафона. За Колокотрони были и все полевые капитаны.

- Зачем умирать, когда можно попробовать выгодно договориться! - вещал умеренный и осторожный купец Мавромихали.

Мавромихали поддерживали ионийцы - народ предприимчивый и торговый. Ионийцам война была ни к чему, принося одни убытки. За Мавромихали стояли купцы и землевладельцы.

К осени 1827 года передовые байраки Ибрагим-паши вышли к горному проходу Армиро на Корифском перешейке, что соединяет материковую Грецию с Пелопонесом. Армирское ущелье узкое, обрывистое и длинное, но это единственный путь и миновать его невозможно никому.

У Армиро длинноусый и воинственный Колокотрони собрал полторы тысячи воинов, поклявшихся умереть, но не отступить.

- У царя Леонида было всего лишь триста спартанцев против миллиона персов, и он не дрогнул! Неужели мы дрогнем, ведь нас впятеро больше!

- Ура! - кричали инсургенты, потрясая своими длинными ружьями.

Однако и египетский паша в деле воинском сведущ был не хуже Колокотрони. Выставив против греков сильный заслон, он исподволь готовил им в тыл десант на заранее припасенных лодках. Высадившись в заливе Каламата, десантники должны были внезапно ударить защитникам Армиро в спину. Однако десант Ибрагиму приходилось все время откладывать и откладывать. Неподалеку бродили английская и французская эскадры, и кто знает, что ожидало утлые лодки, переполненные солдатами, при встрече с ними.

Тем временем по всей линии противостояния противников шли каждодневные стычки и перестрелки. В перерывах же между ними греки с турками переругивались, прячась за камнями.

- Сдавайтесь неверные собаки! - кричали турки. - Иначе мы намотаем ваши кишки на свои ятаганы!

- Это нам теперь не к чему! - откликались им с противоположной стороны. - Мы не сдавались даже тогда, когда не видели конца своим несчастиям, так зачем же теперь нам сдаваться, когда за Грецию встал весь христианский мир!

- Тогда мы опустошим вашу землю! - Попробуйте, но прежде переступите через наши трупы!

Тем временем главные силы греков под началом английского генерала Джона Черча бесцельно стояли лагерем далеко от Армирского прохода в местечке Мегиспелизме. Все послания Колокотрони с просьбой действовать сообща Черч оставлял без ответа. Генерал презирал грубияна и разбойника Колокотрони и помогать ему ни в коем случае не собирался. У Черча было свое отношение к происходящим событиям, генерал ждал очередных инструкций из Лондона.

Весть о том, что европейские правительства решили отправить к берегам Греции боевые эскадры, вселила новые надежды в разрозненные отряды инсургентов. Пользуясь тем, что Ибрагим-паша несколько увлекся разорением всех, даже самых маленьких селений и ослабил натиск на

ушедшие в горы дружины, те понемногу вновь стали объединяться, а объединяясь, приступали к новой партизанской войне.

Тем временем восемь тысяч арабов методично и безжалостно вырубали фруктовые сады Миссении и Аркадии. Избивая греков, наемники Ибрагима не забывали при случае поживиться и за счет местных турок.

- Зачем рубить наши виноградные лозы! - кричали турки и плевали в лица египетским наемникам.

- Затем, чтобы превратить здешние края в нашу пустыню! - хохотали им в лицо египтяне.

Видя, как одноверцы дружно выкорчевывают их многолетние сады, старейшины морейских турок потрясали кулаками:

- О, если б греки протянули нам руку дружбы, мы собственноручно задушили бы этих головорезов!

К этому времени свободным остался лишь маленький гористый островок со звучным именем - Гидра, да и то, только потому, что за явной малозначительностью, Ибрагим-паша о нем поначалу попросту позабыл. На Гидре собрались самые отчаянные и непримиримые, давшие клятву драться до конца.

Махмуд Второй торопил Ибрагима с занятием острова. Гонца, спешащего в Наварино, он наставлял лично:

- Следует как можно поспешить с занятием этой скалы. Тогда нам просто не о чем будет говорить с франками!

Под франками султан подразумевал всех сразу: и французов, и англичан, ...и русских.

"Лев Мореи" (этот титул Ибрагим-паша получил после захвата Акрополя) начал деятельные приготовления к вторжению на Гидру. Для этого в Наварин стал стягиваться мощный флот. Первой подошла из Александрии египетская эскадра, за ней турецкая. Одновременно на берегу готовился и десантный корпус. "Лев Мореи" готовился к своему последнему прыжку...

ТРЕТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ ЭСКАДРА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Если Петербург - столица России, то Кронштадт - ее морские ворота. Балтийский свежак неустанно разгоняет волну, и та с маха бьет в гранит прибрежных фортов. Здесь начинаются дороги в океан и здесь они заканчиваются. Здесь воздух насквозь пропитан морем и смоляными канатами, а над головами мореходов пронзительно кричат чайки.

В доме капитана Лазарева, что на Дворянской, в двух шагах от Якорной площади, скромное застолье. Повод приличествующий - гости. Из Петербурга приехал дядька супруги отставной капитан 1 ранга Алексей Михайлович Корнилов с письмами и гостинцами. И хотя капитан Лазарев

застоллий не жаловал на сей раз, сам подливал в бокалы и гости говорили затейливые.

Женился капитан в года зрелые, и жену свою молодую любя, старался ей во всем угодить. Вот и теперь, как мог, поддерживал веселого дядюшку, но тот смотрел зорко:

- Чтой-то, ты, Мишель, бокал свой половишишь? Ведь моряк ты первостатейный, а посему должен быть таковым и в застолье!

- Что ж поделать, - пожимал плечами Лазарев. - Коль на завтра мне велено в министерстве быть. Куда ж я на утро с больной головой?

- Что верно, то верно, - кивал дядюшка, себе из штофа между тем подливая, - Голова у казенного человека завсегда должна быть светлой!

Когда же выпито и съедено было изрядно, дядюшка перешел к главному, ради чего, собственно говоря, и занесло его в эти края.

- Вот, Мишель, хочу попросить тебя как сродственника о деле одном весьма для меня важном, - молвил он, от стола отстранясь и губы салфеточкой вытирая.

- Всегда рад помочь, коль в моих силах! - развел руками хозяин.

- Младшенький мой Володька в прошлом годе корпус кончает, а служит в 20-м экипаже и на "Проворном" уже до Доггер-банка сходить успел, но хочу я, чтоб службу свою продолжил он под твоей командой. Ты человек опытный и у начальства на счету хорошему, я уже узнавал! А мне покойней за него будет, когда в окиян поплывете! Так, что уж не откажи сродственнику!

Лазарев поморщился. Уж очень не любил капитан протезированных, предпочитая всегда сам отбирать к себе самых боевых и хватких. Видя раздумья мужа, немедленно вмешалась супруга.

- Ну, что ты, Миша, - подошла и обняла сзади ласково. - Володя прекрасный мальчик, очень начитан и романтичен! Как же мы откажем нашему маленькому кузену!

И Лазарев сдался. - Хорошо! - сказал, брови морща. - Беру вашего Володю к себе, но учтите, что спуску ему ни в чем не будет! А гонять стану больше, чем иных!

- Вот и славно, опрокинул в себя еще рюмочку дядюшка. - Большое дело сделано!

Через пару недель в казарменный кабинет, где сиживал командир линейного корабля "Азов" капитан 1 ранга Лазарев, бумаги, к кампании предстоящей составляя, постучали.

- Входите поживее! - бросил каперанг, от бумаг не отстраняясь.

- Мичман Владимир Корнилов! - звонко раздалось с порога. - Прибыл к вам для служебного прохождения!

К. П. Брюллов. В. А. Корнилов на борту брига «Фемистокл» (1835)

Лазарев поднял глаза. Против его стоял подтянутый красивый юноша с восторженными глазами.

Встав, Лазарев подошел к мичману и, пристально глядя в лицо, сказал:

- Поздравляю с вступлением в морскую семью! Это большая трудность, но и честь немалая! Будь достойным ее! Вечером с супругой ждем тебя к чаю, а теперь ступай к лейтенанту Бутеневу, будешь пока под его началом!

В дверях Корнилов разминулся с писарем. Тот тащил на стол капитану новую стопку служебных бумаг. Ничего удивительного в том не было. Во все времена на флоте российском писали столь обильно, что только в море, капитаны от дел чернильных и отдыхали.

Весной в Кронштадте всегда оживленно. Город и порт просыпаются от зимней спячки. Моряки начинают готовиться к летним плаваниям. В гавани вместо привычной тишины шум и гам: скрипят тали, стучат молотки, визжат пилы, то и дело грохочут пушки, это комендоры опробуют орудийные стволы. Так было всегда, так было и в году 1827-м, когда, закончив вооружение, назначенные в кампанию корабли по одному вытягивались на рейд.

Майские дни были солнечны, а легкий бриз лишь слегка рябил волну. Где-то в середине месяца в Кронштадт прибыл адмирал Сенявин.

Дмитрий Николаевич из старейшей династии российских мореходов. Когда-то был в любимцах у светлейшего Потемкина, сражался с турками под началом Ушакова, с которым даже соперничал в славе. Но подлинным венцом славы флотоводца стала Архипелагская экспедиция. Две войны провел там Сенявин: вначале с французами, а затем с турками. И если

французов он громил на берегах Далмации, то турок у скал Дарданельских. Дважды жестоко истреблял он султанский флот. По окончании ж экспедиции, возвращаясь на Балтику был блокирован англичанами в Лиссабоне. пока моряки дрались в пределах средиземноморских, император Александр замирился с фразами и рассорился с англичанами. русская эскадра оказалась в Портсмутской ловушке. Но и здесь Сенявин нашел достойный выход, чтоб сохранить Отечеству не только корабли и людей, но и честь Андреевского флага. Александр, однако, остался флотоводцем недоволен. Сенявин, сам того не подозревая, где-то, помешал императору в его хитроумных комбинациях. Поэтому едва вице-адмирал вернулся, как был тут же справажен в отставку без почестей и шума.

Дмитрий Николаевич Сенявин

Но и это еще не все! Будучи командующим эскадрой Сенявин из-за финансовых трудностей с согласия экипажей удерживал часть причитающихся офицерам и матросам денег на общие нужды в счет будущей оплаты по возвращении домой. Но по прибытии в Кронштадт оказалось, что никто выдавать морякам деньги не собирается. Александр Первый просто отшвырнул бумагу с прошением Сенявина прочь. Для флотоводца это был удар, ведь он не сдержал слова, данного своим подчиненным, обреченным отныне из-за него на нищенское существование. Личные средства Сенявина, которые он тут же пустил в дело, решить проблемы не могли. В результате этого, распродав все свое имущество, сам вице-адмирал впал в крайнюю нужду и вынужден был нищенствовать.

Разве мог когда-нибудь представить себе гордый и блестящий потемкинский адъютант Дмитрий Сенявин, что в преклонные годы и в адмиральских чинах будет стоять на паперти! Наверное, такое не могло, приведется ему и в самом страшном сне...

В те годы часто можно было видеть грязного и босого старика, бредущего куда-то по петербургским улицам в рваном больничном халате, То был герой Афона и Дарданелл вице-адмирал и кавалер Сенявин. Старик заходил в дома

своих старых знакомцев, и стоял в передней, просил подавание. Отводя взгляд, знакомцы молча совали ему, когда целковый, а когда и трешку. Собравши в тряпицу десяток другой рублей, нес их Сенявин в петербургские ночлежки, где доживали свои дни больные и увечные ветераны Средиземноморской компании.

- Благодетель ты наш, Дмитрий Николаич, - крестились, слезу смахивая, безрукие да безногие инвалиды. - Не бросал ты нас среди огня турецкого, не бросаешь и сейчас в горестях наших!

Нищенство знаменитого флотоводца оттолкнуло от него многих именитых друзей. Да и кому охота знаться с завшивленным и убогим! Конечно, обращение с Сенявиным возмущало тоже многих, но царь был неумолим, а ослушаться его было небезопасно.

В мгновение ока изменилась судьба Сенявина лишь с воцарением на троне Николая Первого. Новый император сразу же вернул заслуженному флотоводцу все его имущество, присвоил чин полного адмирала. По приказу Николая было велено вернуть все причитающиеся деньги участникам средиземноморской экспедиции Сенявина. До последнего дня своей жизни будет разыскивать своих сослуживцев по городам и весям Дмитрий Николаевич, восстанавливая справедливость и выполняя данное им свое адмиральское слово.

Мало кто знает, но в своем завещании, оставленном задолго до смерти, велел Сенявин положить себя в гроб не в раззолоченном адмиральском мундире при регалиях, а в том самом рваном больничном халате, в котором просил подавание на улицах Петербурга. Хоронить же себя велел флотоводец на Охтенском кладбище среди безродного люда. Забегая, вперед скажем, что завещание старого адмирала так никогда исполнено и не было. Ему воспротивился Николай Первый, который, наоборот, велел придать похоронам выдающегося флотоводца исключительную торжественность и пышность, самолично командуя (случай небывалый) войсками, отдававшими воинские почести покойному. Но это все еще далеко впереди, а пока ...

Возвращенный на службу Николаем и прошедший проверку на преданность в Верховном уголовном суде по делу декабристов, Сенявин наконец-то был отпущен к флоту.

В парадной зале Морского собрания адмирал собрал флагманов и корабельных командиров.

- Мне велено его величеством отныне возглавлять комиссию по возрождению и совершенству нашего флота! - объявил он. - Начинать же я решил с проверки эскадр практических и посему в нынешний год самолично поведу их в море!

Сенявин бросился на флотские дела истово, так, наверное, припадает к источнику живительной влаги изможденный дорогой путник... За плечами ж флотоводца было два долгих десятилетия отставки и забвения...

Едва суда капитан-командора Беллинсгаузена вернулись из Средиземного моря в Кронштадт, до Николая Первого стали поступать сведения, что английские крейсера уже всюю "охраняют торговлю" в Архипелаге. Там же объявилась и так называемая "летучая эскадра" французов.

- Каюсь, что надо было слушать не вора, а моряка! - признал свою ошибку Николай Первый, помятуя о не столь давнем споре Сенявина с Моллером по возвращению Беллинсгаузена на Балтику. - Теперь надо думать о посылке новой эскадры, иначе мы можем остаться на обочине!

За полтора года царствования Николаю Первому удалось несколько поправить дело с флотом, но не настолько чтобы вернуть ему всю былую силу. Было очевидно, что идти в столь грозном виде, как в прошлую Сенявинскую экспедицию никаких кораблей не хватит, ведь надо было еще оставить флот и на Балтике! А потому в настоящих обстоятельствах можно было говорить лишь о посылке небольшой вспомогательной эскадры.

Сам император, готовясь к кампании 1827 года, весьма детально самолично расписал новый штат флотского экипажа, которого вполне должно было хватать на укомплектование линейного корабля с фрегатом, все боеспособные корабли и суда император разделил на две дивизии: синего и белого флага.

Дивизия Синего флага считалась в то время 1-й дивизией, а дивизия Белого флага - 2-й. В каждую из дивизий входили отныне по три бригады, а каждая бригада состояла из трех экипажей. Впоследствии в 1829 году, по мере постройки новых судов, была сформирована и 3-я дивизия Красного флага.

Корабли Балтийского флота готовились к предстоящей морской кампании. Один за другим выходили на рейд: "Князь Владимир", "Святой Андрей", "Изекииль", Александр Невский", "Азов", "Гангут", фрегаты "Константин", "Вестовой" и "Кастор". За ними остальные. Все они образовывали эволюционную эскадру, командование которой вручалось адмиралу Сенявину. Согласно воле императора, им надлежало за летние месяцы «отработать практические эволюции в море». Вот уже и команды переселились из казарм в еще сырые от снега и дождей палубы. Младшие флагманы вице-адмирал Ефим Лутохин и контр-адмирал Логин Гейден подняли свои флаги. Первый на "Владимире", второй на "Андрее".

Помимо сенявинской эскадры готовилась к практическому плаванью суда гвардейского отряда под началом директора Морского корпуса Ивана Крузенштерна, брандвахтенные фрегаты, различные транспорты и мелкие суда.

Всего в море должны были в полном составе отправиться двенадцать флотских экипажей. Давненько такого не было!

Флотские ликовали:

- Неужели и взаправду возрождаться начали! Неужели теперь и плавать, и служить будем по-настоящему, а не маршировать до одури на плацах солдатских!

А вокруг все только и говорили, что о скорой возможной войне и, хотя никаких неофициальных заявлений не было, газеты ежедневно доносили все новые и новые тревожные вести с Балкан. Естественно, что и в капитанских салонах, и в мичманских выгородках обсуждали один и тот же вопрос: будут ли воевать? Затем уж терялись в догадках с кем и когда! Ходили упорные слухи, что будет снаряжаться эскадра в Америку помогать испанцам, восстановить их пошатнувшееся могущество, однако все сходилось во мнении, что, все-таки, было бы лучше помочь грекам.

Логин Петрович Гейден

По-своему тревожились и матросы:

- Неспроста нынче главнокомандовать над нами самого Сенявина приставили, видать что-то серьезное затевают!

Изо дня в день младшее офицерство изводило вопросами старших, те, в свою очередь, донимали старших бригадных, да эскадренных начальников. Наконец, флагмана, устав от расспросов, заявили к Сенявину.

- Дмитрий Николаевич! - обратился от имени всех вице-адмирал Лутохин, - Что в столице говорят? Куда мы ныне форштевни свои повернем? Уж, не в Средиземные ли воды?

Сенявин лысую голову почесал, глаза прищурил. Старый адмирал был не только опытным моряком, но и дипломатом известным.

- Кто знает, господа! - только и сказал. - На все монаршая воля. Куда пошлют, туда и двинемся!

А спустя несколько дней, лег на сенявинский стол, доставленный императорским флигель-адъютантом пакет. Ножичком для резки книг вскрыл его адмирал. Рука при этом дрожала то ли от старости, то ли от волнения. В пакете оказалось высочайшее повеление о немедленном

довооружении и следовании эскадрой к берегам Англии. Текст повеления гласил: "Господин адмирал Сенявин, избранный высочайшей ответственностью к принятию главного начальства над эскадрой, отправляемой из Кронштадта, имеет следовать по данной ему уже инструкции в Портсмут. По прибытии в Англию и предварительном сношении с пребывающим в Лондоне послом князем Ливеном г. адмирал Сенявин по воле Е.И.В. отделит от эскадры, ему вверенной, и по собственному его выбору 4 линейных корабля, 4 фрегата и 2 брига для составления эскадры под командой контр-адмирала Гейдена. Эскадре сей, назначается идти в Средиземное море..."

Сенявин, бумагу прочитав, остался недоволен:

- Турок не то, что бить, даже страшать запрещается! Да и какая сила десятков судов? Тут как бы самим на чей-нибудь кулак не нарваться!

Так как послание Николая было секретным, то разглашать его адмирал не посмел. Эскадра готовилась к плаванию в полном неведении. Сенявин велел лишь предельно ускорить все работы.

Буквально на следующий день подоспела и бумага начальника Главного штаба Моллера, разъясняющее императорское повеление: "... Высочайшая Государя Императора воля есть, дабы в. в. пр-во во время плавания вашего приложили все старание довести эскадру экзерцициями и строгой военной дисциплиной до должного совершенства по всем частям морской службы. Когда эскадра, вам вверенная, совершенно будет готова к предназначенному ей плаванию и сделан будет депутатский смотр, вы, г. адмирал, при первом попутном ветре благоволите сняться с якоря и следовать в Портсмут. На вашем пути не оставьте зайти сперва в Ревель, потом в Свеаборг и быть на рейдах сих портов не более 3-х дней в каждом... Ежели в Портсмуте не получите особых повелений, то следовать вам в Брест и там, пробыв несколько дней по вашему усмотрению, идти в обратный путь к Кронштадту..."

Современники вспоминают, что в те дни Кронштадт напоминал разворошенный муравейник. Все куда-то спешили, каждый что-то тащил. Повсюду сновали шлюпки и баркасы, ялики и прочая портовая мелюзга. У складов с припасами очереди преогромные. Случались и скандалы. Приходят, к примеру, матросы с "Азова", а там уже команда с "Гангута" бочки катит.

- Мы первыми тут стояли! - пропихиваются "азовцы".

- Ишшо чего! - напирают гангутские. - Наш шхипер еще с вечера под тутошними воротами дрых, место держал! Скажи, Трофимыч!

Спорщиков утихомиривали чиновники интендантские:

- Хорош лаяться! Всем мякоти пороховой насыпем. Еще полыхнет, не возрадуетесь! Таш-шы бочата!

- Тьфу ты, - плевались, расходясь, матросы азовские да гангутские. - Не накаркал бы черт языкатый!

К главным силам эскадры, согласно плана, позднее должны были присоединиться фрегаты "Константин" и "Вестовой". Первый из них был

задействован для отправки в Голландию семейства посла князя Волконского, а второй для перевозки в Ревель со всем огромным скарбом семью и свиту графа Кочубея.

"Вестовому" отчаянно не повезло. Вначале он долго ждал прибытия Кочубея с домочадцами и слугами, затем вышел в море, но вернулся из-за штормовой погоды. Второй раз плыть морем Кочубей наотрез отказался:

- Уж больно у вас сильно качает. Почитай всю душу у меня вывернуло, одной желчью и плевался! Лучше уж я до города Ревеля в коляске проедусь! На фрегате осталась лишь графская прислуга и имущество. Вновь выйдя в море, "Вестовой" у самого Ревеля выскочи на камни. Трое суток моряки пытались спасти судно, а затем съехали на берег. "Вестовой" разбило волнами, а вместе с ним ушло на дно и все кочубеевское барахло. Слава Богу, хоть все живы остались.

Адмирал Сенявин первоначально планировал включить "Вестовой" в отряд Гейдена и таким образом фрегат вполне мог бы принять участи в Наваринском сражении. Командир "Вестового" капитан-лейтенант П.Б. Домогацкий за потерю судна был отдан под суд и после проведенного разбирательства изгнан со службы.

Незадолго до выхода в море эскадры вернулись в Кронштадт со Средиземного моря суда отряда Беллинсгаузена, укомплектованные офицерами и матросами гвардейского экипажа: "Царь Константин" и "Елена". Моллер настаивал, чтобы Сенявин включил их в эскадру. Но тот наотрез отказался.

- Гвардейские команды уже в Петербург сбежали отдыхать от трудов праведных и веселиться, а новые еще только осваиваться начали. Куда их сейчас опять за пять морей гнать. Пусть к плаванию готовятся со всей серьезностью и без спешки авральной!

- Но ведь от этого эскадра ваша слабее станет! - не унимался Моллер.

- От того, что два не готовых судна в ней состоять не будут, она, наоборот, станет сильнее! Что же касаясь участия в плавании средиземноморском, то, помяните мое слово, что одним отрядом грейговским все не ограничится и нам еще не раз придется посылать туда новые эскадры! Коль с турками драку затеваем, то там всем делов хватит!

Но командиры судов капитан 2 ранга Зеленой и капитан-лейтенант Епанчин горели желанием успеть выйти в море со всеми. На "Царе Константине" и "Елене" авралили круглые сутки.

В конце концов, Сенявин согласился взять их до Портсмута.

- Прилежание и старание ваше награды достойны! - сказал он довольным командирам.

К удивлению многих, и сам старик Сенявин не ограничивался чисто начальственным делом, а лично разъезжал по кораблям вверенной ему эскадры, вникая там в каждую мелочь вплоть до проверки ружейных замков.

А бумаг у него все пребывало. Особенно много забот было с парусами. Как обнаружилось, выданные в порту паруса, оказались сгнившими.

- А что мы сделать можем, когда столько лет на складе провалялись! Новые-то и забыли, когда присылали!

Сенявин же требовал только надежные и непременно три комплекта.

- Ежели нет трех, давайте хотя бы один надежный, а остальные парусиной!

Сами в походе шить будем, а гнилья не возьму!

Известие о том, что адмирал требует три полных парусных комплекта, уверило в том, что намечается большое плавание и последних скептиков, ибо по Балтике всегда обходились и двумя.

Вслед за императорским указом прислало свою инструкцию министерство иностранных дел, затем целой грудой предписаний и разъяснений разродился главный Морской штаб.

Приезжала и комиссия депутатская: вице-адмиралы Пустошкин, Галь, Огильви, контр-адмиралы Крузенштерн с Головным да капитан-командор Митьков. Во главе комиссии известный мореплаватель вод дальневосточных адмирал Гавриил Сарычев. Депутаты корабли осматривали тщательно, но вели себя деликатно, помня об авторитете командующего. Сенявин принимал всех радушно, но особо был рад своему соплавателю по прошлой Средиземноморской экспедиции Митькову.

- Ну, Феденька, здравствуй! Давненько мы с тобой не виделись! - целовал его при встрече. - Поплыли со мной, душа моя!

- Да я бы с дорогой душой, Дмитрий Николаевич! Вам ли не знать, сколь люблю я наше дело корабельное! - разводил тот в стороны руками. - Да вот приставили меня к делам береговым и, как червяк в земле, в бумаженциях нынче роюсь и все никак из оных выбраться на свет не могу!

А в один из дней на эскадру внезапно пожаловал и сам император Николай Первый. С ним вице-адмирал Моллер, генерал от инфантерии Дибич и новый "куратор" флота князь Меншиков.

А. С. Меншиков

На правом - парадном трапе флагманского "Азова" его встречал сам Сенявин и командир корабля Лазарев. Эскадру Николай застал врасплох. О его приезде никто не знал, и к приему не готовились. На "Азове" не успели даже вызвать караул, а матросы с офицерами выстроились, как были, в рабочем платье. Но император разносов не чинил. Осмотрев сначала "Азов", а затем стоящий подле на якоре "Гангут", Николай заявил, что ходом работ вполне доволен.

На этом, однако, внимание императора к уходящим кораблям не кончилось. Оставаясь в Кронштадте, он теперь наезжал на эскадру почти ежедневно. В один из таких приездов Николай прихватил с собой и союзных послов: английского и французского. Объехав все корабли, высокие гости прибыли на "Азов". Показывая послам корабельный арсенал, император обратил внимание на искусно выложенные там из ружейных замков имена великих побед: Гангут, Ревель, Чесма. После последнего слова была буква "и".

- Что значит эта буквица? - обернулся Николай к сопровождавшему его Лазареву.

- Сие означает дальнейшее продолжение всех выше выставленных имен! - отвечал лихой моряк.

- И что же будет дальше? - поинтересовался царь, улыбаясь.

- Имя первой победы флота Вашего императорского величества! - был достойный ответ.

- Что ж, - покосился на притихших послов Николай Первый. - С такими молодцами ждать мне придется недолго!

Командиру он объявил благодарность, офицерам - благоволение, а команде по два целковых, по двойной порции вина и "приварок" в два фунта мяса каждому.

Данному своей супруге слову - сделать из ее у кузена мичмана Корнилова настоящего моряка, Лазарев остался верен. Незадолго до выхода из Кронштадта, на переходе морем обходя корабль, капитан 1 ранга зашел в выгородку над кубриком, где квартировали мичмана. А зайдя, остановился в изумлении - все свободное пространство выгородки было буквально завалено связками французских любовных романов.

- Кто у вас здесь охотник до этой дряни? - спросил он сурово.

- Корнилов! - был робкий ответ.

- Вестовой! - не оборачиваясь, крикнул Лазарев. - Весь хлам за борт!

Сам же виновник был зван в капитанскую каюту после вечерних чаев.

- Вот, что, Владимир Алексеевич, - подошел к замершему в дверном проеме мичману капитан "Азова". - На сем вашим фривольностям конец! Отныне

станете читать лишь вот эти книжицы. От них и дури в голове не будет, а польза несомненная. С этого я и начну ваше воспитание!

На столе стопкой лежали толстые тома навигации, морской практики и жизнеописания великих флотовождей.

В ночь перед уходом эскадры император прибыл на "Азов" вновь. Была полночь и разбуженные свистками сонные матросы, одеваясь на ходу, стремглав выскакивали из люков.

- Снимайтесь с якоря! - объявил Николай, следуя, во главе свиты, на шканцы. Оповестив эскадру фонарем о начале движения, "Азов" первым воздел паруса и положил руль на восток. Белая пузырящаяся пена с шипением отхлынула в стороны. Упираясь грудью в вымбовки, матросы выхаживали якорь. За кормой быстро окутывалась облаками парусов остальная эскадра. Ловя ветер, корабли постепенно набирали ход.

С восходом солнца на "Азове" подняли штандарт - символ личного предводительства императора своим флотом. На золотом поле двуглавый орел цепко сжимал клювами и когтями карты четырех морей: Белого, Азовского, Балтийского и Черного. Подъем самого главного флага империи корабли сопровождали оглушительным салютом. Штандарт на корабле для моряков событие не частое. Последний раз его поднимал более четверти века назад еще император Павел...

Вытянувшись в кильватер, корабли держали курс на выход из Финского залива. За "Азовом" в струе держался 84-пушечный "Царь Константин", за ним 74-пушечные "Князь Владимир", "Иезекииль", "Александр Невский", "Сысой Великий", "Святой Андрей". Несколько поодаль по обеим сторонам главных сил следовали фрегаты: "Константин" и "Меркуриус", "Проворный" и "Кастор", "Вестовой" им "Диана", каждый в 44 пушки. Замыкал эскадру арьергард: 36-пушечные "Елена" и "Крейсер" да посыльные корветы: "Гремящий", "Усердие" и "Ахиллес".

За Красной Горкой, приведясь в бейдевинд и разделясь на два отряда, корабли провели показательные маневры. Сенявин волновался. Ведь столько лет сам уже не был в море, а тут еще эскадра не сплавана, команды не притерлись. Но все обошлось как нельзя лучше. Командиры дело свое знали, матросы были расторопны, и Николай остался вполне доволен увиденным.

В завершении учений Сенявин произвел примерное сражение. Часть кораблей, образовавших подветренный отряд, подняли красные флаги, другая, наветренная, паля холостыми зарядами, прорезала линию "противника" и атаковала его. Особенно лихо управился в этом маневре командир "Сисоя Великого" капитан 2 ранга Дурасов. Он столь удачно

проложил курс, что ухитрился дать два полновесных продольных залпа по подставившему ему корму "Азову". К 14 часам флот перестроился в одну колонну и лег в дрейф.

После маневров на флагмане подняли сигнал общего богослужения.

Весь напутственный молебен Николай, обнажив голову, отстоял в строю команды "Азова". Когда же корабельный иеромонах Герасим закончил песнопение, император простился с моряками словами:

- Надеюсь, что в случае военных действий, с неприятелем будет поступлено по-русски!

Ответом ему было троекратное "ура". Императорская яхта легко отвалила от борта флагманского корабля. На корме ее золотой вязью значилось: "Дружба".

- Курс вест-норд-вест! - объявил Сенявин, самолично сверившись с картой и компасом.

Салютуя уходящей яхте палубными пушками, эскадра легла на развороте широкой дугой. Упругий балтийский ветер пучил полотнища парусов. На ходу перестроились в две колонны. Правую повел сам Сенявин. Левую - вице-адмирал Лутохин, державший свой флаг на "Князе Владимире". Мелкие суда составили арьергард под началом контр-адмирала Гейдена.

Так начался поход, навсегда вошедший в историю нашего Отечества одной из самых блистательных ее страниц.

ГЛАВА ПЯТАЯ В ПОХОДЕ

Эскадра адмирала Сенявина растянулась на несколько миль. Срываясь с гребней волн, летала по воздуху пена. Обтянутые винты гудели глухо и тревожно.

На траверзе Ревеля у острова Кошкар русских моряков поджидал первый сюрприз - британский фрегат "Галатея". Держась на почтительном расстоянии, англичанин некоторое время сопровождал эскадру, то, забегая вперед, то, наоборот, пропуская ее мимо себя. Наконец, все подсчитав и определив, "Галатея" окончательно отвернула в сторону.

- Англичане, есть англичане, - убрал зрительную трубу от глаз Сенявин, - Они и себе-то верят лишь по большим праздникам!

Появление фрегата вызвало заметное оживление и среди офицеров.

- Что-то почуяли британцы, коль аж до Финского залива добрались! Знали б, что мы и сами не знаем, куда путь держим! - высказал свое мнение лейтенант Нахимов.

- Известно куда идем, - пожал плечами Бутенев. - Как всегда в Средиземку турок бить, оттого и секретность такая.

- Как же бить, когда войны нет! - возражал ему подошедший Путятин. - Скорее будем плыть в Америку, помогать тамошним испанцам!

Никто на эскадре, разумеется, не знал. Что на «Галатее» находился чрезвычайный посол Великобритании маркиз Герфорд. Маркиз спешил

доставить императору Николаю последние новости о переговорах в Лондоне по греческому вопросу.

Стоянка в Ревеле была краткой. Из исторического журнала эскадры: "Адмирал, находясь в порте сем, занимался на эскадре различными практическими и тактическими учениями, а для подкрепления здоровья экипажа оной приказал привозить свежее мясо и зелень и брать с берега свежую воду - достойное попечение достойного начальника".

Там же в Ревеле к эскадре присоединился бриг "Ахиллес".

Ни флагмана, ни командиры корабельные на берег не съезжали, но мичманов с лейтенантами пустили. Старик Сенявин к офицерской молодежи был снисходителен:

- Пусть разомнутся да карманы свои вывернут! Чего им тут с нами стариками киснуть, еще надоедим друг другу!

К полуночи, оставив все свои деньги в небезызвестным в морских кругах клубе "Черноголовых", вдоволь нафлиртовавшись с хорошенькими эстляндками в Екатерининтале, мичмана да лейтенанты возвратились на корабли с чувством исполненного долга.

На рассвете следующего дня эскадра оставила за кормой островерхие ревальские кирхи.

Из-за встречного ветра Сенявин решил не тратить время на заход в Свеаборг, а сразу развернул эскадру на вост.

У острова Кошкар эскадра разминулась с английским фрегатом "Галатей". Капитан фрегата вежливо приветствовал русского адмирала. Английский капитан шел под всеми парусами.

- Ишь, как поспешает, сердешный! - говорили, поглядывая на него матросы. - Видать уж больно что-то ему от нас надоть!

Как это обычно бывает, матросские предположения оказались недалеко от истины. Ни Сенявин, ни остальные наши моряки не могли знать, что на борту фрегата торопится в российскую столицу чрезвычайный посол маркиз Герфорд, везущий последние новости о переговорах в Лондоне по греческому вопросу.

Путь русским морякам знакомый. Как всегда, томительной была череда однообразных суток, заполненных вахтами, работами и ученьями. То и дело недолгая радость попутного ветра сменялась долгой маетой томительных лавировок. Вот как описывал этот начальный период экспедиции один из ее участников: "Наше плавание с выхода из Ревеля... было так однообразно, что при всем желании я не могу ничего внести в журнал. Свежие и постоянно противные ветры, сильная качка, дождь, длинные вахты, однообразные повороты через фордевинд так надоели, что хотелось взяться за перо... Мы так привыкли к противным ветрам, что потеряли всякую надежду на попутный, но за всем тем свободное от службы время проводим довольно приятно в кругу своих товарищей..."

За Готландом корабли попали в первый крепкий шторм. Пришлось укрыться у берега, держась под малыми парусами. Больше всего хлопот доставляли паруса, которые из-за плохого качества парусины то и дело рвали. В одну

из ночей потеряли из вида бриг "Ахиллес", отставший из-за малого хода. Как всегда бывает, в начале кампании, стали выявляться и всевозможные неисправности. То на "Святом Андрее" струнулись с места бимсы, и державший на этом корабле свой флаг контр-адмирал Гейден велел крепить их железными подпорами. Затем появилась течь на фрегате "Меркуриус", однако конопатчики справились за несколько часов. На траверзе острова Борнхольм Сенявина ожидала первая большая неприятность. Внезапно сильно потек 74-пушечный "Сисой Великий". По распоряжению адмирала эскадра легла в дрейф и на потерпевший "Сисой" отправили шлюпками конопатчиков со всей эскадры. Расшатанные волнами пазы кое-как наскоро забили вымоченной в сале пенькой, но флагманам было ясно, что линейный корабль в отряд выделяемый в Средиземное море уже не попадет наверняка. Особенно сильно был огорчен такому повороту командир "Сисоя" Дурасов, еще недавно столь блестяще отличившийся перед императором на маневрах. За время шторма отстал бриг "Ахиллес".

- Название бриг имеет достойное, а вот ход дурной! - высказался по этому поводу адмирал. - А потому ждать не будем. Сможет, пусть догоняет, не сможет, пусть разворачивается обратно. Не велика потеря!

В Копенгагене корабли пополнились припасами, налились водой. Офицерство, сменяясь с вахты ездило отобедывать в славящиеся своими изысками "Хотель де Май" и "Англитер" на сельдевые котлеты, вареных раков и старый добрый рейнвейн. Гардемарины, которым столь известные заведения были не по чину, да и не по карману, пили по кофейням горячий шоколад, и гуляли по саду наследного принца Фрединсборг, где раскланивались на тенистых дорожках с датским королем, спешившим с удочкой в руках на рыбалку.

Приехал посмотреть российские корабли директор датской морской академии Вульф. Гости, как положено, пригласили "отведать хлеба и соли" в кают-кампанию. После десятой рюмки Вульф сообщил офицерам:

- Господа! Поздравляю вас, ведь вы плывете в Средиземное море блокировать Константинополь!

Офицеры ошалело переглядывались:

- Нам ничто ничего такого не сообщал!

- Ах, полноте, господа! - рассеяно махал им рукой академический директор. - О том уже вся Европа знает... кроме, конечно, вас!

Из Копенгагена Сенявин доносил Николаю Первому: "...Западные крепкие ветры с пасмурностью и теперь еще продолжаются, эскадра, пользуясь сим неудобством быть на море, поспешает запастись свежей водой и с первым попутным ветром отправиться к Англии".

Получив послание от Сенявина из Копенгагена, где тот сетовал на негодные паруса, Николай Первый пришел в ярость, вызвав Моллера он устроил ему взбучку:

- Ну, когда же хоть что-то будет делаться у нас без пинков, сразу и как должно! Строжайше расследовать, отчего опущены паруса худой доброты. Отрядить для сего комиссию, доложить немедленно, что открыто!

Увы, открыть ничего толком так и не удалось, а потому еще несколько лет наши моряки мучались со сгнившей на складах парусиной.

Во время стоянки в Копенгагене команды сидели на кораблях. Чтобы матросы не скучали, командующий велел давать им ежедневно по лишней чарке, играть музыку, а перед сном читать вслух сказки со счастливым концом.

И снова море... история донесла до нас достаточно сведений о судьбах великих мужей и до обидного мало о жизни обычных людей. Нетрудно узнать, что делал в тот или иной день король или знаменитый полководец, но почти невозможно выяснить, что делал тогда же какой-нибудь сапожник или скорняк. Ну, а как складывался распорядок дня у моряка русского флота тех лет, о которых идет повествование? Чем они занимались в свободное от службы время? О чем мечтали? К счастью такое свидетельство есть. Его оставил для потомков лейтенант Рыкачев шедший в эскадре Сенявина на линейном корабле "Гангут". Вот как он описывает обычный день плавания: "... До 2-х часов ходил один взад и вперед на баке. Мечты сменялись мечтами, я с удовольствием вспоминал первые годы молодости, и бог знает, чего не передумал! Но всего чаще мысли мои обращались туда... туда... все к одному предмету!

В 3 часа всех вахтенные офицеры и гардемарины собрались на шканцах и начались наши любимые беседы о берегах Италии и Средиземном море. Отважные уже летели в Дарданеллы и, бог знает, остановились бы они в Константинополе, если бы голос вахтенного лейтенанта "на марсафалах!" не заставил нас разойтись по местам...

В 4-м часу приказано было на кухне развести огонь и готовить чай в кают-компанию. Пробило 8 склянок; рассыльные торопятся вызвать новых вахтенных, наконец, они вышли, мы пустились вниз, переменили мокрое платье и вместе в кают-компании сели пить чай... К чаю мы потребовали ветчины, сыру и яиц и, позавтракав довольно плотно, провели еще два часа в приятной беседе..., а в 6-ть разошлись по своим маленьким каюткам и легли спать...

Я проснулся в 10 часов. Везде еще скоблили и чистили. Выхожу на батарею и нахожу священника, собиравшегося служить молебен. Офицеры у пушки составили хор, я присоединился к ним, и мы пропели "многая лета" государю и императрицам. После службы завтракали у капитана, а там едва успел я сойти в кают-компанию, уже бьют рынду и нам опять пора на вахту... В два часа нас сменили к обеду, а в четыре после сытного обеда я очень неохотно вышел достаивать вахту. В шесть часов, при повороте, капитан много шумел на меня и, как, мне показалось, понапрасну. Зато, сменившись с вахты, на кубрике за чаем мы посмеялись над ним и над всем на свете. В 9-ть часов мы вышли подменить вахтенных ужинать и потом сверху я спустился ненадолго в кают-компанию. там пели, играли на гитаре, пили вино, а

некоторые играли в вист и в шахматы. Однако, мне хотелось спать и я, не присоединившись ни к одной из партий, спустился еще ниже на кубрик в свою койку и как камень в воду до следующей вахты, т.е. до 4-х часов утра..." ...Проливы эскадры форсировала тяжело при шквальном ветре и никудышной видимости. Только у одного мыса Скаген было потеряно десять дней безуспешных попыток поймать нужный ветер. Но вот, наконец, проливные теснины позади и бескрайнее Немецкое море мощно обрушило на корабли первую свинцово-серую волну.

- Сменить карты! - велели командиры, широко крестясь.

Штурманские помощники свернули старые проливные планы и раскатали новые, в дальнем углу которых уже значились британские берега.

На эскадре непрерывно игрались учения. Только закончится парусное, начинается пушечное, затем оружейное, а довершение всего и абордажное.

Постепенно определились лучшие и худшие ходоки. Худшими оказались "Эммануил" и "Аксандр Невский" легкими на ходу "Азов" и "Гангут", а лучшим из ходоков оказался фрегат "Проворный", вполне оправдавший свое имя.

В Английском канале снова пришлось поволноваться. На этот раз из-за неосмотрительности командира фрегата "Проворный" Епанчина. "Проворный" шел передовым форзейлем, и с него увидели обозначающую подводную скалу веху всего за какую-то сотню сажений. К чести Епанчина, он коим-то чудом все же успел отвернуть. Не растерялись и на других кораблях. Моментально всюду полетели вниз лиселя. Эскадры, приводилась в бейдевинд. В конце концов, все обошлось благополучно, но поволноваться пришлось изрядно. Сенявин был очень зол происшедшим и велел "Проворному" отныне в наказание следовать позади всего флота.

Капитан-лейтенант Николай Петрович Епанчин

Утром 28 июля с первыми лучами солнца эскадра уже входила на знаменитый Спитхедский рейд. Союзники встречали наших моряков достаточно торжественно. Среди кораблей и фрегатов густо сновали

шлюпки, гремела музыка. Молоденькие англичанки, сидя на банкетках, кокетливо посылали бравым русским морякам воздушные поцелуи...

У входа на рейд грузно покачивался на волнах старый 100-пушечный "Виктори" - флагман Нельсона при Трафальгаре. Над линейным кораблем развевался флаг командира порта адмирала Роберта Стопфорта. А с берега русскую эскадру уже давно пристально рассматривал генерал-адмирал британского флота герцог Кларендский.

На рейде встречал своих соотечественников и фрегат "Константин", успевший к этому времени доставить в Англию посла Волконского.

Гремели салюты. Наши залпировали адмиралу Стопфорту девятью выстрелами, герцогу девятнадцатью, а его жене, младшей сестре Георга Четвертого, двадцатью одним. В воздухе остро пахло жженым порохом, и порывистый ветер быстро разносил черные клубы дыма.

Едва ж корабли положили в спитхедскую тину свои станковые якоря, рядом вновь засновали шлюпки. Теперь, однако, в них был люд далеко не праздный - торговцы-комиссионеры, наперебой предлагавшие свои услуги. Все официальные визиты были назначены на следующий день.

...Ранним утром русские моряки проснулись от внезапной бешеной артиллерийской пальбы. Кубарем скатываясь с коек, все бежали наверх. Протирая глаза, тарацились, как невеста откуда взявшийся британский линкор "Ворспайт" яростно расстреливал из всех пушек, брошенные в воду ящики. На шканцах "Азова" равнодушно позевывал в кулак Сенявин:

- Англичане в своем духе. Мощь нам демонстрируют! Затем, попросив зрительную трубу у Лазарева, он навел ее на палящий корабль и долго что-то разглядывал. Возвращая же трубу, усмехнулся:

- А палят-то дерьмово. Ящики у них почитай все целехонькими плавают! Пойдемте досыпать, Михайла Петрович!

В батарейных палубах матросы чертыхались, снова укладывались в брезентовые койки-гамаки:

- Эка невидаль по головешкам палить! Енто у нас и рекрут может, скажи, Семка?

- А то-та! - слышалось из угла, где здоровенный Семка натягивал на голову одеяло. - Ентому хфокусу вы меня, Фрол Макарыч еще в Кронштадтах учивали!

В полдень Сенявин нанес визит адмиралу Стопфорту, затем беседовал и с герцогом Кларендским, угощаясь пивом с устрицами. Попросил, его, между прочим, избавить эскадру от беспокойного соседства с "Ворспайтом":

- Уж больно шумный, и главное, что без всякой пользы!

Герцог не возражал. Поговорили и о вопросах большой политики, балканских делах. Опытный в подобных делах Сенявин сразу завел разговор о снабжении британской стороной наших кораблей в Средиземном море. Англичанин в целом был «за», однако ничего конкретного не сказал. Удалось, однако, закупить трехмесячный запас провизии для судов, которые уйдут с Гейденом дальше в Средиземное море. Оптом закупились штурманские инструменты.

Пополняли припасы и сами моряки. Старосты кают-компаний закупали оптом дешевые фарфоровые сервизы, взамен разбитых на качке. В часы отдыха офицеры водили матросов смотреть местные парусные гонки, где, те с азартом болели за какого-то рыжего британца, ибо тот был похож на боцмана с "Иезекииля" Петровича. Ему так и орал:

- Давай, Петрович! Жми, Петрович!

А когда последний выиграл здоровущую серебряную вазу, качали британца, как своего, на руках.

Роберт Стонфорд

Тем временем Сенявин, встретившись с российским послом князем Ливеном и, получив от него последние петербургские инструкции, ознакомился с проектом договора о русско-франко-английском посредничестве в греческом вопросе. Вместе с Сенявиным в разговоре участвовал и Гейден. Ему вести корабли в Средиземное море, а потому он должен быть в курсе всех дел.

В проекте договора союзники предлагали Турции признать государственность Греции. Если же Высокая Порта отвергала это требование, то предполагалось соединенным союзным эскадрам "наблюдать строгое крейсирование таким образом, чтобы силою воспрепятствовать всякому покушению выслать морем, как из турецких владений, так и из Египта какое-либо вспомоществление войсками или судами и припасами против греческих сил на море или мест, ими занимаемых... Буде оное (крейсирование) скажется недостаточным для желаемой цели, в действительную блокаду Дарданельского пролива, между тем как таковая же блокада учреждена, быть может, и со стороны Черного моря..."

- Его императорские величество считает эту меру неизбежной, а я полагаю, что союзники на это согласятся с радостью! - с важным видом сообщил Ливен.

- Насчет радости я бы говорить не торопился! - несколько охладил его пыл Сенявин. - А вот то, что деваться от объединения им будет некуда, так это

точно! Что же касается блокады Дарданельской, то помяните мое слово, что кроме нас никто ее учинять никогда не будет!

- Надлежит оказывать всяческую помощь новому греческому президенту Каподистрии! - продолжил свои инструкции Ливен.

- Это мне и так ясно! - коротко кивнул Сенявин. - Скажите лучше, как быть при встрече с австрийцами, ведь они, как всегда, опять будут мелко гадить!

- Поведение эскадренного начальника против них должно быть основано на добром согласии с союзниками! - ушел от прямого ответа Ливен.

- И это понятно! - хмуро бросил Сенявин.

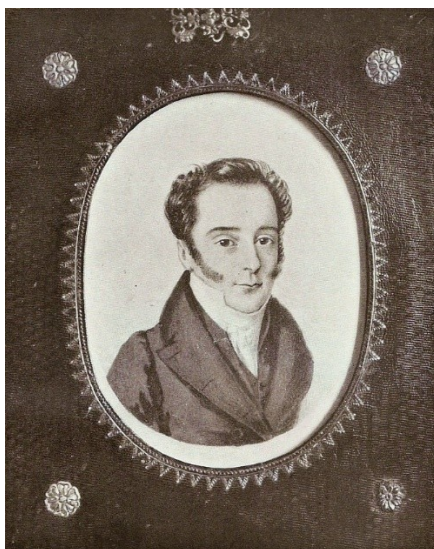
Гейден в разговор не вмешивался, а больше слушал.

- Для дипломатических переговоров мы командирuem господину Гейдену господина Катакази, бывшего нашего консула в Морее. Гавриил Антонович!

- позвал князь Ливен.

Вошел Катакази, небольшого роста полноватый и слегка седеющий грек. Поздоровался с Сенявиным и Гейденом. Обменялся дежурными любезностями.

Катакази Гавриил Антонович был внуком эмигрировавшего в свое время в Россию грека-маниота. С 1812 года состоял в русском посольстве в Константинополе. В 1821 во время массовой резни греков в Константинополе помог избежать расправы многим своим соотечественникам, затем исполнял дипломатические поручения на Средиземноморской эскадре. Впоследствии был российским посланником в Греческом королевстве.

Гавриил Антонович Катакази (1794—1867)

- Что касается господина Гейдена, - продолжил разговор Ливен, - то, по мнению министра Несельроде, он должен внушить грекам спасительную истину о необходимости принятия предлагаемого союзными державами перемирия, а, кроме того, подружиться с Каподистрией!

- Что касается внушения, я, конечно же, приложу все усилия, но что касемо дружбы, то сами понимаете, что здесь как получится! - подал голос Гейден.

- Ничего! - усмехнулся Ливен. - Побудете в шкуре дипломата, поймете, как нелегко нам бывает. А что касемо дружбы, то в ней вам поможет господин Катакази!

Гейден мрачно поглядел на посольского чиновника, понимая, что в его лице получает царского соглядатая и информатора. Тот, в свою очередь, неприязненно глянул на контр-адмирала. Вместе им предстоит плавать и сотрудничать еще долгих три года, но неприязнь, возникшая в первую же встречу, останется между ними навсегда.

- Ныне меня более иного волнует вопрос снабжения эскадры в Архипелаге! - сменил тему Сенявин.

Ливен заулыбался:

- Пусть это вас не волнует, наш министр Несельроде считает, что вполне можно приискать способ закупать продовольствие прямо на островах!

Гейден вопросительно посмотрел на адмирала. Сенявин покачал головой, поднял на посла злые глаза:

- Острова греческие ныне дотла разорены многолетней войной, а потому, по личному знанию тамошних обстоятельств, могу сказать вам, что жители архипелажские, сами давно голодают, а потому никого и ничем они снабдить не смогут, какие бы вы им деньги не сулили.

- Как же тогда быть? - сразу сник князь.

- Следует спешно договориться с англичанами о снабжении нашей эскадры с Мальты, кроме этого изыскивать способы во Франции и Италии, а лучше всего в Сицилии и Сардинии.

После отъезда Ливена, Сенявин собрал к себе флагманов и командиров.

- Господа! - начал он своим тихим, но уверенным голосом. - Его императорским величеством соблаговолено отправить в Средиземное море отряд из состава вверенной мне эскадры для выполнения миротворческой миссии!

Затем командующий определил и состав отправляемого отряда.

- "Азов", "Гангут", "Иезекииль", "Невский", "Константин", "Елена", "Проворный", "Кастор"! - произносил он, медленно глядя в лица командиров, называемых им кораблей и фрегатов.

Есть! Есть! Есть!... - вскакивали со своих мест командиры-счастливцы: Лазарев и Авинов, Свинкин и Богданович, Еропкин 1-й и Еропкин 2-й...

Капитаны, уходящих в Средиземное море судов, были опытнейшие из опытных! Командир "Иезекииля" Иосиф Свинкин имеет на своем счету тридцать морских кампаний! Этот старейший из капитанов воевал еще под началом Ушакова и молодого Сенявина. Двадцать восемь уничтоженных и захваченных неприятельских судов в его послужном списке! Командир "Гангута" Авинов еще волонтером участвовал в знаменитом Трафальгарском сражении, был в кругосветном плавании на шлюпе "Открытие". Командир "Александра Невского" Лука Богданович дрался вместе с Сенявиным при

Афоне и Дарданеллах, отличился в 1812 году, командуя канонерскими лодками при взятии Митавы, а затем и при штурме Данцига...

- Начальником отряда с правами эскадренного командира высочайшим указом определен контр-адмирал Гейден! - продолжал тем же тоном Сенявин.

- Есть! - склонил, не вставая, голову младший флагман.

- С утра начинайте подготовку к отплытию! Прибыв на свои корабли и фрегаты, командиры тотчас объявили новость командам и начал готовиться к походу.

День подписания Лондонского трактата совпал с днем рождения Николая Первого. Обрадованный этим счастливым совпадением, князь Ливен писал в Петербург Несельроде, предполагая, что его письмо будет прочтено и императором: "С этого дня будет считаться возрождение христианского народа и его благославления придадут новый ореол годовщине, столь священной для нас". Суть Лондонского договора – это повтор Петербургского протокола 1826 года признавшим Грецию государством с собственными законами, но формально остающимся под верховной властью султана. В случае, если Порты отвергнет такое предложение, то соединенным эскадрам трех держав «предназначено наблюдать строгое крейсирование таким образом, чтобы силою воспрепятствовать всякому покушению выслать морем, как из турецких владений, так и из Египта какое-либо вспомоществование войсками или судами и припасами против греческих сил на море или мест, им занимаемых...»

Что касается императора Николая, то он считал действие соединенных эскадр неизбежной и полагал. Что и англичане, и французы на нее согласятся.

Отсылая письмо, князь Ливен рассчитывал на Владимира второго класса, но прижимистый на награды Николай Первый, прочитавши панегирик в свою честь, решил иначе:

- Хватит с него и Анны!

29 июля Ливен на маленьком колесном портовом пароходике прибыл к Сенявину на "Азов".

- Переговоры с турками возложены на российского, английского и французского послов в Константинополе, а переговоры с греками на союзных адмиралов! - первым делом сообщил посол Сенявину с Гейденом.

Кроме этого он привез сообщение, что на основании заключенного трактата в Средиземном море уже крейсируют английская эскадра вице-адмирала Эдварда Кодрингтона и французская контр-адмирал де Риньи. Общий состав союзной эскадры установлен чрезвычайными послами в двенадцать линейных кораблей и столько же фрегатов.

- Кто планируется в главнокомандующие? - спросил Сенявин.

- Я, с ведома императора, предложил кандидатуру вице-адмирала Кодрингтона. Как и ожидалась, это польстило британскому кабинету, а с нас не убыло! Французы поартачились, но тоже вынуждены были согласиться!

- Вполне разумно! - согласился с Ливеном Сенявин. - Главное, чтобы выиграло дело!

- Прошу вас, Дмитрий Николаевич, поторопиться с отправкой эскадры графа Гейдена! – сказал, прощаясь с Сенявиным, Ливен.

- Мы и сами спешим, так что не волнуйтесь! - заверил его адмирал.

- О Кодрингтоне наслышан весьма! Хороший моряк и честный человек! Он, очевидно и возглавит союзные силы. Что касается де Риньи, то я не слышал о нем ничего! - сообщил после проводов посла, за вечерним чаем, Гейдену Сенявин. - Интересно было бы поглядеть как станут дружить англичане с французами после стольких лет войны между собой!

С верхней вахты доложили:

- На рейд заходит судно под Андреевским флагом!

- Кто же это может быть? - подивился Сенявин и поднялся на шканцы.

Взяв трубу, навел окуляры, прочитал славянскую вязь над кормовым подзором: "Кроткий".

А с "Кроткого" уже палили адмиральскую салютацию.

Шлюп "Кроткий" возвращался домой из трехлетнего кругосветного плавания. Побывав на Камчатке и Аляске, он спешил теперь в родные пределы.

- Шлюпку к спуску! - велел капитан - лейтенант Фердинанд Врангель.

Затем он обернулся к своему старшему офицеру Матюшкину:

- Пока я буду с докладом у адмирала, распорядись Федор о доставке свежей воды и закупке зелени!

- Не беспокойтесь! - кивнул лейтенант. - Все исполним в лучшем виде!

Врангель задержался у Сенявина на несколько часов. Адмиралу было интересно послушать подробности кругосветного вояжа.

- Завидую вам, молодым! - говорил он, на прощание Врангелю руку пожимая. - Был бы на пару десятков лет моложе, плюнул бы на все и тоже к берегам американским поплыл!

Командиру "Кроткого" он разрешил, не дожидаясь эскадры, возвращаться в Кронштадт самостоятельно. Понимал, как соскучились за годы странствий по дому и семьям.

А на следующий день Сенявин разразился разгромным приказом по эскадре. Поводом к нему послужило увиденное адмиралом на "Азове". Т офицеры били по лицам матросов. Среди замеченных Сенявиным оказались лейтенанты Нахимов, Кутыргин и Розерберг, которых командующий велел тут же арестовать на строе суток...

Когда-то еще в Чесменскую кампанию, матросы чуть не забили веслами упавшего за борт капитана Круза, который славился мордобойством. Тогда под занесенными над головой веслами Круз попросил прощения, обещал никогда более не трогать подчиненных, и был пощажен. Слово свое он сдержал и дослужившись до высоких адмиральских чинов не только не трогал матросов, а и строго взыскивал с тех, кто себе подобное позволял. Будущему герою Синопа и Севастополя для понимания этой истины хватило лишь сенявинского приказа. Придет время, и матросы будут боготворить

Нахимова, а пока молодой лейтенант пытался во всем подражать своему кумиру Лазареву, который, к слову сказать, всегда отличался "чрезмерной строгостью" к нижним чинам...

Свой суровый приказ старый адмирал посвятил единению кают-компаний и батарейной палубы. Это был даже не столько приказ, сколько нравственное завещание старого флотоводца молодому поколению моряков России. Он писал: "...Должно требовать с гг. офицеров, чтобы они чаще обращались со своими подчиненными, знали бы каждого из них и знали бы, что служба их не состоит только в том, чтобы командовать людьми во время работ, но что они должны входить и в частную жизнь их. Сим средством приобретут они к себе их любовь и даже доверенность, будут известны и об их нуждах и отвлекут от них всякий ропот, донося о их надобностях капитану.

Начальник и офицеры должны уметь возбудить соревнование к очередной службе в своих подчиненных ободрением отличнейших. Они должны знать дух русского матроса, которому иногда спасибо дороже всего.

Непристойные ругательства во время работ не должны выходить из уст офицеров, а неисправность и проступки матросов наказуются по установленной военной дисциплине.

Так может случиться, что ваша эскадра будет употреблена на военные действия, то тем паче должны гг. командиры и офицеры приобрести к себе искреннюю любовь подчиненных, дабы с лучшей пользой употреблять их в нужное время..."

Дмитрий Николаевич Сенявин проживет еще несколько лет, сделает еще немало добрых дел, но именно этот приказ будет памятен русским флотом, как прощальный... Самому ж адмиралу предстояло теперь вести большую часть эскадры обратно в Кронштадт. Так распорядился император. Нет, Николай вовсе не желал обидеть заслуженного флотоводца. Он искренне полагал, что старика адмирала, наоборот, может обидеть столь незначительная должность, как начальник маленькой эскадры - отряда. Николай Первый ожидал от Сенявина помощи в деле переустройства всего морского министерства и старый флотоводец был нужен ему не за тридевять земель, а рядом.

В ночь с 6 на 7 августа флагмана перенесли свои флаги. Старший (Сенявин) с "Азова" на "Царь Константин", а младший (Гейден) со "Святого Андрея" на "Азов". Согласно морского устава командир флагманского корабля принял на себя и обязанности флаг-капитанов (т.е. начальников штабов): капитан 1 ранга Иван Бутаков при Сенявине, а капитан 1 ранга Лазарев - 2-й при Гейдене.

...Был час пополудни 8 августа 1827 года, когда, отслужив напутственный молебен, назначенные в средиземноморское плавание суда, снялись с якорей и, следуя за головным "Азовом" (куда перенес свой флаг контр-адмирал Гейден), один за другим отчаянно "срезали корму" 74-пушечному "Царю Константину", салютуя одиннадцатью залпами. Лихим маневром своих подчиненных Сенявин был доволен.

- Молодцы, истинно, молодцы! - говорил он, придирчиво вглядываясь в проходящие мимо корабли и фрегаты. - Дай то господь такими явить им себя и при возможной встрече с неприятелем...

От избытка чувств у старого флотоводца перехватило горло, и он теперь лишь, молча, махал рукой тем, кто сейчас уходил в далекие моря продолжать когда-то начатое им...

На палубе "Царя Константина" толпились взятые в плавание до английских берегов гардемарины. Неокрепшими еще голосами кричали они "ура", размазывая по щекам слезы обиды на свой несправедливый жребий.

Чуть погодя, поредевшая эволюционная эскадра взяла курс к родным берегам.

Стоя на кормовом балконе, Сенявин провожал взглядом новоявленных средиземноморцев. Его Средиземноморская кампания длилась более пяти лет и сложилась на редкость драматично. Каково-то все сложится ныне? Корабли Гейдена уходили все дальше и дальше, пока с линии горизонта не пропали последние паруса.

Море было спокойным, а ветер благоприятствовал мореплавателям. На исходе первых суток похода, миновав скалистый мыс Лизард, Гейден распорядился отпустить британских лоцманов. Контр-адмирал предполагал проскочить до сицилийской Мессины без захода в какие-либо промежуточные порты.

Погода и ветер благоприятствовали. Миновав Английский канал, суда делали уже до десяти миль в час.

Молодежь радовалась:

- Ежели так и далее будет, то через неделю в опере итальянской сиживать будем! Капитаны, впрочем, не обольщались.

- Не накаркайте, - одергивали мечтателей. - Мы предполагаем, а Господь располагает! И точно, за мысом Сент-Вицент эскадра попала в полосу полнейшего штиля. Корабли и фрегаты буквально застыли среди недвижимого зеркала вод, словно стянутые какими-то неведомыми путами.

Пока суда Средиземноморской эскадры ждут, когда косицы вымпелов вновь вытянет свежий ветер, попробуем ближе взглянуть в лица тех, кому судьба даровала право идти вперед навстречу неизвестности.

Контр-адмирал Людвиг - Сигизмунд - Иаков Гейден Гейден был родом из семьи гофмаршала штатгальтера Соединенных провинций Ван-Гейдена. История его жизни настолько полна самых невероятных приключений, что ее, пожалуй, хватило бы на добрый десяток романов.

С детства будущий российский адмирал воспитывался вместе с сыновьями штатгальтера принцами Вильгельмом и Фредериком. К морю Гейдена начали приучать с одиннадцати лет, как это вообще было принято в Голландии, а потом и вовсе не смотря на знатность, отправили служить в Ост-Индийскую эскадру. На родину лейтенант Гейден вернулся только в 1795 году, как раз в

тот момент, когда его родина была оккупированы французами, и объявлена Батавской республикой. Друзья детства Грейга принцы Оранского дома оказались в смертельной опасности.

- Не бойся, Вильгельм! Не переживай, Фредерик! - приободрял оробевших принцев лейтенант, когда вместе с адмиралом Вальяно на рыбацкой лодке перевозил их в Англию.

- Вот вы и в безопасности, ваши высочества! - раскланялся он, когда лодка ткнулась носом в песчаный пляж.

- Оставайся с нами! - убеждали его спасенные принцы. - Ты наш самый верный друг и мы тебя не забудем!

- Я слишком давно не был дома и хочу навестить матушку! - отвечал им Гейден, отталкиваясь веслом от берега.

Едва молодой роялист вновь вступил на голландскую землю, как был немедленно арестован и брошен в застенки.

- Готов ли ты чихнуть в мешок? - поинтересовался комиссар конвента.

- Вполне! - отвечал лейтенант. - Сколько же можно страдать насморком!

От гильотины лейтенанта спас командующий французской армией генерал Пишегрю, сам бывший в глубине души роялистом. Пишегрю самолично вычеркнул имя Гейдена из списка осужденных на казнь.

- Больше помочь тебе ничем не могу! - сказал он.

- Что же мне делать теперь?

- Бежать и чем дальше, тем лучше!

Едва оказавшись на свободе, Гейден решает более не испытывать судьбу и побыстрее покинуть Отечество. Но куда ехать? Только туда, где нужны храбрые и предприимчивые, а это значит в далекую и снежную Россию!

Так в 1795 году Гейден оказался в Петербурге и был принят по повелению императрицы Екатерины на флотскую службу в капитан-лейтенантском чине. Отныне его уже величали на русский лад Логином Петровичем. Служить Гейден в России начал на Черноморском флоте под водительством самого Ушакова. Под его же флагом участвовал в Средиземноморской экспедиции. Особых подвигов он там не совершил, но зарекомендовал как знающий и грамотный моряк. Русский язык учить начал с боцманской брани. Когда ее освоил в совершенстве, все остальное пошло уже легко. Затем трудился в Морском корпусе, командовал различными кораблями на Балтике, исполнял и береговые должности. Удачно женился. Брак принес ему шесть детей, поровну сыновей и дочек. В шведскую войну 1808 года командуя отрядом гребных судов, трижды участвовал в кровопролитных боях со шведами и разгромил неприятельскую эскадру в бою у острова Комито. В 1810 году Гейден принимает российское подданство, тем самым навсегда связывая свою жизнь с этой страной, а спустя три года отличается и при бомбардировке Данцига, за что удостоивается золотой шпаги "За храбрость" и капитан-командорского чина. Позднее Гейден командует гребной флотилией, губернаторствует в Або и Свеаборге. Но случай показать себя по-настоящему выпал ему лишь в году 1817, когда Свеаборг посетил великий князь Николай Павлович (будущий

император). Тогда контр-адмирал завел с будущим императором настолько откровенный разговор о бедственном положении флота, что многое для Николая стало сущим откровением. Опытный и храбрый моряк с аристократическими манерами, полной приключениями жизнью и знанием шести языков произвел должное впечатление. Проникнувшись за это к Гейдену большим уважением, Николай Первый запомнил его. По-видимому, именно поэтому, в обход многих других достойных адмиралов он поручает именно Гейдену через десять лет возглавить столь серьезное мероприятие, как Средиземноморской поход.

Современники никогда не считали Логина Петровича великим флотоводцем, признавая, при этом, его прекрасную морскую подготовку. Единодушно все отзывались о нем, как о человеке исключительной честности и большой добропорядочности, что, тоже, согласитесь, встречается не так уж часто!

Историк (и это была женщина!) писал впоследствии о нем так: "Граф Гейден пользовался всеобщим уважением и любовью во флоте, как симпатичный и обходительный человек, обладавший светскими манерами. Если необходимо было распечь кого-нибудь, то его выговоры обычно ограничивались приглашением откусить к нему хлеба соли. Гостеприимный дом графа был своего рода светской школой для флотской молодежи. Вообще, по отзывам всех разноплеменных и разнохарактерных личностей, с которыми приходилось графу сталкиваться, это была личность светлая, обладавшая глубоким, разносторонним образованным умом и прекрасными качествами сердца..."

Логгин Петрович Гейден (1773-1850)

Пользуясь непредвиденной заминкой со штилем, Гейден велел звать к себе на обед корабельных и фрегатских капитанов. Пока вестовые подливали собравшимся в бокалы портвейн, контр-адмирал, отодвинув в сторону ростбиф, посвящал подчиненных в свои ближайшие планы:

- Прежде всего, предполагаю я завернуть в Мессину, чтобы дать там командам хоть малую передышку. Далее ж поплывем на Ханте, где по предварительной договоренности нас должны поджидать союзники.

- А будут ли слать эскадру французы! - поинтересовался словоохотливый Еропкин 1-й, старший.

- Англичане дали свое согласие на участие, - ответил Гейден, - А о французах не знаю.

- По мне и сами управимся! - продолжил мысль брата Еропкин 2-й, младший.

- Господа, прошу к карте! - пригласил офицеров Михаил Лазарев, исполняющий отныне помимо основной должности и обязанности начальника штаба эскадры.

Раскрыв записные книжки, и вооружившись остро отточенными карандашами, командиры судов тщательно записывали все услышанное. Обсуждали уже детали: походный ордер, маршрут, точки возможных рандеву.

Из письма лейтенанта Павла Нахимова Рейнеке: "Свежий ветер нас подхватил, сколько возможно пользуясь им, в пять дней долетели до мыса Сан-Винсента. Оставалось на одни утки переходу до Гибралтара, уже начали мечтать, что скоро достигнем цели своих желаний, но, как нарочно, штили и противные ветры продержали нас очень долго, не впуская в Средиземное море. 24 августа прошли Гибралтар. С сего числа ветер все время нам не благоприятствовал, и все переходы наши были несчастливы..."

Корабельная жизнь текла своим чередом. Несмотря на погоду, настроение у всех было приподнятое. И если вечерами матросы лихо отплясывали "камаринского" на баке, то офицеры в это же время с не меньшим воодушевлением распевали под гитару романсы в кают-компании.

За Гибралтарской скалой на мореплавателей обрушилась небывалая жара. И хотя палубы непрерывно поливали забортной водой, смола из пазов все равно текла ручьями.

- А какой у нас в Устье мороз, аж уши заворачивает! - мечтательно вздыхал в тени паруса какой-то молоденький матросик. - Не то, что тутошняя жарница, будь она не ладна!

- А ты без толку не лайся, - одергивали его ветераны средиземноморских компаний. - Это еще цветочки, а вот как с пустынь Египетских дунет их сиротка, вот тогда уж точно ад будет!

"Сироткой" ветераны компаний средиземноморских именовали знойный африканский "сирокко", а вот на счет ада говорили правду сущую, ибо от "сиротки" добра ждать не приходилось!

Вскоре среди молодых матросов пополз слух, что от пекла и солнца можно почернеть до полного африканского обличия.

- Куды ж я ефиепом али арапом чернорожим к Матрене своей возвернуся! - не на шутку пугались они. - Меня ж не то, что девка, мать родная не признает!

- Не журишь, сердешные, - утешали их старики, в усы промеж себя посмеиваясь. - Мы вот уж третью гулянку сюды делаем, а арапами так и не сделались! Чернота тутошняя враз сходит.

- Слава-те, хосподи, - крестились матросики обрадовано. - А то напугали добрых людей до конца жизни!

И снова дневниковые записи одного из участников плавания: "До 5-го сентября тихие и противные ветры и штили держали эскадру почти все на одном месте на высоте острова Сардинии. 5-го в полдень получили легкий попутный ветер, но 6-го опять штилевали, а 7-го перед рассветом задул попутный ровный ветер и к вечеру сильно засвежел, так что всю ночь мы держали по 11-ти узлов".

Порывистый и сильный зюйд-вест буквально рвал паруса. Суда сильно качало. Со шканцев флагманского "Азова" было хорошо видно, как, они-то по самые мачты зарывались в волне, то, наоборот, ею же подхваченные, взлетали ввысь на пенных гребнях. Эскадра держала курс на Полермо.

Очередной походный день уже клонился к вечеру, и свободные от вахты офицеры "Азова" коротали время в кают-компании.

Вот в углу за шахматным столиком пристроились мичмана Корнилов и Завойко. Вот гардемарин Володя Истомин, печально музицирующий что-то, на изрядно расстроенном рояле. Мичман Саша Домашенко, уютно устроившись на диване, читает какой-то толстый французский роман. За кормовым балконом стонет ветер, частый дождь барабанит в стекло.

- Еще пару суток, господа, и погуляем по проспектам полермским! - поднял голову от шахмат рассудительный Володя Корнилов. - Кто как мыслит проводить время на берегу?

- Я на рынок сразу загляну! - подал голос гардемарин Истомин. - Непременно хочется фруктов здешних отведать, да и домашним подарки сделать надобно!

- А я в оперу! - оторвался от книги Домашенко. - Давно мечтал послушать настоящих итальянских теноров!

В дверь прошел только что сменившийся с вахты Павел Нахимов. Поеживаясь, кинул на вешалку мокрую от дождя фуражку.

- Начали лавировать на правый галс. - сообщил скороговоркой присутствующим. - А погода пропасть!

К лейтенанту подбежал расторопный вестовой, поставил стакан "адвоката" горячего крепко заваренного чая. Присев за стол и помешивая ложкой сахар Нахимов уже заинтересованно посматривал за развитие шахматной дуэли Корнилова с Завойко.

Внезапно за окном кают-компании раздался чей-то громкий и короткий вскрик. Офицеры повскакивали с мест.

- Матрос с мачты сорвался! - крикнул на ходу Нахимов, устремляясь к выходу.

Домашенко отбросил в сторону книгу. Вскочил. Какое-то мгновение он стоял неподвижно, затем же решительно бросился к окну. Рывком распахнул ставни и без раздумий кинулся за борт в круговерть волн и пены.

- Саша! Опомнись! Это же безумие! - кричали ему вслед, но было уже поздно.

Вдогонку прыгнувшему в море мичману швырнули первое, что попало под руки - стул. Вслед за стулом и какой-то пустой бочонок.

Домашенко тем временем подплыл к барахтавшемуся в воде матросу. тот, нелепо размахивая руками, уже начинал захлебываться.

- Держись за меня! - крикнул мичман. - Продержимся! На шканцах "Азова" уже немногословно и деловито распоряжался

Лазарев. - Скорее! Может еще успеем! - подгонял он карабкавшихся по вантам матросов. Вывалившись из общего строя, "Азов" резко положил руль вправо и, отчаянно кренясь, лег на развороте. На фалах его трепетали флаги "Человек за бортом".

Маневр Лазарева был рассчитан ювелирно точно: он не только вернул корабль в точку падения людей, но и постарался, одновременно, прикрыть их корпусом от волн и ветра. Шлюпку сбрасывали буквально на ходу. По концу с разбегу бросились в нее гребцы, последним спрыгнул Нахимов. Именно ему было доверено спасение товарища. Один раз в своей жизни в подобный шторм Нахимов уже рисковал своей жизнью спасая матроса, то было еще на "Крейсере" в кругосветном плавании. Тогда к матросу не успели, но может, повезет на этот раз...

- Осторожней, Павел! - кричит ему, свесившийся за борт Лазарев. - Заходи с наветра!

- Знаю! - машет рукой Нахимов. - На весла! Навались!

Зарываясь в разводьях пены, то появляясь, то исчезая среди волн, шлюпка устремляется к погибающим.

- Два-а-а! Раз! Два-а-а! Раз! - хрипло кричит гребцам лейтенант, сжимая рукой румпель руля.

Нахимов тревожно вглядывается вдаль: не мелькнут ли среди волн головы мичмана и матроса?

- Вижу! Вижу! Вот они! - внезапно кричит впередсмотрящий. - Господин лейтенант, берите левее!

Теперь едва держащихся на воде людей видит и сам Нахимов.

- Поднажмите, братцы! - обращается он к гребцам. - Еще чуть-чуть осталось! Но матросов и не надо подгонять. Они и так из последних сил рвет на себя весла. Внезапно шлюпка со всего маха врезается в набежавшую волну. Ее отшвыривает в сторону, но твердая рука рулевого снова и снова направляет ее к намеченной цели.

Вот уже до Домашенко с матросом рукой подать. Видно, как мичман пытается поддержать на плаву обессиленного товарища. Домашенко что-то кричит, но ветер уносит его слова и ничего не слышно. Все ближе шлюпка! Вот-вот люди будут спасены!

Но судьба распорядилась иначе. Когда до мичмана с матросом оставалось каких-нибудь пять-шесть саженой, очередная волна накрыла несчастных с головой. Больше их уже не видели...

Более часа кружила на месте гибели товарищей шлюпка. До боли в глазах вглядывались, а вдруг где вынырнут? Но тщетно: море редко выпускает свои жертвы обратно...

Согнувшись, беззвучно плакал в бессилии Павел Нахимов, слез своих не стеснясь. Да и трудно было отличить их в такую пропасть от штормовых брызг.

Благородный подвиг Домашенко потряс всю эскадру. Поднимая поминальный стакан, контр-адмирал Гейден сказал:

- Старик Сенявин был бы счастлив этим подвигом! Вот уж воистину Домашенко отдал жизнь за други своя! пусть же будет ему пухом дно морское!

Друзья "азовцы" переживали гибель товарища особенно тяжело. В тот день, запершись в каюте, лейтенант Нахимов писал в далекий Архангельск Рейнеке о смерти их общего сотоварища: "О, любезный друг, какой великолепный поступок! Какая готовность жертвовать собой для пользы ближнего! Жаль, очень жаль, ежели этот поступок не будет помещен в историю нашего флота..."

Забегая вперед, можно сказать, что "азовцы" так и не забыли подвиг своего товарища. Едва позади остались последние мили средиземноморского похода и корабли бросили свои якоря в кронштадтский грунт, офицеры "Азова" немедленно собрали деньги на памятник Домашенко. Решение кают-компания "Азова" о сооружении памятника одобрил и Николай 1, сам приславший для этой цели некоторую сумму. Тогда же распорядился он и о назначении "приличествующей пенсии" матери и сестре Александра Александровича Домашенко.

А вскоре в Летнем саду Кронштадта был открыт и скромный обелиск. Надпись на нем гласила: "Офицеры "Азова" любезному сослуживцу, бросившемуся с кормы корабля для спасения погибающего в волнах матроса и заплатившему жизнью за столь человеколюбивый поступок".

Но все это еще впереди, а пока эскадра, приспустив в знак траура по погибшим флаги, продолжает свой путь в неведомое. Русских моряков ждут впереди долгие годы боевой страды, походы и крейсерства, впереди у них еще самое главное - пламя и слава Наварина!

Памятник мичману Домашенко

ГЛАВА ШЕСТАЯ В ПОИСКАХ СОЮЗНИКОВ

Пока корабли Гейдена качались на средиземноморских волнах, держа курс строго на норд-ост, вокруг них разворачивался новый раунд политической схватки. На этот раз за честь России предстояло постоять посланнику в Неаполе графу Штакельбергу. Посланник был озабочен как лучше предварить приход эскадры в итальянские порты. С этим он и явился к министру иностранных дел королевства кавалеру Медичи. И принимающий, и посещающий были в дипломатии не новичками. Граф был изысканно любезен, кавалер не менее учтив.

Справившись с мучавшей кавалера подагрой и поинтересовавшись здоровьем кавалерской супруги, Штакельберг плавно перешел к сути своего визита:

- Мне, ваша милость, было бы небезынтересно оговорить условия пребывания эскадры российской короны в портах вашего королевства!

- О, мы всегда рады добрым гостям! - заученно растянул улыбку Медичи. - Но... зачем вы, собственно говоря, плывете именно к нам?

- Есть ли еще более гостеприимный народ, чем итальянцы! - ответил ему Штакельберг с выражением самым счастливым. - А к тому же мы рассчитываем дать здесь отдых нашим измученным командам и пополнить запасы воды!

- Ах, мой дорогой граф, - молвил Медичи (улыбка с лица у него уже сползла).
- Ведь Высокая Порта обидеться на нас за такой поступок! Мы и так слишком часто нервируем султана Махмуда, а теперь он и вовсе озлобится!
- Но сейчас не времена пиратов Барбароссы и просвещенный Запад никому вас в обиду не даст! - тут же привел свои аргументы российский посол.

- Его величество король Фердинанд еще восемь лет назад ограничил посещение военными судами - несколько занервничал Медичи. - Там, где стоят гарнизоны, мы допускаем по четыре судна, туда же, где их нет по три!

В ответ Штакельберг только хмыкнул:

- Но ведь еще в 1787 году между нашими дворами был заключен договор об особых льготах русским судам. Подтверждая свои слова, граф выложил перед министром и сам документ. Кавалер Медичи надолго уткнулся в бумаги своим длинным фамильным носом. Наконец он поднял глаза:

- Все это так, но...

Препирались долго. Наконец сошлись на том, что линейные корабли итальянцы будут запускать в свои гавани, согласуясь с параграфами года 1819, зато фрегаты и корветы будут пользоваться льготами года 1787.

- Но подобное исключение, граф, мы позволяем вам в последний раз! - решающее слово Медичи оставил за собой.

В ответ Штакельберг лишь утвердительно кивнул головой. К чему ничего не значащие слова, от которых завтра так легко отказаться. И кто может знать, какие карты выбросит политический пасьянс через год, два! Сейчас же главное сделано, и эскадра Гейдена сможет теперь спокойно отстояться на тихих итальянских рейдах.

9 сентября на рассвете с салингов русских кораблей увидели берег. То была Сицилия - земля древняя и благодатная. Подойдя к острову, корабли один за другим приводились в бейдевинд и ложились в дрейф. Позади более месяца непрерывного плавания.

Палермо встречал русских моряков ослепительной южной красотой и душистым запахом апельсинов. На причале, куда подошли первые шлюпки, прибывших бурно приветствовала толпа местных нищих, в нетерпеливом предвкушении вина, скандалов и драк.

- Чтой-то много у них люда бродячего! - делились меж собой матросы-гребцы с любопытством разглядывая живописное сборище.

- А чего им тут не бродяжничать! - разъясняли остальные более наблюдательные. - Снегов да морозу здесь нету, лето круглый год, палку в землю ткни, и та растет. Чем не жисть!

- И то верно, - соглашались все. - Коли жисть тут райская, чего ж лодыря не корчить!

В местной опере в тот вечер давали Россини "Каро-де-Феро" и первые ряды партера были гостеприимно уступлены горожанами русским офицерам. Ах, как бешенно аплодировали лейтенанты и мичмана, как неистово кричали они

"браво" зычногoлoсoй приме Парлимане. Зал буквально стонал от восторга. А затем мужественных мореходов дерзко увозили во тьму улиц обольстительные и чувственные итальянки...

Сама прима удостоилась объятий лихого мичмана с "Иезекииля" и была счастливейшей из смертных. Утром певица самолично привезла предмет своего обожания прямо в гавань.

- Слышал, что девицы здешние прекрасны, но то, что лучше их не бывает, теперь убедился сам! - авторитетно сообщил мичман, спрыгнув в шлюпку к своим сотоварищам.

А с берега пышнотелая Парлимане, выставив вперед ослепительно-откровенное декольте, все посылала и посылала ему воздушные поцелуи:

Гейден отнесся к массовому загулу офицерства спокойно:

- Скоро у них кончатся деньги, а вместе с ними убавится и прыть!

Матросов на берег спускали тоже щедро, в несколько очередей. Те с удовольствием пили дешевое вино в портовых трактирах, да хватали за пышные бока хохочущих от восторга прачек и рыбных торговков.

Из записок лейтенанта Александра Рыкачева с корабля "Гангут":
"...Сменившись с вахты и отдохнув не более часа, я поспешил на берег к моим знакомым, чтобы ехать с ними в их загородный дом. Приехав на пристань..., я нашел коляску герцогини, присланную за мной. ...Старая княгиня с двумя племянницами, молодыми девушками, поехали в большой карете, а я с ее сыном и герцогиней, в прекрасной коляске ...Остановились у... двухэтажного дома. Внизу была большая зала, посреди которой из мраморной вазы бил фонтан, а в воде играли золотые рыбки... В 4 часа мы сели за стол, обед был очень хорошо приготовлен, а после десерта отправились наверх есть мороженое. После обеда герцогиня играла на фортепиано, прекрасно пела... Вечером мы еще долго гуляли по саду, ужинали в павильоне и очень поздно разошлись по своим комнатам... Проснувшись в 6-ть утра, я оделся и... пошел бродить по горам. Взобравшись довольно высоко, увидел нашу эскадру... После завтрака... поехал в город..."

Как всегда, с появлением в порту большого количества моряков, там тотчас начинали шнырять и всевозможные аферисты, прежде всего карточные шулера. Наивных и доверчивых русских офицеров они обчищали на зеленом поле вчистую.

Сам контр-адмирал Гейден также дневал и ночевал на берегу, когда же командир "Азова" Лазарев осторожно выразил сомнение в полезности столь частого отсутствия командующего, граф отвечал ему с милой улыбкой:

- Если все отдыхают, то почему это может возбраняться и командующему, тем более, что у меня есть столь замечательный и дельный помощник, как вы!

В общем расчет Гейдена был оправдан. Буквально за несколько дней людей на эскадре было не узнать. Все выглядели бодрыми и веселыми, готовыми к новым испытаниям. Но всякому празднику когда-то приходит конец.

19 сентября пришла пора и нашим соотечественникам проститься с гостеприимным Палермо. Полученный в Гейдене новый императорский рескрипт требовал спешить в Архипелаг, но с заходом в Мессину.

Еще накануне все гребные суда были подняты на борт и команды занялись подготовкой к плаванию. На "Азов" сделал визит вице-рой города князь Монт-Итали.

Палермо корабли покидали под проливным дождем и при шквалистым ветре. Не смотря на противный ветер, Гейден велел выходить в море. Вдали полыхал заревом извержений знаменитый вулкан Стромболи. На раскатанных зеекартах штурмана прокладывали новый курс, теперь уже на Мессину. Там Гейден рассчитывал получить свежие инструкции о своих последующих действиях. В Мессине швартовались кораблями к самой городской пристани. Вид с моря на город был поистине живописен: амфитеатр домов, спускавшихся с гор к морю, множество судов в порту и набережная, усеянная гуляющими.

Едва скинули трапы, как в поданной коляске укатил Гейден. Контр-адмирал поспешил в местный театр, на парадный спектакль в честь дня рождения неаполитанского короля Фердинанда. За командующим поспешили на берег и офицеры. В тот день давали оперу. После Палермского местный театр впечатления ни на кого не произвел: актеры пели фальшиво, а играли дурно. Затем Гейден с Лазаревым отправились к мессинскому губернатору, а офицерство потянулось в трактир "Золотой лев". У дверей гостей встречал сам хозяин лысый и тучный.

- О, я безумно люблю русских моряков! - говорил он, обнимая за плечи каждого входящего.

- За что же нам такая честь? - поинтересовались зашедшие в трактир "азовцы": Нахимов, Бутенев, да Путятин с Завойко.

- Как же вас можно не любить! - искреннее удивился хозяин. - Если пьете много, а платите щедро!

"В трактире мы нашли уже готовый обед, - вспоминал впоследствии один из участников этой кампании. - И тотчас же сели за стол. Обед прошел очень весело, пили всевозможные тосты, какие только могли придумать".

Затем трактирщик выставил счет, повергнувший в уныние даже самых больших оптимистов. Поверх счета хозяин положил и почетный аттестат.

- Вот документ, оставленный мне много лет назад моряками эскадры адмирала Сенявина. Он написан по-русски, а сказано в нем о моей честности! Взяв в руки и посмотрев бумагу, засмеялся Павел Нахимов.

- Вот, господа, послушайте, сей, документ! - сказал он и зачитал. - Аттестат, сей, выдан хозяину трактира "Золотой лев" Борозини в том, что он есть вполне честный человек во всем, кроме составления счетов".

- Что ж, - подытожил визит Иван Бутенев. - Человек вы вполне достойный!

Здесь же в Мессине с помощью российского консула Юлинца были найдены лоцманы-греки для плавания в архипелагских водах. Прибыл на "Азов" и переводчик-драгоман Папаригопуло. Гейден был раздосадован - у консула

Юлинца для него не оказалось никаких инструкций. А потому в Мессине решено было более не задерживаться.

- Зачем нам определили местом получения инструкций Мессину - место самое не подходящее! Лучше бы уж мы заскочили на Мальту, наверняка что-нибудь новое, да узнали! По крайней мере, об англичанах! - делился мыслями со своим флаг-капитаном Гейден.

- Что вы, Логин Петрович, разве не знаете, как у нас сии инструкции пишутся! - усмехнулся Лазарев. - Позевал чиновник, подавил мух на стекле оконном, глянул на глобус, увидел там подпись знакомую и тут же ее в бумагу вписал. Не мы первые! Впрочем, по местным слухам британская эскадра сейчас как раз пополняет припасы на Мальте.

С первым попутным ветром эскадра вытянулась на рейд.

- Курс на Занте! - велел передать капитанам Гейден. - Будем искать англичан у острова!

Вдали в синеве горизонта пропадала Мессина. Спустя восемьдесят два года русские моряки снова вернутся сюда, но на этот раз, чтобы спасти людей, погребенных под руинами страшного землетрясения... но до этого дня еще очень и очень далеко.

Беспокоясь о своевременной встрече с союзниками, Гейден решил выслать на их поиск фрегат "Константин".

- Вот, что, Степан, - сказал он прибывшему к нему для получения указаний командиру фрегата капитану 2 ранга Хрущеву. - Тебе задача будет бравая! Немедленно разворачивайся на Мальту, отыщи там англичан и узнай у них, что намерены они делать и где их сыскать! Мы же станем тебя ждать, крейсируя подле Занте-острова. Желаю удачи!

Распустив паруса, "Константин" устремился в обратный путь. По ходу дела наши останавливали и торговые суда.

- Видели ли англичан и куда они курс держали? - кричали в жестяные рупора до надрыва в голосе фрегатские лейтенанты Логин Гейден-младший (сын командующего) и Сергей Дубасов (будущий дедушка знаменитого флотоводца и усмирителя Красной Пресни).

Наконец и им повезло. С одного из торговых бригов сообщили:

- Видели английский флот пять дней назад на высоте Сиракуз!

- Куда шли? - последовал еще вопрос со шканцев "Константина".

- К Мальте! Тем временем русская эскадра продолжала свой путь.

- Если Хрущев не найдет англичан на Мальте, то остается одно место их пребывания - Наварин! - потыкав в карту циркулем, прикинул Гейден. - Мир у нас или война сейчас неизвестно, а потому пушки зарядить и дежурных канониров держать подле!

Степан Петрович Хрущов

Соблюдая осторожность, линейные корабли вытянулись в единую кильватерную колонну, впереди и по сторонам разместились фрегаты. С них непрерывно расспрашивали встречных купцов и рыбаков, о чем те слышали, и что видели в водах архипелагских. Многоязычные капитаны болтали разное. Одни утверждали, что турки уже разгромили англичан, другие, наоборот, что англичане разгромили турок. Были разговоры и о том, что англичане давно убрались на Мальту, так как по всей Морее гуляет чума. Наконец Гейден не выдержал.

- Купцов более не опрашивать! - велел он капитанам фрегатов. - Ибо чем больше их слушаю, тем меньше понимаю!

Наконец встретили надежное греческое судно. С него-то и сообщили, что Архипелаг кишмя кишит всевозможными пиратами, а объединенный египетский флот давно находится у морейских берегов. Главную базой был избран Наварин. Этому сообщению можно было верить.

С "Азова" флагами велели зарядить пушки боевыми зарядами, а ночью соблюдать осторожность от возможного брандерного нападения.

Офицеры в помыслах своих уже во всю громили неприятеля. На "Азове" на мичманском кубрике, сидя в койке, вздыхал только что сменившийся с вахты Володя Корнилов.

- Мое желание заветное, - говорил он. - Совершить подвиг в сражении и рану получить, но не серьезную!

- А к ране орден да на лечение в Палермо! - поддакнул ему из-под своего одеяла мичман Путятин.

- А чего в Палермо-то, Ефимушка? - свесился со второго яруса гардемарин Истомина.

- Чего-чего, - посмеялся над ним Путятин. - Да потому что в климате том благодатном и при дамском нежном уходе, раны быстрее заживут!

В лейтенантской выгородке говорили уже о вещах дельных.

- Судя по ветру, до Занте с неделю еще плестись будем! - озабоченно делился своими тревогами Павел Нахимов.

- Лишь бы англичан сыскать. Поодиночке мы туркам не слишком страшны. У них почитай вымпелов за восемьдесят, а у нас и десятка не наберется! - подхватывал тему Иван Бутенев.

- Хорошо б и французов на бакштов поставить, тогда можно будет и ультиматумы слать, - отозвался со своей койки сын бывшего морского министра маркиз Александр де Траверсе, прозванный среди своих "Саша де Траверз".

Наконец от заслуживающего доверие греческого корсара узнали новость: турецкий и египетский флоты в сто военных судов и множество транспортов беспрепятственно вошли в Наварин, где их и блокировал вице-адмирал Кодрингтон, у которого только один линейный корабль.

- Ставить все возможные паруса! - распорядился Гейден. - дело принимает оборот пренеприятный!

Из путевых записок одного из участников плавания: "27-го сентября. Тихий попутный ветер несколько подвинул нас вперед, но к ночи мы опять зашили.

28-го сентября. Утром увидели остров Занте и в проливе меж ним и Кефалонией два брига. Они скоро отделились от нас, подняв сигнал, которого мы не могли понять. Весь день лавировали...

29-го... Дуло довольно свежо, течением нас немного сносило к югу.

30-го... Лавировали целый день и вовсе не видели судов..." Вечером фрегат "Елена" привел к флагману сразу четыре "купца" и один военный бриг под турецким флагом. Капитану-египтянину велели прибыть на борт "Азова", затем, расспросив, отпустили. Когда же бриг стал быстро удаляться, вслед за ним устремилась "Елена", посмотреть, куда тот направится.

На следующий день, следуя в двух кильватерных колоннах ниже острова Занте, российская эскадра наконец-то встретила англичан. Над их передовым кораблем развивался флаг командующего британской Средиземноморской эскадрой вице-адмирала Кодрингтона. За флагманом четко держали строй фрегаты, бриги и шлюп.

- Ну, вот, слава Богу, и встретились! - перекрестился Лазарев. - Теперь мы уже сила!

- Право по борту еще паруса! - зычно кричали с вахты.

То были два турецких корвета. Из открытых портов выглядывали пушки. Над передовым развевался переговорный флаг. Подойдя к 88-пушечному британскому кораблю, турки вступили в переговоры. Чуть погодя, с "Азова" туда отправился шлюпкой и контр-адмирал Гейден.

Турки то и дело испуганно шарахались от российских кораблей и нервно жались к бортам британских кораблей. Гарри Кодрингтон, сын английского

командующего, состоявший при отце мичманом, наблюдая эту странную картину, говорил отцу:

- Кажется, туркам видится в русских что-то особо зловещее!

- Еще бы, - кивнул Кодрингтон, - никто и никогда так их не лупил, как русские!

В тот день Кодрингтон оставил на бумаге свое впечатление от российской эскадры: "Русские суда все такие чистенькие и, думаю, в весьма хорошем порядке... кажутся совершенно новы, и как медная обшивка у них с иголки, то имеют прелестный темно-розовый цвет, что много содействует красивой внешности судов... Русский флот, по-видимому, находится в хорошем боевом состоянии, хорошо управляем, и расположен охотно идти с нами рука в руку..." Характеристика весьма обстоятельная и столько же лестная. Поверьте, что в устах же старого моряка нельсоновской школы она значила не так уж мало!

Так по счастливой случайности почти в одно время и в одном месте встретились все союзные эскадры. Впоследствии Гейден писал об этом чрезвычайно важном событии: "Сие последовало случайно, но по обстоятельствам случай сей примечания достоин..."

В довершение всего откуда-то из полосы тумана вывернул и маленький греческий бриг. Греки трубили в сигнальные трубы и радостно размахивали руками, приветствуя прибытие своих заступников.

- Посмотрите на вест, Михайло Петрович! - передал Лазареву зрительную трубу стоявший вахтенным лейтенантом Нахимов. - Никак еще гости!

На горизонте, то, появляясь, то, исчезая, держались суда королевства Сардинского. Королевство держало строгий нейтралитет, но, в то же время, желало быть в курсе всех событий.

С остовых румбов тоже белело. Там затаились в мгlistой дали австрийцы, союзникам далеко не дружественные. Вена держала в Средиземном море эскадру графа Дандоло. Граф имел личную инструкцию Меттерниха повсеместно помогать туркам и вредить русским.

Вахтенный лейтенант "Азова" Нахимов доложил командиру о сложившейся диспозиции:

- Всех в избытке и даже венцы в гости пожаловали!

- Нет, Павел, - опустил трубу командир "Азова". - Это еще не гости, но уже и не зрители!

- Что пирог слоеный! - удивлялись наши моряки, затылки почесывая, - Почитай все флоты европейские в единую кучу сгреблись, а что далее делать никто и не знает!

Из воспоминаний: "...Английский адмиральский корабль привел на левый галс и лег в дрейф... К кораблю "Азов" тотчас же пришла шлюпка с корабля "Азия". Потом на ""Азове" спустили катер, на котором сам адмирал (т.е. Гейден - В.Ш.) ездил на английский корабль..."

Встреча двух командующих была радушной. Кодрингтон, правда, осторожно заметил, что ждал русских раньше. Гейден сослался на запутанные инструкции. Затем оба отправились обедать. За дружеским столом

российский командующий узнал много нового для себя и прежде всего о том, что три союзных посла в Константинополе передали в диван совместную декларацию о своем посредничестве в греческом вопросе.

- Ну и что турки? - спросил Гейден.

- Пока ничего! - развел руками Кондрингтон. - Молчат!

- Стоит ли понимать молчание, как отказ?

- Во всяком случае, не как согласие!

Расстались адмиралы вполне довольные друг другом, но не на шутку озабоченные политической ситуацией.

Прибытие российской эскадры сразу придало Кондрингтону уверенность в его намерениях. Прежде всего, теперь он мог не бояться угрожать туркам открытием огня. Кроме этого, вице-адмирал сразу понял, что Гейден имеет самые радикальные инструкции, которым он готов следовать неукоснительно, не вмешиваясь ни в какую большую политику.

Вечером в письме к жене Кондрингтон писал, характеризуя своего союзника: "...Этот прямодушный человек, готовый, даже слишком, довести дело до конца".

Офицеры со всей эскадры вслух завидовали "азовцам". Еще бы, те сейчас в курсе всех новостей, а тут гадай, что да как.

После полудня спустилась по ветру и французская эскадра. Флаг контр-адмирала де-Риньи был поднят на фрегате "Сирена". Фрегат подошел к "Азии" и "Азову" и так же лег в дрейф, остальные же французские судно продолжили движение к Занте.

Затем по горизонту будто мазнули белой краской. То, пуча паруса, догонял своих фрегат "Константин", успевший выяснить, что Кондрингтона давным-давно уже нет на Мальте. Хрущев боялся не успеть к возможному столкновению с турками, а потому выжимал из своего судна, все, что только можно. Найдя английскую эскадру, он на всякий случай отправился проверить юные румбы и вот теперь тоже возвращался к месту общего randevu.

Закончив выяснение отношений с египтянами, русская и британская эскадры двумя кильватерными колоннами взяли курс к берегам Мореи. Французы последовали туда же, но несколько поодаль, в гордом одиночестве. Вдалеке в наступивших сумерках осторожно скользили тенями сардинцы с австрийцами. Всех интересовал порт Наварин, где уже собрал свой немалый флот, упрямый и деятельный Ибрагим-паша.

Из воспоминаний участника событий: "...Французский адмиральский корабль снялся с дрейфа, прошел у нас под кормою и направился вслед за своей эскадрой. За ним последовал английский корвет и фрегат... Мы же, снявшись с дрейфа, легли вдоль берегов Мореи, по одному направлению с английской эскадрой... Курс наш ведет к Наварину..."

Так состоялась знаменитая демонстрация флагов у острова Занте 1-го октября 1827 года.

Британская Средиземноморская эскадра вот уже несколько месяцев, как покинула благодатную Мальту, и начала свое крейсерство в восточной части моря. Корабли под сине-красным "Юнионом Джеком" устало качало в бесконечных проливах Архипелага.

Во главе эскадры - вице-адмирал Эдуард Кодрингтон, один из лучших флотоводцев Соединенного королевства. За плечами 57-летнего вице-адмирала была большая полная событий жизнь и служба. На флоте с двенадцати лет. Впервые он отличился, будучи еще лейтенантом на линкоре "Квин-Чарлотт", в далеком 1794 году у французских берегов. Затем командовал брандером и корветом, фрегатом и, наконец, линейным кораблем "Орион". Именно на "Орионе" Кодрингтон принял участие в знаменитом Трафальгарском сражении, пленил три французских линкора, за что был награжден золотой медалью. Потом в 1810 году Кодрингтон участвовал в защите Кадиса от французов, успешно командовал эскадрой у испанских берегов и даже отличился в сухопутном сражении при Вилла-Сукка, командуя сводным отрядом моряков. Уже контр-адмиралом в эскадре сэра Кокрэйна воевал в Северной Америке при Балтиморе и Новом Орлеане, крейсировал в Мексиканском заливе. С 1821 года - он вице-адмирал, а в 1826 году получает назначение командующим Средиземноморской эскадрой. Счастлив был вице-адмирал и в браке, имея от своей жены Иоанны Халл двоих сыновей и троих дочерей. Многим позднее российский биограф Кодрингтона напишет о нем следующее: "Как воин, он оставил по себе блестящий пример для службы, которую любил безгранично и в которой считал священной обязанностью выставлять заслуги своих подчиненных. Открытый и благородный характер его никогда не выражал скрытности, и, хотя откровенность его часто была неблагоприятна для его личных выгод, но, несмотря на то, прямой и твердый характер его всегда будет глубоко уважаем всеми". Ныне, став флагманом, Кодрингтон был призван решать дела не столько военные, сколько политические. Три десятка лет назад у берегов Италии подобную задачу решал его знаменитый учитель, теперь же его ученику предстояло повторить нельсоновский успех у скал Мореи.

Назначая Кодрингтона командующим эскадрой в столь щекотливый для Лондона момент, кабинет учитывал, казалось все: боевой опыт и личный авторитет, количество наплаванных миль и мнение общественности. Упустили из вида лишь одно. Ошибка эта впоследствии будет стоить многим, в том числе и самому вице-адмиралу, карьеры. К досаде, Уайт-Холла сэр Кодрингтон окажется не только боевым моряком, но и честным человеком...

Итак, британские корабли уже затаились в ожидании последнего решительного приказа. Уайт-холл, после долгих раздумий, все же бросил

свою эскадру на чашу весов! Кабинет лорда Каннинга теперь балансировал на острие ножа. С одной стороны, нельзя было отставать от союзных России и Франции, с другой жаль было отпугивать от себя давних друзей - турок. С Кодрингтоном же сложности начались с самого начала. Еще, будучи на рейде Ла-Валетты, знакомясь с присланными инструкциями, адмирал поднял шум:

- У этих умников наверняка белая горячка! Чем больше читаю, тем меньше соображаю!

- Такое иногда бывает, когда всю жизнь не отрываешь зада от кресла! - поддержал командующего командир флагманской "Азии" желчный Джон Курцион.

Сэр Эдвард Кодрингтон

- Вы послушайте, джентльмены, я цитирую! - обратился к своим капитанам Кодрингтон. - "Вы не должны брать ни чьей стороны. Ставьте свои корабли меж ними и сдерживайте их в спокойствии рупором. В нем я подразумеваю и силу". Мне, что рупором их по головам лупить?

- А ну их...! - вице-адмирал в сердцах швырнул бумаги в угол салона. - Будем думать сами, и надеяться лишь на свои головы и сердца!

В своих выводах командующий несколько не преувеличивал. Если в одной из правительственных посланий ему рекомендовалось делать все возможное для чести флага, то в другом (лежащем тут же) объявлялось, что официальный Лондон желает только посредничества между враждующими сторонами без нарушения мира.

- Пиши ответ! - велел, в конце концов, Кодрингтон адъютанту. - Я сомневаюсь, что смогу остановить возможное столкновение. Я верю лишь в пушки, только они способны сохранить мир, честь и славу британского флота!

Корабли еще не успели выбрать становые якоря, как те вновь шумно упали в воду.

- Я не двинусь не на фут, пока мне не будет разрешено прекратить греческий спор пушками, а не мифическими переговорами! Я боевой адмирал и мне нужна ясность!

Наконец Лондон невразумительно, но все же подтвердил права командующего на открытие огня в случае крайней необходимости.

- Вот это другое дело! - щелкнул пальцами сэр Кодрингтон. - А теперь скорее в море, пока в Уайт-холле не передумали!

Несмотря на непогоду и противный ветер британские корабли стремительно снялись с якорей и растворились за окоемом. Попробуй теперь их отыскать!

Появление у греческих берегов союзных эскадр, конечно же, не осталось без внимания повстанцев. В те дни храбрый корсар Якобо Италес доносил своим вождям: "Я узнал, что Ибрагим-паша, встретив у берегов Греции европейские военные суда, должен был остановиться, пришел в бешенство, вернулся в Наварин и на шлюпке прибыл в Модон. Его войска, двинувшиеся вперед сухим путем, так же вернулись. Ибрагим впал в меланхолию, никого не слушает и хочет со всеми войсками напасть на проход Армиро с сухого пути, так как с моря нельзя теперь".

25 сентября к Кодрингтону подошли французы. Корабли обменялись, положенной в таких случаях, салютацией. Однако на палубах обошлось без особых восторгов. Память о недавнем кровавом двадцатилетнем противостоянии была еще слишком свежа. Французский контр-адмирал де-Риньи был настроен по отношению к союзнику прохладно. Последний отвечал тем же.

Граф Мари Анри Готье Даниэль де Риньи

Де-Риньи было тогда сорок семь лет, из которых он прослужил во французском флоте более трех десятков лет. Все наполеоновские войны он пробыл в чинах не слишком больших лейтенантским, а капитаном стал уже после реставрации Бурбонов. Особых подвигов за де-Реньи на числилось, но все признавали его как опытного моряка и осторожного начальника. Контр-адмиралом де-Реньи стал всего полтора года назад, когда в Тулоне была сформирована "летучая эскадра", для действий в греческих водах. Как и подавляющее большинство французов, де-Реньи англичан не терпел, два десятилетия непрерывных войн не прошли для него даром, а потому относился к новым союзникам с недоверием и подозрением, видя подвох в каждом действии или не осторожном слове. Но прошлое прошлым, а теперь обоим адмиралам предстояло действовать сообща.

Договорившись о согласованности в действиях, вице-адмирал Кодрингтон и контр-адмирал де-Риньи направились прямо к Наварину, где находился Ибрагим-паша. 84-пушечная "Азия" Кодрингтона и 60-пушечная "Сирена" де-Риньи вызывающе бросили якоря в самой глубине бухты. Орудийные порты на обоих судах были открыты. Турки тоже выкатили свои пушки, да разожгли печи для накаливания ядер. Тагир-паша (командующий турецкий) и Могарем-паша (командующий египетский) спешно выстраивали свои суда в боевую линию.

Письмом адмиралы известили турецкого главнокомандующего о своем главном требовании - немедленно прекратить всякое кровопролитие в Элладе. Ибрагим послание отложил в сторону, а союзных флагманов пригласил к себе на переговоры.

В парадной зале Наваринского дворца душно и жарко. Сам турецкий паша возлежал среди вороха подушек, рядом в креслах адмиралы. Белозубые нубийцы метались с огромными подносами: щербет, фрукты, плов. Ибрагим безучастно посасывал янтарный мудштук. То ли дремал, то ли внимательно слушал. Переговоры были в самом разгаре.

Кодрингтон с де-Риньи горячо убеждали пашу воздержаться от войны, Ибрагим лишь наклонял свой огромный тюрбан, увенчанный алмазным пером:

- Якши! Якши!

За переводчика турецкий драгоман. Кодрингтон из осторожности своего оставил на корабле. После долгих уговоров паша все же согласился заключить перемирие с греками на суше и на море.

- Ваш флот и сухопутные войска должны оставаться в бездействии в Наварине пока не будет получено подтверждений вашим действиям из Стамбула! - требовал командующий британской эскадрой.

Ибрагим вновь качнул в знак согласия тюрбаном. Затем щелкнул пальцами. Подбежавший драгоман, заглядывая в глаза своему владыке, перевел слова паши:

- Я согласен на все ваши требования, но в свою очередь требую, чтобы ваши корабли пропустили в бухту эскадру славного Ахмет-паши, что идет сейчас сюда от берегов Египта! Что касается моих действий, то я лишь верный воин своего султана и выполняю все его повеления! Сейчас мне велено продолжать наведение порядка в Мореи и завершить это взятием острова Идра, и я исполню это, чего бы это мне не стоило!

- Но ведь вмешательство союзных держав меняет раскладку сил и как знать, что сейчас думает по этому поводу султан? - мягко заметил Кодрингтон.

- Так как Порта не предвидела вашего насилия, я немедленно отправлю гонцов в Константинополь и Каир и даю слово, что до их возвращения мой флот не покинет Наварина в течении ближайших двадцати двух дней!

Адмиралы переглянулись, позицию собеседника они поняли вполне. Шепотом Кодрингтон с де-Риньи совещались. Французский командующий внезапно уперся, не столько по делу, сколько чтобы уязвить англичанина. Когда Кодрингтон изъявил желание, чтобы Ибрагим-паша скрепил условия перемирия своей подписью и печатью на бумаге, де-Риньи сразу же высказался против:

- Ибрагим сочтет такое предложение обидным для себя, ведь слово мусульманина считается нерушимым законом верности!

- Что ж, попробуем поверить на слово! - неохотно согласился Кодрингтон.

Когда союзные командующие покинули дворец, Ибрагим-паша поднялся с подушек. Прошелся по залу, разминая затекшие бока.

- С каким наслаждением я лично отрезал бы обоим их никчемные головы! - горестно вздохнул. - Да нельзя, все на меня обидятся! То ли дело раньше было, когда с нечестивых кожу живьем сдирали и ничего, все с пониманием относились! О времена, о нравы! Какие глупцы! Они наивно верят в мое честное слово, тогда как честное слово, данное неверному, не стоит ровным счетом ничего!

Утром следующего дня, когда "Азия" с "Сиреной" уже были готовы поднять паруса, к Кодрингтону прибыл посланец Ибрагим-паши.

Корма корабля «Азия»

- Мой повелитель только что получил печальное известие, что предводитель дерзких повстанцев генерал Кокрейн высадил свой десант на остров Патрас. Великий Ибрагим любимец Аллаха и надежда всех правоверных спрашивает тебя, дозволено ли ему будет выслать нужную силу для расстройств этих нечестивых планов?

Сэр Эдуард был суров и тверд:

- Все наши суда должны оставаться в бухте!

В зрительную трубу было отчетливо видно, как на египетских и турецких судах забегали матросы.

Кодрингтон вытер лысину батистовым платком:

- Я вижу оживление в вашем флоте. Должен ли я заключить из этого, что трактат, заключенный между нами более не имеет силы?

Драгоман пожал плечами:

- Отвечать на столь серьезный вопрос я не уполномочен. Я могу лишь передать его своему владыке. Если через час я не вернусь с ответом, то вы должны считать заключенное соглашение в полной силе!

Спустя три часа при заходе солнца, британский и французский корабли вышли в море. Посланец не вернулся, и оба адмирала вполне положились на честь Ибрагим-паши. На судах, стоявших в бухте, было тихо.

Оставив на всякий случай подле Наварина фрегат "Дармут" для наблюдения за действиями турок, Кодрингтон, отправил транспорта за припасами на Мальту, а сам с основной эскадрой взял курс к острову Занте, откуда он мог держать под контролем весь Архипелаг. Де-Риньи повернул со своей эскадрой западнее. Оба адмирала были спокойны. Ибрагим-пашу им уже удалось уговорить и теперь оставалось лишь удерживать от необдуманных действий мелкие отряды местных пиратов.

Тем большей неожиданностью стало для вице-адмирала Кодрингтона появление 2-го октября у Занте спешащего на всех парусах "Дармута". С фрегата призывно палили из пушек. Вице-адмирал в нетерпении ждал фрегатского капитана прямо у штурм-трапа. Едва запыхавшийся Томас

Филлоус взобрался на палубу флагмана, он сообщил изумленному Кодрингтону:

- Турецкий флот внезапно снялся из Наварина и направляется на норд-ост к Патрасу!

- Но это же настоящее вероломство! - воскликнул честный Кодрингтон.

- Конечно это не по-джентельменски! - согласились с ним его капитаны. - За столь вероломный обман надо бы высадить в брюхо обманщику пару каленых ядер!

Времени для раздумий не оставалось. Присоединив к своей "Азии" все, что было у него в тот момент под рукой (два фрегата да бриг), Кодрингтон бросился на перехват целого флота. На качающихся палубах матросов призывали помнить о британской доблести и верности королю. Наконец с салинга передового "Дармута" закричали:

- Много парусов! Впереди турецкий флот! Кодрингтону подали подзорную трубу. Небрежно вскинув ее, вице-адмирал долго рассматривал колонны судов Ибрагим-паши.

- Сорок семь вымпелов! - объявил он, трубу от глаз отнимая.

- Поднимайте боевые флаги и открывайте оружейные порты!

Над "Азией" взлетели и заполоскали огромные синие полотнища - символ готовности к подвигу. Разом откинулись крышки портов и из них выжидающе выглянули черные оружейные жерла.

- Три больших фрегата, восемь корветов и семь бригов! - подсчитывали на британских судах. - Это делает нам честь!

Повторяя маневр своего флагмана, британские суда плавно огибали турецкий флот, выходя на ветер. За "Дармутом" "Тальбот", за "Тальботом" "Зебра".

Поравнявшись с англичанами, турки легли в дрейф. По приказу Кодрингтона от борта фрегата "Тальбот" отвалила шлюпка. Капитан фрегата Фридрих Спенсер прибыв на адмиральское турецкое судно, изъявил удивление столь неожиданному нарушению трактата турецкой стороной и известил от имени своего командующего, что будет палить по-всякому, кто решится пройти мимо "Азии".

- Если будет сделан хотя бы один выстрел, то он послужит сигналом к полному истреблению вашего флота! - доходчиво объяснил ситуацию посланец британского командующего.

Слушая посланца, грузный и важный Петрона-бей, ведущий наваринский флот, лишь мрачно теребил крашенную хной бороду.

- Я лишь ничтожный исполнитель воли моего повелителя! - с притворным вздохом произнес он, когда Спенсер замолчал в ожидании ответа. - До нынешней минуты я пребывал в полнейшей уверенности, что сэр Эдуард дал моему папе позволение послать флот в Лепант для смирения потерявших разум!

Когда-же Спенсер заявил, что Кодрингтон не только не разрешал Ибрагиму-папе такие действия, а наоборот категорически против них возражает, Петрона-бей послал на "Азию" своего младшего флагмана Реал-бея, моряка опытного и человека рассудительного. Но и рассудительному Реал-бею в

ответ на его просьбу пропустить флот паши, было отказано. Едва же шлюпка с младшим турецким флагманом подошла к борту своего фрегата, "Азия" наполнила ветром грот-марсель и "выпала пушку", демонстрируя решительность своих намерений.

Не испытывая более судьбу, Петрона-бей развернул свою армаду обратно на Наварин. Лишь несколько мелких судов, воспользовавшись неразберихой перестроений, попытались, было, проскользнуть мимо англичан к Патрасу, но были отогнаны решительным маневром.

Держась в кильватере туркам, Кодрингтон проводил их до южной оконечности острова Занте, а затем, наполнив паруса ветром, ушел вперед, чтобы скорее соединиться с держащими где-то поблизости русской и французской эскадрами.

Тем временем к турецкому флоту присоединилось еще полтора десятка судов. На головных линейных кораблях капитанами отставные французские офицеры Летеллье и Бонпар, оба многоопытные и до денег жадные. На грот-мачте линейного корабля развевался личный флаг Ибрагим-паши: месяц над опрокинутым крестом. Готовые к бою, турки вновь повернули свои форштевни на Патрас.

И снова маленький, но дерзкий отряд Кодрингтона преградил им путь. Над "Азией" подняли сигнал о желании начать переговоры. Но Ибрагим-паша встречаться с британским флагманом не пожелал. Развернув флот, Ибрагим повел его в Наварин. С палуб турецких судов грозили кулаками, многозначительно проводили ладонью по шее. Ибрагим-паша чувствовал себя оскорбленным.

Чтобы не допустить новых попыток прорыва из Наваринской бухты подле нее оставили "Дармут", "Азия" и "Тальбот", чтобы запастись углем и водой встали на якоря у входа в Зантский залив. Кодрингтон нервничал:

- Де-Реньи бродит где-то рядом, но где же русские? Без них я не могу твердо ударить кулаком по столу!

В это время французский дозорный фрегат "Армида" домчался до острова Мило и сообщил де-Риньи о вероломном выходе в море турок. Тот поспешил на помощь Кодрингтону. Но во время налетевшего шквала линейный корабль "Сципион" навалило на корабль "Прованс". Оба получили тяжелые повреждения. А "Прованс" потерял даже мачту. Скрипя зубами, де-Риньи пришлось отправить оба своих линейных корабля чиниться на остров Корфу. Боевая сила французов сразу же уменьшилась вдвое.

Линейный корабль "Сципион" починится довольно быстро и вскоре догонит свою эскадру, что касается "Прованса", то его повреждения оказались настолько тяжелыми, что линкор пришлось отправить на ремонт в Тулон, и больше никакого участия в боевых действиях он не принимал.

Следующая ночь прошла относительно спокойно, но утром с "Дармута" сообщили о новой попытке Ибрагим-паши пробиться к Патрасу. В шесть часов пополудни Кодрингтон вышел на пересечку курса туркам.

- Штурман, место! - не оборачиваясь, бросил вице-адмирал, склонившемуся над картой лейтенанту.

- Траверз мыса Папас, сэр! - прокричал тот ему.

Кодрингтон подошел, к стоявшему подле, капитану Курцону:

- Вовремя успели. Еще час другой и ищи их по всем проливам! В знак презрения к англичанам Ибрагим-паша велел не поднимать флаги. Это был уже вызов! Почитая себя за первых моряков, подданные Георга Четвертого сочли это оскорблением небывалым. Ответом англичан был шквал ядер, которые Кодрингтон обрушил рядом с бортами турецких судов. Огромные султаны всплесков быстро образумили строптивцев, и турки флаги подняли и к Наварину отвернули.

- Где же де-Риньи? Где русские? - терзался неизвестностью британский адмирал. - Еще один прорыв Ибрагима и мне не останется другого выхода, как лечь костями на его пути!

Можно представить себе восторг британских моряков, когда в туманной дымке просыпающегося моря они увидели спешащий к ним фрегат, то был наш "Константин".

Скоро капитан 2 ранга Степан Хрущев, смело хлебая грог в кают-компани "Азии", уже делился последними новостями.

Адмирал Томас Кокрейн,

Несмотря на все переговоры боевые действия между турками и греками как в Мореи, так и в прибрежных к ней водах ни на день не прекращались. Война, есть война, где каждый использует любой промах своего противника. Еще в начале сентября 1827 года в водах Патрасского (Коринфского) залива появился со своей греческой флотилией в двадцать три вымпела адмирал Кокрейн.

Встав на якорь у Миссолунги, он стал ждать греческие войска генерала Черча. Когда после переговоров в Наварине с Ибрагим-пашой, Кодрингтон посоветовал Кохрейну увести свою флотилию в Архипелаг, тот поступил вполне разумно. Главные силы адмирал увел с собой, но оставил в заливе "на всякий случай" вполне боеспособный отряд: паровой корвет "Картерия", бриг "Сувенир", две шхуны и пару канонерских лодок, под общим началом давнего добровольца - филэллина "командора" Гастингса. Корвет "Картерия", что значит в переводе с греческого "Постоянство", был первым пароходом греческих ВМС, построенным в Англии на деньги так называемого второго английского займа. Паровая машина была его еще весьма несовершенна и часто выходила из строя.

La Kartería , анонимная акварель 1820-х годов , Исторический архив Гидры .

Едва Гастингсу стало известно, что турки и египтяне продолжили уничтожение греческих деревень, было решено им отомстить. Отряд судов незаметно проник в глубь Патрасского залива и 18 сентября с ходу внезапно атаковал турецкую флотилию. Бой был не долог, но жесток. Корвет "Картерия", действуя новейшими бомбическими орудиями, сжег два турецких брига. Уже в самом начале схватки вышла из строя примитивная паровая машина, пришлось биться более привычно, под парусами!

Фрэнк Эбни Гастингс

Враги сошлись вплотную и ядра прошибали корпуса судов насквозь, вынося в море вместе с кусками борта остатки человеческих тел. По зеркальной глади залива клубился едкий пороховой дым. Пока турки смогли сориентироваться в обстановке у них осталось только половина сил. Исход сражения был уже предрешен.

Вскоре турки обрубили канаты, и стали по своему обыкновению выбрасываться на берег. Добычей победителей стали пять поврежденных судов и три невредимых австрийских торговых судна, попавшихся, так сказать, под руку. Имя победителя "при Патрасе" Гастингса стало широко известно в Европе. Спустя восемь месяцев "командор" Гастингс был смертельно ранен во время сражения у крепости Анатолико.

Греческий флот на глазах превращался из каперско-корсарского в регулярный. У него уже была своя славная боевая история и свои первые герои!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ УЛЬТИМАТУМ ИБРАГИМУ-ПАШЕ

Уже второй день дул противный ветер. Вскоре после встречи нашей эскадры с англичанами подошли и французы. Наконец-то союзная эскадра собралась вместе.

Командующим французской эскадрой Анри де Риньи - 44-летний контр-адмирал. На французском флоте де Риньи с 15 лет. С 1816 года капитан корабля. Ничем особенным за время службы не отличился, однако, слыл хорошим моряком. Когда в 1825 году к берегам Мореи в Архипелаг был отправлен летучий отряд, Риньи был произведен в контр-адмиралы и

назначен его начальником. С 1827 года он был назначен командующим французской эскадрой в греческих водах.

Союзники непрерывно и изнурительно лавировали. Шторма не было, но погода была весьма свежая. Капитаны ревниво следили друг за другом, как кто маневрирует. Корабли спускались из бейдевинда на фордевинд, затем снова восходили до линии ветра. На "Азове" Лазарев придирчиво засекал время постановки парусов карманным хронометром.

- Ну и как мы посмотримся? - спросил его, вышедший наверх Гейден.

- От англичан не отстаем нисколько, а вот французы запаздывают все время и довольно прилично! - ответил командир "Азова".

Гейден удовлетворенно кивнул головой:

- Хорошо бы и англичан обставить! Не все же им здесь тон задавать!

Наши действительно маневрировали не хуже, а порой и лучше англичан. Удручало иное, при шквальных порывах ветра на наших кораблях все время что-то ломалось и рвалось: то на "Невском" разодрало фор и грот-марсели, то на "Проворном" повредилась грот-стенга, то на "Гангуте" треснула фок-мачта. Что и говорить, а состояние рангоута и такелажа на российских кораблях оставляло желать все еще многим лучшего. Время недавнего флотского забвения все еще сказывалось во всем.

Впрочем, стараниями команд внешне наши корабли выглядели не так уж и плохо. По крайней мере, понимающий толк в морском деле Кодрингтон, разглядывая русскую эскадру в зрительную трубу, высказался так:

- Русские суда все такие чистенькие! Особенно впечатляет отменная медная обшивка с темно-розовым отливом. Я думаю, что эскадра Гейдена в хорошем состоянии, а ее командующий расположен охотно идти с нами рука в руку. Лучшего союзника лучше желать!

Эти слова Кодрингтона известны документально.

Общие силы союзников хоть так и не достигли оговоренной лондонским договором численности, но все же были уже достаточно внушительными – 10 линкоров, 9 фрегатов, 2 корвета и 7 вспомогательных судов.

5-го октября командующие трех эскадр вновь собрались на совет. Гейден и де-Реньи держались по отношению друг к другу настороженно. Кодрингтон, как мог, вел беседу и председательствовал. Предстояло окончательно решить, что делать дальше? Более увещевать зарвавшегося Ибрагима было нельзя. Уверовав в свою безнаказанность, каирский паша отделивался от союзников ничего не значащими письмами, сам же продолжая громить и грабить Морею.

Ситуация на совете флагманов осложнялась еще и тем, что каждый из присутствующих помимо общеизвестных и закрепленных соответствующим договором задач исполнял и только ему ведомые секретные предписания своих правительств. Причем, если при этом Гейдену вменялось действовать решительно и смело, не останавливаясь даже перед полным истреблением турецкого флота, то у де-Реньи инструкции были полностью противоположными - сделать все возможное для сохранения турецкого флота и египетского войска.

После отъезда российского и французского командующих, присутствовавший на совещании полковник морской пехоты Крэдок заметил Кодрингтону:

- Вот задача! Можете ли вы, сэр, полагаться на дружбу этих двух своих коллег, когда они вот-вот готовы схватиться между собой не хуже, чем с оттоманами? Да и к нам французы, насколько я вижу, любовью тоже не пылают! Вы, наверное, уже слышаны о высказывании де-Реньи?

Карикатура, Оноре Домье, 1833.

Кодрингтон кивнул и погладил рукой лысину. Сплетню о словах де-Риньи он уже слышал. Говорили, что французский командующий не столь давно во всеуслышание заявил следующее: "Характер действий нашего объединенного флота зависит только от того, выпьет ли Кодрингтон стаканом больше или меньше!" Даже если такое и было на самом деле, время ли сейчас выяснять личные отношения?

О "причудливости" характера де-Риньи английский вице-адмирал был слышан и ранее. И сейчас француз изображал из себя вечно обиженного и оскорбленного. Вспомнил и последнее письмо герцога Кларенского: "...Де-Риньи действительно таков, каким вы его описываете, поэтому будьте осторожны, тверды и мягки..."

- Что поделать, когда между нами два десятилетия вражды и войн! - вздохнул вице-адмирал. - В диспозиции я, на всякий случай, поставлю нашу эскадру между русской и французской! Возможно, это несколько остудит французов! Как показали последующие события, тревоги британского вице-адмирала были совершенно напрасны. Как бы то ни было, но в этот день флагманы все же приняли твердое решение в последний раз предупредить турецкую сторону и в случае новых проволочек со стороны Ибрагим-паши ввести свои эскадры в Наваринскую бухту, дабы положить конец бесконечным обманам. Некоторое время сопротивлялся де-Реньи, ссылаясь на малочисленность сил

и превышение данных ему полномочий, но под давлением Кодрингтона согласился и он.

Итак, результатом совещания стал ультиматум, где, перечислив все злодеяния войск Ибрагима, адмиралы заявляли, что коль паша, по-прежнему, нарушает условий перемирия, разоряет землю и селенья, истребляет людей, игнорируя свои же обещания, не предпринимать ничего до получения указаний из Стамбула, то союзники вынуждены объявить Ибрагим-пашу... вне международного закона.

Текст ультиматума гласил: "Ваша Светлость!" По слухам, какие до нас со всех стран доходят, и по достоверным сведениям, узнаем мы что, многочисленные отряды вашей армии расселяясь в разных направлениях по западной части Мореи, опустошают оную, жгут, истребляют, исторгают с корнями деревья, виноградники, всякие произрастания; и, одним словом, наперерыв спешат превратить страну сию в совершенную пустыню.

Сверх сего известились мы, что против округов Майны, приготовлена экспедиция, и что туда двинулись некоторые войска.

Все сии необыкновенно насильственные действия происходят, можно сказать, в глазах наших и в нарушение перемирия, которое Ваша Светлость обязались честным словом, соблюдать ненарушимо до возвращения ваших курьеров. В нарушение такого перемирия, в силу которого позволено флоту вашему 26-го числа последнего сентября, обратный вход в Наварин.

Нижеподписавшиеся находятся в прискорбной необходимости объявить вам ныне, что таковой с вашей стороны поступок, и столь удивительное нарушение ваших обещаний, поставляют вас, Милостивый Государь, вне законов народных и вне существующих трактатов между высокими дворами союзников и Оттоманскою Портою. К сему же нижеподписавшиеся присовокупляют, что производимые в сие самое время, по велению вашему: опустошения совершенно противными пользам вашего Государя, который, по причине сих опустошений, может потерять существенные выгоды, доставляемые ему над Грецию Лондонским трактатом. Нижеподписавшиеся требуют от Вашей Светлости представление решительного и скорого ответа, и поставляют вам на вид неминуемые следствия вашего отказа или уклонения.

Подписали: вице-адмирал Э.Кодрингтон контр-адмирал граф Гейден, контр-адмирал шевалье де-Риньи".

Уже покидая совещание, вице-адмирал Кодрингтон столкнулся с командиром французского "Бреславля" капитаном Ла-Бретаньером.

- Ваше лицо мне очень знакомо! - сказал французу Кодрингтон. - Мы где-то встречались, но где?

- О, да! - усмехнулся Ла-Бретаньер. - Мы имели честь завязать с вами знакомство еще при Трафальгаре!

Улыбка мгновенно сошла с лица командующего британской эскадрой. Конечно же, он теперь сразу же вспомнил этого насмешливого француза и все обстоятельства той их давней и не слишком приятной для Кондрингтона встречи!

...Тогда Ла-Бретаньер, будучи еще молоденьким мичманом, служил на линейном корабле "Алджезиресе". Именно с "Алджезиресе" сошелся в отчаянном кинжальном поединке "Орион" капитана Кодрингтона. Бой был жесток, но Кодрингтон одолел своего противника. Мичман Ла-Бретаньер, последний из оставшихся в живых французских офицеров, кривя губы то ли от боли в раненной руке, то ли от презрения, отдал тогда Кодрингтону свою шпагу. Для того чтобы довести трофей до Гибралтара на французский линкор пересела призовая партия. Но на переходе начался шторм и, чтобы справиться с парусами, англичанам пришлось выпустить наверх часть, сидящих под замком, французских матросов. Едва те оказались наверху, как по команде Ла-Бретаньера перебили всех англичан и благополучно привели свой отбитый корабль в Кадис. С этого момента карьера Ла-Бретаньера круто пошла вверх, а Кодрингтону еще долго пришлось объясняться по этому поводу...

Но все это было уже в далеком прошлом, а теперь Кодрингтона волновало совсем иное!

...Письмо-ультиматум было вручено капитану Мартину, командиру британского брига "Маскито". Спустя какой-то час "Маскито" уже брасопил паруса и палил из сигнальной пушки на входе в Наварин.

Вскоре подошла и шлюпка с берега. Толстый и вальяжный помощник Ибрагима Саид-ага, прибывший на ней, кривил губы, принимая бумагу.

- Повелитель правоверных на здешних землях и потрясатель вселенной не сможет прочесть вашего письма! - объявил он с холодной усмешкой.

- Это почему же? - сдвинул белесые брови капитан Мартин, нервно теребя темляк сабли.

- Великий паша уехал побеждать посягнувших на его власть горцев и никому неведомо, когда он вернется!

- Но ведь обстоятельства не могут ждать! - простодушно воскликнул командир "Маскито".

- Увы, - развел руками Саид-ага. - Придется вам запастись терпением, ибо давать ответ по столь важной бумаге я не смею!

Вернувшись в крепость, Саид-ага сразу поспешил во дворец наместника, где его в нетерпении ждал Ибрагим, никуда, естественно, не уезжавший и не думавший уезжать. Выслушав доклад помощника, он лишь посмеялся:

- Посмотрим, кто кого из нас возьмет измором!

Затем наместник Греции совещался со своими адмиралами Тагир-пашой и Мукарем-беем. Турецкие флагманы осторожно советовали наместнику, если

не принимать условия Кодрингтона, то хотя бы притворится, что он их принял.

- Сейчас нам надо выиграть время! – внушали они хмурому Ибрагиму. – На море вот-вот начнется период зимних штормов, и наши враги будут вынуждены искать спасения в своих далеких портах! Тогда руки у нас будут снова развязаны, и мы с новой силой обрушим свой праведный гнев на головы мятежных греков! Надо лишь немного подождать и созревший плод сам упадет в твои руки!

Но гордый Ибрагим ни ждать, ни уступить не желал.

- Нам нечего бояться наших врагов! Наша позиция в Наварине неприступна! – говорил он в ответ, оглаживая рукой свою, крашеную хной бороду. - Я растопчу все ультиматумы неверных, но они все равно никогда не посмеют войти в бухту, если Аллах оставил в их головах хоть немного разума! За зиму франки, англы и москвиты непременно перегрызутся между собой!

- И все же, что намерен предпринять досточтимый и славный Ибрагим-паша, если его враги все же вздумают напасть на него? – спросил, склонив свою тюрбан Тагир-паша.

- Если глупые гяуры начнут ломиться в наши ворота, то это будет их концом! Мой флот и береговые крепости сделают их кормом для хищных рыб! Пощады не будет никому!

Тогда же было решено в случае попытки союзников войти в Наваринскую бухту, такую возможность им предоставить. После этого предполагалось дожидаться, когда все суда неверных станут на якорь. Затем турецкие и египетские капитаны должны будут подвести свои суда как можно ближе к противнику. А в первую же ночь свалиться с неприятелем на бордаж и вырезать всех поголовно.

- Прощаясь со своими флагманами, Ибрагим-паша подвел их к окну своего дворца и показал в сторону моря, где на горизонте белели парусами эскадры союзников.

- Вот ваши призы! – сказал он.

- Да пребудет с нами милость Аллаха! – кланялись адмиралы, отправляясь на корабли. – Слава ему, что наградил нашего правителя великой мудростью, пред которой падут все козни служителей шайтана!

Не теряя времени Тагир-паша, Мукарем-бей вместе с французскими советниками расставляли в бухте флот и готовили к бою береговые батареи.

- Это будет настоящий огненный мешок, вырваться из которого не удастся никому! – обещали туркам французские офицеры, рассчитывая на картах директрисы стрельбы корабельных и береговых пушек.

Турецко-египетский флот был расположен в Наваринской бухте на фертоинге строем в виде сжатого полумесяца, рога которого простирались от Наваринской крепости до батареи острова Сфактерия. Линейные корабли (3 единицы) и фрегаты (23 единицы) составляли первую линию. Корветы и бриги (57 единиц) находились во второй и третьей линиях. 50 транспортов и купеческих судов стояли на якорях под юго-восточным берегом Мореи. Всего на турецко-египетских судах было более 2300 орудий. Помимо этого,

вход в бухту, шириной около полмили, со всех сторон перекрестно простреливался батареями с Наваринской крепости и острова Сфактерия (165 орудий). По флангам на плотках установили бочки с горючей смесью. Там же, готовый к нанесению смертельного удара, притаился десяток брандеров. Трюмы этих плавучих «зажигательных снарядов» были до самых верхних палуб набиты смолой и порохом. Увернуться от их тарана в тесной бухте будет просто невозможно!

На возвышенности, с которой просматривалась вся Наваринская бухта, расположилась ставка самого Ибрагим-паши. Подле нее верные египетские байраки. Им предстоит вытаскивать из воды и тут же казнить доплывших до берега врагов.

Тем временем в салоне кодрингтоновской "Азии" бушевали страсти. Переминавшийся с ноги на ногу у порога капитан Мартин, стал свидетелем небывалой ярости своего адмирала. Кодрингтон, о котором в британском флоте ходили легенды, как о необычайно уравновешенном и даже флегматичном человеке, наверное, впервые в жизни дал волю всем своим чувствам.

- Этот Ибрагим - отъявленный негодяй и подлец (адмирал, разумеется, высказался более резко) - кричал Кодрингтон, потрясая руками. - И будь я проклят, если теперь не заставлю его сожрать свой нечестный язык! (адмирал выразился и в этом случае, конечно же, более категорично).

В письме своей жене Кодрингтон выразился куда более деликатно: "Наше письмо к Ибрагиму принесли назад нераспечатанным. Его лгун - драгоман говорит, будто бы никто не знает, куда он (Ибрагим-паша - В.Ш.) делся, но я уверен, что завтра же он найдется. Если только ветер позволит нам бросить якорь борт о борт с его судами!"

Теперь всем стало окончательно ясно, что вести дальнейшие переговоры с каирским пашей уже бессмысленно. Настала пора явить силу оружия...

В тот же день два фрегата: российский "Константин" и английский "Кембриан" были посланы в Каламатский залив "дабы возбудить мужество находившихся там греков и заставить удалиться турок, хотевших занять эту часть полуострова..." Дело в том, что тамошнее селение Амиро подверглось нашествию египтян, которые разрушили дома, поубивали жителей и вырубали все окрестные сады. Местное "спартанское войско", как могло, сдерживало беспощадных арабов, но им приходилось трудно, а потому союзники решили подкрепить храбрых "спартанцев".

Сами же адмиралы были озабочены больше коварством и несговорчивостью Ибрагим-паши.

"Столь странный и дерзкий ответ, - вспоминал впоследствии граф Гейден, - доказал еще более, что средства убеждения и даже угрозы будут отныне бесполезны и что без сильной и скорой меры Лондонский договор не только

не исполнит желаний человечества и благих намерений держав, оный заключивших, но сделает еще более губительнее борьбу, которую хотели остановить".

Утром следующего дня флагмана, собравшись на "Азии", совещались вновь.

- Ибрагим-паша бросил нам в лицо перчатку! – сказал, со вздохом, Гейден.

- Какая еще там перчатка, когда эта сволочь плюнула нам в лицо! - ударил кулаком по столу Кодрингтон. - В виду приближающихся осенних штормов держаться более в открытом море становится опасно. У нас остается лишь два варианта: покинуть берега Мореи, оставив их в полной власти турок, или зайти в Наваринскую бухту, где мы сможем не только укрыться от штормов, но и полностью заблокировать Ибрагима. Какие будут ваши мнения?

- Я желал бы войти в Наварин! - без всяких раздумий высказался Гейден. - Для этого, собственно говоря, нас и прислали, чтобы мы действовали с всею решительностью! В случае возможного сражения, я готов подчиниться старшему по званию, и выполнить все его указания!

Де-Реньи лишь зябко пожал плечами, но кивнул головой, что значило, видимо, и его полное согласие с Кодрингтоном и Гейденом. На словах же французский командующий сказал следующие (это доподлинные слова де-Риньи!):

- Великомудрая дипломатия, избегая ясного, определенного указания, предпочла оставить открытым этот источник недоразумений, сомнений и колебаний в деле, в котором всякое недоразумение может разразиться громовым ударом, либо привести к тому, что все торжественно предписываемые меры останутся мертвой буквой!

Дело в том, что перед самым совещанием де-Реньи направил письмо французским офицерам, служившим в египетском флоте. Текст письма гласил: "Господа, положение, в котором, как вы видите, находятся оттоманские морские силы, блокируемые в Наваринском порте, измена своему слову его светлости Ибрагим-паши, который обязался временным прекращением неприязненных действий, - все это указывает вам, что впредь вы можете встретиться с своим родным флагом. Вы знаете, чем рискуете. Требуя, чтобы вы покинули турецкую службу в минуту, когда оттоманский флот поставил себя во враждебное положение, которого он должен нести последствия, я даю предостережение, которым вам не следует пренебрегать, если вы остались французами. Имею честь и прочее... Де-Реньи".

На этот раз решение было найдено на удивление быстро. Решено же было следующее: "...По здравом рассуждении... всем судам соединенного флота войти в Наваринскую гавань, стать на якорь подле турецкого флота, дабы присутствием и положением союзных эскадр принудить Ибрагима сосредоточить свои силы на сем пункте и отказаться от всякого нового предприятия против берегов Мореи и берегов Греции".

Хитромудрые дипломаты, ничего не решив, отстранились от щекотливого Наваринского дела, предоставив трем адмиралам все расхлебывать самим. И те приняли это, как должное! Итак, три адмирала решили сознательно рискнуть своими эскадрами, честью и карьерой, чтобы единым махом

разрубить накрученный политиками "гордиев узел". При этом все трое прекрасно понимали, что, входя в бухту, они почти обрекают себя на неизбежный бой, ибо как говаривал рейс-эфенди "не могут хворост и огонь безопасно лежать друг против друга".

На шканцах союзных кораблей читали приказ, повелевающий быть готовыми вступить в сражение при первом сигнале. Вскоре командиры доложили своим флагманам, что у них все готово. Везде непрерывно игрались артиллерийские учения.

Вот вдалеке показались два линейных корабля. То были "Генуя" и "Альбион", спешившие на всех парусах с Мальты. Последнее подкрепление перед решающими событиями.

С союзнических эскадр в нетерпении старались рассмотреть стоявший в глубине Наваринской бухты турецкий флот, насколько это было возможно.

Еще ничего не было решено.

Наваринская бухта - почти правильный полукруг, отсекаемый, словно диаметром, со стороны моря вытянутым островом Сфактерия, оставляющим лишь два узких прохода со стороны северной и южной оконечностей. Именно остров Сфактерию захватил во время Пелопонесской войны Афин и Спарты знаменитый афинский стратег Демосфен, разгромивший гарнизон спартанцев и впервые в истории Греции взявший здесь в плен знаменитых спартанских "гвардейцев" - гоплитов. На Сфактерии отчетливо видны развалины. На их месте еще два года назад стояла церковь Вознесения, называемая греками в обиходе Панагула. Когда турки захватили Наварин, остатки греческих повстанцев заперлись в церкви, и, не желая сдаваться, взорвали ее вместе с собой.

Наваринская бухта

В 1770 году Наваринскую крепость штурмом взял посланный графом Алексеем Орловым отряд цейхмейстера Ивана Ганнибала. Затем в течение некоторого времени Наварин был главной базой российской средиземноморской флотилии. Там же находилась и резиденция графа Орлова. Предпринятая турками осада со стороны суши, вынудила Орлова покинуть Наваринский порт, чтобы, объединившись с отрядами адмирала Спиридова и контр-адмирала Эльфинстона дать решающее сражение турецкому флоту. Спустя месяц огромный турецкий флот был полностью истреблен при Чесме. Так что наваринские места были нашим морякам памятли...

С юга от острова Сфактерии в самом центре Наваринской бухты видны еще три маленьких острова - скалы. Наибольший из них греки именуют Пилосом, турки же называют Цихли-баба. Меньший зовется ласково - Хелонаки, то есть Черепашка.

Со стороны Пелопонеса бухту охраняет цитадель, именуемая Неокастро, что означает Новая Крепость. Цитадель построена турками еще в шестнадцатом столетии, а затем еще и укреплена венецианцами век спустя.

Еще одна крепость Палайокастро прикрывает северный проход в бухту, который турки предусмотрительно завалили камнями еще в 1571 году, сделав его непроходимым для больших судов. Именно Палайокастро штурмовал со своими моряками цейхмейстер российского флота Иван Ганнибал в славном для русского флота 1770 году, и именно в ее церкви Преображения Господня праздновали русские моряки тогда сию победу.

Сам, сбегающий красночерепичными домиками к морю городок Пилос, окружен со всех сторон кипарисовыми рощами и горами, высшая из которых вершина Святого Николая видна далеко с моря.

Сейчас крепости и город казались вымершими. Там тоже во всю готовились к, возможно, скорой встрече с союзниками.

Помимо турецкого и египетского флагманов флотом султана руководил еще и французский советник командор Летеллье. Командор прошел Абукир и Трафальгар, в его послужном списке прорывы сквозь английскую блокаду из Кадиса и отчаянные абордажи. Ему ли не знать, как готовить корабли к решающей битве!

А. Ф. Орлов в 1825 году

Объединенный турецко-египетский флот был выстроен Летеллье фигурой полциркуля (или подковы). Левый фланг строя примыкал к Наваринской крепости, правый - оканчивался батареей острова Сфактерия. Сама крепость, прикрывающая вход, полностью перекрывала своими пушками узкий проход в бухту, кроме этого ее орудия прикрывали и правый фланг стоящего на якоре флота. На высоте мыса стояла еще одна артиллерийская батарея. За ней лагерь полевой армии Ибрагим-паши в двадцать тысяч человек. Вне стана на возвышенности шатры самого Ибрагима, который с гордостью взирал на неприступную позицию своего флота.

- Пусть только неверные попробуют сунуть свой нос в мое логово! - хвалился он. - Ядра, огонь и вода истребят их в прах!

- О, наш повелитель! - сгибали спины вельможи. - Это будет воистину великая победа!

Историк пишет: «...На возвышенном холме, с коего весь порт виден совершенно, стояла ставка Ибрагимова, с коей он с гордостью взирал на твердую и почти неприступную позицию своего флота. Гибель союзников, по мнению его, была неизбежна. Ядра, огонь и вода должны были истребить и потопить их».

Под крепостью и у острова Сфактерия разместились отряды брандеров. Начиненные до верхней палубы порохом и смолой, они были готовы внезапно выскочить из своих засад, сцепиться с дерзнувшими войти в бухту, и взлететь вместе с ними на воздух.

Сам турецко-египетский флот стоял в трех боевых линиях. В первой линейные корабли и тяжелые фрегаты, во второй, фрегаты, корветы и бриги, расположенные так, чтобы могли стрелять в промежутки между судами первой линии. В третьей прочая мелочь. Их задача добивать поврежденного противника и оказывать помощь своим.

Впереди боевых линий покачивались на пологой волне плоты с огромными бочками, наполненными горючими веществами. Пусть только кто-нибудь попробует приблизиться к такому плоту. Первый же выстрел в бочку разорвет в куски не только плот, но и то, несчастное судно, которому выпадет жребий оказаться рядом.

Отдельно в глубине бухты держалась тунисская эскадра в три фрегата, она выполняла задачу подвижного резерва. Известные морские разбойники, тунисцы были готовы атаковать на abordаж те суда противника, которые будут серьезно повреждены.

Высок был и моральный дух турецких и египетских моряков. Глашатаи наместника объявили, что тем, кто отличится в сражении, будут немедленно выделены большие земельные наделы в Мореи, даны рабы, а потому каждый сможет сразу стать настоящим богачом. Так не стоит ли ради своего будущего счастья поубивать зарвавшихся гяуров?

Относительно численности турецко-египетского флота мнения историков несколько расходятся. Однако суммируя различные источники, можно с большой долей уверенности сказать, что он включал в себя: 3 турецких линейных корабля: 96, 84 и 74-пушечные, 5 египетских 64-пушечных тяжелых двухдечных фрегатов (по существу те же линейные корабли), 15 больших 50-пушечных турецких фрегатов, 10 брандеров и до 50 корветов и бригов. Общая численность команд составляла от 22 до 29 тысяч человек, а количество орудий разных калибров от 2100 до 2690.

Немало крови попили у союзников за время Наваринской блокады и "нейтральные" австрийцы. Отряд венских кораблей под началом контр-адмирала графа Дандоло все время настырно крутился рядом, мешая, провоцируя и выведывая. Задача у Дандоло была не из легких: пакостить союзникам и помогать туркам. Наши это понимали и видели все своими глазами, но поделаться ничего не могли, ибо петербургская инструкция обязывала пребывать с венцами "в добром согласии и оказывать приятное приветствие и расположение, сообразное с дружескими связями, между обоими императорскими дворами существующими..."

- Ну и накрутили! - качал головой Гейден, в который уже раз бумагу гербовую читая, - Так теперь мне их за все вредительства целовать что ли?

Англичанам и французам никто дружить с австрийцами не велел, но и они лишний раз связываться с нейтралами не желали.

Однако все же настал момент, когда припекло. Нагло шныряя вокруг объединенной эскадры, австрийцы затем мчались во весь дух в Наварин, где докладывали Ибрагим-паше все изменения в составе союзников и их намерения. Решительный Кодрингтон, рассерчив, отписал графу Дандоло письмо, где пригрозил, что если подданные Габсбургов не перестанут столь враждебно себя вести, то он не будет делать различия для себя между ними и турками. В ответном послании граф изысканно извинялся. Однако уже на следующее утро были усмотрены австрийский фрегат и корвет, спешившие на всех парусах в Наварин.

- Ну и Дандоло, ну и враль! - огорчился Кодрингтон и приказал дозорным фрегатам отсечь австрийцев от порта, а если те попробуют прорываться, то лупить пушками без всякой жалости.

Лупить пушками не пришлось, ибо австрийцы, завидев опасность, тут же кинулись бежать.

В адрес адмиралтейства вице-адмирал написал с горечью нескрываемой: "Я желал бы, чтобы было доведено до сведения его высочества лорда генерал-адмирала, что в числе египетского флота находится семь австрийских коммерческих судов, нагруженных военными припасами, и что австрийский корвет "Каролина" и одна, если не две австрийские военные шхуны часто бывали в Наварине и, согласно частному дознанию адмирала де-Риньи, служили постоянными развозчиками турецких депеш..."

Две австрийские шхуны англичане все же поймали. Затем отпустили, но те продолжали "любопытствовать" и все время нагло торчали неподалеку. Исчерпав терпение, Кодрингтон велел их капитанам прибыть к нему на "серьезный разговор". Один из капитанов (более сообразительный) сразу все понял и дал деру, другой (более послушный) прибыл на "Азию", где и был задержан и оставлен до окончания блокады, став, таким образом, невольным свидетелем последовавших вскоре событий в Наваринской бухте.

- Будь у венцев флот поболее, то они бы нам здесь цирк бы устроили! - говорили в те дни между собой наши, - Но, как говорится, бодливой корове Бог рогов не дал!

Общие распоряжения, диспозицию на вход в бухту и главное руководство, как старший по чину с общего согласия взял на себя вице-адмирал Кодрингтон.

Всю ночь между лежащими в дрейфе судами сновали шлюпки, развозя засургученные пакеты с инструкцией Кодрингтона. Капитаны срывали печати, читали назначенную им диспозицию, потом собирали офицеров и знакомили их с посланием командующего.

Внезапно у Наварина показался турецкий бриг "Крокодил", тот самый который Ибрагим не столь давно посылал в Константинополь с гонцом после

памятной встречи адмиралов с наместником. Кодрингтон подумал-подумал и пропустил "Крокодила" в бухту.

- Несколько мелких пушек соотношение сил не изменят, зато на бриге могут быть бумаги султана, которые заставят Ибрагима быть сговорчивее! - так объяснил подчиненным свое решение Кодрингтон.

Из воспоминаний лейтенанта Рыкачева: "Ветер дует в губу; беспрестанные переезды с одного адмиральского корабля на другой, мелкие суда, маневрировавшие под самым берегом, - все это вместе предвещало, что дело клонится к действительной и трудной атаке. Но в 12 часов (т.е. в полдень - В.Ш.) мы были поражены видом турецкого брига, вошедшего в самую середину нашего флота... К удивлению многих, его пропустили в бухту. Это обстоятельство несколько умирило наше воинственное настроение и заставило делать мирные заключения. В то же время ... потребовали капитанов на адмиральский корабль. Они разъехались оттуда очень скоро. Адмирал (Гейден - В.Ш.) приказал им, чтобы корабли и фрегаты были готовы следовать за ним в Наваринскую бухту, куда, может быть, сегодня же пойдет весь соединенный флот... Наш капитан, собрав лейтенантов, показал нам диспозицию, которую должен занять ... флот в Наваринской бухте... Вслед за капитаном возвратились и офицеры, посланные за приказаниями на флагманский корабль. Они привезли приказ сэра Э. Кодрингтона и краткое воззвание графа Л.П. Гейдена..."

В преддверии входа в Наваринскую бухту определился и окончательный состав союзных эскадр. Англичане имели: три линейных корабля 86-пушечную «Азию» (флаг вице-адмирала Кодрингтона), 74-пушечные «Геную» и «Альбион», фрегаты 50-пушечные «Дартмут» и «Глазго», 48-пушечный «Кембриан», 32-пушечный корвет «Тальбот», бриги 18-пушечные «Роза» и «Филомель», 14-пушечные «Москито» и «Бриск», а также 10-пушечный тендер «Гинд».

Французская эскадра состояла из трех 74-пушечных линейных кораблей «Сципион», «Тридан» и «Бреслав», 60-пушечного фрегата «Сирена» (флаг контр-адмирала де-Реньи), 44-пушечного фрегата «Армида» и двух 14-пушечных шхун «Алсиона» и «Дафна».

Что касается российской эскадры, то ее состав в те дни был такой: 84-пушечный линейный корабль «Гангут», трех 74-пушечные линейные корабли «Азов» (флаг контр-адмирала Гейдена), «Иезекииль» и «Александр Невский», двух 44-пушечных фрегатов «Константин» и «Проворный», двух 36-пушечных фрегатов «Елена» и «Кастор», а также корвета «Гремящий».

Согласно плану Кодрингтон, весь союзный флот должен был войти в Наваринскую бухту двумя колоннами. Правая колонна в составе 3 английских линейных кораблей и следующих за ними 3 французских линкоров и фрегата. Эту колонну должен был вести сам Кодрингтон. Вторую колонну составила русская эскадра – 4 линейных корабля и 4 фрегата. Ее должен был вести Гейден.

Войдя в бухту, англо-французская колонна должна была встать против правой (восточной) стороны турецкой «подковы». Свою флагманскую

«Азию» Кодрингтон предполагал разместить против турецкого линкора под флагом капудан-паши. Остальные британские линейные корабли должны были взять на прицел турецкие линкоры. К зюйд-осту от «Азии» напротив судов египетской эскадры должны были встать на якорь французские линкоры. В этом тоже был свой смысл. На египетской эскадре находилось много французских инструкторов, и Кодрингтон надеялся, что последние сделают все возможное, чтобы не допустить братоубийственной бойни. Фрегаты англичан и французов должны были совместными усилиями блокировать западную сторону неприятельской дуги.

Русская колонна должна была расположиться вслед за англичанами в центре полукружия, усилив, тем самым, боевые порядки союзников.

Помимо этого, в особый отряд был выделен фрегат «Дортмунд» с несколькими мелкими судами. На него возлагалась задача отвода в сторону турецких брандеров «на такое расстояние, чтобы они не могли повредить какому-либо из судов соединенного флота».

Кодрингтон в своей инструкции писал: «...Если время позволит, то стараться прежде открытия огня со стороны турецкого флота положить противоположно один другому и перпендикулярно линии по два якоря и привязать к каждому еще по особому канату, посредством коих можно было бы удобно обращаться в обе стороны (т.е. стать способом фертоинг – В.Ш.). Без приказа не палить; если же который из турецких кораблей откроет огонь, то его истребить немедленно. В случае сражения и могущего случиться беспорядка советую привести на память слова лорда Нельсона: «Чем ближе к неприятелю, тем лучше».

Что касается Гейдена, то он в своем кратком воззвании к русским морякам высказался так: «Мне ничего более не остается желать, как того, в чем я, и уверен, что каждый из нас будет стараться исполнить долг свой и сделает честь Российскому флагу в виду наших союзников».

Всю ночь на союзных эскадрах готовились к возможному завтрашнему столкновению. Командиры проверяли подчиненных офицеров, те наставляли унтеров, последние же в свою очередь следили за тем, что и как делают матросы. Подле пушек ставились картузы первых выстрелов, чтобы первые залпы были незамедлительными, в деках щедро сыпали песок, чтоб ноги не скользили по крови. Священнослужители все время среди своей паствы: ободряют, внушают, поддерживают.

Под утро в жилых палубах одни разговоры и воспоминания: британцы и французы о жизни своей в Ливерпулях да Марселях, наши ж о деревеньках рязанских да тамбовских.

В кают-компаниях тем временем офицеры за столами. Ревизоры на сей раз, выдали всего щедро. Вначале тосты, затем песни и даже танцы. Когда ж расходились, то каждому, наверное, думалось о дне, предстоящем: будет ли жив он сам, что станет с его семьей. Заходя к товарищам, делали поручения на случай своей смерти, писали завещания.

Над морем стояла зловещая тишина. Не слышалось даже плеска волн. Лишь изредка на близстоящих судах свистали вахтенные, да доносился лай собак со стороны Наварина.

С первыми лучами солнца на палубах оживление: командиры обходят палубы, артиллеристы холостыми залпами прочищают орудийные стволы. В подзорные трубы теперь были хорошо видны ослепительно белые дома Наварина, террасами сходящие к берегу, густые пальмовые рощи. Из-за скал острова Сфактория угадывался частокот оттоманского флота. Несмотря на достаточную секретность флагманских совещаний буквально на всех союзных судах даже последний юнга знал, что Кодрингтон уже определил порядок захода эскадр в бухту, и теперь все ожидают только благоприятного ветра.

Из воспоминаний участника событий: "Нельзя делать лучшего расположения духа, как у нас теперь между офицерами и рядовыми. Все будто оживилось какою-то необыкновенной силой. Там, где в обыкновенное время ворочали пушку 8 человек, теперь с легкостью управляют 4. Наши матросы живы, веселы и только смотрят в глаза своим офицерам, ожидая их приказаний. Роздали патроны, разнесли по пушкам ящики с картузами, осмотрели все принадлежности, перекликали людей и, приказав им хорошенько отдохнуть, распустили... После молебна все офицеры пили чай вместе между пушками. Как-то все были необыкновенно веселы, что-то новое родилось между нами, все было между собой как истинные родные, забыв от души, если у кого между собой и были маленькие неудовольствия... в 10 часов (имеется в виду 22. 00 вечера - В.Ш.) все на корабле умолкло... Люди отдыхали, кругом была совершенная тишина, только изредка слышались свистки на ближних кораблях. На море был штиль..."

Лишь в девять утра косицы вымпелов, наконец-то, вытянулись, и союзники начали понемногу лавировать к входу в бухту и выстраиваться «в ордер похода двух колонн».

В полдень Кодрингтон велел французам повернуть на другой галс и вступить в кильватер британским кораблям. Здесь возникла некоторая заминка. Дело в том, что французы, не слишком удачно маневрируя, оказались под ветром к остову Сфактория, и теперь для вступления в кильватер англичанам им надо было пересечь путь начавшей уже движение русской колонны. Чтобы не вызвать свалки Кодрингтон прислал к Гейдену шлюпкой своего флаг-офицера, прося того лечь в дрейф и пропустить французов. Разумеется, это было сделано. Российские суда, "упавшие под ветер", тоже сомкнули свою линию, положив грот-марсели на стенки, и пропустили вперед французскую эскадру.

В результате этого наши, хоть и не по своей вине, но несколько задержались с развертыванием.

На горизонте белели парусами фрегаты дозора: русский "Константин" и британский "Глазго" также спешившие соединиться с главными силами. Напряжение росло, пока в час пополудни на "Азии" наконец не взвился

долгожданный флажный сигнал: "Приготовиться к вступлению в бухту". Все, теперь у союзников был лишь один путь - вперед!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

БИТВА ТРЕХ АДМИРАЛОВ

Шканечные журналы русских кораблей от 8 октября 1827 года отметили, что ветер в тот день был зюйд-вестовый и противный союзникам. В час пополудни, все три эскадры, подняв национальные флаги, вплотную подошли к Наваринской бухте.

Ветер дул уже в полный бакштаг. Союзники шли двумя колоннами. На ветре англичане с французами. Под ветром наши. Впереди остальных следовал фрегат "Дартмунд" с несколькими мелкими судами. Затем флагман Кодрингтона "Азия" и остальные британские корабли. За англичанами, держа минимальные интервалы, французы.

Англо-французская колонна рванулась в Наваринскую бухту на всех парусах, не дожидаясь колонны Гейдена.

Один из летописцев Наварина В.Броневский так описал этот момент: «Главкомандующий в храбром нетерпении своем, опасаясь упустить благоприятный ветер и, притом надеясь, что турецкий адмирал не посмеет встретить его как неприятеля, пока весь союзный флот не войдет в гавань, решился вместо двух колонн, не теряя ни минуты, вести флот свой в одну линию».

Почему Кодрингтон, еще не начав сражения. Уже нарушил свою же собственную диспозицию? Скорее всего, в самый последний момент вице-адмирал посчитал рискованным входить в узкий пролив двумя колоннами, когда посадка на мель любого из кораблей могла привести к непоправимым последствиям.

«К счастью, - продолжает В. Броневский. – предприимчивый Кодрингтон не совсем ошибся в своем расчете: турки спокойно взирали на шествие его, и корабль «Азия» мирно поместился между двух сильнейших кораблей под флагами турецкого адмирала Капитана-бея и египетского адмирала Мукарем-бея, и потом стал так, что мог обеими бортами действовать вдоль их кораблей».

Корабли Гейдена были несколько позади, а потому наш передовой "Азов" шел вровень с флагманской французской "Сиреной".

Очень скоро взору русских моряков предстали обрывы наваринских скал, среди которых в пене волн виднелся узкий проход во чрево бухты. На палубах царило молчание, все вглядывались в надвигавшийся на них берег, стараясь предугадать, что ждет их там, в глубине?

Союзникам было известно, что берега бухты обрывисты и пушки, спрятанные среди камней, легко простреливают не только всю бухту, но и подходы к ней. Кроме того, знали и о том, что входной фарватер сторожат также бастионы береговых батарей, что такие же батареи были разбросаны и по всему побережью, а в самой бухте на отвесном обрыве высился

неприступный Наваринский замок, известный еще с эллинских времен как Пилос: высокие стены, узкие бойницы, множество пушек, неистощимые арсеналы и огромный гарнизон.

Однажды русские моряки уже штурмовали Наварин. Тогда они овладели твердыней. Что суждено сейчас не знал никто...

Перед самым началом движения вглубь бухты вице-адмирал Кодрингтон вызвал шлюпки с союзных эскадр. С "Азова" Гейденом был послан его флаг-офицер де Траверсе. Лейтенант доставил своему флагману "Правила коими должен руководствоваться соединенный флот при входе в Наварин".

"Правила" эти гласили: "Известно, что из египетских кораблей, на коих находятся французские офицеры стоят более к юго-востоку, а потому желание мое есть, чтобы контр-адмирал и кавалер де Риньи поставил эскадру свою против них: а как следующий за ним корабль имеет флаг на грот-брам-стенге, то я и намерен стать с кораблем "Азия" против его, за мной корабли "Генуя" и "Альбион" станут против линейных турецких кораблей. Касательно российской эскадры, то мне желательно, чтобы контр-адмирал граф Гейден, поставил свои корабли последовательно близ английских кораблей. Российские же фрегаты займут турецкие суда вслед за своими кораблями. Английские фрегаты займут те из турецких судов, кои будут находиться на западной стороне гавани противоположно английским кораблям. Французские фрегаты займут на той же стороне те турецкие суда, которые находиться будут против их кораблей.

Корветы, бриги и прочие мелкие суда находятся под начальством капитана фрегата "Дартмут", для отвода брандеров на такое расстояние, чтобы они не могли вредить которому либо из кораблей и судов соединенного флота.

Ежели время позволит, прежде открытия неприятельских действий со стороны турецкого флота, то всем судам стать фертоинг со шпрингами привязанными к рыму каждого якоря.

Ни одной пушки с соединенного флота не должно быть сделано без сигнала, разве только что турки откроют огонь, тогда те корабли и суда должны быть истреблены немедленно...»

Из воспоминаний современника: "...В то время, когда начали строиться в колонны, ближе всех к входу в Наварин находился французский начальник со своим фрегатом, но эскадра его была под ветром к стороне островов Сфактерия и Продано. За англичанами в самом близком расстоянии следовал русский адмирал, а за ним в боевом строю и надлежащем порядке его эскадра. Почти в полдень Кодрингтон, следуя с частью первой и второй колоннами, сделал сигнал французским кораблям повернуть оверштаг последовательно, но чтобы им скорее войти в кильватер английских кораблей, то российская эскадра должна была их пропустить, а как главнокомандующий не дал русским и французам общих или лучше сказать полных сигналов, то он посему и послал на шлюпке своего флаг-офицера к нашему адмиралу, с просьбою, лечь в дрейф, чтобы пропустить французов вперед, и сам после сего, сделав сигнал, приготовился к бою; спустился в 1 час пополудни с правою колонною в сей порт. Его сиятельство граф Гейден,

к крайнему прискорбию своему, должен был исполнить волю вице-адмирала, а потому и приказал на корабле "Азов", положить грот-марсель на стеньгу, и счет за нужное еще уменьшить в колонне расстояние, сделал сигнал задним прибавить парусов. По спущении сигнала граф, обуреваемый нетерпением, двинулся с кораблем "Азов" вперед, а за ним остальные его корабли и фрегаты".

Особого выбора, в общем-то, для маневра у союзников не было. Путь между берегом и островом был только один - через узкий извилистый пролив. Затем корабли сразу попадали под огонь всего турецко-египетского флота, ждавшего их, стоя на якорях. Здесь тоже выбирать было не с чего. Путь между берегом и линией неприятельских кораблей был невозможен из-за мелководья и подводных камней. Выход был только один - атаковать неприятеля, войдя вовнутрь его боевых линий, т.е. по существу, заранее обрекая себя на перекрестный огонь всего турецко-египетского флота. Решиться же на такое можно было, обладая не только мужеством и хладнокровием, но и великой верой в правоту и благородство своего дела.

Вскоре в подзорные трубы можно было уже разглядеть расположение флота Ибрагим-паши. Он стоял на якорях в глубине бухты, расположенный в несколько вогнутых линий. При этом линейные корабли и тяжелые фрегаты стояли ближе к выходу, борта их были обращены к центру бухты. Мелкие суда расположены между большими и ближе к берегу. Транспорта укрылись на мелководье и прикрывались береговыми батареями. На флангах боевой позиции затаились начиненные порохом брандеры. расположен турецко-египетский флот был превосходно. Опытному глазу это было ясно с первого взгляда...

Английский фрегат «Азия»

На флагманском турецком корабле подняли сигнал "Не ходить далее". Над "Азией" появился немедленно ответ Кодрингтона: "Иду давать приказания".

Море было достаточно спокойным, ветер же попутным и тихим. Боевой порядок был оставлен тот же, что и на подходе к бухте: англичане с французами в левой колонне, русские в правой.

Над мачтами трепетали кроваво-красные турецкие флаги, пестрели всевозможные значки и вымпела.

Едва шедший передовым "Дортмунд" поравнялся с пушками бастионов Сфактерии, оттуда грохнул холостой выстрел, пока предупреждающий. Его проигнорировали. Корабли один за другим проходили мимо батарей, пугая турок орудийными жерлами в распахнутых портах.

Едва шедшая головной "Азия", вышла на траверз Сфактерии, к ее борту подошла шлюпка. Чернобородый турок в атласных шальварах передал Кодрингтону послание Ибрагим-паши. В ожидании ответа туркам разрешили встать на бакштов.

Облокотясь на перила шканцев, Кодрингтон надорвал конверт и пробежал глазами текст письма. На плохом английском драгоман Ибрагима излагал требования паши немедленно повернуть обратно.

- Где ваш командующий? – прокричал Кодрингтон на шлюпку.

- Славнейший и досточтимый Ибрагим-паша, да продлятся его благодатные годы, изволил уехать из Наварина в срединные провинции! – с поклоном ответил турок-толмач.

- Оставил ли он какие-нибудь распоряжения? – уже теряя терпение, задал вопрос вице-адмирал.

- Увы! – улыбаясь, развел руками турок. – Ничего не оставил!

- Пишите ответ, велел вице-адмирал адъютанту. - Я пришел сюда не для того, чтобы получать приказания, а для того, чтобы их отдавать. Если же по союзникам будет открыт огонь, то турецкий флот будет немедленно уничтожен!

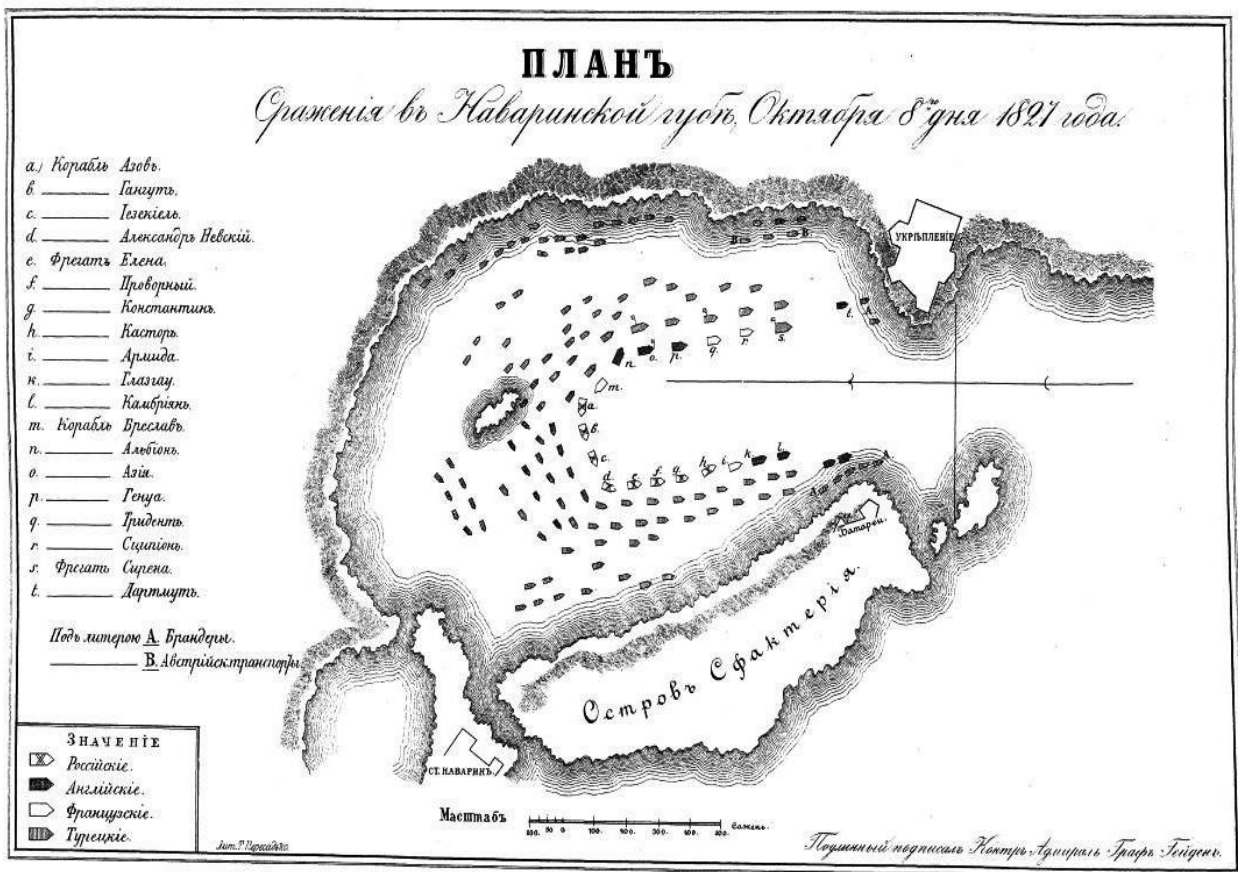

Схема Наваринского сражения

Из воспоминаний очевидца: "Английский адмирал перед входом в гавань встречен был турецким офицером, который объявил, что якобы находящийся в отсутствии Ибрагим-паша не оставил приказаний касательно дозволения входа союзных эскадр в сей порт, а потому он требует, чтобы не ходя дальше, поворотили в море - на что Кодрингтон ответил: что он пришел сюда не получать, но давать приказания и что после вероломного нарушения слова данного Ибрагимом, он истребит весь флот их, ежели, хотя один выстрел сделан будет по союзникам, - с сим ответом офицер отпущен обратно".

Турок, путаясь в атласных шальварах, убыл ни с чем, а корабли продолжили движение. Около двух часов пополудни вначале английские, а за ними и французские корабли прошли мимо прикрывавших вход батарей. Миновав узкость, они тут же расходились, чтобы занять установленные диспозицией места. орудийная прислуга, сжимая в руках банники, цепенела в ожидании почти неизбежного...

Над "Азией" взметнулись флаги. Командующий обозначал постановку на якорь фертоинг. Рядом положила якорь "Генуя". Против британских кораблей борт в борт стояли два турецких линкора. «Альбион» встал несколько ближе к центру турецкой «подковы» между третьим турецким линкором и 56-пушечным фрегатом. Корвет «Гальбот» перешел на западный фланг неприятельской позиции. Успели занять свое место и суда особого противобрандерного отряда во главе с фрегатом «Дартмунд». Они расположились против своих вероятных противников – брандеров.

Французский фрегат «Сирена» под флагом де Риньи положил якорь подле египетского фрегата «Энины», неподалеку от «Дартмута». Шедшему следом за «Сиреной» французскому линкору «Сципион» не повезло. Следуя на предписанное ему место, он столкнулся с брандером, вследствие чего бушприт корабля запутался в вантах неприятельского судна. Кляня все на свете, французы пытались избавиться от опасных объятий. Турки, наоборот, торопились надежней зацепиться крюками за свою потенциальную жертву. Началась отчаянная рукопашная драка, однако до пушек дело все еще не дошло.

Вдали белела парусами русская эскадра, только еще входившая в бухту.

Если бы можно было глянуть на расположение вошедших в бухту эскадр, то оно выглядело бы следующим образом: справа фрегат и два брига под британским флагом затем два французских корабля с фрегатом. Ближе к центру английские линейные корабли и один французский. Между ними пустота - место для еще не подошедшей русской эскадры. На левом фланге туркам грозили пушками английские и французские фрегаты с бригами. Между ними и линейными кораблями тоже пустое пространство - здесь согласно диспозиции, должны были встать четыре русских фрегата.

Из воспоминаний участника событий: "Корабль "Азия", достигнув в полумесяце того места против коего Кодрингтон предположил и как и в приказе его о том объявлено было, вести атаку, лег фертоинг со шпрингами против кораблей на коих развевались флаги капитан-бея Тагир-паши и Могорем-бея. Мателот его "Генуя", стал также фертоинг, имея шпринги с обеих сторон, противу линейного корабля, а следовавший за ним "Альбион" расположился против двух двудечных фрегатов, из коих один имел 62, а другой - 56 пушек.

Шлюп "Тальбот" встал на правом фланге противу 50-пушечного фрегата, а бригаи "Филомель" и "Москито" - между брандерами.

Капитан Фелловс, так же мирно расположился со своим фрегатом "Дартмут" между левым флангом, брандером и крепостью, бригаи "Розе" и "Бриск", тут же заняли свои места.

Французский фрегат "Армида" пошел на правый фланг к «Тальботу», а бриг "Алсиона" и шхуна "Дафна" стали один подле другого почти перед носом корабля "Азия".

Английский тендер "Гинд" спешил к месту стоянки своего адмирала. Господин де Риньи, следуя по диспозиции за "Альбионом", преодолев, по входе в порт, все затруднения, проходя в тесноте брандеров и мелких прежде его туда вошедших судов, стал около половины 3 часа противу двухдечного 64-пушечного египетского фрегата "Нзины", на ветре бывшего и занимавшего первое место на левом фланге неприятельской линии. Трем кораблям его эскадры надлежало расположиться за ним последовательно так, чтобы занять неприятеля между ним и кораблем "Азия".

Противники напряженно вглядывались друг в друга. На турецких и египетских судах тоже были наготове. Обе стороны ждали, что последует

дальше. Томительно тянулись минуты. Напряжение росло. Нервы у всех были на пределе.

Союзников больше всего волновали брандеры, буквально нависавшие над флагманскими кораблями англичан и французов. К тому же все еще не мог расцепиться, с навалившимся на него брандером и неудачливый «Сципион». С палубы "Азии" было хорошо видно, как на турецких брандерах вытаскивали наверх и разбивали бочки с порохом, демонстративно готовясь к атаке.

Кодрингтон был предельно собран, ведь первый же бросок брандеров, стоящих вплотную к кораблям союзников, будет наверняка иметь последствия самые губительные. Надо было что-то срочно предпринимать, но вице-адмирал все еще не оставлял надежды на мирный исход.

- Дайте сигнал на "Дартмут", пусть пошлют парламентаря с требованием отвести подальше брандеры! - велел он.

Спустя несколько минут от правобортного "Дартмута" одна за другой отвалили две шлюпки. В первой парламентарем лейтенант британского флота Генри Фицрой. Гребли быстро, лейтенант торопился исполнить адмиральский приказ. Тысячи глаз с надеждой следили за утлым суденышком.

И в этот напряженнейший момент у турок сдали нервы! Капитан брандера посчитал себя оскорбленным и щелкнул кремневым замком пистолета.

- Я парламентар! Не стреляйте! - кричал британский лейтенант, размахивая привязанным на конце сабли белым платком.

И тут раздались ружейные выстрелы. Вначале один, за ним еще и еще. Голос Фицроя утонул в ружейной трескотне. Тогда, чтобы привлечь к себе внимание, Фицрой вскочил в рост и поднял саблю с платком высоко над головой. Последнее, что увидел храбрый моряк, были перекошенные злобой лица стрелявших турок. Сразу две или три пули, пущенные почти в упор, пробили его тело. Фицрой повалился навзничь между шлюпочных банок. Бывшая фонтаном кровь заливала уже никому не нужный белый платок. Налегая на весла и пригибаясь от проносящихся мимо пуль, гребцы торопились уйти обратно.

Дальше все произошло, как происходит во время камнепада в горах, когда небольшой камешек, устремляясь вниз, образует целую лавину. Едва английский офицер упал на банку своей шлюпки, как капитан турецкого брандера поджег свое судно и, обрубив якорь, бросился на «Дартмут». План турка был прост - сцепившись с фрегатом, разнести его в клочья. Но англичане были уже наготове. Видя убийство своего офицера, немедленно разрядили по туркам пушки артиллеристы "Дартмута". Ядра тотчас накрыли вероломный брандер. С фрегата отчетливо была видна падающая мачта, слышны крики раненых. Пылающий брандер потерял ход, и его стало понемногу сносить в сторону. Теперь он был уже не опасен.

Видя залп "Дартмута", не остался в долгу стоявший рядом с брандером египетский корвет. Его борт тоже заволкло пороховым дымом. Не утруждая себя вопросом, кто же конкретно стрелял по брандеру, египтяне послали свои

ядра по французской "Сирене" - флагману де-Риньи. Залп был точен и ядра нашли себе обильную добычу на палубе фрегата. Пронесшееся низко над палубой ядро оторвало ноги сразу нескольким матросам. Почти сразу последовал залп и с соседнего египетского фрегата. «Сирена» незамедлительно ответила. Залпом был разнесен в клочья второй турецкий брандер.

Но не все сложилось столь благополучно на других участках союзнической позиции. В момент первых залпов был подожжен все еще не расцепившийся к этому времени с «Сципионом» турецкий брандер. Отдав якорь, чтобы французам было труднее отойти в сторону, турки шлюпкой покинули свое горящее суденышко. Над подожженным брандером мгновенно вырос огромный столб пламени, который в считанные минуты охватил всю носовую часть беспомощного «Сципиона». Зарифленные паруса фок-мачты и смоленые снасти французского линкора сгорели в одно мгновение.

- Аварийные партии к очагам пожара! Сбивать пламя и менять паруса! - хладнокровно распорядился на четвердеке капитан «Сципиона» Миллиус. – Расцепляться с брандером! У нас осталось всего несколько минут!

Ситуация на «Сципионе» осложнялась еще и тем, что едва был подожжен сцепившийся с ним брандер, как турки открыли по «Сципиону» яростную пальбу со всех сторон, надеясь побыстрее прикончить хотя бы один из кораблей союзников. Особенно преуспевала в том береговые батареи, избравшие горящий линкор своей жертвой. Огромные береговые пушки буквально засыпали «Сципион» 48-фунтовыми мраморными ядрами, которые разбивали борта и плющили людей в лепешку. Ядра сыпались на французский линкор градом с обоих бортов. Трижды сбивали огонь французы, но трижды пожар вновь и вновь перекидывался на корабль с горящего брандера. Вскоре раздуваемое свежим ветром пламя уже во всю полыхало в носовых пушечных портах. Там то и дело рвались кокоры с картузами, еще боле усугубляя борьбу с огнем. Пожар тушили заливными трубами и лагунами, но пока это помогало мало. До люка крюйт-камеры было уже несколько метров, а это означало, что до страшного конца «Сципиона» и всей его команды оставались какие-то секунды.

Наваринское сражение, Национальный исторический музей, Греция.

- Пока не поздно надо выбрасывать за борт весь порох! – кричал Миллиусу старший артиллерист.

- Если мы выбросим порох, как же мы будем сражаться? – невозмутимо ответил Миллиус. – Позаботьтесь лучше, чтобы преградить путь огня к крюйт-камере!

В отчаянной схватке с огнем французским морякам ценой невероятных усилий удалось все же отстоять свой корабль. При этом девять человек сгорели в огне заживо!

Тем временем на помощь французам бросились шлюпки с «Дартмута» «Розы и «Филомелы». Капитан Феллоус достойно исполнял свой долг – бороться с неприятельскими брандерами и спасать от них союзные корабли. Сцепившись с брандером, английские шлюпки удержали его до тех пор, пока французский линейный корабль при помощи наскоро поставленного на бизань-мачте паруса не отошел в сторону. После этого англичане, обрубив якорный канат настырного поджигателя, отбуксировали его в сторону и потопили.

Снова став на якорь, «Сципион» открыл огонь по турецкому флоту и с особой злостью по крепости, громившей до этого французов, каменными глыбами.

Начало перестрелки застало французов врасплох. Если англичане к этому времени уже успели занять свои места согласно диспозиции, то французы еще только выдвигались на указанные им позиции. Начавшая сражение флагманская «Сирена» около часа билась с 64-пушечным турецким фрегатом, поражаемая с кормы еще сразу несколькими фрегатами. Спустя некоторое время на помощь «Сирене» подошел «Дартмут». Общими усилиями им удалось взорвать настырный фрегат. Но дистанция боя была столь мала, что силой взрыва на «Сирене» вырвало из степса бизань-мачту. Палубу французского фрегата завалило горящими обломками погибшего турка. К счастью, большого пожара удалось избежать, а с малыми очагами быстро справились матросы аварийных партий. Вслед за тем «Сирена» перенесла огонь на фрегат «Нзины». Через некоторое время подожгла и заставила его замолчать.

Шедший в боевой колонне за «Сципионом» второй французский линкор «Тридан», проходя в тесноте судов, чудом избежал столкновения, поэтому вынужден был бросить якорь не там, где было предписано, а где получилось. В силу этого он мог поддерживать своими пушками только «Сирену», тем, что палил по египетским фрегатам, ведшим огонь по французскому флагману.

Третий линкор де-Реньи «Болеслав» оказался в еще более не выгодной ситуации. Он положил якорь прямо посреди гавани, вследствие чего его ядра едва доставали до неприятеля, а кроме того ему крайне сложно было целить в тесные интервалы между стреляющими и покрытыми дымом судами.

Де-Реньи был вне себя. Он буквально клокотал из-за того, что его эскадра оказалось сжатой в движениях из-за тесноты, созданной английскими бригами второй линии.

- Теперь мы стали прекрасными мишенями, и турки будут последними идиотами, если не сделают из нас отбивную! – высказывал в сердцах де-Реньи своему флаг-капитану Роберу.

В это время, как назло, поменялся и ветер, от чего и английский линкор «Альбион» не смог занять свою позицию. Капитан Омманей бросил якорь где получилось и развернувшись сошелся на пистолетный выстрел с турецким фрегатом.

Несмотря на уже начавшуюся жаркую перестрелку на правом фланге, Кодрингтон все еще не мог решиться на начало общего сражения, надеясь, что каким-то чудом ему все же удастся избежать начинающегося побоища. Вице-адмирал предпринял еще одну отчаянную и последнюю попытку договориться с Ибрагим-пашой. К себе он вызвал лоцмана Генри Митчела.

- Передайте, что я готов немедленно прекратить огонь и не допустить кровопролития! Пусть паша даст сигнал, и мы вступим в переговоры! Объясните, что стрелять мы вынуждены только по палящим в нас судам. Желаю удачи!

Шлюпка с лоцманским офицером направилась к двухдечному кораблю, где держал свой флаг Мукарем-бей, командовавший флотом Ибрагима.

Битва за Наварине; «Сципион» изображен в центре

Корабль Мукарем-бея еще не открывал огня. Однако судьба второго английского парламентаря оказалась столь же трагична, как и первого. На подходе к турецкому флагману, несмотря на белый флаг, он был так же расстрелян из ружей. Позднее командующий российской эскадрой контр-адмирал Гейден писал в своем донесении об итогах Наваринского сражения: "Мы еще надеялись, и вместе с нами английский и французский адмиралы, что турецкие начальники пресекут огонь, как скоро усмотрят спокойное положение союзников, и что они не желают дать сигнала к сражению, но, ободряемые сим самым спокойствием, турки усугубили свою дерзость, и второй парламентар, посланный сэром Кодрингтоном к египетскому адмиралу Мукарем-бею, имел ту же участь, как и лейтенант Фицрой. Тогда не оставалось нам иного средства, как отражать силу силой..."

Теперь в бой уже вступила сама "Азия", ее целью стал линейный корабль младшего флагмана Патрона-бея. Каждую минуту в бой втягивались все новые и новые суда, и скоро сражение сделалось всеобщим.

Над бухтой повисла густая мгла порохового дыма, среди которой то и дело вспыхивали вспышки огня. Гул пушек разносился на многие мили вокруг. Противники сошлись на столь близкой дистанции, что было совершенно ясно – кто-то из двоих должен быть непременно уничтожен.

Ибрагим-паша

Едва российские корабли были извещены о предстоящем заходе в Наваринскую бухту, командиры велели бить в барабаны "алярам". Матросы разбежались по боевому расписанию: заряжали пушки, брасопили реи. Обходя орудийные расчеты, офицеры призывали артиллеристов драться хорошенько и внимательно слушать команды. Те кричали в ответ дружно:

- Рады стараться за веру и государя!

Следом за офицерами корабли обходили командиры, так же призывая показать, если потребуется, русскую удаль. Командирам кричали "ура". Священники в полном облачении кропили святою водой пушки. Все целовали крест, клянясь не посрамить себя в возможной брани с неверными.

...Когда раздалась первая залпа начинающейся битвы передовой корабль русской эскадры "Азов" еще только входил в бухту, минуя пушки городской цитадели и батареи острова Сфактерия. По обе стороны фарватера уже горели подожженные турецкие брандеры. Выстрелы по проходящим кораблям из крепости и с острова грянули почти равномерно.

Из описания сражения В. Броневского: «Российской эскадре предстояли еще большие трудности: ей надлежало вступить в сражение со всеми невыгодами, каких не имели ни английская, ни французская эскадры. Едва передовой наш корабль «Азов» успел миновать крепость. Как началось сражение. Тесное пространство, по коему долженствовала проходить наша эскадра, обстреливалось перекрестно и по всем направлениям более, нежели 1500 орудиями; легкий ветер, дувший во все время сражения между Юга и Востока, наносил весь дым от выстрелов, сражающихся на левом фланге кораблей и с крепости прямо на ту часть залива, где русским кораблям надлежало ложиться на якорь. В непроницаемом мраке дыма, окруженный всеми ужасами граф Гейден должен был вести эскадру свою в самую глубину

гавани, так сказать, почти ошупью. Необоримое мужество русских подвергнуто тут было жестокому испытанию: но достойный их предводитель в эту решительную минуту оказал самое спасительное хладнокровие, распорядительность и храбрость... «Азов», не доходя до середины гавани, скрылся в дыму, и все окружающие его предметы оделись совершенным мраком. Российские корабли, осыпаемые ядрами и картечью, один за другим в строгом порядке и в глубоком молчании шли вперед, не отвечая неприятелю ни одним выстрелом».

Морское сражение при Наварине Художник Амбруаз-Луи Гарнерэ..

Залпы пушек слились уже в единый непрекращающийся грохот. Даже не видя ничего можно было без труда понять, что сражение уже сделалось всеобщим.

- Еще и бой не начали, а уже в два огня попали! - раздраженно бросил своему вахтенному лейтенанту Лазарев, бакенбард почесывая. - Прибавьте парусов, будем пробиваться!

Из воспоминаний участника боя: "Вице-адмирал Кодрингтон, при начале сражения, имел дело с кораблем капитан-бея не взирая на то, что к нему находился ближе Могарем-бей, начальник египтян, умевший до времени сохранить повиновение экипажа, и, как бы, желал быть безмолвным зрителем побоища, а потому и не палил, почему, и против его не действовали и Кодрингтон, думая избежать с сей стороны напрасного кровопролития, послал к Могарему своего лоцмана, грека уроженца острова Мило, объявить, что буде он не вступит в бой саам, то на него нападать не будут. Но терпение турок истощилось и парламентар сей, подобно Фицрою, убит в шлюпке у

борта корабля, с коего немедленно открыли огонь по "Азии". Который имел с сего времени дело с двумя уже кораблями и подвергался в то же время выстрелами судов второй и третьей линии, потерял бизань-мачту, с падением коей прекратилось действие некоторых его пушек. В это время английский адмирал начал подвергаться величайшей опасности, но в сей момент, прошел сквозь мрак и тьму залив покрывавшую, приспел и вступил в дело граф Гейден, корабль коего покрытый густым удушающим дымом, осыпаясь картечью, ядрами и пулями как градом, прокладывая себе путь среди различных опасностей, быстро достигнул места своего, неприятельских линий, стал от них в расстоянии пистолетного выстрела на якорь со шпрингами и убрался с парусами в одну минуту".

Маневрирование в кромешном дыму под яростным огнем противника сначала в узкости входа в бухту, а затем в самой тесной бухте, забитой союзными и неприятельскими судами, следует признать классическим! Такой маневр сделал бы честь самому прославленному флотоводцу. Вне всяких сомнений, что это был звездный час Гейдена!

Хладнокровно выдержав огонь береговых батарей, бивших картечью в рангоут и такелаж, русская колонна медленно втянулась в бухту и направилась в отведенное ей согласно диспозиции место. Теперь уже и наша эскадра открыла ответный огонь в сторону острова Сфактерия, откуда по ней всю палили турецкие фрегаты.

Шканечный журнал линейного корабля «Азов»: «В 2 3\4 открыли мы первый огонь с левого борта по стоящим у левого борта неприятельским фрегатам, которых проходили весьма близко. Вскоре остальная часть эскадры нашей скрылась в дыму за кормою...»

Команду на открытие огня на «Азове» дал сам Гейден. И это он рассчитал точно! Залп прогрехотал ни раньше и не позже, чем было надо. Поэтому ни одно ядро не пропало даром. Все они нашли себе достойную цель...

Чем дальше продвигались в бухту наши корабли, тем огонь по ним становился все жарче. Каждый входящий в гавань корабль тут же подвергался перекрестному огню сразу всех трех неприятельских линий. Вокруг ничего не было видно от черных дымных клубов. Теперь каждый из российских кораблей был предоставлен сам себе и самостоятельно прокладывал себе путь среди турецкого флота маневром и огнем. То там, то тут горели пущенные на удачу брандеры, столкновение с которыми означало гибель.

Один из историков этого сражения писал о входе «Азова» в Наваринскую бухту следующим образом: «По причине ужасного дыма «Азов» прошел несколько далее за центр, отчего между ним и последним английским кораблем («Альбионом») осталось четыре фрегата и столько же корветов, никем не занятые. По сей причине «Азов» и «Альбион», более других подверженные атаке превосходящих сил, должны были претерпеть более; но искусство и опытность капитана Лазарева, управлявшего движениями «Азова» с хладнокровием и мужеством примерным, доставило нашему адмиральскому флагу еще большую славу... Подавляемый

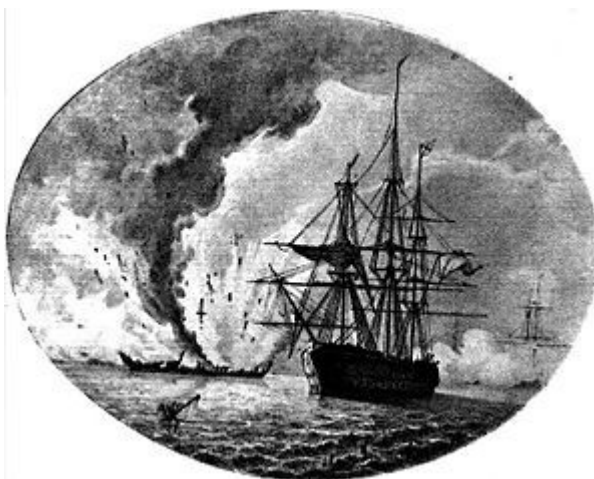
превосходством числа судов сей («Азов») как разъяренный лев, окруженный ловцами, растерзав одного врага, обращался на истребление второго...»

На входе более иных из русских кораблей досталось шедшим вторым "Гангуту". Несколько точных ядер побили у него на юте много народу.

Матросы, показывая друг другу на турок, делились впечатлениями:

- Даром, что много, а лишь бы нам волю дали, ну а мы и одни окаянных отделаем под первое число!

Подъем духа был небывалый. Там, где раньше ворочали пушку восемь человек, теперь управлялись четверо!

Корабль «Азов» в Наваринском сражении

Не обошли турки вниманием и головной "Азов", по которому, завидев адмиральский флаг, палили так же ожесточенно. Но, несмотря на все происходящее, на шканцах "Азова" царило деловое спокойствие. Капитан 1 ранга Михаил Лазарев, по-прежнему, распоряжался, не повышая голоса, офицеры сосредоточенно сдержанны, матросы деловиты и серьезны. Сам контр-адмирал Гейден был больше озабочен тем, что творилось на остальных кораблях и в бухте в целом, чем обстановкой на корабле. Еще не миновав узкость пролива, но, видя, что корабли один за другим успешно проскакивают сфактерийские батареи, он повеселел.

- Ну-с, Михаил Петрович, - говорил он Лазареву, выхаживая туда-сюда под ядрами. – Кажется, мы не опоздали!

- Да, Логин Петрович, - отзывался последний. - Десерт еще не подан!

У ног капитана 1 ранга с шипением крутилось упавшее ядро. Уловив момент, когда оно замерло, Лазарев с силой поддал его ногой за борт.

Первые полчаса «Азов» сражался с 76-пушечным турецким линкором, с которым ранее дрался «Альбион». Расстреливаемый «Азовом» турок, будучи уже не в силах сопротивляться, обрубил канаты и хотел, было, свалиться на абордаж, но встреченный целой серией всепокрушающих залпов отвернул в сторону и выбросился на отмель.

Из хроники сражения: «После вступления российской эскадры в дело огонь с турецких кораблей через несколько минут приметно стал слабеть, перемежаться, гаснуть и умолкать. Между тем беглый огонь с союзных

кораблей выливался правильно, непрерывно и постепенно. По мере того как корабли входили в дело, увеличивался сильнее и сильнее. Гром от двух тысяч орудий слился в один звук, море колебалось, как от землетрясения. Корабли дрожали от сотрясения в воздухе. Ветер начал стихать, оба... флота оделись густыми облаками дыма. Небо и вода исчезли. И день обратился в ночь; одно пламя, извергаемое пушечными жерлами. Освещало и открывало цели сражающимся кораблям...»

Около 16.00 дравшийся с «Азовом» фрегат загорелся. Его понесло течением в сторону и, спустя несколько минут, разорвало в куски за кормой «Азова». Но передохнуть азовцам было не суждено. Мгновенно открывшиеся фрегаты и корветы второй и третьей линий начали палить в «Азов». Перестрелка продолжилась. Около 17.00 еще один дравшийся с «Азовом» корвет взорвало на воздух. Еще через четверть часа у дравшегося с «Азовом» фрегата под флагом Тагир-паши была сбита бизань-мачта и перебиты канаты. А еще пятнадцать минут спустя затонул от многочисленных попаданий корвет во второй линии. Флагман Тагир-паши имел участь не менее плачевную. Потеряв пятьсот человек из шестисот, разбитый и разрушенный в конце, фрегат был сожжен самими турками.

*Командир русской эскадры Логин Петрович Гейден
(свой флаг держал на «Азове»)*

Историки Наварина очень высоко оценивают помощь, оказанную «Азовом» «Азии» Кодрингтона: «В жару битвы, когда турки, еще неослабленные, защищались с необоримым мужеством, граф Гейден имел случай помочь английскому адмиралу. 80-пушечный корабль под флагом капитан-бея, сражавшийся с «Азией», по причине перебитого у него шпринга, повернулся к «Азову» кормой, граф, усмотрев сие, немедленно приказал отделить от левого борта 14 орудий для действия противу сего корабля; они действовали с таким успехом, что чрез полчаса разбили ему в корму...»

Помимо этого, как бы между делом, «Азов» умудрился помочь и «Генуе». Когда английский линкор перебил якорные канаты одному из турецких линейных кораблей и на том начался пожар в констапельской, «Азов»

картечью помешал туркам потушить этот пожар и вскоре объятый пламенем турецкий корабль взлетел на воздух.

Если головной «Азов» пробивался к своей боевой позиции еще при относительно удовлетворительной видимости (по крайней мере в это время еще в разрывах дыма можно было кое-что увидеть), то шедшим за ним кораблям пришлось идти в слепую между горящими брандерами при все возрастающем огне турок.

Из шканечного журнала линейного корабля «Гангут»: «В 1½ 3 часа корабля наш, прошед против крепости правого берега и батарей левого был встречен сильным огнем, нанесшим большой вред нашему рангоуту и парусам, на который мы тотчас отвечали залпами, открыв огонь с обоих бортов и вместе с проходящим у нас справа французским кораблем «Бреслав», чрез что заставили оные замолчать на время...»

Вахтенный лейтенант «Гангута» Цебриков, не видя перед собой скрытого дымом «Азова» кричал стоявшему рядом Авинову:

- Куда править?

- На румб по компасу! – отвечал Авинов.

Оба подошли к нактоузу и с ужасом увидели, что от стрельбы все картушки сброшены со своих шпилек.

- Что будем делать? - Поднял глаза на командира лейтенант Цебриков.

- Пойдем, ориентируясь по пальбе и густоте дыма! – мрачно ответил Авинов.

– Где больше палят, там и «Гейден с Лазаревым!»

Над головами наших моряков трещали пробиваемые ядрами паруса. Людей убивало ни столько от самих ядер, сколько от разлетающейся во все стороны щепы и падающих вниз обломков перебитого рангоута и обрывков такелажа... Потери возрастали ежеминутно.

Следом за «Гангутом» в кромешной тьме пробирались «Иезекииль» и «Александр Невский». Из шканечного журнала линейного корабля «Александра Невского»: «Сражение началось в 3¼ 3 часа, проходя в губу, палил с 2-х бортов...»

В историческом журнале русской эскадры об этих напряженных минутах осталась многозначительная запись: «Английский адмирал... подверг российскую эскадру всему огню неприятельской канонады и поставил предводителя оной в затруднение тем, что он во мраке густого дыма, под сильным перекрестным огнем неприятеля должен вводить и устраивать оную...»

Однако, несмотря на все трудности, эскадра Гейдена прошла мимо неприятельского флота в полном порядке и бросила якоря там, где ей было указано. «Азов», «Гангут», «Иезекииль», «Александр Невский», «Елена», «Проворный», «Кастор» и «Константин» под обстрелом встали последовательно вдоль линии турецких фрегатов в центре позиции и на западном крыле. Один за другим. Как на ученьях, убрали они паруса,

положили в грунт якоря, уравнили шпринги, удержав при этом и между собой самую близкую дистанцию, что обеспечивало взаимную поддержку в бою. Блистательный маневр не остался незамеченным союзниками. С кораблей, мимо которых проходили наши, им махали шляпами, крича "браво"!

Кодрингтон, сумевший разглядеть в разрывах пороховых клубов прибытие русской эскадры, был восхищен ее действиями.

- Надо отдать честь нашим русским союзникам! Готов держать любое пари, что даже при самых благоприятных обстоятельствах никто не смог бы исполнить этот маневр лучше! – сказал он окружающим его офицерам.

Желающих держать пари с главнокомандующим, разумеется, не нашлось.

Капитан Томас Феллоуз

А сражение все разгоралось, становясь с каждой минутой все ожесточенней. В.Броневский пишет по этому поводу так: «...Сражение, произошедшее на столь тесном пространстве и в таком отчаянном положении, не могло быть иное. Как самое кровопролитное, губительное и решительное. Два флота, почти сцепившись рея с реями, подобны двум бешеным поединщикам, искавшим не жизни и победы, а смерти бедственной. Но славной. Ни друзья, ни недруги не могли уже уклониться или избегнуть совершенно конечного истребления: малейшая неудача в движении или неискусство в стрельбе должно было сопровождаться верной гибелью. Храбрый Кодрингтон поставил своих подчиненных между смертью и победой».

Уже в первые минуты боя английские бригады капитана Феллоуса уничтожили четыре турецких брандера. Пятый «горящий снаряд» взорвался у самого борта "Гальбота". Чтобы пресечь дальнейшие попытки брандерных атак Феллоус на своем «Дартмуте» оставался на фланге египетской эскадры до самого конца сражения. Однако два брандера все же успели выскочить из-под его огня. Затерявшись среди других судов, они ждали момента нанести свой беспощадный удар по подвернувшемуся кораблям союзников.

Схватиться с этими «судами смерти» чуть позднее пришлось уже нашим морякам.

Из официальной истории британского флота: "Капитан Филлоус отвел брандеры и спас французский адмиральский фрегат «Сирену». "Кембриен», «Глазго» и «Тальбот», следуя прекрасному примеру командира «Армиды», капитана Гюгона, уничтожили своих противников и сбили батареи". Здесь особенно отличился капитан брига «Роза» Дэнис, прикрывший «Армиду» от безнаказанно расстреливавших ее турецких корветов.

Дым был столь густой, что орудия «Азии» наводили по флагу на бран-стеннге корабля капитан-бея. Во время этого поединка с кораблем турецкого начальника, «Азия» подверглась особо ожесточенному обстрелу сразу находящихся поблизости турецких судов. Около 3-х часов пополудни «Азия», решивши участь капитана-бея, обратилась лагом к Мокарем-бею и следующему за ним; оба были разрушены. Корабль Мокарем-бея, страшно избитый, едва держался на воде; соседний с ним, сгоревши до ватерлинии, взлетел на воздух.

Фрегат «Азия» (в центре) сражается против двух османских кораблей

Невозможно доставить читателю точного описания действий каждого судна, когда имена и сила противником их не известны. Русские заняли назначенную им позицию и храбростью своею, способствовали страшной занимательности картины истребления и ужаса".

Если французская и британская эскадра избрали себе в противники египтян, то российским кораблям достались старые знакомцы турки.

- Отдан дагликс! Отдан плехт! - кричали баковые боцмана. - Вытравлено полсотни саженой канату!

Если "Азов" встал на якорь исключительно удачно, то "Гангуту" в этом отношении весьма не повезло. Корабль еще толком не занял позиции, а на него уже несло горящий турецкий корвет. До катастрофы оставались какие-то минуты. Положение спас не растерявшийся командир "Гангута" капитан 2 ранга Авинов.

Александр Павлович Авинов

- На баке! - закричал он в рупор. - Живее травите еще десять сажений!
Накренившийся и полыхающий огнем корвет пронесло борт в борт с линейным кораблем. Людей на корвете уже не было видно. Промчавшееся судно вскоре оказалось занесенным ветром в гущу мелких турецких судов, где и разорвалось со страшным грохотом.

- Ни дать, ни взять «Летучий Голландец»! - перекрестились на «Гангуте».
Но расслабляться было рано.

- Заряжай! – раздалось по орудийным декам. – Наводи! Целься вернее!
Пали!

- Зажечь фитили, приготовить замки! Забить снаряды! – распоряжался на баке "Азова" лейтенант Павел Нахимов. - Изготовиться к пальбе с обоих бортов!

На нижнем деке орудиями командовал лейтенант Иван Бутенев, на нижнем Моллер. Все готово к открытию огня. Последние минуты самые томительные. Наконец со шканцев прокричали:

- Открыть огонь!

- Батарея пали! – мгновенно отреагировали Нахимов, Бутенев и Моллер.

"Азов" в одно мгновение окутывается дымом.

Вдалеке в сплошной туче черного дыма по самые клотики "Азия" Кодрингтона. Гейден с Лазаревым с беспокойством поглядывали на

английский флагман: ведет огонь или горит? Разглядеть подробно было невозможно.

- Мы в точке определенной нам диспозицией! – доложилась Лазареву штурман.

- Передайте на бак, чтобы клали дагликс! – велел командир «Азова» вахтенному офицеру.

Тот репетовал команду на бак линкора Нахимову:

- Приготовиться к положению якоря!

Тот в ответ поднимает вверх руку, мол, понял.

Из шканечного журнала линейного корабля "Азов": В 3 часа, пришел по назначенной диспозиции в свое место, на глубине 25 саж., грунт ил, брошен якорь "даглист" и, отдав канату до 50 саж., привели помощью шпринга правый борт корабля противу неприятельского двухдечного корабля и фрегата в расстоянии от первого на один кабельтов, и тогда открыли сильный огонь с правого борта».

Обнаженные по пояс матросы закладывали гандшпуги и ворочали ими, наводя пушки для очередного залпа. Внезапно случайная искра попала на сложенные пороховые картузы. Те мгновенно вспыхнули, и огонь быстро побежал по палубе. Часть матросов бросилась, было, в сторону.

- Стой! - закричал Нахимов. - Кому жизнь не дорога, за мной!

Ободренные матросы кинулись за Нахимовым. Вместе с ними, оказавшиеся рядом, мичман Путятин и гардемарин Истомин. Общими силами они быстро потушили еще не разгоревшийся пожар.

Из шканечного журнала линейного корабля "Азов": «В 3 1\2 часа с неприятельского корабля сбиты были все мачты и перебиты канаты, которые и понесло за корму. В сие время совершенно открылся стоявший во 2 линии в интервале турецкий адмиральский двухдечный фрегат и некоторые корветы, продолжали пальбу с правого борта..."

- Залп! - выхватив сабли, кричали плутонговые командиры - Залп! Залп! Залп!

До турок было рукой подать, а против "Азова" обратили свои орудия сразу пять турецких судов. Едва ж азовцы успели в первый раз разрядить свои пушки, как корабль внезапно вздрогнул раз, затем еще и еще. Турецкие 6-фунтовые ядра в упор поражали русский флагман.

Бой был тяжел и яростен. У борта "Азова" стена фонтанов от падающих ядер. На самом корабле тоже жарко. То и дело вспыхивали пожары, рвались снасти, рушился такелаж. Но и азовцы в долгу не оставались. Прошло менее четверти часа с начала боя, как меткими выстрелами комендорами флагмана была разбита грот-мачта ближайшего турецкого фрегата. Верхняя ее часть рухнула в воду, по пути разнеся в щепки фальшборт. Упав, мачта потянула за собой паутиной вант весь фрегат. Турки кричали истошно. И было от чего! Судно сильно накренилось на борт, задрав в небо ближний к "Азову" борт. И очередной пушечный залп пришелся точно в небеса.

- Аллаху своему презент послали! – усмехнулся Гейден. – Теперь уж точно не видать им от него милостей!

*Корабль «Азов»
на картине Айвазовского «Сражение при Наварине» (фрагмент, 1848)*

Зато уж "Азов" не промахнулся, и через несколько минут превратил своего противника в горящую грудку дров. Вскоре, чадающий пожарами фрегат на буксирах оттащили под защиту береговых укреплений.

- Какие повреждения? - спрашивал Гейден Лазарева.

- Фок-мачту выбило из степенсов. Едва держится на цепях! - Что с грот-мачтой? - Трещина до нижнего дека. От бизани, сами видите, одни обломки!

Мимо санитары тащили окровавленного матроса.

- Живой? - закричал им Лазарев.

- Куда там, - ответили санитары. - Наповал!

- Да, только начали, а уже жарко! - вздохнул Гейден и, взяв трубу, принимается рассматривать турецкий флот.

Ни Гейдену, ни Лазареву, однако, причин радоваться пока еще никаких не было.

Перед кораблем было еще четыре противника. Батарейные командиры лишь утерли рукавами пот, перенацелили пушки и все началось по новой.

Вскоре очередное меткое ядро, пущенное с "Азова", пробив борт, попало прямо в кюйт-камеру очередного корвета. Взрыв был оглушительный, и останки судна разметало по всей бухте. Высоко в воздухе в клубах дыма летели доски и снасти, головы и руки...

Бой продолжался. «В жару битвы палубы наших кораблей представляли зрелище одинаково ужасное: без мундиров, с завязанными или заткнутыми ушами, дабы совсем не оглохнуть, те люди, которые, за несколько часов (до боя) казались короткими и добрыми, теперь казались бешеными. С диким взором, с растворенными устами, не замечая никакой опасности, они бросались и опрометью бежали туда, куда приказывали. Храбрейшие возвышали голос; им охотно и стремительно повиновались, и никто не узнал

бы робкого. Тяжелораненные и умирающие, одни лежали смирно, другие ползли на перевязку, не произнося ни одного жалобного стона. Вскоре крикливое «ура!» подменилось отчаянным молчанием, и тут-то каждый, можно сказать, работал за четверых, и силы по мере утомления... Томимые жаром, жаждой и усталостью матросы окачивались морской водой (коею в осторожность от пожара палубы наливаются), прикладывались к ядрам или держали свинцовые пули во рту, и тем освежали горящие губы и запекшийся язык. В таком положении ничто не устрашало их; большой ужас возбуждал большую храбрость: каждый взрыв сопровождался радостным «ура», даже раненные на кубрике провозглашали сей символ славянской храбрости...»

- Не суетись ребята! - кричали азовские офицеры вошедшим в азарт артиллеристам. - Целься вернее под ватерлинию, чтоб тонул исправно!

Лейтенанты Павел Нахимов и Иван Бутенев, мичмана Владимир Корнилов и Ефим Путятин, гардемарины Дмитрий Шишмарев и Владимир Истомин - все при деле!

Над "Азовом" занимаются (в который уже раз) языки пламени. Их сбивают, аварийные партии мечутся от бака к юту.

...Очередной залп с турецкого фрегата и падает, заливая кровью палубу, лейтенант Бутенев. В горячке он пытается подняться. Из раздробленной ядром руки хлещет кровь. Лейтенант рвет зубами рубаху.

- Затяни узлом повыше! - хрипит он подбежавшему матросу. - И живо назад к орудию!

Еще некоторое время Бутенев руководит своей батареей, но силы оставляют его, и он падает на руки своим артиллеристам. Пушки среднего дека принимает под свое начало мичман Константин Истомин. Невозмутимо вышагивая среди свистящих ядер в сдвинутой на затылок фуражке, он подбадривает матросов:

- Это что, в аду, говорят, еще почище-то будет! Залпировать по моей команде! А целить под срез палубный!

Позднее Нахимов вспоминал: "...Бедный Бутенев потерял правую руку по самое плечо. Надо было любоваться, с какой твердостью перенес он операцию и не позволил себе сделать оной ранее, нежели сделают марсовому уряднику, который прежде его был ранен..."

Теперь против "Азова" оставалось всего лишь три противника. Но радость экипажа линейного корабля была недолгой. На место выбитого из линии фрегата уже выходил откуда-то из-под берега другой, еще невредимый. На "Азове" же к тому времени повреждений хватало: шаталась во все стороны выбитая из степса фок-мачта, вышло из строя немало и пушек. В неразберихе боя кто-то по неосторожности, отбрасывая в сторону зажженный картуз, попал им в кучу других, приготовленных для пальбы. Начались взрывы и большой пожар. В конце концов, хотя и с большим трудом, но с ним все же справились.

Усмотрев, что русскому флагману приходится нелегко, на выручку ему поспешил капитан Ла-Бретоньер. Его "Бреслав", оставил назначенное ему диспозицией место, с которого французы почти не могли вести огня по

туркам. Обрубив якорный канал, "Бреслав" сумел протиснуться в узкий промежуток между "Азовом" и стоявшим рядом британским "Альбионом". С подходом Ла-Бретоньера положение Лазарева несколько улучшилось. "Бреслав" отвлек на себя сразу несколько турецких судов, и русские моряки смогли немного перевести дух.

Масштабная модель французского корабля «Бреслау»

В свою очередь азовцы, несмотря на свое, почти полное окружение, турками, умудрялись оказывать посильную помощь "Альбиону", сражавшемуся с 84-пушечным флагманом Мухарем-бея. Турецкий линкор сопротивлялся отчаянно, огонь его был на редкость точен. Но вот англичанам как-то удалось перебить его шпринг, и оставшейся без якоря турецкий корабль очередной порыв ветра внезапно развернул кормой к "Азову".

- Лупи его анфиладным! - не сдержавшись яростно крикнул Лазарев.

- Причешем строптивца, коль напрашивается! - репетовали в свою очередь матросам батарейные командиры.

- Держите, гололобые! - в азарте забивали пробойниками ядра и пыжи матросы. - Счас не нарадуетесь!

Первый же залп полностью смел в воду корму турецкого корабля. После второго корабль занялся огнем. В течение получаса сразу четырнадцать пушек верхнего дека сосредоточенно били по пылавшему турку, пока не превратили его в совершенное месиво. Не прекращавшийся огонь "Азова" лишил турок возможности тушить все разраставшийся пожар. Вот они уже принялись прыгать за борт, вначале еще ровно по одному, а затем

посыпались десятками. Полыхающий языками пламени флагман Мухарем-бея понесло куда-то в сторону. Но вот, наконец, огонь достиг крюйт-камеры и 84-пушечный гигант разорвался с грохотом и треском.

Из донесения Гейдена Николаю Первому о Наварине: "...Командир французского корабля «Бреславль», заняв невыгодную при начале сражения позицию и усмотрев, что корабль Азов весьма много терпит от неприятеля, сражаясь в одно время против 5 военных судов, и почти не наносит им никакого вреда, немедленно обрубил свой канат и занял позицию между «Азовом» и английским кораблем «Альбионом», чрез что некоторым образом облегчил наше положение. «Азов», со своей стороны, тогда как сам был окружен турками, много помог английскому адмиралу, который сражался с 80-пушечным кораблем под флагом Мукарем-бея и когда сей последний, по причине перебитого у него шпринга, повернулся к «Азову» кормою, то 14 орудий на левом борту были немедленно отделены для действия против сего корабля и действовали с таким успехом, что через 1½ часа разбили ему всю корму и когда в констапельской каюте сделался пожар, и турки употребляли все усилия, чтобы погасить возгорание, сильный картечный огонь с «Азова» сему воспрепятствовал, турецкий корабль вскоре обнялся пламенем и, наконец, взорван на воздух; между тем один из английских бригов, который много в сражении потерпел и потерял свои якоря, взят на бакштов капитаном Хрущовым, командиром фрегата Константин и чрез то в продолжение целой ночи сохранен от всякого вреда".

"Казалось, весь ад развернулся перед нами, - писал позднее об этих минутах лейтенант Павел Нахимов. - Не было места, куда-бы не сыпались кнители, ядра и картечь. И ежели бы турки не били нас очень много по рангоуту, а били в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды. Надо было драться именно с особым мужеством, чтобы выдержать весь этот огонь и разбить противников, стоящих вдоль нашего борта (в чем нам отдают справедливость наши союзники)... О, любезный друг, кровопролитное и губительнее сражения едва ли когда флот имел. Сами англичане признаются, что при Абукире и Трафальгаре ничего подобного не было".

Вторым в колонне русских кораблей шел 74-пушечный "Гангут". Ему досталось еще на подходе к бухте. В беспросветном дыму «Гангут» несколько отстал от передового «Азова» и растянул линию. Из-за этого он упустил ветер, заштилел, и смог только через час прийти на свое место. Став на якорь, линейный корабль открыл огонь батареями правого борта сразу по трем турецким фрегатам. Турки отвечали полновесно и точно. Позднее один из офицеров корабля вспоминал. Что их корабль буквально засыпало ядрами и горящими головнями. Бились на равных и "Гангуту" доставалось изрядно, пока стоящий впереди него "Иезекииль", не подтянулся на якорь ближе к

нему. Положение "Гангута" сразу улучшилось. Теперь они били по туркам вместе.

- Вдвоем и батьку лупить сподручней! – пошутил по этому поводу обычно немногословный Авинов.

Густой дым над всей бухтой мешал видеть, что делается даже у соседа и каждый по этой причине, был вынужден драться в одиночку, догадываясь лишь по интенсивности залпов об общем положении дел.

Залп... За ним еще и еще... Корабль, окутавшись черной копотью, изрыгает из себя с грохотом тугие снопы пламени. Где-то невдалеке надсадно закричали люди – значит, залп лег точно!

Из воспоминаний участника боя: "...Положение англичан переменялось, противники их начали слабее и слабее действовать и господин Кодрингтон, коему помог наш адмирал, сокрушив капитан-бея, сокрушил и Могарема, корабль первого пронесся по линии брошен на мель, а второго сгорел, суда которой и третьей линии бывшие "Азию" с носу и кормы - потоплены. Но зато "Азов" обратил на себя общее внимание врага ярою злобою против его кипевшего, не только ядра, картечь, кнители, пули и брандскугели, но даже обломки железа, гвозди и ножи, кои турки в бешенстве клали в пушки, сыпались на него с одного корабля, пяти двухдечных фрегатов, бывших его в корму и в нос, и многих судов второй и третьей линий. Корабль загорался, пробоины увеличивались, рангоут валился.

Его сиятельство граф Гейден, находясь на юте во все время сего страшного сражения с веселым челом и совершенно спокойным духом великим людям свойственным, наблюдал действия эскадры и противоборство многочисленного, в четверо сильнейшего неприятеля предупреждая и отвращая все его дерзкие предприятия, с душевным удовольствием примечал ослабевающую силу оною, но сердечно скорбел о потере достойных воинов своих. Храбрый и опытный капитан Лазарев 2-й находясь попеременно в разных местах корабля своего, управлял оным с хладнокровием, отличным искусством и примерным мужеством, ободряя личным присутствием твердость и храбрость нижних чинов, и искусно направляя действие артиллерии, ускорял разрушение сил оттоманских, и Тагир-паша на сем фланге начальствовавший, опасаясь потопления избитого фрегата своего с поспешностью перешел на другой. Когда же приспели к местам своим "Гангут", "Иезекииль", "Александр Невский" и "Бреславль", когда полетели и их ядра на вражеские корабли, тогда "Азов", мало-помалу, начал выходить из страшного аду, в коем он находился. 24 убитых, 67 раненых, избитый такелаж, паруса, а в особенности рангоут и более 180 пробоин кроме 7 подводных доказывают истину сказанного.

Турки вообще целили по рангоуту, что было бы полезно, если бы сражались под парусами, напротив союзники метили, как и быть должно, по корпусам, разрушая кои, били у них много людей. Мачты корабля "Азов" были так избиты, что на пути в Мальту, имея фальшивое вооружение, он с великою опасностью нес нижние паруса.

Капитан-лейтенанта Баранов был в сей геройской битве действительным помощником капитана своего господина Лазарева и показал особенное присутствие духа, он исполнял с быстротою и точностью все его приказания и направляя корабль как дело того требовало, равнодушно распоряжался действиями и управлением оною, и когда из правой его руки вырвало картечью рупор, то господин Баранов невзирая на боль контузию причиненную, с стоической твердостью и необыкновенным хладнокровием, взяв другой в левую руку, спокойно продолжал делать зависящие от него распоряжения.

Рассматривая положение кораблей "Азов" и "Азия", нетрудно решить, кто из них находился в большей опасности, и сэру Кодрингтону или графу Гейдену принадлежит победный дня сего венец. Здесь, кстати сказать, что когда у корабля капитан-бея "Азия" перебила шпринг, тогда он повернулся к "Азову", кормою граф увидя сие приказал громить его в оную из 14 орудий, когда же он по причине перебитых каналов своих, пошел за "Альбионом", с другим 76-пушечным кораблем с сим последним с начала сражения дравшимся, по которому "Азов" весьма сильно действовал, и там оба остановились на якорях, тогда будучи не в состоянии сопротивляться долее, а особенно когда у него в констапельской сделался пожар, и сильные картечные выстрелы "Азова" не позволили гасить оный, тогда яростию дышащие оттоманы, отрубив канаты, устремились среди гибельного положения своего, в злом намерении сцепиться с кораблем "Азов" и сжечь его, но встретив сильную и неборимую преграду, в его ядрах и картечах, часть экипажа оною бросилась на гребные суда, а другие подняв торопливо фор-стенги-стаксель, спустилась под оным на берег. пламя указывало путь его к оному:

Кроме сего корабля, адмирал наш потопил два большие 50-пушечные фрегата, два корвета второй линии со всеми бывшими на них разноплеменными народами и истребил фрегат Тагир-паши, убивши и ранивши на оном из числа 600 около 500 человек. Паша сие рассказывавший, видя его наполненный трупами и боясь утонуть на оном, перешел на другой, но вскоре и оттуда должен был спасаться и остальное время до рассвета провел на островке.

Следовавшие за кораблем "Азов" наши корабли и фрегаты, по мере вступления их в порт, встречали сильную канонаду крепости, батарей и судов неприятельских".

Около четырех часов дня с "Гангута" заметили мчавшийся на них горящий брандер. Один из тех трех, которым удалось в начале боя улизнуть от капитана Феллоуса. Брандер заметили случайно в разводьях дыма в самый последний момент. И снова спасла выучка команды и мастерство командира капитана Иранга Авинова. Несмотря, что все решали какие-то минуты,

"Гангут" успел подтянуться на якорь, а затем несколькими точными выстрелами пустил брандер ко дну.

Из воспоминаний участника боя: "Брандеры, пылающие жерлами, готовые запылать в одну минуту, шли на сближение с нами; "Гангут" и "Иезекииль" встретив во время два из них верными выстрелами немедленно пустили их ко дну, со всем экипажем. Третий потоплен кораблями "Иезекииль" и "Александр Невский".

«Сражение при Наварине» Художник Айвазовский

Линейный корабль "Гангут" вступил в бой одновременно с несколькими судами противника, в том числе с фрегатом Тагир-паши. Корабль "Иезекииль" атаковал 54-пушечный турецкий фрегат и много мелких судов второй и третьей линий. Корабль "Александр Невский" уже при входе в Наваринскую бухту уничтожил береговую батарею, а затем в течение 40 минут расправился с 58-пушечным турецким фрегатом".

На "Гангуте" старшим офицером капитан-лейтенанта Петр Анжу. У капитан-лейтенанта слава громкая, не все адмиралы имеют в послужных списках столь подвигов, сколь этот скромный и застенчивый на вид лейтенант! За плечами Анжу опись берегов Северной Сибири от устья Оленека до устья Индигирки, исследование киргизских степей, изучения Каспия и Арала. Научные открытия российского лейтенанта признаны всем миром, а имя его ставят в одну строку с Куком и Лаперузом! Обязанность старшего офицера в бою - борьба с пожарами и водой. Им потому Анжу вездесущ. Он везде на

баке и на юте, в орудийных деках и в трюме. Цепкий взгляд старшего офицера не пропускает ни единой мелочи.

- Вон в углу брезент тлеет! - кричит он, пробегая по рострам, матросам. - Залейте, а то ненароком полыхнет!

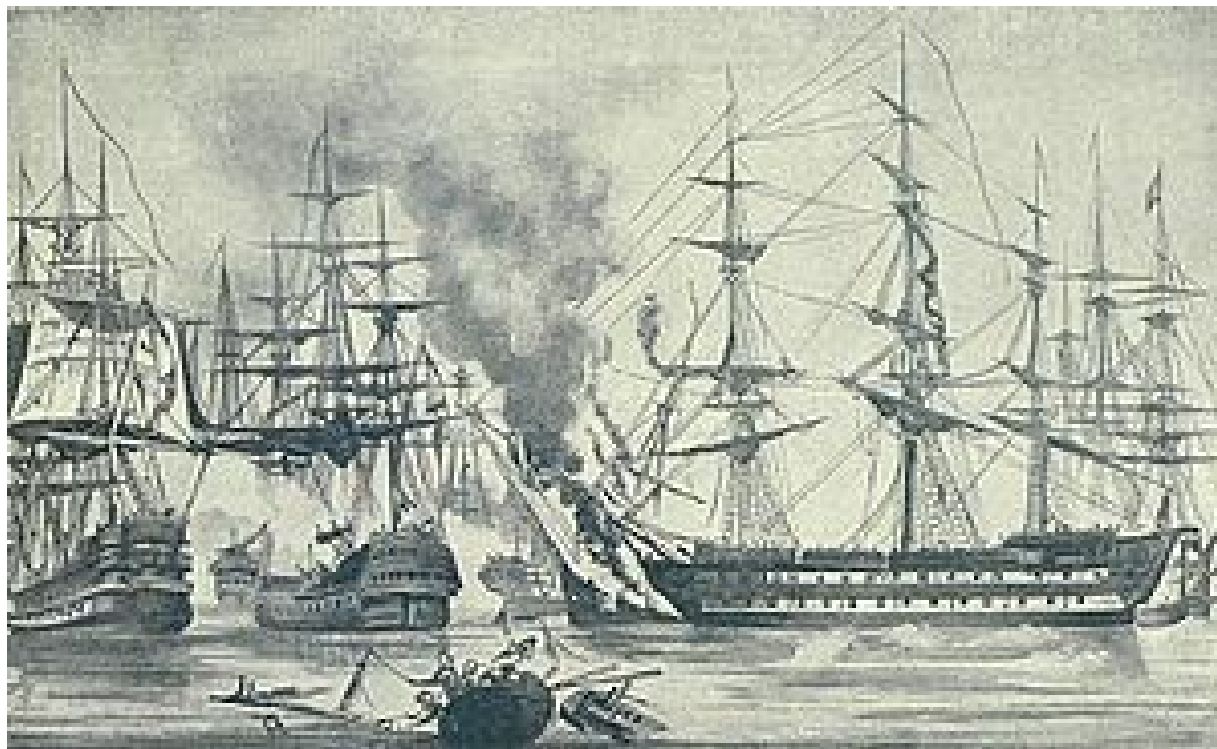
В разгар боя ядро перебивает рею над ним. Отскочившая огромная щепка с силой вонзается капитан-лейтенанту в голову. Кое-как перевязавшись цветным платком, Анжу отказывается идти в лазарет и остается на своем посту. И так, похожий больше на залихватского пирата, чем на кадрового офицера, он продолжал исполнять обязанности до последней минуты боя.

- Смотрите! Смотрите! - закричали внезапно на шканцах. - Что это?

Все стоявшие, включая Авинова, подбежали к перилам фальшборта, Изумлению их не было предела: недалеко от борта на месте, где только что затонул египетский фрегат, среди мусора и досок на волнах качалась икона!

- Хосподи! - крестились гангутцы. - И откуда она там взялась?

- То знамение грядущей победы креста над полумесяцем! - объявил во всеуслышание Авинов. - Кличьте охотников!

Линейный корабль "Гангут" в Наваринском сражении

Спасать нерукотворный образ вызвалось много, отобрали одного из поморов архангелогородских. Скинул матрос портки, осенил себя крестным знаменем и бултых за борт! Вскоре икона была уже на борту "Гангута". Когда ее рассмотрели внимательнее, оказалось, что это образ Богородицы Одигитрии.

- Установите ее, батюшка в судовой церкви! - велел командир корабельному священнику отцу Артемону. - Сия награда дадена нам свыше!

Священник, принимая икону, целовал ее со слезами в глазах:

- Чудо Господне! Воистину чудо!

Над головами собравшихся на шканцах пронеслись одно за другим сразу несколько ядер. На них даже не обернулись. Привыкли!

Еще полчаса напряженной пальбы и дравшийся против "Гангута" турецкий фрегат закрыл оружейные порты и, не спустив флага, погрузился в пучину. Что ж, моряки Высокой Порты умели не только храбро драться, но и храбро умирать. Воистину в Наваринской бухте были собраны лучшие из лучших моряков султана!

- Весь огонь на 60-пушечный! - уже распоряжался Авинов, прикидывая, как ему лучше, развернуть для стрельбы свой корабль. - Темп стрельбы увеличить сколько возможно!

Снова сотрясаясь от непрерывных залпов корабельный корпус, снова падали, разорванные ядрами люди, а кровь щедро струилась по палубным шпигатам. Внезапно страшную симфонию боя заглушил оглушительный взрыв, то взлетел на воздух и рассыпался в мириады обломков 64-пушечный неприятельский фрегат.

Наваринское сражение

Один из членов экипажа "Гангута" писал об этих незабываемых минутах: "Признаюсь, этот взрыв турецкого фрегата вряд ли кто из нас забудет во всю жизнь. От сотрясения воздуха корабль наш содрогнулся во всех своих частях. Нас засыпало снарядами и головными, отчего в двух местах на нашем корабле загорелся пожар, но распоряжением частных командиров и проворством пожарных партий огонь был скоро погашен без малейшего замешательства. После взрыва нашего ближайшего противника, мы продолжали действовать плутонгами по корветам, бывшим во второй линии сзади фрегатов. Суда эти, отрубив канаты, буксировались к берегу, но, не достигнув оного, тонули, а люди спасались вплавь... Кругом все горело..."

Не менее горячо было и на флангах, где сражались французы и англичане. Нелегко пришлось стоявшему крайним "Дартмуту". Но капитан Томас Филлоус не только изрешетил противостоящий ему турецкий фрегат, но и отогнал огнем целую свору легких турецких судов, пытавшихся с кормы атаковать французский флагман "Сирену".

- Bravo, капитан, благодарю! - помахал Филлоусу рукой со своего шкафута де-Риньи.

Командир "Дартмута" приложил пальцы к треуголке:

- Сэр, помощь ближнему - долг джентльмена!

Филлоус был озадачен иным. По старой британской традиции фрегаты никогда не ввязывались в генеральные схватки линейных кораблей. Это был не их удел. Фрегатское дело дозоры и крейсерства с лихими одиночными стычками, когда же на арену боя величаво выплывали грузные и всеокрушающие линкоры, фрегаты должны были удалиться, чтоб не путаться под ногами у этих левиафанов морских баталий. Теперь же в силу обстоятельств Кодрингтон презрел догму и выставил на кон все, что имел. Капитан представил с каким сарказмом его встретят старые соплаватели в метрополии. Ведь Кодрингтон (а с ним и его капитаны) покусился на то, на что не смел поднять руку сам Нельсон, на традицию! Это было ужасно...

Французы старались не отставать от остальных. 44-пушечный фрегат "Армида" уже трижды сбивал огонь со своих мачт. А капитан Гюгон, как ни в чем не бывало, прохаживался с папироской по палубе. Прицельная пуля просвистела у эполета, другая сбила шляпу. Гюгон нахмурился:

- Гарсон! Бегом в каюту за новой! Не могут же я быть с непокрытой головой на виду всей Европы! И дайте по наглецам пару хороших залпов!

"Армида" дралась с египетскими судами, где на шканцах стояли недавние сослуживцы Гюгона, а ныне советники каирского паши. Это французского капитана отнюдь не смущало.

- Я всегда знал, что этот выскочка Верконье никогда ничего не умел! - ругался он, разглядывая в трубу ближайший неприятельский корвет. - Всадите ему хорошенько под ватерлинию, может хотя бы теперь поумнеет!

Действовавшие рядом с "Армидой" "Кэмбриэн", "Глазго" и "Тальбот" не менее лихо разделались со своими противниками, а затем дружно принялись за береговые батареи, щедро замыкав их раскаленным чугуном. С фланга "Армиду" поддерживал наш "Александр Невский". Сообща они уничтожили еще один фрегат.

Дым был густой, и адмиральская "Азия" наводила свои пушки по флагу на брам-стеннге корабля капитан-бея. Кодрингтону в начале боя не повезло. "Азия" с первых минут боя имела дело с 80-пушечным флагманом капудан-паши. К счастью стоявший рядом с флагманом 60-пушечный фрегат Мокарем-бея некоторое время оставался безмолвным зрителем начавшегося кровопролития. Но вскоре открыл огонь и он. Теперь «Азия» дралась уже с двумя кораблями, будучи поражаемой, еще продольными залпами с турецкой второй и третий линий.

Не слишком удачно выбранная Кодрингтоном позиция для своего флагмана грозила обернуться большими неприятностями. Неизвестно какую плату за эту оплошность пришлось бы заплатить англичанам, но «Азию» выручил "Азов". Сам засыпаемый ядрами, русский корабль принял часть огня на себя, а затем и вовсе расстрелял обидчика. Получившие небольшую передышку Кодрингтон, с капитаном "Азии" Вэйнесом, вскоре разделались с капитан-беем. Затем сравнительно быстро отправили на дно еще два судна. Отчаянно сопротивлялся британскому флагману лишь фрегат младшего турецкого флагмана Мокарем-бея, но вскоре и он, едва держась на воде, выбросился на ближайшую отмель.

Из шканечного журнала «Азии»: «В 3 час.15 мин., заставив совершенно замолчать капитан-бея, направили правый борт на двухдечный фрегат Мокарем-бея и на другие суда, палившие в нас продольными выстрелами; в 4 час.40 мин. Лишились бизань-мачты; в 5 час. 20 мин. Заставили замолчать все суда, находившиеся в выстрелах наших, и прекратили огонь...»

Линейный корабль «Генуя» положил свой якорь около второго турецкого линкора и дралась с ним. Точность огня и темп стрельбы у англичан был значительно выше, чем у их противника. Вскоре на турецком линкоре были сбиты все мачты. Он несколько раз загорался. Но туркам удавалось тушить пожары. Когда «Азия» перебила своему противнику якорные канаты, тот течением внезапно понесло прямо на «Геную».

- О, черт! Только этого нам еще не хватало! – выругался капитан Батурс. - Теперь придется крутиться, как голому под кипятком!

Развернувшись на шпринге, «Генуя» теперь была вынуждена драться на оба борта против двух линкоров.

«Альбион» во время Наваринского сражения

Что касается третьего английского линкора, то «Альбион» оказался в начале боя между еще одним турецким линкором и 60-пушечным фрегатом, встал там на якорь и начал бой по всем правилам военно-морского искусства. Уже после нескольких залпов англичане «полудюжиной выстрелов из пушек, заряженных тремя ядрами», почти перерезали этот фрегат пополам, после чего кинулись на abordаж. Но турки их опередили. Они зажгли свое судно сразу в нескольких местах, направив гибнущий фрегат на «Альбион». Англичан спасла на этот раз только выучка команды и расторопность капитана. Быстро обрубив якорные канаты, капитан Омманей успел отбуксировать шлюпками горящий фрегат на ветер, за какую-то минуту до того, как «вдруг огненный сей столб, подобно извержению. В дыму и пламени высоко поднялся на воздух, и хитрое человеческое творение в один момент исчезло со всеми на нем бывшими». Все это время «Альбион» продолжал драться с турецким линкором. Вскоре он разбил его до такой степени, что и этот турок прекратил сопротивление. Его команда, обрубив якорные канаты, съехала шлюпками на берег. Брошенный корабль пронесло мимо «Альбиона», потом мимо нашего «Азова» и выбросило на мель, где он и был сожжен на следующий день. Затем «Альбион» с помощью «Генуи» уничтожили еще один фрегат, который быстро выгорел и затонул. Обратимся к официальной британской хронике Наваринского боя: "Французы соперничали в храбрости с прежними врагами своими, англичанами. Адмирал их остановился поперек носа египетского фрегата.

Три французских корабля должны были занять пространство между своим флагманом и "Азиею", какие-то обстоятельства помешали им стать на настоящие места. "Сципион" бросил якорь, не дойдя до своего места, встретившись с брандером, шлюпки "Дармута" и "Роза" немедленно пришли на помощь и отбуксировали опасное судно. "Бреславль" прошел к верховью бухты и около русской эскадры принял деятельное участие в битве. "Сирена" зажгла своего противника и подверглась большой опасности при взрыве. Матрос с фрегата приплыл с концом к "Дармуту"; по концу передали кабельтов и "Сирена" была выведена из гибельного положения... Желания ввести судно ("Армиду") в самый пыл сражения, завлекло... до того, что фрегат занял невыгодную позицию. "Роз" капитан Дэвис, немедленно пришел к нему на помощь.

Блестяще сражался и линейный корабль "Александр Невский". Высеченная из дерева фигура грозного князя, выхватывающего из ножен меч, словно увлекала за собой офицеров и матросов.

- Преподобный Александр устроил супостату побоище Ледовое, нам же потомкам его предстоит преумножить дело его погромом Средиземноморским! - объявил подчиненным перед боем командир "Невского" капитан 1 ранга Богданович.

В бой все шли с желанием. Корабль удачно проскочил в бухту и вовремя занял предписанное в линии место.

«Александр Невский» пришел в указанное ему место в 15.45. Став между «Иезекиилем» и французским фрегатом «Армида» он открыл огонь правым бортом сразу по двум 60-пушечным фрегатам, один из которых одновременно дрался с французами.

Турки были опытны и храбры, а потому сопротивлялись отчаянно. И все же им пришлось уступить в этом кровавом споре. Над фрегатами выкинули белый флаг. Один из них сдался «Армиде», второй «Невскому».

- Пушкам дробь! - скомандовал Богданович. - Призовую команду в шлюпку! Спустя полчаса перед каперангом положили изорванный турецкий флаг фрегата «Кейван-Бахри».

- Повесить над офицерским столом в кают-компании, как достойный трофей! - распорядился командир.

Так и провисел трофейный флаг в кают-компании "Невского" до возвращения корабля в Кронштадт. Тогда же по распоряжению Николая I он был преподнесен в дар Морскому корпусу. В рескрипте в связи с этим говорилось: "Дабы вид сего флага, напоминал подвиг 7-го линейного экипажа, вынуждал в младших питомцах желание подражать храбрым деяниям на том же поприще совершаемым и ожидаемых от них юных сынов любезного Отечества".

Вскоре на «Невский» перевезли и пятьсот пленных турок во главе со старшим офицером. На самом деле, как выяснилось, природных турок было

среди них меньше половины. Остальные де являлись арабами, греками армянами, евреями и итальянцами.

- Где ваш капитан? – спросил турецкого офицера через толмача Богданович.

- Он погиб?

- Нет! – равнодушно пожал плечами турок. – Я его застрелил!

- Как застрелили!!? – поразился Богданович. – Неужели ваш капитан оказался трусом?

- Наоборот! – поправил на голове закопченную дымом феску турок. - Он пошел в крюйт-камеру, чтобы взорвать судно со всеми людьми! По моему мнению, это было уже совсем ни к чему, а потому пришлось его застрелить.

Историк пишет: «Турки защищались с остервенением до последней возможности и вообще предпочитали смерть плену. Непокколебимая их решимость и твердое постоянство не ослабевали и при самом опасном положении. Очевидцы рассказывают, что на горевших кораблях турки, с отчаяния, закалывали себя кинжалами, другие, не умея плавать, взяв в руки ядро, стремглав бросались из пламени в воду и топили себя... Часть экипажа одного из потонувших в продолжении в продолжении сражения фрегатов, собравшись на корме, сидела на борту и спокойно ожидала последней минуты. Когда же фрегат пошел ко дну носом и уже быстро начал погружаться, мужественные сии люди, сотворя молитву... с плачевным кличем: «Алла! Алла!» исчезли в бездне».

В тот знаменитый день не отставал в доблести "Азову" с "Невским" и линейный корабль "Иезекииль". Почти в самые первые минуты боя был ранен картечью в бок командир "Иезекииля" Иосиф Свинкин. Рана была тяжелой. К Свинкину подскочили, было, санитары, чтоб отнести его в лазарет, но ветеран многих баталей их отстранил, стоя на коленях:

- Бегите, детушки, поищите, кто побитей меня есть, а я уж по-стариковски как-нибудь перемогусь!

Так на коленях, держась рукою за натянутый канат, Свинкин простоял без малого четыре долгих часа до окончания сражения. И только, когда прогремели последние залпы, седой моряк позволил снести себя вниз, передав команду первому лейтенанту. «Подобно рыцарю святославовых времен на открытом месте своего корабля (он) стал на колени... и продолжал командовать!» – так возвышенно говорили о подвиге командира «Иезекииля» современники. Что касается боевой работы «Иезекииля», то линейный корабль в самое короткое время разделался с большим фрегатом и несколькими корветами и бригами. 56-пушечный фрегат пытался уйти от его залпов, но был взорван. Прочие противники геройского «Иезекииля», будучи разбиты им, спустили свои флаги и прекратили огонь.

Достоинo дрались в тот день и наши фрегаты. Следуя за линейными кораблями, они атаковали западное крыло турецкого строя, где с самого начала англичанам и французам пришлось не сладко. Поэтому подходу

наших фрегатов союзники были очень рады. По сути дела, на крайнем левом фланге битвы кипело свое собственное «фрегатское сражение». Дела на этом фланге складывались следующим образом. Первым сюда подошел английский корвет «Тальбот», шедший позади линейной колонны Кодрингтона. Поэтому, в первые двадцать минут бедному «Тальботу» пришлось в одиночку отбиваться здесь против всех ближайших турецких судов. Два 50-пушечных фрегата и 24-пушечный корвет в упор лупили в борт бедного «Тальбота». Если бы еще, хотя бы четверть часа англичанин остался без поддержки, судьба его была бы печальной. Но помощь пришла и пришла вовремя! Сначала к «Тальботу» подошла французская «Армида», за ней «Глазго», «Филомела» и «Москито», а потом и наши.

Фрегат «Елена» поспешно стал на шпринг и атаковал 50-пушечный египетский фрегат.

В разгар сражения с «Еленой» произошел и весьма любопытный инцидент. Из воспоминаний художника-мариниста А.П. Боголюбова: «Был у нас кадет Шигарин (А.П. Боголюбов учился в Морском кадетском корпусе – В.Ш.). Отец его, тот самый. Который так славно ответил в Наваринском сражении, командуя батареей, и высунувшись с борта, по случаю того, что с французского фрегата послали офицера на катере сказать, что ядра «Елены» ложатся в борт союзника, закричал: «А зачем вы бьете плохо турок!» В это время Иван Епанчин с бота орал: «Все равно, валяй его за двенадцатый год». Разумеется, после прибытия офицера с французского фрегата, огонь с «Елены» сразу же перенесли на турок, но и повеселились слегка!

Тем временем, шедший в кильватер «Елены» «Проворный», уже присоединился к ней. Когда они совместными усилиями разбили противника, то «Елена» перенесла огонь на суда второй линии, а «проворный» перенес огонь на дравшегося с «Армидой» турка. В 15.30 к месту «фрегатской битвы» подошли «Кастор» и «Константин». Капитану «Кастора» Сытину, по причине порохового дыма, пришлось пробиваться под сильным картечным огнем в полнейшей темноте. «Капитан Сытин, опасаясь упустить славный для себя случай к отличию, с трудом пробирался между тесно стоявшими и сражающимися кораблями... По счастью, бриг «Роза», перешедший... от правого к левому (западному) флангу на помощь «Тальботу» и «Армиде», отважно вступая в бой, не мог более защищаться противу превосходящих сил. Капитан Деви послал шлюпку навстречу «Кастору», поручив своему офицеру просить русского капитана стать подле него. Обрадованный Сытин приказал посланному идти вперед и, следуя вблизи за шлюпкой, честно поместился между «Розой» и крайними на фланге турецкими судами...» Спустя сорок пять минут, сражавшийся с «Кастором» турецкий фрегат спустил перед ним свой кроваво-красный флаг.

- С этим все кончено! Разворачиваемся на шпринге! Будем выбивать следующего! – распорядился Сытин.

Но едва развернувшийся «Кастор» открыл огонь по новому противнику, как сдавшийся было турок, вновь поднял флаг и начал изо всех сил палить по «Кастору». Это было уже вероломство, и оно было наказано! Сытин

немедленно вернул свой фрегат в первоначальное положение и начал изничтожать подлого неприятеля с всею яростью. Вскоре турку стало совсем худо. На мачте его последовательно поднимались русский, английский и французский флаги, но Сытин продолжал громить вероломного. Видя, что гибель близка, турки в отчаянии обрубали канаты и выбросились на берег.

«Фрегат "Константин" под командой капитана Хрущева в сутолоке боя прикрыл собою британский бриг "Москито". Бриг немилосердно избивался турками и был на грани уничтожения.

- Ура, рашенз! - кричали английские матросы.

- Привет, английцы! - отвечали им наши, руками размахивая.

Капитан Мартин приветствовал Хрущева приподнятой шляпой.

Из рапорта Л.П. Гайдена Николаю Первому: "...Между тем, один из английских бригов, который много в сражении потерпел и потерял все якоря, был спешно взят на бакштов капитаном Хрущевым... и через то сохранен был в продолжение целой ночи от всякого вреда, могущего с ним последовать..."

При спасении брига отличился лейтенант Гейден, сын командующего, юноша застенчивый и печальный. Судьба младшего Гайдена настолько необычна, что еще ждет своего исследователя... Логин Логинович-младший дожил до эпохи броненосцев, пережив всех остальных наваринцев, но это еще будет не скоро. Пока ж вахтенный начальник фрегата "Константин" лихо распорядился парусами, хладнокровно глядя на пронесившиеся над его головой ядра. Затем «Константин» «весьма искусно и дерзко стал впереди «Тальбота» и наравне с «Армидой» с отличной храбростью атаковал неприятеля и все, находившееся противу своего фрегата, истребил окончательно». Надежно прикрытый «Константином», «Тальбот» смог вскоре пленить еще один фрегат.

В разгар боя последовала внезапная атака союзников сразу несколькими брандерами. Лучше иных ее видел лейтенант Гейден, ибо его "Константин" находился несколько в стороне от остальных, и дыма там было меньше: "...Между тем турки, в ужас союзниками приведенные, обратились к брандерам, а корабль "Сципион", нашел на один из них, увяз бушпритом между грот- и фок-мачтами. Пламя, разливаясь по воздуху, убежало по снастям его и входило внутрь корабля через наветренные борта, отчего в руках людей взрывало картузы и "Сципион" троекратно в разных местах загорался, но проворством и деятельностью экипажа сила огня была прекращена. Брандер гребными судами фрегата "Дартмут" и корвета "Роз" и брига "Феломель" отбуксирован, а ядрами "Сципиона" и "Дартмута" разбит и потоплен. Другие 2 брандера снеслись на корабль "Гангут" и "Иезекииль", но в короткое время подверглись той же участи. Третий потоплен "Иезекиилем" и "Александром Невским".

«Талбот» во время Наварийского сражения

Сильно досталось в сражении и самым мелким судам союзников. Бриг «Филомела», к примеру, был вынужден под жесточайшим огнем перейти с левого фланга на правый и «много претерпел». Французские шхуны «Дафна» и «Алсиона», хотя по своей слабости не могли нанести существенного вреда неприятелю, однако, держали указанные им позиции с твердостью. К удивлению всех, они уцелели, находясь в самом пекле сражения. Тогда, как на их спасение никто уже особо и не надеялся. Но особенно драматически сложилась ситуация с самым маленьким суденышком союзников 10-пушечным английским катером «Гинд» под началом лейтенанта Робба. В течении всего сражения «Гинд» храбро сопровождал и прикрывал флагманскую «Азию». Маневрируя с помощью шпринга и якорной цепи, «Гинд» храбро дрался и даже потопил турецкий бриг. Потеряв якорь, малыш «по ошибке» заехал своим бушпритом прямо в порт турецкого фрегата, но сумел отбиться в отчаянном абордажном бою и удачно убежал, выскочив под корму «Азии».

«Азия» между двумя кораблями Османской империи

К пяти вечера первая линия турецко-египетского флота была полностью выбита и союзники, подняв стволы пушек, перенесли огонь по второй, щедро засыпая ее тоннами чугуна. Не выдерживая этого шквала, неприятельские фрегаты один за другим рубили канаты и выбрасывались на ближайшую отмель. Гремели взрывы. Верхние части судов внезапно поднимались на десятки саженей в воздух и там, в клубах огня, рассыпались с оглушительным грохотом, остатки днищ медленно догорали, чадя черным дымом. Раскалившееся от пожаров то там, то здесь произвольно разряжались орудия, еще больше увеличивая смятение и неразбериху. С этого момента сколько-нибудь организованное сопротивление было прекращено.

Из шканечного журнала «Азова» записано: «В исходе 6 часа, не видя против нас ни одного из неприятельских судов, прекратили бой, а в 6 часов (18.00) сражение везде закончилось...»

Около шести союзные флагмана один за другим стали прекращать огонь: вначале англичане с французами, затем наши. Быстро смеркалось. Победители наскоро подсчитывали свои успехи. За время боя было уничтожен линейный корабль и 11 фрегатов. Два линкора и три фрегата сдались, остальные египетские и турецкие суда были потоплены или сами выбросились на берег. У союзников потерь в корабельном составе не было.

И снова лейтенант Гейден-младший: "Но едва померкло золотое дня светило, и новые ужасы явились пред глазами союзников. Небесная лампада - ясная луна освещала тогда другую часть мира, и ночной мрак, прерываемый грозным светом взрывааемых на воздух магометанских кораблей, окружал друзей и врагов, кои в неистовстве и кипении, упоенные лютой злобой мести,

мнили погубить союзные богом хранимые силы и вместе того сами гибли невозвратно в пламени, против других раздуваемом..."

До полуночи в страшном треске и пламенных потоков взлетело на воздух еще пять турецких и египетских судов. Из воспоминаний лейтенанта Рыкачева «...Каждый раз пожар примерно распространялся по всему судну. От чрезмерной жары раскалившиеся пушки стреляли сами собой, а вскоре затем следовал взрыв. Все, что выше кюйт-камеры, поднималось в воздух, остальное оставалось догорать на воде». В эту страшную ночь взлетало на воздух тринадцать неприятельских судов! Надо ли говорить, что в ту памятную ночь среди победителей не спал никто. Битва была выиграна, но что последует далее, не знал еще никто.

Среди этого ночного кошмара безмолвно чернели корабли союзников. «Победоносные корабли, окруженные обломками и плавающими трупами, казались грозными привидениями, при вратах ада на страже стоящими...»

Но опасность не исчезла. Союзники готовились к возможному отражению брандерных атак. Где-то среди горящих неприятельских остовов еще таились начиненные порохом легкие и верткие суда, готовые ценой своей собственной гибели отомстить за гибель флота. Они ждали лишь своего часа. Первая атака последовала сразу же после полуночи, когда 64-пушечный египетский фрегат внезапно подняв кливвер и бизань, спустился к югу, а затем внезапно стремительно атаковал союзную эскадру. Спору нет, капитан, ведший судно, был человеком отчаянным, ведь заранее обрекал себя на верную гибель, стремясь лишь к тому, чтобы отдать свою жизнь, как можно дороже. решиться на такое мог далеко не каждый! Гораздо безопаснее было бы просто выбросить судно на берег.

Ближайшей целью атаковавшего оказался "Азов". Наши объездные шлюпки, думая, что этой свой, окликали фрегат, но ответа не дождались. тем временем, набирая ход, судно быстро надвигалось на неподвижный флагман русской эскадры. На шканцах "Азова" безмолвно застыли Гейден с Лазаревым. Наконец контр-адмирал, оценив ситуацию, велел:

- Рубите якорный канат, иначе столкновение неизбежно!

Спустя несколько мгновений якорь был обрублен и увлекаемый ветром "Азов" развернуло в сторону. Мимо в шипенье пены промчался фрегат. Теперь он подворачивал уже к "Гангуту". С "Азова" успели не только разглядеть прекрасно раззолоченную корму, но и дать вдогонку храбрецу несколько хороших ружейных залпов.

На "Гангуте" к защите тоже были готовы.

- Абордажных наверх! - кричали боцмана в световые люки.

Авинов так же, как и Лазарев обрубил якорный канат и дал по строптивцу залп целым плутонгом левого борта, но "Гангуту" повезло меньше, чем его предшественнику. Атакующий фрегат с маха вонзился своим бушпритом в грот-мачту "Гангута" и накрепко увяз им в грот-вантах.

- Вперед, ребята! - скомандовал матросам абордажных партий Авинов. - Мы должны предупредить взрыв!

Во главе с лейтенантом Рыкачевым те живо по бушприту и такелажу перемахнули на палубу неприятельского фрегата. Одновременно с борта линейного корабля стрелки вели прицельный огонь по египтянам, пытавшимся подпалить свое судно.

- Слева, слева снимите! – кричал, срывая голос, неутомимый Анжу, - Вон с факелом из люка лезет!

Два-три ружейных выстрела сливались в один, и смельчак падал ничком, не успев добежать до бочек с порохом, щедро расставленных по всей палубе.

Тем временем первые наши матросы уже рассеялись по фрегатской палубе, туша зажженные фитили и выискивая разбежавшихся египтян. В горячке были зарублены несколько матросов, пытавшихся развести на баке костер. Затем заливали огонь лагунами с водой. Спустившись в них, Рыкачев обнаружил, что трюм полностью забит тяжело ранеными. Люди надсадно стонали.

- Эко варварство, - утерся рукавом лейтенант. - Обречь столько народа на верную смерть, ясное дело нехристи!

Наверху абордажные рубили такелаж, освобождая "Гангут" от смертельных объятий. В каскаде брызг упал в воду обрубленный бушприт. Отбуксировав фрегат к берегу, ему прорубили днище и посадили на мель. Выносу раненных не препятствовали, им и так досталось...

«После этого случая, - вспоминал позднее лейтенант Рыкачев, - мы посылали сильные объезды по самый берег наблюдать за неприятельскими судами...»

Была еще попытка атаковать французский "Бреслав" но и она закончилась ничем. Брандер был расстрелян еще на подходе. При ее отражении особо отличился лейтенант Брюа. Пройдут годы, и адмирал Брюам возглавит французский флот под Севастополем против таких же, как и он, бывших наваринцев Корнилова и Нахимова. Также, как и они, Брюа не доживет до окончания Крымской войны. Повороты судеб людских поистине неисповедимы.

Всю ночь между стоящими на якорях кораблями и фрегатами союзников ходили дозорные шлюпки. Отовсюду слышались окрики часовых.

- Кто гребет? - кричали наши. – Пароль?

- Москва! - отвечали французы. – Отзыв?

- Орлеан!

Эта безумная ночь навсегда останется в памяти всех, кто находился на кораблях союзной эскадры. Кострами горели у берега турецкие и египетские суда, которые по приказу Ибрагим-паши подпаливали сами команды во избежание пленения.

И снова воспоминания участника тех славных событий: "Гул от взрывов, следовавших один за другим беспрестанно, начинал наводить тоску, а постоянная опасность от брандеров и пожара заставляла нас с нетерпением ожидать рассвета. наконец в 6-ть часов вошло солнце и ярко осветило малые остатки неприятельского флота и еще догорающие суда его..."

Горящие и вытасенные на берег османские корабли в Наварине.

Среди массы догорающих днищ на фоне скалистого берега хорошо выделялась пара уцелевших фрегатов и несколько десятков бригов да мелких каботажных судов, которые союзники преднамеренно не тронули.

Из письма П.С. Нахимова: "...Ночь была ужаснее самого сражения. В беспрестанном ожидании новых нападений всю ночь стояли по пушкам, беспрерывно видели горящие, и взрывающиеся на воздух суда так близко, что стоявшие наверху, чувствовали довольно сильный жар..."

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ТРИУМФ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

С первыми лучами солнца с якоря снялся фрегат "Дартмут" и направился к "Азии" Кодрингтона. Капитан Филлоус в знак победы расцветил свое судно разноцветными флагами. Проходящий мимо фрегат приветствовали радостно.

Встретив у трапа Филлоуса, британский вице-адмирал обнял его: - Милый Энрю, вот пакет, доставь его туркам!

- Будет исполнено, сэр! - приподнял шляпу фрегатский капитан.

В засургученном пакете содержалось приглашение на переговоры. Подняв паруса, "Дартмут" направился к стоявшему под берегом уцелевшему корвету под адмиральским флагом. На мачте фрегата развевался белый переговорный флаг, орудийные порты, памятуя, однако, о вчерашнем дне были открыты.

- Смотрите! Смотрите! - разнеслось внезапно по всем союзным эскадрам. - Это невозможно! Что они делают?

Не опомнившиеся еще до конца от недавнего побоища и увидев непонятный маневр британского судна, турки совсем потеряли голову. То там, то здесь по

всей бухте вспыхивали костры новых пожаров - это воины султана в панике бросились сами поджигать уцелевшие суда.

Предохраняясь от разлетающихся головешек, союзные адмиралы тут же оттянули свои корабли к середине наваринской чаши.

Тем временем "Дортмут" приняв на борт Таир-пашу, уже спешил в обратный путь к "Азии". Турецкий командующий был подавлен. Исполдволь он, было, пытался посмотреть разрушения фрегата, но предусмотрительный Филлоус лишил его и этого маленького удовольствия.

- Напрасно высматриваете, все наши ядра летели мимо! - добил он морально и без того удрученного пашу, небрежно бросив фразу через переводчика.

И хотя сказанное было беспардонной ложью, и опытный Таир-паша - это, конечно же, прекрасно понимал, но после этих слов он совсем опустил голову.

В адмиральском салоне "Азии" Таир-пашу встречали уже, собравшись, все трое: Кодрингтон, Гейден и де Реньи. Все были в настроении приподнятом, гордые учиненным ими разгромом. На турецкого командующего по этой причине победители смотрели снисходительно и несколько свысока, как всегда смотрят победители на побежденных.

- Мы считаем себя удовлетворенными за дерзость ваших выстрелов! - объявил Таир-паше Кодрингтон. - А потому отныне намерены поступать с вами, как с державой дружественной, при условии, что вы не дадите иного повода!

Турок молча разглядывал носки своих туфель. Еще вчера он никогда не позволил бы говорить с собой подобным тоном, но теперь все было иначе, и изменить что-либо было уже, увы, невозможно...

Гейден холено-улыбчивый, весь в пушистых бакенбардах, отставил в сторону сигару:

- Ежели же со стороны вашей будет хотя бы одно ядро, то действие - это будет объявлением настоящей войны!

Таир-паша, наконец, поднял глаза, обвел всех ненавидящим взором:

- За суда, состоящие под моим началом, я ручаюсь головой, но над крепостями наваринскими я не властен!

- Этого и не требуется! - мазнул рукой Кодрингтон. - Поставьте лишь в известность Ибрагим-пашу, должен же он, хоть чему-нибудь, научиться за вчерашний день!

Убывающего турецкого командующего никто не провожал. Униженный, он вновь перебрался на "Дартмут" и убыл восвояси. В салоне "Азии" меж тем вестовые, торопясь, накрывали стол. В серебряном ведерке холодело шампанское, ниспадали с ваз тяжелые виноградные гроздья. Де Реньи раскатав бутылку, лихим ударом выбил пробку.

- Господа, - поднял первый фужер Кодрингтон. - За победу!

- За победу! - сдвинули разом звенящий хрусталь Гейден с де Реньи. - Прозит!

Кодрингтон, подойдя к Гейдену, протянул ему руку:

- Совместным сражением с вами я буду гордиться, как лучшим событием всей жизни!

Де-Реньи расплылся в улыбке:

- Забудем, господин адмирал, все наши былые недоразумения.

Я искренне восхищен, с каким хладнокровием вы вводили в бой свои корабли!

- Благодарю! - растрогался Гейден. - И второй тост предлагаю за наши доблестные команды, которым мы обязаны нашей общей победой!

- Прозит! Прозит! Прозит!

Из воспоминаний Л.П. Гейдена: «После сражения все наши заботы были обращены на раненых; мертвых бросали в море; но служителям не можно было дать отдохновения, потому что надлежало быть готовыми к защите от действия брандеров... надлежало исправить повреждения...»

На союзной эскадре к тому времени уже всю визжали пилы да стучали топоры. Команды исправляли многочисленные повреждения. Работы хватало... На "Генуе" и "Азии" были перебиты бизань-мачты и полетели все реи, зияла дырами стоявшая рядом "Сирена". Не лучше было и на российских судах. Более ж иных здесь потерпел флагманский "Азов". Разбитые мачты, обрывки такелажа и полторы сотни пробоин - вот цена победы этого героического корабля. Из письма П.С. Нахимова: «Корабли наши много потерпели, в особенности наш. Нам надобны все новые мачты. стеньги, нижние реи, надобно переменить многие перебитые бимсы, кницы, заделать пробоины... Надобно почти весь новый стоячий такелаж, многие нижние ванты и штаги перебиты даже в нескольких местах...» Не многим менее пострадали «Гангут» и «Иезекииль».

В людях наши потери были: убитых 59, да 139 раненых. Более всего, за половину побито было все на том же "Азове". Англичане потеряли в пекле боя 75 убитыми и две сотни ранеными. Французы заплатили сорока тремя погибшими и ста тридцатью изувеченными. К счастью для союзников, турки и египтяне стреляли большей частью в такелаж, а не в борт и по палубам, так как в этом случае потери в людях были бы намного больше.

Потери противной стороны же были ужасающими. Сожжено более двух третей турецко-египетского флота: линейный корабль и тринадцать фрегатов, семнадцать корветов, бриги брандеры и шхуны... Разорванных ядрами, сгоревших и утонувших турок и египтян было за семь тысяч...

С первыми сумерками комендоры снова встали к пушкам. Как и в прошлую ночь по бухте ходили дозорами шлюпки: малые вокруг судов, большие вокруг эскадр. Ночь, однако, в целом прошла спокойно, если не считать нескольких ружейных перестрелок с местными мародерами.

А утром в бухту вошло еще несколько союзных судов. Среди них и греческая шхуна. Ее капитан вручил адмиралам благодарственные письма греческого правительства. Тем временем деятельный Таир-паша собирал в глубине бухты остатки своего флота, ставил их в правильные линии под прикрытием

береговых батарей. На борту турецких судов было пустынно, зато на берегу творилось столпотворение, там сгружали со шлюпок раненых, относили в кучи мертвых.

К концу дня союзные эскадры привелись уже в некоторый порядок, если не считать избитые "Азов", "Азию" и "Сирену". Затем была еще одна ночь в Наваринской бухте (уже третья). Выдалась она также беспокойной. Еще вечером с берега задул сильный шквалистый ветер, корабли крутило вокруг якорей, как на карусели. Несколько раз за ночь били тревоги, часовые то и дело мерещились атакующие брандеры. Но бог был милостив, и все окончилось благополучно.

Наступившее утро было безрадостным. Все так же мотало на якорях, пенные волны с ревом бились в скалы Сфактерии, обдавая их многометровыми каскадами брызг. Не обошлось и без волнений. Сорвало с якоря фрегат "Проворный", и потащило на стоявший рядом "Александр Невский". Хотя на "Проворном" успели вовремя зацепиться на вспомогательных якорях, корму он себе все же разбил, "Невский" же от удара едва не выкинуло на камни. Вдали по всему оружию бухты было черно от войск - это к Наварину подошли мамелюки Ибрагим-паши. Они бесстрашно гарцевали на конях у самого прибоя и, сляясь перекричать ревущее море, кричали что-то обидное, потрясая для верности кривыми саблями.

- Никак десанта опасаются! - резюмировал Гейден, наведя на беснующихся трубу.

- Нас поджидают, ждут, когда на скалы выбросит! - мрачно высказался стоявший рядом Лазарев. - Эти уж точно секим-башка сделают, ибо политесов не ведают!

Стоявшие на шканцах "Азова" офицеры непроизвольно поежились:

- Пора б уже и выбираться отсель, а то что-то загостились! Но куда идти, когда ветер противный?

Итак, еще одна ночь в Наварино. Что-то будет? С наступлением темноты мичмана всех союзных эскадр, на дозорных шлюпках бывшие, как по команде направили свои шлюпки к самому берегу и, гуляя так всю ночь, дерзко дразнили обезумевших от злобы мамелюков. Переплюнули же всех Володя Корнилов с "Азова", да Вася Завойко с "Невского". Эти вообще к берегу приставали, там костер разводили, а когда мамелюки в полный карьер помчались к ним, brave мичмана, немного мористее отойдя в своих шлюпках корчили взбешенным мамелюкам страшные рожи. С французских да английских шлюпов храбрецам кричали "браво" такие же, как они, молодые шалопаи. Среди англичан отличился мичман с «Азии» Генри Джифард.

В 1854 году посткапитан (капитан 2 ранга) Генри-Уэлс Джифард будет командовать новейшим и самым мощным пароходо-фрегатом британского флота «Тигр». Именно он доставит командующему английским Средиземноморским флотом вице-адмиралу Дондасу известие об объявлении войны России. 30 апреля 1854 года, будучи послан для обстрела беззащитной Одессы, «Тигр» сел на мель у дачи Кортацци. Ответным огнем береговой

батареи пароходо-фрегат был подожжен и сдался. При обстреле Джифард оторвало левую ногу. Спустя месяц он умер в Одесском госпитале. Одесситы поступили благородно, похоронив бывшего союзника и настоящего противника со всеми воинскими почестями. Пушка с трофейного «Тигра» и сегодня украшает центральную набережную Одессы.

Но пока до всего этого было еще далеко. И пусть сейчас утлые суденышки этих сорванцов заливала волна, а рядом ходила смерть, всем было очень весело. Да и что еще можно взять с мальчишек, уже прошедших крещение огнем и познавших горько-сладкий вкус победы!

К утру ветер немного стих, но еще больше суток стояли эскадры в Наваринской бухте, дожидаясь, когда подует попутный ветер, да закончат починку избитые ядрами корабли флагманов.

А из глубины бухты всплывали и всплывали обезображенные и раздутые трупы. Турки, сновавшие на лодках по всей акватории, переворачивали их баграми, опознавая друзей и родственников. Им не препятствовали, отгоня лишь, когда те подходили к самому борту. Удивительно, но уже через день после сражения в бухте появились на лодках торговцы греки. Они предлагали победителям свежую воду и фрукты. Союзники распределяли по судам многочисленных пленных европейцев, которых оказалось неожиданно много. Неудачливые искатели приключений спешили объявиться на сдавшихся судах, их вылавливали из воды. Среди них, особенно много было итальянцев и австрийцев, но попадались даже, неведь как, попавшие в египетский флот датчане. Всех пленных турок и египтян союзники, оказав первую помощь, великодушно отправили шлюпками на берег.

Что касается турок, то они понемногу начали собирать и приводить в порядок остатки своего еще вчера могучего флота.

12 октября, наконец-то, подул попутный ветер. К этому времени все суда союзного флота были уже готовы выйти в море, кроме наиболее избитых: «Азова», «Азии» и «Генуи», на которых ремонтные работы не прекращались ни днем, ни ночью.

На русской эскадре все писали письма. Контр-адмирал Гейден объявил, что намерен отправлять в Петербург через Анкону, с известием о победе статского советника Катавази, который и вызвался доставить всю корреспонденцию офицеров эскадры.

В офицерской выгородке Павел Нахимов навестил раненого Бутенева. Положил перед ним несколько лимонов, купленных у сновавших по бухте лодочников:

- Возьми, тебе сейчас полезно!

Бутенев безучастно поглядел на желтеющие плоды:

- Зачем? Я вот думаю, что может, вообще, было бы лучше, чтобы меня убило? Что я теперь инвалидом делать стану? Коров в именье пасти?

- Ничего, - утешал, как мог друга Нахимов. - Ведь лорд Нельсон не только руки не имел, но и глаза, а как плавал, как дрался! Не унывай, дружище, выйдем мы еще с тобой в море под всеми парусами!

На рассвете 13 октября 1827 года союзные эскадры покидали Наваринскую бухту. Уходили без салютов, безмолвно. Проходя узким проливом у Сфактерии, все имели людей при орудиях. Турки тоже сидели у своих пушек и, куря табак, мрачно глядели на проходившие мимо них суда. Сходясь на выходе между собой, командиры судов приветствовали друг друга, команды кричали "ура". Последними бухту покидали фрегаты, как сторожевые псы, убедившиеся, что никто не потерян и не забыт.

Перед самым уходом из Наварина, командующий объединенной союзной эскадрой разослал по всем кораблям и фрегатам свой последний приказ: "Прежде, нежели соединенные эскадры оставят место, ознаменованное ими столь решительною победою, главнокомандующий вице-адмирал поставляет себе приятною обязанностью изъявить господам офицерам и низким чинам на оных подвизавшимся, то высокое свое понятие о чрезвычайной их храбрости и хладнокровии, которое возымел он в 8-й день сего месяца.

Он совершенно уверен, что ни в каком флоте, принадлежащем одной и той же нации, не могло быть такого единодушия совершенного, такого полного согласия, каким в действии одушевлены были эскадры трех наших союзных дворов, в сем кровопролитном и гибельном для неприятеля сражении, он в особенности приписывает сие славным подвигам своих сподвижников господ контр-адмиралов, деяния коих послужили примером прочим кораблям их, у столь скорому и неременному вспоможению доставляемому от одного другому в самом жару и смятении сражения.

Такое единодушие к общей цели, такое хладнокровие и храбрость и столь примерная точность в действии артиллерии, были следствием одержанной победы над благоразумно и в превосходнейшей силе приуготовленным неприятелем. Турецкий и египетский флоты получили возмездие за свое вероломство и нарушение данного обещания.

Высокомерный Ибрагим-паша обещал не оставлять Наварин, и действовать против союзного флота, но бесчестно изменил данному слову. Союзные начальники обещали истребить турецко-египетский флот, ежели хотя один выстрел будет сделан по оным; и с помощью храбрых людей, коими счастье имели они командовать, в полной мере исполнили обещание свое - из 66 военных судов флот их составлявших, остался один только фрегат и 15 мелких судов, в таком состоянии, что едва ли когда они в состоянии будут служить в море. Таковая победа не может быть одержана без больших пожертвований. Главнокомандующий оплакивает потерю многих искуснейших и храбрейших воинов и одно лишь утешение находит в том, что они пали, исполняя долг свой, и за дело страждущего человечества.

Главнокомандующий изъявляет искреннейшую признательность высоким своим сподвижникам, господам контр-адмиралам, за благоразумное и отличное управление своими эскадрами, а равно капитанам, офицерам, матросам и солдатам, столь ревностно исполнившим их приказания, и столь мужественно поразившим зачинщиков".

На душе Кодрингтона было тревожно. Вице-адмирал понимал, что он значительно превысил возложенные на него Лондонским договором задачи. Как отнесутся к происшедшему в Наваринской бухте в столице, он мог только догадываться. Теперь надо было спешить, чтобы успеть сообщить королю и правительству о случившемся раньше, чем это сделают другие. Разумеется, что ни о каком продолжении блокады Мореи разговора уже не было. Для этого у него сейчас не было не только сил, но и необходимости.

Едва обрывы Наварина остались за кормой на российской эскадре отслужили благодарственный молебен по дарованной победе и панихиду по убиенным. По сигналу с "Азова" корабли и суда приспустили Андреевские флаги - на эскадре погребали умерших от ран. За нашими приспустили свои флаги и англичане с французами. Они везли своих павших товарищей на Мальту и в Тулон, чтобы предать земле там.

Затем эскадры разделились. Французы, отправив транспорт с убитыми и ранеными, повернули на Смирну, чтобы оттуда еще разок погрозить турецкому султану. Наши с англичанами взяли курс на Мальту. По выходе из бухты Гейден отправил в отдельное плавание фрегаты: Кастор в Неаполь, Елену в Анкону с курьерами, и Константин в Смирну для оказания поддержки грекам - вместе с французской эскадрой.

У наших впереди "Азов", следом в кильватер "Проворный" и "Гремящий". За ними в некотором отдалении остальные: "Гангут", "Иезекииль", "Невский", и "Кастор". Кодрингтон шел несколько южнее. Корабли двигались очень медленно. «Эскадра, соображаясь с избитым рангоутом и такелажем, с великою осторожностью несла паруса...» – писал впоследствии историограф этой морской кампании лейтенант Кадьян.

Море встретило штормом. Особенно тяжело пришлось раненым и обожженным, чтоб хоть как-то облегчить страдания, их обкладывали матрасами и поили водкой. Погода была самой ненастной: свистел в вантах ветер, сверкала молния, и лил проливной дождь. На верхней палубе было зябко и стыло. Идя с зарифленными парусами, эскадры едва продвигались вперед. В первую же ночь, в придачу ко всем неприятностям, налетел сильный шквал, добавивший хлопот. И без того поврежденный "Азов" потерял во время него грот-рею.

- Скорее бы Мальта! - мечтали в кают-компаниях и в жилых палубах.

- Хосподи, коды ж до землицы-то доберемся, мочи нету более терпеть! - стонали в судовых лазаретах.

А непогода все продолжалась и, разгоняемые ветром волны, мотали усталые суда день за днем, день за днем...

Удивительно, но и в таких условиях «Азов» под началом Лазарева умудрялся намного опережать своих куда менее поврежденных собратьев. Остальным приходилось догонять свой флагман, только поставив дополнительные паруса. На шканцах то и дело отстающих «Гангута», «Иезекииля» и «Невского» молодые офицеры ревностно разглядывали в зрительные трубы свой прыткий флагман и недоумевали:

- Непонятно, как это «Азов» со своим фальшивым вооружением, да к тому же имея брамсели вместо марселей, а марсели в два рифа вместо нижних парусов, постоянно нас обгонять?

Более опытные, лишь пожимали плечами:

- Чего удивляться, если там капитанствует сам Лазарев! А Михаила Петрович, известное дело, и в полный штиль паруса имеет с полным ветром!

- Вот что значит везение! – вздыхали молодые.

- Сие есть не везение, а мастерство великое! А чтобы такое приобрести, надо хотя бы трижды по всем окиянам вокруг шара земного прогуляться!

Скупые выписки путевого дневника: "17-го октября. Весь день дул довольно свежий противный ветер и было очень холодно...

18-го октября. Целый день свежий противный ветер большое волнение.

19-го октября. ...К вечеру нам задул попутный ветер, и мы шли по 8-ми узлов, но не долго...

20-го октября. К полудню противный ветер засвежел до того, что мы вынуждены, были закрепить все марсели. Сильным волнением эскадру качало без милосердия.

21-го октября. Старое по-новому. Все тот же ветер и все так же холодно.

22-го октября. ... "Азов" свежим ветром от W-та выбило из парусов.

23-го октября. Ветер нисколько не стихает... Эскадра, имея сильно обитый рангоут, будет в опасности, если это придется. Мы не можем найти больших парусов и можем быть прижаты к итальянскому берегу.

У самой Мальты стихия, будто издеваясь, снова преподнесла испытание. Двое суток из-за штилей и встречного ветра наша эскадра не могла приблизиться к острову. Нервы у всех были на пределе. «Адмирал (Гейден – В.Ш.) сильно в душе своей страдал к раненым его воинам, напрягал все усилия, чтобы... достигнуть порта им для исцеления их и исправления кораблей избранного, и который столь близко находился...» Наконец стихия, сжалившись над мореплавателями, отступила, и эскадры втянулись в гавань Ла-Валетты.

Вот, наконец, и долгожданная Мальта, вековой оплот христианства и рыцарства. Отвесные скалы амфитеатром обрамляют вход в главную гавань острова. По берегам каменные формы, над формами британские флаги, в амбразурах пушечные жерла. На набережной гарнизон в ружье. Крепостные стены усеяны ликующими толпами. Звонили колокола. Музыканты, раздувая щеки, играли популярный тогда "Марш морских королей".

С одной стороны, буквально в десятках саженей от "Азова" мыс Рикесом, с другой знаменитый форт Сант-Эльма. Над фортом клубы дыма ответного салюта. Меж мысом и фортом вход в Большую гавань, где на горах раскинута сама Ла-Валетта. В гавани тесно от множества мелких судов. Лазарев нервно глянул на развевающиеся вымпела. Дул свежий норд-ост,

именуемый по-здешнему "грегамом". "Азов" осторожно входил в узкий пролив, ведя за собой остальных. Лазарев весь обратился в глаза.

В закрытых водах судно, идущее в фордевинд всегда почему-то, с дурацким упорством, движется вперед, как бы ты не уменьшал площадь парусов. А потому капитану необходимо особенно точно рассчитать время приведения к ветру, время, когда следует взять паруса на гитовы и бросить якорь. Плавание в закрытой воде - это высочайшее из морских искусств! Лазарев понимал, что с берега за движением "Азова" придирчиво следят тысячи профессионалов, от которых не укроется даже самая малейшая оплошность. Для них ты можешь быть трижды героем самых жестоких сражений, но неряшливого и неуклюжего маневра они все равно никогда не простят! У моряков свои законы и свои критерии уважения соратников по морской стезе. Так было, так есть и так будет всегда!

...Когда израненный "Азов" бросил якорь, с берега донеслись бурные аплодисменты и крики "Браво", бывшие для Лазарева, да и для всех азовцев лучшей наградой.

Наши моряки осматривались по сторонам. Даже одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в том, что закрытая от всех ветров Валеттская гавань чрезвычайно удобна для стоянки судов и отдыха их команд.

- Господа! Обратите внимание на бастионную террасу! - обратился к столпившимся у фальшборта товарищам, Володя Корнилов. - Вон-вон, левее! С террасы приветственно махали платочками дамы. Едва эскадры бросили якоря в прозрачные воды Ла-Валетты, как у трапов появились шлюпки. В них важно восседали румяные портовые чиновники. На борт кодингтоновской "Азии" поднялся карантинный директор Джон Грейг.

- Пятнадцать суток без берега! - объявил он безапелляционно вице-адмиралу.

- Причина, надеюсь, понятна - вы прибыли из порта, где свирепствует чума! Для стоянки вам определена отдаленная гавань Марса-Мушето.

Кодрингтон лишь удрученно развел руками. Кому, как не ему было известно, что карантинный закон беспощаден ко всем, вне зависимости от чинов и заслуг.

Запрещение съезда на берег восторгов у наваринцев не вызвало. Но если наши держались сдержанно (кто их, англичан, знает, что у них тут за порядки!), то английские матросы бушевали, переворачивая медные бачки с опостылевшей похлебкой - потажем.

- Сэр, - докладывали Кодрингтону его капитаны, - Фитиль уже зажжен и вот-вот грянет взрыв!

И Кодрингтон нашел достойный выход. Он вновь вызвал к себе карантинного директора.

- Согласно всех существующих законов, время изоляции считается с момента оставления подозрительного порта. Мы покинули Наварин четырнадцать суток назад, и значит, вне берега нам осталось пребывать всего лишь сутки! - заявил он директору Грейгу.

Посоветовавшись со своими чиновниками, директор нехотя согласился.

Тем временем на рейд уже входили передовые французские суда: линейный корабль "Бреславль" и рассыльная шхуна. Теперь уже экзамен по входу в Лавалетскую гавань держал храбрый Ла-Бретоньер. И он сорвал свои заслуженные аплодисменты!

Утром следующего дня российские суда окружили местные гребные баркасы и отбуксировали их в глубь гавани к швартовым бочкам. Вот, наконец, застыл, заведя канат, последний из наших - "Александр Невский". И тогда начались салюты. Крепость и форты палили двадцать одним залпом, гарнизон стрелял в воздух из ружей троекратно. В ответ заволокло пороховым дымом порты вернувшихся из Наварина судов. Вначале залпировали англичане, затем наши и наконец, французы. Из заполнивших гавань шлюпок слали воздушные поцелуи жены и дочери британских офицеров. На палубы судов летели цветы, газеты и ...конфеты.

Одновременно сгружали раненных. Матросов уже ждали койки госпиталя Рика-Золи, где некогда врачевали страждущих воинственные рыцари-госпитальеры, а раненных офицеров частные квартиры.

Мальтийцы принимали победителей Наварина с неопишным восторгом. Причины для столь бурной радости у них имелись весьма основательные! Потомки мальтийских рыцарей всегда ненавидели турок, так что еще один урок ненавистной Порте был им весьма приятен. Кроме этого все надеялись, что с приходом наших кораблей возобновится привоз дешевого русского хлеба, а избитые в сражении и нуждавшиеся в немедленном ремонте корабли гарантировали хорошие заработки портовым рабочим.

Поэтому, когда с Азова" съехал контр-адмирал Гейден, огромная толпа приветствовала его криками и овациями. На причальной стенке его уже ждал Кодрингтон, губернатор Понсонби и рота солдат с оркестром. Солдаты держали ружья на караул, оркестр играл марши. Гейден жал руку губернатору и обнимался с Кодрингтоном.

Затем начались взаимные визиты, обеды и приемы. При этом, однако, не забывали и о деле. На судах латали пробоины, чистили трюма, меняли мачты. В местном адмиралтействе не оказалось достаточного количества мачтового дерева, и за ним отрядили в Гибралтар целый транспорт.

Перспективы быстрого ремонта таяли на глазах. Как оказалось, местное казенное адмиралтейство могло починить лишь рангоут и такелаж, а также мелкие корпусные работы на плаву. Ни о каком доковании не было и речи. Помимо всего прочего все необходимые для ремонта материалы предстояло выписывать из Англии, а лес с берегов Адриатики, что почти удваивало цену. Осмотрев верфь, Гейден приуныл:

- Удивительно, но они здесь ничего кроме шлюпок не строят! Нет ни кузниц, ни парусных, ни канатных мастерских. И как они только здесь мореходствуют!

- Может быть, следует идти чиниться в Тулон к французам, - предложил, было, Лазарев.

Прикинули и отказались. От Греции до Тулона расстояние в два раза больше, чем до Мальты, к тому же и денег за ремонт французы запросили весьма много.

- Союзники союзниками, а три шкуры содрать очень даже не против! – узнавши французские расценки, повздыхал Гейден. – Попробуем договориться с королевством обеих Сицилий. От Неаполя и расстояние не велико, да и цены там приемлемые.

Но и с Неаполем ничего не вышло. Итальянцы открыто боялись, как австрийцев, так и турок.

Едва наш посол в Неаполе передал королевскому двору просьбу российского командующего, там всполошились:

- Высокая Порта уже сделала нам предупреждение по поводу захода ваших кораблей в Палермо и Мессину! Если же мы теперь еще начнем чинить ваши корабли, то тунисские и алжирские пираты сочтут это нарушением нейтралитета!

- Но вместе с вами сильнейшие европейские державы, чего же вам бояться! – пытался образумить трусов посол

- По общему договору нейтральное государство в Средиземном море не должно впускать в свой порт более двух линейных кораблей! – уперлись итальянцы. – У великих держав свои резоны, а мы маленькие должны жить со всеми в мире!

- Что ж поделать! – почесал затылок Гейден, прочитавши отказное письмо из Неаполя. - Придется чиниться в здешних доморощенных условиях!

По его приказу капитан 1 ранга Лазарев освидетельствовал повреждения на всех кораблях. Список предстоящих работ получился весьма обширным. Предстояло чинить и менять почти весь такелаж, приводить в порядок старые и шить новые паруса, укреплять набор и обшивку, конопатить палубы, менять массу блоков, бугелей и ван-путенсов. При этом большую часть работы командам предстояло делать самим. Но и это не все, как оказалось, на всех наших линкорах надо было менять мачты. На «Азов» и «Иезекииль» мачты еще удалось отыскать на Мальте, а для оставшихся заказывать в Англии.

Помимо всего прочего местное адмиралтейство, разумеется, в первую очередь, взялось ремонтировать английские корабли, оставив наши «на десерт».

Ла-Валетская опера давала для героев Наварина "Невольника в Багдаде" России. В переполненном зале публика стоя приветствовала моряков. Музыканты лихо отгремели тарелки англичанам "Правь Британия морями ", французам бурбонскую " Генри Четвертый ", русским же популярную в Европе песнь на возвращение императора Александра из заграничного похода "Ты возвратился, благодатный". Затем раздернулся занавес, заголосили арии невольники - представление началось.

Сюрприз ожидал собравшихся в середине второго действия. Дело в том, что помимо офицеров в оперу привели и немало матросов, которые явно тяготились непониманием происходящего на сцене и присутствием большого начальства. Видя это, в антракте директор оперы велел угощать скучающих матросов вином. Отбоя у раздатчиков не было. И когда во втором акте внезапно на сцене появились путающиеся в мотне шальваров турки, да к тому же еще, что-то невнятно жалобно поющие тонкими тенорами, по залу пронеслось дружное: "Наварино! Наврино! Бей их!"

Первыми бросились в бой brave англичане, в одно мгновение закидавшие оторопевших артистов пустыми винными бутылками. Публика стонала от восторга! Но когда, исчерпав запас своих снарядов, матросы пошли в рукопашную в дело вступили полицейские и, вызванные гарнизонные солдаты, видя, что англичан начали теснить, в дело вступили французские матросы, а затем и наши. Власти снова послали за подмогой. Матросский приступ, с трудом, но отбили, а самых храбрых отправили по кораблям. Насмерть перепуганные артисты, потирая ушибленные бока, кое-как допели свои арии.

И снова дневник лейтенанта Александра Рыкачева: "...В 4 часа поехали обедать на "Альбион", куда нас звали в числе семи человек. Мы нашли стол уже совершенно готовыми и как только приехали, нам тотчас предложили садиться. Лейтенант Ботлер был объявлен президентом, старший штурман его помощником. Нас рассадили таким образом, чтобы каждый мог объясняться хотя бы с одним из своих соседей. Стол был сервирован прекрасно; кушанья также изготовлены были с большим вкусом. ...Вино вообще было превосходное. После жарких и соусов подали... разные пирожные, после чего президент стал предлагать тосты, перед каждым он приказывал налить полные рюмки и потом, обратив внимание присутствующих, произносил маленькую речь. Первым пили за здоровье императора и короля, потом за нации, за адмиралов и офицеров и прочие... По окончании официальных тостов, сняли скатерти, подали десерт и другого вина... и начали передвигать графины друг к другу. Тогда с позволения президента стали предлагать тесты за здоровье присутствующих, после чего первый лейтенант предложил выпить за здоровье всех теперь сущих на море. Предлагая этот тост, лейтенант пропел приличную настоящему случаю песню. Другой английский лейтенант предложил выпить в память всех убитых в Наварине. Желая для нас передать сказанную им речь по-французски, он выразился очень забавно: "За здоровье убитых в Наварине!", чему долго все смеялись. Таким образом, время шло весело, особенно много забавлял нас чиновник адмиралтейства Питт своими английскими матросскими песнями. Англичане тоже просили кого-нибудь из нас спеть что-нибудь по-русски. Князь Ухтомский довольно удачно пропел им "За царя, за Русь святую", что, видимо, очень понравилось англичанам. Таким образом, время прошло до 9-ти часов вечера, не выходя из-за отдела. Тогда снял графины и десерт со стола, снова накрыли скатерть и подали чай, после чего все разъехались в 11 часов вечера".

Пока офицеры поднимали тосты в кают-компаниях, матросы братались в лавалетских трактирах. Паролем им служило всего одно слово: "Наварин"! Сила наваринского братства была такова, что британские матросы, плечом к плечу с нашими, шли в драку на своих соотечественников солдат местного гарнизона и сообща неизменно обращали последних в бегство.

- Ну, ты, Наварин, настоящий мужик! - хлопал по плечу какого-нибудь рыжего англичанина наш матрос, после очередной кулачной победы.

- Иес, иес, Наварино! - отзывался тот, выставляя вверх большой палец.

И оба, обнявшись, шли продолжать в ближайший трактир прерванное веселье.

Возвращение «Азии» и «Альбиона» в Спитхед после Наваринской битвы

На балу, устроенном губернатором в честь наваринских победителей, все блистало великолепием. Уже у подъезда союзных офицеров и дам, встречала музыка. В главной зале, украшенной британским, российским и французскими гербами, прибывших встречал сам губернатор, выступавший в роли президента бала. Вице-адмирал Кодрингтон явился с женою, сыном лейтенантом и тремя юными дочерьми, милыми и смешливыми.

- Кадриль! - объявил церемониймейстер, и пары полетели по сверкающему паркету.

Суевающиеся лакеи обносили вином и прохладительными напитками. В углах залы стояли огромные станковые якоря, увешанные корзинами с цветами, над потолком светилась огнями огромная надпись: "Наварин".

- Господин адмирал! – обратился к Гейдену Кодрингтон, после окончания официальной части. – Думаю. Что вы разделите мое мнение о плане наших последующих действий?

- Готов выслушать! – сразу посерьезнел Гейден.

- Считаю, что после окончания починки судов нам, в силу пунктов Лондонского договора, необходимо вновь вернуться к берегам Греции для совместных блокадных действий против турок. После наваринского разгрома сил у нас для этого предостаточно!

- Полностью разделяю вашу точку зрения! – кивнул Гейден. – Надеюсь, что наши политики такого же мнения, как и мы с вами!

- Хотелось бы верить! – поднял свой бокал английский командующий.

Рядом с Кодрингтон оказался его старый знакомец по Трафальгару командир "Бреславля" Ла-Бретаньер.

- Капитан! - сказал вице-адмирал, снова наполнив бокал шампанским. - Давайте забудем Трафальгар, но будем всегда помнить Наварин!

К Кодрингтону и Ла-Бретаньеру подошел Михаил Лазарев:

- Господа! Предлагаю тост за наше славное наваринское братство, и чтобы нам никогда не пришлось быть врагами!

Пройдут года и судьба, сжалившись над старыми наваринцами, не допустит их скрестить между собой оружие. Но это будет еще очень и очень нескоро. А пока во всю гремел праздник, и победителям казалось, что может быть Наварин будет самым последним сражением человечества и отныне нерушимый союз великих держав будет надежным гарантом вечного мира...

В стороне от остальных собрались Авинов, Свинкин и Богданович. Капитаны пили черное как деготь кипрское вино. Командир "Иезекииля" делится своими впечатлениями от недавней встречи с командирами британских кораблей.

- Британцы не скрывают, что, несмотря на все уважение к нам они по первому же приказу Уайт-холла изрешетят нас своими пушками! - Иосиф Свинкин был мрачен.

- Неужели в Лондоне могут решиться на такое? - пожал с сомнением плечами Авинов.

- А почему бы и нет! - невесело усмехнулся командир "Невского" Лука Богданович. - В большой политике друзей не бывает, есть лишь выгода!

Русские капитаны были не далеки от истины. И пусть на Мальте еще гремели беспрерывные празднества, все больше с каждым днем становилось очевидным, что в большой политике Лондон и Петербург расходятся все дальше и дальше друг от друга.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАСЬЯНСЫ

Еще не закончились празднества, а Кодрингтон уже получил первую неприятную весть из Лондона. То было письмо его старого друга лорда Инджестра. Он писал о Наварине: "Известие это вызвало, по-видимому, величайшее удивление и ни в ком не возбудило оно его в такой степени, как в министрах его величества. Мне говорили, что все это им не нравится, что вы поторопились".

- Чем они там, в Лондоне думают неизвестно! Ведь Наварин - это первый шаг к освобождению Греции! Это честная победа! - пожал плечами Кодрингтон, пряча письмо в походный секретер, но в душе вице-адмирала уже скребли кошки...

В те дни граф Гейден писал президенту Греции Каподистрии: "Адмирал Кодрингтон, которого принципы, чувства и виды так же непоколебимы, как и его военная храбрость, смирить со спокойствием, но с сожалением на колебания своего правительства, касательно восточного вопроса. Уже прошло несколько недель, как его оставляют без всяких новых инструкций, а до тех пор он не желает, да и не может предпринять что-либо решительное..." Гейден выражался уклончиво, как ему велели правила дипломатии. На самом же деле все обстояло куда хуже!

Несмотря на бурную радость британского народа в связи с одержанной при Наварине победе, официальный Лондон встретил извести о разгроме турецкого флота более чем кисло. Наварин спутал все карты деятелям Уайтхолла, свел на нет усилия всех последних лет. В кулуарах правительства обсуждался даже вопрос о предании Кодрингтона суду. Но на такой шаг все же, не решились, боясь реакции союзников. Георг Четвертый был в настоящей ярости. Вынужденный представить Кодрингтона к награде, он зло бросил первому лорду адмиралтейства герцогу Кларенсу:

- Я посылаю ему ленту ордена Бани, хотя, на самом деле, он заслужил намыленную веревку! Выждите пару месяцев и убирайте его с должности командующего Средиземноморской эскадрой! Этот Наварин для всех нас очень неприятная неожиданность!

Герцог Кларенс.

Первый лорд лишь склонил голову. Ему было ясно, что отныне с карьерой Кодрингтона покончено навсегда.

Современник писал: «Английское правительство, взглянув на аптекарские свои весы выгоды и невыгоды, и измеряя неравенство сил двух империй (России и Турции – В.Ш.), и зная, на какой стороне будет перевес, выветривая прежний жар свой в пользу Греции, начало обвинять адмирала Кодрингтона в истреблении турецкого флота. Им. Как это теперь видно, хотелось, не ослабляя вдруг Турции, слегка действовать в пользу Греции, из коей они надеются, утомив своих союзников, составить новую Ионическую колонию. Им не хотелось истреблять силы отоманские, но беречь их для России».

Честный и прямодушный Кодрингтон даже не скрывал от Гейдена своего возмущения реакцией Лондона на Наварин.

- Посмотрите, граф, - показывал он Гейдену присланную из Англии бумагу, - И Веллингтон, и весь Сент-Джеймский кабинет, кажется, совсем потеряли чувство реальности! Вместо поздравлений и новых инструкций, они шлют мне лишь вопросные пункты касательно наваринского дела! Но ведь так поступают лишь при судебном разбирательстве! Неужели я преступник?

Очень всполошился, получив известие об итогах Наварина и британский посол в Турции Стратфорд. Он не только срочно выехал в Лондон, миновав стороной Мальту, но не удостоил Кодрингтона даже короткой запиской. В Лондоне посол усиленно распространял слухи о бесполезности, и даже вредности Наваринской победы. Вскоре уже одно упоминание о Кодрингтоне вызывало у британских политиков приступы мигрени.

Английского короля можно было понять, дипломатическая игра с Россией была им проиграна вчистую, ведь приняв участие в Наваринском бою, Англия уже не могла на виду всей Европы сразу же совершить головокружительный бросок в стан российских врагов. Отныне ей

предстояло, по меньшей мере, несколько месяцев следовать в кильватер России. О, как это было унижительно для гордых и надменных сынов туманного Альбиона!

Единственное, что пытался сделать в своем незавидном положении Кодрингтон, так это пытаться доказать, что не он, а турки первыми напали на него, а он являлся лишь стороной обороняющийся. В свое оправдание вице-адмирал приводил и свои многочисленные послания Ибрагим-паше и вероломное убийство турками двух английских парламентариев. Но толку от этого было мало. Кодрингтона обвиняли ни мало, ни много, а в предательстве английских интересов на Средиземноморье...

В Наварине была и обратная сторона медали. Это - та поспешность, с которой Кодрингтон и де Риньи, не успевший еще как следует узнать друг друга и Гейдена, выступили с удивившим мир единодушным в вопросах о мерах воздействия на Порту. Если бы эта поспешность вызывалась их искренним стремлением помочь грекам, этого нельзя было бы поставить им в упрек. Но в действительности здесь было нечто другое: взаимное недоверие адмиралов друг к другу и опасение каждого из них, как бы Гейден не начал дела без них. Правда, все три адмирала должны были руководствоваться Лондонским трактатом. Но, во-первых, у Гейдена, как и предполагали оба адмирала, были полномочия действовать и без соглашений с ними, а, во-вторых, самое известие о приходе в греческие воды русской эскадры уже вызвало у греков проявление самых восторженных чувств по адресу России, а ее инициатива в оказании поддержки грекам установила бы в греческом вопросе русский приоритет и соответственно подорвала бы влияние Англии и Франции. Вот почему, не дав Гейдену времени освоиться на месте с положением дела и Кодрингтон проявивший самую искреннюю солидарность во взглядах с Гейденом, даже в разрез с видами своего правительства, и де Риньи поспешили воспользоваться первыми же днями по присоединении к ним русской эскадры. Совместное выступление морских сил Англии, Франции и России, одинаково, на все три державы распространяло ожидавшийся после него выгоды.

В ситуации, когда всеми началось осмысление итогов происшедшего в Наваринской бухте, не остался безучастным и битый Ибрагим-паша. Потерпев полное поражение на поле брани, он теперь стремился взять реванш в политической схватке, уничтожить ненавистного ему Кодрингтона и вбить клин между союзниками. Сын египетского властителя с удовольствием встречался с европейскими журналистами и гневно обличал вероломство Кодрингтона.

- Союзные эскадры под предводительством своих адмиралов, требовали от меня соблюдения слова, которого я им никогда не давал! – важно вещал Ибрагим-паша, возлежа на груде пыльных ковров и лениво потягивая кальян.

- Они вошли в Наварин с превосходящими силами, наполнили его кровью и истребили все мои суда! Посланные союзными державами для восстановления спокойствия в прекрасных странах Востока, они начали действия опустошением этих стран! Остается решить, кто зачинщик? Тот ли,

кто против воли хозяина идет в его порт и топит его суда, или тот, кто вынужденный противиться этому, защищается?

За резным окном каирского дворца был виден мутный Нил и вершины далеких пирамид. Высокая Порта уже почти потеряла Грецию, удастся ли ей теперь удержать за собой хотя бы Египет?

Полемика о том, кто же на самом деле являлся зачинщиком Наваринской бойни растянулась ни на одно десятилетие, то возобновляясь, то, наоборот, затухая, в зависимости от политической конъюнктуры.

В Англии Наваринский гром вызвал затяжной правительственный кризис. В результате его Каннинг, обвиненный в предательстве национальных интересов и в допущении Наварина, ушел в отставку. Вместо него пришел к власти известный туркофил герцог Веллингтон. Тори сменили вигов. Выступая в парламенте, герцог в выражениях не стеснялся:

- Лондонский договор появился на свет, только исходя из наших исключительно миролюбивых побуждений, а потому поводом к войне служить никак не мог! Наварин - это досадная неожиданность и большое несчастье для всех нас! Изменническое нападение на турок врасплох никак не может считаться достойной победой!

Герой Ватерлоо Веллингтон мешал с грязью героя Наварина Кодрингтона, в выражениях не слишком стеснясь...

С задних рядов раздавались, правда, возмущенные голоса лордов Иджестора и Голланда:

- Мы можем лишь скорбеть, что англичане отныне стыдятся своих побед!

- Скорбите! - заткнули им рот воинственные тори.

В декабре 1827 года, король Георг Четвертый, выступая в парламенте, во всеуслышание заявил:

- Из всех мер, принятых нами для осуществления договора с Францией и Россией по урегулированию греческих дел для меня было совершенно неожиданным столкновение в Наваринской бухте между флотами договорившихся держав и оттоманской Порты. Невзирая на доблесть, обнаруженную соединенным флотом,... прискорбно, что суждено было случиться такому столкновению с морской силою старинного союзника Англии!

Выступление короля вызвали бурные аплодисменты в палате лордов. Тогда же парламент направил Кодрингтону и собственное послание по поводу превышения им своих полномочий и с недвусмысленным предупреждением: «Его величество доверчиво уповает, что это нежелательное событие (Наварин – В.Ш.) не будет сопровождено дальнейшими враждебными действиями и не помешает несогласиям между Портою и Грецией уладиться миролюбиво».

Это была уже заявка на кардинальное изменение политического курса. И последствия, разумеется, ждать себя не заставили...

Как оказалось, судьба Кодрингтона была уже предрешена с первым же залпом Наварина. Спустя несколько месяцев после победы, Кодрингтон без всяких объяснений будет отозван в Англию. Одержанную победу и приверженность к дружбе с Россией ему уже не простят никогда. Впоследствии Эдвард Кодрингтон станет полным адмиралом и членом парламента, главным командиром Портсмута, и даже камергером королевы, но в море его уже не выпустят никогда...

Наварином жертвенный вклад Кодрингтона в свободу Греции, однако, не ограничился. Увы, буквально через месяц после победы отца, погибнет его старший сын любимец. Эдуард, служивший мичманом на фрегате "Кэмбриен". Посланный с судна шлюпкой к греческим повстанцам на остров Гидра, он перевернется и утонет в штормовом прибое...

Официальный Париж, в отличие от Лондона, отнесся к победе своих моряков весьма спокойно. Политические осложнения компенсировала национальная гордость французов, так давно не имевших успеха на море. Наварин стал первой победой в царствовании короля Карла и последний не мог не гордиться ею.

- С интригами мы как-нибудь разберемся, зато одержанная моим флотом победа останется в истории навечно! Наварин покрыл славой французское оружие! – безапелляционно заявил Карл своим министрам, когда те попытались было доказать ему всю сложность средиземноморской игры.

- Наши моряки умеют биться не хуже этих зазнаек англичан! – радовались французы, расхватывая свежие газеты с сообщениями о греческих делах. – Они возродили славу Дюкена, Турвиля и Сюффрена!

Неожиданно для многих в Европе известие о Наварине особенно потрясло, казалось бы, далекую от этих дел Вену. Император Франц не называл Кодрингтона и его сподвижников не иначе, как бандой кровавых убийц. Австрийский канцлер Меттерних не находил себе места.

Франц II

- Европа хочет освободиться от нашей гегемонии, но этого не будет никогда, пока я жив! В Наваринской бухте нас подло обманули, создав тайный союз трех столиц! Боюсь быть оракулом, но Наваринский погром открывает собой эпоху всеобщего замешательства и хаоса!

Послы английский да французский успокаивали канцлера, как могли:

- Что вы, князь, ведь мы сочувствуем грекам не более чем туркам, а Наварин всего лишь досадная ошибка, никакого значения для всех нас не имеющая!

Посол же российский Татищев ходил, голову держа как никогда высоко:

- А мы грекам сочувствовали всегда и в беде более не оставим никогда! Баталия же Наваринская - есть предмет нашей гордости национальной!

Сказочник Гауф узнал о победе уже на смертном одре. Наварин стал последней радостью умирающего сказочника. Биограф писателя пишет: "Внезапно он (Гауф) заболел тяжелой болезнью и впал в беспамятство. В таком тяжелом состоянии он узнал о славной победе, которую соединенный флот европейских государств одержал над турецким флотом при Наварине. Это означало приближение полного поражения Турции и торжество греческого народа... Все либерально настроенные немецкие писатели радовались этой победе, обращался ей и смертельно больной сказочник Гауф. "Я должен рассказать об этом Мюллеру" - в полубреду пробормотал он, повергнув в смятение родных, так как его друг, замечательный поэт-песенник Вильгельм Мюллер умер незадолго до этого. А 18 ноября 1827 года не стало и поэта-сказочника..."

Поэт Вильгельм Гауф

Морская победа в далеких южных водах неожиданно оказала свое влияние и на Метербургскую моду. Женщины, узнавши о славных подвигах моряков, резко увеличили ширину своих юбок, уподобляя их корабельным парусам.

Удивительно, но известие о Наваринской победе достигло Петербурга с небывалой для тех лет скоростью. Уже через несколько дней, наш посол в Турции Рибопьер тут же донес о происшедшем в Одессу. Оттуда губернатор граф Пален немедленно отправил курьера в столицу.

- Душа из тебя вон, но, чтобы домчался, аки стрела из лука пущенная! – напутствовал граф своего посланника.

Несколько суток сумасшедшей скачки, несколько загнанных лошадей и вот уже Николай Первый нетерпеливо срывает печати с графского пакета и радостно читает послание. Поэтому, когда невских берегов достигли гейденовские курьеры, император Николай уже знал в общих чертах об итогах грандиозного сражения.

Российскую позицию в вопросе определения виновника Наваринского погрома весьма доказательно изложил в 1877 году военный историк полковник Е.В.Богданович: «Некоторые турколюбцы позволяли себе даже утверждать, будто сражение... было изменческим нападением на турок со стороны союзников. Собранные нами материалы дают превосходный ключ к разрешению этих мнимых недоразумений. Материалы эти, несомненно, доказывают, что, не обращая никакого внимания на присутствие английского и французского флотов в Архипелаге, порта как будто с нетерпением ожидала известия о начале боевых действий, даже и не думая отворотить или отстрочить столкновение, для чего ей стоило лишь предписать... Ибрагим-паше избегать встречи союзниками. Порта, видимо, ожидала и даже желала противного. Ибрагим искал встречи с союзными эскадрами. Из записки сэра Э. Кодрингтона, представленной им совету министров, видно, что Ибрагим-паша заранее изготовился к сопротивлению союзным эскадрам силою, и потому... сделал все приготовления к враждебной встрече союзных флотов, полагая, что он в силах будет совершенно уничтожить их... В предостережениях, в виде ультиматумов, посланных Ибрагиму пред битвой... тоже не было недостатка».

В Петербурге же, получив известие о Наварине, ликовали от души и аристократы, и простолюдины. Помощь бедствующим единоверцам, честь флага и слава Отечества, что может быть еще более значимо? Столичные же франты в мгновение ока облачились во фраки цвета "наваринского дыма с пламенем". К слову, цвет этот оказался столь популярным в России, что продержался без малого два десятка лет...

Особенно был горд происшедшим сам император Николай, ведь посылка эскадры в Средиземном море было его первым важным решением в европейских делах и сразу такой оглушительный успех! К тому же удалось одновременно заставить сражаться с турками англичан с французами, которым теперь будет не так уж легко вновь вернуться к дружеским отношениям с Портой на главах всей Европы.

- Теперь, привязав к себе наваринским погромом Лондон с Парижем, мы выясним наши отношения со Стамбулом! - объявил своим министрам русский император и отдал приказ начать переброску войск к Дунаю.

Гордый успехом своего флота Николай и награду ему учредил по истине царскую - корабельный Георгиевский флаг за мужество и бесстрашие в бою:

в центре Андреевского флага Андрей Победоносец поражал копьем огнедышащего змия. Вновь учрежденный Георгиевский флаг полагалось отныне вручать кораблям, в сражениях наиболее отличившимся. Николай самолично определил и первого обладателя столь почетного флага - линейный корабль "Азов".

Чтобы несколько приободрить русофильски настроенного вице-адмирала Кодрингтона Николай велел наградить его почтеннейшим из российских орденов Георгием 2-степени, а в личном письме написал: «Вы одержали победу, за которую цивилизованная Европа должна быть вам вдвойне признательна. Достопамятная Наваринская битва и предшествовавшие ей смелые маневры говорят миру не об одной лишь степени рвения, проявленного тремя державами, - в деле, бескорыстие которого еще более оттеняет его благородный характер; они доказывают также, что может сделать твердость – против численного превосходства, искусно руководимое мужество – против слепой отваги, на какие бы силы последняя не опиралась. Ваше имя принадлежит отныне потомству. Мне кажется, похвалами я только ослабил бы славу, окружавшую его, но я ощущаю потребность и предложить вам блистательное доказательство благодарности и уважения, внушаемых вами России. В этих видах посылаю вам прилагаемый орден св. Георгия 2 ст. русский флот гордится, что заслужил под Навариным ваше одобрение. Мне же особенно приятно заверить вас в чувствах питаемого к вам уважения».

Разумеется, говоря, что «русский флот гордится одобрением Кодрингтона», Николай Первый сознательно льстил английскому командующему. Помимо всего прочего, он распорядился наградить и сына Кодрингтона, раненного в сражении Георгием 4-й степени. Обилием похвал и высокими наградами император старался заполучить в лице Кодрингтона верного союзника. Николай хорошо понимал, что с разгромом турецкого флота в Наварине, борьба за Грецию еще далеко не окончена. А потому на арене грядущих схваток ему нужен был верный союзник, а Гейдену верный соратник. Награждение обоих Кодрингтонов, было, без всяких сомнений, очень сильным ходом. В своих расчетах российский император не ошибся.

Весьма примечательно в этом смысле письмо к Гейдену супруги Кодрингтона, которая была в полнейшем восторге от монарших щедрот к ее мужу и сыну: «Дорогой граф Гейден! Я хотела бы дать Вам, всем Вашим и в особенности Вашему Августейшему государю понятие о той благодарности, которая пробудилась у одинаково преданной жены и матери за милостивый поступок в отношении моего адмирала и нашего дорогого сына. Но это совершенно невозможно. И все-таки я не могу перенести близкого отъезда из этой части света, чтобы не попытаться высказать Вам, какие благородные чувства возбудил во мне этот поступок. То, что один из союзных Государей, одинаково с другими заинтересованный в результате, наградил главнокомандующего в Наваринском бою, - это мне кажется вполне естественным и последовательным, но кто может вполне оценить, как оно того заслуживает, то прекрасное письмо, которое сопровождало Государеву наградную грамоту, полное самых деликатных и утонченных, - а потому и

самых сильных и приятных, - похвал. Я думаю, что никто не может лучше оценить его, как сыновья, дочери и жена адмирала. Что касается моего сына, как могу описать я мои чувства. Когда увидела его в первый раз после выздоровления, награжденного Георгиевским орденом...»

Своим письмом мадам Кодрингтон давала ясно понять, что отныне русский царь приобрел в лице всей семьи Кодрингтонов самых преданных друзей. Очень скоро это весьма пригодится нашим морякам.

Адмирал Кодрингтон

Николай, тем временем, отправил в Варшаву самое восторженное письмо брату Константину, подчеркнув, что считает Наварин логическим следствием Лондонского договора: «Я не удивился этому, так как, по моему мнению, оно является естественным следствием условий договора, ставивших наши эскадры в неизбежную необходимость прибегнуть у подобной крайности... Пораженная Европа получила доказательство, насколько наши решения покончить с этим делом были серьезны, искренни и насколько искренне и чистосердечно было единение наших трех дворов в этом щекотливом деле...»

В узком кругу ближайших соратников Николай Первый говорил о Наварине так:

- Этой победой мы вынудили Англию перед лицом всей Европы отказаться от своих исключительных видов на Грецию. Франция примкнула к нам, только потому, что не доверяла той же Англии. При всем этом более всего выиграли мы и греки!

Наиболее прогнозируемой была реакция на Наварин в Стамбуле. Известие об истреблении флота вызвало у султана Махмуда Второго приступ дикой ярости.

- Я последую примеру моих досточтимых предков и пересажу, послав вероломных держав в Семибашенный замок, пока их там с потрохами не сожрут крысы!

Затем, подумав, что для отмщения этого будет недостаточно, Махмуд решил и вовсе казнить послов, а заодно и всех европейцев из дипломатического предместья Буюк-Дере. Сановникам едва удалось отговорить его от этой безумной затеи.

Министр реис-уль-кютаб Пертев-паша потребовал от послов объяснений. Но те ничего не могли толком сказать, так как Наваринский погром был большой неожиданностью для них самих. Английский посол Каннинг и французский Гильемино выразили свое глубокое сожаление, по поводу случившегося. Наш Рибопьер многозначительно отмолчался.

- От имени высокой Порты я требую прекращения вмешательства в наши внутренние дела и возмещения понесенных убытков! – заявил послам Пертев-паша. – В противном случае мы перережем всех христиан!

В ответ на это послы, посовещавшись, выдвинули встречный ультиматум о немедленном заключении Портой перемирия с греками. На этом настоял Рибопьер. Англичанин с французом лишь уступили его настойчивости.

Получив послание, султан Махмуд велел собрать высший совет Порты. Открывая его, великий визирь сообщил:

- Отделение Греции от Порты сегодня уже необратимо. Но дело уже не в самой Греции, а в том, что московиты, англы и франки словно алчные псы будут теперь требовать все новые и новые наши провинции, пока не погубят нас совсем! Что нам делать? – спросил собравшихся визирь. – Должны ли мы принять требования франков, англов и московитов, чтобы потом погибнуть через десяток лет со связанными руками и без малейшего выстрела или будем сражаться?

- Мы предпочитаем славную смерть бесстыдному истреблению! – заявили собравшиеся.

- Тогда мы будем драться сразу против трех держав и греков. Сил у нас мало. Вскоре к Константинополю придет вражеский флот, и будет жечь наши дома. Возможно, придет голод, и мы станем пожирать собак. Но дозволено ли Кораном умирать бесполезно?

- Великий пророк, принуждаемый в свое время неверными подписать мир, предпочел объявить им войну! – подал голос, молчавший дотолле муфтий. – Призовем же и мы Аллаха, покровительствующего слабым против сильных! Совет поддержал мнение муфтия и отказ от требований союзников был решен. Разъяренный султан послание послов порвал. В ответ на это посланники потребовали выездные паспорта и покинули Константинополь. Дипломатические отношения всех трех союзных держав с Турцией были прерваны. Из Константинополя казалось, что столкновение сразу с тремя ведущими европейскими державами неминуемо. Но ничего подобного не произошло. Покидая Константинополь, Каннинг и Гильемино в тайне от Рибопьера встретились с Пертев-пашой.

- Хотя мы и уезжаем, со стороны наших правительств не будет никаких враждебных действий! – заявили они турецкому министру. – Наш отъезд – это только следствие происков русских!

- Будут ли приниматься вами какие-нибудь меры против москвитов? – спросил послов министр иностранных дел.

- Безусловно! – дружно заверили Пертев-пашу Каннинг с Гильемино. – Вскоре будет созван международный конгресс, и если русские не откажутся от своих притязаний на Порту, дело примет совсем иной оборот! Мы вас в беде не бросим!

- Я передам ваши мудрые слова султану! – склонил голову Пертев-паша.

Выслушав своего министра Махмуд Второй повеселел:

- Собаки, как всегда, не смогли поделить кость и уже перегрызлись между собой! Аллах, по-прежнему, милостив к нам!

Еще ничего не зная о событиях в Константинополе, Кодринтон, Гейден и дереньи решили пригласить послов к себе посоветоваться о дальнейших делах. Для этого за ними выслали суда. Но дипломаты меньше всего хотели общаться с адмиралами, которые доставили им столько нервозности. Каннинг и Гильемино помчались в свои столицы, чтобы получить указания из первых рук. Рибопьер тоже не слишком желал видеться с Гейденом.

- О чем мне с ним разговаривать? – говорил посол своей жене. – О его подвигах, о парусах и пушках? Мы выезжаем в Одессу! Туда же следует вывезти и архив!

Драгоман Порты недвусмысленно пригрозил русскому Рибопьеру заключением в страшный Семибашенный замок, куда обычно турки бросали русских послов с началом очередной войны с Россией. В ответ Александр Иванович лишь рассмеялся турецкому вельможе в лицо:

- Скажите тем, кто вас послал, что времена нарушения вами международного права канули безвозвратно, и я никому не советую переступить порог посольства! Я и мои сотрудники будем драться до последней капли крови! За мной Россия, а потому за мою жизнь русский царь не оставит камня на камне в Константинополе!

«Лицо драгомана после этих слов, – писал Рибопьер, – от страха сделалось смешно до крайности».

Разумеется, что после этого турки о тюрьме для посла уже не заикались.

Для перевозки посольства командующий Черноморским флотом адмирал Грейг выслал в Босфор два транспорта «Сухум-Кале» и «Пример». Чтобы лишний раз не злить турок, в Константинополь транспорта пришли под купеческими флагами с командами, переодетыми в вольное платье.

Но отправиться в Одессу Рибопьеру не удалось. Противные ветры не дали возможности судам выбраться из пролива в Черное море. Задерживаться же в Константинополе было уже опасно, поэтому Рибопьер, скрипя сердце,

принял решение следовать в Средиземное море. Проводя взглядом уходящие русские суда, Пертев-паша, не удержался от доброго напутствия:

- Да поможет Аллах утонуть неверному!

Выйдя из Дарданельских теснин, черноморские транспорты подняли Андреевские флаги. У острова Сирос Рибопьер с женой и маленькими дочерьми перебрался на более комфортабельный фрегат «Константин» и велел его командиру следовать на Корфу. Тихоходный, но вместительный «Сухум-Кале» с семьями членов посольства и архивом посол направил в Триест, а маленький «Пример» отослал Гейдену за ненадобностью.

Рибопьер

Вскоре командир «Пример» уже докладывал вице-адмиралу:

- Ваше превосходительство, вверенное мне судно, прибыло в ваше полное распоряжение! Командир транспорта лейтенант Федор Морской!

- Уж больно фамилия у тебя, лейтенант, необычная! – подивился Гейден. – Но для моряка лучше и не бывает! Служи с честью!

- Не подведу! – вскинул голову лейтенант Морской.

Внезапное появление двух черноморских транспортов стало приятной неожиданностью для Гейдена. Потребность в таких судах у него была преогромная.

Тем временем Рибопьер на «Константине» посетил Корфу. Решив там свои дела, он велел Хрушеву отвезти его в Триест.

- Не можем ли мы стать жертвой морских разбойников? – спрашивал посол у командира фрегата, когда они снова оказались в открытом море.

- Какие еще разбойники, когда мы сами кого хочешь, раскатаем! – ответил тот и посмотрел на небо. – Если чего и надо сейчас опасаться, так это шторма!

Рибопьер тоже задрал голову. Небо было покрыто сплошными тучами, а ветер уже свистел в вантах.

Вскоре «Константин» оказался во власти разбушевавшейся стихии. Несмотря на все старания Хрушева и команды, фрегат все больше и больше прижимало к итальянскому берегу.

- Манфредонские скалы! – покачал головой Хрушев. – Не дай Бог на них выскочить!

Угроза разбиться на камнях была вполне реальной. Поняв это, к Хрушеву бросился лоцман-корфиот.

- Дело наше уже конченное и все мы обречены на смерть! – схватил он за рукав капитана 2 ранга. – Надо, не дожидаясь крушения, направить судно к песчаному берегу, пожертвовать фрегатом, но спасти людей!

- Если при каждом шторме выкидываться на берег, то никакого флота никогда не создать! – резко оборвал Хрушев лоцмана. – Покиньте шканцы и не мешайте мне командовать!

Лоцман кубарем скатился по трапу, но не утихомирился, а поспешил в каюту посла. В это время Рибопьер с женой и дочками, укачавшись, лежали в койках и слезно молились о спасении от неистовства стихии.

Слова лоцмана о том, что вот-вот придет им всем погибель, а упрямый капитан и слушать не хочет о спасении людей, вызвали рыданье дочек. Жена, как могла их успокаивала:

- Покоримся воле Божей, и Господь нас не оставит!

- Вызовете мне сюда капитана! – велел лоцману Рибопьер.

Когда злой Хрушев показался в проеме двери, посол накинулся на капитан-лейтенанта:

- Я требую немедленного выполнения совета лоцмана! – кричал он, свесившись со своей койки. – Пусть погибнет ваше судно, но зато я спасу своих детей!

- Этого приказа я никогда не исполню! – с достоинством ответил Хрушев. – Честь Андреевского флага и моя собственная повелевают мне сохранить не только людей, но и вверенный фрегат. Хотя опасность и велика, есть еще множество способов спасения, кроме самого отчаянного!

- Я настаиваю! – сорвался на фальцет Рибопьер. – Вы обязаны меня слушаться!

В ответ Хрушев отрицательно мотнул головой:

- Я должен лишь доставить вас в Триест, и я вас туда доставлю! Что же касается управления фрегатом, то здесь, согласно морского устава, командую только я!

На этом разговор и закончился. Хрушев поспешил наверх. Там он собрал подле себя офицеров.

- Если не удастся удалиться от берега, выбросим сразу все четыре якоря и попробуем задержаться на них, если не поможет и это, будем рубить мачты!

Офицеры были того же мнения. К счастью, ничего делать так и не пришлось. Вскоре небо начало понемногу проясняться, а ветер стихать. Вначале на «Константине» поставили штормовые стаксели, потом грот-марсель со всеми рифами, что позволило удалиться от подветренного берега.

Едва утих шторм, на шканцы поднялся Рибопьер.

- Я благодарю вас за решительность и прошу извинение за свои неуместные высказывания! – сказал он при всех Хрушеву. - Я всего лишь отец семейства, а не моряк, и не мне судить о морских делах! Что же до меня, то этого

путешествия с меня достаточно, и я больше никогда не сяду ни на какое судно!

На горизонте были видны крепостные башни Триеста.

24 декабря командующий Средиземноморской эскадрой контр-адмирал Гейден отправился в объезд стоявших в гавани Ла-Валетты кораблей. Команды встречали его при полном параде. На шканцах отдельно были выстроены наиболее отличившиеся в сражении. Прибывая на каждое из судов, Гейден обращался к героям с речью:

- О подвигах ваших уже знает вся Россия и гордится своими сынами. Государь император еще не получил полного донесения о Наварине, а лишь первое известие о победе. Первая милость его величества по десять Георгиевских крестов на команду!

- Ура! Ура! Ура! – отвечали команды.

Первыми Георгиевские солдатские кресты получили храбрейшие из храбрых. История, к счастью, сохранила нам их имена. Вспомним же и мы еще раз отважных: туляка матроса 1 статьи Ивана Богучарова с "Гангута", рязанца матроса 2 статьи Демьяна Артеньева с "Александра Невского", вологжан барабанщика с "Иезекииля" Ивана Савина, матросов 2 статьи Евдокима Нечаева и Тимофея Жданова, бывшего петербургского подмастерья матроса Михаила Архипова и эстонского рыбака Юрия Томпсона с "Азова", бывшего крепостного помещика Пескочина, а ныне матроса 2 статьи фрегата "Кастор" Михаила Сотского...

Цепляя кресты, Гейден целовал награжденных. Корабельная музыка играла "За царя и Русь святую". Затем офицеры садились в кают-компанию. Пили, как положено по порядку: за Россию, за государя и его семью, за флот, за адмирала своего, а потом и за союзных, за свой корабль, за сражавшихся и наконец за флотскую славу. Матросы накрыли баки в батарейных деках, где они также щедро угощались винными чарками.

А вскоре на попутном британском фрегате "Вульф" прибыл из Неаполя петербургский курьер Сивков. С собой он привез здоровенный кофр. Чрезвычайно обрадованный победой, Николай Первый написал поздравительное письмо командующему объединенной эскадрой Кодрингтону. В нем помимо слов восторга и признательности он предложил вице-адмиралу, что в случае, если все его корабли сильно повреждены, их в бою, он может перенести свой флаг на любой из русских линкоров. И хотя, разумеется, Кодрингтон от предложения вежливо отказался, так как, в нем не было необходимости, но внимание русского императора очень его растрогало.

На следующий день Гейден уже объявлял новые царские милости за Наварин. Сам командующий получил денежную аренду, вице-адмиральский чин и Георгия 3-й степени. Лазареву был даден чин контр-адмиральский. Авинову и Свинкину ордена Владимира 3-й степени, Богдановичу с

Хрущевым Анна 2-й. Награждены были и все без исключения офицеры, участвовавшие в сражении.

Так Анжу, Нахимов с Бутеневым были удостоены Георгиевских крестов 4-й степени, лейтенант Рыкачев и мичман Путянин Владимиром 4-й степени, мичмана Завойко и Корнилов Анной 3-й и 4-й степеней, гардемарин Истомин получил мичманский чин и солдатский Георгий. Священники получили золотые, на георгиевской ленте наперсные кресты.

Из представления к награде на лейтенанта Павла Нахимова: "Находился при управлении парусов и командовал орудиями на баке, действовал с отличною храбростью и был причиною двукратного потушения пожара, начавшегося было от попавших в корабль брандскугелей".

Из представления к награде на лейтенанта Ивана Бутенева: "Во время сражения командовал шканечными орудиями, исполнял свою обязанность как отлично храбрый офицер и, потеряв даже правую руку, которую оторвало ядром, остался долгое еще время наверху, возбуждая людей к исполнению их долга, и, наконец, не иначе сошел на них, как после многих от меня убеждений. При сем случае не могу я умолчать и не довести до сведения необыкновенный пример присутствия духа сего храброго офицера, который во время самой ампутации руки его, услышав громогласное "ура", издаваемое матросами при падении мачт с сражавшегося с нами корабля, не внимая ужасной той боли, которую без всякого сомнения он чувствовал, вскочил и, махая оставшеюся рукою, соединял с ними свои восклицания и всеми мерами старался ободрять тех раненных, коими кубрик тогда был наполнен..."

Не оставили вниманием с наградами и союзников, так Кодрингтон был удостоен Георгиевского креста 2 степени, де Риньи ордена Александра Невского. Получили награды и все союзные капитаны.

Затем начался ответный звездопад. Теперь наших награждали союзники. Гейдену и Лазареву англичанами даден был орден Бани, французами большой крест святого Людовика, по два ордена получили и многие другие русские офицеры. И это было заслуженно!

Наваринский бой, действительно, свидетельствовал перед всем миром о новой славе русского флота. Многим позднее один из историков напишет: "Не только геройское презрение к смерти, не только поразившее англичан и французов величавое молчание на убийственный неприятельский огонь при входе в бухте, но и высоко проявленное чисто военно-морское искусство - стройный порядок эскадры, быстрота управления парусами, безукоризненная действия артиллерии и пр., и пр., - доказали, что, как бы в александровское время ни угашали дух во флот, к какому бы упадку его сознательно ни приводили - но вытравить из сознания моряков любви к делу и гордости своих званием было невозможно. Император Николай, в первые же дни своего царствования, любящей рукой прикоснулся к тяжелой ране флота, - и Наварин был благодарным ему ответом. И моряки наши победили в Наварин не только турок и египтян: Наварин - это победа над тем, кто и в России, в угоду модным течениям, отрицал для русского флота его".

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ КОРАБЕЛЬНЫЕ БУДНИ

29 декабря 1827 года на Мальту из Корфу прибыл Иоанис Каподистрия. Первый президент Греции вначале посетил родной остров, поклонился могилам пращуров. Кодрингтон выслал на Корфу для доставки Каподистрии линейный корабль «Уорспайт».

Иоанн Каподистрия (Иоаннис Каподистрия)

Встретившись с Кодрингтоном и Гейденом, Каподистрия посетовал:

- Я принял нищенскую страну полную смуты и раздоров! А потому официально прошу помощи у вас в освобождении Мореи от египтян, в беспощадном преследовании пиратов и в покровительстве мирной морской торговли.

- Для того чтобы помогать становлению вашего государства мы должны знать о ваших планах! – заметил Гейден.

- Безусловно, я буду впредь согласовывать свои действия с вами! – поправил очки на переносице Каподистрия. – Кроме всего прочего я прошу по возможности оказать мне и финансовую поддержку. Наша казна совершенно разворована, и я не могу даже оплатить труд хотя бы нескольких чиновников!

Кодрингтон и Гейден переглянулись. Откуда у них деньги на финансирование греческого правительства!

- Увы, - развел руками Кодрингтон. – Мы, как вы сами понимаете, деньгами не распоряжаемся. Единственное, чем я могу помочь – это выделить в ваше распоряжение линейный корабль «Уорспайт». Пусть он пока станет вашей плавучей резиденцией!

- В свою очередь я выделяю вам фрегат «Елена» и бриг «Ревель», которые вы можете использовать по своему усмотрению! – дополнил соратника Гейден.

Но русские моряки все же нашли возможным, выделить Каподистрии 15 тысяч талеров из эскадренной казны, поделиться продовольствием и передать 100 бочонков пороха.

Греческая республика, которую предстояло возглавить Каподистрии, представляло собой лишь кусок территории в западной части Пелопоннеса, перешеек полуострова и острова Каклады. Над всеми остальными землями и островами Эгейского моря по-прежнему безраздельно властвовала Турция. Для начала необходимо было остановить кровопролитие. Два предводителя местных греческих отрядов уже готовы были устроить братоубийственную бойню, когда Каподистрия сошел на берег и примирил их. Прибыв в Эгину, которую он определил временной столицей, Каподистрия сразу же вступил в должность.

- Надо было бы провести торжественную и пышную церемонию! – заикнулись, было, президенту соратники.

- Сейчас на это нет ни времени, ни денег. – Когда все этого у нас будет в достатке, тогда будем праздновать и веселиться! – заметил им Каподистрия.

– А пока у нас много дел. Завтра мы учреждаем сенат, совет министров и военный совет, а послезавтра комиссию духовных дел и национальный банк. Затем займемся армией и флотом, починкой крепостей.

Вокруг Каподистрии назойливо крутился командующий греческим флотом известный проходимец Томас Кохрейн. В свое время выгнанный с английского флота за распускание сплетен, он затем успел покомандовать Чилийским и Бразильским флотами, после чего отправился в Грецию, где правдами и неправдами получил чин великого адмирала-наварха. Теперь Кохрейн хотел стать морским министром. Кохрейн Каподистрии не понравился с первого взгляда. Авантюристов бывший российский дипломат не любил

- Я считаю, что каждый должен служить по зову своего сердца, а не по зову золота! – сказал он опешившему Кохрейну. – Желаю вам удачной дороги до Англии!

Морским министром был назначен опытный мореход Томбазис, а командующим флотом энергичный наварх Андреас Миаулис. Основу греческого флота составили несколько наскоро переоборудованных торговых бригав и небольшие, но быстрые и маневренные каперские шхуны - «мистиконы», что в переводе с греческого означает «тайные суда». Свой флаг Миаулис поднял на единственном линейном фрегате «Эллас». Фрегат был совсем недавно куплен в Америке за полтора миллиона франков, собранных по всей Европе. Вместо сорока пушек Миаулис установил на свой флагман пятьдесят восемь.

- Но ведь судно перегружено и потеряет скорость хода! – говорили знатоки морского дела.

- Уху рыбой не испортишь! – отвечал Миаулис сомневающимся. – К тому же я намерен не убегать, а драться!

Только 1 января 1828 года дошла очередь ремонта и до кораблей нашей эскадры. Флагманский «Азов» перетянулся к местному адмиралтейству и встал под краны для смены мачт. На следующий день из него вынули старые мачты и бушприт, а еще через две недели поставили новые. Еще через месяц сменили мачты и на «Иезекииле». «Невский» и «Гангут» же смогли сменить мачты только в середине марта. Особенно много возились с тихоходным «Александром Невским», чтобы хоть немного увеличить его скорость пришлось на нем перекаладывать весь балласт. Что касается местного такелажа, то он вообще никуда не годился.

- Все канаты перепрели и перегорели в здешних магазинах, что будем делать, - докладывал Гейдену Лазарев.

- Делать нечего! – вздыхал тот. – Будем брать, что дают!

Порох закупили по сходной цене на местном английском арсенале, а вот с ядрами вышла промашка. Английские не подходили к нашим пушкам по своим калибрам. Вместо них, однако, подошли старые французские ядра еще наполеоновской армии.

Как оказалось, не все можно было исправить даже починкой. Снова сказались былые недосмотрения при постройке кораблей и судов. Не отплавав еще и половины своего срока, они были уже гнилыми! Лично пролазив по трюмам, Гейден был вынужден отписать в Петербург, что «Гангут» и «Проворный» «имеют много гнилостей и лучше всего, от греха подальше, отправить их в Россию. Послание командующего эскадрой вызвало возмущение у генерал-интенданта флота Головина и строителя «Гремящего» Строеке. Оба написали жалобу и были вызваны Николаем Первым.

- Гейден сгущает краски, так как по нашим бумагам оба судна вполне благонадежны!

На что император, подумав, ответил:

- Бумаги бумагами, а Гейдену с его моряками на сих судах плавать. Посему я всецело принимаю его сторону! Корабль возвращайте домой, а фрегат пусть попробуют все же починить на месте!

Однако от Петербурга до Мальты путь не близок. Инструкции Гейдену обычно привозили месяца за полтора, зато европейские газеты за пару недель. Это заставляла командующего нервничать. В Новый год на Мальту пришел английский фрегат «Галатея», капитан которого передал Кодрингтону и Гейдену последние европейские слухи - если Россия объявит войну Турции, то Англия вступится за последнюю.

Адмиралы выразительно переглянулись.

- Не дай Бог! – перекрестился Гейден. – Оказаться при объявлении войны в вашей базе, да еще и на разоруженных судах!

В словах Гейдена не было преувеличения. Все русские корабли перед постановкой в док-ярд Валетты сдали свой порох в местное английское адмиралтейство и теперь были абсолютно беззащитны.

- Не дай Бог нам вообще драться друг с другом! – покачал головой Кодрингтон.

- Будем ждать и надеяться, что у наших политиков все же хватит ума не доводить дело до взаимного кровопролития! – высказались оба, глядя друг другу в глаза.

Сразу же по возвращении на «Азов», Гейден велел работать на ремонтирующихся кораблях круглосуточно, чтобы как можно быстрее покинуть Мальту. Все понимающий Кодрингтон препятствий ремонту не чинил.

Вскоре российский командующий действительно получил секретный пакет из Петербурга, в котором Нессельроде сообщал о решении Николая Первого начать войну с Турцией не позднее марта месяца. При этом министр, советовал идти вместе с Кодрингтоном блокировать Дарданеллы, а еще лучше прорываться в Константинополь, чтобы там принудить султана подписать мир.

- Что они там, совсем ничего не видят! – в сердцах швырнул секретную депешу на пол Гейден. – Какой совместный прорыв к Константинополю, когда нас не сегодня-завтра заставят вцепиться друг другу в глотки!

Гнев гневом, но ответ свой в Петербург Гейден составил вполне дипломатично: «Я намерен по выходе из Мальты, избрать один из архипелажских островов центральным пунктом моей стоянки и крейсирования до тех пор, когда Кодрингтону будет возможно выйти в море и соединиться со мной...»

Тем временем Лазарев, изучив карты и опросив местных моряков, нашел и подходящее место базирование для нашей эскадры. Это был порт Ауза в северной оконечности острова Парос. Хорошо защищенная от ветров, бухта имела к тому же узкий вход, который было легко защитить береговыми батареями. Помимо всего прочего в бухте имелся небольшой порт, который можно было использовать в интересах эскадры. Немаловажным был и тот факт. Что более полувека назад именно на Аузу базировалась после Чесмы Средиземноморская эскадра адмирала Спиридова. О своем выборе Гейден известил Каподистрию. Тот ответил, что против выбора россиян не возражает.

Если офицерам российских кораблей удавалось возмещать отдых и службу, то для нижних чинов никакого просвета не было. Один-два схода на берег и снова непрерывные тяжелые работы, конца которым не было видно. Бытом матросов никто не занимался. Офицеры жили на берегу и появлялись на судах только в порядке очередности. Работая в сырых батарейных палубах, матросы там же и спали. В целях экономии команды кормили из старых судовых запасов и даже воду давали тухлую, залитую еще на Сицилии. Доведенные до крайности люди начали роптать. Было ясно, что этим дело не кончится, но поглощенные береговыми заботами офицеры все прозевали.

Вначале команда поднялась на «Азове», но там Лазареву в последний момент кое-как удалось ее утихомирить. Затем поднялся «Александр Невский». Там уже все было, куда серьезней.

Вечером по команде брать койки, команда «Невского» отказалась их брать. Не помогло даже прибытие и увещание командира корабля.

Растерявшийся Богданович велел передать о случившемся Гейдену. Тот немедленно прибыл на «Невский». Команда по-прежнему стояла в строю, не беря коек и не расходясь.

Стараясь казаться спокойным, Гейден вышел перед строем:

- Чего бузите, братцы? Говорите мне смело!

- Имеем к вашему превосходительству претензию! – раздалось из толпы.

- Слушаю!

- Ревизор лейтенант Бехтеев каждый раз отбирает из общего котла лучшую зелень и мясо и отдает в кают-компанию! Денщики офицерские лучшие куски из котлов тащат и тащат! Мичман Стуга лупил вчера многих по лицу, когда брали койки!

- Разойдитесь, берите койки и отправляйтесь спать! Обещаю, что во всем разберусь по справедливости! – заверил матросов Гейден. – Утро вечера мудренее.

Утром он назначил следствие по делу бунта команды на линейном корабле «Александр Невский». Из рапорта Л.П.Гейдена начальнику Морского штаба: «Я предписал за оказанный поступок судить военным судом из числа означенной команды 14 человек нижних чинов служителей, которые кажутся более других участвовавшими в этом деле, отрешив лейтенанта Бехтеева 4-го от сей должности. Командира корабля капитана 2 ранга Богдановича сменил...»

Что касается офицеров, то их наказание было формальным. Отстраненный от ревизионной должности, кстати, весьма нелюбимой офицерами, Бехтеев остался вахтенным начальником на том же «Невском», а мичман Стуга был лишь переведен на «Азов» и впоследствии дослужился до полковника.

С матросами поступили же, наоборот, весьма круто. Большинство из «отобранных» служителей приговорили к смертной казни. Однако, учитывая храбрость при Наварине, казнь была заменена каторгой. Осужденных вначале держали под караулом на «Азове», а затем отправили попутным судном в Кронштадт. Дальнейшая судьба этих людей неизвестна. Но скорее всего она была весьма печальной.

В оправдание своей жестокости Гейден впоследствии говорил:

- А что мне еще оставалось делать! Если бы Богданович самолично уладил дело миром, да не выносил сор из избы, все бы и обошлось, а так пошел звонить во все колокола! Что подумал бы государь, узнавши о моем снисхождении, когда два года тому назад на Сенатской площади бунтовал Гвардейский экипаж, а матросы из оногo вновь бунтовали на «Невском»!

Что касается Луки Богдановича, то он был определен капитаном над нашей береговой базой на Мальте.

- Пусть лучше ремонтами да складами заведует, коль людьми не может! – решил Гейден.

Новым командиром был определен бывший командир фрегата «Проворный» капитан-лейтенант Епанчин, а его должность принял старший офицер с «Гангута» Готовцев.

Помимо этого, на эскадре произошли и другие передвижения офицеров по службе. Так, получивший контр-адмиральский чин и штатную должность начальника штаба эскадры, Лазарев сдал дела командира «Азова» капитану 2 ранга Хрущеву, командовавшему до сего времени фрегатом «Константин». Фрегат от Хрущева, в свою очередь, принял бывший старший офицер «Азова» капитан 2 ранга Баранов. К нелегкой же барановской должности был определен лейтенант Павел Нахимов.

- Ты, Павлуша, впрягайся в работу, как следует, а я при случае перед Логином Петровичем слово замолвлю, чтобы очередной освободившийся бриг тебе под команду отдать! – обрисовал перспективы своему любимцу Лазарев.

Впрочем, об исполнении своего долга Нахимову говорить было излишне. Службу он правил всегда на совесть.

Вскоре после ухода эскадры Сенявина в Портсмут, стало очевидным, что окончания Средиземноморской кампании в обозримом будущем не предвидится. В перспективе предстояла многомесечная блокада Мореи и крейсерства в Архипелаге. Было ясно, что Гейден при этом будет нуждаться, прежде всего, не в линейных силах, а в мелких судах, крайне необходимых для доставки депеш и припасов, сторожевой службы и разведки. Гейдену нужны были бриги.

В войнах морских всегда так, что корабли линейные лишь силу державную собой олицетворяют, да в редких решающих схватках демонстрируют мощь своих пушек. В повседневной же жизни нет важнее для флота судов, чем бриги. Это рабочие лошади флота, которых никто никогда не оберегает и гоняет во все стороны, почем зря. А потому служба на бригах, хоть и изнурительная, но в стократ интереснее, чем линкоровская. Вот и теперь оказалось, что линейных кораблей в Средиземные воды понагнали, а о бригах, как всегда забыли, и вот, наконец, спохватились. Обо всем этому Николаю и доложил адмирал Моллер.

- Что мы можем реально послать? – задал встречный вопрос император.

- На сегодня благонадежными в дальнее море имеются лишь два брига, да два еще достраиваются! – браво отрапортовал Моллер.

- Вот их и посылайте, а одновременно заложите на верфях еще несколько! – дал указание Николай Первый.

Антон Васильевич фон Моллер

Немедленно начали готовить к плаванию, стоящие в Кронштадте «Ахиллес» с «Ревелем», да в бешеном темпе достраивать на Охтенской верфи «Усердие» и «Охту».

Чтобы не терять понапрасну времени, бывший в готовности к плаванию «Ахиллес», не дожидаясь остальных, почти сразу отправили к Гейдену. Для «Ахиллеса» императором была предусмотрена особая миссия. По прибытии в Средиземное море бриг, названный в честь древнегреческого героя, поступал в распоряжение первого греческого президента Ивана Каподистрии, который вот-вот должен был появиться на греческих берегах. На это капитан-лейтенант Шулепников получил особые инструкции.

- Ты теперь, Гриша, у нас не моряк, а дипломат наиважнейший! – подшучивали над ним товарищи.

- Да ну вас всех! – отмахивался Шулепников. – Не обучен я политесам да разговорам салонным, мне бы в вояж дальний от всех столичных штук подальше, но видно, на сей раз не судьба!

На складах выдали Шулепникову ковров персидских и посуды хрустальной, пригрозили при этом:

- Это не для того, чтобы ты на сих коврах валялся и из фужеров богемских водку хлестал, то для особы президентской! Да гляди в оба, чтобы все в сохранности возвернул, а то мы тебе такой начет распишем, не возрадуешься!

- Понял! – грустно кивнул Шулепников и принялся самолично ковры со стаканами пересчитывать.

Наконец все сборы остались позади и «Ахиллес» вырвался в море.

- Как знать, может за время нашего плавания все еще переменится и выпадет нам не тоска дипломатическая, а крейсерства дерзкие! – делился своими мыслями с офицерами командир брига.

- Мы такому расклады только радешеньки будем! – отвечали те.

Вскоре вслед за «Ахиллом» двинулись и остальные брига. Общее командование над ними было поручено командиру «Ревеля» капитан-лейтенанту Селиванову. За плечами командира «Ревеля» была Сенявинская

Средиземноморская кампания и кругосветный вояж. Два кругосветных плавания было и за плечами командира «Охты» капитан-лейтенанта Никольского и одна кругосветка у командира «Усердия» Кадыяна. Это была целая плеяда русских океанских капитанов!

- Следуйте в Портсмут, там осмотритесь что к чему и дальше в Месину, где уже разузнаете о месте пребывания эскадры! Припасов грузите на четыре месяца! – более чем лаконично наставил Селиванова, уставший от служебных тягот, Моллер.

10 июля 1827 года отряд Селиванова вышел на Кронштадтский рейд, а еще через неделю взяли курс на Англию. На траверзе Ревеля прошли мимо останков погибшего совсем недавно на камнях фрегата «Вестовой». Фрегат лежал на боку без мачт, но с бушпритом и издали казался почти целым, если бы по его палубам не гуляли волны.

- Ох, не к добру мы с покойничком повстречались! – крестились промеж себя матросы.

Офицеры тоже весьма мрачно глядели на остов одного из лучших судов флота.

- Вот наиболее верная эмблема мореходцев! – прокомментировал увиденное командир «Усердия» Иван Кадыян, - Сего дни они счастливы и покойны, не ведая. Что сего дни же постигнет и их подобная сему участь!

Плавание бригов с самого начала не задалось. Что было тому виной, то ли встреча с погибшим фрегатом, пророчество ли капитан-лейтенанта Кадыяна, то ли капризы погоды, но продвигались бриги вперед чрезвычайно медленно. Противные ходу вест-зюйд-вест, зюйд-вест и вест дули, дули и дули. Ко всему прочему общий ход отряда задерживал и тихоходный «Ревель».

- Господи! Ну, когда же Борей сменит гнев на милость и наградит нас хотя бы слабым остом! – вздыхали вахтенные офицеры, в который уже раз посылая вахту на очередную лавировку.

Только 23 июля бриги миновали северную оконечность острова Даго.

- Ежели так пойдет, то мы все помрем от старости, прежде чем до Средиземки дошкандыбаем! – тосковал энергичный Селиванов, в нетерпении по юту расхаживая. Но, наконец, задул долгожданный ост и бриги одним махом проскочили центральную Балтику. 5 августа они уже салютовали копенгагенским фортам.

В Копенгагене они настигли «Ахиллес». Грустный капитан-лейтенант Шулепников поведал Селиванову о том, что получил предписание адмирала Сенявина «не простирая далее плавание, вернуться в Кронштадт».

- Так что, Саша, поеду я обратно домой ковры да хрусталь на склады сдавать! – с горечью вздохнул он.

- Не печалься, еще поплаваешь! – как мог, подбодрил товарища Селиванов.

- После недельной стоянки бриги Селиванова предприняли штурм проливов, но измученные пятидневной борьбой с противными штормовыми ветрами, были вынуждены повернуть обратно на Копенгаген. Мимо них в свисте ветра и брызгах пены пронеслись новопостроенные фрегаты «Мария», «Ольга» «Александра», спешащие из Архангельска в Кронштадт.

- Давайте с нами! – кричал их командирам в рупор Селиванов. – Мы только из Кронштадта! Ничего там хорошего нету!

- Пока вы дошлепаете до Средиземного, мы уже туда и обратно обернуться успеем! – заверили его фрегатские.

Только со второй попытки удалось бригам прорваться в Немецкое море и добраться до Портсмута. Там Селиванова ждало послание Сенявина немедленно следовать вдогонку Гейдену. Но капитаны решили несколько повременить и лучше изготовиться для предстоящей долгой морской кампании. Перво-наперво закупили железные цепные канаты, которые в отличие от старых пеньковых не перетирались, а потому были гораздо надежнее. Селиванов заложил в трюм своего тихоходного «Ревеля» тысячу пудов балласта, чтобы хоть немного увеличить скорость хода. Одновременно меняли свинцовые клюзы на чугунные, отделявали железом битинги и краспицы. Покупали карты, хронометры, секстаны и хирургические инструменты. Офицеры, пользуясь свободным временем, посетили знаменитую нельсоновскую «Виктори», которая, не смотря на свой 67-летний возраст была все еще в боевом строю.

Выше по реке увидели наши резервный британский флот. Более полутора сотен линкоров и фрегатов стояли на мертвых якорях, покрытые деревянными крышами. С нескрываемой завистью смотрели наши офицеры на такое рачительное отношение к флоту. Не удержавшись, расспрашивали англичан, как им удается сохранять в целостности такой огромный флот?

- На каждом судне постоянно живет боцман, тиммерман и констапель с десятком матросов. Для вентиляции внутренних помещений мы постоянно снимаем по несколько палубных досок и полос обшивки, помимо этого каждые четыре месяца красим суда белилами с сажей и охрой. – поясняли им местные английские офицеры.

- И сколько так могут храниться суда!

- Может до ста лет, а может и больше! – ответили им.

- Вот когда бы и у нас такое рачение к флоту было, тогда глядишь и были бы мы первой морской державой, а так не успеем построить, уже ломаем, как Сизиф тащим камень в гору. А толку с чих! – делились мыслями бриговские офицеры за вечерним чаем время коротая.

- А через несколько дней в Портсмутскую гавань к всеобщему удивлению вошел «Ахиллес».

- Ты то здесь откуда объявился? – обняли при встрече все три капитан-лейтенанта довольного Шулепникова.

- Так что новый приказ вышел идти вместе с вами! Государь пожелал, чтобы именно «Ахиллес» возил на себе Каподистрию! – улыбаясь, поведал тот. – А то мечусь по всем морям, что рыжий по арене, да еще и со сломанным бушпритом, так что прошу сегодня отужинать у меня, сидючи на коврах персидских и попиваючи из фужеров богемских!

- Это дело, а потому будем всенепременно! – заверили его командиры бригов. – А с бушпритом мы тебе поможем! Пришлем своих плотников в подмогу!

Однако перед самым выходом из Портсмута произошло чрезвычайное происшествие. 12 октября неожиданно для всех команда брига «Усердие» в полном составе самовольно перебралась на стоявший рядом с бригам блокшив и заявила командиру отряду Селиванову, что недовольны обращением своего командира капитан-лейтенанта Кадьяна. Никакие уговоры не помогали. Сам Кадьян, от уговоров команды уклонился и, сославшись больным, лежал в своей каюте с заряженными пистолетами.

- Если вы сейчас же не вернетесь на свое судно, то я буду вынужден раскассировать вашу команду по всем бригам! – прибег к последнему средству капитан-лейтенант Селиванов, даже не представляя, что ему делать, если и сейчас матросы откажутся повиноваться.

- Однако эта угроза на матросов подействовала. Никто не желал служить в чужой команде и на чужом судне. Нехотя, но команду вернулась на «Усердие». Вечером командиры бригам имели нелicenseприятный разговор с Кадьяном, который оправдывался тем, что команда у него сборная, да разбойничья, а потому только кулак и мат понимает.

- Если ты, Ваня и дальше так начальствовать будешь, то не удивлюсь, что тебя через день другой и вовсе за борт выкинут! – заверил его командир «Охты» Дмитрий Никольский. – Неужели мало тебе, «крейсерской» истории! Сколько можно наступать на одни и те же грабли!

Насупившийся Кадьян молчал, зло поглядывая на своих товарищей. Напоминание о «Крейсере» задело его за живое. Дело в том, что во время кругосветного плавания на фрегате «Крейсер» под командой Лазарева, когда Кадьян исполнял должность старшего офицера, его издевательства и бесконечные придирки вызвали возмущение команды. В Бразилии матросы «Крейсера» отказались возвращаться с берега на фрегат. Неизвестно чем бы все закончилось, но команду тогда удалось уговорить мичману Нахимову. Не поднимая шума, Лазарев сразу же перевел Кадьяна на второе судно экспедиции шлюп «Ладога». Чем закончится нынешнее происшествие, как для матросов, так и для Кадьяна, пока не знал никто.

Разумеется, что о чрезвычайном происшествии на «Усердии» было немедленно доложено Гейдену по прибытии.

- Черт знает, что творится! – ругался тот, топая ногами. – Вначале «Невский» бунтовал, теперь «Усердие»! Ежели так и дальше пойдет, вскоре мы останемся без команд и эскадры! Как мне еще объяснить не в меру ретивым офицерам, что матрос тоже человек и относится к нему следует как к боевому товарищу, а не как к безмозглой скотине!

О происшествии на «Усердии» Гейден немедленно отписал письмом на имя министра. В свою очередь Моллер доложил обо всем императору. Император был в гневе, но не столько на матросов, сколько на офицеров.

- Дело неслыханное и срамовское и видно, что начальники поступили в нем, как дураки! - выговаривал он министру Моллеру и новому начальнику Главного Морского штаба Меншикову. - Прошу изведать во всей подробности, какую команду набрали на сие судно. Надо будет взять

строжайшие меры, чтобы подобное сему более нигде и никогда не повторялось, пример необходим и надо будет о том велеть Гейдену!

Затем, посоветовавшись с министром и новым начальником Морского штаба Меншиковым, решил все отдать на усмотрение самого командующего эскадрой.

- Передайте Гейдену, что на месте ему виднее, что и как, а потому пусть наказывает, кого следует по обстоятельствам и своему разумению! – сказал Николай. – Не могу же я весь флот на каторгу определить!

В адрес Гейдена было отправлено письмо Моллера: «Сей печальный случай Его Императорское Величество приписывает не одним нижним чинам, но неумению офицеров приличною справедливою строгостью и добрыми примерами внушить к себе уважение и содержать в повиновении вверенную им команду».

Разумение Гейдена было такое, чтобы все решить полюбовно. Он ограничился тем, что отстранил Кадьяна от командования бригадом и определил его на специально придуманную должность историографа эскадры. Но так как командующий не желал видеть в своем штабе отъявленного мордобойца, то и место пребывания Кадьяну было определено не на флагманском «Азове», а на проштрафившемся «Александре Невском». На дальнейшей карьере капитан-лейтенанта был поставлен большой и жирный крест. К удивлению многих, матросов к ответственности не привлекали.

- Хватит с нас и каторжан с «Невского»! – здраво рассудил Гейден. – Матросы виновны ровно настолько, насколько их делают таковыми сами офицеры!

Новым командиром «Усердия» был назначен капитан-лейтенант Анненков с «Гангута». Команда встречала нового командира нескончаемым «ура», в надежде, что он будет обращаться с ней ни в пример старому лучше.

Тяжело раненного лейтенанта Бутенева ежедневно осматривал английский лекарь. С его слов лейтенант уже знал, что как только освободятся лигатуры, рана заживет. Обрубок культи поместили в корзинку, чтобы ненароком не задеть.

Ежедневно осматривавший культю лекарь вызывал у Бутенева настороженность. Он, то больно наживал пальцами на остаток руки, то принюхивался к ней, а потом с улыбкой обращался к капитан-лейтенанту:

- Какая культя, отличная культя!

Что отличного в его нюющей культе Бутенев никак понять не мог. Обрубок руки, который так восторженно нахваливал лекарь, напоминала капитан-лейтенанту жаренную баранью ногу. Ключья мяса были стянуты еще свежими рубцами. Из шва свисали лигатуры. Лигатуры – это две черные нитки, сжимающие рану. Когда концы артерий разложатся и нитки отойдут, нитки свободно вытянутся, и рана сможет быстро затянуться. Главный

вопрос для докторов всегда состоял в том, что произойдет скорее - перегниют артерии или возникнет гангрена. В случае Бутенева артерии отмирали быстрее.

Осмотрев культю, лекарь проверял, свободны ли лигатуры. Для этого он сильно тянул за нити, что было очень больно. Бутенев лишь скрежетал зубами.

- Ах, как хорошо! Ах, как все у нас чудненько! – радовался доктор.

- Скоро ли я встану на ноги? – ежедневно спрашивал Бутенев.

На что доктор с удовольствием отвечал:

- Думаю, что через месяц-другой будете в строю. Хорошо, что на вашей культе осталось прокладка из мяса. Рана хорошо заживает, гангрены нет. Рана здоровая, по всем признакам лигатуры скоро отойдут.

- И на том спасибо! – выдыхал Бутенев, откидываясь головой в подушки.

В палате стоял слабый запах тления.

При всяком удобном случае офицеры с «Азова» навещали своего друга капитан-лейтенанта Ивана Бутенева, лечившегося в береговом госпитале. Культия его понемногу начала уже подживать, но лейтенант жаловался своему другу Нахимову:

- Не поверишь, Паша, но по ночам у меня отбитая рука болит и пальцы, и кисть, и локоть! Нет ведь ничего, а болит!

- Это у вас, голубчик, фантомные боли! Весьма частое явление! – покачал головой, пришедший вместе с Нахимовым корабельный доктор. – Ничего с этим не поделаешь. Одна надежда, что постепенно само пройдет!

- Ты теперь главное больше спи и ешь! – наставлял Нахимов друга, после того, как сообщал тому все корабельные и эскадренные новости. - Отлечишься и снова на родной «Азов»! Заждались все уже тебя!

Найдя время, навестили Бутенева и Гейден с Лазаревым.

- Ты Иван Петрович, как с госпиталя выйдешь, сразу же получишь под свое начало корвет или бриг! - порадовал раненного офицера Гейден.

- Справлюсь ли? – вздохнул Бутенев. – Как мне без руки командовать?

- Лучше иметь командира без руки, чем без головы! Вон Нельсон и без руки, и без глаза, а как воевал! – усмехнулся Лазарев – Ничего, не боги горшки обжигают, справишься!

Слово свое командующий сдержал. Сразу после выписки Иван Бутенев получил под начало бриг «Ахиллес». Первым своего друга поздравил Нахимов.

- Теперь ты, Ваня, капитан, а потому желаю тебе, чтобы капитанство твое было удачным и не последним! – поднял старший офицер «Азова» стакан с черным кипрским вином.

- Надеюсь, что вскорости будем капитанствовать вместе! – не остался в долгу от ответного пожелания Бутенев.

Эскадра готовилась к продолжению кампании. Из Неаполя привезли закупленный там боезапас, штурмана раскатывали на прокладочных столах карты Дарданельских проливов, штудировали лоции Эгейского моря. Командам ежедневно игрались ученья пушечные и парусные.

Сверкая свежей краской, на рейд вытянулись «Азов», «Иезекииль» и «Александр Невский». Здесь же находились вернувшиеся из отдельных плаваний фрегаты «Константин» и «Кастор», бриг «Охта» и корвет «Гремящий». У берега грузился продовольствием транспорт «Пример». Он должен был везти его в Эгину Каподистрии. Теперь в док-ярде оставались лишь линкор «Гангут» и фрегат «Проворный», готовившиеся к возвращению в Россию. Возглавить переход был определен командир «Гангута» капитан 1 ранга Авинов. Храбрый моряк не скрывал горечи. Своему другу Лазареву он выговаривал:

- Вот ведь как, Миша, получилось, только война настоящая начинается, а мне в тыл тащиться! Эх, нет мне везения!

- Ты не переживай! – пытался подбодрить его Лазарев. – Война у нас с турками обычно долгая, успеешь и «Гангут» отвести, и снова к нам вернуться!

- Куда там! – безнадежно махнул рукой Авинов. – Сам знаешь, сколько у нас в Кронштадте желающих повоевать имеется, так что мне теперь только очередь за ними и занимать!

Дефицит боеприпасов на эскадре привел к тому, что уходящие домой суда обобрали, что называется до нитки. Из воспоминаний лейтенанта Александра Рыкачева: «Сдали все ядра для себя оставили только по два на пушку... Грабят нас и совершенно грабят...» Помимо ядер позабирали еще и исправные пушки. А вместо них дали негодные, вычистили все плотницкие и парусные запасы, забрали здоровых офицеров и матросов, вместо которых дали больных и увечных. Даже возмущенного Рыкачева отправили служить на «Кастор», а вместо него на «Гангут» списали занемогшего мичмана.

А 23-го марта на Светлое Воскресенье состоялось празднество дотоле на русском флоте неведомое. Уже с раннего утра офицеры шлюпками обходили суда, где служили их товарищи. Все целовались друг с другом. После полудня все свободные от вахт стали съезжаться на "Азов". Гейден, Лазарев, все штаб- и обер-офицеры при шпагах и орденах. Под бой барабанов четверо лейтенантов во главе с Павлом Нахимовым вынесли на шканцы корабля Георгиевский флаг. Священник отец Герасим, отслужив торжественный молебен, окропил флаг святой водой и произнес присягу. Затем флаг пронесли вдоль строя команды. Впереди шел сам Гейден с обнаженной саблей. И вот Георгиевский стяг, медленно колыхаясь, пошел вверх по флагштоку под звуки оркестра и дружные крики "ура". Караул вскинул ружья на руку, команда разбежалась по реям. "Азов" сотрясался от салютных залпов. Палили сразу всеми орудиями.

Когда ж ветер рассеял клубы порохового дыма над кораблем, в честь "Азова" заговорила и вся российская эскадра. Англичане, приветствуя награжденных, также послали своих матросов по реям. Затем над "Азией" Кюдрингтона

взвился наш георгиевский вымпел, которому британский командующий отсалютовал 21 выстрелом. В тот день на "Азове" гуляли допоздна. Лихо плясали в батарейных палубах, распевали романсы в кают-компании. Гейден, Кодрингтон и губернатор Понсоби дружно осушали бокалы, тостуя за здоровье императора Николая и 12-го флотского экипажа, к которому принадлежал "Азов".

Именно при Наварине родилась морская гвардия России. Будем же помнить об этом всегда!

Теперь российская эскадра ждала только попутного ветра, чтобы покинуть Мальту и отправиться в плавание к берегам Греции.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ ПЕРЕПУТЬЯ МОРСКИХ ДОРОГ

Наварин всколыхнул Грецию, вселил в сердца эллинов веру в победу своего дела. Повстанцы вышибали турок из крепостей в Морее и Эпире. Потрясенные сокрушительным разгромом, турки все еще приходили в себя и пока отбивались слабо. Остатки их флота отстаивались в бухтах. Зато греческие корсары действовали вовсю. Не отставали и купцы, доставляя к берегам Пелопонесса оружие и порох.

Гром Наварина нанес сокрушительный удар по дотоле, казалось, незыблемому Священному союзу. Ведь император российский, рука об руку, с английским и французским королями, выступил за республиканскую Грецию, вопреки всем своим ранее данным клятвам и заверениям. Но что поделывать, когда Наварин уже состоялся, а Греция обретала столь долгожданную свободу, а Уайт-холл уже хмурился на Россию.

«Вы не должны забывать - писал доверительно графу Гейдену адмирал Кодрингтон, уже после того, как был удален от командования эскадрой, и не скрывать своего искреннего русофильства, - что Россия большое пугало, которое так тревожит значительную часть французов и англичан, что они боятся, как бы ваш добрый император не поглотил всю Турцию живьем, с костями и мясом».

Эти слова Кодрингтона дают ясное представление о том, какими тяжелыми условиями была остановлена эскадра графа Гейдена во время войны. Если на Черном море недоброжелательная к нам державы были бессильным ослабить шансы России, то в Средиземном море они приложили все старания, чтобы затруднить русскому флоту принять действительное участие в надвигающейся войне. Инструкции, отправленные из Петербурга Гейдену вскоре после Наваринского боя и вызванного им разрыва дипломатических отношений с Портой, содержали указание Гейдену идти в Архипелаг и, в случай, если английская эскадра, предпримет прорыв через Дарданеллы, чтобы явиться перед Константинополем для принуждения султана к принятию условий Лондонского тракта, то и нашей эскадре надлежало принять участие в этом прорыве. В этой инструкции, впрочем, было оговорено, что Гейден при этом не должен считать Россию находящейся в

войне с Турцией, и что все предстоящие действия исходят исключительно из постановлений Лондонского трактата.

Но обстоятельства вскоре переменялись. Англия и Франция не сочли нужным делать против Турции какие-либо шаги, и стараниями французской и английской дипломатии весь гнев Порты за Наварин обрушился исключительно на Россию.

Помимо Стамбула более иных потеряла от Наваринского погрома Вена. Хитромудрый Миттерних начисто проиграл эту многоходовую политическую партию и, обманутый во всех своих надеждах, оказался в полнейшей изоляции.

Оттоманскому флоту в Наварине был нанесен значительный удар. Немногие уцелевшие во время боя суда намеренно не были уничтожены победителями - чтобы показать, что оружие было употреблено ими только для обороны, но не для нападения на флот Турции, с которой, ни одна из пославших свои эскадры держав - ни Россия, ни Англия, ни Франция - не была в войне.

Это обстоятельство - разгром турецко-египетского флота во время мира - явилось для Константинополя ударом куда более чувствительным, чем какой был бы нанесен самой Порте в случае обычных боевых действий.

Дальнейшие события показали, что, хотя Наварин и вызвал разрыв сношений Порты со всеми тремя державами, но только одна из них была вовлечена в войну с Турцией. Конечно, это была, как всегда, Россия!

Едва послы союзных держав покинули Константинополь на улицах и площадях турецкой столицы глашатаи уже читали обывателям гатти-шериф султана:

- Слушайте достойные жители славного Истамбула и передайте тем, кто не слышит! Москов желают погубить Высокую Порту. Они смеются над нашими святынями и не чтят Аллаха! Сколько еще можно терпеть это бесстыдство неверных! Великий падишах и непобедимый потрясатель вселенной, любимец Аллаха и тень пророка на земле, велел каждому правоверному готовиться к джихаду! Пришла пора поставить неверных собак на колени и отрезать их мерзкие головы!

- Алла! – кричали достойные жители славного Истамбула. – Поставим иотрежем! Заставим собак пожирать свои хвосты!

Не ограничиваясь демаршем, Порта запретила вывоз российского зерна из черноморских портов. Хлеб с оказавшихся в это время в Константинополе судов был вообще отобран силой. Султан Махмуд Второй желал быть достойным славы Сулеймана Великолепного, он желал быстрой и победоносной войны!

В самой Греции не намеривался прекращать войну Ибрагим-паша. Он не только привел в порядок все уцелевшие суда, но, воспользовавшись отсутствием тесной блокады, вывез в Египет всех больных и раненных, многочисленные гаремы и пленных греков. Теперь у Ибрагима была

несколько уменьшившаяся численно, зато вполне боеспособная 20-тысячная армия. Помимо этого, к туркам примкнули и вооруженные местные мусульмане. Султан Махмуд велел, было, Ибрагиму идти с главными силами в Филиппополь (Пловдив) и, приняв там команду над Румелийской армией, воевать против русских. Но Ибрагим отослал гонца к отцу в Египет и тот посоветовал сыну никуда не уходить.

- Передайте Ибрагиму, чтобы не забывал о том, что Греция обещана султаном в правление нашему роду, поэтому ему незачем воевать где-то на Дунае за султана. Пусть оберегает свое добро! – сказал Мехмет-Али-паша посланцу сына.

А чтобы сын чувствовал себя уверенней, правитель Египта отправил к нему конвой с порохом и ядрами. Прорвать блокаду союзников египтянам помогали австрийцы. Пока последние отвлекали на себя дозорные суда. Египтяне беспрепятственно закинули боезапас на Кандию и в Морею.

Одновременно Порты пыталась всеми силами сравить Вену с Петербургом и хоть как-то хотя бы на время замирилась с греками. Ни то, ни другое у турок не получилось. Вена была всегда рада напасть на Россию, но воевать с ней за турецкие обиды у австрийцев не было никакого желания. Попытка договориться с греческими повстанцами о том, что если они сложат оружие, то будет прощены, и получат некоторые права, тоже ни к чему не привели. Вдохнувшие воздух свободы, греки уже не желали и слышать о каких-то подачах со стороны своих ненавистных врагов.

- Мы будем не мириться с турками, а воевать, покуда последний из них не будет изгнан с последнего нашего острова! – кричали самые воинственные и готовились идти забирать у Порты Кандию и Хиос с Критом.

Россия желание греков вполне разделяла и была готова даже помочь, зато Англия была этой воинственностью напугана.

- Хватит с них и Пелопоннеса! Мы не можем окончательно ослабить Турцию перед лицом растущей мощи России – решили в Лондоне и, принялись, как всегда, отчаянно интриговать.

Не отставали от англичан и французы. Едва греки собрали на острове Сирос небольшую эскадру с десантом, чтобы отправить ее к Хиосу, как туда поспешил посланный де Реньи фрегат «Юнона». До перестрелки, к счастью, дело не дошло. Греки прорвались мимо наведенных пушек «Юноны». Греческие инсургенты, во главе с полковником Фавье (французом-республиканцем, ненавидевшим Бурбонов!), высадились на Хиосе, разбили турок и заперли их в крепости. На штурм, однако, сил у греков не хватило, и Фавье начал осаду.

Стремясь вернуть себе плодородный Хиос, турки вскоре собрали на малоазиатском берегу около Чесмы несколько тысяч отборного войска и подогнали из Дарданелл эскадру в 11 боевых вымпелов. Недалеко от берега сторонним наблюдателем качались на волнах корабли де Реньи. Было очевидным, что грекам, не смотря на их храбрость, Хиоса не удержать.

Пытаясь спасти десант и жителей острова, к де Реньи прибыл лодкой наш консул в Смирне Фродинг (из остзейских немцев). Французский

командующий принял консула в каюте, сидя за рабочим столом и показывая всем видом, что приехавший отвлекает его от весьма важных дел.

- Господин адмирал, как христианин христианина прошу вас отогнать турецкую эскадру от Хиоса! – начал без всяких вступлений Фродинг.

В ответ де Реньи помотал головой:

- Пускаясь в эту экспедицию, греки нарушили декларацию трех адмиралов, подписанную нами после Наваринского боя! Пусть теперь сами расхлебывают свою кислую похлебку!

- В таком случае получается, что вы полностью на стороне турок! Но это противоречит Лондонскому договору! – сразу же ухватился за услышанное консул.

- А я не вижу в Лондонском трактате пункта, который бы давал нам право препятствовать туркам переплывать из одной гавани в другую! – попытался отбиться де Реньи.

- Однако вы поступали именно так с судами Ибрагим-пашы при Наварине! – окончательно припечатал собеседника к стенке настырный Фродинг. – К тому же, если греческий десант покинет остров, то турки непременно в отместку вырежут на нем все христианское население! Вы же не пособник башибузуков?

Загнанный в угол, де Реньи замялся:

- Я уже обещал эгинским депутатам, что, в случае оставления греками Хиоса, выхлопочу для них у турок выгодную капитуляцию! Так уж и быть я вышлю к малоазиатскому берегу один фрегат!

- Пусть тогда это будет русский фрегат! – не унимался настырный Фродинг. – Нашим легче будет договориться!

И де Реньи уступил напору.

- Пусть будет так! – скривился он, и силой переломил пальцами карандаш.

Для присмотра за турками в тот же день был отряжен бывший при отряде де Реньи фрегат «Кастор». Капитан-лейтенанта Ивана Сытина учить, что делать в такой ситуации, было излишне. Сам с усами!

С открытыми орудийными портами «Кастор» дерзко сблизился с турецкой эскадрой. Раздосадованные турки прислали к фрегату драгомана, чтобы выяснить намерения русских.

- Наше намерение самое простое! – прояснил драгоману Иван Сытин. – Первое же ваше движение к Хиосу я поприветствую полновесным бортовым залпом! Уж не взыщите!

Впечатления о Наварине были еще весьма свежи, и желающих рискнуть среди турецких капитанов не нашлось. В тот же день турецкий фрегат и десять бригав безмолвно растворились в Дарданеллах.

Однако вскоре де Реньи отозвал «Кастор». Сам он с остальными судами демонстративно ушел от острова. Сразу же у Хиоса показалась мощная эскадра уцелевшего при Наварине младшего флагмана Тагир-пашы. После Наваринского погрома Тагир-паша тайно сбежал из Мореи, и пробрался в Константинополь, где и за какие заслуги непонятно был произведен в чин

вице-адмирала. Гордый оказанным доверием он обещал султану вышвырнуть греков со всех островов.

- Греки еще не видели настоящей жестокости! – говорил Тагир-паша своим капитанам. – Но они ее скоро увидят! Я сделаю Эгейское море Красным!

Пользуясь попустительством французов, Тагир-паша высадил на Хиос большой десант. Греческие моряки, поставив под берегом на якоря свои немногочисленные шхуны - «мистиконы», готовились принять последний бой, но не отступить. Сражение было жестоким, но слишком уж неравными были силы. Слабые «мистики» сгорали свечками, но не отступали. Только уничтожив их, турки смогли прорваться к Хиосу. Высаженный десант соединился с гарнизоном крепости. Теперь уже остатки инсургентов, из последних сил, отстреливались в домах городского предместья.

- Пусть немедленно сдаются или же мы вырежем всех от мала до велика! – велел передать осажденным Тагир-паша. – Пора навсегда избавиться от здешних христиан и заселить Хиос правоверными!

Засевшие в домах греки ответили бранью.

- Убейте их всех! – велел разъяренный Тагир-паша.

Но кровавым планам турецкого вице-адмирала сбыться было не суждено. Неожиданно для всех, у Хиоса появилась эскадра наварха Миаулиса, посланная Каподистрией. Сине-белый флаг командующего развевался над 58-пушечным «Элласом». Миаулис с хода вступил в драку. Не рискнув искушать судьбу, храбрый Тагир-паша предпочел убраться.

- Мы еще намотаем ваши потроха на наши ятаганы! – грозился он в бессилии кулаком.

Понимая, что долго Хиоса все равно не удержать, Миаулис вывез оставшихся инсургентов и жителей на другие острова. Покидая жилища, греки с плачем поджигали отчие дома. Кто знает, вернутся ли они еще в родные места?

Несмотря на разорение страны и военные неудачи, греки были, по-прежнему, полны решимости и дальше драться с Оттоманской Портой.

- Пока на нашей земле остается хоть один турок, гидра может возродиться, а потому вперед, братья! – призывали своих соратников капитаны повстанцев.

Отряды инсургентов укрепляли Коринфский перешеек, одновременно готовясь к удару по Афинам. Антинаварх Сахнури бдительно крейсировал у Мореи и Патрасского залива, пресекая все попытки турок пробиться в Грецию, а наварх Миаулис, тем временем, беспощадно истреблял пиратство в Архипелаге.

- Свободу мы уже завоевали, и теперь никто не сможет помешать нам создать достойное государство! – говорили в те дни греки.

В апреле 1827 года греческое народное собрание в Трезине объявило президентом страны графа Иоаниса Каподистрию. Уроженец Корфу, выходец из знатной ионической семьи, он получил воспитание в Венеции.

После освобождения Ионических островов адмиралом Ушаковым был статс-секретарем по иностранным делам при правительстве республики Семи островов, затем поступил на русскую службу и, благодаря своим выдающимся способностям, стремительно поднялся по служебной лестнице, став статс-секретарем министерства иностранных дел России. Прекрасно проявил себя Каподистрия во время знаменитого Венского конгресса. После начала восстания в Греции Иоанис Каподистрия был по его просьбе отправлен в бессрочный отпуск и перебрался в Швейцарию. Вскоре он был избран первым президентом еще не существующего греческого государства.

- Если уже избран глава государства, значит, и само государство должно вот-вот появиться! – говорил Каподистрия сомневающимся в его правомочности коллегам-дипломатам. – Природа не терпит пустоты!

После избрания президентом, Каподистрия совершил поездку по Европе, согласовывая оказание помощи Греции.

- Мне надо было определиться с союзниками и выяснить, что замышляют враги! – так охарактеризовал он цель своего европейского вояжа. – С удовлетворением могу сказать, что первых оказалось значительно больше чем вторых. Однако самым надежным другом была и остается единоверная Россия, с которой я и связываю наше будущее!

В конце января 1828 года официально вступил в должность. Лондон и Париж отнеслись к избранию Каподистрии весьма кисло, не без основания считая его сторонником самых тесных связей с Россией. Еще больше неприятия пророссийский президент вызвал у Вены и Берлина.

- Зачем плодить заведомо вредные республики и их безродных президентов! – рассуждали там. – Не лучше ли сразу объявить королевство, а если у греков нет кандидатуры для престола, то у нас всегда сыщется подходящий Габсбургский пленец!

Пока это только разговоры, но идея онемечивания, еще находящейся под турецким игом, Греции уже начала витать над Европой.

К этому времени весь Архипелаг кишел всевозможными морскими разбойниками. Торговля нагробленным превратилась в самое доходное занятие. От греков, не отставали итальянцы и далматинцы. Бороться с пиратами было чрезвычайно трудно, так как, получив патенты на корсарство, они имели право останавливать и обыскивать нейтральные суда в поисках турецкой контрабанды. Из сообщения историка: «Бывали случаи, что греческие корсары, нападая на турецкие и египетские суда, захватывали товар, принадлежащий французским или английским подданным; жители Ионических островов, хоть и греки, но помогали Ибрагим-паше в продовольствии его армии... Корсары не щадили этих контрабандистов, между тем, как Ионические острова принадлежали Великобритании...»

Не имея средств платить своим морякам, греческое правительство до поры до времени снисходительно смотрела на творимое беззаконие на море. Масштабы пиратства, тем временем, все возрастали. Только за 10 месяцев 1827 годы было ограблено почти сотня торговых судов, в том числе семь наших. Среди них было и судно с арабскими скакунами, купленными для

императора Николая, которое, впрочем, все же отпустили. Похищенные пиратами грузы составили огромную сумму в 10 миллионов рублей серебром! При этом с военными турецкими ссудами пираты старались не встречаться, предпочитая выискивать в отдаленных водах богатых купцов.

- Словно мы где-то в Карибском море во времена пирата Моргана! – говорили наши офицеры. – Как говорить, ничто не ново под луной!

Вскоре после Наварина Кодрингтон, Гейден и де Реньи решили положить конец пиратству. И если Гейден действовал большей частью убеждением, то союзники были беспощадны.

В конце декабря 1827 года Кодрингтон и де Реньи отправили в неофициальную столицу тогдашней Греции Эгину по фрегату. Встав на рейде и наведя на город пушки, капитан 40-пушечной «Дриады» Гамильтон потребовал от греков в трехдневный срок вернуть захваченное недавно ионийское судно с французским грузом. Французский капитан Леблан был еще более категоричен.

Гавен Уильям Гамильтон

- Если не соберете за сутки 60 тысяч испанских пиастров за причиненные французской короне убытки, то я буду бомбардировать ваш город! – заявил он.

Возмущенные горожане отправили депутацию в Смирну, где в то время находился на своей «Ситрене» де Реньи, в надежде договориться с ним. Но ничего не вышло. Де Реньи не стал с депутатами даже разговаривать.

- Я самолично приду к Эгине и ядрами заставлю вас отдать положенное! – пригрозил им контр-адмирал.

После этого убытки французам были незамедлительно возмещены.

Пришлось столкнуться с пиратами и нашим морякам. В феврале 1828 года, следуя из Смирны на Мальту, фрегат «Кастор» из-за непогоды завернул в греческий порт Миндра. Поручение у командира «Кастора» было достаточно необычное. Он вез звезду и ленту ордена Святого Александра Невского, которым император Николай награждал французского командующего контр-

адмирала де Реньи. Только бросили якорь в Миндрской бухте, как на борт прибыли местные старшины.

- Господин капитан! – слезно обратились они к капитан-лейтенанту Ивану Сытину. – Умоляем вас наказать грабителей! Нет, у нас уже никакой силы терпеть их поборы и издевательства!

- А где сами грабители-то? – поинтересовался Сытин.

- В заливе недалеко от порта! Мы покажем! – ответили старшины, с надеждой глядя на командира русского фрегата.

- Ну что? – обвел взглядом Сытин своих офицеров. – Искоренять пиратство есть наша прямая обязанность, к тому же нас об этом просят! Поможем?

- Поможем! – единодушно высказались офицеры «Кастора».

Подойдя к указанному греками-миндриотами заливу, «Кастор» встал на входе, блокировав фарватер. Спустили шлюпки с десантом. За старшего лейтенант Иван Тимашев.

- Будь поосторожней! – напутствовал Тимашева Сытин. – Береги людей!

Шлюпки с матросами двинулись в глубь залива.

- Ваше благородие, вон справа за мыском мачты торчат, никак разбойнички прячутся! – закричал впередсмотрящий, показывая Тимашеву вдаль рукой.

Лейтенант пригляделся. Точно! Два вооруженных судна.

- На весла! – скомандовал Тимашев. – Подналяжем, ребята!

Шлюпки ускорили ход, охватывая стоящие под берегом суда полукругом. Увидев, что деваться некуда, сразу же выбросил белый флаг одномачтовый бот с пушкой. Зато команда 6-пушечной шхуны решила защищаться. Пираты посадили свое судно на мель, а сами заняли оборону на берегу в развалинах монастыря. Подойдя к берегу, матросы начали высаживаться на берег. В это время шлюпка под командой мичмана Ивана Поскочина наскочила на песчаную отмель. Пираты тут же открыли по неподвижной шлюпке яростный ружейный огонь. Тимашеву было видно, как один за другим падали в шлюпке люди.

- Ах, злодеи, наших бить! Ужо мы вам сейчас покажем! – озлобились матросы.

Дорога была каждая секунда. Лейтенант выхватил из ножен саблю:

- За мной, ребята! Где наша не пропадала! Ура!

И повел своих матросов в штыковую атаку. Пираты яростно сопротивлялись, но быстро почти все были переколоты разъяренными матросами. Тех, кто пытался спастись вплавь, расстреляли из ружей. Из шести десятков пиратов в плен взяли только десять.

В это же время «Кастор» заставил подойти к борту и сдаться, пытавшееся было вырваться из залива третье пиратское судно. Полторы сотни головорезов во главе со своим предводителем Грезюоти сложили оружие.

- Есть ли потери? – тревожно спросил у Тимашева Сытин, когда шлюпки вернулись к фрегату.

- Трое тяжелораненых! – грустно ответил тот. – Не знаю, выживут ли!

- Эх! – только и махнул рукой капитан-лейтенант. – Раненных в лазарет, остальным по две чарки за удаль!

Два пиратских судна Сытин распорядился сразу же сжечь. Захваченных в бою пиратов заковали в кандалы и посадили под замок в трюм. Сдавшийся бот под конвоем привели в Эгину, где передали греческому правительству. Ему же отдали вожака банды Грезоти с остальными пиратами.

Каподистрия принял у себя в резиденции капитан-лейтенанта Сытина, долго тряс ему руку:

- От лица Греции благодарю вас за истребление судов, наносящих бесчестие греческому флоту! Мы примерно накажем каждого из этих негодяев!

Однако вскоре нашим морякам стало известно, что из захваченных пиратов были повешены только двое. При этом сам вожак Грезоти был прощен правительством с условием, что в случае необходимости выставит за свой счет для армии две сотни своих сорвиголов...

- Вот и помогай ловить разбойников! – плевались наши. – Когда завтра они как ни в чем, ни бывало, опять будут с ножиками бегать, да людей грабить!

Участвовавших в деле офицеров и матросов Сытин представил к наградам, но никто из них так ничего не получил.

- Эка невидаль! – рассудили начальники. – Шайку ворья разогнали!

- Чужих адмиралов звездами да лентами награждаем, а своим шиш да кумыш! – делился с лейтенантом Тимашевым, сидя в кают-компании Сытин.

- Мы-то ладно! – вздохнул Тимашев, - А вот трое матросов калеками остались! За что?

Нервно теребя стакан с чаем, Сытин отмолчался.

Утром 5 апреля 1828 года российская эскадра покинула Мальту. «Азов», «Иезекииль», «Александр Невский», «Константин» и «Гремящий» взяли курс к берегам Греции. Время ремонтов закончилось, начиналось время плаваний и новых ратных дел. Вскоре встретили спешащий на Мальту транспорт «Сухум-Кале». Его командиру лейтенанту Никонову Гейден велел подойти к борту «Азова».

- Загрузишься в Валетте продовольствием по самые ноздри и сразу же вслед за нами в Архипелаг! – прокричал он на «Сухум-Кале».

- Вас понял! – поднял вверх левую руку в знак ясности услышанного Никонов. – Прошу «добро» продолжить плавание!

- «Добро»! – махнул ему рупором Гейден.

Только скрылся «Сухум-Кале», а на горизонте уже показался «Ахиллес». Бриг щегольски срезал корму флагмана. На шканцах «Ахиллеса» хорошо была видна однорукая фигура его командира Ивана Бутенева.

- Согласно вашего указания, следую на Мальту в ремонт! – доложил он Гейдену.

Бутеневу также было разрешено продолжить свое плавание.

- Ты только, Иван Петрович, не слишком задерживайся у англичан в гостях, сам понимаешь, что весы политические сейчас шатаются во все стороны!

- Будем работать днем и ночью! – заверил капитан-лейтенант командующего.

А еще через день встретили бриг «Усердие». Этот был уже присоединен к эскадре.

- Эка, наши по всему Средиземному морю нынче шныряют, словно тараканы! – удовлетворенно констатировал Гейден.

- Ежели так и дальше пойдет, то станет скоро море Средиземное морем Русским! – в тон ему добавил Лазарев.

Вечером 8 апреля вдалеке проступили темные очертания Пелопоннесских гор.

- Курс ближе к берегу! – распорядился Гейден. – Пройдем мимо Наварина и Модона!

У Наварина было пустынно. Не было ни турок, ни дозорных союзных судов.

- Да, блокада у нас еще та! – со злостью хмыкнул, стоявший рядом с Гейденом Лазарев. – Тут не то, что мышь проскочит, тут слона провезти можно, никто и не чихнет!

- Это все политика, дорогой Михаил Петрович! – покачал головой Гейден. – А в ней, как известно, каждый лишь для себя, родимого, старается!

Только у Модона были обнаружен французский отряд – линкор, фрегат и бриг. С прибытием к греческим берегам кого-либо из трех командующих союзными эскадрами, он согласно Лондонским договоренностям сразу же вступал в командование всеми союзными силами. Французы, разглядев флаг Гейдена, отсалютовали ему, но как-то уж очень вымученно.

- Нам здесь, кажется, не слишком рады! – обменивались впечатлением офицеры флагманского «Азова».

Недалеко от французского отряда держался и египетский корвет. Это Гейдену весьма не понравилось: что это за блокада, когда блокируемые, по морю шляются?

- Запросите союзников, что тут делают египтяне! – велел вице-адмирал.

Через несколько минут с фрегата «Ифигения» просигналили, что египтянин доставил Ибрагим-паше какие-то депеши и продовольствие.

- Что-то хитрят союзнички! – многозначительно посмотрел на командующего Лазарев.

- Передайте египтянину, чтобы явился ко мне со своей декларацией! – велел Гейден.

В ответ капитан египетского корвета передал, что прибыть к российскому адмиралу отказывается, так как находится под покровительством французского капитана. Это было вопиющим нарушением всех Лондонских договоренностей и личным оскорблением Гейдену!

«Немедленно прибыть!» – повторили сигнал с «Азова», а для пущей убедительности отворили порты верхнего дека.

Поняв, что русские шутить не намерены, египетский корвет подошел к борту «Азова», но в сопровождении французского брига «Воладж». Никакой декларации, оправдывающий нахождение в море у египтянина, разумеется, не оказалось. После этого Гейден подошел к французскому линкору «Тридан».

- Где сейчас де Реньи? – спросил Гейден.

- Отправляйте сейчас же ибрагимовский корвет туда! – велел вице-адмирал. На это капитан «Тридана» Морис сообщил вице-адмиралу, что он имел разговор с Ибрагимом и тот сообщил, что, якобы, желает начать переговоры об очищении Мореи. Что же касается корвета, то он, Морис, обещал Ибрагиму пропустить корвет в Модон.

- Со стороны Ибрагима, это всего лишь очередные увертки, чтобы потянуть время! – махнул рукой Гейден.

- Слева на горизонте парус! – закричали наблюдатели с мачт.

И точно, вдалеке на всех парусах спешил в Модон очередной египетский бриг. Имевшие возможность его перехватить французы, не сделали, однако, к тому даже формальной попытки.

В сердцах Гейден тут же отписал своему французскому коллеге о творимых его подчиненными безобразиях. В конце послания дописал: «В таком случае наша блокада будет совершенно бесполезна и, если так можно выразиться, даже смешна. Я оставлю здесь для крейсерства корабль и бриг с приказанием перехватывать и удалять от берега всякое военное или коммерческое судно с турецким или нейтральным флагом, которое захотело бы войти под каким бы то ни было предлогом в гавани, занятые Ибрагимом...»

В ответном письме де Реньи оправдывался и пытался свалить всю вину на ... австрийцев.

- С таким же успехом они смогли бы свалить вину и на тихоокеанских папуасов! – в сердцах бросил Лазарев, которому Гейден дал почитать ответ своего французского коллеги.

- Поднять сигнал на «Иезекииль» прибыть ко мне командиру! – велел Гейден.

Приехавшему шлюпкой капитан 1 ранга Свинкину, он приказал принимать командование над блокирующим отрядом.

- На посылках при вас оставляю «Усердие». После окончания ремонта на Мальте к вам подойдет еще и фрегат «Кастор». – произвел инструктаж Гейден. – Надеюсь, этого будет достаточно! Задача старая - никого из турок в порты не впускать и оттуда не выпускать! Кто не подчинится, топить! Я же направлюсь в Архипелаг на переговоры с де Риньи и Каподистрией.

После зимнего крейсерства в Архипелаге «Кастор» нуждался хотя бы в небольшом ремонте. У фрегата был расшатан корпус, решетом текли палубы. Деньги на ремонт Гейден выделил, и энергичный капитан 2 ранга Сытин старался, чтобы мальтийские мастера сделали все не только качественно. Но и быстро!

- За быстроту прибавлю из своего кармана, но и качество работ тоже буду проверять самолично! – предложил Иван Сытин мальтийским плотникам.

Мальтийцы ответили согласием. Мастера забежали домой, где попрощались со своими семьями:

- Русские платят очень хорошие деньги, а потому нам лучше ночевать прямо на их судне, чем тратить время на приходы и уходы домой! Зато уж как заработаем, тогда и повеселимся!

Офицеры «Кастора» с жадностью читали все привозимые на остров газеты, в которых печатали все более тревожные слухи о возможной большой европейской войне.

14 апреля на Мальту завернула «Охта». Командир брига Никольский очень спешил.

- Нальюсь свежей водой и сразу ухожу! – сказал он Сытину. – Все решительно утверждают, что война Турции уже объявлена и кто знает, как отнесутся ко всему этому англичане!

Собрав своих офицеров, Иван Сытин объявил:

- В случае попытки захвата фрегата будем взрываться! Другие мнения есть! Других мнений не было.

Одновременно командир «Кастора» еще вдвое увеличил надбавку за скорость работ корабельным мастерам.

Спустя день товарищ лейтенанта Рыкачева сын адмирала лейтенант Джон Кодринготон пригласил пообедать вместе. Там за столом он доверительно показал Рыкачеву перевод русской декларации об открытии военных действий, присланной его отцу из Парижа.

- Сейчас мы ждем указаний относительно вас! - сказал он шепотом. – Уходите. Пока не поздно!

- Спасибо, друг! – крепко пожал руку английского лейтенанта Рыкачев.

Свернув все работы, «Кастор» в ту же ночь покинул Мальту. Бочки с порохом на фрегат закидывали, когда он уже поднимал паруса. Сытин был доволен, почти все ремонтные работы сделать успели, а недоделки можно поправить уже и в море самим. В три дня при попутном ветре добежали до Наварина. Там встретили бриг «Усердие». Капитан-лейтенант Анненков передал Сытину приказ Гейдена: находиться в отряде Свинкина.

- Понял! – ответил Сытин. – А где нынче сам Свинкин!

- Крейсирует на «Иезекииле» у Корона!

- Тогда я иду к нему, может быть есть какие-либо новости!

«Усердие» осталось нести дозор у Наварина, а «Кастор» помчался к Корону. 21 апреля в два часа ночи при полной луне впередсмотрящие с фрегата закричали:

- Направление зюйд-зюйд-ост трехмачтовое судно!

Стоявший вахтенным офицером Рыкачев, велел рассыльному звать наверх Сытина.

- Трубу! – велел командир фрегата, выскочив наверх в ночном халате и тапках.

Протер заспанные глаза, приложил зрительную трубу, повертел, настраивая, окуляр.

- Похоже, что турок! Ложиться на левый галс, прибавить парусов, курс на судно! – приказал он Рыкачеву. – А я пока схожу оденусь, спать, сдается мне, больше сегодня не придется!

Когда капитан 2 ранга Сытин снова поднялся на шканцы, Рыкачев доложил, что преследуемое судно – это корвет, который пытается уйти от преследования.

- Ни дать, ни взять турок! – обрадовался Иван Сытин, и, еще раз поглядев на беглеца, прибавил. – Хош не хош, а от нас не уйдешь! Ставить дополнительные лиселя!

Вскоре дистанция между судами заметно сократилась.

- Предупредительное ядро под нос! – скомандовал Сытин.

Коротко грохнула баковая погонная пушка. Ядро чахлым фонтанчиком легло впереди форштевня беглеца. Предупреждение более чем понятное – лечь в дрейф! На корвете все поняли, как надо. Было видно, как матросы суматошно спускают паруса.

- Чей корвет? – прокричали по-английски с палубы «Кастора», когда фрегат сблизился на голосовую связь.

- Египетский! Идем с ранеными и депешами из Модона в Александрию! – ответили по-французски с корвета.

- Держаться у меня под ветром до рассвета, а там будем с вами разбираться! – велел Сытин.

Однако капитан корвета попытался отвернуть в сторону.

- Последний раз предупреждаю, что мои орудия заряжены! Еще одно ваше неповиновение, и я вынужден буду вас расстрелять! – предупредил Сытин, и, зевнув, повернулся к стоящему рядом Рыкачеву. – Ты, Александр принимай бразды, а я пойду сосну еще маленько. Думаю, теперь наш сосед никуда не денется. Если что, то лупи ему в борт без всяких сантиментов!

- Вас навверх, в этом случае, вызывать? – спросил Рыкачев.

- Если будешь палить, то я и сам услышу! – улыбнулся Сытин. – Ну, я пошел, а тебе покойной вахты!

Утром Иван Сытин вызвал к себе капитана и, выслушав его стенания насчет больных и увечных на борту, приказал следовать за «Кастором». Однако, едва фрегат взял курс к Наварину, как корвет вновь попытался улизнуть. Не получилось! Пристрелочный залп сразу же охладил прыткость египтянина. Теперь он уже безропотно следовал за «Кастором»

Около полудня нашли «Иезекииль». Свинкин вызвал к себе капитана-египтянина. Тот, прибыв, в порыве глупого хвастовства сообщил русскому начальнику, что у них объявлено о войне с Россией!

- В таком случае все предельно упрощается! – пожал плечами Свинкин. - Вы арестованы, как неприятельское судно!

- Но может быть это все только слухи! – поняв, что сглупил, пытался спасти ситуацию египтянин. – У меня воды и провизии всего на четыре дня! Число больных растет с каждым часом!

- В таком случае идите в Модон! – попытался войти в положение плененного капитана Свинкин.

- Нельзя! Голову отрубят! Или в Александрию, или на дно!

27 апреля Свинкин пригласил к себе на «Иезекииль» Сытина и оказавшегося неподалеку греческого антинаварха Сахтури, чтобы вместе окончательно

решить судьбу египетского корвета. Решено было всех пассажиров и часть команды с провизией высадить около ближайшей турецкой крепости, а на борту оставить капитана и полсотни человек команды. Помимо этого, на корвет определить русских офицеров и матросов. Египтянам дали час на раздумье.

Из воспоминаний Александра Рыкачева: «На корвете засвистали, народ высыпал наверх, и поднялся страшный шум. Наконец турецкий флаг пошел вниз, и вместе с ним отдали шкоты и подтянули гитовы – знак безусловной сдачи...»

Прибыв на корвет, наши удивились большому количеству больных.

- Нет ли у вас чумы?

На что получили достойный ответ:

- Мы не знаем, что такое «чума»! Кому Аллах велит умереть – тот умирает, а тот, кому велит жить – живет!

При обыске корвета на нем, помимо всего прочего, оказался гарем капитана во главе с евнухом и семь тысяч ружей. Две женщины оказались гречанками и запросились домой. Там же нашли и девочку, переодетую в мужской костюм. Последнюю, судя по всему, везли кому-то в подарок. И женщин, и девочку отправили к грекам.

Увы, перехват и освобождение будущих невольниц был редким исключением, чем правилом. Десятки тысяч гречанок и греков были вывезены в гаремы и страны Леванта, в пески Магриба и рудники Египта. Обратно из них почти никто уже не вернулся. Такой была плата Эллады за свою свободу.

Корвет, как выяснилось, именовался весьма напыщенно и величаво – «Насаби Сабах», что в переводе с арабского означает «Восточная Звезда». На «Звезду» Сытин посадил призовую команду во главе с лейтенантом Бодиско, которому велел доставить трофей к Поро для представления Гейдену.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ ХОЗЯЕВА МОРЯ

Тем временем Гейден стягивал главные силы российской Средиземноморской эскадры к острову Милос. Там было назначено очередное рандеву с союзниками. Вскоре, помимо «Азова» и «Константина», к острову подтянулся вечно отстающий от эскадры тихоход «Алексаандр Невский», за ним, вернувшийся с Мальты, «Ахиллес», затем «Ревель», «Охта» и, наконец, «Усердие» с донесением от Свинкина. Теперь главные силы российской эскадры были в сборе и вполне готовы к ведению боевых действий.

Поприветствовать российского вице-адмирала, а заодно выведать о его дальнейших планах, пришел из Смирны на своем новом флагмане «Конкеран» и де Реньи.

Гейден принял де Реньи в своем салоне на «Азове». При их разговоре присутствовал и Лазарев. После дежурного обмена любезностями и беседы

на общие темы, адмиралы перешли к делу. Гейден сразу же взял быка за рога и выговорил своему коллеге все, что думал о неприглядных действиях его блокирующего отряда. Де Реньи выслушал своего старшего соратника, в затем огорошил его:

- Пока мы с вами ругаемся из-за какого-то пропущенного брига, англичане вполне официально отдали распоряжение пропускать в Грецию все турецкие и египетские суда с продовольствием, а обратными рейсами вывозить своих инвалидов!

- Но ведь это вопиющее попрание всех пунктов Лондонского соглашения! – изумился Гейден. – К тому же, даю голову на отсечение, обратными рейсами турки будут вывозить не столько увечных янычар, сколько греческих женщин и детей в рабство!

- И, тем не менее! – развел руками де Реньи. – Не буду пророком, если скажу вам свое мнение – курсы наших государств расходятся все больше и больше! Увы, Гейдену и Лазареву пришлось еще раз убедиться в том, что Лондонские договоренности уже откровенно принесены в жертву политическим выгодам каждой из союзнических стран. Еще вчерашние соратники, англичане, французы и русские, с каждым днем, расходились все дальше и дальше друг от друга.

Не задерживаясь у Милоса, де Реньи поспешил вернуться обратно в Смирну, чтобы оттуда наблюдать за передвижением русских и англичан. Гейден тоже торопился, так как хотел обсудить создавшуюся ситуацию с Каподистрией.

- Хочу поговорить с ним не только о делах греческих! – доверительно сообщил Лазареву вице-адмирал. – Ведь Каподистрия все же бывший статс-секретарь министерства иностранных дел России! С кем, как не с ним, советоваться нам по политическим делам!

Первоначально встреча с Каподистрией была намечена в Навплии, но в связи с начавшейся в городе чумой, было решено провести ее прямо в море у острова Идра. Греческий президент прибыл к Идре на нашем фрегате «Елена», но в сопровождении британского линкора «Уорспайт».

- Не отстают от нас союзники, что кошка за мышкой бегают! Куда мы, туда и они! – поведал Лазареву командир «Елены» капитан 2 ранга Епанчин 1-й. – Одно слово - бдят!

Секретности переговоров с Каподистрией Гейден придавал такое большое значение, что президент Греции и российский вице-адмирал встречались на шлюпках в открытом море без лишних свидетелей. Гребцами у Каподистрии были наши матросы с «Елены». Видя все это, капитан «Уорспайта» буквально кипел от злости, но ничего поделать не мог. Тема разговоров так и остались для него тайной.

О чем говорили Гейден и Каподистрия? Никаких свидетельств этого разговора история нам не оставила. Можно лишь предположить, что разговор шел о начавшейся русско-турецкой войне, позиции Греции в этом вопросе, вне всяких сомнений, что Гейден интересовался мнением опытного Каподистрии о возможности начала войны с Англией, скорее всего, просил

президента и оказания помощи в базировании русской Средиземноморской эскадры.

29 апреля наша эскадра взяла курс на Эгину. «Ахиллес» при этом был отправлен на усиление блокадного отряда Свинкина, а «Усердие» ушел сопровождать до Мальты «Ревель», который Гейден решил отправить на Балтику из-за его тихоходности, которая давно уже раздражала вице-адмирала.

В Эгину отбыл и Каподистрия на «Елене» в сопровождении неотлучного «Уорспайта». В порту греческой столицы их уже ждал французский фрегат «Юнона». Французы тоже желали быть в курсе всех событий!

Адмирал Иван Петрович Епанчин

В Эгине Гейден с Каподистрией тоже неоднократно встречались и опять всякий раз в шлюпках и в море, вызывая этим злобу, как англичан, так и французов.

В одной из бесед Гейден затронул тему базирования своей эскадры.

- Вы понимаете, Иван Антонович, что мне позарез нужна своя база. В сложившейся политической обстановке я не могу более базироваться ни на английскую Мальту, ни на французский Тулон. Буду откровенен. Совсем недавно я получил письмо Нессельроде, где он пишет. Что возможно в предстоящей войне с турками нам придется иметь дело с коалицией!

- Вступление на пост премьер-министра Англии герцога Веллингтона в любом случае негативно скажется на положении вашей эскадры! – кивнул Каподистрия. - Вы, кажется, желали ранее получить порт Ауза на Паросе! Что ж, я не возражаю!

- Увы, - развел руками Гейден. – Мне пришлось отказаться от первоначального плана!

- Почему же вы решили отказаться от Ауза, ведь она в свое время уже сослужила хорошую службу русскому флоту? – спросил Каподистрия.

- Порос находится ближе к материковой Греции, чем Парос, вход очень удобен и может быть легко защищен несколькими батареями, кроме всего прочего близость Мореи облегчит нам устройство магазинов и снабжение продовольствием!

- Что ж, ваши аргументы, Логин Петрович, вполне резонны! Я не возражаю против вашего выбора! – кивнул Каподистрия, глядя как совсем рядом у борта шлюпки плавают бесстрашная чайка. – К тому же и мы намерены разместить на Поросе наш скромный флот.

- Надеюсь, что совместное пребывание двух флотов будет взаимовыгодно! – поставил точку в разговоре о новой базе Гейден.

Не теряя времени, командующий начал стягивать к Поросу свои суда.

- Пока враги и союзники опомнятся, мы должны уже занять Порос и укрепиться на нем! – объявил Гейден командирам судов. – А потому ха работу! Мне пока хватает дел политических, поэтому руководство перебазировкой я поручаю контр-адмиралу Лазареву. Все его указания относительно Пороса воспринимайте как мои!

Остров Порос отделен от северо-восточной провинции Мореи Арголиды узким проливом, в котором расположен одноименный городок Порос с гаванью. Из хроники Средиземноморской экспедиции: «Порос есть один из лучших и превосходнейших портов Архипелага, мореходец всегда найдет в нем верное и совершенно безопасное пристанище. Серповидные берега Арголиды и острова Порос, древле Серерия именуемого... образуют рейд его в виде длинного бассейна или озера и защищают от всех ветров и волнения, коего здесь никакие аквилоны производить не могут. Глубина онога умеренная, а грунт ил, свежей воды здесь довольно... Лесу здесь нет... Скота и живности, зелени и фруктов всегда достаточное количество сыскать можно».

Первым в Порос отправился капитан 1 ранга Лука Богданович, принимать начальство над будущим портом. Дел у Богдановича было много: надо было выстроить береговые батареи, казармы, склады, лазарет, создать хотя бы маленькое адмиралтейство и все это на ходу в сжатые сроки и из подручных средств!

Вместе с Богдановичем Гейден отправил и своего сына, поручив ему составить карту острова, лоцию прибрежных вод и провести промеры в проливе и у берега. Дело весьма непростое и ответственное. К чести лейтенанта Гейдена, он справился с поручением отца выше всех похвал.

Пока Лазарев с Богдановичем обустроивали Порос, Гейден пытался усидеть на всех стульях сразу: неукоснительно выполнять параграфы союзнического договора, дружить с греками и не задирать египтян, готовиться к войне с турками и не забывать о возможной драке с англичанами. Достаточно было одного неверного шага, чтобы все разом рухнуло. Выкрутиться из такого круговорота крайне сложно, но выкрутиться было жизненно необходимо! Но

хуже всего было то, что с началом войны Гейдену запрещалось действовать у Дарданелл. Он должен был по-прежнему оберегать греческие берега.

Тем временем к Поросу пришел и трофейный корвет. Лейтенанта Бодиско сослуживцы сразу и не признали. Лицо начальника призовой партии распухло до безобразия.

- Ты, наверное, всю дорогу продрых на коврах турецких! – смеялись офицеры «Азова», куда Бодиско прибыл для доклада.

- Тут поспишь, когда не судно, а прибежище всевозможных гадов! – махнул рукой лейтенант. – Столько крыс, тараканов и клопов я еще в жизни своей не видывал! Спали на палубе и то поочередно. Одни кимарят, а другие живность отгоняют!

Освидетельствовать «Восточную Звезду» Гейден направил комиссию из капитанов. Но и те, едва вступив на палубу египетского корвета, задерживаться долго на трофее не пожелали. По верхней палубе судна крысы сновали тысячами. Едва же спустились в нижние помещения, как на членов высокой комиссии стали гроздьями падать изголодавшиеся клопы. Капитаны поспешили покинуть не слишком гостеприимное судно.

- На египтянине этом, будь он неладен, до холеры с чумой всего один шаг! – доложились они командующему. – Надо сжигать этот клоповоз или вычищать долго и упорно! Сам корвет и всех, кто на нем был, надо сажать в карантин!

- Сжечь всегда успеется! – сощурился хозяйственный Гейден. – Хоть корвет и загажен старыми хозяевами, но нам он сейчас весьма кстати!

Затем вице-адмирал повернулся к своему начальнику штаба.

- Кому мы свободное судно под начало дать хотели, за заслуги и службу ревностную? Бутеневу «Ахиллес» уже даден. Кто после него?

- После него Нахимов! – ответил Лазарев.

- Против Нахимова у меня возражений нет! Кандидатур достойный! Пусть сию звезду восточную сегодня же и принимает! – кивнул Гейден. – Людей мы ему туда наберем, однако вычистить все так, чтобы ни одного гада, и в помине не осталось!

В тот же день лейтенант Бодиско передал корвет капитан-лейтенанту Нахимову.

- Вот ведь, как бывает! – вздохнул, уходя. – Вместо «спасибо» от начальства в карантин на сорок суток!

- Ничего, старина! – похлопал его по плечу Нахимов. – Твое судно еще только строится!

Тогда же Лазарев разрешил Нахимову отобрать к себе на корвет тех, офицеров, кого тот посчитает нужным. При этом начальник штаба эскадры, однако, предупредил:

- Выбирать только из мичманов, потому, как в лейтенантах и на линейных кораблях некомплект!

Весть о наборе офицеров на трофейный корвет мигом облетела эскадру. В желающих недостатка не было. Служить на трофейных судах всегда считалось особо почетным, помимо этого все понимали, что и школа у

опытного Нахимова будет хорошая, кроме того на небольших судах всегда было меньше официоза и больше боевой работы. После недолгих раздумий Нахимов остановил свой выбор на хорошо знакомых ему Константине Истомине, Александре Панфилове, Василии Завойко и Алексее Дмитриеве. О том, насколько удачным был выбор Нахимова, мы можем судить уже потому, что из четырех мичманов трое (то есть все за исключением рано умершего Дмитриева) стали впоследствии полными адмиралами!

Новый командир «Восточной Звезды» начал с того, что сжег все, что только было можно. Безжалостно летели в воду пышные персидские ковры, любимейшее обиталище корветских клопов, груды одежды и всяческого барахла. Затем занялись окуриванием трюмов. И тогда начался крысиный исход. Матросы, сколько могли, убивали их палками на верхней палубе, но куда им! Три тысячи грызунов было уничтожено в этой бойне, но большая часть уцелела. Бесчисленная серая орда кинулась вплавать и достигнув берега, исчезла среди камней.

- То-то местным грекам радости привалило! – посочувствовали наши моряки. Вычищали грязь целую неделю. Только после этого Нахимов занялся детальным осмотром и покраской. Работали все, включая офицеров. А потому буквально через несколько дней корвет было уже не узнать, еще совсем недавно запущенный и грязный он теперь сверкал чистотой. Командующему Нахимов докладывал так:

- На удивление корвет совершенно нов, выстроен из крепкого дуба, в подводной части имеются медные скрепления и, ежели досмотр иметь, то служить будет еще четверть века!

- Хорошо! – кивнул Гейден. – Готовьтесь к церемонии поднятия флага!

3 июня 1829 года на корвете торжественно подняли Андреевский флаг, гюйс и вымпел. В тесной, но уютной кают-компании Нахимов поднял бокал вина:

- Господа! Надеюсь, что каждый из нас сделает все от него зависящее, чтобы наша «Звезда» с честью несла флаг святого Андрея!

В открытом окне плескалась искрящаяся от солнца волна.

- Нам бы дело, какое побойчее дали, а мы уж не подкачаем! – высказался за всех решительный Панфилов.

- Думаю, что при эскадре мы не засидимся! – усмехнулся Нахимов. – Еще так гонять по всему Средиземноморью будут, что не возрадуется!

- Возрадуемся! Возрадуемся! - хором ответили мичманы. – Мы моря не боимся!

- Прошу к столу! – пригласил, назначенный старшим офицером Константин Истомин. – Сегодня на обед любимое блюдо бывшего капитана - шашлык по-карски с зеленью и кипрское вино из старых судовых запасов!

Как и предрекал Нахимов, засидеться на Паросе не пришлось. Уже через пару дней «Восточная звезда» помчалась с секретным пакетом на Мальту. На переходе Нахимов без усталости тренировал свою сборную команду, стараясь как можно быстрее добиться слаженности. От своих мичманов требовал научиться чувствовать судно:

- Думайте о корвете, как о живом существе. Разговаривайте с ним, хвалите его, старайтесь понять, и тогда вы увидите, насколько он будет слушаться каждой вашей команды!

Оставляя за собой пологий след, «Восточная звезда» мчалась на всех парусах. На флагштоке полоскал на ветру российский флаг.

Тогда же Гейден отписал Николаю Первому о захвате весьма ценного трофея. Николай в ответном письме распорядился именовать корвет «Навариным». Известие это на эскадре было воспринято с восторгом. В решении императора все не без оснований увидели высокую оценку их ратных трудов.

Все принятые меры по очистке «Наварина» и установления карантина для его захваченной турецкой команды оказались совершенно не лишними. Как раз в это время в армии Ибрагима в Мореи началась чума. В греческих провинциях, оккупированных египтянами, творилось нечто страшное. Люди умирали тысячами. В иных селениях вымирали все до единого. Ужас неизбежного охватил всех и турок, и греков.

В освобожденных районах борьбу с чумой возглавил лично Каподистрия (сам врач по образованию). Кордоны и карантин, окуривание и налаживание лечения – этим президент Греции занимался с утра до ночи. Принятые им чрезвычайные меры помогли быстро справиться с моровым поветрием.

Заставила чума поволноваться и наших моряков. Внезапно начали заболеть матросы на дозорном «Касторе». Вначале слег один, потом другой, третий... Спустя несколько дней двое матросов умерли. Сытин испугался не на шутку, а вдруг это зараза с захваченного корвета! Доложил Гейдену, тот сразу же велел командирам кораблей принимать экстренные меры. На берегу Лука Богданович срочно выстроил большой карантин, велел выбелить его известкой. Вокруг карантина поставили караул, беспрестанно палили для окуривания костры. «Кастор» немедленно отозвали с позиции. Фрегат поставили на якорь у берега, а команду отправили высиживать свой 40-суточный срок. В карантине сослуживцев уже приветствовал тамошний старожил лейтенант Бодиско.

- С прибытием вас в наши Палестины, Иван Семенович! – располагайтесь как дома! Теперь будем вместе микстурами давиться и дымком окуриваться!

- Тьфу на тебя! Нашел время шутки шутить! – только и отмахнулся расстроенный Сытин. – Так в четырех стенах всю войну и просидим! Будь неладен этот египтянин!

Однако все обошлось, и тревога оказалась ложной. Никакой чумы на российской эскадре не оказалось.

Один месяц сменял другой, но никакой надежды изгнать Ибрагим-пашу из Греции, по-прежнему, не было. Ситуация складывалась тупиковая и Гейден предложил адмиралам-союзникам еще раз припугнуть турок и египтян повторением Наварина. Союзники отреагировали на предложение российского командующего кисло. Оба сослались на отсутствие соответствующих бумаг.

Наконец, несколько зашевелились и в столицах. В Лондоне премьер-министр герцог Веллингтон был категоричен:

- Я против военного решения греческой проблемы! Султан, несмотря ни на что, наш стратегический союзник против имперских амбиций России, а потому мы должны их беречь на черный день!

К удивлению всех, французский король Карл X решил быть воинственным.

- Я разделяю позицию англичан! – высказался он на заседании правительства, - Однако, я не против, если бы наша армия помогла Каподистрии вышвырнуть турок из Греции. Пора напомнить Европе о славе французского оружия! Я решил отправить в Морею экспедиционный корпус наших ветеранов!

Речь короля утонула в аплодисментах.

Что касается Лондона, то он отреагировал на французскую инициативу нервно. Веллингтон был лаконичен:

- Лягушатники снова обрели прыть, мало я их лупил!

Зато в Петербурге, в преддверии возможной войны с Турцией, речь короля Карла была воспринята как маленькая, но победа.

- Я всегда заявлял и заявляю сейчас, что решение греческого вопроса обязательно войдет в условия нашего будущего мирного договора с Турцией.

– заявил император Николай. – Правда, эскадра Гейдена сейчас лишена былой инициативы, и не может в полную силу помогать грекам, однако, демарш французов вновь ослабил английские поводы, и мы можем делать свое дело!

Ввиду последних заявлений в Петербурге всерьез рассматривали вопрос о возможности выступления вместе с Францией против Англии. Однако Николай Первый положился во многом сведена на нет свехосторожностью министра иностранных дел Нессельроде. В письме Гейдену министр советовал ему ни с кем не ссориться, и всеми силами избегать каких-либо споров. Он писал: «Государь предписывает вам не раздроблять слишком силы вверенной вам эскадры, и заботиться, чтобы расположение общего плана блокады и крейсерства не отнимало у вас средства начальником греческого правительства... Достаточен ли будет самый неприступный порт Архипелага для обеспечения... эскадры от враждебных действий сильнейшего флота и не заставит ли вас недостаток в средствах к продовольствию и истощению военных снарядов удалиться в один из французских портов Средиземноморья".

Тем временем не терял времени и воинственный Ибрагим. Он стянул свои войска в треугольник крепостей в Мессении, где основательно укрепился. 30-тысячная армия засела в нескольких долинах, окруженная со всех сторон

повстанцами. Голодные воины ели конину и мулов. Взбунтовались озлобленные отсутствием «бакшиша» албанцы. Через голову египтян они попытались договориться с греками о своем пропуске на родину. Греки не возражали. Но Ибрагим воспрепятствовал уходу албанских банд.

- Рассейтесь, как саранча по всей Греции – жгите, режьте неверных и обогащайтесь! – внушал он алчным албанским предводителям. – Зачем вам возвращаться домой нищими, когда вы можете вернуться богачами!

Албанские вожди терялись в сомнениях, что им делать: удирать, пока не поздно, восвояси, или еще немного пограбить?

Чтобы поднять дух войска, Ибрагим разрешил своим воинам все, вплоть до массовой резни местных жителей. Союзникам он грозил через парламентариев:

- Я разорю Грецию так, что тысячу лет здесь будет мертвая пустыня!

На это Кодрингтон ответил нотой и объявил об усилении блокады.

- Передайте на словах, что если Ибрагим будет, продолжать разбойничать, то это отразится на участи не толь его армии, но и его лично! – напутствовал он адъютанта-курьера перед поездкой в ставку Ибрагим-паши.

Найти египетского пашу оказалось не просто. Боясь чумы, он перебрался на бриг, который бросил якорь посреди Наваринской бухте. Оттуда Ибрагим грозил союзникам новыми разорениями, требуя пропустить к нему транспорты с боеприпасами и продовольствием.

- Я готов оставить Грецию, но только в том случае, если вместо меня сюда придет турецкая армия! – выставил он новое условие.

- Кажется, Ибрагим совсем потерял голову! – передернул плечами Кодрингтон, получив ответ дерзкого египтянина. – Жаль, что он так быстро забыл наваринский урок. Не мешало бы еще раз напомнить!

Британскому вице-адмиралу в те дни было нелегко. Он уже знал, что дни пребывания его на Средиземном море сочтены. С Гейденом Кодрингтон был откровенен:

- Скоро вам, дорогой друг, придется бороться с нашими врагами в одиночку, так как я калиф на час! К тому же и отношения наших держав ухудшаются день ото дня. Герцог Веллингтон так боится Россию, что, кажется, потерял от страха голову. Единственно, чем я могу вам еще помочь – это приказом своей эскадре не вмешиваться в ваши бои с турками. Пока я уеду, пока прибудет новый командующий, вы, в случае начала войны с султаном, получите некоторое время для решения своих дел. Больше, увы, я ничего уже не могу!

- Спасибо и на том! – расстроено вздохнул Гейден, полагавший до этого момента, что все слухи о возможном увольнении Кодринготона лишь обычные сплетни. – Жалко в Лондоне не понимают, что ваш уход - это удар, прежде всего, по престижу самой Англии.

- Со мной было уже все кончено после Наварина! – усмехнулся англичанин. – Самостоятельных политических решений у нас не прощают!

- Что вы намерены делать сейчас? – поменял неприятную обоим тему разговора Гейден.

- Думаю, что вы у греческих берегов справитесь и без меня. Я же намерен блокировать Александрию. Пусть не только у сына, но и у его папаши поболит голова! Попробую договориться с Мехмет-Али-пашой об уходе Ибрагима из Греции! – честно поведал о своих планах Кодрингтон.

В эти дни флотилия греческих судов под флагом адмирала Мауилиса настигла у мыса Баба острова Митилин турецкий корвет с фрегатом.

- Атакуем! – был предельно лаконичен греческий адмирал.

В ходе ожесточенного артиллерийского боя греки заставили турок выброситься на мель. Остатки турецких команд в ужасе разбежались в горы.

Мауилис собрал своих матросов:

- Мы еще только начали выметать турецкий мусор с наших морей и не успокоимся, пока не вычистим все до конца!

- Зито! Зито! Зито! – кричали в ответ пропахшие порохом мореходы.

В июле Ибрагим-паша все же согласился встретиться с союзниками. Встреча прошла на берегу моря под Модоном. От российской стороны на ней участвовал Гейден, от французов де Риньи, от англичан командор Кэмбл. Была она не продолжительной. Ибрагим старался сохранить лицо. На требование союзников эвакуировать армию в Египет, он ответил, поглядывая свысока:

- Я покину Морею только по велению моего отца и только на своих судах! Пленных греков я верну. Но только после убития своих войск!

- Сколько же мы возимся с этим треклятым Ибрагимкой! - зло выругался Гейден, вернувшись на флагманский «Азов». – А ведь для приведения его в чувство хватило бы всего одной нашей дивизии!

Так ничего не добившись, союзнические начальники отправились в Зант, где их уже ждал Каподистрия. Сообща было решено блокаду продолжать!

У Мореи в то время крейсировали линейный корабль «Александр Невский», фрегат «Константин» и бриги «Усердие» с «Ахиллесом», подменявшие друг друга на посылках. Снабжением блокадного отряда занимался транспорт «Пример» неутомимого лейтенанта Морского. Во время очередного прихода с него стали сгружать свежие хлебные караваи.

- Откуда это? – вопрошали пораженные видом свежего хлеба офицеры и матросы.

- Это из нашей пекарни на острове Сира! Мука тоже наша – российская! – отвечал им Федор Морской. – Теперь все время снабжать вас калачами будем!

Неподалеку от наших держалась и французская эскадра. После воинственного заявления своего короля, де Риньи старался показать боевитость.

Тем временем Кодрингтон во главе англо-французской эскадры в восемь вымпелов подошел к Александрии.

- Провести пушечное учение! – объявил вице-адмирал, едва корабли бросили якоря в мутную илистую воду. – И чтобы шума больше!

Грохот корабельных пушек возымел свое действие и спустя неделю Мехмет-Али-паша подписал договор о вывозе армии из Греции.

- Давно бы так! Все же самый лучший аргумент – это пушки! – сказал командиру флагманской «Азии» Вайнесу Кодрингтон. – А то ведь могли до окончания века перепиской дипломатической заниматься!

Согласно договора, правитель Египта обязывался в короткий срок отправить в Наварин все наличные суда для вывоза войск. Для того, чтобы не гонять суда порожняком, их загрузили продовольствием для армии Ибрагима. Англичане и французы должны были конвоировать караван.

- А для чего, сэр, мы будем конвоировать Ибрагима? – поинтересовался у командующего командир «Азии».

- Я обещал Гейдену, что привезу армию Ибрагима именно в Египет, чтобы турки не смогли использовать ее на русском фронте!

- А какое нам дело до русских? – искренне удивился капитан Вайнес. – Если Ибрагим пожелает напасть на них, то пусть сами и расхлебывают свой суп!

- Нам до всего есть дело, ведь на то мы и союзники! – холодно смерил глазами своего флаг-капитана Кодрингтон и, не попрощавшись, покинул шканцы.

Одновременно Гейден получил конфиденциальное послание нашего посла в Лондоне князя Ливена, который писал о желании британского кабинета: «... Чтобы русский флот в Средиземном море приостановил свое военные действия против турецких сил и продолжал бы действовать по инструкциям, составленным в марте...» В связи с этим Ливен советовал Гейдену быть как можно осторожнее.

Было совершенно очевидно, что снятие Кодрингтона и лишения нашей эскадры права воюющей – звенья одной цепи. Цель премьер-министра Веллингтона тоже была очевидна – низвести роль нашей эскадры до роли простого наблюдателя за происходящими событиями.

Но и Гейден был не лыком шит. Посоветовавшись со своим начальником штаба Лазаревым, он заявил:

- Черта с два они нас прищучат! Помяните мое слово, Михаил Петрович, мы им еще рога наставим!

17 августа 1828 года в Коринфский залив вошла французская эскадра под командованием де Риньи. Вместе с ней семьдесят транспортов, забитых солдатами экспедиционного корпуса. Во главе корпуса Николая Жозеф Мезон. Бывший санкюлот революции, адъютант маршала Бернадота, герой Аустерлице и Бородино, чудом спасшийся от казаков при Березине, он ныне состоял в любимцах короля. За греческую кампанию Карл X обещал Мезону маршальский жезл. Вице-адмиралу де Риньи генерал при встрече заявил:

- Для начала я погляжу, чем закончится возня вокруг эвакуации из Наварина. Если там ничего не выйдет, предложу египтянам капитуляцию, а потом сотру всех в порошок!

Солдат шлюпками свозили на берег. Рядовые были мальчишками уже королевского набора, зато капралы и офицеры сплошь ветераны наполеоновских кампаний. Седые полковники, куря обкусанные трубки, посмеивались:

- Посмотрим, научились ли драться наши мамелюки после последней бойни при пирамидах!

Подражая «маленькому капралу», Мезон торжественно выезжал перед строившимися батальонами и кричал:

- Посмотрите на небо! Над нами солнце Аустерлица! Это солнце нашей будущей победы!

Солдаты воодушевлено кричали «виват король», капралы и полковники лишь посмеивались.

Тем временем египетский караван в сопровождении кораблей Кодрингтона подошел к Наварину. Там его уже встречал Гейден. Русская и английская эскадры вошли в знакомую им бухту. На сей раз, она была пустынна. Лишь кое-где у берега еще чернели сгоревшие остовы турецких судов. Одновременно в Наварин прибыли и три союзнических посла в Турции: англичанин Каннинг, француз Гильемино и наш Рибопьер, пожелавшие присутствовать на переговорах. Спустя день примчался опоздавший де Риньи. Ибрагим-паша согласился на встречу с адмиралами беспрекословно. Кодрингтон показал Ибрагиму договор, заключенный в Александрии с его отцом. Паша сразу же начал вздыхать:

- У меня не хватит судов для отправки всей армии!

Адмиралы переглянулись. Оба уже знали, что Ибрагим ведет тайные переговоры с австрийцами о переброске ему с материка боеприпасов и фуража в район острова Патрас. Туда же он в ближайшее время решил перебросить свою поредевшую армию (албанская вольница к этому времени уже ушла домой), чтобы затем перебраться в континентальную Грецию, где союзникам его уже было не достать.

- Если вы не выполняете указаний своего же отца, я вынужден прекратить выгрузку продовольствия! – объявили дружно адмиралы.

Обиженный Ибрагим покинул совещание молча.

Через два дня заместитель Ибрагима Баки-эфенди подписал договор об эвакуации египетской армии из Мореи. При посадке египтян на суда должны были присутствовать офицеры союзного флота, чтобы практичные ибрагимовцы не вывезли с собою пленников и пленниц.

Как и ожидалось, едва началась погрузка египетских войск, как сразу же начали выявлять греческих женщин и детей, которых египетские вояки пытались увезти в рабство.

Внезапно Ибрагим потребовал новой встречи с адмиралами. Как оказалось, паша был напуган маршем корпуса Мезона к Модону.

- Я готов ускорить вывоз войска, но пусть французы остановятся! - умолял он.

- Мы согласны! – подумав, решили адмиралы и послали соответствующее указание Мезону.

- Тот, прочитав бумагу, расстроился:

- Кажется, мое солнце Аустерлица закатилось!

Но полки все же остановил.

Как здорово было в те дни в Наваринской бухте! Вот стоят на якорях русская эскадра: «Азов» и «Александр Невский», подле них корвет и два брига. Рядом англичане. Флаг Кодрингтона, как и в день битвы развевался на «Азии». Неподалеку французы. У берега египетский линейный корабль, фрегаты и транспорта. 84-пушечный линкор тоже старый знакомец, прозванный нашими остроумцами «наваринским героем». Это он после сражения дрейфовал к берегу, пока англичане не подрубили на нем мачты. В дальнем углу недобро затаился австрийский бриг, на который, впрочем, никто не обращал никакого внимания – много чести!

Старые наваринские знакомые ездили друг другу в гости. Вечерами в кают-компаниях, как и в былые победные дни, звучали тосты за наваринское братство, за взаимопомощь и дружбу. На «Азии» старых соратников Гейдена, Лазарева и де Риньи принимал Кодрингтон, увы, в последний раз...

Поход в Александрию и эвакуация египтян из Наварина стали последним победным делом вице-адмирала на Средиземном море. 12 июня 1928 года пришло печальное, хотя и давно ожидаемое, известие о смещении Кодрингтона с должности командующего Средиземноморской эскадрой. Вместо сэра Эдварда британское адмиралтейство назначило более управляемого и послушного вице-адмирала Поултнея Малькольма.

Спустя неделю амбаркация египетского воинства была закончена. 23 сентября печальный Ибрагим вместе с многочисленным гаремом погрузился на бриг «Крокодил» и, в сопровождении английского фрегата «Блонд», отбыл в родные пенаты. Все! Отныне Греция была совершенно свободной! Пустые турецкие крепости одна за другой сдавались Мезону без боя: Модон, Корон, Патрас...

- Какие победы! Какой успех! Слава Франции снова на недосягаемой высоте! – был в восторге, читая надуманные донесения из Греции, король Карл Десятый и тут же велел выслать в ответ Мезону обещанный маршальский жезл.

- При Наполеоне маршальские жезлы получали за победы, а при Карле за прогулки! – иронизировали в те дни парижане.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТУРЕЦКИЙ ЭНДШПИЛЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОССИЯ ПРИНИМАЕТ ВЫЗОВ

На робкие возражения ближайшего окружения о несвоевременности большой войны, султан Махмуд отвечал с презрением:

- Полтора года назад я вырезал всех янычар и создал войско нового порядка – «низам-джедид»! Я построил его по образцу и подобию армии франков, но в сердце каждого моего воина горит огонь любви к Аллаху, а потому мой «низам-джедид» непобедим! Минуло время былых янычарских вольниц. Теперь железное войско, ведомое моей железной рукой, способно покорить весь мир! У меня восемьдесят тысяч храбрецов, а через несколько месяцев будет еще дважды по столько! Неужели мы должны по-прежнему сносить унижения гяуров! Неужели мы не в силах защитить свои данные Аллахом владения! Это будет война за веру, и продолжаться она будет до Страшного суда! Может кто-то в этом сомневается?

Сомневающихся больше не было.

- Ты, как всегда, прав, господин! Да будет весь мир осенен светочем твоего разума! – попадали на колени члены султанского дивана. – Веди нас к сияющим высотам славы османского оружия!

20 декабря 1827 года султан Махмуд Второй обратился к своим подданным с фирманом.

- Слушайте, о, правоверные и не говорите, что не слышали! – кричали, срывая голоса, в городах и селениях сотни глашатаев. - Сегодня московский царь грозит смертью любому, кто верит в Аллаха! Сегодня московский царь организовал восстание неверных в Греции и разбойничьи утопил наш флот! Московский царь мечтает разрушить наши мечети, и вместо них построить свои храмы! Московский царь спит и видит себя в Истамбуле, а вас своими данниками! Великий падишах призывает вас к джихаду! Соединим сердца и души и сокрушим мечом всех, кто встанет на нашем пути! Смерть гяурам! Что вы на все это скажите, правоверные?

- Пусть наш падишах ведет нас! – кричали все от мала до велика.

В Константинополе на площадь вынесли великую реликвию османов – санджак-шериф – священное знамя Магомета.

- Я сам возьму в руки священное знамя и поскачу на нем прямо в Россию, а за мной несокрушимым потоком потечет туда поток правоверных. Мы захлестнем страну неверных и установим там новый порядок! – громко возвещал при стечении народа султан

- Война! Война! Смерть неверным! Смерть москвитам! – кричали в исступлении по всем пашалыкам. – Не дадим наших святынь на поругание! Да здравствует джихад! Да здравствует священная война!

Сераскиром всех турецких войск на Дунае был назначен Гуссейн-Ага-паша, отличившийся в свое время в истреблении янычар. А командующим Дунайской флотилией в 110 боевых вымпелов определен албанец Меримиран-Ибрагим с рангом двухбунчужного паши. Комендантам дунайских крепостей было велено защищаться от русских до последней крайности под угрозой истребления всего рода.

Помимо новых регулярных полков-бимбашей, по всей Турции спешно созывались волонтеры. Их гордо именовали «корпусом народного восстания». Всем собравшимся с самого начала было объявлено, что колы войны грядет священная, то ни о каких деньгах от султана не может быть и речи.

- А как же кормиться нашим семьям? – недоуменно вопрошали ополченцы.

- Убейте как можно больше гяуров и оберите их до последней нитки – этим вы окажете не только услугу Аллаху, но и обогатитесь сами. Россия очень богатая страна! – отвечали им начальники со знанием дела.

Прекрасно зная о воинственных настроениях в Константинополе, Николай Первый, как мог, тянул с ответными мерами. Причина для этого у него была веская – война с Персией в Закавказье.

Однако вскоре под ударами армии генерала Паскевича, Персия запросила мира. 10 февраля Россия подписала с ней Туркманчайский договор. Теперь руки были развязаны. Николай Первый тут же вызвал к себе министра иностранных дел Ниссельроде:

- Избавившись от персидской занозы, мы можем теперь заняться занозой турецкой! Отправьте в Лондон князю Ливену ноту, для передачи британскому кабинету, о том, что отныне Россия будет действовать против турок, независимо от хода переговоров по греческим делам!

Составленная нота гласила следующее: «В виду явной враждебности Порты и принятых ею мер, наносящих значительный вред русской торговле и явно грозивших России военными действиями, Императорское правительство принуждено будет отвечать на войну войной».

14 февраля 1828 года император Николай обнародовал манифест о войне с Турцией. В нем он во всеуслышание объявил, что при этом Россия не будет делать никаких территориальных приобретений, и не будет стремиться к полному уничтожению Порты.

Обстановка в Европе была не слишком благоприятной для новой большой войны. Австрия, а за ней и недавний союзник Англия заняли откровенно враждебную позицию по отношению войны России с Турцией. Тревожной была обстановка в Польше, где местные радикалы подстрекали народ к отделению от России, но не сами по себе, а в купе с литовскими, белорусскими и украинскими землями. Посему на европейском направлении надлежало иметь мощную армию. Для войны с турками оставалась лишь Южная армия генерала Витгенштейна (три пехотных и кавалерийский корпуса) да отдельный Кавказский корпус Паскевича. Помимо этих сил Николай решил отправить на Дунай еще и гвардейский корпус.

- Пусть проветрятся от масонской заразы! – сказал он, памятуя о недавнем декабристском мятеже. – От ядер и пуль просветление в мозгах наступает исключительно быстро!

Когда из штаба Южной армии запросили Петербург о плане войны и конечной цели, им ответили кратко:

- Конечная цель предстоящей кампании – Константинополь!

В преддверие очередной войны с Турцией в Петербурге обеспокоились усилением Средиземноморской эскадры. Было очевидно, что осуществлять блокаду Греции и вести боевые действия против турецкого флота на Средиземном море Гейдену просто не под силу.

- Сколько у нас в строю новых кораблей и фрегатов? – строго спросил у морского министра Николай Первый.

- Четыре линкора и три фрегата! – ответил Моллер, еще не понимая, куда клонит император.

- Немедленно готовьте их всех к отправке на Средиземное море!

- Но, что же тогда у нас останется на Балтике? – поднял на императора непонимающие глаза адмирал.

- Как-нибудь обойдемся. Кроме того, вот-вот еще пять на воду спустим! И предоставь мне список всех наших адмиралов. Я сам отберу кандидата в начальники на Средиземноморскую эскадру!

Балтийский флот в кампанию 1828 года было велено возглавить адмиралу Дмитрию Сенявину. Болезни и немочи уже одолевали ветерана славного екатерининского века, но он еще крепился.

- Вот еще одну последнюю кампанию оттрублю и на покой! – увещевал он супругу.

- Сколько их было уже этих твоих последних кампаний! – безнадежно махала рукой Роза Львовна. - Уж лучше бы помолчал!

Внимательно ознакомившись с послужными списками двух полных адмиралов, пяти вице-адмиралов и семи контр-адмиралов, император начертал: «Послать контр-адмирала Рикорда».

Решение императора вызвало некоторое удивление. Спору нет, контр-адмирал Рикорд был опытным мореплавателем, но на тот момент в русском флоте имелось немало не менее достойных флотоводцев, уже вписавших немало золотых страниц в боевую историю флота. Однако выбор был сделан. На флоте Петр Иванович Рикорд был известен, прежде всего, тем, что во время кругосветного плавания на шлюпе «Диана», он заменил попавшего в плен к японцам капитан-лейтенанта Василия Головнина. В течение последующих двух лет Рикорд не только успешно командовал судном, но и сделал все возможное для освобождения своего командира. Выходец из шотландских аристократов, Рикорд отличался выдержанным характером и основательным знанием морского дела.

1.

Пётр Иванович Рикорд

И вот теперь Рикорду вменялось в обязанность довести эскадру до Средиземного моря, там сдать ее Гейдену и привести обратно на Балтику несколько негодных гейденовских судов. При этом обернуться в обе стороны Рикорд должен был до наступления заморозков.

В состав идущей на помощь Гейдену эскадры были включены линейные корабли: 84-пушечный «Фершампенуаз», 74-пушечные «Царь Константин» и «Князь Владимир», 64-пушечный «Эммануил», а также 44-пушечные архангелогородские фрегаты: «Мария», «Ольга» и «Александра», которые флотские остряки ехидно именовали «архангельским гаремом». Помимо этого, несколько позднее предполагалось присоединить к эскадре спешно достаивавшиеся на Охтенской верфи линейный корабль, фрегат и два брига. В Кронштадте в те дни творилось нечто невообразимое. Все гавани были утыканы частоколом мачт, по улицам туда-сюда сновали толпы матросов и мастеровых. Вот комендоры с практической эскадры Сенявина спешат в артиллерийские магазины за порохами, а вот уже марсовые с эскадры Рикорда бояться не поспеть в такелажную мастерскую за новыми реями. В дальнем углу гавани тоже визжат пилы и стучат топоры, то снаряжается в новое кругосветное плавание шлюп «Короткий».

Не дожидаясь ухода Рикорда, Николай Первый в конце апреля покинул столицу и поспешил на юг, где вот-вот должна была начаться переправа Южной армии через Дунай. Вместе с ним отправился туда, и только что назначенный начальником Главного морского штаба князь Меншиков. Покидая адмиралтейство, Меншиков собрал вокруг себя чиновников и сказал им так:

- Еду на Черноморский флот, чтобы привести в чувство одичавших черноморцев, а главное - пробудить от долгого сна их вождя – Грейга!

21 мая корабли Балтийского флота стали вытягиваться из кронштадтских гаваней и бросать якоря на рейдах. Флаг главнокомандующего флотом

Сенявин поднял на «Святом Андрее». Контр-адмиральский флаг Рикорда развевался на «Царе Константине».

Проводив корабли в море, министр Моллер посчитал на этом свою миссию выполненной и немедленно ушел в отпуск «для исправления расстроенного здоровья».

- Война войной, а о себе думать тоже надобно! – сказал он домашним. – А если чего и случится, то адмирал Сенявин на месте, вот пусть делами и занимается!

Сенявин, узнав, об отпуске Моллера, только обрадовался:

- Теперь хоть никто пакостить не будет, и все дела можно будет решать, как должно!

Между двумя адмиралами существовала старая неприязнь, бравшая начало со времен возвращения Сенявина в Россию из английского плена. Тогда не без интриг братьев Моллеров, он был отправлен в многолетнюю отставку.

15 июня флот наконец-то вступил под паруса. Соединенное плавание кораблей до Зунда было беспокойным. Все время кто-то терялся, садился на мель и отставал. Сказывалось многолетнее прозябание на берегу. В Зунде адмиралы расстались. Сенявин с частью кораблей повернул обратно в Финский залив, а Рикорд с остальными продолжил повеленное ему плавание. На кораблях Средиземноморской эскадры били барабаны и читали приказ контр-адмирала:

- Главной нашей целью является борьба с турецким флотом, потому необходимо быть в готовности к немедленному бою ежеминутно! Преумножим подвиги наших отцов при Чесме, Дамьетте и Патрасе! Ура! Ура! Ура!

Дальнейшее плавание было тоже весьма драматичным. Из-за неблагоприятных ветров переход по Северному морю до Ла-Манша затянулся почти на месяц. Затем корабли, по вине английского лоцмана, снесло на песчаную банку. Часть поврежденных кораблей завернула для ремонта в Англию. В Бискайском заливе корабли сразу же попали в жесточайший шторм. К Гибралтару подходили уже, откачивая воду из трюмов.

Не успела еще Вторая Средиземноморская эскадра достичь цели своего похода, а в Кронштадте уже готовили к походу следующую Третью эскадру. В ее состав должен был войти линкор «Михаил», фрегат «Княгиня Лович» и бриги «Улисс» с «Телемаком». Командовать ею было поручено капитану 1 ранга Игнатьеву. За плечами его была средиземноморская сенявинская кампания и кругосветный вояж до Берингова пролива.

Пока Вторая, а за ней и Третья эскадры добирались до Средиземного моря, планы высокого начальства относительно их использования серьезно поменялись. Война с Турцией явно затягивалась. Осада придунайских крепостей шла крайне медленно. Было очевидно, что за одну кампанию противника не сломить. Министр иностранных дел Нессельроде писал вице-адмиралу Гейдену: «Может... случиться, что упрямство султана продлит его

борьбу с нами... В таком случае необходимо будет направить достаточные морские силы к Дарданеллам...»

Боевые действия начались на Дунайском театре в апреле 1828 года. Русская армия действовала стремительно. Передовой отряд донских казаков подполковника Золотарева дерзким наскоком занял столицу Малой Валахии Крайову. Там донцы внезапно для себя столкнулись с местными запорожцами, предки которых в свое время переметнулись под турецкую длань, основав Дунайскую Сечь.

Две казачьи лавы, уже готовы были кинуться друг на друга, однако, в самый последний момент донцы и запорожцы опустили пики.

Придерживая коней, казаки настороженно смотрели друг на друга. Когда-то братья по оружию, теперь они должны были воевать друг против друга.

- Я подполковник всевеликого войска Донского! – выехал вперед Золотарев.
– Кто тут у вас будет за атамана?

- Я кошевой атаман Запорожской Сечи и двухбунчужный паша Иосиф Головатый! – подъехал к нему дюжий казак с отвислыми усами.

- Драться будем или как? – бросив в ножны шашку, спросил донской подполковник.

- Мы с хлопцами на кругу порешили идти всем кошем под руку московского царя! – махнул рукой теперь уже бывший двухбунчужный паша. – Нет у нас другого пути, как вместе с Россией!

- Любо! Любо! – раздалось со всех сторон.

Перейдя границу России, запорожцы расположились в Измаильском карантине, где и присягнули на верность Николаю Первому. Император, прибывший к этому времени в действующую армию, тут же наградил Головатого медалью со своим изображением.

- Я знаю, что вы за люди. Верю, что поступок твой искренен! – спросил, пытливо в глаза глядя. – Бог вас простит, отчизна прощает, и я прощаю!

- Клянусь на кресте православном от имени всего запорожского коша верой и правдой служить нашей единой неньки России на веки вечные! – отвечал Гладкий, осеняя себя крестным знамением.

Тем временем 3-й армейский корпус форсировал Дунай у местечка Сатуново, что расположилось напротив правобережной турецкой крепости Исакчи. Всего три года назад по планам заговорщика декабриста Павла Пестеля именно 3-й корпус Южной армии должен был возглавить поход мятежных войск на Москву. Теперь командиру корпуса генералу Рудзевичу (самым непосредственным образом замешанному в подготовке декабристского восстания!), офицерам и солдатам корпуса предстояло реабилитироваться за прошлые прегрешения.

Корпус переправлялся под огнем, засевших на противоположном берегу турок. Первыми под прикрытием пушек переплыла реку егерская бригада. Канонерки Дунайской флотилии под командой капитана 2 ранга Патаниоти

поддержали переправу войск яростной пальбой. Турки лупили по отважным канонеркам нещадно, но те стойко выдерживали огонь, отвлекая неприятеля от переполненных людьми плотов и лодок. Ядром задело в руку командира флотилии, но тяжело раненный Патаниоти наотрез отказался передать команду своему помощнику.

- Мало ли чего в драке не случается, не стоит на каждую царапину обращать внимания!

Из-за большого разлива, Дунай был в том году чрезвычайно широк. Переправочных средств не хватало, но выручили запорожцы атамана Гладкого. На своих лодках казаки, незаметно для турок, перевезли через реку егерей, а затем и два пехотных полка во главе с самим генералом Рудзевичем.

- Слава Богу, уже на земле! – радовались солдаты, на берег с лодок выпрыгивая. – Теперь-то, твердо на ногах стоя, мы любого скovyрнем!

И ведь скovyрнули! Храбрецы егеря штыками проложили себе путь вперед и захватили прибрежные редуты предмостные укрепления Исакчи. Вместе с егерями отважно дрались и «неверные запорожцы», проживавшие на дунайских берегах со времен императрицы Екатерины. Ныне потомки беглецов присягнули на верность России и теперь на деле доказывали свою преданность.

Александр Яковлевич Рудзевич

Едва заняли плацдарм, началась переправа первой пехотной дивизии. Генерал Рудзевич торопил:

- Быстрее! Быстрее, пока турки не опомнились!

Успели! Когда турецкий паша понял всю опасность случившегося и начал бешеные контратаки, его уже ждала достойная встреча. Только что переправившийся Алексопольский пехотный полк уже атаковал сам с развернутыми знаменами! Потеряв в бесславном наскоке несколько тысяч человек, турки отхлынули. После этого через Дунай навели понтонный мост, по которому перешел реку уже весь корпус.

Последние три года в здешних местах свирепствовала засуха, налетала саранча. Поэтому надеяться наши солдаты могли теперь только на себя. За каждым полком по дорогам тянулись хлебные обозы. Везли все, вплоть до ручных мельниц. Каждый полк имел и по особой пароконной повозке с огромной бочкой спирта.

- Для дезинфекции! – утверждали полковые лекари.

- Для благости душевной! – говорили солдаты.

Пока два ударных корпуса, сметая все на своем пути, продвигались вперед, третий приступил к осаде крепости Браилов. Находясь на левом берегу, эта крепость контролировала все среднее течение Дуная. Браилов – орех не из легких: девять бастионов, 10-тысячный гарнизон, почти триста пушек. Крепость была стратегически важна, так как перекрывала Дунай и препятствовала снабжению армии из Молдавии. Все прошлые русско-турецкие войны неизменно начинались с осады Браилова, который всегда неизменно капитулировал перед русским штыком. Но с тех пор турки постарались отстроить укрепления крепости по последнему слову европейской фортификации.

Осадный корпус насчитывал всего 18 тысяч солдат и сотню орудий. Этой малости было явно недостаточно для штурма приграничной твердыни.

Тем временем, запершиеся в Исакче, Гассан и Эюб-паши с пятнадцатью тысячами воинов изъявили желание сдаться на капитуляцию. Со скрипом открылись крепостные ворота, и оба паши вышли из них, неся по стародавнему обычаю на шелковых подушках городские ключи. Затем в крепость с распущенными знаменами и барабанным боем вошел Муромский пехотный полк. Над цитаделью взвился российский флаг.

- Идите, кто куда пожелает! - объявил пленникам, осаждавший Исакчу, генерал-лейтенант Мадатов.

Эюб-паша решил отправиться в Шумлу, где и был почти сразу же удушен шелковым шнуром по повелению султана. Гассан-паша оказался хитрее. Он предпочел остаться в занятой русскими Исакче.

Известие о падении первой турецкой крепости на правом берегу Дуная было встречено в армии с большой радостью. Первая победа обнадеживала и вселяла уверенность в дальнейшие успехи.

А наши передовые отряды уже обложили Тульчу, Мачин и Гирсово. Первым пал Мачин, где отличился полковник Роговский. Потом наступил черед Гирсова, который сложил оружие перед генералом Мадатовым и Кюстенджи, открывший ворота генералу Ридигеру. Знаменательно, что гарнизон Кюстенджи состоял из старых янычар, чудом выживших после константинопольской резни. Когда русские подступили к крепости, янычары собрались на совет.

- Достоин ли жертвовать жизнью за того, кто получал радость, убивая наших братьев! – спросили одни.

- Не достойно! – ответили остальные.

Ветераны янычары тут же связали коменданта и открыли ворота. С взятием Кюстенджи значительно улучшилось снабжение нашей армии. Теперь припасы можно было привозить морем прямо из Одессы. Узнав о позоре Кюстенджи, султан Махмуд был вне себя.

- Я знал, что проклятые енычери еще сделают мне не одну пакость! Почему я тогда не обезглавил всех! – топал он ногами.

Теперь в турецкой дунайской армии вылавливали и казнили кюстенджийских янычар.

На помощь осаждающим Браилов подошла Дунайская флотилия. Главные силы флотилии - двадцать пять канонерских лодок. На каждой по три 24-фунтовых пушки. Для Дуная это была большая сила! Командир флотилии капитан 1 ранга Иван Завадовский, сразу же прекратил сообщение крепости с правым берегом.

- Чтобы и муха не пролетела! – наставлял он командиров канонерских лодок.

– Бей каждого, кто на реке появится!

Иван Иванович Завадовский

Первые несколько дней возглавивший оборону крепости визирь Сулейман-паша еще пытался посылать ночью лодки на прорыв блокады. Но удачи ему в том не было. Едва на середине реки показывалось какое-то судно, немедленно следовал залп, и нарушитель отправлялся на дно с проломанным бортом. Уроки были весьма наглядными, а потому их быстро усвоили – более пробраться в крепость уже не пытался никто. Отныне Браилов оказался в полной блокаде.

Осаду крепости возглавил великий князь Михаил Павлович, бывший в ту пору генерал-фельцейхмейстером русской армии. Великий князь буквально

изнывал от желания отличиться в бою. Пыл его сдержало лишь ожидание прибытия старшего брата.

Спустя несколько дней переправился через Прут и направился к Браилову сам Николай Первый. Никакой охраны с ним не было. Впереди коляски, показывая путь, ехали верхом несколько молдаван.

У Браилова его встретил генерал-фельдмаршал Витгенштейн, великий князь Михаил. Остановился император в загородном доме Браиловского паши.

- Не стоит долго засиживаться у первого же препятствия! - назидательно сказал старший брат младшему. – А пока поедем, оглядим неприятельские бастионы!

Огромная пестрая свита не осталась без внимания турок, и те сразу же накрыли наблюдателей градом ядер. Шпоря коней, всадники поспешили удалиться.

- Кажется, мое боевое крещение на этой войне уже состоялось! – констатировал Николай сопровождавшему его генералу Сухтелену.

Мимо императора на носилках торопливо пронесли залитый кровью обрубок человеческого тела.

- Что это? – в ужасе спросил Николай.

- Рядовой Казанского пехотного полка Карп Калякин! Только что лишился обеих рук и ног, оторванных ядрами, когда целил в турок из ружья!

- Помилуй Господь! – перекрестился император. – Дать герою солдатский Георгий, денежное вознаграждение и по смерти от меня по 500 рублей ежегодно. По улучшению же здоровья, отправить к месту жительства и велеть тамошнему губернатору иметь о несчастном личную заботу и попечение!

После этого Николай вручил награды отличившимся. Войска встречали Николая криками «ура». После этого император великодушно отпустил в крепость всех захваченных пленных, дав каждому по червонцу. На этом он посчитал свою миссию под Браиловым выполненной, а потому отправился инспектировать и вдохновлять готовящийся форсировать Дунай 3-й пехотный корпус.

Великий князь Михаил Павлович

Великий князь велел послать в Браилов Сулейману-паше ультиматум. Ответ визиря был следующим:

- Даже когда рухнет крепостная стена, мы сделаем другую, из своих тел!
- Назначаю немедленный штурм противной нам цитадели! – заявил великий князь Михаил на первом же военном совете.
- Но ведь у нас на это нет никаких сил! – пытались вразумить горе-полководца старые генералы.
- Это не важно! – отмахнулся Михаил Павлович. – Русский солдат превозможет врага одним своим духом!
- Духом то мы может турок, и превозможем, зато уж кровью точно умоемся! – шептались потом промеж себя командиры дивизий и полков.
- Полки поведет в бой Сухозанет! – объявил великий князь и кивнул в сторону своего любимца.

Генерал-адъютант Сухозанет отличился перед императорской фамилией во время подавления декабристского мятежа на Сенатской площади в Петербурге, и теперь доверие к нему со стороны императора и его брата было поистине безграничным.

- Умру, но не отступлю, ваше высочество! – вскочил со своего места Сухозанет.

3 июня был предпринят штурм. Началось с того, что неудачно взорвали подземные пороховые горны. Развалить крепостную стену так и не удалось. Шедшие впереди атакующих колонн охотники, сумели спуститься в крепостной ров, выбраться оттуда на вал и даже взобраться на крепостные стены. Однако там были встречены гарнизоном и отбиты с большими потерями. Остальные войска не смогли взойти даже на валы. Штурм явно провалился, и теперь надо было как можно скорее выводить войска из-под огня. Несмотря на это, генерал Сухозанет упрямо гнал в атаку все новые и новые полки. Сам генерал-адъютант, впрочем, предпочитал держаться

подальше от огня. Не в силах преодолеть высокие стены, тысячи солдат скапливались в крепостном рву, где их на выбор расстреливали турки.

Под самыми стенами пал, пробитый сразу несколькими пулями, генерал-майор Людингаузен-Вольф, непосредственно командовавший атакой. Спустя несколько минут был смертельно ранен картечью, сменивший его генерал-майор Тимрот. Едва на место унесенного на руках Тимрота заступил генерал-майор Степанов, как и он, был ранен пулей на вылет...

Несмотря на отчаянную храбрость солдат и офицеров, все атаки, как и следовало, ожидать, были отбиты. Ободренные удачей, турки предприняли вылазку. Во главе ее знаменитейший из храбрецов султана албанский арнаут Осман-ага, из рода дервишей-бекташей и тонкий знаток персидской поэзии. Атака Осман-аги была неистова и сокрушительна. Теснящиеся у стен войска дрогнули, казалось, катастрофа неизбежна. Но положение в самый последний момент спас Казанский полк. Расстреливаемые в упор картечью, казанцы встретили головорезов Осман-аги сомкнутыми рядами.

- Держись, братцы! – кричал солдатам уже дважды контуженный генерал-майор Палешко. – На нас сейчас смотрит вся Россия! Залпом пли!

Ярость и неистовство турок разбились о стойкость Казанского полка. Осман-ага был отброшен в крепость. Исколотого штыками и обожженного разрывом гранаты Осман-агу утащили волоком.

Шло время. Наши войска по-прежнему толпились в крепостном рву, не в силах взобраться на стены и с каждой новой минутой потери росли ужасающе. Наконец даже великому князю стало очевидно, что штурм провалился. Трубачи протрубили общий отход. Вслед отступающим турки падали картечью. В тот несчастливый день наши потери составили тысячу убитых и две тысячи раненных.

- Ну что я говорил! – с гордостью заявил великий князь собранным после штурма генералам. – Пусть приступ отбит, зато дух в войсках суворовский!

Генерал-адъютант Сухозанет больше помалкивал.

- Странно, но, кажется, наш Сухозанет, вопреки своему обещанию, все же отступил, предоставив умирать другим! – зло шутили в те дни в лагере.

Затем совет принял решение о беспощадной бомбардировке Браилова.

- Будем кидать бомбы, пока не запросят аману! - решили генералы.

Михаил Павлович, всю службу прослуживший в гвардейской артиллерии, а потому считавший себя знатоком в этом деле, решение совета утвердил.

За блокаду крепости со стороны реки великий князь выразил свою благоволение Завадовскому. Тот в ответ приложил руку к сердцу:

- Весьма благодарен, ваше императорское высочество, за высокую оценку моего скромного труда, а потому прошу не отказать мне в просьбе!

- Какая будет просьба? – недовольно нахмурил брови младший из «павловичей».

- Прошу вашего разрешения произвести набег на турецкую флотилию в Мачинском рукаве!

- Но ведь прорываться придется под самой крепостью! – с сомнением покрутил усы великий князь.

- Зато в случае успеха мы одним ударом уничтожим все турецкие силы на Дунае!

- Согласен! – подумав, кивнул Михаил Павлович. – Но под вашу личную ответственность!

Иван Онуфриевич Сухозанет

Этим младший брат императора давал понять, что в случае успеха он готов принять лавры победителя, но в случае неудачи отдуваться перед Николаем придется одному командующему флотилией. Однако Завадовский не расстроился, ибо в успехе предприятия был уверен вполне.

На следующий день во главе шестнадцати канонерских лодок, он прошел мимо крепостных фортов, выдержал с ними яростную пушечную дуэль, потом свернул в Мачинский рукав и там неожиданно атаковал стоявшую на якорях турецкую флотилию. В ходе трехчасового боя два судна были взорваны и двенадцать взяты на аборт. Отряд лодок капитана 2 ранга Резанова одновременно успешно начала бомбардировку крепости, чтобы та не оказала помощи своим судам.

Напрасно начальствовавший канонерками Ахмед-бей кидался с ятаганом на своих матросов, понуждая их к отваге. Все было напрасно. Очередным ядром снесло голову самому Ахмед-бею, после чего среди турок началась полнейшая паника. Лишь несколько турецких судов успели удрать к Силлистрии. С турецкой флотилией в здешних водах было покончено. В плен попали четыре шлюпа, семь канонерских лодок, и несколько мелких судов.

Успех нашей флотилии и известия о быстром продвижении русской армии через Дунай заставили Сулеймана-пашу призадуматься. Ему было ясно, что русским больше не зачем штурмовать Браилов. Его достаточно взять в блокаду и гарнизон сам вымрет голодной смертью.

А крепость меж тем начали обстреливать днем и ночью, благо, ядер было заготовлено в досталь. Из Петербурга привезли даже зажигательные ракеты. Длинные пороховые сигары устанавливали в специальные станки, а потом

поджигали. С жутким воем ракеты летели в крепость и там падали, поднимая тучу искр. Толку от ракет было мало, но на турок они должное впечатление произвели, отчего и получили прозвище «стрел шайтана». По Браилову тотчас пошел слух, что тот, кто будет убит «стрелой шайтана», никогда не попадет в рай к гуриям, а потому, завидев очередную летящую ракету, турки разбегались во все стороны.

Не выдержав нескончаемой бомбардировки, Браилов вскоре капитулировал. Право первым войти в поверженную крепость было предоставлено храброму Казанскому полку. Что ж, казанцы эту честь заслужили по праву! Сулейман вручил великому князю Михаилу городские ключи и был отпущен с большей частью гарнизона в Силлистрию.

Дальнейшая участь Сулеймана была самой печальной. По старому турецкому обычаю он был удушен. Говорят, что султан Махмуд, отдавая такое распоряжение, горестно вздохнул:

- Сулейман сражался хорошо, но не должен был пережить сдачи своей крепости!

Брат царя посетил в Браилове раненного храбреца Осман-агу.

- Я наслышан о вашей храбрости и начитанности! Прочитайте мне что-нибудь из персидской поэзии! – спросил он через драгомана.

- Мы ценим и смелость, и ум! – покачал головой Михаил Павлович и вручил албанцу свой портрет.

Осман-ага прослезился:

- Я оправлю его в золотую раму, и после смерти передам потомкам!

Осман-ага был милостиво отпущен в Рушук.

Улицы Браилова были полны наших солдат. С минаретов муллы кричали, что война для города окончена и всем правоверным надлежит сабли и кинжалы складывать на площадях. А на кривых тесных улицах торговцы уже раскладывали свои товары в надежде поживиться за счет победителей.

Тем временем передовой 6-й корпус генерала Рота, перейдя Прут, быстрым маршем двинулся на Бухарест, который и захватил без единого выстрела. Весть о падении Бухареста еще не достигла ушей султана Махмуда, когда в течение какой-то недели были заняты Молдова и Валахия.

С известием о взятии крепости к императору Николаю был послан полковник Бибииков.

- Слава Богу! Браилов наш! – обрадовался царь и велел построить войска на равнине близ Троянова вала на торжественный молебен.

Столь быстрые успехи не остались без внимания императора, и Николай наградил генерал-фельдмаршала Витгенштейна высшим из имперских орденов – звездой Андрея Первозванного.

- Я доволен быстрым движением наших войск! – заявил Николай генерал-адъютанту Киселеву. – Столь важный успех свидетельствует об одержанном нами превосходстве!

После этого Николай решил переправиться к Исакчи. Императора вез на своей лодке кошевой атаман Гладкий. Свитские генералы отговаривали, было, императора пускаться в плавание с переметнувшимся казаком, мало ли чего выкинет вчерашний двухбунчужный паша, но тот лишь отмахнулся:

- Атаман клялся в верности России на кресте, а значит для меня он такой же подданный, как и все вы!

Из воспоминаний графа А. Бенкендорфа: «...В виду еще не сдавшейся и защищаемой сильным гарнизоном крепости, государь сел в шлюпку запорожского атамана. Гладкий сам стоял у руля, а двенадцать его казаков гребли. Этим людям, еще недавно нашим смертельным врагам и едва за три недели перед этим оставившим неприятельский стан, стоило только ударить несколько лишних раз веслами, чтобы сдать туркам, под стенами Исакчи русского самодержца, вверившегося им в сопровождении всего только двух генералов». Гладкий перевез русского царя без происшествий, развлекая песнями и казачьими байками. Вступив на правый берег Дуная, Николай Первый тут же произвел бывшего турецкого пашу в полковники, а за помощь в переправе армии одел на зипун Георгия 4-го класса.

Спустя день пришло известие об овладении генералом Ушаковым Тульчей. Почти одновременно кошт казаков-некрасовцев, потомков ушедших на Дунай после разгрома Булавинского восстания при Петре Первом донцов, решила, по примеру запорожцев, вернуться под российский флаг. Падение могучего Браилова произвело на них огромное впечатление. - Против русского царя никакому султану не сдюжить! – переговаривались несколько дней меж собой казаки и, наконец, решились. Николай Первый принял депутацию некрасовцев и согласился принять их под свою руку. В некрасовскую станицу Сере-Киой был послан генерал-майор Тучков. Он торжественно одел на грудь атамана некрасовцев Льва Полежаева александровскую ленту, а на шею золотую медаль.

- Двадцать лет без податей с сохранением всех казачьих привилегий! – объявил Тучков.

- Любо! – кричали в ответ потомки донских бунтарей.

- Если мы оставим главную квартиру на старом месте, то рискуем вообще оказаться вдали от военных действий! – с удовлетворением заявил Киселеву император и велел переносить свою ставку вперед в Базарджик.

- Но ведь сия местность еще в руках турецких? – запротестовал, было, Киселев.

- До крепости три дня пути! – пожал плечами император. – Думаю, что к нашему приезду она уже будет в наших руках!

Покончив с крепостями в своем тылу, русская армия начала генеральное наступление и вступила в пределы Болгарии. Одним крылом она стремилась к Базаржику, другим к приморской Варне. Местность, по которой шли войска, была нищая и безлюдная. Не спасало даже радушное отношение населения. Нищим болгарам нечем было помочь своим единоверцам. Степи сменяли леса, а леса горы. Редкие колодцы турки заваливали дохлыми лошадьми и мешками с мылом. Все приходилось везти с собой. Это

сковывало армию и задерживало ее движение. Николай Первый злился, но ничего изменить было нельзя. Целыми днями император находился верхом среди идущих войск, стараясь поднять их дух своим присутствием.

Корабли Рикорда вице-адмирал Гейден встречал на Мальте. Ветер еще не разнес в сторону дым от приветственных салютаций, а Гейден уже вручил прибывшему контр-адмиралу приказ о создании блокадного отряда.

- Вы не должны затрагивать обычную коммерцию! – наставлял Рикорда Гейден. – Ее цель – недопущение в Константинополь судов с продовольствием и военными припасами!

- Все ли продовольствие отбирать? – поинтересовался Рикорд.

- Отнюдь! – улыбнулся Гейден. – Вы должны, прежде всего, перехватывать зерно и муку, а также сарацинское просо! Соль, фрукты и зелень пусть себе везут!

- Есть! – коротко ответил контр-адмирал. – Соль с ананасами пусть жуют, а от хлебушка с рисом придется воздержаться!

Помолчав, Гейден подошел к Рикорду и положил ему свою руку на плечо.

- Не столь давно, - начал он, – славный соратник Нельсона лорд Коллингвуд сказал, что из всех невозможных дел, самое невозможное – это зимняя блокада Дарданелл! К сожалению, дорогой, Петр Иванович, вам выпала именно это невыполнимое дело. Впрочем, я ни на мгновение не сомневаюсь, что оно будет выполнено с честью, как это и подобает российским морякам!

Свой блокадный отряд: корабли «Фершампенуаз» и «Эммануил», фрегаты «Ольга» с «Марией» Рикорд разместил в проливе между близлежащими к Дарданельскому проливу островами Тенедос и Лемнос. Там можно было укрыться от ветров и штормов, пополнить запасы свежей воды и произвести мелкий ремонт. Кроме того, находясь в этом проливе, отряд перекрывал все подступы к Дарданеллам с юга. Мимо него теперь не могла бы проскочить и мышь. С берега по нашим пытались стрелять из ружей. На небольших лодках турки пытались перехватывать наши дозорные шлюпки.

- С этим безобразием пора кончать! – возмутился Рикорд, когда турки в очередной раз обстреляли наших моряков.

В тот же день на анатолийский берег был отправлен офицер-парламентер. Ступив на берег, лейтенант быстро разъяснил местному паше, что если турки не прекратят впредь своих безобразий, то наши корабли сметут ядрами с лица земли все его прибрежные селенья.

- О досточтимый гость! – воскликнул паша, выслушав ультиматум. – Сок мудрости так и брызжет из твоих уст в мои раскрытые уши! Пусть в большом мире гремит война, но пусть хоть на нашем маленьком клочке земли воцарится благодостный мир! Клянусь Аллахом, что отныне с головы ваших матросов не упадет и волос!

Так же Рикорд поступил и с комендантом крепости на Тенедосе. Контр-адмирал передал ему, что будет находиться «в самых миролюбивых

отношениях, пока сам он будет соблюдать оные». Комендант намек понял, и пушки с крепостных верков убрал.

Из свидетельства очевидца: «В самый день нашего прибытия к острову Тенедос от паши присланы к адмиралу два грека, исправляющие должности голландского и австрийского консулов, для узнавания. С какой целью мы прибыли. Через приехавшего с ними хромоногого итальянца, доктора паши, объявлено им, что мы должны наносить туркам всевозможный вред как нашим неприятелям, но если паша дозволит грекам своим свободно приезжать на суда нашей эскадры и доставлять воду и свежую провизию, в таком случае никаких военных действий не будет... На другой день, обрадованный таким предложением, в страхе пребывавший паша не замедлил выслать греков, и суда наши были окружены лодками, выехавшими с разными для продажи припасами, как будто в дружественном порту...»

Удивительно, но теперь турки сами снабжали продуктами тех, кто устроил им голодную блокаду! Помимо всего прочего, через торговцев греков Рикорд знал и все последние новости о происходящем в турецкой столице. Это было не менее ценно! Вот где сказался двухлетний опыт бесконечных переговоров с японцами при вызволении из плена командира шлюпа «Диана»!

Но и это еще не все. На покрытом лесом острове Тассо Рикорд разместил импровизированное адмиралтейство, в котором изготавливали дрова, веники-голики, доски и даже кое-какой рангоут. Там же срубили и баню, куда в порядке очереди привозили команды всех судов отряда. Ответственным за все это хозяйство был местный паша Ходжа-Леман-Ага.

Историк эскадры писал: «...Сии ожесточенные враги не только оставили свойственное им зверство и ненависть, но сверх сего старались доставить все нужное и необходимое... Вот та свыше немногим данная тайна привлекать к себе простыми, но для других непонятными и невозможными средствами сердца врагов своих...»

Ежедневно к самим Дарданеллам выходил один из линкоров и фрегатов. Он перехватывал уже тех, кто пытался пробраться с севера. Турки быстро занервничали. Их флот несколько раз появлялся на выходе из Дарданелл, но так, ни разу и не рискнул выйти в Эгейское море, чтобы померяться силой с нашим слабым отрядом. Память о погромах, устроенных им в прошлую войну при Дарданеллах и Афоне Сенявиным, турки помнили еще очень хорошо.

Султан пребывал в обеспокоенности. Он хорошо помнил судьбу своего предшественника Селима Третьего. Тогда устроенная Сенявиным блокада Константинополя привела к голодному бунту, в результате чего Селим, был вначале свержен с престола, а потом и вовсе задавлен подушками. Махмуд Второй не желал повторения судьбы несчастливому дяди!

- По доносам лазутчиков у московитов очень мало кораблей! – выговаривал он, вызванному капудан-паше. – Мой флот же по-прежнему велик и могуч. А потому я велю отбросить русских от Дарданельских теснин и дать черни наесться хлеба!

- Я задумал великую хитрость, мой повелитель! – распластался перед султаном его главный флотоводец. – Я использую прием презренных греков и нападую на московитов со всех сторон страшными зажигательными судами! Спасения от них не будет никакого!

Спустя некоторое время турки собрали на выходе из Дарданелл десяток брандеров, которыми собирались уничтожить отряд Рикорда. Наконец, был определен день атаки. Но едва брандеры вышли из пролива, их тут же разметало во все стороны ветром. Испуганные команды бросили свои суда и искали спасения в шлюпках, а сами брандеры вышвырнуло на берег. Этим все нападение и закончилось.

ГЛАВА ВТОРАЯ ОТ АНАПЫ ДО ШУМЛЫ

Главные силы турецких войск постепенно сосредотачивались в горах у Шумлы. Гуссейн-паша собирался именно там дать решающее сражение.

- Именно здесь мы добудем бессмертную славу нашему падишаху! - взывал Гуссейн-паша.

К Шумле начала движение и часть российской армии. Витгенштейн идти к Шумле не желал, полагая, что это лишь раздробляет силы.

- Шумлу достаточно блокировать, и она никуда от нас не уйдет, а самим продолжить движение вперед! Победа над турками может быть добыта только у стен Константинополя! - пытался убедить царя главнокомандующий.

Но на движении хотя бы части сил к Шумле настаивал начальник Главного штаба Дибич и его поддержал сам император.

Турки в Шумле, тоже времени не теряли, а строили дополнительные укрепления вокруг крепости. С подходом передовых частей русской армии под началом генерал-адъютанта Киселева завязались скоротечные, но яростные схватки. Дважды наши обращали в бегство неприятеля. Всем было ясно, что именно под Шумлой скоро разыграется очередной акт кровавой военной драмы.

Тем временем были получены известия о сосредоточении турецких сил под Базарджиком.

- Узнайте намерения тамошних турок и определите их силы! - велел полковнику Липранди Витгенштейн.

С Липранди были посланы бугские уланы и казачий полк атамана Ступачевского. Не дойдя нескольких верст до Базарджика, отряд Липранди столкнулся с турками. После небольшой перестрелки турки отступили. Вскоре турки подтянули большие силы.

- Надо уходить! – прискакал к Липранди с передовых постов Ступачевский, осаживая взмыленную лошадь. - Турки наступают большими силами и просто сомнут нас!

- Отходим! – махнул рукой Липранди. – Пусть ловят ветра в поле!

Однако прежде чем ускакать, казаки успели поймать арканом несколько турок. Те рассказали, что у Базарджика собрано до 10 тысяч войск и ждут новых подкреплений.

- Базарджик надо брать! – покачал головой Витгенштейн, выслушав прискакавшего верхом Липранди. – Мы просто не можем оставить этукую занозу в своем тылу!

Император против движения сильного отряда на Базарджик не возражал:

- Пусть генерал-лейтенант Ридигер избавит нас от базарджикской занозы. Выступить тремя колоннами!

Фёдор Васильевич Ридигер

Известие о Наварине командующий Черноморским флотом адмирал Грейг получил уже через две недели после произошедшего сражения.

- Предупредите суда блокадного Абхазского отряда, чтобы утроили бдительность. От турок сейчас можно ожидать все, что угодно.

О начале войны Грейга известил командир Дунайской флотилии капитан 1 ранга Завадовский. Его агент грек из Галац, донес об оглашении султанского фирмана в пограничных крепостях. Спустя два дня это же подтвердил письмом и начальник штаба Второй армии генерал Киселев. Грейг немедленно собрал ближайших соратников: второго и третьего флагманов вице-адмирала Мессера и контр-адмирала Сальти, начальника морской артиллерии капитана 1 ранга Примо, начальника штаба флота капитан-лейтенант Мелихова и флаг-офицера капитан-лейтенант Рогуля.

- Господа! Война началась, и я надеюсь, что каждый из вас исполнит свой долг, как и положено русскому моряку! Готовьте флот к боевым действиям!

Черноморский флот в то время насчитывал в своем строю 9 линейных кораблей, 5 фрегатов, 7 шлюпов, корветов и бригов, полтора десятка транспортов и два десятка мелких судов и три парохода. В Николаеве

заканчивался постройкой 84-пушечный корабль «Чесма», фрегаты «Тенедос», «Рафаил», «Эривань». Начаты постройкой еще 4 линейных корабля и 4 тяжелых фрегата. 25 канонерских лодок и 17 иолов имела и Дунайская флотилия. С такими силами Черноморский флот был вполне готов бороться за господство над морем. Единственно чего не хватало – это бомбардирских судов для обстрела приморских крепостей. Поэтому с началом войны транспорта «Опыт» и «Подобный» были срочно переделаны в бомбардирские суда.

Первой задачей флота в начавшейся войне было взятие Анапы.

11 апреля флот начал кампанию. Корабли вышли на рейд Севастополя. Одна эскадра под флагом вице-адмирала Мессера пошла в крейсерство к берегам Болгарии. На эскадру, определенную действовать против Анапы, была начата амбаркация десантных батальонов. От австрийского купеческого судна было получено известие о том, что турецкий флот находится в готовности к выходу. Поэтому на переходе морем орудия держали заряженными.

На кавказском побережье Черного моря Анапа всегда была главной опорой турок. Крепость располагалась при впадении в море речки Бугура в пяти верстах к югу от устья Кубани. Оставить ее без внимания было невозможно, Анапу следовало захватить любой ценой. Расположенная недалеко от устья Кубани, крепость имела стратегическое значение, являясь главным звеном между Турцией и мусульманским Кавказом. Слава у Анапы была не добрая. Отсюда шли караваны в горы к мятежным черкесам. Сюда сгоняли рабов, для отправки на рынки Константинополя. Здесь замыслили набеги на казачьи станицы. Четырежды русская армия подступала к стенам Анапы. Дважды турки отбивали приступ, и дважды Анапа покорялась русскому оружию. В преддверие войны крепость была капитально перестроена французскими инженерами. Комендантом ее султан назначил, известного своей храбростью, Чатар-Осман-оглу. Усилен был и гарнизон. Сама местность, казалось, была создана, чтобы затруднить жизнь осаждавшим. Вокруг Анапы были топкие болота, берега же были высоки и обрывисты. А потому, как сложиться все на этот раз, сказать не мог никто.

На совещании флотских флагманов адмирал Грейг высказался об Анапе так:

- Сия крепость для нас не столько бастион турецкий, сколько гнездо разбойничье, кое необходимо разорить во имя замирения Кавказа!

Нападение было задумано с размахом. От Кубани вдоль моря к крепости должен был идти отряд полковника Перовского: сводный полк, казаки и артиллерия. С моря Анапу должен был блокировать флот, который высаживал и десант – пехотную бригаду с саперами и пушками. Руководство морской частью операции взял на себя сам Грейг, начальство всеми сухопутными войсками князь Меншиков. Грейг к этому времени давно был полным адмиралом и командующим Черноморским флотом, что касается Меншикова, то он хоть и имел чин контр-адмирала, но был уже назначен начальником Главного морского штаба. Кто из них кому должен быть подчинен, император так и не определил.

Алексей Самуилович Грейг

- Пусть сами разбираются на месте! – велел он передать двум адмиралам. В первых числах мая Черноморский флот уже бросил якоря подле крепости. Десант свезли без помех, хотя и мешал штормовой ветер. Грейг нервничал. Анапское побережье было мелководным, и глубокосидящие линейные корабли не могли подойти близко к берегу. Это означало, что бомбардирование Анапы будет делом сложным. Однако уже сам вид сотен корабельных пушек сразу же поубавил прыть самых горячих джигитов. Зато Перовскому пришлось пробиваться к крепости, отбиваясь от непрерывных атак закубанских татар. Храбрый Перовский выскакивал вперед солдатского каре, поднимал на дыбы коня:

- Не бойсь, ребята! Под Бородиным куда хлеще было, а все одно наша взяла!
- Да мы и не боимся! – кричали солдаты. – Пульки без толку бросать надоело! Хотим штыками резаться!
- Потерпите, будут вам и штыки! – отвечал Перовский. – А пока шире шаг, нас ждет Анапа!

Каре встречали атакующую конницу залповым огнем.

Потеряв десятков-другой всадников, татары отскакивали в сторону, некоторое время кружили в отдалении, а затем набрасывались вновь. Только на подходе к крепости они с воплями и гиканьем куда-то умчались.

- Потерь почти нет! – докладывал по прибытии Меншикову Петровский. – Но вымотались в доску! Всю дорогу сумасшедшая карусель и не минуты покоя!

- Не обольщайтесь, Василий Алексеевич, это лишь цветочки, а ягодки ждут нас в Анапе! – успокоил флигель-адъютанта желчный и ироничный Меншиков.

Князь знал, что говорил. За время, пока в Севастополе раскачивались, комендант Анапы, помнивший еще потемкинскую войну, Чатыр-Осман-оглу успел завезти из Синопа дополнительные войска и пушки, порох и ядра.

- Анапа не какой-то Измаил, да и Грейг не Суворов! – говорил он своим подчиненным. – А потому помолимся Аллаху, и будем стоять нерушимо!

- Мы спокойны, повелитель, – отвечали подчиненные, – ибо знаем: пока москвиты будут стрелять в нас, сзади их будут резать братья черкесы! Закончив высадку десанта, Меншиков с Грейгом отправили в крепость капитан-лейтенанта Рогулю с предложением о сдаче. Чатыр-Осман-оглу ответил с достоинством: «Вы предлагаете мне невозможное. Начальник ваш исполняет, что велел ему Государь его, а я не изменю своему. Судьба решит, кому владеть Анапой!

Боевой эпизод русско-турецкой войны 1828—1829 годов

Из воспоминаний бывшего начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала Мелихова:

«В 8 часов по полуночи, назначенные для атаки суда, снялись с якоря.

...В 10 часов крепость открыла огонь по фрегату «Флора», но удачные выстрелы последнего скоро заставили замолчать батарею, против него действовавшую. Взаимная между крепостью и флотом канонада продолжалась непрерывно до половины второго часа по полудни, когда перешедший к норду ветер засвежел до такой степени, что суда могли быть снесены на мель под стены крепости. Это побудило Главного командира приказать тем судам прекратить сражение и отойти от крепости.

...В продолжение сражения сделано с флота около 8 тысяч выстрелов. Урон наш состоял из 6 убитых и 7 раненных.

...Пробоин в корпусах оказалось 72, повреждений в рангоуте и оснастке до 180. Более прочих потерпели корабль «Пантелеймон», фрегаты «Евстафий» и

«Поспешный». Урон неприятеля был нам неизвестен, но вид множества разрушенных зданий, свидетельствовал о чрезвычайном опустошении, произведенном внутри крепости нашими снарядами».

Едва началась осада Анапы, как горцы ежедневно начали свои нападения. Огромными конными ордами до 10 тысяч джигитов они все время норовили атаковать с тыла.

- Мы теперича, что ежики, во все стороны колючки растопырили, а иначе хана! – мрачно шутили в русском лагере. – Тут не знаешь, что и делать, то ли на стены анапские взбираться, то ли в горы подаваться, горцев усмирять. Одно слово - кутерьма!

Но вскоре Чатыр-Осман-оглу тоже ждало огорчение, и какое!

5 мая катером «Сокол» было перехвачено турецкое судно, шедшее с припасами из Трапезонта в Анапу. Входившие в его команду греки сразу же сообщили, что вместе с ними вышло еще три судна, которые должны находиться где-то к зюйд-осту от Суджук-Кале.

- Не будем терять времени и попробуем посчитаться с остальными! – сказал командир катера лейтенант Вукотич и велел поднимать парус.

Одно из судов «Сокол» вскоре нашел в бухте неподалеку от Суджук-Кале и разбил ядрами. Затем он разыскал еще одно турецкое судно. На палубе его толпились солдаты «низам-джида» которых торопились доставить в Анапу. Подойдя на pistolетный выстрел «Сокол» дал залп из пушек и фальконетов. Этого оказалось достаточно. Судно тут же спустило паруса. На шлюпке Вукотич прибыл на захваченное судно и принял саблю от старшего на борту бимбаши. Всего в плен были взяты три сотни солдат. Команда «Сокола» при этом насчитывала всего 25 человек... Еще одно судно после ожесточенного сопротивления захватил капитан-лейтенант Румянцев на яхте «Утеха». Наградой обоим офицерам стали Георгиевские кресты 4-степени.

Воспоминания участника событий: «...Для покорения Анапы существовали препятствия почти непреодолимые и, следовательно, доведение крепости до сдачи не более как через 30 дней от начала осадных работ, было по истине событие чрезвычайное, которым справедливо может гордиться наша военная история».

Успел отличиться и бриги «Ганимед» с «Меркурием».

- Сомнений нет, это турки! – прокричал на «Ганимед» командир «Меркурия» Стройников, увидев на горизонте косые паруса сразу двух судов.

- Баковое орудие целить вперед форштевня вон того, самого прыткого! – пояснил своим комендорам командир «Ганимеда».

Коротко грохнула погонная пушка. Ядро легло в паре сажений впереди бушприта. Загалдев, турки сразу же начали спускать паруса. Внезапность и напор сделали свое дело. Успех был полный. Никто даже не пытался сопротивляться. Толпу пленных высадили на берег около Анапы. К ногам Грейга и Меншикова побросали захваченные знамена.

- Судьба! – вздохнули пленные турки и, севши на корточки, закурили свои трубки.

- Ну, уж нет, - возмутился Меншиков, глядя на эту идиллию. – Так дело не пойдет! Каждому в руки по лопате и рыть осадные укрепления! Кто больше накопал, тому и больше похлебки.

Вскоре анатолийцы уже дружно орудовали лопатами, искоса поглядывая в сторону, где кипели огромные котлы с жирной бараньей похлебкой.

Глядя на это в трубу с крепостной стены, Чатыр-Осман топал ногами:

- Шелудивые псы, они не могли даже выпросить себе смерти вместо бесчестия!

Стоявший рядом черкес Сефер-бей, лишь огладил длинную бороду и усмехнулся:

- Э-э! Нэ говори так! Посмотрим, что ты запоешь, когда сам попадешь к гяурам!

Когда-то Сефер-бей из рода шапсугов учился в одесском лицее, затем убежал в горы. Потом он очутился в Константинополе на службе султана и считался специалистом по России. Сефер-бей был шпионом-агентом в Египте и Алжире, после чего осуществлял посредничество между местными горцами и турками. Ныне был главным советником у дряхлеющего коменданта.

Комендант лишь сверкнул глазами на слова своего помощника, но смолчал, сейчас было не до того. Из морской дымки одна за другой появлялись мачты русских кораблей.

- Сохрани нас Аллах! Сейчас все и начнется! - только и сказал Чатыр-Осман. Старый воин не ошибся. Линкоры «Норд-Адлер», «Пантелеймон» и «Иоанн Златоуст», фрегаты «Евстафий», «Поспешный» и «Штандарт» выстроились полукругом у крепости и завели шпринги. В открытые порты выглянули черные орудийные стволы. На флангах боевой линии бросили якоря бомбардирские суда «Подобный» и «Опыт». Эти были вооружены мортирами, чтобы бросать навесные бомбы.

Вот над 74-пушечном «Норд-Адлере» взлетел красный флаг - сигнал открытия огня. Разом ударили сотни пушек, и все заволкло пороховыми дымами. Бомбардировка Анапы началась. Первые минуты турки пытались, было, отстреливаться, но их батареи смело шквалом ядер, после чего были уничтожены все городские постройки. Устояли пока лишь крепостные стены. Историк пишет: «В результате такой атаки ожидавшееся изъятие покорности со стороны крепости не последовало, и сухопутные войска принуждены были приступить к осаде крепости и к постепенному обложению ее со стороны берега кругом, дабы отрезать сообщение с горцами».

Теперь Анапу бомбардировали ежедневно.

- Никаких перекуров! – велел Грейг командирам кораблей. – Кто из сил выбился, отходи в сторонку дух перевести, но на смену ему, чтобы сразу новый становился!

Пальба останавливалась только тогда, когда истощался запас ядер. Тут же к бортам кораблей швартовались транспорта с припасами, матросы бегом перегружали порох и ядра, и бомбометание возобновлялось вновь.

Наряду с этим, возводили береговые батареи. У подножья гор соорудили редуты. Горцы решили в последний раз попытать счастья, но были отброшены. В схватке егеря застрелили и их предводитель князь Сатуг Ханаш-ибин-Цаке. После этого набеги сразу прекратились. В устье реки Бузур встали баркасы с фальконетами, чтобы, никто не вознамерился даже вплавь пробраться в крепость.

Из Севастополя и обратно безостановочно сновали боевые и вспомогательные суда, перевозя продовольствие и боеприпасы, раненных, и фураж. А дозорные бригады дефилировали уже у самого Трапезунда, истребляя все, что попадалось им на глаза. Отныне гарнизон крепости был предоставлен только своей судьбе.

Понимая, что дела плохи, Чатыр-Осман почти каждую ночь посылал за крепостные стены отъявленных головорезов.

- Крадитесь к палаткам и режьте головы спящим! Пусть ужас поселится в сердцах тех, кто доживет до утра. Может хоть это образумит гяуров и заставит их отступить! – внушал паша абрекам в мохнатых папахах.

- Мы пор-р-рэжэм всэх! – скалили зубы абреки и деловито засовывали за кушаки дамасские сабли.

Но и русские часовые не дремали. Едва турки и черкесы подбирались к осадному лагерю, как их встречали казачьи секреты. В кромешной тьме дрались молча и жестоко, сабля на саблю, кинжал на кинжал, вернуться обратно в крепость, обычно, удавалось немногим.

18 мая из крепости была произведена вылазка особенно большими силами. На этот раз Сефер-бею удалось восстановить связь с местными горцами, и действия союзников были согласованны. Атакующих встретили каре двух егерских полков под командой полковника Савочкина. Одновременно ударили и горцы, действовали они на этот раз особо дерзко, хватая даже руками солдат за штыки. Атакуемые с двух сторон егеря дрались в полном окружении.

- Ребята! Держаться стойко! Если только дрогнем, погибнем все! - Пока стоим плечом к плечу, нас не сломят! – ободрял солдат полковник Савочкин. Командиры рот капитан Докудовский и поручик Мусницкий в первых шеренгах с солдатами.

- Не торопись! - наставляли они подчиненных. - Целить гололобым в грудь! Стрелять по команде! Цель-сь! Пали!

На смену убитым горцам и туркам тут же мчались другие. Пока первая шеренга отбивалась штыками, вторая и третья палили из ружей. В одной из этих бешеных атак был убит один из черкесских предводителей Темрюк. Золоченый панцирь убитого черкеса впоследствии был преподнесен Николаю Первому, как подарок от воинов, бившихся под Анапой. Видя, как неисчислимые массы противника волна за волной накатываются на островки русских каре, Меншиков нервничал. Оба егерских полка были почти полностью укомплектованы вчерашними рекрутами. А вдруг у них не выдержат нервы? А вдруг побегут? Тогда конец всем и всему! Однако, воодушевляемые офицерами, солдаты держались стойко и хладнокровно.

Атака турок тоже была гораздо серьезней, чем раньше, но и ее отбили. Рукопашная схватка было на редкость жестокой.

На помощь егерям бросились матросы отряда храброго лейтенанта Зайцевского. С абордажными мушкетами и тесаками они сразу же врубались в самую гущу врага. Сам лейтенант впереди, с саблей наголо:

- Покажем басурманам, где раки зимуют!

И показали! Часть турок вскоре была загнана на крутой берег моря. Там рукопашная достигла еще большего ожесточения. Пленных не брали. Никто даже не пытался заряжать свои ружья, все работали штыками. Это был уже не бой, а резня. Бились молча, и пощады никто не просил. Командир егерской роты штабс-капитан Томиловский в горячке боя схватился над самым обрывом с турецким офицером. Дрались долго и упорно, пока Томиловский из последних сил, все же не скинул турка в пропасть. Однако, падая, противник, изловчился и потащил штабс-капитана за собой. В самый последний момент, командир роты каким-то чудом зацепился за выступавший ниже обрыва камень, и остался висеть на нем прямо над бездной. Турок же полетел вниз.

А рукопашная схватка наверху уже подходила к концу. Окруженные со всех сторон, турки были перебиты, последние из них, не желая сдаваться, бросались с обрыва и разбивались.

Пытаясь спасти хотя бы остатки отряда, Чардак-Осман выслал из крепости вдоль моря еще один отряд. Увидев висящего над бездной Томиловского, турки открыли по нему прицельный огонь и вскоре прострелили ногу штабс-капитану. Тем временем находившиеся наверху егеря делали все возможное, чтобы спасти своего командира. Перво-наперво они отогнали находившихся внизу турок. Затем двое солдат, рискуя жизнью, начали спускаться по обрыву, не взирая на огонь турок. Один из них сорвался и упал вниз. Второй вернулся, но только для того, чтобы взять нового напарника и еще раз попытаться спасти командира. Понимая, что новая попытка приведет к новым смертным, Томиловский закричал своим подчиненным:

- Ребята! Я запрещаю вам спускаться с обрыва ко мне! Оставьте меня моей судьбе, а сами следуйте в лагерь!

- Неужто бросим командира? – переглянулись егеря. – Как же мы жить после этого станем?

Голь, как говорится, на выдумку хитра! Солдаты сняли с убитых турок пояса, связали их между собой и после долгих усилий все же вытащили наверх штабс-капитана.

С криками «ура» они торжественно принесли на плечах своего командира в лагерь. Находясь на руках солдат, Томиловский сжимал в руках саблю, отбитую у своего противника. Увы, спасти жизнь храброго и благородного офицера так и не удалось. При падении на камень Томиловский получил столь сильный ушиб груди, что спустя несколько дней его не стало.

Бой 28 мая стал победным для нас, но потери были огромными. Некоторые роты потеряли до половины своего состава. Впрочем, неприятель лишился в несколько раз больше. С этого момента горцы появлялись уже только в

отдалении от нашего лагеря, да и то мелкими партиями. Прекратили свои вылазки из крепости и турки. Вскоре вокруг Анапы были построены еще несколько редутов, которые окончательно замкнули кольцо осады. Одновременно постепенно подводились к крепости и траншеи, как наземные, так и подземные. Одновременно заготавливались штурмовые лестницы и фашины, которые постепенно накапливали непосредственно у крепостных стен.

Русская смекалка всегда делает чудеса! Так случилось и под Анапой. По чьему-то предложению, в вырытые ямы (чтобы не достали пушки с крепостных стен!) поставили несколько мортир и те круглосуточно палили в крепость мелкими камнями. Убивать, они никого не убивали, но неприятностей туркам доставляли много и главное непрерывно! Меншиков истощал гарнизон не только физически, но и психологически.

10 июня ядрами удалось проломить в анапских стенах несколько брешей. Турки пытались, было, их заделывать, но смельчаков-каменщиков метко снимали стрелки-егеря. Черноморские линкоры подтянулись на якорях к крепости настолько, насколько позволяли глубины. Теперь били, расширяя проходы. Солдаты Нотенбургского и Таманского полков точили штыки – им первыми врываться в крепость.

- Тут главное не опоздать, сразу выпад вперед и на штык нанизывай, пока тебя турок ятаганом не достал! – поучали молодых солдат ветераны.

Командиром авангарда был определен полковник Перовский. Собрав своих офицеров, он наставлял их:

- Как в проломы ворвемся, так сразу бегом вперед, и чтобы ни в какие мелкие драки не вступать! Наше дело любой ценой пробиться к дон-джону, а уцелевших позади, добьют другие!

- У меня все готово! – сообщил Грейгу Меншиков. – Можем завтра поутру, и начинать с Богом!

- Давайте, Александр Сергеевич, еще раз паше анапскому капитуляцию предложим, авось удастся крови избежать! – подумав, предложил Грейг. – Условия же выдвинем щадящие!

Меншиков не возражал:

- Штурма туркам не выдержать! Думаю, что они это и сами понимают!

Послали в крепость парламентаря с трубачом и барабанщиком. Трубач трубил, барабанщик барабанил, а офицер-парламентер размахивал белым флагом. Турки стрельбу прекратили, и головы из-за стен высунули.

Выслушав условия парламентаря, Чатыр-Осман-оглу выдвинул ответные. Офицер удалился. Грейг с Меншиковым над условиями коменданта подумали и снова послали в крепость переговорщика. Кое-что из турецких просьб адмиралы утвердили, иные отвергли. Начался нудный двухдневный торг, в результате которого турки все же капитулировали. На флагмане Грейга «Париж» подняли флаг полного адмирала. Только что было получено известие о присвоении командующему флотом следующего чина. Одновременно над крепостью был поднят только что учрежденный флаг начальника Главного морского штаба. Посыльным судном под Анапу

пришло известие о том, что князь Меншиков утвержден на должности начальника Главного морского штаба. Флот салютовал крепости одиннадцатю залпами. Так Анапа стала русским городом.

Престарелого Чатыр-Осман-оглу отпустили в Анатолию. После капитуляции Анапы старика полностью парализовало. Узнав об этом, султан даже не стал высылать ему свой любимый шнурок. Особенно были рады наши пойманному Сеферу-бею, за которым давным-давно охотились. Маститого агента сразу же отправили в Базарджик к руководителю армейской контрразведки генерал-майору Курису. Там Сефер-бей пробыл до конца войны, а затем был перевезен в Россию. В Турцию Сефер-бей вернулся только в 1830 году, вполне возможно, что уже перевербованным русским агентом.

Ровно через месяц отряд Кавказского корпуса занял Потю. С многовековым господством турок на восточном побережье Черного моря было покончено навсегда.

Тем временем на севере в Малой Валахии храбрый генерал-майор Гейсмар сдерживал турецкий корпус у крепости Видино. Под началом у Гейсмара имелось всего четыре тысячи штыков, но ограничивается обороной, он не собирался! Первая проба сил с турками состоялась у селенья Калафаты. Против немногочисленного русского отряда турки бросили десять тысяч своих воинов. Оттоманская конница атаковала, по своему обыкновению, с криками и визгом. Спагов встретили квадратами каре, залпами ружей и вязанной картечью. Опрокинув конницу, а затем отбив все попытки турок обойти русский отряд с флангов, Гейсмар отбросил нападавших за Калафату. Это было еще не поражение, но уже серьезное предупреждение!

Придя в себя, Видинский сераскир снова решил попытаться перехватить инициативу. Гуссейн-паша велел сераскиру атаковать Крайнову и даже заранее назначил его тамошним сераскиром. На этот раз у турок было уже более двадцати шести тысяч человек. В ответ барон Гейсмар мог выставить все те же свои четыре тысячи. Казалось бы, все было теперь за то, чтобы перейти в глухую оборону. Но Гейсмар решил иначе.

- Предупредим турок, не дадим им укрепиться и ударим первыми сами! - объявил он своим офицерам.

- А сдюжим ли, ведь неравенство-то, какое! – засомневались те.

- Помимо всего прочего на нашей стороне еще и внезапность, а это тоже кое-чего стоит! Так что, помолясь, пойдём вперед! - ободрил своих подчиненных храбрый барон.

Наш отряд атаковал. Турки защищались. Упорный бой продолжался почти весь день и не принес победы ни одной из сторон. Темнота смирила пыл сражающихся. Выстрелы понемногу стихли. Но и тут Гейсмар проявил завидное упрямство.

- В полночь начинаем новую атаку! – распорядился он.

Измотанные солдаты с трудом снова взяли в руки тяжелые ружья. Но надо, значит надо! Пошли! Турки такой дерзости не ожидали никак. Атака застала их врасплох, так как воинство уже разбрелось на ночлег. Перебив дозоры, наши стремительно ворвались в неприятельский лагерь, который напоминал разворошенный муравейник. Собрать всех в темноте Видинский сераскир уже не успел. Турок охватила паника, и все бросились наутек, бросая оружие. В этой полнейшей неразберихе погибло несколько тысяч человек, включая самого сераскира, который был просто затоптан. Победителям достались толпы пленных и весь неприятельский лагерь. Наши потери составили две сотни убитых. Отныне вся Малая Валахия была в российских руках окончательно.

Отряд генерал-лейтенанта Редигера быстрым маршем двигался к Базарджику. 5 июня Александрийские гусары заняли оставленный турками Базарджик. Затем туда подтянулся и весь отряд.

***5-й гусарский Александрийский Ея Императорского Величества
Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк***

Не успели перевести дух, как турки атаковали со стороны дороги на Шумлу. Казаки с гусарами бились с конными спагами на аванпостах. Затем подошли егерские батальоны. Все яростные попытки турок сбить наши войска с позиций закончились неудачей. В какой-то момент они уже было, прорвали пехотные линии, но стремительная атака уланов поставила окончательную точку в сражении. Турки бежали, бросая пушки. Этот бой вошел в историю, как авангардное дело под Базарджиком.

Спустя три дня к Базарджику прибыла Главная квартира 7-й пехотный корпус. Устроивший смотр войскам Николай Первый, остался доволен войсками и велел дать нижним чинам по два целковых.

Армия продолжила поход к Балканам. Солдаты кляли жару и страдали от жажды. Особенно тяжело приходилось кавалеристам, которым приходилось заботиться не столько о себе, сколько о лошадях. Когда идти становилось совсем неважно, вперед походных колонн становились песенники, и под песню идти становилось сразу легче.

Пока для русской армии все складывалось вполне успешно. Однако в штабе Витгенштейна на сей счет особо не обольщались. К северу от Балкан у турок оставались еще две первоклассные крепости, опираясь на которые можно было надолго задержать русскую армию. Варна составляла приморское правое крыло обороны. Непрístupная позиция горной Шумлы с главными силами турецких войск составляла еще больше препятствий.

- Теперь для успешного продвижения через Балканы надо разбить турецкие войска под Шумлой и овладеть Варной! – объявил своему генералитету главнокомандующий, тыча пальцем в развернутую перед ним карту. – Именно они прикрывают кратчайший путь на Константинополь!

- На одновременную осаду двух первоклассных крепостей у нас нет сил! Только в Шумле гарнизон больше 50 тысяч! – покачал головой начальник штаба генерал Киселев. – Надо ждать подхода из России гвардейского и 2-го пехотного корпусов!

- Согласен! – кивнул добродушный Витгенштейн. – Но без дела сидеть все равно не будем. Пока обложим крепости издали!

К моменту подхода резервных корпусов положение нашей армии под Шумлой было катастрофическим. При этом главной бедой были не турки, а тиф, выкашивающий солдат полками. Ни о каком штурме в русской армии уже никто не помышлял, впору было удержать завоеванное. Ободренные турки дважды совершали большие вылазки из Шумлы, но оба раза были побиваемы.

- Шумлы нам с ходу не взять, а потому самое здравомыслящее – это бросить ее к чертовой матери и уходить за Дунай! – все чаще говорил, впавший в уныние Витгенштейн, глядя на разрастающиеся солдатские погосты.

Николай оставлять Шумлу не желал категорически.

- Стоять, хотя бы всем пропасть! Если нет сил крепость взять, надо, хотя бы держать ее в блокаде до лучших времен! - велел он передать Витгенштейну. - Пока же все силы мы бросим на Варну! Будем грызть орех турецкий по частям!

Спустя два дня император отбыл на фрегате «Флора» в Одессу, где его ждала супруга-императрица.

Утром 4 июля 1828 года армия выступила из Базарджика. Спустя день пали Козлуджи. Недалеко от городка Енибазаром произошло столкновение нашего авангарда с турецким арьергардом. Вначале перестрелку завязали казаки. Постепенно подтянулись пехотные колонны. Турки начали откатываться. Оттеснив турок, русская армия встала лагерем. Затем на скорую руку был занят городок Праводы, стоящий на дороге Константинополь - Шумла. Теперь главные силы нашей армии разворачивались на Шумлу.

Турки под Шумлой стояли шестью эшелонами. Подножие холмов были покрыты густым кустарником. Подступы к крепости перекрывались

глубокими дефилами. Да и сама была орешком весьма крепким. Расположенная на горной возвышенности, она была охвачена пятиверстовым валом, перед которым был вырыт глубокий ров. На хребте гор и по валу стояли редуты с пушками. Помимо этого, еще две линии редутов были выстроены уже внутри самой крепости. При этом турки очень удачно использовали горы и расположенные на них редуты могли обстреливать каждый метр местности. Если же прибавить ко всему этому, то, что в крепость была в избытке снабжена провиантом и боеприпасами, и в ней стояла лагерем 50-тысячная армия, то можно понять уверенность сераскира в неприступности позиции. Шедший передовым 7-й пехотный корпус под командой генерал-адъютанта Дибича медленно, но уверенно охватывал турецкие фланги. На переправе речки Буланлык турки дерзко атаковали наших саперов. В стоявшего у строящегося моста генерала Рудзевича выстрелили в упор из нескольких пистолетов, но промахнулись.

Между тем кольцо вокруг Шумлы медленно сжималось. Обе стороны осторожничали. Никто не хотел делать опрометчивых шагов. А затем последовал стремительный удар генерал-лейтенанта Редигера. Пехотная дивизия выбила турок, засевших в лесу перед самой турецкой позицией. А затем кавалерия графа Орлова довершила расстройство в рядах неприятеля. Турки обратились в бегство. Вначале кинулись наутек башибузуки, смелые лишь в разбойничьих набегах. Следом за ними бросили фронт и ополченцы. Гуссейн-ага-паша и зять султана Галиль-паша пытались остановить бегство. Они повтыкали в землю свои бунчуки знамена, в надежде, что это остановит беглецов. Согласно старинному турецкому обычаю, если военачальник втыкал в землю свой бунчук, воины были обязаны сражаться за него на смерть. Напрасно! Охваченные паникой ополченцы бежали во всю прыть. Несколько точных залпов подтянутых пушек еще больше увеличили всеобщее смятение. Невдалеке уже замелькали казаки, пронзавшие своими пиками беглецов.

- Надо скакать в крепость, а то будет поздно! – прокричал сераскиру Галиль-паша, вскакывая на коня

- Да будут прокляты эти презренные трусы! – ожег хлыстом своего скакуна Гуссейн-ага. – Скачем в Шумлу!

Едва оба всадника на полном скаку влетели в ворота крепости, сераскир велел закрывать ворота.

- Но там же еще много наших воинов? – поразился начальник воротной стражи.

- Там остались только одни грязные шакалы! – погрозил кулаком в сторону ворот Гуссейн-ага. - Забудьте о них и готовьтесь к обороне крепости!

Позднее, правда, в крепость впустили еще воинов Али-Шаха-паши. Его анатолийские всадники-дели (что значит «отчаянные») храбро дрались с нашими казаками и гусарами. Али-шах один сумел отбиться от нашей конницы и в относительном порядке отступить.

Наши солдаты беглецов не преследовали. Николай Первый великодушно дал им «золотой мост».

К концу дня русские полки заняли все турецкие позиции. Смертельно усталые люди засыпали прямо на земле. На одном из бивуаков нашел себе приют на ночь и сам император. Прибежавший полковой командир попытался, было, поставить для него свою палатку, но Николай только отмахнулся:

- Это ни к чему! После победы сон и так будет сладок!

И завалился спать среди своих адъютантов, положив под голову конскую попону.

Для решительного штурма Шумлы у русской армии сил не было, но для плотной блокады вполне достаточно. Бои под крепостью вспыхивали едва ли не каждый день, но решающего значения они не имели.

После того как проблема Шумлы была хотя бы временно решена, настало время вплотную заняться Варной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОСАДА ВАРНЫ

Находясь в четырех сотнях верст от Константинополя и в семидесяти от Шумлы между Черным морем и лиманом Девно, Варна была одной из самых укрепленных турецких крепостей. Если Анапа являлась главным турецким форпостом на восточном берегу Черного моря, то Варна выполняла ту же роль на берегу западном. Четырнадцать каменных бастионов, соединенные между собой куртинами и глубокий ров создавали непрерывную линию обороны. Внутри крепости находилось еще две мощные цитадели. В одной из них располагался арсенал. Артиллерия в Варне была самая современная, к тому же имелись большие запасы продовольствия и пороха. Во главе обороны крепости стоял Сересский визир Юсуф-паша, испытанный и верный соратник султана. Помощником его был еще один любимец султана капудан-паша Ицет-Мухамед, отличавшийся особой жестокостью. При подавлении мятежа янычаров, он лично резал им головы.

Сбив турецкие дозоры, русская армия постепенно подступала к Варне. Первым к Варне подошел отряд генерала Сухтелена. Стояла страшная жара и солдаты падали на ходу без чувств. Граф Сухтелен отрезал Варну от остальной Турции и установил связь с Черноморским флотом.

На подходах к крепости турецкий гарнизон дал жестокий бой. В какой-то момент неприятелю удалось прорвать боевые порядки Полоцкого полка. Положение спас генерал-майор Куприянов. Он сам повел в штыки последний резервный батальон, и турки не выдержали штыкового удара. Турки, никогда не выдерживавшие русского штыкового боя, не выдержали и на этот раз. Их гнали до самой крепости. Несмотря на это ситуация для нашего отряда оставалась сложной. Численное превосходство было на стороне турок.

- Может лучше все же отойти подальше от Варны? – спросил Сухтелена Куприянов, еще не остывший от горячей схватки.

- Нет! Мы остаемся! Остаемся! Остаемся! – отвечал граф.

Вскоре к Варне подошел отряд генерал-лейтенанта Ушакова

Осада крепости начинала принимать реальные черты. 13 июля из-под Анапы на рейд Коварны подошли главные силы Черноморского флота. Там их уже ждал отряд кораблей вице-адмирала Мессера.

Из воспоминаний вице-адмирала Мелихова: «Честь открытия военных действий против Варны со стороны моря досталась фрегату «Евстафий». Главный командир заметил, что сильный отряд неприятельский, скрываясь в кустах, имел, по-видимому, намерение обойти левый фланг войск наших, подходивших в это время к крепости, приказал фрегату «Евстафий» стать против этого места выстрелами своими стараться разогнать турок. Едва фрегат успел занять назначенную ему позицию, как по нему был открыт огонь с крепости, на что и он не замедлил ответить, действуя в то же время и по неприятельским войскам. Вслед за этим бомбардирское судно «Опыт», заняв указанное ему место, приступило к бомбардированию Варны».

С линейных кораблей высадили на берег пехотную бригаду, которой так и не удалось показать себя под Анапой. Теперь десантники спешили к Варне, где должны были соединиться с отрядом генерала Сухтелена, который, по недостатку сил пока только присматривал за ней. Помимо этого, баркасами свозили часть корабельных пушек с прислугой и припасами. Пушки окапывали, и те открывали огонь по крепости.

В тот же день к флоту из главной квартиры вернулся князь Меншиков, только что назначенный командиром осадного корпуса. На груди его красовался Георгий 3-й степени – награда за Анапу.

- В георгиевском капитуле еще степеней много! – приветствовал его Грейг, глянув на бело-эмалевый крест.

- Остается пожелать вам сразу первую за Константинополь! – не остался в долгу Меншиков.

Однако на это раз князю не повезло. Осматривая неприятельские укрепления, он был опасно ранен осколком ядра. Пришлось Меншикову сдать команду генерал-майору Перовскому.

- Как ваше самочувствие, Александр Сергеевич? – поинтересовался Грейг, заглянув к раненному соратнику.

- Пациент скорее жив, чем мертв! – не без юмора отвечал начальник Главного морского штаба.

Генерал-майор Перовский был человеком дела. Уже на следующий день он овладел турецкими контр-апрошами. Дальше, правда, пройти не удалось. С крепостных верков открыли яростный огонь, пришлось ограничиться достигнутым.

Из хроники осады Варны: «...Гарнизон сделал сильную вылазку пехотой и конницей с несколькими полевыми орудиями. Под покровительством крепостных орудий турки отчаянно устремились в траншеи, занятые 13-м егерским полком, ударив в то же время на 14-й егерский полк, прикрывавший правое крыло. Встретив в первом своем стремлении сильный отпор, они повторяли нападение многократно, но были везде отбиты

холодным оружием и, наконец, совершенно опрокинутые, обратились в бегство, потеряв до 500 убитыми и два знамя...»

В одной из таких вылазок был ранен князь Меншиков. Лично командуя отражением вылазки, он был поражен ядром в обе ноги. Удар пришелся по касательной, однако раны были жестоки. Егеря вынесли из боя князя на руках. Меншиков, кривясь от боли, говорил им:

- Не тужите, ребята! Я ранен не опасно и скоро вновь буду с вами!

Вскоре на линейном корабле «Париж» под Варну прибыл из Одессы Николай Первый. Осмотрев стоявший в ближайшем к Варне Саханлыкском заливе Черноморский флот, император остался доволен. Речь же его была предельно лаконичной:

- Думаю, что молодцы-черноморцы явят себя в нынешней войне равными славе своих отцов!

С кораблей свозили на берег тяжелые орудия и боеприпасы.

Начальником осадного корпуса Николай назначил генерал-адъютанта Воронцова. После чего император обратил свой взгляд на неприятельские бастионы.

- С чего думаете начать? – поинтересовался он у адмирала Грейга.

- Вначале думаю разогнать мошкарку, а затем уже ворошить берлогу! – доложил тот.

- Не понял! - поднял брови император.

- Хочу, ваше величество, вырезать флотилию, что стоит под варненскими стенами! Не уничтожим, мороки будет много!

- Согласен! – кивнул Николай. – Дело и в правду молодецкое!

Диверсию против турецкой флотилии Грейг поручил начальнику штаба Черноморского флота капитану 2 ранга Мелихову.

Василий Иванович Мелихов был фигурой весьма колоритной. В судьбе этого незаурядного человека удачи и неудачи сменяли друг друга как в калейдоскопе. Так не слишком удачным был дебют флотской службы молодого мичмана. Назначенный в 1807 году на фрегат «Спешный», который был отправлен в подкрепление Средиземноморской эскадры Сенявина, он был захвачен в плен англичанами. После заключения мира, Мелихов был переведен на Черное море, но и там ему снова не повезло. На бриге «Царь Константин» он потерпел крушение около Анапы и снова четыре месяца провел уже в турецком плену. Однако затем энергичный и грамотный офицер был замечен главным командиром Черноморского флота и портов Грейгом. Адмирал вначале назначил лейтенанта своим флаг-офицером, а потом, по достоинству оценив незаурядные административные способности, в чине капитан-лейтенанта назначил... начальником штаба Черноморского флота. При этом надо помнить, что в то время начальник штаба являлся по существу начальником секретариата командующего. Однако все равно это был взлет фантастический и небывалый. Как состоялось столь удивительное

назначение, как его утвердил император Николай доселе не понятно. Скорее всего, Грейг просто воспользовался тем, что в первые месяцы воцарения из-за декабристского мятежа, у Николая до флотских дел просто не доходили руки. Не менее поразительно и то, что молодой офицер, став вторым лицом на Черном море, оказался на своем месте. И это, не смотря на длительное неприятие его многими адмиралами и более старшими офицерами-черноморцами.

Деятельность Мелихова была на редкость плодотворной и разумной. Впервые в истории отечественного флота Мелихов разработал основы деятельности штатного флотского штаба, определил обязанности его сотрудников. Помимо этого, при поддержке Грейга он начал создание знаменитой Севастопольской морской библиотеки. За взятие Анапы Мелихов стал капитаном 2 ранга. Теперь ему надо было оправдать оказанное доверие и под Варной.

Согласно замыслу Грейга с каждого корабля Мелихову выделили по два баркаса с фальконетами. Свой брейд-вымпел Мелихов поднял на бригантине «Елисавета». Командирами баркасов мальчишки-мичманы, дерзкие и отчаянные. Мельников их инструктировал дотошно, чтобы каждый понимал свой маневр:

- Атакуем сегодняшней ночью! Пальбу не открывать, действовать только тесаками и ножами. У крепости долго не задерживаться, а то пушками разнесут в клочья! Захватили и сразу же отходить! Что не удастся захватить, поджигайте! К Варне идем по моему сигналу – пушечному выстрелу! А сейчас распределим цели, кому кого брать на abordаж!

Мичманы слушали речь Мельникова восторженно, еще бы, только началась война, а они уже командирами в таком лихом деле!

Вчерашние гардемарины явили себя отважными моряками. Едва стемнело гребные суденышки в полной тишине (даже уключины, чтобы не скрипели, обматывали брезентом!) двинулись к крепости. Чтобы турки раньше времени не заметили атаку, нападающие придерживались обрывистого южного берега. Когда дистанция до стоящих на якорях турецких судов не превышала половины ружейного выстрела, турки обнаружили наши баркасы. На неприятельской флотилии поднялся страшный переполох. Кто-то пытался выбрать якорь, другие метались у мачт, третьи бежали в арсенал вооружаться. Дальновидней всех, однако, поступили те, кто сразу сиганул за борт и, не дожидаясь развязки, поплыл к берегу.

Спустя минуту русские баркасы уже сошлись борт в борт с турецкими судами. Началась рукопашная, стремительная и беспощадная. Из всех боев abordажный бой - самый страшный. Даже если ты только ранен, то, падая в воду, шансов остаться в живых, уже нет никаких. Внезапность и русская удаль вскоре превозмогли турецкую отчаянность. Спустя час, все 16 турецких судов были захвачены. К этому времени в Варне поднялся шум, там, наконец-то, опомнились. С крепостных верков началась беспорядочная стрельба. Но было уже поздно. Вся турецкая флотилия в полном составе к этому времени уже достигла стоянки Черноморского флота. В плен попал

начальник флотилии со свитой. Наши потери - два человека. Победа была блестящей!

Обнимая своего начальника штаба, Грейг радостно говорил:

- Буду ходатайствовать перед государем о Георгии и внеочередном чине.

Вызванных к себе на «Париж» храбрецов-мичманов Грейг расцеловал.

- Эти мальчишки, без страха и упрека! – сказал впоследствии император, выслушав доклад командующего флотом, и велел всех наградить.

Вскоре осадные войска овладели всеми ложементами вне крепости. Теперь наши подошли вплотную к стенам. Не успели турки опомниться от этого, как саперы подвели подкоп и рванули северный бастион Варны. Взрыв бастиона стоил туркам трех сотен погибших.

Щадя кровь своих и чужих, император Николай предложил гарнизону капитуляцию. Комендант Юсуф-паша отказался.

- Сдаться московитам мы всегда успеем! – поддержал его капудан-паша Гуссейн. – Тем более, что к нам уже идут войска Омер-Вриони лучшего из наших полководцев! А потому будем стойки и мужественны!

Схватки в ложементах под крепостными стенами происходили почти ежедневно. Вместе с егерями там дрались и матросы с кораблей. Опыта штыкового боя у них было, разумеется, меньше, зато этот недостаток они с лихвой компенсировали отвагой и взаимовыручкой.

Из хроники осады Варны: «Флот не переставал деятельно содействовать осаде Варны. Он доставлял материалы для осады и рабочих, всегда находился со своими офицерами в опаснейших траншейных работах и исполнявших все деятельно и мужественно. Начиная с 9-го августа, высылал ежедневно один линейный корабль и одно, а часто и два бомбардирских судна для действий по городу. Действия кораблей значительно развлекало усилия неприятеля; бомбардирские суда, не умолкавшие ни днем, ни ночью, непрерывно производили в городе пожары. Флот составлял, так сказать, депо осады, и 14-го числа, во время покушения генерал-майора Перовского на турецкие окопы, для усиления резерва свезено было на берег по одной четверти экипажа с каждого корабля».

В середине августа Грейг решил произвести новую диверсию. На этот раз объектом должен был стать порт Инада, где турки сосредоточили припасы для осажденной Варны. Командовать набегом адмирал поручил своему любимцу капитану 1 ранга Критскому. Брейд-вымпел командира Критский поднял на фрегате «Поспешный». Кроме него в отряд вошли шлюп «Диана», катер «Соловей», чуть позднее к Критскому должны были присоединиться крейсировавшие у Босфора фрегат «Рафаил» и бригантина «Елисавета».

Оставив для наблюдения у пролива «Диану», Критский с остальными судами ранним утром 17 августа подошел к Инаде. Приближение русского отряда не осталось незамеченным. С берега сразу же открыли ожесточенный огонь. На «Поспешном» подняли флажный сигнал: «Занять назначенные по диспозиции места». Через четверть часа «Поспешный» и «Рафаил» уже громили турецкие укрепления. К 10 часам утра береговая оборона была подавлена. Над разбитыми батареями курился дым...

- Кажется, турок мы причесали! – довольно ухмыльнулся Критский, обозрев в трубу берег. – Теперь слово за нашими охотниками! Подать мне шлюпку!

«Елизавета» и «Соловей» лихо подвернули к самому берегу и высадили десант. Матросов-охотников повел в бой сам командир отряда. Едва моряки выбрались на берег, как тут же были атакованы из ближайшего редута орущей толпой турок. В завязавшейся рукопашной схватке нападавшие были обращены в бегство.

- Сюда бежали, орали, отсюда бегут, тоже орут! Поди, пойми их душу басурманскую! – смеялись наши.

На плечах убегающих, десант ворвался в редут. Там беглецов перекололи штыками. Видя печальную судьбу своих товарищей, разбежались турки и из соседних укреплений. Теперь все побережье было в наших руках. Заминировав редуты и склады, погрузив в шлюпки дюжину медных пушек, моряки покинули Инаду. Дерзкая вылазка обошлась нам в одного убитого и пять раненных.

Едва шлюпки отошли от берега, там загремели взрывы. То взлетали на воздух магазины с порохом и хлебом, которые так ждали в Варне.

- Кажется, дело сделано и сделано неплохо! – констатировал Критский, глядя на зарево над разгромленной Инадой. – Поворачиваем восвояси!

- Столько хлебушка изничтожили, что и подумать страшно! – грустно переговаривались промеж себя матросы, знавшие, каким трудом достается землепашцу горсть пшеницы.

«Экспедиция, совершенная отрядом судов под командою капитана 1 ранга Критского, представляет пример отваги, каких мало можно встретить в истории. Горсть матросов, высаженная на берег в 90 верстах от Константинополя, берет приступом укрепления, хорошо устроенные, вооруженные артиллерию и обороняемые многочисленным гарнизоном; захватывает часть орудий и заклепывает остальные, истребляет огромное депо воинских снарядов и, совершить все это с самою ничтожною потерей, благополучно возвращается к флоту» – скажет об экспедиции к Инаде современник.

«Смелое предприятие на Инаду быстро разнеслось по всему краю и навело страх и смятение в самом Царьграде» - напишет о ней историк.

Каждый день ранним утром от стоящего на якорях флота отделялось несколько кораблей и фрегатов. Они подходили к крепости и начинали бомбардировку. Командиры линкоров сетовали:

- Из-за песчаных мелей мы не можем подойти вплотную к стенам, а потому наш огонь не слишком действенен!

Чтобы огонь был более действенен, с Дунай под Варну перегнали несколько плоскодонных барж-иолов и канонерских лодок. Теперь турком стало совсем не сладко. Мелкосидящие канонерки маневрировали у самого берега, и сутки напролет засыпали крепость ядрами.

Их хроники осады Варны: «...Назначенные на смену корабля «Норд Адлер» и бомбардирского судна «Опыт», корабль «скорый» и бомбардирское судно «Соперник» в 2 часа по полудни заняли места против крепости и начали действовать. На корабле «Норд Адлер» убито 2 и ранены 2 матроса. Пробоин оказалось 15, повреждений в рангоуте такелаже 47. На бомбардирском судне «Опыт» ранен 1 рядовой.

...Корабль «Скорый», по данному ему приказанию, отошел от крепости. В продолжение трехдневного действия ранено на нем 6 человек нижних чинов. В корпусе корабля было 8 пробоин, фок-мачта пробита на вылет и сверх того до 25 повреждений в оснастке

...В продолжении дня и ночи, корабль «Иоанн Златоуст», бомбардирское судно «Соперник» и отряд гребной флотилии действовали непрерывно. В 5 часов по полудни корабль «Иоанн Златоуст» сменен кораблем «Пимен». На первом в продолжение трехдневного нахождения пред крепостью ранен рядовой, получено 5 пробоин и большее число повреждений в такелаж.

...В 8 часов «Императрица Мария», «Пантелеймон», бомбардирские корабли и суда гребной флотилии действовали непрерывно.

...Корабль «Пармен», бомбардирские суда и отряд гребной флотилии действовали непрерывно.

...Канонада между крепостью и кораблем «Иоанн Златоуст», бомбардирскими судами и отрядом гребной флотилии производилась с особой живостью».

В один из дней, на стоявших в отдалении от крепости линейных кораблях, началась долгая пальба. Турки недоумевали, в чем дело. Неужели, это атаковал неприятеля, вышедший из Босфора флот султана. Увы, причина пальбы была иная. Это присоединился к флоту новопостроенный линейный корабль «Императрица Мария».

- Теперь можно идти и с линейным флотом турецким отношения выяснять! – радовались на линкорах.

А тут вернулся с крейсерства и фрегат «Рафаил». Капитан 2 ранга Стройников доложил:

- Опросив с десятков выходящих из Босфора купцов, я выяснил, что турецкий флот находится сейчас в полной готовности к бою и не сегодня, так завтра выйдет в Черное море. Какие будут указания!

- Пока никакие! – поджал губы Грейг. – Пополняйте запасы воды и продовольствия и готовьтесь к новому крейсерству!

Отпустив Стройникова, он вызвал к себе начальника штаба Мелихова.

- Передайте мое приказание командирам кораблей быть готовыми по первому сигналу вступить под паруса! – велел ему Грейг.

Более он не предпринял ничего, не удосужившись даже усилить крейсерские силы у пролива. Блокада Босфора по-прежнему носила чисто формальный характер, и турки могли в любой момент появиться где угодно. Это вызывало немало толков и разговоров на флоте, но командующий к ним не прислушивался, имея, на сей счет, свое мнение.

Вскоре линейным кораблем «Пантелеймон» из Одессы доставили дипломатов: французского посла герцога де Мортемар, австрийский принц Гессен-Гамбургский, шведский генерала Пальмстиера и ганноверского генерала Дернберга. Николай Первый желал, чтобы Европа узнала, как падет еще одна турецкая крепость.

Пока русская армия занималась осадами и штурмами многочисленных дунайских крепостей, у султана было время для ответного хода. И он этот ход сделал. Форсированным маршем через Балканы перешла резервная армия арнаута Омер-Врионе-паши. Албанец по происхождению, он недавно отличился в карательных походах в Морее и был в любимцах у султана. Отправляя Омер-пашу, султан Махмуд был краток:

- Отныне ты меч нашей веры, а потому должен уничтожить силы тьмы, окружившие Шумлу!

- Я залью кровью неверных поля Болгарии и Румелии, мой повелитель! Я буду беспощаден и неистов, пока не падет от моей руки последний москвит! Одновременно перешел к активным действиям и сидящий в Шумле Гусейн-паша.

- Гяуры за столетия нашей войны с ними привыкли, что мы никогда не нападаем ночью, но сегодня я решил сделать это! – объявил он своим военачальникам.

- Но ночной бой противоречит нашим священным традициям! – возмутились предводитель отчаянных-дела Эмин-паша и вождь башибузуков Эсет-Мегмет-паша.

Однако сераскира поддержал влиятельный начальник регулярных полков-бимбашей зять султана Галиль-паша, и решение о ночной атаке было принято. Гусейн-паша хотел захватить несколько редутов правого фланга и освободить дорогу к Шумле.

Увы, но уверенные в том, что турки никогда не воюют ночью, осаждающие утратили всякую бдительность. Расплата была кровавой. Незадолго до рассвета турки стремительно атаковали редут на правом фланге и захватили его. Часть гарнизона в этот момент спала, другие работали во рве, углубляя его. А передовая цепь была сметена в одно мгновение. В жестокой скоротечной схватке погибли все защитники редута. Генерал-майором Вреде

был изрублен ятаганами так, что его потом едва опознали. Уползти успел только тяжелораненый подполковник Вейде, но и тот умер день спустя.

Развернув бывшие в редуте пушки, турки открыли пальбу вдоль нашей линии. Все произошло столь быстро, что тревога в русском лагере поднялась только тогда, когда ударили захваченные пушки. Первым к редуту бросились две дежурные роты 15-го егерского полка во главе со своим командиром полковником Ефимовым. В этой сумасшедшей атаке они полегли все.

К счастью в боевой готовности оказался находившийся неподалеку отряд полковника Липранди, который готовился уходить в рейд этим утром.

Генерал Рудзевич в нижнем белье прискакал к Липранди:

- Полковник! Любой ценой задержи турок, пока не соберем войска!

- Задержу! – коротко бросил Липранди и, выхватив саблю, бросился к своему отряду.

Сил у полковника было крайне мало: неполный полк пехоты и шесть казачьих сотен.

- Двум смертям не бывать, одной не миновать! За мной, ребята! – крикнул Липранди и первым бросился в сторону захваченного редута.

Редут отряд Липранди не отбил, но, завязав жестокий бой, выиграл десяток-другой минут. Пали почти все, но за это время остальные полки были приведены в готовность. Сражение разгоралось с каждой минутой. Турки уже неистово атаковали соседние редуты. Тут гарнизон уже был на местах и встретил атакующих шквалом огня. Атакам подверглись и остальные редуты.

Генерал Рудзевич лично водил в непрерывные контратаки остатки двух егерских полков и батальон тамбовцев, но всякий раз безуспешно. А турки все наседали. Положение спасла прискакавшая конно-артиллерийская батарея. С ней прискакал и начальник главного штаба армии генерал-адъютант Киселев. На полном скаку артиллеристы развернули свои пушки.

- Палить картечью с передков! - крикнул Киселев.

Первый залп пришелся прямо в середину набегающей толпы. Ни одна картечина не пропала даром. Второй залп положил задние ряды. Немногие оставшиеся в живых спаслись бегством.

На этом пыл турок пропал. Следующая атака Рудзевича была уже более успешной. Егерям и тамбовцам удалось зацепиться за угол редута. После еще несколько отчаянных усилий редут был отбит. Турки некоторое время продолжали драться, а потом отступили в Шумлу.

Одновременно с атакой на осадные редуты Гуссейн-пашой, ударил с внешней стороны на осадный лагерь и Омер-паша. Действия двух турецких армий были весьма согласованными. В надежде, что гарнизон захватил к этому времени хотя бы несколько редутов и открыл ему дорогу, Омер-паша начал генеральное наступление. Согласно турецкого плана, навстречу из Шумлы к нему должен был прорываться Галиль-паша.

Турки наступали густыми колоннами. На этот раз застать врасплох наши войска туркам уже не удалось. Только что преподанный Гуссейн-пашой урок не пропал даром. Главный удар на этот раз пришелся на отряд принца Евгения Виртембергского. Одну колонну турок принц остановил картечью и

пулями, а затем прискакавшие гусары окончательно обратили турок в бегство. Их не преследовали. Гусарские лошади едва передвигали ноги.

Удар второй колонны пришелся на батальон Уфимского полка. Батальон был окружен и, хотя успел выстроиться в каре, пал до последнего солдата.

Подоспевшая вскоре пехота и гусары дальнейшее продвижение турок все же остановили. А подошедшие с основными силами генералы Ридигер и Дурново окончательно отбросили неприятеля далеко назад.

Разбить Омер-пашу на сей раз не удалось. Он лишь отступил, но сломлен не был. Сил у турок было еще предостаточно.

Боевые действия под Шумлой продолжались. Иногда туркам удавалось добиваться некоторых успехов, но в целом изменить ничего не могли. Наши, в свою очередь, тоже были повязаны по рукам и ногам осадой сразу двух крепостей. При этом сил для решительного штурма хотя бы одной из них, не говоря уже о продвижении за Балканы. Турки ждали подкреплений из Анатолии и Египта, наши же ждали подхода гвардейского корпуса, который должен был изменить соотношение сил в нашу пользу.

Навестив супругу Александру Федоровну и дочь Марию в Одессе, Николай Первый попытался, было вернуться к Варне на «Флоре», но длительная штормовая погода, это сделать не позволила.

- Едем сухим путем! – распорядился император.

В коляске с царем только верный Бенкендорф. Чтобы не привлекать излишнего внимания, Николай отказался даже от небольшого казачьего конвоя.

До самого Дуная хлестали дожди. Лошади едва тянули по непролазной грязи. Бенкендорф нервничал. Основания для этого были - по окрестностям бродили шайки башибузуков. Поэтому генерал-адъютант держал при себе три пары заряженных пистолетов. Всю ночь он просидел, напряженно вглядываясь в окно, тогда как сам император спал сном младенца. Уже под утро Николай проснулся, выглянул в окно

- Огни видел?

- Да, ваше величество и это меня весьма тревожит!

- По-видимому, это Кюстенджи, а там наши войска!

- А вдруг турки? – опасливо заметил Бенкендорф и поближе придвинул к себе пистолеты.

Тем временем вдалеке показался военный лагерь.

- Смотри, как правильно раскинуты палатки! Это наши!

Коляска въезжала в лагерь гвардейской легкой кавалерийской дивизии.

«Даже теперь, по прошествии многих лет от события, - вспоминал впоследствии Бенкендорф, - дрожь пробегает по мне, когда я только вспоминаю, что в то время ехал один по неприятельской земле, с русским императором, вверенным моей охране.

27 августа Николай был уже под Варной.

- Теперь я буду вместе со своей армией и флотом до падения Варны! – объявил он.

Вместе со всей своей многочисленной свитой Николай разместился на 100-пушечном линкоре «Париж» и оттуда руководил не только войной с Турцией, но и всей Российской империей. Жизнь на «Париже» для команды стала совершенно невозможной. Даже мичманские выгородки занимали теперь свитские полковники, а об остальных и говорить нечего. Офицеры корабельные вместе с матросами в палубах батарейных спали, тут же в углу и флотский штаб приютился. По верхней палубе шлялись, изнывая от безделья, толпы генерал-адъютантов, которым делать на линейном корабле было ничего, а потому они дружно донимали команду придирками по части молодецкой выправки и лихости в отдании чести. Попавшись пару раз, мичманы и матросы уже боялись на палубе лишний раз показаться. Только выйдешь, сразу тебя хватает за шиворот какой-нибудь пехотный генерал и давай с остервенением муштровать гвардейским экзерцициям.

На шканцы и вовсе ходить было боязно, ибо там тоже частенько прохаживался царь-государь в сопровождение своего любимца барона Дибича. Хорошо, коль под настроение к нему попадешь, но не дай бог, ежели, подвернешься под горячую руку!

- Когда же мы эту распроклятую Варну одолеем! – горевали офицеры и матросы. – Может быть, хоть тогда и вздохнем свободно!

На юте «Парижа» для императора установили большой телескоп, в который он наблюдал за ходом осады крепости.

К концу августа к Варне, наконец-то, прибыл долгожданный гвардейский корпус с пушками и обозами. Лучшие полки России: Преображенский и Семеновский, Измайловский и Павловский, Финляндский и Московский, лейб-гвардейские егерский и конно-егерский, казачий и гусарский, уланский и драгунский, гвардейская пешая и конная артиллерия. Вместе с остальными прибыл и гвардейский флотский экипаж во главе с контр-адмиралом Фадеем Беллинсгаузенем, тем самым, который семь лет назад открыл Антарктиду. В осадный лагерь гвардейцы вступали со старой солдатской песней:

*У нас войска очень много,
Все – лихие молодцы.
Мы надеемся на Бога
И на русские штыки!
Нам товарищ – штык трехгранный,
Хочет кровь врага пролить.
Мы на то его точили,
Чтобы грудь твою пронзить!*

Гвардия пришла, чтобы переломить ход войны. Прибывшие полки сразу же включили в состав осадных войск.

Теперь варнский лагерь уже сам напоминал настоящий город. Участок, где квартировали егеря так, и назывался «Егерской улицей». Остальные палаточные городки по названиям, квартировавших там полков. На «Морской площади» жили в своих палатках моряки. Тут же располагался телеграф. Чуть дальше был артиллерийский квартал и госпитальный поселок. Гвардейский корпус образовал, соответственно, две свои улицы, названных просто «Гвардейская» и «Конногвардейская».

Вскоре к лагерю стали прибывать торговые суда из Одессы. Для купцов после закрытия проливов с началом войны наступили не лучшие времена, но теперь у них, наконец-то, появились достойные покупатели. Недалеко от берега круглые сутки бурлил рынок, где можно было увидеть торговцев со всей Европы.

На позициях тоже шла своя обыденная жизнь. Солдаты развлекались тем, что поднимали из окопов на штыках фуражки, а турки падали по ним почем зря. Тут же спали сменившиеся с пикетов и ни ружейная пальба, ни непрерывный грохот пушек не мог их разбудить.

Вместе с гвардейцами к Варне прибыла и ракетная рота.

- Это кстати! – обрадовался граф Воронцов и тут же велел ее командиру показать туркам, где раки зимуют.

Михаил Семёнович Воронцов

Для начала решено было обстрелять передовой турецкий редут. Подполковник Внуков расставил в ряд здоровенные шеститрубные станки. Трубы вставили начиненные порохом 20-фунтовые ракеты.

- Подпаливай! – крикнул Внуков.

Зашипели горящие фитили. Затем из труб ударил форс пламени, и длинные сигары одна за другой взлетели в сторону неприятельского редута. Сидящие в редуте визжали от страха, наблюдая, как на них падают невиданные дотоле снаряды. Тем временем охотники Симбирского полка во главе со штабс-

капитаном Сульженко обошли редут с тыла, и вышибли обезумевших турок оттуда штыками.

- Хорошая штука эти ваши ракеты! – похвалил Внукова граф Воронцов. – А ну-ка, пугните наших друзей и в самой крепости!

- Станки развернуть! Ракеты в трубы уложить! – скомандовал Внуков.

- К стрельбе готовы! – бодро доложили фейерверкеры от станков.

- Ну, тогда запускаем Змея Горыныча! – усмехнулся Внуков, самолично подпаливая зажигательный шнур. – Сейчас на славу повеселимся!

С жутким шипением и воем взвилась первая ракета, за ней другая, третья. Оставляя в небе огненный след, они летели в крепость, где, падая и взрываясь, поджигали все вокруг. Вскоре из Варны донеслись истошные вопли турок.

- Никак фейерверку нашему радуются! – смеялись солдаты-ракетчики. – Так нам не жалко, мы еще запустим!

Вряд ли тогда кто-то из свидетелей этого события предполагал, что он присутствует при рождении самого мощного и страшного боевого оружия грядущих эпох...

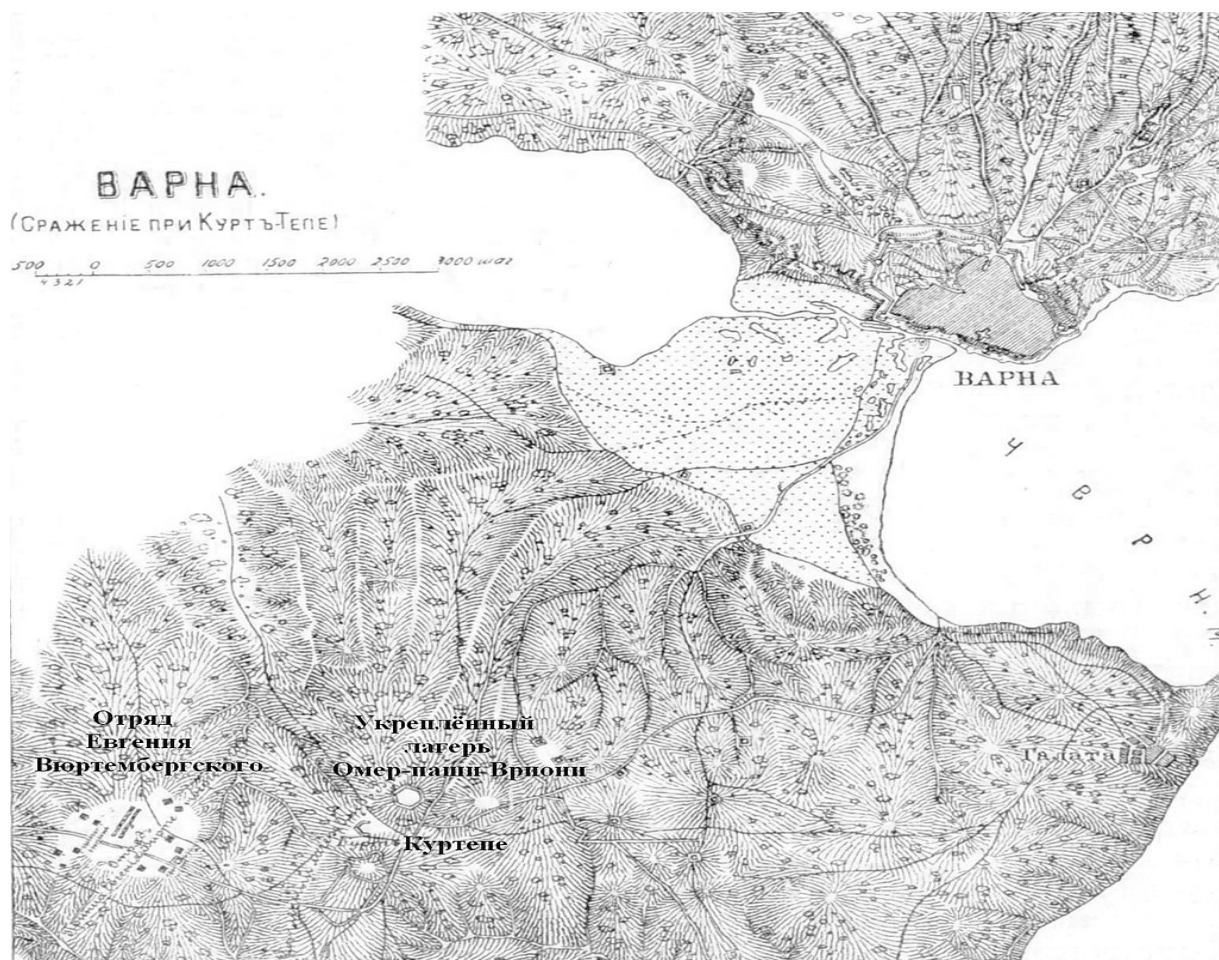
Тем временем для деблокады Варны с юга спешил 30-тысячный корпус Омер-Вриони паши. Албанец Омер-паша совсем недавно отличился в Морее и был любимцем султана.

Турки, было, ударили по передовому отряду генерал-адъютанта Бистрома у деревушки Куртепе (что означает «Волчья гора»), но были отброшены. Вскоре после этого Омер-паша был остановлен во встречном бою гвардейским отрядом генерала Фрэйтага всего в шести верстах от крепости. Первый натиск выдержали лейб-гвардейские гренадеры. В штыковом бою пали генерал Фрэйтаг и полковник Зайцев. Смерть командиров внесла некоторое замешательство в рядах, но подполковник князь Мещерский с саблей наголо снова повел полк вперед, и гренадеры выстояли. А затем подошел Павловский полк. Турки бежали, бросая зарядные ящики и обозы.

На другом участке турки все же сумели прорваться в тыл вагенбурга у Куртепе. Теперь до Варны им оставалось уже совсем не много. Многочисленная турецкая пехота продвигалась вперед, умело прикрываясь кустарником. Наконец Омер-паша ввел в бой свой последний резерв 15-тысячную конницу. Конница в неистовстве прорвалась к прикрывавшим осадный лагерь редутам. Храбрость турок в этой атаке была необыкновенна. Знаменосцы-байрактары и муллы, подавая пример, первыми с криками бросались грудью на картечь, взбирались на редуты, водружали на гласисы свои значки и тут же умирали на штыках, прославляя Пророка. Здесь отбивался от турок малочисленный отряд генерала Бистрома. Генерал кликнул охотников:

- Ребята нас мало, но атаковать надо! Уцелеть надежды никакой! Кто за мной, вперед!

И первым кинулся с обнаженной саблей в гущу врагов. За Бистромом пошли все. Это был уже не бой, а настоящая резня. Бились до последнего. Когда ломались штыки, дрались прикладами. Когда разбивали в щепу приклады, в ход шли кулаки. Отчаянно дрался поручик Измайловского полка барон Вревский. Несколько рубленых ран получил он, но так и не покинул поля брани. Мы еще встретимся с этим храбрецом!

Сражение при Куртене 18 сентября 1828 года

Пощады в той схватке никто никому не давал, да никто ее и не просил. И все же пыл турок оказался слабее русской стойкости. Неприятель бежал, причем столь же стремительно, как совсем еще недавно нападали. Из отряда Бистрома уцелели немногие, но дело свое они сделали. Вечная им за то память!

Теперь уже отряд принца Евгения Вюртембергского сам устремился на пересечку турок, чтобы окончательно отбросить их от Варны. Украинский, Одесский, Азовский и Днепровский полки, егеря, лейб-улань и лейб-казаки, артиллерия – все горели желанием посчитаться за кровь товарищей. Удар русских полков был всеокрушающ! Они гнали турок до только что воздвигнутого им в перелеске редута. Затем был тяжелый бой за редут.

Из хроники сражения: «Отбитый пехотой первой линии, неприятель упорно повторял нападение четыре раза, но без успеха. Битва была жестокая. Принц

Евгений получил легкую рану в плечо, но не оставил своего места. Видя неудачу в центре, турки пробрались кустарниками, открыли сильный огонь по правому флангу и в тыл...»

Генерал-майор Дурново с Азовским полком взошел на местные высоты и оттуда бил турок точным огнем. Солдаты, забивая в стволы свинцовые пули, говорили:

- Сверху вниз и пуля быстрее летит!

Переведя дух, Дурново повел азовцев дальше, но был убит. Атаку возглавил генерал-майор Симанский

Из хроники сражения: «Видя храброе наступление русских, неприятель покушался опрокидывать их сильною атакою своей многочисленной конницы, но, построившись в каре, батальоны отразили турок, быстро свернулись в колонны, снова наступили под сильнейшим картечным и ружейным огнем, и, не смотря на потерю своего второго начальника генерал-майора Симанского, Днепровский полк с батальоном Украинского принял направо, и поддержанный в свою очередь Азовским полком, явился в нескольких шагах от укреплений, бросился на вал, взял орудие и проник в лагерь...»

Казалось, победа при Куртепе близка, но турки вновь бросили в бой столь огромные силы, что нашим пришлось не сладко. Взаимное истребление продолжалось до наступления темноты. Только тогда измученные противники разошлись на исходные позиции. Наши потери были огромны. Убитых и раненных было за две тысячи человек из пяти тысяч участвовавших в бою. Турки потеряли в три раза больше. Измученные семичасовым штыковым боем люди падали от усталости на землю.

- Еще один такой бой и от полков останутся только знамена! – мрачно вздыхал принц Виртембергский и тут же на барабане принялся писать донесение императору:

«Вверенные мне войска сражаясь семь часов с неприятелем, впятеро сильнейшим, находившимся в позиции, к которой трудно было приблизиться, и еще труднее привести в действие многочисленную артиллерию и употребить отличную кавалерию, у нас находившуюся, не смотря на все эти неудобства, ограниченные почти одним действием пехоты, бились с рвением героев. Хотя успех не увенчал их, но чрезвычайные и почти невероятные усилия, ими оказанные, достойны милостивого воззрения Вашего императорского Величества».

Разбить войска Омер-паши не удалось. Однако теперь ему было уже не до деблокады Варны. Ужасающие потери заставляли думать о собственном спасении.

Весьма интересна оценка бою при Куртепе, была дана будущим прусским фельдмаршалом Мольтке: «Атака на Куртепе является одним из самых блестящих дел похода 1828 года: хотя предположенное нападение не увенчалось успехом, но храбрость русского войска произвела на турок сильное впечатление, что последствия этого боя существенным образом повлияли на исход кампании. Пример этот служит доказательством,

насколько строгое повиновение даже среди самых затруднительных обстоятельств представляет одну из первейших военных добродетелей».

Омер-паша Вриони

После бойни при Куртепе крепость была предоставлена своей судьбе. Медленно шаг за шагом осаждавшие стягивали петлю на шее Варны. Отчаянно сопротивляясь, турки отдавали одно предмостное укрепление за другим. Бои за каждый метр шли кровопролитнейшие.

Из воспоминаний участника осады полковника Менда: «Храбрость турок в окопах доходит до неимоверности. Их меткие выстрелы, отчаянная смелость и отличное хладнокровие достойны удивления и сими доблестными качествами народа предводители их успели воспользоваться в совершенстве. Едва ядро успевало просвистеть над головами саперов и, ложась в бастион, подымало черное облако пыли, едва стрелки наши, расположенные вдоль контр-апроша по бойницам успевали прицелиться, как меткий выстрел уже летел и поражал артиллериста, или стрелка через узкую бойницу. Девять орудий непрерывно анфилировавших бастион, не могли удалить дерзких защитников Варны. Они осыпали осаждающих пулями, ручными гранатами, бомбами. Работы, производимые во рве, под прикрытием орудий и стрелков вдоль контр-эскарпа, непрерывно останавливались».

Пока наверху шла стрельба, глубоко под стенами крепости по-прежнему шла невидимая непосвященным война – минная! В темноте на карачках, судорожно глотая спертый воздух, саперы рыли подземные тоннели, крепили подпоры. Офицеры приставляли к стенкам тоннелей жестяные воронки и тревожно вслушивались, не стучат ли поблизости турецкие заступы, не роятся ли контр-траншеи, чтобы подвести под наши и взорвать. Не дай Бог, тогда конец всем, ибо из-под земли уже не выбраться!

В самой Варне туркам тоже приходилось нелегко. От пожаров выгорела большая часть города. С каждым днем увеличивались болезни. Раненные и мертвые валялись прямо на улицах. И тех, и других девать было просто некуда. Вдобавок ко всему начался сильный голод. Крепость держалась лишь на упорстве капудан-паши Ицет-Магомета.

- Я дал слово не пустить русских в Варну, и я свое слово исполню, чего бы это стоило! – говорил он своим помощникам, едва те заводили разговор о возможной сдаче крепости.

Над головой турецких военачальников с воем летели тяжелые ядра. Это вел свою непрерывную бомбардировку Варны начальник морской артиллерии капитан 2 ранга Залесский. Бреш-батареи из корабельных пушек с каждым днем все больше и больше расширяли проломы в стенах.

К середине сентября был закончен русскими саперами еще один подкоп северного бастиона. Командовавший подкопом полковник Шильдер был работой своих солдат доволен.

- За правильность прокладки тоннеля я ручаюсь головой! Все сделано с точностью Фоберже! – доложил он руководившему осадой графу Воронцову, стряхивая прилипшие комья глины с коленей.

- Заполняйте горны! – разрешил тот.

После этого в конце тоннеля заложили порох. Новый взрыв должен был окончательно уничтожить передовой бастион. Глянуть на подрыв Воронцов вышел сам. Снял фуражку, перекрестился:

- Подпаливай!

Саперный офицер поднес фитиль к зажигательному шнуру. Огонек побежал под землю и исчез. Теперь оставалось только ждать. Прошло несколько томительных минут и грянуло! Сила взрывов была такова, что земля встала дыбом. Когда осела пыль, стало видно, что стены обвалились на десятки метров. Теперь можно было и штурмовать.

- От провала турок отгонять огнем, одновременно готовить войска к захвату бастионов! – велел, довольный всем увиденным, Воронцов.

Через несколько дней наши войска овладели передовым бастионом и, установив на нем осадные пушки, начали в упор громить крепость.

Предприняв отчаянную контратаку, турки отбили бастион и пытались развить свой успех, но были остановлены картечью. Затем была ответная атака, и бастион у турок снова забрали, на этот раз уже навсегда. В одной из таких схваток был ранен пулей в грудь на вылет генерал Перовский, возглавлявший очередную контратаку.

Из хроники штурма Варны: «25 сентября 110 отборных егерей и матросов за час до рассвета вошли под начальством лейтенанта Зайцевского в Варну через сделанный до того пролом в ближайшем к морю северном бастионе, положили на месте защищавших это место турок, и в жару битвы, подкрепленные несколькими ротами, бросились в середину самого города. Тогда не успели еще устроить ложемент в занятом бастионе. Отважные воины не могли удержаться против неприятельского гарнизона, получили приказание отступить и в совершенном порядке исполнили это, уведя с

собою множество приставших к ним христианских женщин и детей, овладев двумя знаменами. Найденные в бастионе 14 орудий, по невозможности их увезти, были заклепаны и одно сброшено в ров. Потеря наша простиралась до 80 человек убитыми и до 300 ранеными».

Вместе с егерями в этой отчаянной атаке участвовали матросы 41 флотского экипажа во главе с известным храбрецом лейтенантом Зайцевским и мичманом Гюленгеком. Говоря современным языком, это был настоящий флотский спецназ, который всегда появлялся там, где было труднее всего. Увлечшись атакой, они, не взирая на оклики старших начальников, ворвались внутрь крепости. К этому времени турки опомнились и навалились на моряков всей силой. Пришлось отходить, причем с большими потерями. Зайцевский с Гюленгеном были тяжело ранены. Мичман, к сожалению, через день умер, а Зайцевский все же выжил. За свои подвиги под Варной храбрый лейтенант был произведен в капитан-лейтенантский чин, а на грудь получил Георгиевским крест и Анну.

Несмотря на оставление развалин взятого бастиона, всем было очевидно, что падение Варны дело нескольких ближайших дней. Последние дни обороны турки драли с особым ожесточением.

Наконец, исход битвы за Варну стал очевиден даже упрямому капудан-паше. Изет-Магомет беседовал с комендантом Юсуф-пашой. Разговор был тяжелым.

- Люди дошли уже до последней крайности и едят кору с деревьев! Если не сдать сегодня, то завтра начнется мятеж, и на самих отдадут в руки врага! – говорил Юсуф-паша, и в словах его была правда. Великий адмирал был черен от горя:

- Делай что хочешь! Я же с верными людьми запрусь в цитадели, и буду драться там до последнего вздоха!

К графу Воронцову прибыл секретарь капудан-паши диван-Эфендиси. Он оговорил предварительные пункты капитуляции. На следующий день в русский лагерь прибыл уже сам комендант Юсуф-паша. В лисьей шубе и красной феске, он был смертельно бледен.

- Мы уже не можем отстоять крепость, но мы еще можем спасти людские жизни! – сказал он при встрече графу Воронцову.

По возвращении в крепость между комендантом и капудан-пашой произошла перебранка. Оба хватались за кинжалы, но в последний момент все же сдержались. Юсуф-паша требовал полной сдачи крепости, адмирал желал продолжать драться с верными людьми. Так и не найдя общего языка с капудан-пашой, Юсуф-паша на следующие утро велел открыть ворота Варны и вывел оттуда большую часть гарнизона. Что касается упорного Изет-Магомета, то он просидел, запершись в цитадели, еще сутки, после чего тоже сложил оружие.

29 сентября Варна полностью сдалась на капитуляцию. Войска вступили в Варну с распущенными знаменами и барабанным боем, и музыкой, и песенниками. Право первыми вступить в крепость было предоставлено особо

отличившимся частям: 13-му и 14-му егерским полкам, саперному батальону и лейб-гвардии Измайловскому полку.

Осада Варны

В плен попало 6 тысяч человек, победителям досталось почти две сотни пушек и масса боеприпасов. Довольный одержанной победой Николай Первый распорядился отпустить пленных на все четыре стороны. Юсуф-паша Сересский, понимая, какой прием его ждет на родине, предпочел отправиться с семьей на жительство в Россию. Храбрый капудан-паша прямо заявил, что поспешит к султану, и будет снова воевать с русскими, пока Аллах не заберет его к себе на небо.

- Как волка не корми, а все одно в лес смотрит! – покачал головой Дибич, выслушав заявление турецкого адмирала и спросил у Николая Первого. - Может лучше отправить сего воинственного пашу во внутренние губернии?

- Битые нам уже не страшны! Ежели отлупили раз, отлупим и еще! – ответил Дибичу император и махнул рукой, - Пусть едет куда хочет!

И тут же пожаловал командира осадного корпуса Воронцова золотой шпагой с надписью: «За взятие Варны».

Вечером того же дня Николай получил письмо из Петербурга, гласившее, что матери-императрице сделалось совсем плохо. Болела Мария Федоровна уже давно, однако теперь состояние ее резко ухудшилось.

- Дело идет к завершению кампании, а потому я могу теперь заняться и делами семейными! – объявил император своим генералам.

Николай немедленно перенес свой штандарт с «Парижа» на только что сошедшую со стапелей 84-пушечную «Императрицу Марию». Линейный

корабль под командой капитана 1 ранга Папахристо снялся с якоря и, неся все возможные паруса, взял курс на Одессу. Начало плавания было вполне благополучным, однако затем начался бешеный шторм. Во время этого шторма не раз судьба корабля и императора была на волоске.

Из хроники боевых действий Черноморского флота за 1828 год: «Корабль «Императрица Мария» отправился из Варны 2 октября в 3 часа по полудни при тихом зюйд-зюйд-вестовом ветре. В полночь ветер перешел к норд-норд-вестовому и в то же время поднялась зыбь, предвестница бури... Около 11 часов вечера начал дуть от норд-оста, усиливаясь с каждым часом, принудил скорее сперва убрать брамсели, потом взять рифы у марселей и, наконец, закрепить фор-марсель и крьюсель и остаться под одними нижними парусами и зарифленным грот-марселем. В 11 часов утра жестоким порывом ветра сломало фор-стенгу и грот-брам-стенгу, а вслед за тем бом-утлегарь и утлегарь. Между тем ветер крепчал более и более и к полудню превратился в настоящий шторм, сопровождаемый дождем и страшным волнением. Надобно было убрать все паруса и остаться под одними штормовыми стакселями. По мере усиления ветра положение корабля становилось более и более затруднительным, а с наступлением шторма сделалось особо опасным. Корабль с изломанным рангоутом, которого убрать, по причине ужасной качки не было возможности, при шторме, дувшем прямо на берег, почти без парусов и, следовательно, без хода, имея огромный дрейф, находился по счислению не далее 40 миль от подветренного берега и приближался к нему с каждым часом. Ко всему этому надобно присовокупить, что известная продолжительность осенних северо-восточных ветров на Черном море отнимала всякую надежду на скорую перемену ветра, что подтверждалось, в то же время и указанием барометра, и приметам, знакомыми морякам. Таково было положение корабля «Императрица Мария» и не далеко была та минута, когда якоря оставались бы для него единственным средством спасения».

Реальной была вероятность того, что русский император может потерпеть крушение на берегу занятом турецкими войсками и попасть к ним в плен. К чести Николая первого в столь критической ситуации он проявил завидную выдержку, и во всем доверяя своему капитану греку, не донимал его указаниями.

Из воспоминаний графа А.Бенкендорфа: «Только государь, граф Потоцкий (Станислав) и я были здоровы и на ногах, Цепляясь за все встречное, когда хотели передвинуться с одного места на другое... Нас неудержимо гнало к враждебным берегам Босфора... Еще сутки такой же бури и русского монарха выбросило бы на турецкую землю».

К счастью для Николая шторм вовремя утих, и корабль смог снова взять курс к русским берегам.

8 октября «Императрица Мария» уже входила в одесский порт. Ступив на твердую землю, император сразу же отправился в собор помолиться за свое спасение от стихии. Через два часа Николай Первый уже покинул город, торопясь в столицу. Через неделю как раз в день рождения матери он прибыл

в Петербург, когда там его уже не ждали. А через десять дней Марии Федоровны не стало.

Провожая мать в последний путь, Николай весь путь до Петропавловской крепости шел по старому обычаю пешком за траурной колесницей в длинной епанче и в шляпе с флером. Со смертью вдовы Павла Первого ушла в прошлое целая историческая эпоха.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ В ШТОРМАХ И БОЯХ

С взятием Варны господство на Черном море окончательно перешло к российскому флоту. Еще до падения крепости Николай Первый распорядился отвезти наиболее ценные из захваченных трофеев в Одессу, чтобы известие о покорении вражеской твердыни было подкреплено и материальными доказательствами. Для этой цели был выделен парусный транспорт «Змея» под командой капитан-лейтенанта Тугаринова.

В течение суток на «Змею» было погружено 40 тысяч турецких пистолетов и ятаганов, а также 14 трофейных орудий. 12 из них, имевшие на стволах старинные польские королевские гербы, были определены для последующей доставки в Варшаву и украшения фасада дворца генерал-губернатора. Еще две пушки были особые, наградные. Первая из них была высочайше пожалована за совершенные подвиги генерал-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому, а вторая - генерал-губернатору Новороссии графу Воронцову. Помимо этого, на транспорт были погружены раненые - 17 офицеров и полторы сотни солдат, для скорейшей их доставки в Одессу, а также почта.

Военный транспорт «Змея» принадлежал к довольно распространенному в ту пору в нашем флоте типу вспомогательных судов. При водоизмещении в пятьсот тонн и смешанном парусном вооружении он имел достаточно вместительный трюм и был достаточно универсален, то есть мог перевозить всевозможные виды грузов и людей. Для самообороны на верхней палубе имелось 6 небольших пушек. Кроме командира, команда «Змеи» включала пять офицеров: старший офицер лейтенант Колесников, вахтенные начальники мичманы Краевский, Кубаркин и Веселаго, а также штурман судна подпоручик корпуса флотских штурманов Андреев. Матросов насчитывалось 150 человек. «Змея» была уже весьма неновым судном, немало поплававшим на своем веку. Транспорту давным-давно, по всем статьям, полагалась переборка корпуса, но, как это часто бывает, у начальства до вспомогательных судов все не доходили руки, а с началом войны разговоры на данную тему вообще были прекращены. Так и плавали. Во время войны «Змея» совершала плавания между Одессой и осаждаемой Варной, доставляя орудия и боезапас для осадного корпуса. Теперь же ей выпала весьма почетная задача по доставке боевых трофеев.

Утром 17 октября капитан-лейтенант Тугаринов, получив «добро» от командующего Черноморским флотом адмирала Грейга на переход, снялся с

якоря и вышел из Варнского залива в открытое море. Плавание в общем-то предстояло самое заурядное и настроение находящихся на борту было вполне обыденным.

В продолжение последующих шести суток транспорт без особых приключений, при тихом противном ветре, мало-помалу шел к Одессе. Лавировка, как известно, дело не весьма приятное, однако до порта назначения оставалось не более двух суток хода, а потому никто на это неудобство особого внимания не обращал.

Утром 23 октября ветер начал постепенно усиливаться, и к полудню командир вынужден был оставить только зарифленные нижние паруса. Однако погода продолжала ухудшаться. Ночью, налетевшим шквалом, изорвало фок. Тугаринов распорядился, было, вынести наверх запасной парус, но сила ветра оказалась настолько сильной, что о замене не могло быть и речи. Единственно, что удалось сделать – это вовремя с большим трудом убрать грот и поставить фок-стаксель и бизань, да и то ненадолго. Через час и эти паруса уже полоскались на ветру жалкими клочьями.

К утру следующего дня начался сильнейший шторм. Тяжело груженный транспорт едва взбирался на огромные водяные волны. Потoki воды почти непрерывно переливались через борт. «Змею» било, мотало и швыряло, словно щепку. Старый натруженный корпус скрипел и трещал, точно собирался вот-вот рассыпаться.

- Долго безвредно выносить такие удары о борт мы не сможем! – прокричал командиру старший офицер.

Тугаринов лишь передернул плечами, мол, что я еще могу.

Вскоре снизу доложили:

- В трюме открылась сильная течь!

- Давай вниз! – велел лейтенанту Колесникову командир. Ставь всех, кого можно, на помпы, пусть работают непрерывно, иначе не справимся.

- Есть! – коротко крикнул в ответ старший офицер и, улучив момент, когда судно на мгновение выровнялось, кубарем скатился вниз по трапу.

Картина, которую увидел в трюме Колесников, была самая удручающая. Сквозь многочисленные щели тугими струями хлестала вода, быстро заполняя придонное пространство. Обезумевшие от происшедшего вокруг раненые в испуге сгрудились у задраенного светового люка. Самых тяжелых кое-как держали на руках, чтобы те не захлебнулись. Кто-то попытался рвануться наверх, но старший офицер ударом кулака сбросил его вниз:

- Ты что, дурак, смерти ищешь?

Расставив матросов у цепных помп, Колесников велел им качать непрерывно.

- Если остановитесь – конец всем!

- Что мы, не понимаем, что ли? – ответили ему матросы, всей грудью налегая на помповые качалки.

Из воспоминаний участника событий: «Кто только мог работать, были поставлены к помпам; употребили все возможные средства для выкачивания воды, но она постоянно пребывала, и к полудню 24 числа наполнила почти весь трюм, где лежала провизия и пресная вода; достать их не было никаких

средств. В первые часы нашего бедствия мы забыли о пище и боролись только против близкой очевидной смерти, потому, что не знали, до какой степени поврежден транспорт и каждую минуту могли ожидать, что он пойдет ко дну».

Положение меж тем ухудшалось с каждой минутой. Все шлюпки, за исключением маленькой шестерки, были давным-давно сметены в море. От сильной качки в носовой части «Змеи» начали отходить обшивные доски. Из-за непрерывной работы то и дело ломались помпы. В довершение всего тронулся с места балласт и сложенные в трюме трофейные орудия. Поправить ситуацию было просто невозможно. Несколько смельчаков, бросившихся было к катающимся по трюму орудийным стволам, чтобы попытаться их закрепить, были тут же раздавлены. Внутри судна потоками вливалась вода, надрывно кричали раненые. Все с ужасом ждали, что же случится дальше.

Очередной вал с силой ударил в борт транспорта. От удара балласт и орудия резко сместились на противоположный борт, судно резко накренилось. В это время следующий вал с еще большей силой ударил в борт и «Змея» стремительно повалилась на бок. Крик ужаса пронесся по всему судну. Наступила та минута, когда самый опытный командир и самая лучшая команда уже не в силах уберечь свое судно от гибели. Наступила минута, когда все зависело лишь от провидения.

Из воспоминаний участника событий: «Положение наше было в полном смысле ужасное; транспорт на боку, без парусов, до половины налитый водою, страшно качало; редкий вал не переходил через палубу, на которой нельзя было стоять, не привязавшись к борту или мачте. Между тем наступила ночь, ураган ревел».

Хуже всех пришлось, разумеется, раненым, которым никакой помощи в столь критической ситуации оказать было просто нельзя. Они давно сидели по грудь холодной воде все больше и больше наполнявшей трюм и тихо молились. Матросы, вконец измотанные непрерывной работой на пронизывающем ветру, из последних сил старались удержать судно на плаву. Все ждали смерти, но все, как могли, боролись за жизнь и надеялись на чудо. Командир все время наверху.

- Топит по-черному! – докладывали ему.

Лежащее на борту в воде судно все больше и больше погружалось, зарываясь носовой частью.

Вскоре ко всем несчастьям, обрушившимся на команду и пассажиров «Змеи», добавились еще два: голод и жажда. Особенно невыносимой была жажда. В горячке борьбы за спасение судна, все запасы продовольствия и воды остались в залитом водой трюме, и достать их теперь обессиленным в конец людям не представлялось никакой возможности. По приказу командира собрали все, что осталось, а осталось не густо: несколько пудов, подмоченных соленой водой сухарей, шесть ведер пресной воды, три ведра вина да шесть ведер уксуса. Распределять эти крохи командир обязал лейтенанта Колесникова.

- Вино только раненым! – велел ему Тугаринов. – Все остальное делить поровну без различия чинов и званий, а порции самые умеренные!

Чтобы хоть как-то утолить страшную жажду люди пили морскую воду, разбавляя ее с уксусом, но от этого жажда только усиливалась.

Из воспоминаний участника событий: «Некоторые из больных и раненных не могли вынести этих мучений и умирали. Не долги были их похороны: умершего выносили наверх, клали на палубу; привязанный к мачте матрос читал молитву и говорил «аминь», когда нашедшая волна уносила покойника. Правду сказать, тогда эти сцены мало действовали на оставшихся в живых: собственная опасность сделала нас равнодушными к другим; мы сами ожидали вскоре отправиться в ту же дорогу».

25 октября незадолго до полуночи ветер, наконец-то, начал понемногу стихать. У людей появилась робкая надежда на спасение.

Кое-как подняли марсель на фок-мачте, но поставить «Змею» на ровный киль так и не удалось. Балласт с пушками упорно не желал переместиться в центр трюма, и транспорт по-прежнему оставался в крайне опасном положении, лежащим на борту в воде. После колоссальных усилий к утру следующего дня все же удалось направить судно по ветру и взять курс к ближайшему западному берегу. При этом положение «Змеи» почти нисколько не улучшилось - она все так же лежала на боку. Сильная зыбь раскачивала ее корпус самым страшным образом, а вода все пребывала. Волны беспрерывно ходили через палубу. Один из таких валов выбил глухие люки в корме и влился в командирскую каюту, забитую больными и ранеными. Большая часть находившихся там, сразу захлебнулось, остальных кое-как удалось вытащить. Воду продолжали откачивать помпами, ведрами и просто пустыми бочонками.

- Штурман! – подозвал подпоручика Андреева командир. – Ты можешь определиться?

В ответ тот отрицательно покачал головой:

- С самого выхода из Варны мы не имели ни одного ясного дня и шли только по счислению. Теперь же я не берусь даже сказать, в какой части Черного моря мы сейчас находимся!

- Да потаскало нас по хлябям знатно! – кивнул Тугаринов. – Что ж, будем ждать, когда откроется хоть какой-то берег, может тогда что-нибудь прояснится!

- Но ведь мы можем оказаться и у турецкого берега! – подал голос вахтенный мичман Веселаго. – А ведь это верная смерть или плен!

- На все воля Божья! – мрачно бросил в ответ Тугаринов. – Будем надеяться на лучшее!

В ночь с 25 на 26 октября штурман Андреев, прикинув в уме возможный штормовой дрейф судна, предположил, что берег, скорее всего, уже где-то рядом.

- Откуда такая уверенность? – хмуро поинтересовался старший офицер.

- Чутье! – вздохнул подпоручик корпуса флотских штурманов.

В 9 утра 26 октября сквозь туман был действительно усмотрен берег. Известие об этом вызвало всеобщее ликование. Особенно радовались раненые солдаты.

- Хоть бы поцеловать разочек землицу-матушку, а там и помирать не страшно! – говорили они, осеняя себя крестным знамением.

- Кажется это какой-то мыс! – пытался разглядеть в зрительную трубу узкую береговую черту Тугаринов. – Штурман, можешь определить, что это?

Подпоручик Андреев, до боли вглядываясь в окуляр своей трубы, отрицательно помотал головой:

- Пока не могу!

- Что ж, все равно будем подходить! – решил командир «Змеи». - Иного выхода у нас просто нет!

Подойдя еще ближе к берегу, «Змея» оказалась в небольшой бухточке, где и бросили якорь. Тугаринов произвел беглый осмотр судна. Даже этого хватило, чтобы убедиться в том, что спасти «Змею» уже невозможно, она обречена. Подсчитали количество умерших и погибших за время шторма. Их оказалось немало: один офицер и восемьдесят матросов и солдат. Однако теперь надо было думать о живых, и первым делом выяснить куда занесло тонущий транспорт: к своим или к врагам?

- Спустить на воду шестерку! – распорядился Тугаринов. – Кто пойдет на ней охотниками?

Желающих вызвалось много. Старший офицер отобрал шестерых из тех, кто выглядел поздоровее. Из офицеров идти вызвался мичман Кубаркин и измайловский поручик барон Вревский (тот самый что отважно дрался в отряде генерала Бистрома).

- Выясните, что это за берег и по возможности привезите хоть немного пресной воды, да поторапливайтесь! – крикнул вдогонку Тугаринов. – Мы продолжаем погружаться!

Уже отойдя от «Змеи» мичман Кубаркин оглянулся. Родное судно представляло собой самое жалкое зрелище: сломанные мачты, разбитые борта и почти ушедшая под воду носовая часть.

В ожидании возвращения разведчиков, Тугаринов велел выкидывать все лишнее за борт, чтобы как можно дольше удержать умирающее судно на плаву. В воду полетело все: корабельные орудия и якоря-верпы, обломки мачт и ядра. Туман меж тем понемногу рассеивался.

Шлюпка быстро шла к берегу. Гребцы, не жалея сил, налегали на весла, так что те выгибались дугой.

- Полегче! Полегче! – говорил им мичман. – Сломаете, других боле нет!

Но подойти к берегу сразу не удалось. Мешал сильный бурун. Пока маневрировали, выбирая подходящий момент для рывка, на берегу показались всадники. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы определить – это турки. Размахивая кривыми саблями, они голосили во всю мощь своих глоток:

- У, урус шайтан, ходи сюда голова резать будем!

Самые нетерпеливые из них бросились прямо на лошадях в воду и пытались плыть к шлюпке, но затем, испугавшись сильного наката, вернулись обратно. Шестерке пришлось ни с чем вернуться на «Змею».

Тугаринов собрал офицеров, и корабельных, и армейских.

- Господа, ситуация у нас хуже не придумаешь! – сказал он им. – Выбор, как вы сами понимаете, не велик: плен на берегу или смерть в море. Какие будут мнения?

Мнение офицеров было единым: в плен не сдаваться!

- Лучше уж сгинуть от стихии, чем идти в османское рабство! – выказал общее настроение Вревский.

После недолгих обсуждений было решено, если обстоятельства в ближайшее время не переменятся, с рассветом следующего дня рубить якорный канат и спускаться к берегу, там поставить транспорт на мель и, высадившись на берег, вступить в бой с турками.

- Пропадать нам теперь все одно, так хоть не за просто так! – решили офицеры. – Да и ятаганов у нас в трюме полным-полно на любой вкус валяется, так что еще поглядим, кто кого в сечку смолотит!

К этому времени туман совсем спал, и невдалеке было усмотрено стоящее под берегом на якоре австрийское судно. Немедленно туда была вновь отправлена шестерка с Кубаркиным и Вревским.

- Попросите шкипера забрать нас и перевезти в ближайший русский порт за любую плату! – велел командир «Змеи».

Подшли к купцу. Шкипер дал бочонок воды, но помочь отказался, сославшись на то, что у него уже заключен контракт на перевоз турецкого десанта.

- Я уже получил задаток от турецкого аги и теперь должен его отработать! Я есть честный немец! – гордо заявил австриец.

Кубаркин с Вревским переглянулись: турецкий десант на судне под боком, этого еще не хватало!

- И не вздумайте пытаться нас атаковать! – грозно подступил к шкиперу Кубаркин. - Наша артиллерия в несколько минут разнесет вашу посудину в щепу!

- О! Я вас понимаю! – замахал руками испуганный австриец. – У меня нет контракт на война, у меня ест контракт только на перевозка.

- То-то! – грозно глянул на него гвардеец Вревский. – И не вздумай хитрить, а то всех своих киндеров враз сиротами оставишь!

-Как называется мыс, около которого мы находимся? – крикнул шкиперу Кубакин, когда они с Вревским уже спускались в шлюпку.

- Это ест мыс Инада!

- И на том спасибо!

Из воспоминаний участника событий: «Шкипер поначалу было согласился, дал анкерок воды; но, видя, что мы не в силах его задержать, принял с берега турецкий десант и ушел в море».

С мучительным нетерпением оставшиеся в живых на «Змее» ждали следующего утра, которое, скорее всего, должно было стать для них

последним. Какова же была радость этих измученных людей, когда с рассветом они усмотрели за мысом парусный катер «Ласточка», высланный адмиралом Грейгом к Инаде на разведку.

Неутомимые Кубаркин с Вревским немедленно отправились на шестерке к катеру. Там они уведомили командира обо всем случившемся со «Змеей» и попросили помощи. Офицеров немедленно напоили горячим чаем. Командир «Ласточки» лейтенант Власьев, загрузив шлюпку провизией и водой, лично отправился обратным рейсом на полузатонувший транспорт. Прибыв, он быстро сговорился с Тугариновым о порядке перевозки людей на свой катер. К перевозке приступили, не теряя ни на минуты. Первыми рейсами перевезли раненых и больных, затем команду, после этого офицеров и самым последним, как и полагается по морскому обычаю, съехал командир.

Никто никаких вещей с собой не брал, поскольку маленький катер длиной в 50 футов и шириной в 20 едва мог вместить в себя такое количество людей. Теснота была такой, что счастлив был тот, кто мог лежать, большая часть могла лишь сидеть, а другие и вовсе стоять. На катере сразу выявился дефицит провизии и особенно воды, поэтому воду было велено отпускать по половине стакана в сутки на человека.

Из воспоминаний участника событий: «Хотя мы благодарили Бога за спасение, но все как-то грустно было оставлять свое судно. Нас утешала одна мысль, что командир, офицеры и матросы вполне и безропотно исполняли свою обязанность, употребили все средства к спасению и не наша вина, если эти усилия не спасли транспорта».

«Ласточка» еще не успела далеко отойти от мыса, как многострадальная «Змея» вдруг окончательно повалилась на бок и ушла под воду с сильным креном на нос.

Однако команде и раненым с погибшего транспорта пришлось еще пережить много лишений, пока они достигли долгожданной родной земли.

Сразу за Инадой «Ласточка» попала в мертвый штиль. Это было весьма опасно, так как запасов воды было крайне мало. Не лучшим представлялся вариант снова попасть в шторм, ведь катер был перегружен выше всяких допустимых пределов. За время нахождения на «Ласточке» еще семь умерших от истощения солдат были преданы морю. Наконец, спустя два дня подул попутный ветер, а еще через пять долгих томительных дней перегруженное суденышко благополучно бросил якорь на рейде Варны. Людей срочно свезли на берег, а Тугаринов отправился на 74-пушечный флагманский «Арсис», чтобы доложить адмиралу Грейгу об обстоятельствах происшедшего. Вскоре команда «Змеи» была расписана по кораблям флота. Новые назначения получили и офицеры, что касается раненых, то их после отдыха отправили в Одессу уже сухопутным путем. Отчет капитан-лейтенанта Тугаринова был отправлен в Морское министерство и там подшит к какому-то делу, а транспорт исключили из списков Черноморского флота. На этом все, собственно, и кончилось...

Сегодня о той далекой трагедии не помнит уже почти никто. Однако, думается, вспомнить нам о храбрецах с неказистого транспорта «Змея» все же, право, стоило.

Тем временем отряд генерала Логина Рота осаждал еще одну турецкую крепость – Силлистрию, расположенную в самом центре дунайской оборонительной линии.

Французский аристократ, бежавший в Россию от якобинской гильотины, Рот в свое время служил в Молдавии адъютантом у Кутузова, в 1812 году командовал Витебским пехотным полком, был трижды ранен, в том числе пулей в живот. Именно Рот 3 января 1826 года окружил верными правительству войсками в снегах у деревни Трилеса мятежный Черниговский полк, расстрелял его картечью и пленил.

Сил для штурма столь сильной крепости, как Силлистрия, у генерала от инфантерии Рота просто не было, а потому он получил задачу лишь наблюдать за ней, а если получится, то взять крепость в блокаду.

Боевые действия под Силлистрией решающего значения на исход кампании не имели, но ежедневные схватки на аванпостах были весьма интенсивны и кровопролитны.

В этих были и свои герои. Первым из первых граф Буксгевден, не пропускавший не одной конной сшибки. Графу несказанно везло, он выходил невредимым из самых невероятных передраг. Турки, пораженные храбростью и неуязвимостью Буксгевдена, почитали его заговоренным, и даже дали весьма лестное прозвище Алтун-паша, что значит золотой паша, из-за его расшитого золотом лейб-гусарского мундира. Почтение Алтун-паше дошло до того, что они вообще перестали в него стрелять, почитая как некий свой талисман!

Блокадному корпусу удалось взять крепость в кольцо. Со стороны реки ее наглухо блокировала русская Дунайская флотилия во главе с контр-адмиралом Завадовским.

**

К этому времени в русских войсках под Шумлой закончился фураж. Витгенштейн нервничал, но ничего поделать не мог. Валахские дороги развезло от осенних дождей, и обозы безнадежно тонули в непролазной грязи. Начались поварьные болезни, а за ними и смерти.

- Что за напасть приключилась? – нервно спросил главнокомандующий, зайдя в госпитальную палатку.

- Пестис ориенталис! – мрачно констатировали врачи, закончив осмотр умирающих.

- Скажите яснее, что это за болезнь? – тревожно спросил Витгенштейн, оглядывая длинные ряды лежащих больных.

- Яснее и быть не может – это чума!
- Что же делать?
- Прежде всего, уходить из этих мест и как можно скорее!
- Если бы это было так легко сделать! – тяжело вздохнул старый фельдмаршал, покидая госпитальную палатку.

Турки тоже не сидели, сложа руки, а все время совершали вылазки. Оттоманов крошили так, что они устилали телами, но это ничего не меняло. Надо было на что-то решаться. Дорог был каждый день.

И 3-го октября Витгенштейн, наконец-то, решился. Скрипя сердце, он отдал команду на отход от Шумлы. Едва турки увидели отступление русской армии, как немедленно вывели из крепости войска и атаковали в спину. При селении Айдохну русская армия развернулась. Удар турок принял на себя арьергард. Принял достойно. Здесь отличились казаки походного атамана Сысоева. Казаки ударили в дротики, и турки были отброшены. Отход армии продолжился. На это раз уже без всяких осложнений. И так, с Шумлой ничего не получилось. Она так и осталась за неприятелем.

Впрочем, оставалась еще надежда – последняя. Имя ей было Силлистрия. И у этой крепости тоже стоял осадный корпус. Под Силлистрией хлестали такие же дожди, как и под Шумлой. Дороги там были не лучше, а положение войск еще хуже. Примчавшись к Силлистрии с конвоем казаков, Витгенштейн увидел всю ту же удручающую картину.

- Будем уходить! – объявил он. – Иного выхода нет! Однако, напоследок устроим праздник! Начать бомбардировку, а снарядов не жалеть!

И началось! По Силлистрии палили из всего, из чего только было возможно. Артиллеристы старались, как могли. Рассуждали они здраво:

- Не тащить же с собой все наше добро на зимние квартиры! Пусть уж лучше туркам достанется! А потому заряжай!

Артиллерийские парки расстреляли за двое суток непрерывной стрельбы. Над Силлистрией поднимались столбами дымы. Темными ночами было видно, как полыхали пожары.

- Все! – мрачно констатировал старик Витгенштейн, осмотрев обгорелые фасады турецкой твердыни в зрительную трубу. – Подарки, кажется, розданы, пора уходить! Вернемся в будущем году!

От Силлистрии отступали уже в зимнюю стужу. Полки продирались сквозь яростные метели. Чтобы турки не слишком радовались, Витгенштейн воздвиг на левом берегу Дуная Каралашское укрепление с редутами и солидным гарнизоном.

- Продержаться до начала новой кампании! – велел он.

А последнюю точку в кампании 1828 года на Дунае поставил все тот же храбрый барон Гейсмар. В мороз и метель его отряд совершил внезапный 50-мильный бросок и, как черт из табакерки, возник у Калафата. Появление русских было столь неожиданно, что турки даже не пытались сопротивляться, а бежали в Ведин. Добраться, впрочем, сумели не многие. Большая часть беглецов утонула в стылом Дунае.

На исходе года произошло одно примечательное и достаточно необычное для военной поры событие. 12 декабря адмирал Грейг внезапно получил засургученный пакет от вице-канцлера Нессельроде для датского министра в Константинополе барона Гибша. Тот требовал незамедлительно передать пакет на одном из судов флота в турецкую столицу.

- Неужели вице-канцлер не нашел другого пути передать свой пакет, как рискуя жизнью русских моряков! – возмутился Грейг.

Но делать нечего, надо было определить тех, кому в разгар войны отправить прямо в логово врага, от которого можно было ожидать чего угодно. Решение командующий принимал тяжело и так думал и этак. В конце концов, в это безумное плавание был определен капитан-лейтенант Колтовский и команда брига «Орфей».

- Поднимай переговорный флаг и следуй до первой турецкой крепости в Босфоре. Там отдавай этот проклятуший пакет и сразу обратно! – сказал Грейг вызванному капитан-лейтенанту, затем вздохнул и добавил, - Если турки сие тебе позволят...

Друзья прощались с уходящими на «Орфее», как прощаются с уходящими на смерть. Офицеры брига написали завещания, матросы диктовали писарям последние письма в свои деревеньки. Черноморцы слишком хорошо знали, что представляют печально известная тюрьма Бани, куда турки обычно бросали русских моряков. Из Бани живыми возвращались очень немногие.

- Не поминайте лихом! – помахал рукой Колтовский, когда «Орфей» снявшись с якоря, вступил под паруса.

17 декабря «Орфей» под белым переговорным флагом на грот-брам-стеннге вошел в Босфор. Сильный ветер течение не позволили ему бросить якорь у первой крепости. Бриг пронесло почти к самому Константинополю. К огромному удивлению Колтовского, приход русского военного корабля остался совершенно незамеченный турками.

- Скорее всего, они приняли наш «Орфей» за свое судно! – качал головой капитан-лейтенант, глядя на безмолвные крепостные стены, по которым ходили редкие часовые.

Делать нечего, спустили шлюпку, и капитан-лейтенант с переводчиком отправился к туркам в крепость. На берегу, как и следовало ожидать, Колтовский был схвачен. Попытки объяснить, что он всего-навсего парламентар, на турок никакого впечатления не произвели. С радостными криками (ведь за пленение русского офицера полагался хороший бакшиш!) его под конвоем отправили в столицу.

- Ни при каких обстоятельствах огня не открывать! Мы здесь с дипломатической миссией! – последнее, что успел передать на «Орфей» капитан-лейтенант.

Едва был пленен командир, на борт брига прибыли местный комендант и начальник Босфорского пролива с отрядом солдат. Начался допрос команды. Турки подозревали, что бриг просто потерпел крушение, а потому является

вполне законной добычей. «Орфей» ошвартовали у причала и навели, чуть ли не сотню пушек. Офицеры были забраны в крепость заложниками, а на самом бриге разместился турецкий отряд.

- Ну и принесла нас нелегкая прямо Абдулке в пасть! Теперь пропадай зазря!
- мрачно переговаривались матросы. – Офицеров тоже нет! Надо самим поднимать бунт, перебить турок и попытаться уйти в море!

Тем временем Колтовского бросили в тюрьму. Пакет турки для датского посланника все же взяли. Шесть суток просидел капитан-лейтенант в темном подвале, ожидая решения своей судьбы. Чтобы русскому офицеру было не скучно, перед его окном рубили головы преступникам. Затем засовы, наконец-то, отперли. Барон Гибш сумел убедить верховного визиря, а тот в свою очередь султана, что хватать и бросать в тюрьму парламентариев не делает чести, тому, кто хочет прослыть европейцем. Колтовскому вручили ответный пакет, отвезли на «Орфей» и велели убираться подобру-поздорову. Вернувшийся в Варну «Орфей» встречали, так как встречают вернувшихся с того света.

- Рад снова видеть тебя живым! – обнял Колтовского Грейг. – Его величество выражает тебе свое благоволение! Быстро пополняй припасы и собирайся идти в дозор!

Когда вскоре Колтовский проявит себя храбрецом при взятии Кистенджи, его наградят золотой саблей «за храбрость», он будет говорить об этом так:

- Под Кистенджи были сущие цветочки, и вспомнить особо не о чем, настоящие же ягодки я узрел в Константинопольских подвалах!

Итоги кампании 1828 года для русской армии на Дунае были весьма внушительными: двадцать три тысячи пленных и тысяча захваченных пушек, шесть десятков потопленных судов, две сотни взятых знамен, десятки тысяч освобожденных единоверцев, и это, не считая занятых крепостей!

Кампания 1828 года стала последней кампанией для генерал-фельдмаршала Витгенштейна. Годы и расстроенное здоровье сделали свое дело. Николай Первый тоже был не слишком доволен расторопностью своего главнокомандующего.

- Успехи нашей армии могли быть куда более блестящими, чем это произошло! – не удержался он от высказывания фельдмаршалу.

- Укатали все же сивку крутые горки! – развел в ответ руками старик Витгенштейн, узнавши мнение императора. – Для дела столь многотрудного, как ведение войны нужен куда более молодой воевода. Я же чувствую, что меня уже на все не хватает! Кажется, пора и на покой!

Сразу же после устройства полков в Молдавии и Валахии на зимовку, старый главнокомандующий был отправлен в отставку. Новым главнокомандующим был назначен генерал-адъютант барон Иван Дибич.

- Надеюсь от вас, Иван Иванович, действий решительных и победных! – напутствовал в новую должность Дибича Николай.

- Сделаю все для славы вашего величества! – отвечал тот.

Генерал-квартирмейстером армии был назначен бывший суворовец и герой 1812 года барон Карл Толь.

Несмотря на немалые успехи кампании 1828 года, последние неудачи под Силлистрией и Шумлой смазали общее впечатление от достигнутых успехов. Европа, как и следовало ожидать, злорадствовала. Вена прочила победу Стамбулу и поощряла Порту к решительности. Австрийский канцлер Меттерних мечтал стать вершителем судеб Востока.

ГЛАВА ПЯТАЯ НА ВЕРШИНАХ КАВКАЗА

С началом войны с Турцией нашим войскам на Кавказе надлежало отвлекать турецкие силы с Дунайского театра и не давать поднять голову мятежным местным ханам.

Во главе Кавказского корпуса стоял генерал-адъютант Паскевич, пользовавшийся особым расположением императора. Когда-то Николай, еще, будучи великим князем, находился в подчинении у Паскевича, и с того времени называл его не иначе, как “отец-командир”. Ныне под началом “отца-командира” имелось сорок тысяч штыков. Полководцем Паскевич был опытным. Карьеру свою начал в прошлую турецкую кампанию под началом генерала Михельсона. В двенадцатом году, уже командиром дивизии храбро дрался под Салтановкой, при Смоленске и Бородине, Малоярославце и Вязьме, в битве народов при Лейпциге, отличился при штурме Парижа. Затем командовал гвардейской дивизией и армейским корпусом. При всем этом в отношениях Паскевича и кавказского генералитета царя не прикрытая неприязнь. Любимец царя, правда, уже показал свое умение, разгромив в генеральных сражениях при Елисаветполе, под Аббас-Абадом и в Эривани персидскую армию и заставив персов отказаться от разорения Грузии. Он присоединил к России Нахичевань и Армению и подписал выгодный Петербургу Туркманчайский мир, за что получил титул графа Эриванского. Но, не смотря на все это, полного доверия к себе у старых кавказцев Паскевич пока так и не заслужил. Дело в том, что почти все генералы Кавказского корпуса являлись воспитанниками легендарного Ермолова и новый начальник, сменивший их кумира, был ветеранам горских войн не по душе.

- Поглядим, каков этот гвардеец в горах, а потом уже сделаем выводы! – говорили меж собой ветераны горских войн.

До Паскевича эти разговоры доходили, и он был полон решимости доказать кавказцам, что и он не лыком шит.

- Для выполнения своего долга нам достаточно захватить Карский и Ахалцыхский пашалыки! – заявил Паскевич своим генералам на первом с началом войны совещании.

- Будем ли после этого двигаться в глубь Турции? – спросили те испытывающее.

- Дальнейшее продвижение считаю нецелесообразным! – браво отрезал Паскевич. – Отвоюем возможное и укрепимся!

- Но для этого нам еще предстоит разгрызть Карс! – хмуро вставил старый кавказец генерал-майор Попов - А это орешек не всем по зубам!

Паскевич метнул недовольный взор на говорившего, хотя и понимал, что Попов говорит правду – Карс был цитаделью первостатейной!

Выстроенная на обрывистом берегу реки Карс-чай, крепость надежно прикрывала стратегически важное направление на Эрзерум. На протяжении сотен лет Карс непрерывно укрепляли и перестраивали. Ни персам в 1735 году, ни нашим в 1807 году так и не удалось овладеть крепостью. Развитая система предмостных укреплений, два ряда высоких и толстых каменных стен, три цитадели, выстроенных ярусами одна над другой, полторы сотни пушек и десятитысячный гарнизон – все это и был неприступный Карс – главная опора турок в Закавказье.

- С покорения Карса мы и начнем нашу нынешнюю кампанию! – объявил командующий. – Готовить войска к походу!

Паскевич поморщился. Последнее время он сильно страдал от ушиба ноги и простуды. Известие о болезни русского главнокомандующего дошло до главнокомандующего турецкими войсками в Армении и Анатолии Галиба-паши. Старый сераскир возрадовался неожиданной удаче:

- Аллах не оставит нас в беде! Передайте паше Карса, что враг наш уже на краю гроба! Да поразит его пророк хладом смерти и да померкнет счастливая звезда этого кровожадного гяура!

Увы, мечтам сераскира так и не суждено было сбыться.

Перед тем как покинуть Тифлис Паскевич встретился с главой закавказских мусульман Муштеидом, перебравшимся в Россию после войны с персами. Тот написал послание к единоверцам, прося их во всем поддерживать русских. Особого впечатления на мусульман это, впрочем, не произвело.

Султан дал азийскому сераскиру трехбунчужному Галибу-паше неограниченные полномочия. Во главе кавказской армии был поставлен опытный и мужественный трехбунчужный Киос-Могамет-паша. Оба они обещали султану пройти огненным мечем до Тифлиса:

- Мы будем так свирепы и безжалостны, что живые станут завидовать мертвым!

9 июня 1828 года главные силы Кавказского корпуса русских войск, отслужив молебен, двинулись из пограничной крепости Гумры напрямиком на Карс. Привычно вскинув на плечи тяжелые ружья, солдаты дружно запели:

Грянули, ударили,

Понеслись на брань

И в секунду с четвертью

Взяли Эривань!

Теперь им предстояло раскусить самый крепкий орех Кавказа – неприступный Карс!

Передовым в походной колонне печатал шаг гвардейский Сводный полк, сформированный из бывших участников декабристского восстания. Бывшим москвцам и лейб-гвардейцам предстояло в боях вернуть себе доброе имя. Состоял в свое время в заговоре и командир сосланных гвардейцев полковник-преображенец Иван Шипов. Бывшими декабристами были и все остальные офицеры штрафников. Паскевич имел указание императора бросать опальных гвардейцев в самое пекло. Штрафники это знали, а потому шли в поход весело, ведь все одно помирать!

За войсками потянулись огромные обозы со всем необходимым. Тревожно блеяли отары баранов. На вражеской территории рассчитывать следовало только на себя.

Вскоре стали попадаться мелкие турецкие отряды. Их отгоняли, но без особого усердия, ибо приказ был на мелочи не отвлекаться! За пехотными батальонами потянулись осадные орудия. Спустя неделю ускоренного марша отряд был уже в тридцати верстах от Карса. Здесь пришлось выдержать наскок анатолийской конницы.

- Каре не строить! Бой принимать в походных колоннах! – распорядился Паскевич.

Это было ново, ибо дотоле никто с конными турками в колоннах не дрался. Но все закончилось удачно. Конницу не только отбили, но и уложили почти всех. Казаки отлавливали обезумевших арабских скакунов, оставшихся без наездников. Солдаты, пользуясь передышкой, наскоро перекусывали.

Раскатав планы турецких укреплений, генералы совещались, как лучше брать крепость в кольцо.

Паскевич вызвал к себе казачьего полковника.

- Перекройте дорогу на Эрзерум, да так чтобы туда и мыша не прошмыгнула! Вскоре наши войска уже обложили Карс. Едва передовые батальоны вышли на дальность пальбы крепостных пушек, те немедленно открыли огонь. Завязалась оживленная перестрелка. Не теряя времени, Паскевич начал постройку осадных батарей. Вскоре они уже непрерывно забрасывали крепость зажигательными бомбами, пробивали ядрами бреши в стенах.

- Ходи веселей! – кричали в азарте канониры, глядя, как в грохоте выстрела очередной чугунный шар летел в крепость.

Над Карсом стоял столб дыма. Даже издали было слышно, как рушатся сгоревшие перекрытия домов.

Вскоре казачьи разъезды донесли, что к Карсу спешит армия Киоса-Магомета-паши. Трехбунчужный паша Киоса-Магогмет был воином многоопытным. В свое время прославился мужеством воюя еще с французами в Египте и Сирии, затем много и успешно дрался с сербами и

греками, отличился в боях и с нашими в прошлую турецкую кампанию. Киоса-Магомет имел в Высокой Порте репутацию счастливого полководца, и ему благоволил сам султан.

- Киоса ухватил удачу за бороду! – говори о нем с завистью.

Помимо местных войск паша имел под началом ударную Константинопольскую дивизию, обученную всем правилам европейской тактики.

Узнав о скором подходе Киосы, Паскевич призадумался. Было очевидно, что крепость надо постараться захватить до подхода турецкой армии.

- Не будем терять времени! – сказал собранному генералитету генерал-адъютант. – Завтра приступ!

- Но мы еще до конца не готовы! – пытались ему возражать командиры отрядов.

- Зато послезавтра турки будут готовы ко всему! – парировал Паскевич. – С восходом солнца штурмуем Карс! Иного выхода у нас просто нет!

Утром 23 июня русские войска дружно пошли на штурм турецких цитаделей. Егеря на штыках дерзко вломились через бреши в крепость. За егерями ударил в штыки и Сводный гвардейский полк. Штрафники атаковали так, словно участвовали в Царскосельских маневрах, а не в кровопролитнейшем штурме. Шедшие впереди колонн офицеры, невозмутимо курили сигары. Командир полка Шипов лениво помахивал стеклом в ритм барабанному ритму. Периодически оборачиваясь, к марширующим позади солдатам, он бросал недовольно:

- Ногу выше и ступню с оттягом! И чтоб равнение у меня, как по нитке! Вы ж не сброд какой, а гвардия! Умейте же красиво умирать!

За гвардейцами подтянулись пушки. Турки бились храбро, но шанцев так и не удержали. Приступ был на редкость жестоким. Пленных не брали. В этой бешеной атаке был убит генерал-майор Корольков. «Пал жертвою отваги» - так написал о нем историк. После этого атакующих возглавили полковники Муравьев и Бородин. Турки сражались, будучи в железных панцирях, а потому наши солдаты в штыковом бою гнули о них штыки, на что возмущались:

- Вот подлючий абдулка, што удумал, имущество казенное портить!

Николай Николаевич Муравьев-Карский

Вскоре пал нижний город, затем и первая цитадель. Из воспоминаний очевидца: «В день карского штурма Эриванский карабинерный полк послан для овладения укрепленным предместьем Орта-капы. Рядовой, бывший в застрельщиках, приблизился к неприятельскому бастиону, опередил товарищей, первый полез на вал, стараясь схватить стоявшее на нем знамя, но был поражен пулею в грудь. Товарищи, проходя мимо, увидели его умирающим и услышали последние слова его: «Прощайте, братцы, да только город возьмите!»

К восьми часам утра, поняв, что спасти создавшее положение уже невозможно, турки начали сдаваться тысячами. Комендант Карса Эмин-паша с несколькими тысячами верных солдат заперся, было, в верхней цитадели, и, выслав переговорщиков, просил два дня на раздумья о сдаче.

- Ох уж эта мне наивная азиатская хитрость! Небось, хочет Киосу дожидаться! – обиделся Паскевич, выслушав парламентариев. - Но мы ему такой возможности не дадим! Ответ таков: пощада повинным, но смерть непокорным! На раздумья час!

Через час над верхней цитаделью вывесили белый флаг.

- Потери неприятеля две тысячи убитых и полторы пленных! – доложили Паскевичу.

- Куда же подевались остальные шесть тысяч? - изумился тот.

- Поразбежались!

Наши потери составили сотню убитых и две раненных. Победителям досталась вся крепостная артиллерия, огромные запасы пороха, оружия и продовольствия. Обыватели в ужасе заперлись по домам, ожидая бесчинств победителей. Но грабежа города не было. Жителям объявили, что русский царь прощает их и берет под свою защиту, жить же они будут, как и прежде, под началом своего кадия и муфтия.

- Вы взяли наш Карс, но нам не стыдно: кто устоит против вас? – говорили в те дни жители города.

Однако, с взятием Карса, наших ждала неожиданная беда. К моменту сдачи в крепости всю свирепствовала чума. Чтобы избежать эпидемии пришлось принимать срочные меры. Роты расположили в отдалении друг от друга, одежду окуривали дымами. А солдат потчевали касторкой. Массовую смерть офицеров и солдат предотвратить удалось, но свою дань с русской армии чума все же взяла сполна.

К моменту взятия Карса передовые разъезды Киоса-Магомета-паши отделяло от крепости каких-то пять верст. Получив известие о падении Карса, турки предпочли убраться подобру-поздорову в Ардаган.

- Аллах ныне дремлет, а потому гяурам сопутствует некоторый успех! Подождем же, пока создатель проснется, и обратит взор на верных своих рабов! – объяснил свой маневр наиболее малопонятливым подчиненным хитрый Киос-Магомет-паша.

Желающих возражать не нашлось. Драться с русскими после падения Карса дураков не было.

Спустя две недели авангард Кавказского корпуса уже выступил через Ахалкалаки на Ахалцих.

- Турки в панике и терять время сейчас преступно! – таково было общее мнение в наших войсках в те дни.

Шли по козьим тропам. Внизу бездонные пропасти. Орудия тащили на себе. В ущельях гремели перекатываемыми камнями мутные воды Тапа-Раван-чай и Генары-су. Спустя пять дней перед нашими солдатами были уже стены Ахалкалаки, еще одной турецкой твердыни.

- Предлагаем почетную капитуляцию! – объявили коменданту Ахалкалака Мута-Беку парламентареры.

- Я предпочитаю победить или умереть! – ответил тот с усмешкой и велел открыть огонь из всех пушек.

- Что ж, - флегматично кивнул Паскевич, выслушав ответ. – Значит, он предпочел смерть!

С наступлением темноты началась постройка большой осадной батареи. Батарею возвели прямо перед крепостной стеной. Едва показалось солнце, батарея открыла огонь. Для турок это стало неприятным сюрпризом. Они пытались сбить батарею, но из этой затеи ничего не вышло. В контрбатареинной борьбе победы была на нашей стороне. А наши все наращивали огонь. Вскоре турки оставили стены крепости и укрылись во внутреннем замке.

- Пушки подтянуть в крепость! Пехоту вперед! Барабанщикам бить штурм! – приказал Паскевич.

Едва войска пошла на приступ, часть турецкого гарнизона, не дожидаясь развязки, бежала через ближайшее ущелье.

Во главе колонны Ширванского полка храбрец (Георгий 4-й степени еще за Бородино!) полковник Бородин.

- Ребята за мной! – выхватив саблю, возглавил он своих солдат.

Перед стеной цитадели возникла заминка. Штурмовых лестниц ни у кого не было. Солдаты замешкались.

- Наверх по веревкам! – закричал полковник, увидев свисавшие со стен канаты, с помощью которых только что удрали из крепости малодушные. – Один взбирается, а двое прикрывают его из ружей! Делай как я!

Бородин первым ухватился за конец веревки и, быстро перебирая ногами по каменной стене, стал подниматься вверх. Наверху показался турок, который пытался, было, прицелиться в поднимавшегося офицера, но не успел. Точный выстрел одного из егерей снял его. Еще мгновение и Бородин был уже наверху, где сразу же схватился на саблях сразу с двумя подскочившими турками. А рядом уже поднимались на стены верные егеря. Мгновения спустя рукопашная уже кипела повсеместно. Защитники крепости сопротивлялись яростно, но куда кривому ятагану против русского штыка! Через час остатки гарнизона сложили оружие.

- Теперь, не теряя времени, на Ахалцих! – торопил Паскевич уставшие войска. – Два зуба туркам мы уже выбили, надобно выбить и третий, а потом, работу сделавши, уже и отдохнем!

Солдатам зачитывали краткий приказ главнокомандующего: «Еще несколько дней и мы явимся пред стенами Ахалцыха, одной из важнейших крепостей. Да поможет нам Бог!»

- Ура! – отвечали полки.

За три дня русские солдаты преодолели пятьдесят верст по горным козьим тропам, прорубая себе дорогу в зарослях саперными тесаками. Переход достойный суворовских чудо-богатырей! Обозы и тяжелые пушки оставляли позади и шли налегке, но все равно чуть-чуть опоздали. На этот раз турки взяли реванш и оказались у Ахалциха раньше Кавказского корпуса. К крепости подошла 30-тысячная армия Киоса-Магомета-паши и Мустафы-паши. Свою пехоту паша набрал в горах Лазистана, а конницу составляли вольнолюбивые курды.

Авангард Кавказского корпуса сошелся с противником лоб в лоб. Отступить было уже поздно. Оставался только один путь – вперед!

Ранним утром 5 августа казаки, пехота и артиллерия вброд перешли реку Куру и двинулись к крепости. Турки, не ожидавшие, такой дерзости, начали выстраиваться для контрудара на горе Таушан-Тапа, да не успели.

- Артиллерию вперед! – скомандовал Паскевич. – Пушки на картечь!

16 пушек в карьер вылетели вперед боевых порядков. Артиллеристы быстро развернули их на высоты перед Ахалцихом и сразу же открыли меткий огонь по толпам турок. Те отчаянно атаковали, но порыв неприятеля был геройски отбит Херсонским гренадерским полком. Гренадеров поддержала артиллерия. Приняв несколько картечных залпов, турки попятились. Однако едва наши пошли в атаку, то были снова контратакованы. Лишь

своевременная поддержка Ширванского полка под предводительством неутомимого полковника Бородина окончательно переломила ход сражения. Поэт так сказал об этой бешеной атаке ширванцев:

Видали ли в Персии Ширванский полк?

.....

Все с ревом так и лезут в бой кровавый...

Ширванский полк могу сравнить с октавой.

К этому времени наши артиллеристы перешли на ядра. Ни одно из них не пропадало даром. Каждое клало, чуть ли не по десятку человек. Среди турецких солдат началась паника. Напрасно оба паши Магомет и Мустафа метались среди бегущих, стремясь, навести хоть какой-то порядок. Все было напрасно.

В довершение всего, на турок лавою с гиканьем ринулись казаки и драгуны. На всем скаку они кололи пиками и рубили толпы бегущих, и в считанные минуты овладели вершиной Таушан-Тапа. Подошедшая пехота закрепила первый успех.

- Первый акт сыгран! Пока антракт и будем готовиться ко второму! Войскам обедать! – вытер с лица пот Паскевич и слез с коня.

Денщики на разосланной попоне выставляли трофейный столовый прибор с номограммой неаполитанского короля – память о двенадцатом годе.

К вечеру турецким командующим удалось навести некоторый порядок в своем войске. Пехота была уже деморализована полностью, но оставалась еще конница. Утром следующего дня, стремясь перехватить инициативу, ее бросили в бой. Девять тысяч всадников с криками и визгом устремились в атаку. Но и здесь туркам не было удачи. Всадников встретили картечью и дружными залпами пехотных каре. Когда же, неся огромные потери, атаковавшие смешались, то были контратакованы казаками и бежали. Казаки и драгуны преследовали бегущих более двадцати верст. Отныне Ахалцых был предоставлен своей собственной судьбе.

Покончив с полевой армией противника, наши принялись за крепость. Как обычно, первым делом начали ставить осадные батареи. По своей мощи Ахалцых уступал Карсу, но намного превосходил Ахалкалаки, и относится к нему, следовало, со всей серьезностью. На предложение о сдаче комендант крепости отвечал так:

- Я буду драться до последней крайности и умру с оружием под развалинами жилищ!

Утром 8 августа началась бомбардировка неприятельской твердыни. Не видя активности русских войск, в крепости решили, что их будут брать в длительную осаду. Командующие турецкой армией тоже успокоились – если русские решили заняться крепостью, то у них есть время собраться с силами.

Киоса-Магомет, куря дымящийся кальян, самодовольно говорил своему соратнику Мустафе-паше:

- Еще ничего до конца не решено, и сабля решит дело! Положимся во всем на волю Аллаха!

Но он жестоко ошибся. Следующей ночью Паскевич в темноте подвел войска к самому турецкому лагерю, а с рассветом атаковал. Бой был беспощаден и кровопролитен. В небе гремел гром, заглушавший залпы пушек и крики умирающих, во всю хлестал дождь, но сражение не стихало ни на минуту. Потеряв две тысячи убитыми, турки были окончательно сломлены. Они снова бежали, на этот раз так, что собрать их было уже не под силу никому. Сам Киоса-Магомет, раненный в ногу с верными воинами нашел прибежище в крепости.

- Аллах еще не predetermined исход сражения! – внушал он своим телохранителям. – Живыми неверным мы не сдадимся!

Из исторической хроники: «Щадя кровь войск своих, граф Паскевич еще откладывал штурм, ожидая добровольной покорности; но запасы продовольственные и военные истощались... В таком положении дел он назначил штурм 15 августа в день успения Пресвятыя Богородицы. Это был полковой праздник Ширванского пехотного полка, и ему-то представлена была слава первой атаки...

Ровно в четыре часа пополудни гром сильнейшей канонады из всех осадных батарей возвестили минуту штурма и в то же время Ширванский полк, предводимый храбрым полковником Бородиным, с распущенными знаменами, веселыми песнями и музыкою двинулся к пролomu. Впереди шли до 200 человек застрельщиков с несколькими офицерами-охотниками. Турки вовсе не ожидали нападения, и потому первая встреча была слаба...

Через четверть часа в городе уже было общее смятение, осажденные не оробели. До 400 войск и жителей устремились к пролomu и с необыкновенным ожесточением напали на застрельщиков. Бой отчаянный и рукопашный завязался на самом тесном пространстве. Неприятель несколько раз был, опрокидываем штыками, но, получая непрерывные подкрепления, нападал с той же отвагою. Ширванский полк делал чудеса храбрости, однако, через полчаса кровопролитной схватки штурмующие овладели только 30 саженьями земли и потеряли много офицеров, в числе которых пал и неустрашимый полковник Бородин...»

Принявший командование атакой полковник Бурцов, однако, успел ввезти в город несколько пушек. Теперь отседавших турок отбивались картечью. Несмотря на это потери все увеличивались, а результатов все не было. Видя это, Паскевич направил на помощь ширванцам батальон Херсонского полка и егерей. Перевес понемногу стал склоняться на нашу сторону. Защитников крепости медленно, но начали выбивать улица за улицей. Упорные бои шли за каждый дом. Турки стояли на смерть, и даже женщины бросались на наших солдат с кинжалами, Сдавшихся почти не было, да их в ожесточении схватки и не брали. Азарт и ярость боя владели всеми. Раненный солдат-ширванец подбежал к командиру своего батальона:

- Ваше высокородие! Прошу вас, зарядите мне ружье, покамест мне перевяжут руку, чтобы не потерять времени опять из него выстрелить!

Паскевич наблюдал за происходящим с возвышенности. Мимо него шел, опираясь на ружье, раненный солдат. Паскевич подошел к нему:

- Каково там сейчас, братец?

- Жарко, ваше графское сиятельство! – отвечал солдат, стараясь держать на весу перебитую ногу.

- Турки здорово сегодня бьются?

- Да, трудно с ними сладить, упрямятся, ваше сиятельство!

- Знаю! – кивнул Паскевич. – Они молодцы, но и вы не поддавайтесь, ребята!

- Молодцы-то молодцы, грех на них лгать, да с чего они бьются? Ведь знают же, что мы назад уже не попятим!

Из воспоминаний очевидца: «В продолжении Ахалцихского штурма 15 августа более пяти часов происходила кровопролитная сеча на пространстве не более 30 сажень. Здесь соединилось падение бомб, ядер, картечь пуль с ударами кинжалов и штыков. Храбрость, оказанная русскими войсками против яростного неприятеля, достигла высшей степени. Офицеры и солдаты, раненные с перевязкою на голове или руке, возвращались в дело и снова рубились с турками. Особенно замечательна была какая-то веселость, одушевлявшая всех в минуту рукопашного боя, свойственная только опытному, так сказать, закаленному в боях войску».

Уже в темноте удалось бомбами поджечь большую часть города. Всю ночь шла ожесточенная перестрелка, а с восходом солнца бои разгорелись с еще большей силой. Большой урон еще больше ожесточил наших солдат, и они дрались с удвоенной энергией. Наконец Киоса-Магмет выслал из цитадели местного муфтия с просьбой о перемирии на пять дней. Слух об этом сразу же распространился среди наших войск. Солдаты и слышать не хотели о замирении. Батальоны требовали продолжения штурма.

- Не для того дружки наши тут головы свои положили, чтобы с убийцами политесы разводиться! Желаем биться до последней крови! – кричали разгоряченные солдаты.

- Даю пять часов на размышление и это мое последнее слово! – ударил ногой в лежащий рядом барабан Паскевич.

Муфтий униженно склонил голову:

- Я все передам в точности, досточтимый сераскир-москов!

Вторичная депутация турок запросила разрешение на беспрепятственный выход оставшихся в живых из крепости со всем имуществом и личным оружием. Избегая дальнейшего кровопролития, Паскевич на это пошел, но предупредил:

- Пушки, знамена и все припасы есть трофеи русской армии!

Депутаты беспрекословно согласились:

- Как пожелаете, о, досточтимый!

Так пал Ахалцих.

Ахалцхское сражение

Из исторической хроники: “За первыми войсками въехал туда граф Эриванский... Груды трупов заграждали улицы; пожар местами еще продолжался. Потеря неприятеля простиралась до 5000 человек и между убитыми найдено до 100 переодетых женщин, с вычерненными лицами, сражавшихся в рядах защитников. В городе, крепости и цитадели взято 67 пушек, 52 знамя и 5 бунчуков. С нашей стороны убито и ранено 62 штаб и обер-офицера и 557 нижних чинов. Победитель благодарил войска свои и, обращаясь к Ширванскому полку, потерявшему четвертую часть людей, спросил: “Много ли их осталось?” Храбрые солдаты отвечали, что еще достанет на два штурма!”

Разгром полевой армии и падение сразу трех сильнейших крепостей predetermined исход всей кампании 1828 года на Кавказе. Следом за Ахалцыхом была взята крепость Ацкур, прикрывавшая вход в стратегически важное Баржомское ущелье. Затем турки почти без боя открыли ворота Ардагана и Баязета. В сентябре наши заняли крепости Топрах-Кале и Диадин. Одной сотни казаков было достаточно, чтобы неприятельские крепости открывали свои ворота. Таков был страх турок, вызванный Карсом и Ахалцыхом. Только зимняя стужа прервала победную поступь русской армии. Оставив в захваченных крепостях сильные гарнизоны, Паскевич с основными силами с триумфом вернулся в Грузию. Сам командующий результатами кампании остался доволен.

Штурм крепости Карс 23 июня 1828 года.

- Мы не только выполнили, но и перевыполнили задуманное! – говорил он, собрав за праздничным столом своих генералов. – Нами занят Карский и Ахалцихский пашалыки, но, заодно, и большая часть Баязетского! Захвачено шесть крепостей, триста пушек, двести знамен и почти десять тысяч пленных. При этом потеряно всего три тысячи человек, да и то больше от чумы, чем от пуль неприятельских! Кажется, мы не плохо провели в горах нынешнее лето!

За окном торжественно гремели полковые барабаны гвардейского сводного полка. Прощенные императором за боевые заслуги гвардейцы возвращались в Петербург.

Генералы дружно разливали в бокалы местное вино. Отныне Паскевич был для них уже своим, проверенным в походах кавказцем. Отныне их связывали общие победы, навсегда вписанные в историю Отечества.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ЗАМОК НА ДПРДАНЕЛЛАХ

С наступлением зимы блокировать Дарданеллы нашим морякам стало очень трудно. Непрерывные штормы и ледяные ветры выматывали людей и приводили в негодность корабли. Матросы и офицеры постоянно находились на холоде. На вахте они мокли на пронизывающем ветру, а в перерывах

между вахтами пытались отогреться в мокрых промозглых судовых помещениях. Больше всех досталось линейному кораблю «Фершампенуаз», который попал вдобавок ко всему в страшный шторм. Тот ноябрьский шторм пронесся по Черному и Средиземному морям, наделав много бед. Не один десяток судов, и не одна сотня моряков разных стран стали его жертвой. В Эгейском море шторм настиг «Азов» и «Эммануил». Оба много претерпели, но уцелели.

«Фершампенуаз» тоже уцелел, но повреждения его в местных доморощенных условиях исправить было невозможно. Поэтому, как только Рикорд получил от своих лазутчиков известие о том, что турецкий флот в ближайшее время не намерен выбираться из Дарданелл, он немедленно отправил поврежденный «Фершампенуаз» чиниться на Мальту.

Единственной отрадой для моряков блокадного отряда стал приход в декабре 1828 года транспорта «Пример». Его командир отважный лейтенант Федор Морской совершил невозможное! Он довел свой бриг от базы нашей эскадры острова Порос до Тенедоса за двое суток и за столько же умудрился вернуться обратно, затратив на весь рейс всего пять дней! Очевидцы отказывались верить свои глазам.

- Феденька, расскажи, в чем секрет, что свою тихоходную посудину ты гоняешь по морю быстрее любой яхты? – спрашивали его друзья.

- Никакого секрета нет! – скромно отвечал им Федор Морской. – Просто надо любить свое дело!

«Пример» доставил к отряду Рикорда не только продукты и свечи, но и письма, которые все с таким нетерпением ждали. Привез Морской и кипу европейских газет. И хотя последние были почти двухмесячной давности, их передавали из рук в руки, зачитывая до дыр.

Тем временем Гейден с частью своих кораблей ремонтировался на Мальте. Вскоре туда же подтянулась на зимовку и британская эскадра. Время былых совместных празднеств кануло в прошлое. Теперь отношения между бывшими соратниками наваринцами были вежливо-холодными.

Объявление Россией блокады Дарданелл Англия восприняла как личное оскорбление. Отношения двух государств стали более чем прохладными. Наверное, лед отчуждения был бы преодолен, если бы на должности командующего британской эскадрой оставался лорд Кодрингтон. Увы, Кодрингтон уже полгода оббивал пороги адмиралтейства в поисках хоть какой-нибудь достойной должности, и писал бесконечные объяснительные по поводу своих особых отношений с русскими. Новый же британский командующий вице-адмирал Малькольм симпатий к союзникам не питал, и стремился всеми силами выжить их не только с Мальты, но и из Средиземноморья. Первым делом Малькольм дал понять Гейдену, что не намерен терпеть русские склады в Ла Валетте. Тот вынужден был срочно начать вывоз ядер, пороха, материалов и продовольствия на остров Порос не только транспортом, но и боевыми судами. Портовых рабочих англичане тоже давать отказались, и весь ремонт приходилось делать своими силами. Каждое утро со всей эскадры собирали всех купоров-плотников и

конопатчиков, которых отправляли на какой-то один корабль. Было совершенно ясно, что это последнее появление нашей эскадры на Мальте. Больше нам там делать было уже нечего. Не дожидаясь починки всех судов, Гейден при первой возможности покинул Мальту с линейными кораблями. Остальным было велено ускорить работы, и как можно скорее уходить на Порос.

А по приходу в Архипелаг, Гейдена ждала еще одна не слишком приятная новость – вновь начали пакостить австрийцы. Дело в том, что вопреки всем международным соглашениям по Греции, они игнорировали блокаду армии Ибрагим-паши и всем и силами снабжали его продовольствием и боеприпасами. При этом в прорыве блокады участвовали не только частные купеческие суда, но и военные бригады с фрегатами. Кроме всего прочего, австрийцы подрядились конвоировать египетские транспорты от Александрии до берегов Греции и обратно. Всем этим руководил австрийский контр-адмирал Дандоло, державший флаг на фрегате «Беллона». С началом же войны с Турцией австрийцы столь же нагло начали перевозить пшеницу через Дарданеллы в Константинополь.

В Вене отпор провокациям австрийцев в Греции дал посол граф Дмитрий Татищев. Он быстро и умно разобрался с ситуацией.

- Надо ли мне доказывать неоспоримое право воюющей державы блокировать неприятельскую столицу? – спросил он хитромудрого канцлера Миттерниха и сам же ответил. – Думается, что нет! Сие было доказано в свое время даже австрийскими полководцами Евгением Савойским и Вилленштейном!

- Не все так просто! – завздыхал Меттерних, но на попятную все же пошел.

В свою очередь контр-адмирал Дандоло пытался, минуя дипломатов, самому полюбовно договориться обо всем с Гейденом. В своем письме австриец писал, что необходимо дать его соплеменникам еще шесть недель для зарабатывания денег. После чего он будет согласен соблюдать некоторые условия блокады.

- Ну и наглец! – поразился Гейден, бумагу австрийскую прочитавши. – Много наглецов я в своей жизни повидал, но такого, признаюсь, еще не видывал!

Не удовлетворившись этим, Дандоло отдал приказ уничтожать греческие суда (русских он боялся, как огня), которые будут препятствовать австрийцам возить пшеницу через Дарданеллы. Дело в том, что как раз перед этим греки захватили у Дарданелл несколько австрийских судов с пшеницей. Так как в самой Греции был голод, суда были приведены в Эгину, где греческое правительство решило выкупить весь хлеб. Гейдена о новой инициативе австрийского контр-адмирала тут же проинформировал наш консул Пеццони. Разумеется, вице-адмирал возмутился.

- Если будет потоплено хоть одно греческое судно, я тут же перетоплю всю австрийскую флотилию, а самого Дандоло. Как пирата, повешу на рее! – велел передать своему австрийскому другу Гейден. – Пусть пораскинет мозгами!

Но Дандоло своими мозгами так и не пораскинул. Наоборот, он помчался на своей «Беллоне» в Эгину и потребовал вернуть ему все суда с грузом, угрожая в противном случае не только захватить греческие суда., но и обстрелять греческую столицу. Испуганная Каподистрия велела немедленно известить обо всем Гейдена. Последний к этому времени был на Поросе. От Пороса до Эгины рукой подать. А потому спустя день подле греческой столицы уже качались на волнах линейный корабль «Князь Владимир», фрегат «Елена» и бриг «Усердие». На австрийском фрегате сразу все поняли и тут же закрыли оружейные порты. Гейден же велел зарвавшемуся австрийцу немедленно прибыть к нему на «Князь Владимир». Куда у австрийца сразу делась вся спесь! Спустя четверть часа Дандоло был уже на русском линейном корабле. Разговор двух адмиралов шел за закрытыми дверями. О чем говорили они так и осталось тайной. Однако, когда Дандоло покинул борт «Князя Владимира» никаких претензий ник грекам по поводу захваченных транспортов с хлебом, ни к нашим, по поводу установки ими жесткой блокады проливов, у него не было.

Большую часть зимы 1828-1829 годов русская эскадра провела на рейде острова Порос. Временами здесь одновременно находились до пяти линейных кораблей более десятка мелких судов. Здесь они чинились, здесь переводили дух между плаваниями, отсюда уходили суда на подмену отряда Рикорда и сюда же они возвращались на отдых.

Историк пишет: «Стоянка на рейдах греческих островов в Архипелаге, судя по записям в шканечных журналах кораблей, напоминала нахождение судов на Кронштадтском рейде. В будние дни на кораблях «делали учения» (парусные, артиллерийские, шлюпочные), а на выходные и праздничные дни отпускали команды по очереди на берег. Главнокомандующий регулярно посещал свои суда, осматривал их, проверял выучку «служителей», беседовал с офицерами».

После возвращения из Эгины «Князя Владимира», его надолго поставили в Порос. Дело в том, что на линкоре испрели якорные канаты и теперь в ожидании новых, он оказался на время недвижим. Ввиду этого командир «Владимира» капитан 1 ранга Антон Грен 2-й был назначен председателем хозяйственной комиссии, занимавшейся приемкой и распределением получаемого из России и с Мальты продовольствия и других припасов по кораблям и судам. Дело это было весьма щекотливое, так как каждый командир ревниво сравнивал свою долю с другими. Но Грен оказался человеком чести и никаких нареканий по работе комиссии к «владимирцам» не возникало.

- Если все довольны, то и у меня никаких претензий нет! – говорил Грену при встрече Гейден. – Дели казенные сухарики и дальше!

Продолжалось благоустройство порта. Всюду бдил неутомимый начальник порта Лука Богданович. Матросы рыли колодцы для быстрого набора

хорошей воды, продолжалось строительство береговых складов и госпиталя. В учрежденном училище флотские писари обучали местных детишек русскому языку, писанию и счету. На горе Святого Николая в центре острова установили сигнальную мачты и поставили круглосуточный пост. Теперь под наблюдением были и дальние подходы к Поросу. Перебрался с Мальты и заведующий эскадренными финансами Бровцын со всею своей канцелярией и тяжеленными денежными сундуками, опечатанными гербовыми печатями. С каждым днем Порос все больше и больше превращался в настоящую военно-морскую базу.

Из письма графа Каподистрии вице-адмиралу Гейдену: «Порос был еще недавно бедненьким местечком, не имеющим ни дорог удобных для езды, ни другого какого-либо народного учреждения. Ваше Превосходительство избрали этот порт местом для собрания флота. И в скорости этот остров оживился: громадные строения дали средства к честному существованию многим рабочим людям и многим бедным и неимущим. Через несколько месяцев, благодаря всеобщему успокоению жителей, город Порос принял благоприятный вид проложением дорог, украсился площадями и выстроенными набережными и обширное училище было в нем учреждено и устроено...»

Рядом с нашей эскадрой на Поросе нашла себе прибежище и греческая флотилия. На флагманском фрегате «Эллас» развевался сине-белый флаг адмирала Миаулиса, рядом на якорях корвет «Идра», бриги и два чумазных парходика, курсировавшие между Поросом и Эгиной с почтой и пассажирами.

Непродуманность большого начальства привела к тому, что на всей Средиземноморской эскадре оказалось всего два транспорта (и те попали случайно!) «Сухум-Кале» и «Пример», которые не справлялись с перевозками. В тоже время часть греческих судов бесполезно простаивала в порту, а потому Гейден быстро договорился с Миаулисом о фрахтовке двух бригов «Киман» и «Фортунаго» для грузовых перевозок. На каждый из зафрахтованных бригов назначили по лейтенанту. На мачтах подняли российские коммерческие флаги. И сразу в рейс!

Пока союзные державы были всецело поглощены делами в материковой Греции, резко обострилась ситуация на острове Кандия (ныне Крит). Местные греки, следуя примеру своих соотечественников, тоже восстали. Египетский правитель Мехмет-Али немедленно направил на остров карательные войска и на Кандии началась страшная резня. Губернатор острова Сулейман-паша наводил порядок железом и кровью. Президент Греции Каподистрия возопил о помощи, но Англия и Франция остались к его призыву равнодушно. Лондон и так уже тяготился всей греческой затеей, что касается Парижа, то он был ныне более всего озабочен завоеванием Алжира.

Гейден вызвал к себе капитана 1 ранга Ивана Бутакова, старого служаку, прошедшего уже две войны - шведскую и предыдущую турецкую.

- Тебе Иван Николаевич, задача особая - пойдешь к Кандии и прикроешь остров от египетских посягательств! – велел он. – К тому же турки пытаются использовать остров как перевалочную базу для доставки хлеба в Константинополь. Это тоже надобно пресечь!

- А как поступать с басурманами? – насупил брови Бутаков.

- Как с врагами! – лаконично разъяснил Гейден.

На следующий день линейные корабли «Царь Константин» и «Иезекииль» взяли курс к острову легендарного царя Миноса.

- Когда-то Персей отрубил главу страшному Минотавру за что и удостоился любви прекрасной Ариадны! - блеснул знанием мифологии перед товарищами лейтенант Иван Стогов.

- Не знаю, как насчет Ариадны, а то, что минотавры нас уже поджидают – это точно! – буркнул проходивший мимо Бутаков.

На подходе к Кандии корабли расстались. «Царь Константин» повернул к Родосу, а «Иезекииль» к Будруму.

Утром 28 января 1829 года впередсмотрящий с «Константина» прокричал:

- По направлению зюйд-зюйд-вест много парусов!

- Подзорную трубу! – потребовал Бутаков.

Вахтенный офицер, подскочив, протянул командиру складной окуляр.

Некоторое время Бутаков внимательно рассматривал горизонт, потом констатировал:

- Судя по небрежности такелажа – это турки или египтяне! Спускаемся к зюйду! Будем перехватывать!

Неизвестные суда пытались уйти, но Бутаков решительным маневром настиг их. Первый холостой залп под форштевни никакого эффекта не возымел. В ответ суда (фрегат и пять бригов) подняли кроваво-красные флаги Магомет-Али и сами открыли огонь.

- Не хотят по-хорошему, придется по-плохому! – покрутил отвислые усы Бутаков - Заряжать боевыми!

Первый же залп «Царя Константина» был весьма удачен. На ближайшем бриге ядром перебило марса-рею и судно тут же спустило флаг. Остальные суда сразу бросились наутек во все стороны. Не теряя времени, Бутаков отправил на бриг призовую команду, а сам устремился в погоню за убегающим фрегатом. Погоня продолжалась в течение всего дня и последующей ночи, но догнать быстрый фрегат так и не удалось. Однако во время погони Бутаков обнаружил египетский корвет. Когда стало очевидно, что фрегат уже не догнать, «Царь Константин» погнался за корветом. Вечером следующего дня линейный корабль сблизился с беглецом на дистанцию залпа. После десятка выстрелов из погонных пушек, корвет сдался. Прибывший на борт «Константина» капитан корвета на плохом французском заявил:

- Мое судно называется «Львица» и принадлежит властителю Египта. Если вы желаете получить этот приз, то следует поспешить. В подводную пробоину хлещет вода, а команда молится, и ничего не желает делать!

На корвет был немедленно послан с матросами лейтенант Иван Стогов. Они быстро заделали пробоину, заменили порванные ядрами паруса.

- Держать в кильватер флагману! – передали с «Константина».

- Есть! – махнул в ответ рукой Стогов.

Матрос-рулевой с силой крутанул штурвальное колесо, и «Львица» послушно легла в струю «Царю Константину».

- Кажется, нашего полку прибыло! – радовались на шканцах линкора, придирчиво рассматривая новое приобретение эскадры.

- Возвращаемся к Кандии! – объявил Бутаков. – Остальных беглецов искать бесполезно, они, что тараканы, уже разбежались по всем щелям!

Спустя несколько недель, закончив крейсерство, Бутаков возвратился на Порос с двумя трофеями. Вскоре подошел туда и «Иезекииль», который тоже привел с собой добычу – турецкую шхуну. С захваченных судов сгружали зерно и порох. Более всех иных радовался хозяйственный Лука Богданович:

- Из пшеницы будем печь свежий хлеб, а порох с ядрами пойдут для береговых батарей!

Как оказалось впоследствии, рейд Бутакова произвел на Магомета-Али должное впечатление. Правитель Египта, узнав о разгроме своего каравана, сказал в сердцах:

- Пусть султан сам заботится о своей черни, мне же мой флот дороже его горлопанов!

Более до конца войны, Магомет-Али-паша не отправил ни одного судна ни к Дарданеллам, ни в Кандию для поддержки тамошнего турецкого гарнизона.

Что же касается захваченных Бутаковым трофеев, то оба они были включены в состав нашей эскадры. Бриг получил название «Кандия», в честь острова подле которого он был пленен, а корвету «Львица» было сохранено его прежнее имя.

- Кажется, пришло время ставить на шканцы не только тех, кто дорог разуму, а тех, кто дорог сердцу! – рассудил вице-адмирал Гейден. – Пора и им в начальники выходить!

Командиром «Кандии» командующий назначил сына морского министра лейтенанта Моллера, а командиром «Львицы» своего собственного лейтенанта Алексей Гейдена. Когда спустя несколько один из капитанов осторожно намекнул Гейдену, что на эскадре имеются лейтенанты и старше выслугой Гейдена-младшего, командующий, не моргнув, парировал:

- Но это же мой сын, кто же кроме меня еще о нем позаботится!

Больше вопросов по этому поводу ни у кого не возникало.

Невзирая на зимние шторма, стужу и ветра, эскадра Петра Рикорда держала устье Дарданелл на крепком замке. Забот хватало. Движимые обещанной

прибылью, туда все время норовили прорваться торговцы со всей Европы. Английские, французские, австрийские и сардинские, греческие и турецкие купцы только и ждали случая, чтобы проскочить к Константинополю. Трюмы судов были доверху забиты вином и фруктами, маслом и кофе, шелком и бумажными тканями, сахаром и солью и, конечно же, хлебом. Все суда в обязательном порядке досматривали, отбирая контрабанду и хлеб, а также судовые пушки. Остальное оставляли, здраво рассуждая, что с шелком, кофе и сахаром войны туркам все одно не выиграть!

В конце января избитый штормами «Фершампенуаз» сменил, пришедший с Пороса «Александр Невский».

- Ну вот, кажется и нам передышка выпала! Починимся. Помоемся. Отдохновимся малость, а там и снова воевать можно! – говорил своему старшему офицеру Барташевичу командир линкора капитан 1 ранга Григорий Платер.

Стоявший вахтенным начальником лейтенант Иван Шанц отвернулся, он жаждал боя! К радости Шанца в самый последний момент перед уходом корабля в ремонт Рикорд вызвал его к себе.

- Наслышан о вас, как о хорошем математике и способном гидрографе! – сказал контр-адмирал лейтенанту. – А потому на время ремонта «Фершампенуаза» будете состоять при моем штабе!

Лейтенант Шанц такому повороту был рад несказанно: куда лучше быть в штабе боевого отряда, чем в ремонте в глубоком тылу.

- Готов сегодня же приступить к промерам глубин и рисованию берегов! – лихо отпрапортовал он контр-адмиралу.

Вслед за «Фершампенуазом» к Поросу ушли фрегаты «Мария» и «Ольга», вместо которых прибыли «Александра» и «Княгиня Лович». Дав роздых измотанным командам, Рикорд, однако, не дал его себе. Вместе со своим немногочисленным штабом контр-адмирал перебрался с «Марии» на «Невский».

К весне ветры стали тише, быстро потеплело, однако, работы прибавилось. Купцы суетились вовсю. Нехватка продовольствия в Константинополе и большие цены на хлеб, заставляли предприимчивых капитанов искать малейшие лазейки для провоза контрабанды. Игра стоила свеч! Поныв, что мимо русских дозорных кораблей не пройти, особо находчивые стали прорываться на плоскодонных лайбах из Саросского залива по ночам под самым берегом. Кроме этого, часть хлеба теперь везли на судах до весьма отдаленных от пролива бухт, а уже оттуда доставляли сухим путем в турецкую столицу. Узнав об этом, Рикорд возмутился:

- Экие шельмецы, обмануть нас удумали! Ну, мы вам устроим!

И устроил! Подняв свой флаг на линкоре «Эммануил», прихватив с собой фрегат «Княгиня Лович», контр-адмирал нежданно-негаданно нагрянул в залив Адримити, где обычно собирались прорыватели блокады. Улов был впечатляющ - десяток груженных хлебом судов и береговой склад продовольствия. Все сдались без малейшего сопротивления.

Весной 1829 года вновь дал о себе знать пакостный австрийский контр-адмирал Дандоло. Теперь австриец пытался немного ни мало, а рассорить двух российских адмиралов! Рикорду он писал пространные послания, ругая, на чем свет стоит Гейдена, а Гейдену письма, жалуясь на незаконные действия Рикорда, и требуя от него принятия немедленных мер против самоуправства начальника блокадного отряда.

- О, эта чукотская хитрость! – посмеялся Гейден, пробежав глазами австрийские кляузы. - Перешлю сии вирши Петру Ивановичу, пусть тоже посмеется!

С тех пор на русской эскадре, когда хотели сказать о ком-то не слишком лицепрятно, говорили просто:

- Ну, ты и... дандоло!

Понимая, что Рикорду приходится нелегко, Гейден отправил ему в усиление линейный корабль «Великий князь Михаил» и бриг «Телемак». Рикорд подкреплению был рад несказанно:

- Теперь я перекрою все подходы к Дарданеллам, так, что и мышь не проскочит!

И перекрыл, да так, что туркам свет с овчинку показался!

- Горло Дарданельской бутылки отныне наглухо забито российской корабельной пробкой, попробуй, вышиби! – шутили в те дни на блокадных кораблях.

Из Вены всю зиму 1829 года изо всех сил интриговал против России старый недруг австрийский канцлер Миттерних, пытаясь сколотить мощный антирусский союз, включающий Австрию, Пруссию, Францию и Англию. Цель Меттерниха была одна – любой ценой заставить Петербург немедленно прекратить войну, в которой уже определился успех русской армии. Однако у Меттерниха с этим ничего не получилось. В решающей схватке его переиграл российский посол в Париже граф Карл Осипович Поццо ди Борго. Этот прожженный интриган и дипломат, бывший член французского учредительного собрания, земляк и личный враг Наполеона, впоследствии перешел на русскую службу. В свое время Поццо ди Борго весьма помог вице-адмиралу Сенявину во время Средиземноморской экспедиции, когда договорился о перемирии с турками, и вот теперь он снова оказал неоценимую помощь России

Используя все свои связи при французском дворе Карла Десятого, российский посол сделал почти невозможное.

- Меттерних добивается союза против царя Николая только с одной тайной целью! – нашептывал он французским дипломатам.

- С какой же? – сразу настораживались те.

- Цель проста и невероятно выгодна Вене – свергнуть вашего нынешнего монарха и посадить на престол герцога Рейхштадтского!

- О, Боже! – отшатывались от Поццо ди Борго дипломаты и тут же наперегонки бежали докладывать королю о грозящей опасности.

Слова Поццо ди Борго выглядели весьма убедительно, ведь малолетний герцог Рейхштадтский являлся ни кем иным, как сыном Наполеона от Марии Луизы. С воцарением же во Франции внука австрийского императора, Париж сразу стал бы, зависим от Вены во всех вопросах. Кроме этого возвращение на трон наполеоновской династии означало для Бурбона Карла Десятого политическую смерть.

- Ни о каких переговорах с этим негодяем Меттернихом не может быть и речи! – заявил он своему министру иностранных дел. – Нам следует начать сближение с Петербургом, а от Вены лучше впредь держаться подальше!

Франция от всяких союзов с Веной демонстративно отказалась, а без ее участия умерла, так и не родившись, вся гнусная идея австрийского канцлера.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ВРЕМЯ НАСТУПАТЬ

Начало своего вступления в должность командующего Дунайской армии Иван Иванович Дибич начал с того, что улучшил питание солдат.

- На солдатский котел денег не жалеть! – велел он командирам корпусов и дивизий. - Помимо положенной солонины, закупать на каждого по фунту свежего мяса в день!

- Но на это же нужны приличные деньги? – всполошился те.

- Все счета на мясо я вам подпишу! А вы запомните, что сытый солдат – это солдат-победитель! Кроме того, закупайте у молдаван побольше вина и старайтесь давать свежий хлеб вместо сухарей!

После этого Дибич заменил ненавистные всеми тяжелые кивера на легкие и удобные фуражки. Войска встретили эти новшества с восторгом. Затем Дибич во всеуслышание объявил, что не одобряет битье солдат.

- Если офицер велит наказывать солдат шпицрутенами, значит, он просто ни к чему не пригоден! – заявил новый главнокомандующий.

После этого даже завзятые мордобойцы поубавили свой пыл, а для солдат новый командующий в одну минуту стал кумиром.

В течение зимы отрядом генерал-майора Малиновского были захвачены две небольшие крепостицы на Дунае Кале и Турно. Атаковали ночью по льду, а потому в обоих случаях все обошлось почти без потерь. Тогда же узнали, что у Никополя в устье дунайского притока Осмы зимует, вмерзши в лед, турецкая флотилия. На дело вызвались идти 120 охотников 9-го егерского и Шлиссельбургского полков во главе с майором Степановым. Все ребята отчаянные!

Из хроники войны: «Охотники означенных полков, переправясь по льду через Дунай, напали одновременно и на флотилию, и на вновь строившуюся, для прикрытия ее, береговую батарею. Из 30-ти неприятельских судов 29-ть

совершенно были сожжены нашими охотниками с полным такелажем и запасом сухарей».

- Поздравьте за это молодецкое дело майора Степанова с Георгием, а на остальных три десятка солдатских крестов! – объявил довольный Николай Первый, прочитав донесение Дибича.

Перед кампанией 1829 года на Черноморском флоте произошли некоторые перемены. Вместо уволенного по болезни героя Браилова контр-адмирала Завадовского Дунайскую флотилию возглавил контр-адмирал Патаниоти. Линейный корабль «Париж» полностью укомплектовали офицерами матросами гвардейского экипажа, а командир гвардейцев контр-адмирал Беллинсгаузен стал командиром Севастопольского порта.

Ряд отличившихся офицеров получил контр-адмиральские эполеты. Среди них: бывший командир линейных кораблей «Пимен» Кумани, «Норд Адлер» Стожевский и «Париж» Бальзам. У Стожевского «Норд Адлер» принял бывший командир фрегата «Рафаил» капитан 2 ранга Юрьев, а свой фрегат он передал капитану 2 ранга Стройникову, который неплохо зарекомендовал себя, будучи командиром брига «Меркурий». В свою очередь «Меркурий» принял капитан-лейтенант Казарский, отличившийся командуя бомбардирским судном «Соперник» при осаде Варны и получивший за это золотую шпагу с надписью «за храбрость». Последняя цепочка кадровых перемещений окажется вскоре особо значимой для всех последующих событий на Черном море.

Пока главные силы флота деятельно готовились к летней кампании в Севастополе, крейсирование у Варны было возложено на отряд контр-адмирала Кумани. Свой флаг Кумани поднял на своем любимом «Пимене». Кроме этого в действующий отряд вошли: линейный корабль «Иоанн Златоуст», фрегат «Рафаил» и бриг «Ганимед». Прибыв в Варну, Кумани встретился с генералом от инфантерии Ротом.

- Прошу вас, Логин Осипович, оказать мне помощь и произвести диверсию на Бургас. Там находится большой турецкий отряд, который уже давно угрожает занятым нами Праводам. Турки боятся флота и ваше появление, заставит их отказаться от нападения на Праводы! – убеждал Кумани командир пехотного корпуса.

Тот, подумав, согласился:

- Казаки с гусарами наведут шорох, и заставят турок не вылезать больше за бургаские стены!

Когда контр-адмирал покидал Варну, через городские ворота уже выезжали казачьи сотни. За спинами бородачей колыхались остроконечные пики.

Находящийся в крейсерстве отряд контр-адмирала Кумани перехватил одно из турецких судов. Шкипер, стараясь уговорить русских не топить его шебеку, рассказал, что турецкий линейный флот стоит в гаванях, а посему

мог не опасаться нападения превосходящего неприятеля, а в Фаросском заливе на острове Святой Анастасии стоит турецкий гарнизон.

- Поднять сигнал: «курс зюйд-вест»! – велел он командиру «Пимена» Черникову. – Не будем терять драгоценного времени!

На острове Анастасии оказалась турецкая батарея и солидный гарнизон. От обстрела острова Кумани сразу же отказался. На Святой Анастасии стоял старый греческий монастырь, и контр-адмирал боялся его случайно повредить. А потому с кораблей били только картечью по многочисленной толпе конных и пеших турок. После нескольких залпов толпа разбежалась, на остров был свезен десант. Турки сдались. Монастырская братия встречала единоверцев колокольным перезвоном.

Побывав на острове, Кумани встретился с архимандритом Георгием – настоятелем греческого монастыря. Тот показал следы надругательств турок над православными святынями: расстрелянные из ружей фрески и порубленные ятаганами иконы.

- В бессилии своем тщатся враги христианские выместить злобу свою на том, что нам дорого. Но велик наш бог, а если с нами Бог, то кто против нас! – утешил настоятеля Кумани.

Узнав, что освободителем является адмирал грек, настоятель расплакался.

- Мы будем молиться за вашу победу! – перекрестил он контр-адмирала.

Особого стратегического значения взятие Святой Анастасии не имело, однако, оно лишней раз показало, кто настоящий хозяин Черного моря!

Там же на острове Кумани собрал и весьма важные сведения о крепостях Фаросского залива: Миссемрии, Ахиолло, Бургасе и Сизополе. Именно их готовился штурмовать Черноморский флот в будущей кампании.

Вернувшись в Варну, Кумани сразу же отправился к генералу Роту.

- Пребывание в Фаросском заливе убедило меня, что нашему флоту по плечу овладение Сизополем! – заявил он Роту. – Имея его как базу, мы сможем наглухо закупорить Босфор и посеять панику у турок, ведь от Сизополя до Константинополя уже рукой подать!

Рот велел адъютанту принести карты. Поглядел, почесал затылок:

- Да, такое приобретение было бы для нас важнейшим и полезнейшим! Чем я могу вам помочь?

- По моим расчетам нужно не более тысячи штыков! – был уже готов к ответу Кумани.

- Считайте, что они у вас уже есть! – кивнул Рот. – Но для начала мне надо испросить разрешения главнокомандующего, которому я отпишу сегодня же.

- А мне адмирала Грейга!

- Надеюсь, что согласие наших начальников будет получено! – закончил разговор Рот. – Пока же прошу вас, адмирал, не оставлять Варну без морского присмотра. По сведениям лазутчиков, недавно в Шумлу прибыл верховный визир, и турки там быстро усиливаются. И как знать, не попытаются ли они вернуть себе Варну. А теперь приглашаю вас со мной отобедать!

Просьба Рота заставила Кумани держать линейные корабли на рейде Варны, посылая к Босфору лишь фрегат с бригом.

Спустя пару недель отряд Кумани был усилен отрядом кораблей контр-адмирала Стожевского. Вначале предполагалось, что Стожевский сменит Кумани, но именно в этот момент пришли письма от Витгенштейна и Грейга, разрешающие диверсию на Сизополь.

Так как начальником экспедиции был изначально определен Кумани, Стожевский без промедления согласился быть у него младшим флагманом. Адмиралы хорошо знали друг друга еще с мичманских времен и всегда прекрасно ладили.

Генерал Рот слово сдержал и выделил для десанта батальон Камчатского полка, роту селенгинцев, саперов-пионеров, а также полсотни кубанцев-пластунов, для вылазок в стан врага.

- Постарайтесь если уже не захватить Сизополь, то хотя бы разорить и его, и главное выбить всю артиллерию! - напутствовал Рот Кумани.

- Я хорошо понимаю всю ответственность, на меня возлагаемую! – ответил контр-адмирал.

Солдаты грузились весело:

- Где наша не пропадала!

11 февраля, с попутным остовом ветром, отряд контр-адмирала Кумани покинул рейд Варны. Провожающий моряков генерал от инфантерии Рот, пожимая на прощание руку контр-адмирала, сказал:

- Желаю вам, адмирал, традиционных семи футов под килем!

- У нас еще желают попутного ветра, который нам, морякам, так всегда необходим! – рассмеялся в ответ Кумани.

Катер с генералом убыл к берегу.

- Курс на рейд Сизополя! – объявил контр-адмирал.

Поднимая паруса, корабли сразу же выстраивались в походный ордер. Головным «Пимен» под флагом Кумани, за ним «Императрица Мария» под флагом Стожевского и, наконец, «Пантелеймон» замыкающим. По траверзу линкоров зарывались во встречную волну фрегаты «Рафаил» и «Евстафий». Сзади канонерки: «Сердитая», «Барсук» и «Тарантул», вместе с несколькими зафрахтованными транспортом.

Штурмана расстелили на прокладочных столах карты Фаросского залива. Кумани пил обжигающий кофе, не сходя со шканцев. На траверзе острова Кириоса отряд неожиданно попал под огонь береговой батареи. Над палубами с воем пронеслось несколько ядер. Мешая ложкой в фарфоровой чашке, кумани кивнул командиру «Пимена»:

- Всыпьте-ка горяченьких!

Ответным залпом дерзкую батарею тут же заставили замолчать.

- Ну, вот и славно! – Кумани с удовольствием допил свой кофе. – Поднять сигнал: «Сократить дистанцию между мателотами!»

Офицеры в зрительные трубы разглядывали берег. Там в легкой предутренней дымке проступали зубчатые стены Сизополя – крепости, которую им предстояло захватить.

- Кораблям положить якоря, согласно утвержденной диспозиции! - велел Кумани. – Спустить гребной катер с парламентаром!

- Разумеется, я понимаю, что комендант Сизополя ответит отказом, но я обязан сделать все возможное, чтобы предотвратить будущее кровопролитие! – прокричал в рупор Кумани контр-адмиралу Стожевскому, глядя на, спешащий к берегу, катер под белым флагом.

Через пару часов парламентар вернулся с ответом коменданта Сизополя. Халиль-паша был краток: «Пока не умрем. Города не сдадим!»

- Начать обстрел крепости! – махнул рукой Кумани.

Контр-адмирал набил табаком любимую пеньковую трубку. Он был спокоен. Над планом захвата Сизополя Кумани думал давно и теперь был уверен в его успехе. Линейные корабли открыли пальбу по турецким батареям, и по каменной стене, отделяющей город от перешейка. Фрегаты, тем временем, начали обстрел укрепленной высоты, что господствовала над Сизополем. Три канонерские лодки подошли вплотную к берегу поддержали линкоры стрельбой во фланг батареям. Спустя несколько часов, каменные стены были сметены, а батареи сбиты. Над Сизополем поднимались клубы густого дыма.

- Шлюпку на воду! – скомандовал вахтенный лейтенант.

Вместе с подполковником Генерального штаба Кеком контр-адмирал Кумани пошел к самому берегу, чтобы лично определить место высадки десанта.

А затем прибыл Таир-эфенди от двухбунчужного Вендерли-Халиль-паши.

- Мой господин весьма огорчен разрушением укреплением и человеческими жертвами! Полный печали, он согласен передать вам город, если жители не подвергнутся бесчинствам, а гарнизон будет отпущен со всем оружием!

Русские моряки бесчинствами не занимаются! Гарнизон же я отпустить не могу. В случае капитуляции все объявляются военнопленными! Это мое последнее слово! – в разговоре с посланцем коменданта Кумани был предельно холоден.

- Усилить бомбардировку! – распорядился он, откланявшись парламентару.

Через пару часов Таир-эфенди вернулся. Вид у него был весьма унылый.

- Мой господин согласен на ваши условия! – сказал он с вздохом. – А мне велено оставаться при вас аманатом!

Но Кумани этим не обольстился.

- Я грек и хорошо знаю вероломство турок. Если паша что-либо замыслил, он не пожалеет и своего аманата! – сказал он контр-адмиралу Стожевскому. - А потому пошлите мое требование коменданту самому прибыть на борт и... готовьте десант! Судя по всему, драки нам не избежать!

В ожидании ответа канонерские лодки продолжали безостановочно крушить ядрами береговые редуты. После каждого выстрела во все стороны летели камни и щебень. Отвечать турки уже и не пытались.

Как и ожидалось, в назначенное время паша не прибыл. В 4 утра 16 февраля, пользуясь густым туманом, десант был уже на берегу. Батальоны

Камчатского и Селенгинского полков, и моряки-гвардейцы под началом подполковника Лисецкого, быстро захватив берег, готовились к следующему броску. К Халиль-паше отправился лейтенант Джоли с переводчиком титулярным советником Батьяновым.

- Десант уже высажен! – объявили они ему. – Ели вы и теперь не придете к нашему адмиралу, то все переговоры прекращаются и Сизополь будет взят штурмом!

- Вывесить на башне белый флаг! – велел комендант, не поднимая глаз на своих посетителей. – А я вместе с вами еду к его превосходительству! Другого выхода у меня нет. Этой ночью большая часть гарнизона разбежалась!

- Если вы не возражаете, с вами поедет господин Батьянов, у меня же еще есть дела на берегу! – учтиво поклонился Халиль-паше лейтенант Джоли.

Всего с десятком матросов он занял береговые батареи. К русским моряками сбежались местные греки и криками приветствовали своих освободителей. Джоли искренне жал руку старейшинам.

- Мне нужна ваша помощь! – попросил греческих старшин лейтенант.

- Можете не сомневаться, мы сделаем все для наших русских братьев! – заверили его старшины.

Русские матросы и греческие мужчины быстро заняли основные укрепления Сизополя, благо, те были уже пусты. Теперь, находящимся на укрепленной высоте около города арнаутам Дервиш-аги, просто не было куда отступить.

Тем временем Лисецкий повел десант на занятые турками высоты. Не дожидаясь неизбежной развязки, арнауты бежали. Впереди всех мчался на арабском скакуне храбрый Дервиш-ага.

Кумани встретил Халиль-пашу на палубе «Пимена». Тот, сдерживая рыдания, отдал греческому контр-адмиралу ключи от Сизополя и саблю. Теперь пленного пашу ждала каюта фрегата «Рафаил» и Варненская крепость.

Спустя час солдаты и морские гвардейцы вступили в город. Временным комендантом Сизополя стал известный своей строгостью на флоте капитан 2 ранга Кошкин, который сразу же начал наводить порядок в захваченном городе.

- На то над нами Кошкин и поставлен, чтобы мышки не дремали! – говорили солдаты и матросы, почувствовав твердую руку нового коменданта.

В тот же день к борту «Пимена» подошла рыбацкая фелюга. Греческий шкипер заявил, что имеет к российскому адмиралу сообщение чрезвычайной важности.

- Давайте его ко мне! – распорядился Кумани.

Узнав, что российский адмирал является по национальности греком, шкипер пришел в полный восторг.

- В глубине залива между Фаросом и Бургасом в бухте Чингане-Искалеси прячутся девять турецких судов. Там же имеется паром для перевозки войск с одного берега залива на другой! – сообщил шкипер Кумани.

Поблагодарив рыбака и одарив его деньгами, контр-адмирал пригласил к себе капитан-лейтенанта Ушакова.

- Было бы непростительной глупостью отказаться от такого подарка! - посвятил его в свои планы. – Бери два баркаса с фальконетами и уничтожь все, что найдешь!

На следующий день баркасы вошли в бухту. Несмотря на отчаянное сопротивление турок, были захвачены паром и два больших судна. Остальные семь судов выбросились на мель и были сожжены своими командами. К несказанной радости паром оказался доверху заполнен запасом хлеба для турецкой армии.

- Убитых и раненных нет! – доложил Ушаков, по возвращении из набега.

- Отличная работа! – похвалил молодого офицера контр-адмирал. – На этом, кажется, наши дела в Сизополе завершены и пора пощупать еще одну крепостицу! Авось повезет, чем черт не шутит!

Теперь русские корабли взяли курс на Ахиолло, еще одну крепость на берегу Фаросского залива. Ахиолло расположен недалеко от Сизополя, а потому уже через полдня отряд Кумани был на месте. Однако отмели не позволили линкорам подойти ближе двух верст к берегу. Это делало их бесполезными для бомбардировки. Вся надежда была на фрегат «Рафаил», бриг «Пегас» и канонерки. Только они смогли подойти вплотную к берегу. Комендант Гассан-Дуфенчи сдаваться не думал и «защищался с живостью». Обстреляв Ахиолло, и вызвав там многочисленные пожары, Кумани вынужден был вернуться к Сизополю, который надлежало стеречь от возможных турецких посягательств.

За блестящее взятие Сизополя контр-адмирал Кумани был награжден достойно - орденом святой Анны высшей 1-й степени.

Из Варны срочно перебросили в Сизополь подкрепления. Оборона крепости была возложена на генерал-майора Вахтена. Моряки по этому поводу смеялись:

- Самая подходящая фамилия для обороны приморской крепости, очень уж моряцкая!

Спустя месяц турки решили отбить Сизополь обратно, но было уже поздно. Гарнизон крепости к этому времени был значительно усилен. Турки шли на Сизополь на пролом. Приступ отбивали Азовский, Камчатский и Украинский полки. Оборонявших из всех пушек поддерживали и корабли Кумани.

Из хроники войны: «Нападение было самое отчаянное. Ни непрерывный ружейный огонь, ни губительное действие 8 орудий, громившие неприятеля картечью, ни бросаемые в толпы ручные гранаты, не могли остановить стремление турок. Под градом пуль, спускаясь в ров, они ожесточенно усиливались взобраться в редут. Один из офицеров регулярной пехоты, принадлежавший свите Гуссейна-паши, с тремя турками, перелез через

штурм-вал и бруствер, а оттуда проник, было, в сам редут, но мгновенно поднятые на штыки, храбрецы заплатили жизнью за дерзкую свою отвагу».

Атаки следовали одна за другой. Но храбрый гарнизон во главе с генерал-майором Вахтенем крепость не сдал. Несмотря на все усилия, турки были отбиты с огромными потерями. После сражения Вахтен благодарил за помощь Кумани, сказал:

- Благодарю Бога, что вы не взяли Ахиолло! Если бы это случилось, и мы отправили туда хотя бы не большую часть сил, то Сизополь нам бы сейчас не удержать!

- Что не делается, а все к лучшему! – ответил контр-адмирал.

Тем временем в Санкт-Петербурге начальник Главного морского штаба князь Меншиков докладывал императору свои виды на использование черноморского флота в предстоящую кампанию.

- Надлежит закрепить захват Сизополя и продолжить захват приморских крепостей, постепенно продвигаясь, таким образом, к Босфору. Кроме этого следует готовить отдельную десантную операцию в Синоп, с тем, чтобы нанести оттуда удар навстречу графу Паскевичу в сторону Кавказа и по Константинополю со стороны Азии. Но Синопское дело требует подготовки, и начинать его следует к концу лета. Одновременно Грейгу следует держать Босфор в тесной блокаде!

- Согласен! – коротко кивнул Николай Первый. - Я ожидаю от Черноморского флота новых подвигов! И передайте моим черноморцам, что отныне и до конца войны платить им жалование будут не ассигнациями, а полновесным серебром!

Последнее значило весьма существенную прибавку к окладам. Разумеется, что решение императора о повышении жалования было встречено моряками на «ура».

Всю зиму султан Махмуд деятельно готовился к продолжению войны.

Из хроники войны: «В твердой решимости продолжать борьбу с Россией, султан не внимал ни каким убеждениям. Деятельность его была изумительна. Сам он присутствовал ежедневно при обучении войск в столице, беспрестанно рассылал фирманы пашам, возбуждая в них соревнование к упорной защите; занимался приведением в окончательное устройство флота, и, наконец, велел составить из жителей род ополчения для отправления в крепости по Дунаю расположенные. Сверх сего сформировано было 13 регулярных полков, готовых выступить в поход».

Уже в апреле султан самолично посетил флот и даже вышел из Босфора в Черное море на 100-пушечном корабле своего имени. Линейный флот приветствовал своего падишаха продолжительной пальбой. Смотров морских сил Махмуд остался доволен:

- Я в праве ожидать от вас великих чудес во славу Всевышнего! – сказал он своим адмиралам.

Те клятвенно обещали непременно чудеса явить. Факт посещения султаном флота не укрылся от нашего дозорного фрегата «Флора». Вскоре об этом знал уже и адмирал Грейг.

Помимо этого, Махмуд произвел замену многих военачальников, не оправдавших доверие в прошлую кампанию. В звание верховного визиря был возведен лично преданный Решид-паша, а мечтавший занять это место стойкий защитник Шумлы Гуссейн-Ага-паша остался при своих интересах.

Махмуд II

- Вначале мы вышвырнем москвитов из Малой Валахии, а затем пойдём дальше, пока не заставим их подписать мир на наших условиях! – разъяснял Махмуд Второй собранному дивану.

Министры согласно кивали головами в роскошных тюрбанах и невольно ежились. За резными окнами «Порога Счастья» гремели барабаны, и батальоны новобранцев неустанно маршировали под истошные крики прусских инструкторов:

-Ай! Цвай! Драй! Ай! Цвай! Драй!

«Низам-джедит» последнего набора готовился к отправке на Дунайский театр войны.

С началом кампании 1829 года генерал-адъютант Дибич сразу же перешел к решительным действиям. В весеннее половодье русская армия перешла

Дунай. На реке полностью господствовала русская флотилия. В этом году ее возглавлял контр-адмирал Патаниоти.

Резид Мехмед-паша

- Начнем в этом году тем, чем закончили год прошлый! – заявил Дибич и двинул главные силы на Силлистрию.

Действовал Дибич стремительно. Не успели турки опомниться от форсирования русской армией Дуная, как все ложементы и редуты вокруг Силлистрии были уже в наших руках. Солдаты авангарда штыками загнали всех обороняющих во внутренние укрепления, упорствующих, просто перекололи. На Дунае встали на якоря бомбардирские канонерки Патаниоти. Теперь крепость была взята в самую тесную блокаду.

- С Силлистрией мы пока дела решили! Наступит час, и она сама упадет в наши руки! – резюмировал он. – Теперь пора посчитаться за прошлую неудачу и с Шумлой! – объявил генералам Дибич. – Но для начала попробуем выманить турок из крепости в поле!

Осада Силлистрии была поручена генералу Красовскому. Главные силы русской армии начали скрытое развертывание на Шумлу. Корпус генерала Рота уже штурмовал городок Праводы в северных отрогах Балканских гор, через который шла дорога в Константинополь. Не взяв Правод, нельзя было идти через Балканы. Город был хорошо укреплен, но войска генерала от инфантерии Рота все же взяли его приступом.

В апреле командир брига «Меркурий» Александр Казарский провел дерзкую разведку, почти войдя в Босфор. Рисковал, конечно, но риск оправдался полностью, в глубине залива был усмотрен весь турецкий флот: 8 кораблей и несколько фрегатов, вполне готовых к плаванию. Это значило, что в этом году турки намерены побороться за господство на Черном море. К Босфору немедленно был послан отряд капитана 1 ранга Скаловского, покрывшего

себя неуязвимой славой еще в средиземноморской экспедиции Сенявина, когда, командуя бригом «Александр», вышел победителем из схватки с семью французскими судами, потопив половину из них. Турки выйти сразиться не отважились, но с этого времени у пролива всегда находились сразу два, а то и три наших дозорных судна.

А затем вновь отличился бриг «Орфей». Из хроники этого плавания: «3-го мая, обозрев пролив Константинопольский, где усмотрен на якорях весь флот турецкий, бриг лег вдоль азиатского берега, чтобы иметь возможность отрезывать суда, идущие к Босфору. На другой день, подойдя к местечку Кирпени, увидели три судна, расположенные на швартовых у самого берега. Став на якорь в 300 сажнях от них, Колтовский спустил гребные суда, привел бриг в боевое положение и, предоставив команду над ним старшему по себе лейтенанту Васенко, сам с баркасом и катером, порученными мичманами Рындину и Сорифонари, отправился к неприятельским судам. Между тем как это происходило, турки во множестве стекались для защиты судов своих и по приближении к ним, гребные суда наши были встречены сильным ружейным огнем. Не смотря, однако, на это, отряд наш быстро абсордировал неприятельские суда, завладел двумя из них, и благополучно доставил к бригу. Не давая опомниться неприятелю, Колтовский отправил вновь гребные суда свои, под командою лейтенанта Васенко, для вырезки третьего судна, что было исполнено также с совершенным успехом. Урон наш в этом деле состоял из 6 раненных нижних чинов. Приведенные бригами «Меркурий» и «Орфей» призовые суда, приказано передать в ведение призовой комиссии, учрежденной на корабле «Скорый».

Иван Иванович Дибич-Забалканский

Заметной личностью на Черноморском флоте был капитан 1 ранга Иван Скаловский. Репутацию он имел самую боевую. А характер решительный. Еще лейтенантом в сенявинскую Средиземноморскую экспедицию, командуя бригам «Александр», он выдержал неравный бой у острова Браццо с французской флотилией и при этом утопил несколько судов. Наградой герою был Георгий 4-й степени и чин капитан-лейтенанта.

Теперь Скаловский командовал линейным кораблем «Пармен».

С началом войны излишняя осторожность Грейга выводила командира «Пармена» из себя.

- Наша главнейшая задача - Надежно запереть Босфор! – высказывал он в сердцах капитану 2 ранга Мелихову. – Пока флот бесполезно торчит у Сизополя, а это только на руку туркам!

Умница Мелихов в ответ разводил руками:

- Увы, на этом концерте не я играю первую скрипку!

- Командующий не понимает главного! – резал правду-матку Скаловский. – Флот нужен не для защиты приморских крепостей, а для овладения морем!

Наконец высказывания командира «Пармена» дошли до ушей Грейга.

- Хорошо! – сказал он. – Пусть Скаловский на деле покажет, как он будет завоевывать господство на морском театре!

Спустя несколько дней «Пармен», вспенив волну, взял курс к Босфорским теснинам. В кильватер ему клали руль линейный корабль «Иоанн Златоуст», брига «Меркурий» и «Мингрелия». Впереди отряда дозорные фрегаты «Штандарт» и «Поспешный». Над «Парменом» ветер полоскал брейд-вымпел отрядного командира.

Неподалеку от пролива были усмотрены турецкие корабли. Но сразиться не удалось. Не приняв боя, турки сразу же бежали в Босфор.

- Ладно! – процедил сквозь зубы Скаловский. – Поищем удачи в другом месте!

Спустя день, у местечка Шили он настиг турецкий конвой. Огонь русских пушек был точен. Семь турецких судов взлетели на воздух, а оставшиеся два успели выбросить белые флаги...

Победа при Шили стала первой чисто победой морской Черноморского флота. Но упрямый Скаловский на этом не успокоился. От пленных он узнал, что в турецком порту Пендераклия вооружается только что спущенный на воду линейный корабль, а неподалеку, в Акчесаре, готовится к спуску 26-пушечный корвет.

- Решаю произвести нападение на неприятеля до полного его уничтожения! – объявил командир отряда на капитанском совете.

Иных мнений не было.

Третьего мая 1829 года отряд Скаловского подошел к мысу Баба, что прикрывает Пендераклийский порт с севера. Ознакомившись с рейдом и изучив защищающие адмиралтейство береговые батареи, Скаловский решил атаковать ближайшей ночью.

- Медлить нельзя хотя бы по двум причинам! – делился он своими соображениями на шканцах «Пармена». – Прежде всего, любое промедление

турки используют для своего усиления, а, кроме того, следует опасаться и «осторожности» нашего командующего. Ежели он, не дай Бог, прознает про нашу диверсию, то тут же погонит сторожить свою любимый Сизополь!

К вечеру оба линейных корабля встали напротив береговых фортов. Фрегат «Штандарт» напротив города, а его собрат «Поспешный» против почти достроенного турецкого линейного корабля.

Была ясная лунная ночь. Вдоль побережья горели сотни костров, то грелась турецкая пехота. Едва с наших линкоров спустили шлюпки с «охотниками», как они сразу же попали под сильный огонь с берега. Желая избежать лишних потерь, Скаловский вернул десант.

- Будем лупить артиллерией! – распорядился он.

Весь следующий день с раннего утра идо самой темноты ревели русские пушки, посылая ядра и брандскугели в неприятеля. К ночи удалось сбить большую часть береговых пушек. Бежала за холмы и турецкая пехота.

- Кличьте охотников! – велел командир отряда, когда солнце стало садиться за горизонт.

Из многочисленных добровольцев-офицеров он отобрал двоих: мичмана Трескина и штурманского кондуктора Черкасова. Первый молод и азартен, второй опытен и осмотрителен. Задача «охотников» была особая: незаметно подойти на шлюпке к борту неприятельского линейного корабля и поджечь его. Дело не только многотрудное, но смертельно опасное.

- Может, передумаете? - Спросил отважных Скаловский перед отплытием.

- Мы отходим, прощайте! – помахали те рукой.

Бесшумно опустились в воду весла, обернутые в уключинах ветошью. Гребцы работали веслами осторожно, чтобы не плеснуть ненароком водой. Разговаривать тоже было строжайше запрещено. Шлюпка незамеченной проскользнула к самому борту турецкого корабля. Трескин с Черкасовым быстро прибили в нескольких местах к борту пеньковые кранцы, облили их смолой и зажгли. Едва шлюпка отошла от своей жертвы, как турецкий линкор вспыхнул огромным костром, а затем грянул взрыв... В огромном огненном вихре навсегда исчезли вместе с линейным кораблем стоявший подле него военный транспорт и полтора десятка коммерческих судов. Это был уже погром!

В это же время фрегат «Поспешный» разнес в щепки и достраивавшийся турецкий корвет.

- Кажется, больше нам здесь делать нечего! – покачал головой Скаловский, оглядевши горящий порт. – Выбирать якоря!

В это время подошла шлюпка. Скаловский встречал героев у шторм-трапа. Едва измученные греблей пропахшие порохом «охотники» взобрались на борт «Пармена», командир отряда их расцеловал.

- Спасибо вам, ребята! Вы настоящие герои! Я счастлив, имея под своим началом столь отважных моряков! – говорил растроганный капитан 1 ранга, не выпуская Трескина с Черкасовым из своих объятий.

- Что вы, Иван Семенович, - потупили те глаза. – Мы лишь ваши ученики! А пример для подражания брали с командира брига «Александр»!

Над Пендераклией стояли столбы густого черного дыма. То там. То здесь взметывались в воздух огненные факелы – это рвались артиллерийские погреба на батареях. Пендераклии, как военно-морской базы, более не существовало. Неприятельскому флоту был нанесен первый сокрушительный удар. Бывший командир легендарного бригаа еще раз показал, на что он способен!

Учинив погром вдоль всего Анатолийского побережья, Скаловский взял курс на Сизополь. К концу подходили вода и ядра. За время перехода – еще одна победа. На этот раз перехватили три крупных турецких транспорта.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ПОБЕДА ПРИ КУЛЕВЧИ

Рейд капитана 1 ранга Скаловского вызвал мгновенную реакцию в Петербурге и Константинополе. Если Николай Первый, оставшись довольным действиями лихого командира, велел немедленно произвести его в контр-адмиральский чин, то султан Махмуд, узнав о Пендераклийском погроме, приказал своему флоту незамедлительно выходить в море и проучить дерзких гяуров.

В спешке турки покинули Константинополь и, поставив все паруса, устремились на поиск русских корабельных отрядов. Но едва те показались, как смелость мореходов султана сразу сошла на нет, и они не замедлили снова спрятаться в проливе.

На сей раз, османский флот отстаивался на рейде Буюк-дере вплоть до окончания Байрама. Но и это самое благоприятное время не было в полной мере использовано чересчур осторожным Грейгом. После ряда бесполезных выходов к турецким берегам, он вновь загнал флот в Сизопольский залив.

Прошел Байрам, и турки снова зашевелились. Снова началась старая игра в прятки: турки уходят в Босфор – наши подходят к проливу, Грейг уходит от Босфора, турки высовываются из пролива.

- Никак не могу поймать окаянных! Все время ускользают, больно уж хитры! – разводил руками командующий на совете флагманов.

- Никакой хитрости здесь нет и в помине! – не сдержался Скаловский. – Надо лишь постоянно держать у Босфора сильную эскадру, как это делают балтийцы в Дарданеллах и тогда туркам каюк! Кто ищет боя. Тот всегда его находит!

Грейг отмолчался, но обиделся сильно.

И снова отличился неутомимый капитан-лейтенант Колтовский! Находясь в очередном крейсерстве «Орфей» настиг и сжег два больших судна, нагруженных припасами, затем были иные не менее славные дела.

Из хроники боевых действий Черноморского флота в 1829 году: «Получен рапорт командира брига «Орфей», заключающийся в следующем: По осмотре Синопа, замечены линейный корабль и два корвета на стапелях и семь судов, расположенные на якорях под стенами крепости. Во все время плавания не было встречено ни одного судна, исключая лодки, у самого берега

плавающие, которые всяких раз были истребляемы. Хотя это было сопряжено с величайшей опасностью, потому, что берег, при каждом приближении к нему крейсера. Немедленно покрывался множеством вооруженных жителей. 16 июня бриг «Орфей», подойдя к деревне Массет, усмотрел два строившихся судна и одно, стоявшее вблизи берега. Положил якорь в двух кабельтовых от деревни, капитан-лейтенант Колтовский открыл огонь, как по строившимся судам, так и по селению, и, по удалению из него турок, отправил лейтенанта Храповицкого и мичманов Реунова и Гавриина-пятого на катере и баркасе для овладения неприятельским судном. Лишь только отряд наш успел пристать к последнему, как засевшими за камнями, и в ущельях турками был открыт жесточайший огонь. Уже швартовы судна были обрублены, и оно взято на буксир, но последний был перебит и, в то же время, на гребных судах наших убито 4, ранено 7 человек нижних чинов и мичман Гавриин. Это обстоятельство вынудило начальствовавшего отрядом вывести его из огня неприятеля, после чего абординированное судно выстрелами из каронады и фальконета было потоплено».

Действия Колтовского вообще всегда отличались неслыханной дерзостью. В Босфор он забирался, как к себе домой, подходил почти вплотную к стоявшим в проливе турецким линейным кораблям и только в самый последний момент, когда на тех уже начинали судорожно открывать орудийные порты, стремительно уходил на всех парусах.

- Ничего удивительного! – пожимал плечами Колтовский, когда его расспрашивали о дерзновенных рейдах в Босфор. – Античный Орфей тоже, как известно, побывал в Аиде, и вернулся оттуда целым и невредимым, так чего же бояться фрегату с его именем на борту?

Старшему офицеру «Орфея» лейтенанту Васенко начальство давно уже предлагало перейти командиром на один из бригов, но он всякий раз отнекивался:

- Не по мне бросать в страдную пору родное судно. Дозвольте уже до конца войны на любезном мне «Орфее» отплыть, а там что будет!

Наверное, на всем Черноморском флоте не было тогда такого лейтенанта и мичмана, кто бы ни мечтал служить на героическом «Орфее». Черноморские офицеры шутили:

- Ежели так и дальше пойдет, то для нашего... придется придумывать новые ордена!

- Не ради орденов воюю, а ради славы Отечества! – отвечал им удачливый командир «Орфея». – Так что извините господа хорошие, но мне снова пора в море!

Главный подвиг неустрашимого Колтовского был еще впереди!

Тем временем, выполняя приказ главнокомандующего, наши отряды прикрытия у Шумлы начали демонстративный отход после первой же стычки с турками. Теперь турки в Шумле оказались перед выбором: оставаться в

Шумле и оказаться в полном окружении, без всякой надежды на успех или пробиваться всеми силами на Праводы.

- Слава Аллаху! Гяуры сегодня еще менее стойки, чем вчера! – обрадовался завоеватель Мореи великий визир Решид-паша и решительно вывел из Шумлы 40 тысяч отборного войска.

Праводы, оборонявшийся отрядом генерала Рота, стал теперь целью главных сил турецкой армии.

- Вперед! Вперед! – торопил воинов Решид-паша. – Нас ждет величайшая из побед!

Но переиграть Дибича ему не удалось. Оборонявший Праводы генерал от инфантерии Рот, оставил там сильный гарнизон под началом генерал-майора Павла Куприянова, а сам скрытным фланговым маневром двинулся в тыл турецкой армии. Туда же скрытным маршем шел и сам

Взять с хода Праводы туркам не удалось. Наши держались стойко. По ночам в русском лагере играла полковая музыка, и пели хоры песенников. Такая веселость бесила неприятеля, но ничего поделаться они не могли. Все атаки отбивались с огромными потерями для нападавших. Наступили некоторое затишье. Противники переругивались. За турок кричали казаки-некрасовцы, оставшиеся на службе султану.

- Убирайтесь отсюда и отдайте туркам их город! – кричали изменники-некрасовцы.

- А то что? – отвечали наши.

- А то всех перережем! – злобно вопили с той стороны.

- В начале попробуйте! – нехотя отзывались с нашей стороны.

- Отдайте голову вашего генерала, и султан осыплет вас золотом! – снова начинали свою незатейливую агитацию некрасовцы.

- У нас своего богатства девать некуда! Лучше уж вы тащите нам башку вашего султана! Вот потеха-то будет!

После этого турки и некрасовцы, как правило, не выдерживали. Происходила небольшая перестрелка, после чего опять продолжалась перебранка.

Время шло, и это было не в пользу неприятеля. Генерал-майор Куприянов раз в несколько дней слал донесение Дибичу: «Ваше высокопревосходительство! Будьте уверены, что город, защищаемый русскими, навсегда останется за ними!»

Великий визир Решид-паша был вне себя:

- Объявите всем, что идущие на приступ будут провозглашены неустрашимыми, и каждый из них получит по 500 левов!

Но желающих штурмовать Праводы больше не было.

- Зачем покойникам титулы и деньги? – резонно говорили между собой измученные атаками ополченцы. - Лучше уж вернуться живыми домой!

- Желающих нет, наш повелитель! – доложили визирю помощники.

- Пусть воины хорошо отоспятся, напьются кофе, накурятся и насладятся кейфом! После этого намешайте им в похлебку опиум и можно начинать атаку! – велел мудрый визир.

Опиум был старым испытанным средством турецких полководцев. К нему они прибегали всегда, когда видели, что войска не слишком храбры. Опоенные опиумом турки яростно кинулись на приступ, но снова были побиты. Одолеть Праводы не помог даже опиум.

В это время лазутчики, наконец-то, донесли Решиду-паше о том, что русские войска вышли ему в тыл, прервав сообщение со столицей. Теперь Решиду-паше стало уже не до Правод. Его главные силы оказались отрезанными от Шумлы. Впору было думать о собственном спасении.

И здесь великий визир допустил еще одну ошибку, трагическую! Вместо того чтобы попытаться как можно быстрее прорваться к отрезанной Шумле, он решил нагнать и уничтожить отряд генерала Рота. О подходе главных сил русской армии паша и не предполагал! Армия Дибича шла, соблюдая строжайшую тишину, без барабанов, песен и огней. Наконец, полки выстроились на равнине Эски-Арнаут-Лара. Священники окропили солдат святой водою и отслужили молебен на дарование победы христианскому воинству. Добыча сама спешила в хитроумно расставленную Дибичем западню. Этой западной стали крутые теснины Кулевчи.

Главнокомандующего постоянно информировали о начавшемся передвижении турок. Самые нетерпеливые советовали нанести удар немедленно.

- Не будем торопиться, - качал головой барон. – Дадим Решиду забраться в ловушку полностью! Не будем лишать себя удовольствия!

Ранним утром 30 мая Дибич велел командиру авангарда генералу Отрощенко атаковать высоты перед деревней Чирковка.

- Открыть огонь из всех пушек! – махнул рукой главнокомандующий.

Так началось главное сражение всей войны. В несколько залпов турки были забросаны сотнями ядер и отошли за горные скаты в лес.

- Гусарам занять высоты! – нетерпеливо топнул ногой Дибич. - Грех не воспользоваться османской вежливостью!

Трубачи приложили к губам звонкие трубы, играя «Марш, марш». В четверть часа Иркутские гусары аллюром взлетели на оставленные турками горы. За ними бегом туда же взобрался батальон Муромского пехотного полка. Пытаясь воспрепятствовать нашей пехоте, открыла огонь замаскированная турецкая батарея, но тут же была атакована егерями. Турецкую батарею егеря замолчать заставили, но сами были тут же контратакованы сами. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Наши подтянули резервы, турки тоже. Все новые и новые батальоны втягивались в разгоравшееся побоище. До последней капли крови отбивался штыками батальон Муромского полка.

Из хроники сражения: «Окруженный со всех сторон, он (батальон муромцев – В.Ш.) не переставал мужественно защищаться, даже и тогда, когда турецкие дельбаши врезались, наконец, в сомкнутое каре его. Произошла

страшная, кровопролитная сеча. Звуки сабельных ударов, ружейные и пистолетные выстрелы, вопли и крики сражающихся слились в один дикий, ужасный гул и вскоре бедствующий батальон, подавленный многолюдством. Был изрублен турками до последнего человека. Рассвирепелые бросились они на остальную пехоту авангарда нашего».

После ожесточенной схватки вынуждены были начать отход и егеря. Пал несший знамя портупей-юнкер. Командир полка подполковник Севастьянов взял из рук убитого знамя, и, неся его, ободрял своих солдат.

- Ребята не робей! Нам ли бояться басурманина!

Егеря отходили, отбиваясь ружейным огнем и штыками. Три батальона сдерживали напор всей турецкой армии.

- Пушки вперед! – скомандовал генерал Отрощенко, видя, что ситуация аховая. – Лупить картечью до последней возможности!

Артиллеристы дерзко выкатили шесть пушек прямо навстречу атакующим туркам. Сняли с передков, подпалили фитили:

- Хватай подарки, никого не обделим!

Бьющая в упор картечь, выкосила среди атакующих целую улицу. Но удержать разъяренные толпы врага, артиллеристы не смогли. Турки по трупам, вновь ринулись на ослабленные егерские батальоны.

Теперь кидаться в пекло пришел черед и гусарам. Звонко пропели трубы, взметнулись ментики. Вперед конных рядов вылетел на гнедом жеребце полковник Тутчек. Усы лихо закручены, кивер набекрень:

- Кто смерти не боится, за мной!

- Бей их в песи, руби в хузары! – раздалось в ответ старое гусарское.

Спасая товарищей, в гибельную атаку пошли эскадроны Иркутских гусар. Через четверть часа их уже не будет...

Из хроники сражения: «Турки, укрывшиеся за ущельями с левой стороны нашей позиции, бросились на первый батальон 12-го егерского полка и принудили его к отступлению. Теснимый всею их силою, авангард наш должен был уступить. Неприятели с ужасным криком шли вперед, осыпая русских градом пуль. В это время были ранены генералы Отрощенко и Глазенап».

Ободренные первым успехом, турки с криком бросились на наш правый фланг. Начальник резервного отряда граф Пален немедленно послал навстречу им Невский и Софийский пехотные полки генерал-майора Любомирского с десятком пушек.

- Умри, но атаку останови! – велел Пален.

Полки пошли в бой с распущенными знаменами и офицерами впереди. Турки, по-прежнему, неукротимо рвались вперед. Поняв, что перед ним главные силы русской армии, Решид-паша стремился теперь любой ценой пробиться к Шумле.

На линии огня князь Любомирский быстро свернул свои полки в каре и встретил набегавших турок залповым огнем. Пехоту поддержали пушки полковника Вальца. Волна за волною турецкие солдаты накатывались на два русских каре в надежде прорваться вовнутрь, но всякий раз были

отбрасываемы с огромными потерями. Наши выстояли! Вскоре подоспела пехотная бригада генералом Будбергом, кавалерия и пушки генерал-майора Арнольди. С этого момента бой несколько выровнялся. А затем турки отхлынули на исходные позиции в горы перед долиной Кулевчи.

Измотанные войска обеих сторон нуждались хотя бы в небольшой передышке, и сражение постепенно стихло на всех направлениях. Пользуясь паузой, Дибич произвел рокировку своих сил. В передовые линии были введены свежие полки, одновременно подтянуты и резервы.

Решид-паша надеялся, что уставшие русские в этот день больше ничего не предпримут. Но он ошибся, Дибич останавливаться на достигнутом не собирался.

В пять часов пополудни начальник штаба армии барон Толь лично повел в атаку на турецкие позиции свежую 5-ю пехотную дивизию и артиллерию. Вновь началась канонада. Наши стреляли много лучше. И вскоре на турецких батареях начали взлетать пороховые заряды, которые артиллеристы неосторожно подтащили слишком близко к пушкам. От взрывов разлетались в куски орудия, стоявшую тут же пехоту укладывало на землю сотнями. Турок объял настоящий ужас. Ряды их пехоты смешались. Наступил переломный момент, упустить который было бы непростительно. И Дибич его не упустил!

- Пехоте в колоннах сбить неприятеля с горных высот! – распорядился он.

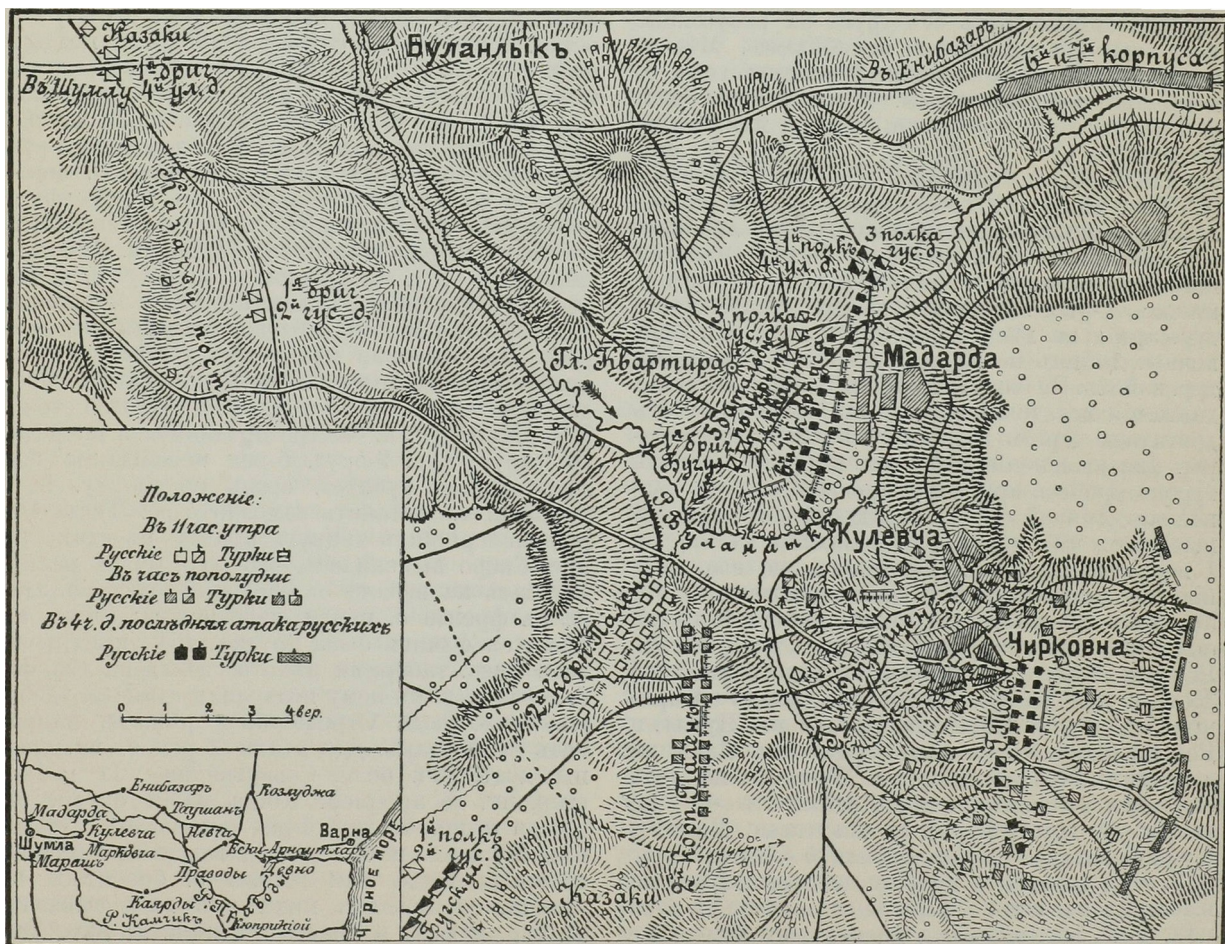

Схема сражения у Кулевчи

Из хроники сражения при Кулевчи: «Стройность, быстрота повсеместной атаки и русская храбрость увенчали полным успехом мудрые распоряжения графа Дибича. Неприятель дрогнул и вскоре принужден был обратиться в бегство. Тесня турок штыками, осыпая градом пуль, русские вскоре расстроили их боевой порядок, овладели позицией и неприятель, лишись 1500 человек, оставил в добычу победителям многочисленный свой обоз с разными запасами, весь лагерь, 43 орудия, 6 знамен, искал спасения в горах и рассыпался по обоим сторонам дороги».

Документально известно, что первым с поля боя бежал сам верховный визир. «Первым подал знак к отступлению» - так деликатно написал об этом позоре турецкий историк. Бегущих преследовала кавалерия под началом графа Палена. Со стороны Правод турок уже ждал отряд генерал-майора Куприянова. Остатки разбитого воинства пробирались горными тропами через Балканы. Кое-кто подался к Шумле, в надежде просочиться сквозь казачьи пикеты. Армии Решида-паши, как организованной силы, более не существовало.

При преследовании отличились гусары генерала Мадатова. Они опрокинули конницу башибузуков, а потом, с налету, захватили турецкий редут на подступах к Шумле. Теперь уже Мадатов кричал своим храбрецам залихватское кавалерийское:

- Бей их в песи!

Турки онемели, когда, бросив своих коней, ахтырцы и александрийцы с саблями наголо полезли на их укрепление. Кто не успел бежать, были изрублены.

Известие о победе при Кулевчи Николай Первый получил в Варшаве, на обратном пути в Россию из Берлина, где он вел непростые переговоры с прусским королем Фридрихом Вильгельмом-Фридрихом Третьим. В порыве радости император расцеловал вестника победы князя Трубецкого, затем упал на колени и вознес свою благодарность Господу. От царя поручик Трубецкой вышел уже флигель-адъютантом и полковником. Не остались без наград и организаторы победы Дибич и Толь. Главнокомандующий получил Георгий 2-й степени, а Толь стал графом. Прусский король от себя передал Дибичу большой крест ордена Черного Орла.

Там же в Варшаве Николая настигло еще два известия: первое о постыдной сдаче фрегата «Рафаил» и второе о небывалой победе брига «Меркурий».

История сдачи в плен фрегата «Рафаил» одна из самых неприглядных в истории нашего флота. Все были поражены этим известием, ведь на счету «Рафаила» было немало боевых дел, а его командир капитан 2 ранга Стройников считался одним из перспективнейших офицеров.

Все началось с того, что турецкий флот, неожиданно для Черноморского флота, выскользнул из Босфора для поиска и уничтожения отдельных русских судов. Недалеко от Синопа турки и наткнулись на «Рафаил». К удивлению нападавших, русский фрегат даже не попытался защищаться, а сразу выкинул белый флаг. Уже из плена Стройников прислал оправдательное письмо: «Находясь от ближайшего анатолийского берега в 30 милях, увидел неприятельский флот, состоявший из трехдечного, 5 двухдечных кораблей, 2 фрегатов, 5 корветов и 2 бригов в расстоянии шести миль на ветре... Неприятель, пользуясь попутной зыбью и имея направление полнее, сближался с фрегатом до ночи, темнота коей могла способствовать спасению фрегата, следовал его движениям, но он, имея преимущественный ход, не допустил до сего, приближался и по полудни в два часа пресек все направления. Видя себя в столь неизбежном положении, созвал всех штаб и обер-офицеров для отобрания мнения каждого, которые, общим согласием положили: обороняться до последней капли крови и в случае нужды свалиться с неприятелем и взорвать фрегат. Но нижние чины, узнав намерение наше, объявили, что фрегата не допустят сжечь, а сделавшийся в сие время штиль лишил меня и последних способов к защищению и нанесению неприятелю вреда и в 4 часа по полудни фрегат взят неприятельским флотом».

Из письма штурмана турецкого флота, опубликованного в печати после войны: «Взяли один 36-пушечный фрегат, который спустил флаг при нашем приближении. Капитан того фрегата оставался до вчерашнего дня на нашем судне. Он украшен многими орденами и очень хорошо объясняется на итальянском языке. Имя его Семен Михайлович, а фрегат называется «Рафаил».

Однако на этом дело «Рафаила» не закончилось. Оно получило свое продолжение уже после окончания войны...

Насколько история со сдачей фрегата «Рафаил» была позорной, настолько бой брига «Меркурий» был героическим.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПОДВИГ БРИГА «МЕРКУРИЯ»

14 мая 1829 года, находившийся в дозоре у Босфора бриг «Меркурий», под командованием капитан-лейтенанта Александра Ивановича Казарского, был настигнут двумя турецкими линейными кораблями. То были 110-пушечный «Селемие» под флагом командующего турецким флотом и 74-пушечный «Реал-Бей» под флагом младшего флагмана. Противопоставить им «Меркурий» мог лишь восемнадцать малокалиберных пушек. Превосходство неприятеля было более чем тридцатикратное!

Видя, что уйти от турецких кораблей тихоходному бригу не удастся, командир «Меркурия» собрал офицеров на военный совет. Все единодушно высказались за бой. Первым высказался за бой штурман брига Иван

Прокофьев. Того же мнения был и старший офицер брига лейтенант Новосильский. Криками «ура» встретили решение о бое и матросы.

Александр Иванович Казарский

- Будем биться до последнего! – объявил Казарский.

Перед кюйт-камерой он положил заряженный пистолет. Последний оставшийся в живых член команды должен был взорвать бриг во избежание его захвата неприятелем.

Сражение началось. Искусно маневрируя, Казарский постоянно уводил «Меркурий» от турецких бортовых залпов, укрывался в пороховом дыму...

- Мы должны лишить неприятеля хода! Посему целить всем в такелаж!» — командовал он артиллеристам.

*«Бой брига "Меркурий" с турецкими кораблями 14 мая 1829 года».
Художник Ткаченко М. С.*

И те не подвели своего командира. Вскоре комендор Иван Лысенко метким выстрелом перебил на «Селемие» удерживающие снизу бушприт ватерштаги. Лишенные опоры, зашатались мачты, вызывая крики ужаса у турок. Чтобы они не рухнули, на «Селемие» убрали паруса и легли в дрейф, устраняя повреждения.

Теперь против «Меркурия» оставался один 74-пушечный «Реал-Бей». Сражение продолжалось с не меньшим ожесточением более трех часов. Сам командир был ранен в голову, но продолжал руководить боем. Под стать ему отважно сражался и старший офицер лейтенант Новосильский, да и все остальные. Видя, как редуют ряды матросов и офицеров «Меркурия», Казарский решился на отчаянную атаку. Артиллеристам он приказал целиться самостоятельно и стрелять поодиночке, а не залпом. Маленький бриг отважно приближался к огромному кораблю. Думая, что русские решили взорвать себя вместе с «Реал-Беем», турки один за другим прыгали в воду. Но Казарский поступил иначе: сблизившись вплотную с неприятельским линейным кораблем, перебил сразу несколько его рей. Те рухнули, и «Реал-Бей» беспомощно закачался на волнах. Дав по турецкому кораблю последний залп, «Меркурий» продолжил свой путь.

Когда на горизонте появились русские корабли, Казарский разрядил лежавший у крюйт-камеры пистолет в воздух. Вскоре, израненный, но не побежденный, бриг входил в севастопольскую бухту.

Вот как описывает сражение в докладе на имя Николая Первого командующий Черноморским флотом адмирал Грейг: «Когда по случаю

замечательного приближения к нему неприятеля, за крейсерами нашими в погоню устремившегося, командиром фрегата «Штандарт» приказано было каждому судну взять такой курс, при коем оное имеет наилучший ход, тогда бриг «Меркурий» привел в галфвинд на румб NNW, имя у себя флот турецкий к SSO, и поставил все паруса; однако сия перемена курса не могла отдалить его от преследующих, и лучшие ходоки неприятельского флота, два корабля, один 110-пушечный под флагом капудан-паши, а другой 74-пушечный под адмиральским флагом, настигали бриг чувствительно и в ходе 2-го часа пополудни находились от него на полтора пушечных выстрела, а как в это время стихающий ветер еще более уменьшал ход, то капитан-лейтенант Казарский, в надежде удалиться, обратился к действию веслами, но и сия утешительная надежда недолго продолжалась, ибо в половине 3-го часа ветер опять посвежел, и корабли начали приближаться, открыв огонь из погонных своих орудий. Видя совершенную невозможность избежать столь неравного сражения, капитан-лейтенант Казарский, собрав всех офицеров своих, составил военный консилиум, на котором корпуса штурманов поручик Прокофьев первый предложил взорвать бриг на воздух, и вследствие того положено единогласно: защищаться до последней крайности, и наконец, если будет сбит рангоут или откроется в судне течь, до невозможности откачивать оную, тогда свалиться с каким-либо неприятельским кораблем, и из офицеров кто останется еще в живых, должен зажечь крюйт-камеру, для чего был положен на шпиль заряженный пистолет.

После сего командир брига долгом поставил напомнить нижним чинам об обязанностях их к Государю и Отечеству и, к удовольствию, нашел в людях решимость драться до последней капли крови. Успокоенный таковыми чувствами экипажа, капитан-лейтенант Казарский прекратил действие веслами и, приказав отрубить ял, за кормою висевший, открыл огонь из ретирадных пушек. Вскоре за тем 110-пушечный корабль начал спускаться, чтобы занять правую сторону, а может быть, сделать залп вдоль брига, но сей последний избежал столь пагубного действия, взяв направление к N; таким образом, еще около получаса он терпел только от одних погонных пушек; но после того был поставлен между двумя кораблями, из коих каждым сделано по бригу два залпа, и с корабля капудан-паши закричали: «Сдавайся и убирай паруса!» На сие ответствовало с брига огнем всей артиллерии и ружей при громком «ура», и оба корабля, сдавшись несколько за корму брига, продолжали до 4 1/2 часов непрерывную пальбу ядрами, кнпелями, картечью и брандскугелями, из коих один горящий завязнул между гаспицами, произвел пожар, но, к счастью, оный вскоре был потушен.

Во все время сражения бриг упорно отпаливался, уклоняясь по возможности, дабы избегать продольных выстрелов. Между тем, действуя по 110-пушечному кораблю правым бортом, перебил у него ватер-штаги и повредил гротовый рангоут, от чего корабль сей, закрепив тросели, бом-брамсель и брамсель, привел к ветру, на левую сторону и, сделав залп со всего борта, лег в дрейф. Другой корабль еще продолжал действовать, переменяя галсы под кормою брига, и бил его ужасно продольными выстрелами, коих никаким

движением избежать было невозможно, но и сие отчаянное положение не могло ослабить твердой решимости храброго Казарского и неустрашимой его команды; они продолжали действовать артиллерию, и, наконец, счастливыми выстрелами удалось им повредить на неприятельском корабле грот-руслень, перебить фор-брам-рей и левый нок фор-марса-рея, падение коего увлекло за собою лисели, на той стороне поставленные, тогда и сей кораблю в 5 1/2 часов привел в бейдевинд.

Во время сего ужасного и столь неравного боя, продолжавшегося около 3 часов в виду турецкого флота, состоявшего из 6 линейных кораблей (в том числе и двух атаковавших бриг (двух фрегатов, двух корветов, одного брига и трех одномачтовых судов), с нашей стороны убито рядовых 4 человека, ранено 6, пробоин в корпусе судна с подводными 22, в рангоуте 16, в парусах 133, перебитого такелажа 148 штук, разбиты гребные суда и каронада.

В заключение капитан-лейтенант Казарский доносит, что он не находит ни слов, ни возможности к описанию жара сражения, им выдержанного, а еще менее той отличной храбрости, усердия и точности в исполнении своих обязанностей, какие оказаны всеми вообще офицерами и нижними чинами, на бриге находящимися, и что сему токмо достойному удивления духу всего экипажа, при помощи Божией, приписать должно спасение флага и судна Вашего Императорского Величества.

Бриг «Меркурий», атакованный двумя турецкими кораблями. 1892. И. К. Художнику И.К. Айвазовский

Итак, 18-пушечный российский бриг в продолжение 3 часов сражался с достигшими его двумя огромными кораблями турецкого флота, под личную

командою главных адмиралов состоящими, и сих превосходных противников своих заставил удалиться.

Столь необыкновенное происшествие, доказывающее в чрезвычайной степени храбрость и твердость духа командира судна и всех чинов оно, обрешавших себя на смерть для спасения чести флага, ими носимого, превышает всякую обыкновенную меру награды, какую я могу назначить сим людям, и токмо благодать и неограниченные щедроты Вашего Императорского Величества в состоянии вознаградить столь достойный удивления подвиг, который, подвергая всеподданнейше на благоусмотрение Ваше, Всемилостивейший Государь, подношу для себя табель о числе людей, на бригае состоящих, и список офицерам оного».

В донесении на имя командующего Черноморским флотом адмирала А.С. Грейга командир «Меркурия» писал: «Имея честь донести вашему превосходительству о деяниях вверенного мне брига, я не имею ни слов, ни возможности описать жара сражения... А еще менее выразить отличную храбрость и усердие офицеров и команды, коих мужеством и расторопностью спасен российский флаг и бриг от неизбежной гибели... «И хотя свое донесение Казарский составил с присущей ему скромностью, известие о небывалой победе маленького, почти безоружного брига над двумя сильнейшими турецкими кораблями облетело всю Россию. Страна ликовала! В те дни газета «Одесский вестник» писала: «Подвиг сей таков, что не находится другого ему подобного в истории мореплавания; он столь удивителен, что едва можно оному поверить. Мужество, неустрашимость и самоотвержение, оказанные при сем командиром и экипажем «Меркурия», славнее тысячи побед обыкновенных».

Вновь, как и в былые времена, посланцы севастопольской земли свершили почти невозможное. Что ж, может, в этом тоже была некая закономерность: маленькое суденышко в неравном бою одолело два мощнейших неприятельских корабля. Это ли не было подвигом, достойным героев иных эпох Севастополя! Священный город встретил героев небывалой победы толпами народа и криками «ура».

Факт своего бесславного поражения признали и сами турки. Один из турецких офицеров, участников боя, писал: «...В три часа пополудни удалось нам настичь один из бригов. Корабль капудан-паши и наш вступили с ним в жаркое сражение, и дело неслыханное и неимоверное — мы не могли принудить его сдаться. Он сражался, отступая и маневрируя, со всем военным искусством, так, что мы, стыдно признаться, прекратили сражение, между тем как он, торжествуя, продолжал свой путь... Если древние и новые летописи являют нам опыты храбрости, то сей последний затмит все прочие, и свидетельство о нем заслуживает быть начертанным золотыми буквами в храме славы. Капитан сей был Казарский, а имя брига - «Меркурий».

Победа «Меркурия» была настолько фантастична, что некоторые знатоки военно-морского искусства отказывались в это верить.

Английский историк Ф.Джейн, узнав о происшедшем сражении, заявил во всеуслышание: «Совершенно невозможно допустить, чтобы такое маленькое судно, как «Меркурий», вывело из строя два линейных корабля».

- У страха глаза велики! - рассуждали завистники и недоброжелатели. - Казарскому кораблю линейные просто померещились. Если там, у турок что-то и было, то в лучшем случае каких-нибудь два фрегата!

Но факт блестящей победы официально подтвердила турецкая сторона, и завистники приумолкли.

Имя Казарского было на устах у всей России. Еще вчера скромный морской офицер, не окончивший даже Морского корпуса, он в один день стал национальным героем. Подвиг «Меркурия» вдохновлял художников и поэтов. Лучшие баталисты страны Айвазовский и Чернецов описывали это событие масляными красками на многометровых холстяных полотнах. Известный поэт-партизан, герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов посвятил ему возвышенные строки:

Мужайся! - Казарский, живой Леонид,

Ждет друга на новый пир славы...

Не отставала от России и Европа. Французский сочинитель Сен-Томе откликнулся на победу брига одой «Меркурий».

Помимо специальной памятной медали в честь этого достославного события, все участники боя были удостоены Георгиевских крестов, а офицеры брига получили право внести в свой фамильный герб пистолет, который Казарский положил перед боем у крюйт-камеры. Сам бриг был впервые в русском военно-морском флоте награжден Георгиевским кормовым флагом и вымпелом. Этим же указом приказывалось всегда иметь в составе Черноморского флота бриг, построенный по чертежам легендарного «Меркурия».

Бриг «Меркурий» после победы над двумя турецкими кораблями встречается с русской эскадрой (1848). Художник И.К.Айвазовский

В журнале канцелярии начальника Морского штаба имеется знаменательная запись от 18 мая 1829 года. В разделе «доклады на высочайшее имя» значится: «О том, что когда бриг «Меркурий, крейсировавший у Константинопольского пролива, был настигнут и окружен двумя турецкими кораблями, то командир оного, капитан-лейтенант Казарский, ввиду невозможности избежать неравный бой, составил военный консилиум, на котором корпуса штурманов поручик Прокофьев первый предложил бриг взорвать на воздух, вследствие чего решено было: защищаться до последней степени и потом, свалившись с одним из неприятельских кораблей, зажечь оставшемуся в живых офицеру крюйт-камеру, для чего и был положен на шпиль заряженный пистолет. Но после трехчасового боя в виду всего турецкого флота бригу удалось нанести столь сильные повреждения обоим турецким кораблям, что они должны были удалиться». В следующем разделе «высочайшие резолюции» имеется и собственноручная запись императора Николая, которую он сделал сразу же по возвращении из Варшавы в Санкт-Петербург: «Капитан-лейтенанта Казарского произвести в капитаны 2 ранга, дать Георгия 4 класса, назначить в флигель-адъютанты и в герб прибавить пистолет. Всех офицеров в следующие чины и у кого нет Владимира с бантом, то таковой дать. Штурманскому офицеру, сверх чина, дать Георгия 4 класса. Всем нижним чинам знаки отличия военного ордена и всем офицерам, и нижним чинам двойное жалование в пожизненный пенсион. На бриг «Меркурий» - Георгиевский флаг. Повелеваю при приходе брига в ветхость заменить его другим, новым, продолжая сие до времен позднейших, дабы память знаменитых заслуг команды брига «Меркурий» и его имя во

флоте никогда не исчезали, и, переходя из рода в род, на вечные времена служили ПРИМЕРОМ ПОТОМСТВУ».

Памятник А. И. Казарскому и подвигу брига «Меркурий».

Одновременно император принял решение и о сдавшемся в плен фрегате «Рафаил». Высочайшим указом Грейгу предписывалось образовать по данному делу специальную комиссию под своим руководством. Николай писал: «Уповая на помощь Всевышнего, пребываю в надежде, что неустрашимый флот Черноморский, горя желанием смыть бесславие фрегата «Рафаила», не оставит его в руках неприятеля. Но, когда он будет возвращен во власть нашу, то, почитая фрегат, сей впредь недостойным носить флаг России и служить наряду с прочими судами нашего флота, повелеваю вам предать оный огню».

По окончании войны на родину из команды «Рафаила» вернулись очень немногие. Большая часть команды сгинула в страшных турецких тюрьмах. Сам Стройников, однако, вернулся. Он был судим со всеми другими офицерами и навечно разжалован в матросы.

На суде Стройников оправдывался тем, что команда, якобы, не пожелала драться и вышла из повиновения, уйти же от неприятеля ему помешало маловетрие. Как будто у турок были не те же паруса, а паровые машины! А ведь «Рафаил» был новейшим фрегатом и имел 8 36-фунтовых, 26 24-фунтовых и 10 8-фунтовых пушек. С такой артиллерией вполне можно было отбиться даже от линейного корабля, да и, сражаясь против целого флота, не так-то дешево отдать свою жизнь. Что касается неповиновения команды, то, как оказалось в ходе расследования, никто мнения матросов и не спрашивал. Решение о сдаче судна Стройников принял в кругу ближайших офицеров к огромной неожиданности для всех остальных. Матросы и один из мичманов

пытались воспротивиться сдаче, но было уже поздно. Помимо этого, Николай Первый заявил и о своем личном наказании бывшего командира «Рафаила»:

- Запретить этому негодяю жениться до конца дней его, дабы не иметь в России потомства от труса и изменника!

Так, презираемый всеми бывший командир «Рафаила» и умер в полном одиночестве и нищете. Право, его не жаль!

От суда были освобождены только, оставшиеся к этому времени в живых, нижние чины, да мичман, который пытался воспрепятствовать сдаче судна в плен.

А спустя двадцать четыре года была исполнена и воля Николая Первого относительно самого сдавшегося фрегата. Названный турками «Фазли-Аллах» (данный Аллахом), «Рафаил» на свою беду оказался в составе турецкой эскадры, которую 16 ноября 1853 года уничтожил на рейде Синопа вице-адмирал Павел Нахимов. На виду всех наших моряков фрегат был подожжен и под дружное «ура» русских моряков и взлетел на воздух. Так был смыт позор «Рафаила».

23 июня адмирал Грейг все-таки решился вывести в море весь Черноморский флот. Семь линейных кораблей, четыре фрегата и три брига устремились к Босфору. Скаловский был определен командиром авангардии. На подходе к проливу с дозорного фрегата доложили, что у входа в Босфор, не далее пяти миль, держатся несколько турецких кораблей. Время не ждало, и Грейг поднял сигнал командиру авангарда: «Гнать за неприятелем». Три передовых линкора сразу прибавили парусов и помчались по указанному курсу. Остальная же часть флота продолжила свой путь.

Атака Скаловского была, как всегда, лихая, и неприятель, несмотря на полное превосходство в силах, в последний момент все же ускользнул в пролив под защиту береговых флотов.

- Если бы Грейг с остальными силами хоть немного меня поддержал и поспешил бы на пересечку курса неприятелю, то сегодня мы праздновали бы победу достойную Ушакова и Сенявина! – сокрушался из-за упущенной возможности Скаловский.

Ничего не добившись, Черноморский флот повернул на осточертевший всем Сизополь. Грейг все же уступил упорным настояниям Скаловского и нехотя отпустил его с отрядом кораблей в самостоятельное крейсерство к берегам Анатолии.

- Пусть уж лучше в море обитается, чем у меня перед глазами мелькать и словами дерзкими раздражать мое терпение! – обосновал свое решение адмирал в кругу своих любимцев контр-адмирала Критского и флаг-офицера Рогули.

Новый рейд Скаловского напрочь отбил у турок последнюю охоту совершать даже самые незначительные каботажные рейсы. Об этом эпизоде из

биографии бывшего командира брига «Александр» лучше всего сказал один из историков нашего флота: «Это 2-недельное крейсерство у Босфора и Анатолии отряда Скаловского было единственным временем действительной блокады пролива, вследствие чего не только турецкий флот не показывался в море. Но и было совершенно прекращено сообщение Константинополя с Анатолией. Но Грейг и этого не учел, так как имел в своем распоряжении в Сизополе 5 кораблей, 2 фрегата и мелкие суда. На смену ему (Скаловскому – В.Ш.) отправил всего один корабль, т.е. опять не для блокады, а лишь для пассивного наблюдения».

Это боевая операция стала для Ивана Скаловского последней в той войне.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ЧЕРЕЗ БАЛКАНЫ

Если основные силы российской Средиземноморской эскадры избрали местом своего базирования близкий к материковой Греции остров Порос, то своим пунктом базирования Рикорд избрал низменный и безлюдный островок Мавро неподалеку от Дарданелл. Островок был чрезвычайно удобен по своему расположению, так как от него до позиции дозора было несколько часов хода. Кроме этого на островке имелся ключ с удивительно чистой водой и большое пастбище, на котором, определенные в пастухи матросы, пасли купленный у местных торговцев скот. На Мавро переводили дух команды судов и сюда в импровизированный госпиталь привозили больных «подышать хотя бы бедными ароматами его зелени...»

- Эх! Благодать-то какая! – говорили матросы, по полям окрестным гуляя. – Говорят, что здесь в год по два урожая собирать можно, чем не жисть!

- Была бы и жисть бедалагам-грекам, кабы турок окаянный с кинжалом не лез! – отвечали им товарищи. – От того и все напасти!

Высоко в небе залиvisto пел жаворонок, точь-в-точь, как на родной рязанщине. От этого, людям становилось как-то спокойней и уютней.

Помимо всего прочего на Мавро и близлежащих с ним островках обитало несметное число некогда завезенных кроликов, что тоже радовало российских мореходов. Матросы ставили силки, а потом, сидя у костров, с удовольствием угощались пахнущим дымом мясом. Смеялись, что маленький архипелаг из-за множества длинноухих с незапамятных времен именовали Кроличьими или Заячьими островами.

- Небось, еще августовы легионеры у здешних костров крольчатиной баловались! – говорили промеж себя самые грамотные.

Менее грамотные на исторические экскурсии не отвлекались, а больше налегали на еду.

Начальство, тем временем, волновали заботы иные. Для того, чтобы безопасно подходить к берегу и входить в укромные бухточки архипелага, следовало в самое короткое время произвести подробную гидрографическую съемку береговой черты и всех прибрежных вод. Этим и занялся прикомандированный к штабу отряда лейтенант Иван Шанц. С порученным

делом он справился блестяще. А потому и награда ему была дана весьма значительная, а для лейтенантов вообще недостижимая – орден Владимира 4-го класса.

Помимо Мавро большим подспорьем для русского отряда оказалась и турецкий порт Смирна. Предприимчивые местные торговцы быстро смекнули, что от пребывания русских можно извлечь хорошую прибыль и, невзирая на идущую войну, начали снабжать наши суда свежими продуктами, для хранения которых даже выстроили специальный склад.

- Как же так можно! – удивлялись молодые офицеры. – Они одновременно с нами и воюют, и торгуют!

- Это Восток, господа! А Восток есть дело тонкое! – многозначительно говорили им более старшие. – Здесь и не такое бывает!

Из всех многочисленных перехваченных судов с хлебом в Константинополь Рикорд пропустил туда лишь два в адрес датского посланника в Турции барона Гюбша, Дело в том, что по просьбе российского правительства барон заботился о положении русских пленных, он же снабжал их продуктами. Несколько позднее некоторые послабления были сделаны и маленьким греческим судам, которые доставляли продукты христианскому населению Константинополя.

В апреле месяце подкупленные Рикордом купцы донесли ему, что турки весьма обозлены морской блокадой и собираются нанести внезапный удар по русскому отряду. Для уничтожения в Мраморном море, якобы, уже собран почти весь линейный флот Высокой Порты. Ждут только попутного ветра.

- Какова турецкая морская сила? – уточнил Рикорд.

- Шесть больших кораблей, на которых по сто пушек имеется, а также десяток более мелких судов!

- Что-то долго наши «друзья» в сумнениях пребывали! – рассмеялся Петр Иванович. – Могли бы и раньше решиться на вылазку. Сколько же можно в норе дарданельской прятаться!

Контр-адмирал открыл ящик стола и, вытащив оттуда денежный кошель, бросил его перед сообщившим известие шкипером.

- Бери – это твое!

Шкипер, сглотнув набежавшую слюну, торопливо засунул за пазуху туго набитый золотом кошель:

- Спасибо, мой благодетель, я и впредь буду стараться разузнавать для тебя самое приятное!

- Мне не приятное надобно, а правдивое! – усмехнулся контр-адмирал. – А о приятностях мы поговорим как-нибудь после войны!

О возможно скором выходе турецкого флота Рикорд немедленно проинформировал Гейдена. Сам тем временем привел свой отряд в полную готовность и собрал в единый кулак у Мавро. Три линейных корабля, два фрегата и бриг – этого уже могло вполне хватить, чтобы, если не разгромить турок, то хотя бы дать достойный отпор. На блокадном отряде известию о возможной вылазке турок радовались. Всем давно осточертела тягомотина дозорных будней и хотелось настоящего горячего дела.

- Выпьем за то, чтобы предстоящая Дарданельская битва была не хуже Наваринской! – поднимали в те дни бокалы в кают-компаниях блокадного отряда.

А тут и Гейден с еще четырьмя линкорами примчался. Теперь русский флот был готов встретить противника во всеоружии – семь линейных кораблей, три фрегата, корвет и два брига. Выстоять против такой силы турки уже не могли! Однако на деле все было не столь просто.

Вслед за нашими подтянулась к проливу и английская эскадра – шесть линкоров, три фрегата и несколько мелких судов во главе с 84-пушечной «Азией» под флагом вице-адмирала Малькольма. За англичанами показались и французы – два линейных корабля с двумя фрегатами. Вместо отозванного во Францию де Реньи, ими командовал контр-адмирал Розамель. Не остались равнодушным к происходящему и старый знакомец Дандоло, приславший 36-пушечный фрегат. Даже нейтральные голландцы не удержались от соблазна. Вдалеке маячили и их фрегат, и бриг.

Появление всей этой армады у входа в Дарданеллы тревожило наших, так как было абсолютно не ясно будет ли вся эта свора соблюдать нейтралитет в случае нашего сражения с турками.

- Если против нас решаться выступить англичане, то исход сражения предположить сложно, с остальными же мы справимся! - рассуждали наши офицеры. - В любом случае дешево свои жизни не отдадим!

- Пусть только сунутся, мы им по сопатке-то накостыляем, не возрадуются! – рассуждали в батарейных палубах матросы.

Двусмысленность ситуации понимали и «союзники», которые не имели особого желания воевать с русскими вдалеке от своих баз. Ограничившись демонстрацией, европейские эскадры вскоре ушли по своим делам.

Через день наши фрегаты захватили две турецкие соколены. Те, будучи посланы в разведку, опрометчиво высунулись из пролива. Одновременно на анатолийском берегу показались многочисленные отряды спагов. Турки гарцевали на конях у самой воды, палили в воздух и размахивали кривыми саблями. Это было красиво. Но, увы, бесполезно. На этом, собственно говоря, вся решимость турок и закончилось. Линейный флот Высокой Порты так и не посмел явить себя в Эгейских водах.

Пользуясь случаем, Гейден побывал на всех судах блокадного отряда и объявил благодарность Рикорду за его правильные действия., сказал спасибо командам. Усилив блокадный отряд «Царем Константином» и завершившим ремонт «Фершампенуазом», Гейден с остальными судами вернулся на Порос. Там сразу же пришлось заниматься сгнившим линейным кораблем «Эммануил». Освидетельствовал корабль Михаил Лазарев. Осмотрев линкор, он пришел в ужас. Из докладной контр-адмирала Лазарева: «До такой степени сия гнилость во внутренней обшивке и шпангоутах велика, то сие доказывают болты, коими прикреплены вант-путенсы, ибо, несмотря на широкую планку и чеку на концах оных, их вытягивает вон сквозь самое дерево...»

- Как вы вообще на нем в море ходите? – спросил Лазарев капитана 1 ранга Егору Куличкина.

- Да так и ходим с осторожностью! – вздохнул тот. – Бывает забудешься, как топнешь ногой по палубе, а под тобой доски гнилые и проваливаются! Ежели растеряешься, то и в трюм улететь можешь!

- Что будем делать? – спросил Гейден своего начальника штаба, после того, как и сам пролез по трюмам сгнившего корабля.

- Думаю, что исправлять повреждения уже не имеет смысла! – высказал свое мнение Лазарев. – Новый корабль будет стоить гораздо дешевле! А в море ходить – людей губить!

- Согласен! – хмуро кивнул Гейден. – Единственно, что еще можно сделать – это продать «Эммануил» на дрова!

История с «Эммануилом» получила неожиданное продолжение. Когда император Николай прочитал письмо Гейдена о негодности корабля, которому не было еще и пяти лет, то пришел в бешенство.

- Это уже даже не разгильдяйство, а самое что ни на есть вредительство! Так нам никогда никакого флота не построить! – сжимал кулаки в ярости русский царь и был совершенно прав в своем гневе.

Император затребовал к себе строившего линкор корабельного мастера Попова. Тот, узнав о цели вызова, сразу же объявил, что болен и пред царские очи предстать никак не может.

- Врет! – не поверил Николай и послал к корабельному мастеру своего лейб-медика.

Вернувшись, доктор объявил, что Попов на самом деле весьма болен от больших переживаний.

- Раньше переживать надо было, когда корабль негодный строил, а не теперь, когда надо отвечать по счету! А, впрочем, черт с ним! – махнул рукой Николай. – Вызвать ко мне Моллера – он есть первый виновник!

Морскому министру сказаться больным не удалось, и перед императором он предстал с взором печальным и тоскливым. На вопрос Николая: «Почему?», министр долго мямлил о том, что корабль был заложен еще в бытность министром его предшественника маркиза де Траверсе, что при закладке не хватило дубового лесу, а тот, что имелся, был сырой, что новая система корпусного крепления Сепингса с помощью металлических книц еще не отработана, что, наконец, корабль, построенный в холодном климате, вообще не может плавать в жарких морях.

Так и не дослушав Моллера, Николай прогнал его прочь со своих глаз.

Что же касается сгнившего «Эммануила», то его поставили на якоря в Поросской бухте и приспособили под плавучий госпиталь. Когда же эскадра засобиралась в обратный путь, бывший линкор разобрали на дрова.

Несколько больше повезло двум другим сгнившим судам - фрегату «Кастор» и корвету «Гремящий». Оба они были отправлены на Балтику и благополучно дошли до Кронштадта, где их и разобрали. Геройский командир «Кастора» Иван Сытин получил под свое начало линейный корабль, а командир

«Гремящего» Александр Калюбакин фрегат. Несмотря на повышение по службе оба моряка были огорчены происшедшим:

- Чины и должности всегда получить успеется, да и не ради этого служим, а вот на рубежах дальних послужить Отечеству любезному – это дорогого стоит! Кабы не наша рухлядь гниlostная, сколько бы еще можно было свершить!

К началу лета 1829 года стратегическая обстановка на Дунайском театре окончательно переменялась в нашу сторону.

- Начали мы, кажется, не плохо! – привычно взъерошил волосы на голове Дибич и велел генералу Красовскому запереть бежавшего Решиды в Шумле.

Теперь надлежало как можно скорее покончить с Силлистрией. Этот последний турецкий форпост на Дунае был настоящим бельмом в глазу. Командовавший осадой генерал Красовский получил приказ усилить обстрел. Теперь крепость непрерывно бомбардировали с суши и с реки. Палили всем, чем только было можно: ядрами и бомбами, брандскугелями и конгревовыми ракетами.

Саперными работами под Силлистрией руководил уже известный всей армии инженерный генерал Шильдер. В редкие минуты передышек он изобретал невиданное до того потаенное судно – подводную лодку!

Не желая кровопролития, Красовский послал коменданту Серт-Махмуду-паше весьма учтивое предложение сдаться. Семидесятилетний старец отвечал, что «закон велит ему защищаться до последнего».

- Вольному воля! – развел руками Красовский и велел продолжить обстрел.

К этому времени саперы генерала Шильдера уже прорыли несколько глубоких подкопов под крепостные стены. Сам инженер-генерал почти все время проводил под землей. Приложив к уху медный раструб, он часами слушал землю.

- Судя по всему, турки роют нам на встречу свою контр-галерею! – сообщил Шильдер на генеральском совете. – Надо не позднее завтра взрывать нашу сапу, иначе будет поздно!

- А будет ли эффект? – поинтересовались генералы Берг и князь Горчаков.

- Будет! – уверенно кивнул Шильдер. – Мною все выверено на совесть!

На следующий день подкоп был взорван. Шильдер все рассчитал столь точно, что обрушившаяся стена полностью завалила оборонительный ров. Одновременно были уничтожены и все турецкие подкопы. Турки были ошарашены. Они ждали, что русские немедленно пойдут на приступ. Но генерал Красовский думал иначе. Он рассчитывал на талант Шильдера, и тот не подвел. Вскоре инженер-генерал взорвал еще несколько пороховых горнов. Одновременно направленными взрывами саперы Шильдера уничтожили еще несколько турецких контр-минных галерей. Подземную войну неприятель проиграл полностью. В этой незримой для большинства

офицеров и солдат схватке отличился саперный подполковник Каппель – прадед известного белого генерала Гражданской войны.

Так, постепенно, взрывая турецкие бастионы, осаждающие сужали кольцо вокруг Силлистрии. Вскоре крепостной ров был уже полностью завален, а стена зияла огромными брешами, через которые русские полки могли в любой момент ринуться на приступ. Не лучше было и в самой Силлистрии, где не осталось ни одного целого дома. Старый Серт-Махмуд и то жил в землянке, но и ее разнесло бомбой при очередном обстреле. Падение Силлистрии стало неизбежным. Выдержав еще несколько дней, Серт-Махмуд велел:

- Аллах отвернулся от нас! Открывайте ворота!

Тяжело опираясь на посох, он первым вышел к победителям.

- Покажите мне того, кто захватил мою крепость с лопатой в руке! – попросил старик.

Ему представили Шильдера.

- Вы воистину великий человек! – поклонился ему Серт-Махмуд. – Вам повинуются земные недра!

Так 18 июня 1829 года пала Силлистрия. Отныне весь Дунай был в наших руках! А генерал Красовский уже гнал ускоренными маршами свой корпус, расставляя гарнизоны в болгарских городах. Теперь ему было велено осаждать оставшуюся в глубоком тылу Шумлу, уничтожать банды башибузуков и обеспечивать коммуникации армии. Остальные корпуса графа Палена, Рота и Ридигера уже готовились к переходу Балкан.

На смерть испуганный падением Силлистрии, Решид-паша велел стягивать к себе в Шумлу все, что только возможно. В панике он бросил даже все береговые укрепления.

- Это уже само по себе стоит выигранного сражения! – радовался Николай Первый. – Теперь мы можем высаживать десанты, где нам заблагорассудится!

Решид-паша снова ошибся. Дибич не имел никакого желания проливать кровь под осточертевшей Шумлой. Насчет ее теперь уже никто не волновался. Пусть Решид-паша сидит в своей норе хоть до третьего пришествия! Никуда он от нас не денется!

1 июля 1829 года русская армия начала исторический переход через Балканы. Турки пытались остановить русские колонны на перевалах. Но были выбиты с них и бежали.

Спустившись с Балканских гор, русская армия вышла на оперативный простор равнинной Румелии. Левая колонна генерала Рота оказалась на берегу Бургасского залива и подступила к приморской крепости Мисемврии. Комендант Осман-паша о сопротивлении и не помышлял, стараясь только выторговать себе почетные условия сдачи. Ему в том было отказано.

С моря к крепости подошел Черноморский флот. Едва линейные корабли обрушили на Мисемврию свои ядра, раздался страшный взрыв - это взлетел на воздух главный пороховой погреб. Не испытывая более судьбу, Осман-паша сразу же сдался. Вскоре из Сизополя подошла свежая пехотная бригада, только что перевезенная на кораблях из Севастополя. В Мисемврии на стапелях был захвачен почти готовый корвет. Грейг с Дибичем, посоветовавшись, решили назвать его «Ольгой», в честь дочери императора Ольги Николаевны. Но император от такого «подарка» отказался. - Назвать сей корвет «Мисемврией» в память того места, где он был захвачен! – велел Николай.

Тем временем корпус графа Палена, при котором находился и сам Дибич, разбил турок под болгарским городом Сливен.

Из хроники войны: «При вступлении войск наших в Сливно, многочисленное тамошнее православное духовенство встретило их с крестом и святою водою, а народ, большей частью, состоявший из болгар, радостно приветствовал нас. Как освободителей и единоверных им, с хлебом и солью».

А затем снова отличился командир брига «Орфей» капитан-лейтенант Колтовский.

Брига «Орфей» находился в дозоре у Ахиолло, той самой крепости, которой в прошлом году не удалось овладеть отряду контр-адмирала Кумани. В один из дней на брига лодкой прибыли греческие рыбаки и рассказали, что после взятия Мисемврии большая часть турок в панике бежала из крепости.

- Сколько же осталось? – спросил Колтовский.

- Несколько сотен янычар!

- Могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

- Мы готовы взять в руки оружие по первому вашему сигналу! – заверили греки.

- Тогда мы немедленно атакуем! – пожал руки рыбакам Колтовский.

Проводив гостей, он собрал офицеров и высказал свой план захвата крепости. Все были единогласно «за».

К вечеру «Орфей» подошел вплотную к крепости и встал на якорь. Огня пока не открывали, но все орудийные порты были отворены и в пушки забиты ядра. Колтовский вызвал к себе старшего офицера Васенко.

- Остаешься за командира, а я возглавлю десант!

За поясом капитан-лейтенант засунул пару пистолетов, на самом поясе штатный кортик, в руках сабля. Колтовский спрыгнул в баркас:

- Отваливай!

На берегу русских моряков уже встречал местный митрополит и городские старшины.

- Где турки? – поздравившись, поинтересовался командир «Орфея».

- Заперлись в городском замке!

- Пошли! – крикнул матросам капитан-лейтенант.

Штурмовать замок, впрочем, не пришлось. Запершиеся там бывшие янычары не особо желали проливать кровь за ненавистного им султана. Янычарский ага вступил в переговоры с Колтовским и они быстро обо всем договорились.

Янычары покинули замок и были отпущены на все четыре стороны. Уже уходя, довольный исходом дела ага сообщил Колтовскому, что неподалеку от города расположился большой отряд регулярной турецкой пехоты. Распрощавшись с янычарами, капитан-лейтенант велел закрыть городские ворота, затем расставил к пушкам своих матросов и велел поднять над крепостью Андреевский флаг. Бриг «Орфей» приветствовал эту церемонию холостым залпом.

На душе у Колтовского, однако, спокойствия не было. Сил для серьезной обороны крепости явно недоставало. К тому же он не был уверен, что отпущенные янычары не сообщат начальнику турецкого отряда о его небольших силах. Капитан-лейтенант пригласил городских старшин. Рассказал им о своих сомнениях.

- Надежней всего было бы отправить посланца в Мисемврию и сообщить тамошнему нашему гарнизону, что бриг «Орфей» освободил Ахиолло и просит помощи. Идти придется по местности, занятой турками, но иного выхода просто нет!

- Мы все понимаем! – кивнули головами старшины. – И у нас есть храбрецы, которые готовы выполнить это рискованное поручение!

Колтовский еще не дописал короткую записку начальнику Мисемврийского гарнизона, а его уже ждали два молодых грека, готовых добраться до Мисемврии.

- Ну, в добрый путь! – сказал он им, вручая свое послание.

- Да пребудет с вами Господь! – перекрестил храбрецов митрополит.

Следующим утром посланцы возвратились в сопровождении казачьей сотни. А уже под самый вечер в Ахиолло прискакал генерал-майор Набель с двумя эскадронами улан.

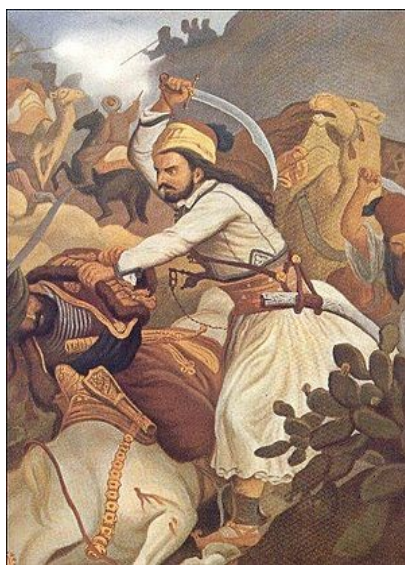
- Сдаю вам сию крепость, дюжину медных пушек, одну мортиру, а также все припасы пороха, снарядов и продовольствия и найденные в подвалах десять тысяч пудов соли в полной целости и сохранности! – отрапортовал генералу Колтовский. – А нам, извините, пора снова заняться нашим моряцким делом!

- Спасибо вам, господин капитан-лейтенант! Я непременно доложу главнокомандующему о вашем подвиге! – говорил расчувствовавшийся генерал-майор Набель.

В это время Черноморский флот уже готовился к взятию следующей турецкой крепости - Бургоса. Первыми к ней подошли фрегат «Поспешный» (им к тому времени уже командовал доблестный Казарский), бомбардирские суда «Опыт» и «Подобный». Вслед за ними подтянулся и линейный флот, во главе с адмиралом Грейгом, державшим свой флаг на 100-пушечном «Париже». Под Бургасом отличился командир люгера «Глубокий» Билим-Колосовский, захвативший береговую батарею и четыре стоящих под берегом судна.

12 июля Бургас пал. На берегу Грейга нашли депутаты еще одного приморского города Василико.

- Просим помощи у вашего высокопревосходительства! – упали они на колени. – Турки, видя наше к вам сочувствие, готовят резню всего христианского населения!
- Мы вас в беде не оставим! – успокоил депутатов адмирал и повернулся к своему флаг-офицеру. - Какие у нас сейчас суда под рукой?
- Фрегат «Поспешный» и бриг «Орфей», только что прибывший с моря! На подходе пароход «Метеор»! – не глядя в бумаги, доложил тот.
- Прекрасно! – поднял брови Грейг. – Вызовете ко мне Казарского с Колтовским!
- Прибыли по вашему приказанию! – дружно доложились brave командиры.
- Ну, храбрецы, у меня для вас ответственное поручение! – пристально поглядел им в глаза адмирал. – Необходимо взять крепость Василюк, прежде чем тамошние турки вырежут всех греков.
- Мы готовы! – ответили, переглянувшись, Казарский с Колтовским.
- Тогда принимайте на борт роту гвардейского экипажа, две роты Камчатского полка и в путь! Если в море перехватите «Метеор», то передайте находящемуся на нем подполковнику Бюрно, что он назначается начальником экспедиции, если не найдете его, то действуйте сами!

Сражение при Василюке (1821).

Казарский с Колтовским «Метеор» перехватили и инженерного подполковника Бюрно о задании известили. После этого все три судна взяли курс на Василюк. Подойдя к крепости, на берегу было усмотрено большое скопление войск - это были шедшие из Адрианополя подкрепления. Разом ударили пушки с «Поспешного» и «Орфея». Турки немедленно спрятались за близлежащие высоты.

- Пошел десант! – командовал Бюрно, стоя в рост в головном баркасе. Вместе с моряками гвардейского экипажа и солдатами-камчатцами, в десант пошли и матросы с фрегата и брига. Корабельные пушки прикрывали их своим огнем.

Из донесения о взятии Василико: «По выходе на берег десант, десант устремился на неприятеля, в намерении отрезать и окружить его. Но турки, заметя наше движение, поспешили удалиться. Пользуясь этим обстоятельством, подполковник Бюрно занял высоты, командуящие городом. Между тем пароход и суда, действием артиллерии очистили берег, впереди позиции наших войск лежавший, и тем дали возможность овладеть городом, который был, обороняем гарнизоном, из 300 человек состоявшим». Рядом с Василико еще один городок – Агатополь. Подумали господа-офицеры и решили взять заодно и его, не ходить же сюда дважды! А тут еще и фрегат «Флора» подошел. Сказано – сделано! «Поспешный», «Флора», «Орфей» и «Метеор» подошли к городку с моря, а десант Бюрно с суши. Турки, поначалу хотели, было, драться, а потом передумали и разбежались. Агатополь стал русским.

- Может мы таким же манером, и Царьград захватим! – шутя, кричал в переговорный рупор Колтовскому со шканцев «Поспешного» Казарский. – Где наша не пропадала!

- А что, турки нас, наверное, еще не позабыли, да и в Босфоре мы уже бывали! – отвечал тот с идущего рядом «Орфея».

Остатки турецких войск повсеместно бежали к Адрианополю. На пересечку им, спешил и корпус генерала Ридигера. Турки пытались, было, остановить наших у города Айдоса, но их смели первой же атакой уланские полки генерала Шереметева. В яростной конной сшибке, они изрубили хваленых турецких спагов. Убегая от наших войск, турки взорвали в городах православные храмы.

Не задерживаясь в Айдосе, Ридигер продолжил свой победный марш. Переходы были поистине суворовскими, по 35 верст в день! У турок в Адрианополе имелось более десяти тысяч войск, но парализованные животным страхом, они даже не пытались сопротивляться. Турецкие таборы (батальоны) были полностью деморализованы и разбежались при первом слухе о приближении русских. Дибич равнодушно осмотрел груды оружия и знамен. Мимо галдя, шли толпы турок. Их даже не брали в плен, а просто отпускали по домам. Дибич призвал к себе городского главу (аяна) Каймакана-пашу:

- Обеспечьте порядок в городе и успокойте жителей! Никто их грабить не будет!

Николай Первый на известие о взятии важнейшей крепости в предместье Константинополя воскликнул: «Браво, браво и браво!», тут же велел отослать Дибичу Георгия высшей первой степени.

Блокада Дарданелл, между тем, тоже начала самым катастрофическим образом сказываться на положении дел в Высокой Порте. К лету в Константинополе начался уже самый настоящий голод. Контр-адмирал Рикорд надежно перекрыл все подходы к Дарданеллам и обмануть его не

было никакой возможности. Порой не проходило и дня, чтобы дозорные суда не перехватывали контрабандистов. Хватали всех: англичан и австрийцев, итальянцев и французов. Чтобы не злить лишний раз союзников, Гейден арестовывал суда их соотечественников на месяц на Поросе, а потом отпускал под клятвенное обещание.

В полную силу работала и призовая комиссия, составленная из самых уважаемых капитанов. Дело у комиссии хватало. Прежде всего надлежало учесть стоимость каждого захваченного судна и его товаров. Все надлежало строжайше задокументировать, а то потом судебных исков не оберешься! Затем следовало определить, куда деть захваченное судно и его товар – продать или оставить на нужды эскадры. После этого определялся и призовой процент захватившим это судно в соответствии с указанием Петра Великого – каждому чину свою долю. Только за первую половину 1829 года захваченный груз составил более 72 тысяч золотых рублей, огромную, по тем временам сумму. Учитывая, что определенный процент с этих денег получал каждый член экипажа от командира до юнги, то подчиненные Рикорда стали за время блокады вполне состоятельными людьми. Чтобы не разжигать недовольства у тех, кто не входил в состав блокадного отряда, Гейден стремился, чтобы в блокаде поочередно поучаствовали все суда эскадры.

- Получил процент себе, дай получить и товарищу! – говорил вице-адмирал особо ретивым командирам, пытавшимся под всеми предложениями, не покидать позиций у пролива.

Размолвок, впрочем, почти не возникало. Все делалось дружно и с желанием помочь друг другу.

Информация в отряде Рикорда была налажена прекрасно. За короткое время контр-адмирал создал весьма эффективную систему сбора информации о противнике. Золотые рубли легко заставили говорить самых неразговорчивых. Капитаны нейтральных судов, зная, что русский адмирал всегда хорошо принимает, а потом еще и вознаграждает за важные новости, всегда старались сами подойти к флагманскому кораблю и напроситься на визит. Попивая ром, они с удовольствием рассказывали обо всех новостях и сплетнях турецкой столицы. Зная, что Рикорда особенно интересует состояние турецкого флота, капитаны, находясь в Константинополе, усиленно собирали всю информацию о нем. А потому обо всем происходящем у турок контр-адмирал знал уже через два-три дня.

Гроном среди ясного неба для всех моряков Средиземноморской эскадры стало известие о позорном пленении «Рафаила». Зато сколько радости доставило известие о героическом бое брига «Меркурий».

При очередной смене кораблей у пролива «Иезекииль» доставил Рикорду орден Анны 1-й степени, которым контр-адмирал был удостоен «за труды» по зимней блокаде Дарданелл. Получили награды и некоторые офицеры. Рикорд, положив свою звезду в шкатулку, ворчал:

- Надо бы матросам хотя бы по десятку Георгиев на корабль прислать, все ведь трудимся, сил не жалеючи!

Тем временем «союзники» демонстрировали свое особое отношение к туркам. В Дарданеллы направился британский фрегат «Блонд» с послем Гордоном на борту, следом за ним французский «Армида» с послем Гильемино. Оба судна шли с опущенными в трюмы пушками. Молча, пройдя мимо нашего отряда, союзники взяли курс на Константинополь, где их ждала торжественная аудиенция у султана.

В середине июня стали поступать сведения о том, что попытать счастья в сражении с русскими, якобы, хотят египтяне. Флот Магомет-Али-паши (4 линейных корабля, 7 фрегатов, 7 корветов и три десятка мелких судов) готов к выходу. А 60-тысячная египетская армия уже движется берегом на русско-турецкий фронт.

- И не сидится мамелюкам у своих пирамид! – качали головами наши офицеры. – Или Наварин уже позабылся! Пусть выходят – вдосталь водицей соленой напоим!

Не теряя времени, Гейден велел Рикорду, оставив у пролива мелкие суда, самому с линейными кораблями поспешить на соединение с ним.

26 июня южнее острова Ипсару (Псара) эскадра соединилась. Несколько дней линейные корабли усиленно отрабатывали маневрирование в генеральном сражении, но потом пришло известие, что тревога насчет египтян ложная. Флот Магомет-Али, по-прежнему, стоит в Александрии и даже не помышляет выходить в море.

- Петр Иванович! – прокричал в рупор Гейден, когда их корабли сошлись на параллельных курсах. - Разрешаю зайти на пару суток на Порос! Помоете людей в бане, оставите больных и нальетесь свежей водой, после чего, не теряя времени, опять к Дарданеллам!

- Понял! – отвечал Рикорд. – Спасибо за отзыв с позиции, хоть кости свои попарим!

Сам Гейден торопился в Навплию. Там вот-вот должно было состояться Народное собрание Греции, на котором предполагалось принять важнейшие законы и наметить курс внешней политики. Поэтому русской эскадре надлежало, во что бы то ни стало, явить свой флаг у Навплии, чтобы поддержать президента Каподистрию в проводимом им пророссийском курсе. Впрочем, наша эскадра у Навплии оказалась не единственной. И англичане, и французы тоже не упустили возможности показать свой флаг греческим депутатам. Помимо союзных эскадр в Навплии собралось большое количество всевозможных дипломатических особ и агентов.

- Господа, я счастлив, приветствовать вас на земле свободной Греции! – такими словами обратился к депутатам президент Каподистрия.

В своем выступлении он рассказал об успехах, достигнутых за полтора года его правления: о создании армии и флота, об освобождении больших областей у турок, о помощи союзников, о ликвидации чумы. Речь президента прерывалась аплодисментами. Затем собрание учредило сенат, назначило министров и постановило чеканить собственную монету.

- Сегодня день вашего торжества, господин адмирал! – поднял бокал шампанского при встрече с Гейденом французский командующий Розамель.

– Однако Каподистрия не вечен, и куда после его ухода качнется маятник греческой политики еще не известно! А потому наш праздник еще впереди!

- До вашего праздника еще надо дожить, а сегодня мы на самом деле именинники! Я только что получил известие о том, что русская армия заняла Адрианополь и стоит в шестидесяти верстах от Константинополя! – с обворожительной улыбкой парировал Гейден.

- Что!!!? – лицо француза стало в одно мгновение белым как полотно, из наклоненного фужера лилось на паркет шампанское.

Спустя полтора часа французская эскадра на всех парусах уже спешила к Смирне, «чтобы оказать покровительство тамошним французским подданным», а на самом деле взять под контроль этот важный порт и не допустить туда русских.

Почти одновременно Гейден получил инструкцию министра иностранных дел Нессельроде. В инструкции говорилось о двух возможных вариантах развития событий. При первом, легком, турки просят мира, и мы садимся за стол переговоров. В этом случае эскадра остается на старых позициях. При втором варианте – турки упорствуют и продолжают войну. В этом случае Дибич должен будет двинуть свою победоносную армию прямо к Дарданеллам и Мраморному морю. Гейдену же надлежало со всей эскадрой сосредоточиться у пролива и ждать указаний главнокомандующего Дунайской армией.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ У ВРАТ ЦПРЬГРАДА

Итак, русская армия стояла у самых ворот Царьграда. Это стало большой неожиданностью для всех, ибо никто в Европе не ожидал столь стремительного развития событий. Наиболее оперативно отреагировали на произошедшее в Лондоне. Вице-адмиралу Малькольму было велено срочно собрать свою эскадру у Дарданелл, и если только русские попробуют форсировать пролив, чтобы соединиться с Черноморским флотом, нанести по ним сокрушительный удар. Для непосредственного наблюдения за отрядом Рикорда был выделен фрегат «Сомерсет», который отныне неотступно следовал за нашими кораблями. Время былых союзнических политесов разом кануло в небытие...

Англичане действовали весьма оперативно. Уже через несколько дней они подтянули к Дарданеллам 84-пушечные «Азию» и «Океан», 74-пушечные «Реванж», «Велисней», «Спарсиан» и «Виндзор Касл», восемь фрегатов и корветов. Этой мощи Рикорд мог противопоставить пока лишь «Фершампенуаз», «Великий князь Михаил» и «Александр Невский».

Пока боевые действия между бывшими союзниками еще не были объявлены, вице-адмирал Малькольм не без удовольствия навещал своего коллегу Рикорда на «Фершампенуазе». Попивая в его салоне сладкий грог, Малькольм пускался в долгие философские рассуждения:

- Мы уважаем вас, как боевых соратников Наварина. Увы, реалии большой политики сегодня таковы, что мы должны иметь полный паритет в военно-морских силах на Средиземном море! Каждому вашему судну соответствует наше, такого же ранга!

- Позвольте относительно вашего последнего утверждения высказать большое сомнение! – покачал головой Рикорд.

- Как, вы мне не верите? – попытался возмутиться Малькольм.

- Я верю фактам! – твердо сказал Рикорд. – Как вы знаете, последним усилением нашей эскадры был пришедший с Балтики фрегат «Елисавета»!

- О, да! – кивнул головой британский вице-адмирал. – Узнав о его прибытии, мы сразу же выслали из Плимута на Мальту соответствующее судно!

- Но к нам пришел обычный фрегат, а из Плимута к вам пришел 120-пушечный линейный корабль «Британия»! Разве это соответствует паритету в силах! Думаю, что это скорее походит на наращивание флота с вполне понятной целью! – окончательно припер к стенке британца Рикорд.

- Вы весьма хорошо осведомлены! – только и нашелся, что сказать Малькольм.

Сославшись на неотложные дела, британский вице-адмирал тут же покинул «Фершампенуаз», и более Рикорду своей назойливостью не досаждал.

Офицеры на наших кораблях все свободное время проводили в подсчетах соотношения наших и английских сил. Считали корабли, количество и калибр пушек, прикидывали, как лучше было бы действовать в той или иной ситуации. Но как не крутили, было ясно, что до подхода главных сил эскадры, с бывшими союзниками не справиться.

- Возможно, англичане нас и уничтожат. Однако при сем получают в добычу только щепу и мертвецов, сами же кровушкой умоются вдосталь! – рассуждали мичманы и лейтенанты. – Ну а если до начала сражения Гейден успеет, то силы станут равными, и тогда мы еще поглядим у кого кулаки крепче!

В те дни датский посланник в Константинополе барон Гюбш писал Рикорду: «Уверяют, что английский флот подойдет к Константинополю. Если русское войско приблизится к этой столице, и вообще между английским послом и Портой царит большое согласие. Уверяют, кроме того, что английская эскадра получила приказ оказать (в случае нужды) возможное содействие туркам».

Авангард уже занял дорогу на Константинополь. Главнокомандующий вызвал к себе генерал-майора Сиверса.

- Тебе задача ответственная, но и почетнейшая! Установить связь с нашей Средиземноморской эскадрой!

В подчинение Сиверсу был дан полк Бугских улан с сотней казаков и четырьмя пушками. Не теряя времени, Сиверс поспешил к портовому городку Энос, расположенному на берегу Дарданелл.

Одновременно к Эносу торопился и большой отряд турок, посланный туда Салоникской пашой. Но никакого столкновения не произошло. Только услышав о приближении русских, турки тут же разбежались.

Аян Эноса, однако, сдаваться не пожелал и заперся в замке, а перед этим запретил местным грекам под страхом смерти встречать наших солдат. Но аяна никто и не подумал слушать. Все греческое население высыпало на улицы, чтобы приветствовать русских воинов. Вступив в город, Сиверс послал к городскому главе гвардейского штабс-капитана барона Ливена.

- Не удобно как-то получается, гости пришли, а хозяин прячется! – напутствовал он парламентаря.

- Мы согласны сложить оружие перед вашей силой, но мне надо хорошо подумать! - объявил аян.

- Я передам ваши слова генералу! – откланялся барон.

- Ну что говорят турки? – нетерпеливо спросил Сиверс, вернувшегося парламентаря.

- Тянут время! – коротко доложил Ливен.

- Это нас не устраивает! - покачал головой генерал-майор. – Обойдем крепость с восточной стороны, и займем господствующую высоту. Оттуда можно будет беспрепятственно обстреливать весь замок! Посмотрим, что скажет упрямый аян на это!

Увидев движение войск, городской голова все понял правильно и тут же сам явился к российскому генералу.

- Отдаю себя и свой город в ваши руки! – сказал он, смиренно. – Надеюсь на милость!

- И правильно надеетесь! – улыбнулся Сиверс. – Мы с безоружными не воюем!

А с моря уже гремел холостыми залпами приветствия бриг «Ахиллес» посланец нашей Средиземноморской эскадры. Его командир Иван Бутенев шлюпкой прибыл на берег.

- Моряки Средиземноморской эскадры горячо приветствуют героическую Дунайскую армию! – радостно отрапортовал он встречавшему его Сиверсу.

- Воины дунайцы не менее горячо приветствуют героический Средиземный флот! Ну, что, обнимемся на земле Дарданельской!

- Обнимемся!

Солдаты кричали «ура». С «Ахиллеса» им махали в ответ стоящие по рядам матросы. Так состоялась историческая встреча русской армии и моряков эскадры Гейдена. Глубоко символично, что честь пожать первым руку воинам Дунайской армии выпала именно герою Наварина Ивану Бутеневу.

- Ротмистра Муханова ко мне! – распорядился Сиверс.

- Ваше превосходительство, прибыл по вашему приказанию! – вытянулся перед ним гвардейский ротмистр Муханов.

- Вот пакет с депешами главнокомандующего! Доставьте их вице-адмиралу Гейдену!

На «Ахиллесе» уже свистали к постановке парусов. Время не ждало.

В кают-компании «Ахиллеса» Муханову сразу налили за матушку Россию, за братство армии и флота и, наконец, за долгожданную победу, после чего взяли ротмистра в оборот не шуточный:

- Давай, друг сердешный, рассказывай, как крепости брали, как Балканы переходили, как турок до Константинополя догнали?

- Да это же быстро и не рассказать! – попытался улизнуть от ответа тот.

- А нам торопиться некуда, время до Греции у нас имеется, так что рассказывай!

При порывах ветра «Ахиллес» кренило отчаянно. Устало скрипел корабельный набор. Иван Бутенев спешил доставить Гейдену долгожданную радостную весть.

27 августа бриг «Ахиллес» доставил к Рикорду адъютанта фельдмаршала Дибича ротмистра Муханова и черноморского капитан-лейтенанта Щербакова.

- Ваше превосходительство! – доложил бравый ротмистр. – Главнокомандующий передает вам и вашим командам боевой привет от Балканской армии, которая теперь может опереться на своих флангах не только на Черноморский флот, но и на вашу эскадру!

- Ура! Да здравствует наша доблестная армия и славные черноморцы! – кричали офицеры «Фершампенуаза» и качали Муханова с Щербаковым на руках, а затем поили шампанским из последних запасов.

Не теряя времени, «Ахиллес» поспешил с долгожданнами курьерами на Порос к Гейдену. В сопроводительном письме к официальным бумагам Дибич писал: «Из сей депеши усмотрите, что Высочайшая Воля состоит в том, что если обстоятельства вынудят меня продолжать наступательные действия к Константинополю, то чтобы вверенный вам флот соображал свои действия по моим повелениям и с того времени поступил бы совершенно в мою команду...»

На отряде Рикорда продолжали лихорадочно готовиться к боевым действиям. Артиллерийские учения сменялись абордажными, а ружейные – парусными. Историкограф эскадры не без хвастовства отмечал: «Марсели с двумя взятыми рифами крепили в 1³/₄ минуты...»

На горизонте в пределах видимости отрабатывала такие же учения и английская эскадра. Нервы у всех были напряжены до предела – схватка с бывшими союзниками могла начаться каждую минуту.

Утром 2 сентября Дарданельские теснины огласились дружным русским «ура» – это из Пороса, наконец-то, подошли долгожданные корабли Гейдена. Впереди бессменный флагман командующего «Азов», за ним в кильватер «Иезекииль», «Князь Владимир», Лович», «Наварин», «Усердие» и «Ахиллес». Орудийные порты были открыты – это значило, что эскадра готова немедленно вступить в бой!

Теперь мы имели у Дарданелл семь линкоров, три фрегата, корвет и два брига - силы вполне равные с англичанами. Это значило, что победа бывшим союзникам уже не светила. Взвесив все за и против, опытный Малькольм сразу же предпочел удалиться.

- Ну что же половина дела, кажется, сделана! – удовлетворенно хмыкнул Гейден, глядя в зрительную трубу на удалявшихся британцев.

Не теряя времени, он отправил к Эносу капитан-лейтенанта Нахимова. Наставлял кратко:

- Главное, как можно скорее привези последние новости из действующей армии! Мы всегда должны опережать англичан в информации! Это залог победы!

- Слушаюсь! – козырнул немногословный капитан-лейтенант Нахимов.

Корвет «Наварин» на всех парусах поспешил к Эносу, откуда можно был в любую минуту ждать новых курьеров.

В те дни общий клич русской армии был предельно короток:

- На Константинополь!

После жесточайших эпидемий ряды наших войск были весьма малочисленны – всего каких-то 12 тысяч пехоты и 5 тысяч кавалерии при 100 пушках. Но это было войско уже вкусившее радость победы, и остановить его было невозможно!

Опасаясь провокационных действий английского и французского флотов, Николай писал в те дни Дибичу: «Одобряю во всех отношениях принятые вами меры, но настаиваю, чтобы в том случае, если переговоры прервутся, вы направили отряд войск к Дарданеллам. Дабы быть уверенными, что незваные гости не явились там для вмешательства и вреда делам нашим... Наконец, если вы у Дарданелл, то положительно откажите в пропуске всякому иному флоту. Кроме нашего. Если же употреблять силу, вы ответите пушечными выстрелами. Но от сего да оборонит нас Бог».

На окраине Константинополя появились казачьи разъезды. Местные обыватели с воплями разбегались от лихого казачьего гика.

На улицах турецкой столицы глашатаи зачитывали султанский фирман о мобилизации всех правоверных.

- Я со знаменем пророка Мухамеда в руках лично поведу своих поданных в последний бой! – храбрился Махмуд Второй. – Я сотворю чудо, достойное славы Аллаха!

Готовясь к «героической борьбе», султан ездил по городу во французской карете. Жители плевали ему вслед:

- Пусть будет проклят тот, кто пересел в презренную повозку франков с гордого арабского скакуна!

Махмуд II

Султану могли простить многое, но никак не попрание обычаями предков. Французской кареты Махмуду не простили, и на его храбрый призыв никто не откликнулся. Вместо героической защиты началось повальное бегство. Первыми удрали ближайшие сановники. За ними побежали и все остальные. Британский посол Эйсмут позднее с нескрываемой горечью вспоминал об этих тревожных днях: «Всяк норовил удрать подальше с широких адрианопольских равнин. Возглас: спасайся, кто может! - слышался из каждой подворотни!»

Одновременно воспрянули духом недобитые янычары. Выбравшись из вонючих подвалов, они взялись за свои кривые кинжалы, чтобы отрезать голову ненавистному Махмуду. Константинополь снова, как и три года назад был на грани мятежа, способного смести власть.

- Барыш! Дай нам барыш или умри! – кричали теперь под окнами султанского дворца толпы людей.

«Барыш» по-турецки – это мир. Уставший от войны народ желал мира!!

Почувствовав опасность, от падишаха отстранились даже ближайшие помощники. Верными остались лишь меченосец Селигдар-ага и адъютант Авай-бей. Убитый горем султан Махмуд твердил теперь своему верховному визирю Юсуфу-Кодже одно и то же:

- Отдавай москвитам все, что угодно, но останови их!

Как раз в это время к Дибичу прибыл курьер от прусского посланника в турецкой столице Рейера. Он привез письма от французского и английского послов. Граф Гильемино и Роберт Гордон стонали, что дальнейшее продвижение русской армии приведет к неминуемому краху Высокой Порты, как государства, вследствие чего наступит всеобщий хаос. Послы заклинали нашу армию остановиться и начать переговоры. Они давали понять, что султан Махмуд готов на все условия. Вопли вчерашних союзников означали лишь одно – турки молят о пощаде!

Одновременно к султану отправился прусский генерал-инструктор Мюффлинг, уполномоченный своим королем, предложить посредничество на переговорах с русскими.

- Дальнейшее упорство будет гибельным как для вас, так и для всего европейского равновесия! Подписав мир сейчас, вы спасете Высокую Порту. Продолжая сопротивляться, вы отдадите русским Константинополь навсегда!

- уговаривал Мюффлинг султана.

- Во имя спасения империи я согласен! – еле слышно произнес Махмуд Второй после долгого молчания.

В тот же день на главную квартиру Дибича были посланы Тефтердар-Мехмет-Садик-Эффенди и кади-аскер Анатолии Абдул-Кадир-Бей с полномочиями вести переговоры о заключении мира. Выслушав их, Дибич остановил армию.

Впоследствии многие вполне обоснованно упрекали Дибича, что он остановил армию на самом пороге Константинополя. Войди он туда и слава Дибича, как полководца, не имела бы равных. Можно с уверенностью сказать, что будь на его месте великий Суворов, то он бы на такой шаг, безусловно, решился. Но Дибич не был Суворовым. Немец по своему происхождению, он, как истинный немец, педантично и точно исполнял все указания императора, а коль высочайшего приказа занимать Царьград не было, значит, и делать этого не следовало. Увы, русская армия так и не вступила под сень храма Святой Софии. Уникальный исторический шанс был упущен.

18 августа боевые действия были повсеместно приостановлены и начались мирные переговоры. С нашей стороны уполномочены вести переговоры были генерал-адъютант граф Орлов, и тайный советник граф Пален. Переговоры шли быстро, и уже 14 сентября во дворце Эски-Сарай, где располагалась штаб-квартира Дибича, был заключен мир, вошедший в историю, как Адрианопольский.

День подписания мира совпал с днем вступления в Москву Наполеона в 1812 году, в чем многие в нашей армии увидели перст судьбы.

- Семнадцать лет назад мы отдали врагу на поругание свою столицу, а теперь сами стоим у врат Царьградских! Величие России достигло своего зенита! – обменивались мыслями офицеры.

Справедливости ради, надо вспомнить, что и здесь султан Махмуд проявил свою азиатскую сущность. Подписав мирный договор, он потом попытался его не ратифицировать, Но Дибич тут же привел в готовность войска и Махмуд сдался окончательно.

17 октября во дворце Эски-Сарай состоялся обмен ратификационных грамот. С этой минуты мирный договор считался вступившим в силу. Присутствовавшие на размене грамот офицеры кричали «ура». Дибич и начальник штаба Толь плакали от радости. Несколько дней спустя военные действия были приостановлены и начались мирные переговоры.

В те дни к России отошел берег Черного моря от устья Кубани до форта Святого Николая, острова в Дунайской дельте, ну а русским купцам,

везущим свои товары через проливы, отныне следовало оказывать почет и уважение. На Кавказе турки подтверждали нашу власть над Анапой, Поти, Ахалцыхом, Ацхурой и Ахалкалаками. Помимо этого, турецкая сторона выплачивала нам все военные издержки в сумме 10 миллионов голландских дукатов. Но это было лишь началом переговоров.

Но наши дипломаты граф Пален и граф Орлов, вовсе не торопились возвращаться в Петербург.

- Поговорим теперь о Греции и Сербии! - объявили они свою волю туркам.

И те молчаливо согласились принять все их условия. Отныне единоверная Сербия получала автономию, особые права и преимущества оговаривались для Молдавии и Валахии. Что касается Греции, то она отныне становилась полностью самостоятельной от своих вчерашних властителей.

Территория Греции на 1832 год

Зима 1829 года на Кавказе была тревожной. Турки зализывали свои раны, зато зашевелились персы, которые начали стягивать свои войска к Араксу. Одновременно пришла и трагическая новость из Тегерана, где толпой мусульман-фанатиков был растерзан посол и поэт Александр Грибоедов со всем и сотрудниками своего посольства. В совершенном злодеянии просматривалась деятельность английских агентов. Известие из Тегерана возмутила всех. Убийство посла в восемнадцатом веке – дело неслыханное!

Трусливый канцлер Нессельроде призывал в письмах Паскевича не поддаваться на провокации и не обострять отношений с персами. Но генерал был настроен решительно.

Иван Фёдорович Паскевич

- Передайте своему шаху Абасу-мурзе, что я истреблю всю династию Каджаров от мала до велика! – велел он передать отпущенному домой пленному персидскому сарбазу. – И пусть не надеются попасть в рай к гуриям – я их буду вешать! Единственное спасение – это просить прощения у русского царя через одного из персидских принцев.

Угрозы Паскевича свое действие возымели, и персидский шах унялся. Войско его разошлось по домам. Наследник Аббас-Мирза убедил шаха отправить с этим поручением в Петербург старшего сына Аббаса Хозрев-Мирзу.

- Слава Богу, одних пугнули, а вторых уж как-нибудь отлупим! – повеселели наши.

Первыми кампанию 1929 года открыли турки. Пока наши собирались в неблизкий поход по горам, турецкая армия преодолела горные перевалы и подошла к Ахалцыху. Немногочисленный гарнизон крепости во главе с князем Бебутовым встретил их, как и подобает русским солдатам. На предложение сдаться комендант ответил презрительным отказом:

- Возьмите нас, коль сможете!

Имея восьмикратное превосходство, турки начали яростный штурм. Гарнизон отбивался «ружейным огнем, нарочно заготовленными камнями, гранатами и бомбами».

Из хроники войны: «Возбужденные опиумом, турки, с совершенным презрением опасности, около часа, с исступлением и упорством лезли на стены, не останавливаемые ни градом пуль, ни ручными гранатами, ни картечью. Хладнокровное мужество русских все выдержало и, наконец,

восторжествовало: неприятель отступил, продолжая ружейную пальбу. Раздраженные неудачей, турки предались грабежу, распространяя гибель и опустошение во всех концах предместий и не щадя даже единоверцев своих...»

Наши отбились!

Делать было нечего, и турки начали осаду. Но и здесь ничего не вышло. Каждое утро, просыпаясь Ахмет-Бек, спрашивал:

- Как там Ахалцых?

На что помощник-миримиран, потупив глаза, отвечал неизменное:

- Все так же пребывает в безумии неверных!

Спустя две недели к Ахалцыху подошла помощь, и, оставив четыре тысячи трупов, турки бежали.

- И чего приходили? И чего хотели? Мы и понять-то ничего не успели! – шутили в те дни в Ахалцыхе.

Одновременно с успешной обороной Ахалцыха на черноморском побережье отряд генерала Гесса изничтожил 8-тысячный турецкий корпус. Он исчез, словно его никогда и не было вовсе. Инициатива снова была в наших руках!

К середине мая Паскевич стянул главные силы Кавказского корпуса к границе, а затем двинул на Ардаган. Хотел, было, сразу завернуть и на Эрзерум, да не успел, турки собрали там уже большую армию.

- Ладно, Эрзерум оставим на сладкое, а пока порезвимся в горах армянских! – не опечалился на это известие Паскевич. – Играть марш-поход!

Дорогу нашим солдатам преграждала 20-тысячная армия командующего турецкими силами на Кавказе Гагки-паши. Турецкий командующий нападать не торопился, поджидая подхода к себе 30-тысяч сераскира Гаджи-Салеха, имевший почетный титул первого храбреца Порты. План Гагки-паши был гениально прост.

- Пусть каждый правоверный заберет с собой в могилу по одному неверному! – говорил он своему окружению. – А так как войск у нас больше, то мы и победим!

- Высок твой ум, непобедимый! – кланялись паше отрядные начальники.

Однако и Паскевич без дела не сидел. Стремительным маневром он втиснулся между двумя турецкими армиями.

- Теперь мой корпус похож на корабль. Я обрубил якоря и пускаюсь в море, не оставляя себе обратного пути! – сказал генерал-майору Муравьеву Паскевич во время этого стремительного марша.

- Тогда поднимем все паруса и будем крепче держать штурвал! – отозвался тот.

Спаги Гаджи-Салеха отважно атаковали недвижимо стоявшие русские пехотные каре, но повсеместно были побиваемы. А затем зарокотали полковые барабаны и каре мерной поступью двинулись на врага. Вид сомкнутого, ощетинившегося штыками, строя охладил пыл самых отчаянных сорвиголов. Под напором русской мощи спаги подались назад, а потом и вовсе обратились в самое постыдное бегство. Впереди всех на горячем

арабском скакуне удирал храбрый Гаджи-Салех. Беглецов преследовали драгуны и казаки. На плечах врага они ворвались в лагерь сераскира.

Утром следующего дня наступил черед и самого Гагки-паши. Его лагерь был атакован с той же решимостью.

- Откуда взялось войско гяуров, не с неба же оно на нас упало? – был ошарашен внезапным появлением армии Паскевича Гагки-паша.

Не выдержав удара, турки опять бежали. Паскевич во главе конницы лично преследовал остатки неприятельского воинства. Среди пойманных казачьим арканом оказался и Гагки-паша. Турецкий командующий оказался строптивым, а потому казаки сгоряча надавали ему тумачей. Когда пашу привели к Паскевичу, он с возмущением показал на свой заплывший глаз:

- Ваши казаки не оказывают должного почтения досточтимым особам!

- Простите их великодушно, - развел руками Паскевич, - Но ранее им столь досточтимые особы еще не попадались. Вы первый!

Пленнику дали кофе с трубкой, и он успокоился.

- Кыismet! – говорил он, качая головой. – Судьба войны непредсказуема! Еще недавно я повелевал двадцатью тысячами воинов, а теперь я бесправный пленник!

Эффект молниеносной победы над двумя армиями был столь велик, что сильнейший Эрзерум открыл перед нашими войсками ворота, не сделав ни одного выстрела. Городские старшины вынесли на шелковой подушке ключи от ворот. Жители армяне бросали солдатам под ноги цветы, угощали молоком, хлебом и медом.

Униженно кланяясь, свои ятаганы отдали Паскевичу один сераскир и несколько пашей.

- Да будет так! – поклонился затем старый сераскир и передал генералу свой жезл.

Вместе с ними молчаливо пошагали в плен пятнадцать тысяч воинов султана. Это был уже разгром! Отныне на Кавказе больше не было силы, способной хоть как-то противостоять русскому штыку. Это поняли не только в Константинополе. Никогда еще русские войска на востоке не достигали столь дальних пределов

С известием о покорении Эрзерума Паскевич направил в столицу своих адъютантов Дадианова и Фелькерзама.

- Гнать во всю прыть, чтобы известить государя как можно быстрее! – велел им генерал.

Из записок Александра Пушкина, бывшего в ту пору в Кавказской армии и вступившего вместе с ней в Эрзерум: «Турки с плоских кровель своих угрюмо смотрели на нас, армяне шумно толпились на тесных улицах; их мальчишки бежали перед нашими лошадьми, крестясь и повторяя: «Христианин! Христианин!» Мы подъехали к крепости, куда входила наша артиллерия. Пробыв в городе часа два, я возвратился в лагерь. Сераскир и четверо пашей, взятые в плен, находились уже тут. Один из пашей, сухощавый старичок, ужасный хлопотун, с живостью говорил нашим генералам. Увидев меня во фраке, он спросил, кто я таков. П. дал мен титул

поэта. Паша сложил руки на груди и поклонился мне, сказав через переводчика: «Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт – брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных, и между тем, как мы, бедные, заботимся о славе, о сокровищах, он стоит наравне с властелином земли, и ему поклоняются». Восточное приветствие паши всем нам очень понравилось. Я пошел взглянуть на сераскира. При входе в его палатку встретил я его любимого пажа, черноглазого мальчика, лет четырнадцати, в богатой арнаутской одежде. Сераскир, седой старик, наружности самой обыкновенной, сидел в глубоком унынии. Около него была толпа наших офицеров. Выходя из его палатки, увидел я молодого человека, полунагого, в бараньей шапке, с дубиной в руках и с мехом за плечами. Он кричал во все горло. Мне сказали, что это был «мой брат», дервиш, пришедший приветствовать победителей. Его насилу отогнали»

Русское знамя было поднято над цитаделью Арзума в годовщину Полтавской победы.

На Востоке во все времена почитали только сильный кулак, а потому персидский принц Аббас-Мирза, узнав об Эрзерумском погроме, сразу же возжелал мириться с Белым царем и отослал в далекий Петербург свою главную драгоценность – знаменитый алмаз «Шах». Жест примирения поняли и приняли, ибо воевать сразу на два фронта было бы не разумно. Алмаз, однако, убрали с глаз долой, ведь на нем была кровь поэта!

Баязетская мечеть и разрушенный кварта

Из письма Николая Первого графу Паскевичу: «Трудно мне выразить, любезный мой Иван Федорович, с каким душевным удовольствием получил я известия, привезенные Дадиановым и Фелькерзамом. Вы все сделали, что можно только ждать после продолжительной и трудной кампании и все

сделали за 14 дней; вы вновь прославили имя русское, храброе наше войско и сами приобрели новую, неувядаемую славу; да будет награда вам – первая ступень Георгия – памятником для вас и для войск, вами предводительствуемых, славных ваших подвигов и того уважения, которое с искренней дружбой и благодарностью моей навеки принадлежит вам. Изъявите всем мое совершенное удовольствие и признательность; поведение войск после победы мне столь же приятно, сколь славнейшие подвиги военные; оно стоит побед влиянием в пользу нашу... Вопрос чего хочет султан? Казалось бы, правда, и этого довольно, но товарищ Махмуд упрям; зато мои Иван Федорович и Иван Иванович (Дибич – В.Ш.) его прошколят досыта».

Тем временем, весьма драматические события развернулись вокруг Баязета. Сегодня хорошо известна героическая оборона этой крепости в 1877 году. Но, оказывается, что была еще одна оборона Баязета. Не столь длительная, но не менее героическая и произошло это в 1829 году.

Из хроники войны: «В то время, как главные наши силы пожинали новые лавры побед на снежных вершинах Санганлука, Баязет выдержал сильный двухдневный приступ против многочисленного отряда неприятелей, под начальством Ванского паши. Первое нападение произведено турками 20-го июня утром. Не смотря на мужество гарнизона, они успели в этот день овладеть одною батареей, несколько раз переходившею от одних к другим. На следующий день неприятель возобновил свои усилия. Бой был жестокий: раненные офицеры и генерал выходили снова на батареи, после перевязки своих ран. Почти четвертая часть гарнизона была перебита и переранена. Казалось, не было спасения, но неколебимое мужество, наконец, восторжествовало над отчаянною храбростью. В половине дня неприятель отступил, потеряв до двух тысяч убитыми и ранеными. Наш урон был впятеро менее. Генерал-майор Панютин, столь мужественно содействовал генерал-майору Попову в защите Баязета, был ранен. Об упорстве неприятеля в приступе можно судить потому, что в полтора суток здесь издержано осажденными более ста двадцати тысяч патронов и сделано было 1.500 пушечных выстрелов».

Генерал-майор Ф. С. Панютин

Только в сентябре 1829 года турки немного зашевелились, но снова сразу же были нещадно биты. На этот раз при селении Байбурт, где наш отряд в 7 тысяч штыков разгромил 12 тысяч турок и курдов под водительством нового Эрзерумского сераскира Осман-Хазыындар-Оглы. Новый предводитель торопился дать сражение русским. Он успел это сделать, но, увы, с обычным для турок результатом – они вновь были на голову разбиты. Этим сражением война на Кавказе собственно и завершилась. Были еще кое-какие мелкие сшибки, но полномасштабных боевых действий уже не велось. Закавказье находилось в крепких русских руках. Известие о мире праздновали в русском лагере сто одним пушечным выстрелом.

Из воспоминаний участника войны полковника Ушакова: «надобно было видеть общий восторг. Через четверть часа весь лагерь стоял в рядах. Офицеры спешили принести поздравление Главнокомандующему, и приветствовали друг друга, обнимаясь с тем искреннем чувством, какое редко можно встретить в быту общежития. Гордясь стяжанной славой, воины, неукротимые в бою, с единодушным участием радовались наступившему миру, которым так редко пользуются войска наши в отдаленных пределах Кавказских».

Из хроники войны: «Вторая кампания графа Паскевича представила следствия не менее блистательные и славные, как и первая... Русские в 1829 году перешли почти шестьсот верст от границы России до Трапезунта. В четыре месяца уничтожена многочисленная неприятельская армия, взяты несколько укрепленных лагерей, четыре крепости и сама резиденция сераскира, захваченного в плен вместе со знатнейшими сановниками. Русским достались 262 пушки, 65 знамен, 10 бунчуков, жезл сераскира. Пленных не считали...»

Для Паскевича итогом кампании 1829 года стал вполне заслуженный чин генерал-фельдмаршала и Георгия 1-й степени.

Великий Пушкин воспевает кавказскую кампанию в своих стихах:

*Я жду тебя, мой запоздалый друг –
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа...*

Посланный вице-адмиралом Гейденом в Энос за известиями о ходе мирных переговоров бриг «Наварин» обернулся в три дня и вернулся к эскадре с долгожданным известием о заключении мира.

Когда разгоряченный Павел Нахимов поднялся по шторм-трапу на палубу «Азова», там его в нетерпении ждали Гейден и Лазарев. Не дожидаясь расспросов, Нахимов сказал им лишь одно слово:

- Мир!

- Славе тебе, Господи! – сняли фуражки и перекрестились адмиралы.

Гейден тут же распорядился:

- Объявляю сей день на эскадре праздничным! Служителям по двойной чарке, вместо корабельных работ песни петь и веселиться! Офицерам праздничный ужин в кают-компаниях!

Как оказалось, 2 сентября 1829 года в Адрианополе были подписаны предварительные статьи мирного договора между Россией и Турцией.

Обстановка у Дарданелл сразу же разрядилась. Спустя несколько дней сюда пришел во главе французской эскадры контр-адмирал Розамель, который бросил якоря рядом с англичанами. Чуть позднее появился и никем неожиданный Дандоло. Прошлошестидневный австриец держался в отдалении от всех. Прослышав о скором окончании блокады, к Дарданеллам потянулись сотни торговых судов, становившиеся на якорь между боевыми эскадрами. Свидетель тех дней у Дарданелл с восхищением писал: «Пространство от Заячьих островов до мыса Янычар... покрыто кораблями, фрегатами и другими разными судами. На коих развевались российские, английские, французские, голландские, австрийские, сардинские, ионические и других наций флаги, что составило величественную и прекрасную картину. Подозрения и неприязни с той и другой стороны исчезли, и все с обычным радушием и уверенностью ожидали размена мирных ратификаций...»

19 сентября адъютант Дибича поручик Львов доставил в Дарданеллы к русской эскадре сообщение о ратификации Адрианопольского мирного договора. На следующий день Гейден отдал официальный приказ по эскадре о мире и прекращении блокады. Корабли палили из всех пушек. Английская и французская эскадры вежливо поздравили своих бывших союзников с победой 21 выстрелом.

- Курс на Порос! – объявил Гейден. – Кажется, настала и пора нам в путь-дорожку к дому собираться!

Долгая и напряженная служба Средиземноморской эскадры подошла к своему завершению. Начавшись с блестящей победы при Наварине, она затем продолжилась тяжелейшими буднями крейсерств и блокады. Историк

Наваринской кампании В.Г. Андриенко так характеризовал нелегкую миссию средиземноморцев: «Нужно отметить, что после Наваринского сражения на долю русских моряков в средиземном море, адмиралов, офицеров, безымянных нижних чинов, пришелся долгий тяжкий труд: частые переходы в любую погоду, кропотливое бдение у Дарданелл и досмотры купеческих судов, постоянный ремонт гниющих прямо на глазах собственных кораблей. В течение двух с половиной лет приходилось недосыпать и недоедать, мерзнуть на сквозняках зимой и мучиться от непривычной жары летом и, при всем том, чуть ли не ежедневно быть готовыми вступить в бой не только с противником (турецко-египетским флотом), но и со своими же союзниками – англичанами. Вместо «славных» боевых ран морякам эскадры Гейдена достались болезни, а зачастую и безвестная смерть с погребением в водах Средиземного моря или в скромной могиле на чужой земле. «Мирные» потери раз в 8 превышали «боевые» наваринские. Награждали за этот труд скупно.

Казалось бы, главной наградой нашим морякам должна была стать память благодарных потомков, как русских, так и греческих. Однако чужие тяготы быстро забываются. До сих пор об эскадре Гейдена, столь успешно действовавшей на средиземном море, вспоминают в России редко...»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ ТРИУМФАТОРЫ

Осень 1829 года стала подлинным триумфом России. Победоносная армия Дибича стояла у стен Константинополя, опираясь обоими своими флангами на флот! Со стороны Черного моря ее надежно прикрывали черноморцы, а со стороны Эгейского моря эскадра Гейдена. На победителей обрушился целый дождь наград. Главнокомандующий армией Дибич в одночасье стал генерал-фельдмаршалом и графом «Забалканским», был награжден Георгием 1-й степени и получил миллион рублей. Император Николай писал в те дни Дибичу: «Положение ваше достойно главнокомандующего русской армии, стоящей у ворот Константинополя. В военном отношении оно БАСНОСЛОВНО, и воображением едва можно себе его представить: правый фланг, упирающийся на флот, отправленный из Кронштадта, левый – на севастопольский флот; прусский посланник, являющийся в вашу главную квартиру и приносящий мольбы султана и свидетельство о гибели, подписанное послами французским и английским! После этого остается только сказать: велик Бог русский и спасибо Забалканскому».

Пушкин откликнулся на Константинопольский триумф, как и пристало поэту:

*Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победный стяг,*

*Тогда во Славу Руси ратной,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На Цареградских воротах.
Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно потекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.*

Победа России была полной и блестящей. Турки смиренно выслушали волю победителей. Верный своему слову, Николай Первый потребовал от султана признания независимости Греции, и оно было немедленно получено. За Грецией признавался весь полуостров Пелопоннес, часть материковой Греции от залива Воло в Архипелаге до залива Амвракийского в Адриатике, а, кроме этого острова Негропонт и Циклады. Греческим купцам разрешалось напрямую торговать с Россией через проливы. При всем этом требования России к побежденным были весьма умеренными. Однако это все равно не понравилось Лондону и Парижу. Последовал обмен возмущенными нотами. На этом дело и закончилось. Драться за турок никому особо не хотелось.

Русская армия покидала Румелию. Полк за полком она уходила к тем рубежам, откуда каких-то полгода назад начала свое победное наступление на Константинополь.

Перед отъездом из Адрианополя, Дибич в последний раз зашел в столь значимый для него зал дворца Эски-Сарай, где был подписан мирный договор. Окинув взглядом просторный зал переговоров, он перекрестился и, вздохнув, сказал бывшему рядом генералу Михайловскому-Данилевскому:

- Путешественники долго будут приходить сюда!

На что Михайловский-Данилевский заметил:

- Этот зал, да и весь Эски-Сарай когда-то разрушатся, но останется история!

Уходя, Дибич велел снять со стены одну из висевших досок с изречениями Алкорана. На снятой доске значилось золотой арабской вязью: «Все в мире суета!»

Последними Адрианопись покидал геодезический отряд полковника генерального штаба Дитмаса. В считанные недели русские геодезисты проделали огромнейшую работу, проведя топографическую съемку Болгарии, Балкан, Румелии и особенно Дарданелл. Теперь у русской армии были точнейшие карты всей европейской Турции.

Из указа императора Николая Первого: «В ознаменование толиких заслуг ваших Престолу и Отечеству, повелеваю носить всем, участвовавшим в

военных действиях против турков в 1828 и 1829 годах, установленную мною особую медаль за турецкую войну, на ленте Святого Великомученника и Победоносца Георгия».

Медаль «За турецкую войну»

Историки, почему-то, всегда говорят о русско-турецкой войне 1828-1829 годов скороговоркой. Несколько общих фраз и все! А потому у большинства из нас возникло впечатление, что и сама эта война была какая-то несерьезная и весьма легкая. Увы, это глубокое и опасное заблуждение. Война 1828-1829 годов была на редкость тяжелой и кровавой. Думается, что те, кто читает данную книгу, может в этом убедиться сам. Ну а то, что война эта была столь победоносно завершена, делает еще большую честь русскому оружию!

Наварин и последующие за ним события русско-турецкой войны изменили не только карту Европы, они изменили сознание многих народов, открыв им путь к свободе и независимости. Отныне, никто и никогда их уже не сможет поработить!

Сподвижник Меттерниха и многолетний враг России австриец Фридрих Гентц пространно, но весьма объективно высказался об Адрианопольском договоре: «Умеренность – понятие относительное, но в случае, сходном с настоящим, оно должно одинаково распространяться как на победителя, так и на побежденного. В сравнении с тем, чего могли требовать русские и требовать безнаказанно, они требовали мало. Я не говорю, чтобы у них достало силы разрушить турецкое царство в Европе, не подвергаясь европейскому противодействию. Но они могли потребовать уступки княжеств и Болгарии до Балкан, половины Армении и вместо десяти миллионов червонцев – пятьдесят, причем ни Порты не имела бы власти, никто-либо из Добрых друзей ее серьезного намерения этому воспрепятствовать. Конечно, Император неоднократно уверял, что он не хочет завоеваний в этой войне. Но от подобных уверений легко отречься при содействии сотни дипломатических тонкостей, и если бы даже голос нескольких честных людей обозвал его вероломным, зато несравненно

сильнейшая часть глубоко испорченного общественного мнения громко приветствовало бы его. Представляется вопрос: что могло побудить Императора не переступить границ, предписанных им его генералам и дипломатам? Любовь ли к справедливости, великодушие, благоразумие, или соображения, касающиеся отечественных условий, или же другие какие-либо причины? Одно остается несомненным, что он мог бы пойти далее, чем пошел в действительности, и сторонники его политики имеют, поэтому, полное право восхвалять его умеренность».

Сам император Николай, принимая прибывшего турецкого посла Галиль-пашу, сказал так:

- Пусть султан убедиться, что его друзья находятся не где-либо, а именно в Петербурге, а самый верный из всех – это я! Я хочу, чтобы Оттоманская империя была сильна и процветающая!

Николай Первый был искренен. Он тут же согласился сократить контрибуцию на два миллиона и великодушно отказался от десятилетней оккупации Придунайских княжеств.

- Вы воистину самый великий и благородный государь! Пусть Аллах продлит ваши годы на земле и дарует счастье вашему народу! – пал на колени растроганный Галиль-паша.

Уже через два года, когда Турция окажется в критической ситуации, из-за восстания египетского паши, русский царь на деле докажет верность своих слов. Черноморский флот под началом адмирала Лазарева спасет Высокую Порту от полного развала.

22 января 1830 года в Лондоне постановили признать Грецию полностью независимым государством. Протокол помимо России подписали Англия и Франция. А в 1932 году на греческий престол вступил баварский принц под именем Оттона Первого.

Настало время возвращаться в родные пределы и кораблям российской Средиземноморской эскадры. Свой долг вдали от Родины они выполнили с честью.

Перед уходом эскадры из Средиземного моря произошел весьма любопытный случай. В приморском городке Навалио стояло несколько наших судов, и местные власти попросили командиров выставить часовых для поддержания порядка. Командиры пошли навстречу. Часовые были поставлены у портовых складов, у арсенала и на мосту через речку. Вместе с нашими стояли и греческие часовые. На мосту вместе с греком был поставлен матрос Морозов. Служба караульная на мосту была не сложной, стой да смотри вокруг. Время караула уже подходило к концу, когда Морозов услышал истошные крики, а потом увидел мчащегося к мосту разъяренного быка. Непонятно, что вывело быка из себя, но он мчался во всю прыть, и все живое разбегалось в страхе. Подбежав к мосту, бык помчался дальше. Часовой-грек сразу же почел за лучшее кинуться в реку. Морозов же,

как и подобает часовому, остался стоять на старом месте. Увидев впереди человека, бык ринулся на него. Ружье часового было заряжено, но палить матрос не стал. Когда бык подбежал к Морозову, он спокойно взял ружье «на руку» и одним движением вогнал ему штык между рогов. Мгновение и бык замятво свалился у ног матроса. Смотреть на русского храбреца и на поверженного быка сбежался весь город. Набежали не только греки, но и бывшие в порту англичане и французы. Последние полчаса Морозов достаивал по д нескончаемые аплодисменты и крики «браво». Тогда же местный муниципалитет отписал благодарственное письмо Гейдену, а тот, в свою очередь, сообщил о храбром матросе царю. Николай пожаловал от себя Морозову за молодечество сто рублей, а изогнутый от удара штык велел вечно хранить во флотском экипаже.

22 октября 1829 года Гейден получил высочайший рескрипт о возвращении флота. Для поддержания порядка у берегов Греции оставлялся вспомогательный отряд: линейные корабли «Фершампенуаз», «Александр Невский», фрегаты «Княгиня Лович» и «Елисавета», бриги «Улисс», «Телемак» и «Ахиллес». Всем остальным судам надлежало до 1 мая 1830 года вернуться в Кронштадт. При этом в своем письме Николай первый предлагал самому Гейдену остаться в Средиземном море. Однако в планы самого вице-адмирала это никак не входило. Грейг смертельно устал и всей душой желал вернуться домой.

- Силы мои и нервы на последнем пределе, и я просто не выдержу дальнейших здешних интриг! – жаловался Гейден своему начальнику штаба. – Я убежденный монархист и в молодости едва не лег за это под якобинскую гильотину. Ныне же я вынужден волей судьбы устанавливать новую республиканскую диктатуру! Видит Бог, что я сделал все что мог, но есть предел и моим слабым силам!

- Но что скажет на такое своеволие император? – поинтересовался Лазарев.

- Что захочет, то и скажет! – пожал плечами командующий. - Неужели во всем российском флоте не сыщется больше адмирала, который смог бы заменить старика Гейдена?

- Тогда вам следует не затягивать дела, а готовиться к отплытию! – высказался Лазарев.

- Нет! – замотал головой Гейден. – Первый отряд поведете на Родину вы, Михаил Петрович. Что касается меня, то я уйду на Балтику с последним отрядом!

В словах вице-адмирала сквозило желание избежать участия в событиях на пороге которых стояла Греция. Разоренная многолетней истребительной войной страна стояла на пороге новой войны, на этот раз братоубийственной Гражданской. Пока президент Каподистрия боролся за освобождение от турок, он пользовался поддержкой населения. Однако, едва независимость была завоевана попытка Каподистрии дальнейшей централизации власти столкнулась с интересами многочисленных земледельческих и судовладельческих кланов. Не имея ни армии, н денег центральное правительство не имело рычагов правления своевольными подданными. В

отчаянии Каподистрия вынужден был прибегать к помощи союзников: французской армии и русского флота. «Появление флага Российского достаточно для обуздания сих к безначалию привыкших людей». – Писал Каподистрия Гейдену в октябре 1829 года, прося немедленно направить корабли к острову Саламин, где бунтовали не получавшие жалование повстанческие части. Корабли к Саламину Гейден, разумеется, послал, а сам написал письмо императору Николаю с «чувством глубочайшего благоговения и благодарности, что немало желал бы возвратиться с эскадрой в отечество, дабы представить ее в том виде, как здесь она содержится...»

В ответ император прислал весьма снисходительный ответ.

Не теряя времени, Гейден инструктировал Лазарева.

- В начале февраля выйдете с Пороса на Мальту. Там загрузитесь оставшимися нашими припасами и, не теряя времени, правьте уже прямо до самого Кронштадта!

- Это дело нехитрое! – усмехнулся начальник штаба, бросив взгляд на раскатанную на столе карту.

Гейден понимающе кивнул. Для опытейшего Лазарева, за плечами которого было два кругосветных плавания, переход вокруг Европы на самом деле был не более чем вполне заурядное плавание.

По стеклам кормового балкона стекала вода. Осень 1829 года не баловала хорошей погодой. Пробиваться к Гибралтару предстояло сквозь непрерывные шторма.

К непогоде на переходе готовились, но испытать в пути все равно пришлось не мало.

Пожалуй, лучше всех сказал об итогах Наваринской кампании русского флота наш замечательный дореволюционный историк флота Н.Д. Каллистов. Пусть простит меня читатель за весьма пространную цитату, но она, как нельзя лучше подводит итог действиям русского флота на Средиземном море: «В закончившейся в такой обстановке (противостояния с английской эскадрой) войне, русский флот в средиземном море сыграл свою, далеко не последнюю роль. Предшествовавший войне Наваринский бой, в котором наша эскадра принимала такое выдающееся участие, нанес Турции тяжелый удар – ослабление оттоманского флота, что значительно способствовало свободе действий в Черном море адмирала Грейга, содействовавшего армии. Десятимесячная блокада Дарданелл, оставившая всякий подвоз к Константинополю съестных припасов из Египта и Архипелага, не только вызвала в столице Турции тяжелый продовольственный кризис, который нельзя было не считать одним из факторов принуждения султана к миру. Но не позволила Турции доставить морем подкрепления своей армии – из Малой Азии и Египта. Наконец, самое сосредоточение наших эскадр у Дарданелл, одновременно с нахождением Черноморского флота вблизи Босфора, и с наступлением армии к Константинополю, явилось особенно внушительной

демонстрацией – именно по идеальной стройности завершено стратегического плана, в котором армия обоими своими флангами опиралась на флот.

Разнообразие блестяще выполненных политических задач (исполнение обязательств, принятых Россией на лондонских конференциях, труды по устройению возрождавшейся Греции, самостоятельные выступления в защиту христиан на Крите, уложение обостренных отношений с западными державами и многое другое, доставшихся на долю графа Гейдена и отчасти Рикорда, заставляет признать за ними, помимо их достоинств как флотоводцев, и выдающийся политический талант, проявленный в самый тяжелой обстановке, с тою же прямолинейностью в ограждении достоинств и интересов России, какою были так славны кампании Ушакова и Сенявина.

В этом смысле как граф Гейден и Рикорд, так и подчиненный им флот достойно поддержали в Средиземном море русское имя, прославленное еще со времен императрицы Екатерины Великой Спиридовым...»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГОДЫ И СУДЬБЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТРАГЕДИЯ «ФЕРШАМПЕНУАЗА»

Осенью 1830 года по приглашению Николая Первого Россию посетил вице-адмирал Кодрингтон. Император принимал со всем радушием, на которое только был способен. В этом был свой большой политический резон. Если в Англии Кодрингтона травили, то в России его чествовали, если в Англии ему не могли простить Наварина, то в России показывали, что подвиг его не забыт!

Вместе с императором Кодрингтон ездил в Кронштадт смотреть своих "старых друзей": "Азов, "Иезекииль", "Александр Невский" и "Гангут", только недавно вернувшихся из четырехлетней средиземноморской компании. Кодрингтон очень хотел увидеться с Гейденом, но того в столице не было. В день третьей годовщины Наварина вице-адмирал покинул Россию... Из письма Кодрингтона своей жене: "Мы покинули Петербург в самый день Наваринской битвы. Я боялся, что не встречу с нашим другом Гейденом, к счастью случилось иначе... Не правда ли, странно, что я уезжаю из Петербурга, а Гейден приезжает сюда в день Наваринской годовщины! ... Гейден приготовил мне обед, меня встретили все наваринские офицеры... Мы пили за здоровье Государя, за здоровье трех адмиралов-наваричев... Каждый тост сопровождался салютом. без пушечной пальбы, но пили "ваше здоровье и всего вашего семейства". Встреча наша была очень дружна, но очень

коротка. Оба мы спешили, но оба чувствовали, что никогда в жизни друга друга не забудем".

Уже при подготовке к возвращению на Балтику, Рикорд представил капитана 1 ранга Платера как лучшего из командиров кораблей к назначению на должность своего младшего флагмана с одновременным присвоением контр-адмиральского звания "за боевые отличия". Вместо Платера новым командиром "Фершампенуаз" был назначен старший офицер корабля капитан-лейтенант Антон Барташевич, также проявивший себя за время похода грамотным и умелым офицером. Однако, принимая во внимание малую опытность Барташевича как командира линейного корабля, Платер большую часть времени старался держать свой флаг именно на "Фершампенуазе", опекая и наставляя молодого командира. Что касается самого Барташевича, то назначение в капитан-лейтенантском чине командиром линейного корабля открывало перед ним самые радужные перспективы. Самостоятельная должность, на которой штатный чин превышает его собственный на две ступени, да об этом мог, пожалуй, мечтать каждый из офицеров Средиземноморской эскадры. Вспомним, что во время этой же Средиземноморской экспедиции, отличившийся в Наваринском сражении лейтенант Павел Нахимов, за совершенные подвиги был награжден Георгиевским крестом, произведен в капитан-лейтенанты и назначен командовать трофейным корветом "Наварин". Но ведь корвет - это судно всего-навсего третьего ранга, а линейный корабль - первого! При этом официальная историография Средиземноморского похода 1827 - 1830 годов в Средиземное море не донесла до нас каких-то особых подвигов капитан-лейтенанта Барташевича. Скорее всего, офицером он на самом деле был достойным, хотя без каких-либо выдающихся заслуг. Что же до его столь высокого назначения (и в обход многих более старших выслугой офицеров эскадры), то этому могла способствовать, прежде всего, личная расположенность к своему ученику нового младшего флагмана эскадры контр-адмирала Платера, а может быть еще некие неведомые нам кадровые механизмы.

Возвращение Средиземноморской эскадры в Кронштадт было спланировано так, что корабли совершали переход несколькими отрядами. Одним из таких отрядов возглавил Платер, свой флаг он поднял, разумеется, на любимом им "Фершампенуазе".

Плавание к родным берегам прошло вполне успешно. После нескольких лет непрерывных походов и боев, моряки, наконец-то, увидели родной Кронштадт. По прибытии, "Фершампенуаз" был поставлен на якорь на малом Кронштадтском рейде. На него передали так называемые "завозы" (особые тросы), по которым в самое ближайшее время планировалось втянуть корабль во внутреннюю гавань. Для этого, подняв заранее становой якорь, "Фершампенуаз" остался стоять лишь на двух вспомогательных якорях-

верпах. Под свист боцманских дудок контр-адмирал Платер отбыл на берег, чтобы доложить по итогам перехода. Почти одновременно с его отъездом на линейный корабль для проверки состояния вернувшегося из дальнего похода корабля прибыл помощник капитана Кронштадтского порта капитан 2 ранга Бурнашев. Обойдя все внутренние помещения, он спустился в крюйт-камеру и нашел ее в неудовлетворительном состоянии: палуба, стеллажи и переборки были плохо вымыты, а в палубных пазах проверяющий обнаружил много пороховой грязи, что было уже само по себе весьма опасно. После завершения осмотра Бурнашев был приглашен командиром корабля Барташевичем на обед в кают-компанию, после чего заполнил соответствующие бумаги и убыл на берег.

Дальнейшие события развивались следующим образом. Проводив помощника капитана порта, Барташевич вызвал к себе в каюту старшего артиллерийского офицера поручика Тибардина. Забот по подготовке корабля к разоружению и выводу из кампании у Барташевича было много, а потому он был немногословен:

- Господин поручик, надо устранить предъявленные нам замечания и тщательно перемыть крюйт-камеру! Имеются ли ко мне вопросы?

- Вопросов не имею, все будет исполнено как должно! - невозмутимо ответил Тибардин и отправился организовывать перебивку.

Время было послеобеденное, то есть священное время отдыха моряков всего мира, в том числе и наших, а потому поручику отказываться от законного "адмиральского часа" тоже не хотелось. Поэтому он вызвал к себе цейтвахтера Мякишева.

- Вот что, братец! - сказал ему поручик, позевывая. - Надо навести порядок в крюйт-камере: вымыть переборки и стеллажи, выковырять порох из палубных пазов! Как сделаешь, доложишь. Я же пока сосну маленько!

Цейтвахтер, который подобную процедуру осуществлял уже десятки раз, лишь коротко кивнул в знак полного понимания поставленной ему задачи.

Выйдя от Тибардина, он взял себе в помощь пятерых матросов и отправился выполнять приказание начальника. Чтобы лучше было видно скопившуюся в палубных пазах пороховую грязь, помимо двух специальных крюйт-камерных фонарей с залитыми водой днищами, Мякишев распорядился прихватить и два обычных ручных фонаря. Один из них поставили для освещения на порожнюю пороховую бочку, а второй на палубу. Чтобы работа шла побыстрее, цейтвахтер после некоторого раздумья, велел вызвать еще дополнительно пятерых матросов. Дело стало продвигаться значительно быстрее. Когда работа уже почти подходила к концу, в крюйт-камеру на минуту зашел поручик Тибардин. Глянув, как идут дела, он произнес всего лишь одну фразу, которая впоследствии попадет в материалы следствия по делу "Фершампенуаза". Старший артиллерийский офицер сказал: "Ну, теперь хорошо!" Сразу после этого он вышел. Следом за поручиком покинул крюйт-камеру и цейтвахтер Мякишев. Однако далеко отойти от крюйт-камеры Тибардин с Мякишевым так и не успели. Едва они поднялись по трапу в корабельный арсенал, как раздался взрыв. Огромный корабельный корпус

будто дернуло в предсмертной судороге. Из люка крюйт-камеры сразу же повалили клубы густого черного дыма.

Позднее оставшиеся в живых члены экипажа "Фершампенуаза" расскажут, что взрыв был не особо сильным. Одним он показался обычным пушечным выстрелом, другим, звуком упавшей на палубу бочки, третьим, вообще, напомнил удар по турецкому барабану. О причине взрыва, бывший в тот момент в крюйт-камере канонир Иванов рассказывал потом на следствие так: "...Бомбардир Ликукис стал осматривать полки, где хранились картузы, то вдруг сделалось пламя над площадкой трапа. Вынимал ли он свечку, не знаю".

Едва вспыхнул огонь, канониры бросились бегом из пылающей крюйт-камеры. Никто из них даже не попытался тушить начавшийся пожар. Впрочем, того, кто мог бы скоординировать, и организовать борьбу с огнем тоже на месте не оказалось. В оправдание оказавшихся в крюйт-камере людей можно сказать: распространение огня было столь стремительным, что, если бы канониры остались в крюйт-камере, хотя бы еще на одну минуту все они неминуемо бы погибли от удушья. Несмотря на то, что находившиеся в крюйт-камере сразу же покинули горящее помещение, несколько человек все же задохнулись, и их пришлось вытаскивать на руках. Сигнала о начавшемся пожаре никто по кораблю так и не дал, но тревожная весть мгновенно распространилась по "Фершампенуазу". Все корабельные работы были мгновенно прекращены. Офицеры и матросы бросились к очагу пожара. Здесь необходимо оговориться, что какая-либо команда была в такой ситуации, в общем-то, не слишком и нужна. Командный состав и нижние чины были весьма опытными, прекрасно представляли, чем может грозить возникновение пожара, и знали, что следует делать, поэтому отреагировали на известие о возгорании как должно в данной ситуации. За плечами у всех были долгие годы Средиземноморского похода.

Первыми прибежали к крюйт-камере лейтенанты фон Шанц и Обернибесов. За ними поручик Тибардин и цейтвахтер Мякишев. Храбрец Иван Шанц без долгих раздумий бросился в дымящийся зев открытого люка. Едва спустившись на несколько ступеней трапа, он сразу же потерял сознание, и свалился вниз в камеру, как подкошенный. Его тут же вытащили наверх подоспевшие матросы. Остальные, столпившись вокруг дымящегося люка, наскоро совещались, что делать дальше. Тем временем, немного придя в себя, Шанц снова бросился в крюйт-камеру и снова упал без чувств. Больше уже спускаться туда не пробовал никто.

К этому времени по приказу вступившего в командование борьбой с огнем капитан-лейтенанта Барташевича, открыли кран в корабельном бассейне, чтобы затопить горящий арсенал. Вода пошла, но, к сожалению, это не помогло. Пожар разгорался все больше и больше, не смотря на принимаемые меры. Вскоре начали дымиться палубные доски. Внизу под ними уже вовсю бушевало пламя, быстро охватывая все новые и новые корабельные помещения.

- Ломайте палубу! - распорядился Барташевич.

Матросы, вооружившись ломом и топором, принялись спешно выламывать палубные доски. В образовавшиеся отверстия торопливо лили воду. Но все было напрасно - пожар не утихал! Офицеры, сбившись в кучу, лихорадочно совещались, что предпринимать дальше. Варианты были разные. Наконец, командир решился.

- Будем рубить днище, и топить корабль! - порывисто махнул он рукой и обвел подчиненных быстрым взглядом. - Иного выхода в сложившейся ситуации я просто не вижу!

Пока одна часть матросов, под руководством офицеров, бросилась в трюм, чтобы прорубить отверстия в днище корабля, другая во главе с боцманом начала спускать с бака на воду крышки люков для спасения команды. Не теряя времени, Барташевич распорядился отправить шлюпкой на берег корабельную казну. Сопроводить казенные деньги был определен лейтенант Лесков. Ему же было велено известить портовое начальство о случившемся, и попросить помощи шлюпками для спасения людей.

Однако на берегу к этому времени и так уже заметили густой столб дыма над "Фершампенуазом". Вскоре на корабль гребным катером прибыл контр-адмирал Платер, который сразу же взял руководство спасением горящего корабля на себя.

- Постараемся еще побороться за спасение корабля! - коротко сказал он Барташевичу и тут же начал отдавать соответствующие распоряжения.

А пламя к этому времени уже то тут, то там вырывалось вверх сквозь палубные доски. Спасаясь от нестерпимого жара, офицеры и матросы невольно отступали к бортам. Теперь даже самому непосвященному было ясно, что "Фершампенуаз" отстоять не удастся, что корабль обречен. Борьба сейчас надо было уже не за линкор, а за человеческие жизни. В связи с все большим разрастанием пожара, явной становилась опасность возгорания стоящих неподалеку от "Фершампенуаза" кораблей и даже деревянной стенки кронштадтской гавани.

- Надо попытаться отвести корабль мористее! - кашляя от дыма, прокричал Барташевичу Платер.

- Ничего не получится! - замахал в ответ руками командир "Фершампенуаза".

- Ветер вост-зюйд-вест, прижимной, а пархода по близости нет!

- Тогда рубите правый носовой кабельтов! - велел Платер. - Ставьте передние стаксели! Попробуем хоть как-то оттянуться от общей кучи малы!

Заглушая вой раздуваемого ветром пламени, засвистали боцманские дудки. Матросы стремглав разбежались по расписанным местам. Годы плавания не пропали даром. Все на "Фершампенуазе" делалось быстро и четко. Ни у кого не было ни малейшей растерянности. Однако, к сожалению, все это уже не могло ничего изменить.

Поставленные стаксели тоже помогли мало. Державшийся к этому времени лишь на одном якорь-верпе "Фершампенуаз", упорно разворачивало ветром и буквально наваливало бортом на стенку гавани.

- Рубить верп! - велел Платер. - Попробуем все же отойти подальше!

Дрейфуя, "Фершампенуаз" все же сумел каким-то чудом миновать причал, а затем так же почти в притирку пройти мимо одного из бастионов. После этого он вскоре приткнулся к мели в нескольких саженях от Лесных ворот гавани.

К этому "времени линейный корабль уже являл собой сплошной огромный костер. Огонь уже охватил ростры, а затем стремительно понесся вверх по вантам. Неподалеку от "Фершампенуаза" скопилось изрядное количество шлюпок с соседних кораблей. На них терпеливо ожидали команды снимать офицеров и матросов с горящего корабля. Однако такой команды все не поступало. В шлюпках начали нервничать:

- Чего они там ждут? Корабль уже не спасти, но ведь людей спасти еще можно!

Команда "Фершампенуаза" сгрудилась на русленях, баке и юте корабля. Там тоже стойчески ждали команды спастись, молча без ропота и криков, как, и положено дисциплинированной и вымуштрованной команде. А огонь меж тем уже подступал к ним со всех сторон. Кое-как защищаясь от него рукавами и поворачиваясь спинами, матросы и офицеры все еще ждали приказа. Но они не просто ждали, сбившись в толпу. ОНИ ДЕРЖАЛИ СТРОЙ!

Неизвестно, что в эти драгоценные минуты думал контр-адмирал Платер, на что он еще надеялся, но никаких команд на эвакуации по-прежнему не давалось. Впоследствии расследование обстоятельств гибели "Фершампенуаза" подтвердит, что НИ ОДИН из матросов и офицеров корабля так и не покинули своего корабля без команды.

Через сто с лишним лет точно так же, как и контр-адмирал Платер, поведет себя в почти аналогичной ситуации и командующий Черноморским флотом вице-адмирал Пархоменко, когда он до последнего момента будет оттягивать подачу команды на спасение выстроенных на верхней палубе матросов уже начавшего поворачиваться линейного корабля "Новороссийск". Та современная черноморская трагедия, вызванная ступором либо самоуверенностью командующего, обошлась более чем в шесть сотен человеческих жизней. Увы, к большому сожалению, наша собственная история ничему нас не учит и каждое поколение, пройдя весь путь проб и ошибок, крови и напрасных жертв начинает сызнова...

...Наконец, когда огонь уже начал охватывать крайние шеренги и люди начали гореть (все еще пытаюсь держать строй!) Платер, наконец-то, понял, что дальнейшее промедление смерти подобно. Только тогда он вяло махнул рукой:

- Всем спастись!

Офицеры, репетуя, кричали, срывая голоса:

- Ребята! Всем разом не прыгать, друг дружку подавите! Бросаемся в воду пошереножно!

Но это было уже слишком! Терпение матросов кончилось, и в воду они бросались, спасаясь от обжигающего пламени, уже толпой. Многие летели в воду помимо их воли, подпираемые стоявшими сзади. Так, к примеру, был сброшен в воду и чудом остался жив лейтенант Богданов. Те, кто не умел плавать, после падения больше на поверхность уже не всплывали. К борту "Фершампенуаза" со всех сторон устремились шлюпки, на которые стали подбирать плавающих. Увы, как выяснилось впоследствии, спасти удалось далеко не всех. При оставлении корабля погибло сорок восемь человек. Среди них оказался и подполковник корпуса флотских штурманов Вансурин. По прошествии времени очевидцы утверждали, что подполковник погиб из-за того, что прихватил с собой все скопленные за трехгодичное заграничное плавание деньги. Они-то, мол, его на дно и утянули...

Командир "Фершампенуаза" капитан-лейтенант Барташевич в момент оставления корабля командой находился на баке. Верный традициям русского морского офицерства и букве петровского устава, он оставлять гибнущий корабль не торопился, помня о том, что командир должен уйти последним. Подбадривая прыгавших в воду, Барташевич следил, насколько это было возможно, за тем, чтобы все успели покинуть "Фершампенуаз". Только тогда, когда на баке не осталось ни одного матроса, Барташевич спустился по канату на висевший у левой скулы якорь, а затем уже с него "солдатиком" сиганул в море, после чего почти сразу же был подобран ближайшей шлюпкой. В этой же шлюпке к тому времени уже находился с десятком спасенных матросов во главе с лейтенантом Шанцем.

Что касается самого контр-адмирала Платера, то он в самый последний момент вдруг вспомнил о лекаре и боцманмате, которым сразу же по прибытии на корабль приказал находиться в своем салоне для приема и первичной обработки обгоревших. Не получив соответствующего приказа ни лекарь, ни боцманмат не посчитали себя вправе покинуть свой боевой пост, так и оставшись там. Адмиральский салон располагался в самой корме корабля и был уже отрезан пожаром. Возможно, кто-то другой предпочел бы в такую минуту думать уже исключительно о себе. Но Платер был человеком чести, да и к тому же не робкого десятка, а потому вместо того, чтобы спастись, контр-адмирал бросился вниз в свой салон по трапу. Во флагманский салон он прорвался каким-то чудом, сбивая с себя пламя и изрядно обгорев. Обрато оттуда выбраться было уже невозможно, так как за бежавшим по трапам контр-адмиралом сразу же рушились прогоревшие балки. Весь входной тамбур был тоже объят пламенем.

- Чего ждем! - прокричал, вбежавший в салон Платер.

- Приказа! - невозмутимо ответил лекарь Корнелиус.

- Теперь, кажется, вы его дождались! - прорычал Платер.

Лекарь и боцманмат помогли ему сбить пламя с тлевшего сюртука. Теперь в огненной ловушке их было уже трое: двое не покинувшие своего поста без

приказа и тот, по чьей забывчивости они там оказались, но кто все же нашел в себе мужество разделить участь тех, кого он невольно приговорил к смерти. А огонь уже лизал двери флагманского салона, наполняя его удушающим дымом. Теперь дорога была каждая секунда. Контр-адмирал Платер в этой критической ситуации, впрочем, ни головы, ни самообладания не потерял.

- Делай как я! - прокричал он своим сотоварищам по несчастью.

В несколько ударов сапог они дружно вышибли раму кормового окна. Затем все втроем бросились через окно и уцепившись за свисавшие вниз шлюпочные тали, повисли на них. А внутри адмиральского салона уже бушевало пламя. Его языки вырывались через разбитое окно, обдавая висевших людей пеплом сгоревшего дерева и искрами. На удачно подвернувшихся таях контр-адмирал с лекарем и боцманматом провисели до тех пор, пока их не сняла подошедшая к корме "Фершампенуаза" шлюпка.

Небезынтересные воспоминания написал об обстоятельствах этой трагедии и тогдашний лейтенант Иван Шанц, впоследствии ставший адмиралом и оставивший значительный след в истории нашего флота периода перехода его от парусных кораблей к первым броненосцам-мониторам. Спустя несколько десятилетий в журнале "Морской сборник" адмирал Иван Иванович фон Шанц опубликовал свои записки: "Последними оставили корабль я и корабельный кузнец. Находясь на кубрике для тушения пожара, я упал в обморок и г. Тибардин, стараясь привести меня в чувство, сорвал с меня сюртук и обливал меня водою. Придя в память, и снова бросившись в огонь, я забыл о сюртуке, потому что и без него было очень жарко.

Когда корабль был уже на мели и кормою к ветру, а пламя охватило все батареи, я очутился на галюне с помянутым кузнецом и матросом (фамилии коих, к сожалению, не упомяну). Пламя, достигшее уже до дверей, ведущих из палубы на галюн, обдавало нас невыносимым жаром. Будучи в одной мокрой рубашке, я чувствовал с другой стороны сильный холод от ветра.

Находясь в таком положении, я сказал матросу:

- Братец мой, у дверей капитанской каюты под склянками висит мой новый фризковый сюртук. Попробуй-ка, не достанешь ли его?

- Но ведь там все в огне!" - отвечал матрос.

- Ничего! - возразил кузнец - Ведь Иван Иванович перемерз до смерти! Шлюпки же нет и броситься в воду нельзя! Утонем как все остальные дураки, которые на это решились. Ступай же с Богом!

Сказав это, кузнец открыл двери, вытолкнул матроса в спину и запер за ним. Матрос не заставил себя долго ждать. Через несколько секунд после его ухода с треском растворились галюнные двери и нас обдало пламенем. С ним вместе явился и матрос с сюртуком. Вскоре прогорела и дверь. Пламя разрасталось горизонтально над нашими головами. Над нами же горел фокарей с парусом. Куда деваться?

В эту критическую минуту бедный спаситель мой матрос потерял голову. Не слушаясь нас, он взобрался на утлегарь и прыгнул в воду, откуда прямым путем отправился в вечность. Мы же кое-как ползком перебрались на левый кранбол, под которым висел плехт (один из корабельных якорей - В.Ш.).

около лап его, уже раскаленных до красна и висевших над самой водою, держались на воде Бог весть за что двое несчастных, просивших помощи, но вскоре вопль их утих. Когда мы добрались до конца крамбола, кузнец расположился сзади меня и ну давай махать и кричать о помощи.

Здесь я должен заметить, что корабль находился от стенки не в 10 саженьях, как сказано в статье (здесь идет речь о статье, написанной по материалам официального расследования - В.Ш.), а, по крайней мере в 40. Если бы расстояние от корабля до стенки было только 10 сажень, то стенка бы неминуемо сгорела.

Тщетно прося помощи, кузнец объявил мне, что шуба его горит на спине и что, ежели мне угодно подвигаться вперед, то он бросится в воду и оставит меня. Я подвинулся еще дюйма на два до нельзя. Кузнец уже сидел на шкивах, обхватив своими руками мои плечи, чтоб я не потерял равновесия и не упал на лапы плехта.

- Вот идет шлюпка, ваше благородие! - радостно сказал мне кузнец.

Действительно к кораблю приближалась шлюпка с офицером, но, увы, подойдя к тому месту, где вода от жара сделалась красною, повернула назад. Однако, слава Богу, через несколько минут показалась гичка адмирала Платера с одними гребцами и с одного маху оказалась прямо под крамболом, несмотря на то, что волосы у гребцов почти загорались (гичка была укомплектована гребцами-матросами из числа команды "Фершампенуаз" - В.Ш.).

- Иван Иванович! - кричали неустрашимые гребцы. - Ради Бога бросайтесь скорее или мы сгорим и фока-рей сейчас упадет на нас!

Я бросился мимо плехта и гички в воду и вслед засим почувствовал удар в голову. Это ударил меня друг мой кузнец каблуком своим. Вслед за кузнецом слетел вниз и фока-рей, весь объятый огнем. Нок его, переломившись о сетки, упал возле гички. Гребцы с ужасом спешили оттабаниться и сразу, переломив три весла, миновали опасность. Но они страдали более нас, потому что наша одежда была мокрая, а их загоралась.

Все имущество мое сгорело на корабле и на другое утро БУКВАЛЬНО (выделено И.И.Шанцем) у меня не было даже собственной рубашки. Единственным утешением мне был следующий отзыв Михаила Петровича Лазарева в следственной комиссии: "Если бы все действовали как лейтенант И.И. фон Шанц, то может быть корабль был бы спасен".

Покинутый командой "Фершампенуаз" горел еще целые сутки, до тех пор, пока совершенно не выгорел до самого днища. Тем временем спасенных людей разместили в береговых экипажных казармах. О случившемся уже в день катастрофы было доложено и императору Николаю Первому, и он распорядился назначить самое строгое расследование происшедшего. Сразу же начато было дознание, опросы всех членов команды от самого молодого матроса до командира и контр-адмирала Платера: кто где и в какой момент

времени находился, кто что видел и слышал. За неграмотных показания с их слов записывали присланные писаря. Следствие еще едва начало набирать обороты, а император уже начал проявлять нетерпение и требовать результатов. Предварительным расследованием Николай Первый остался недоволен и велел собирать суд Кронштадтского порта, который бы смог назвать конкретных виновников трагедии.

Что касается контр-адмирала Платера, то он был почти с самого начала освобожден от суда в качестве возможного фигуранта и проходил только как свидетель. Следователи объяснили это тем, что коль Платер покинул "Фершампенуаз» загодя, то, следовательно, он не может нести ответственности за все что там происходило в его отсутствие. Аргумент прямо скажем, достаточно спорный, так как командование над отрядом кораблей, куда входил "Фершампенуаз", Платер к этому времени еще не сдал, да и сам отряд как тактическое соединение еще не был расформирован соответствующим приказом. Помимо того, Платер нес и моральную ответственность за положение дел на "Фершампенуазе", прежде всего, потому, что вся организация службы на корабле сложилась именно в бытность его командиром этого корабля, а во-вторых, потому что и новый командир "Фершампенуаза" Барташевич был назначен, по его ходатайству, и находился после назначения все последующее время под личной опекой Платера.

Главным виновником происшедшей трагедии, как всеми и ожидалось, был определен капитан-лейтенант Барташевич, как командир "Фершампенуаза" и лицо полностью ответственное за все, что происходит на борту вверенного ему корабля. В вину Барташевичу вменялось то, что он приказал перемыть крюйт-камеру тому же офицеру, который некачественно вымыл ее в первый раз. Формулировка, мягко говоря, весьма странная. Как будто на корабле имеется такое количество офицеров, чтобы одни из них только и занимались тем, что все время переделывали то, что не слишком добросовестно делали их менее рдивые товарищи. По логике вещей, наоборот, следовало бы назначить устранять недостатки как раз того офицера, который их и допустил. Такая практика всегда существовала раньше, существует она в нашем флоте и сегодня. Однако в деле "Фершампенуаза" присутствовала своя логика. Кроме того, старший артиллерийский офицер поручик Тибардин был не просто первым подвернувшимся командиру под руку офицером, а офицером, непосредственно отвечающим за крюйт-камеру. Разве логичным было бы предположить, что Барташевич, минуя старшего артиллерийского офицера, отдавал бы приказание через его голову младшему? Однако с судьями, как известно, не спорят. Впрочем, в их оправдание можно сказать, что если Барташевич все равно нес персональную ответственность за происшедшее на вверенном ему корабле, то этот параграф обвинения не имел особого значения. Кронштадтский портовый суд почти единодушно приговорил теперь уже бывшего командира линейного корабля "Фершампенуаз" капитан-лейтенанта Барташевича к "лишению живота", то есть к смертной казни. Приговор, что и говорить, предельно суровый, если

бы ни одно "но". Дело в том, что Кронштадтский суд не выносил окончательного вердикта. После его окончания, как правило, рассмотрение наиболее важных дел начинал суд морского министерства (аудиторский департамент). Кроме этого, существовала и еще одна негласная традиция. Портовые суды, обычно, всегда выносили приговоры по максимуму с определенной перестраховкой, чтобы более высокие судебные инстанции в тех случаях, когда это требовалось, могли проявить свое снисхождение.

Кроме Барташевича к смертной казни Кронштадтский портовый суд приговорил и старшего артиллерийского офицера поручика Тибардина. Ему в вину ставилось то, что он плохо организовал помывку крюйт-камеры в первый раз, а затем во время второй помывки часто отлучался и, наконец, не воспрепятствовал принесению в крюйт-камеру двух ручных фонарей с открытым огнем, что делать строжайше запрещалось. Как посчитал суд, что именно случайное опрокидывание одного из этих фонарей и послужило причиной первичного возгорания.

Третий смертный приговор был подписан цейтвахтеру Мякишеву за принесение этих же фонарей и частые отлучки из крюйт-камеры во время производства там помывочных работ, что также строжайше запрещалось корабельным уставом.

Что касается остальных должностных лиц команды "Фершампенуаза", то все они были с самого начала оправданы и (как и контр-адмирал Платер) проходили по суду только в качестве свидетелей. При этом никто даже не попытался поставить вопрос о действиях Платера во время организации руководства эвакуацией людей с гибнувшего корабля. Хотя было совершенно очевидным, дай Платер команду на оставление корабля хотя бы несколькими минутами ранее, таких больших жертв могло бы и не быть.

Когда все три обвинительных приговора были вынесены, "дело о пожаре и гибели линейного корабля "Фершампенуаз" было передано в аудиторский департамент морского министерства. Там началось новое расследование. Результаты его оказались совершенно иными, чем у суда Кронштадтского порта. Так командир "Фершампенуаза" был полностью и по всем пунктам обвинения оправдан. Все его действия были признаны правильными и грамотными. Старшему артиллерийскому офицеру и цейтвахтеру же "за уважение неумышленности их вины и прежней хорошей службы" было определено вместо смертной казни разжалование в рядовые без зачета всей прежней выслуги. Наказание тоже, прямо скажем, весьма суровое, но все же это не было "лишением живота".

Однако и на этом разбирательство дела о гибели "Фершампенуаза" не закончилось. Теперь бумаги с выводами аудиторского департамента были переправлены в Адмиралтейств-Совет, тогдашний коллегиальный орган руководства морским министерством, где заседали старые заслуженные ветераны. Там за рассмотрение дела взялись старейшие и заслуженные

адмиралы, прославившиеся подвигами еще в далекие екатерининские времена. Кроун и Пустошкин, внимательно ознакомившись со всеми обстоятельствами катастрофы, вынесли следующую весьма обтекаемую резолюцию: "...Как всякое, кем-либо из офицеров сделанное упущение, в большей или меньшей мере лежит по законам на ответственности командира, то и Совет не может оправдать капитан-лейтенанта Барташевича, а полагает учесть сего офицера передать в милостивое воззрение Государя Императора". Император ходом расследования причин и обстоятельств гибели "Фершампенуаза" интересовался едва лишь не ежедневно. Такое особое внимание вынуждало всех отвечающих за расследование дела действовать энергично и на совесть. Особое внимание государя к делу "Фершампенуаза" имело и особые причины. Дело в том, что в гибели линейного корабля имелось одно чрезвычайно важное обстоятельство: во время пожара на "Фершампенуазе" полностью сгорел весь хозяйственный и финансовый архив Средиземноморской эскадры со всеми отчетными бумагами за более чем трехлетнюю кампанию. Проще говоря, было уничтожено все, что могло бы послужить обвинением в расхищении имущества и денег во время экспедиции на Средиземное море, о чем, кстати, у царя уже имелась некоторая предварительная информация. Здесь следует отметить, что Николай Первый, как никто другой из российских императоров, очень болезненно относился ко всем хищениям и разбазариванию казенных средств, был нетерпим к расхитителям и ворами, всегда и везде требовал тщательнейших проверок ведения отчетности. Разумеется, что он имел все основания подозревать, что весьма странная гибель "Фершампенуаза" накануне проверки всей финансовой документации эскадры и вместе с тем полное уничтожение архива, к спасению которого никто даже не попытался приложить ни малейших усилий, было далеко не случайными совпадениями. Однако все попытки императора найти в следственных бумагах хоть какое-то упоминание о возможности организации преднамеренного поджога "Фершампенуаза" окончились ничем. Но Николай Первый не привык так просто сдаваться. Когда ему стало ясно, что официальное расследование не может пролить свет на странную историю с уничтожением финансовой отчетности эскадры, он вызвал к себе контр-адмирала Михаила Петровича Лазарева, героя Наварина и начальника штаба Средиземноморской эскадры. Лазарев был любимцем царя, а потому, зная его неподкупность, предельную честность, а также знание осведомленность во внутриэскадренных делах, Николай решил поручить ему провести личное независимое расследование на предмет возможности умышленного поджога линейного корабля "Фершампенуаз".

Относительно результатов этого расследования существует следующий исторический анекдот. Завершив порученную ему работу, Лазарев прибыл на доклад к императору.

- Ну, так кто же поджег "Фершампенуаз"? - сразу же без долгих вступлений спросил его царь.

- Корабль загорелся сам, ваше величество! - невозмутимо доложил Лазарев.

Ответ императору не понравился.

- Ступай и разберись еще раз! - недовольно велел он.

Спустя некоторое время контр-адмирал вновь предстал перед Николаем и их недолгий диалог снова повторился слово в слово. И снова Лазарев был отправлен на дознание.

Эти визиты контр-адмирала к государю повторялись несколько раз. Наконец, когда Лазарев в очередной раз заявил, что "Фершампенуаз" загорелся вследствие преступной небрежности, но никак не по злему умыслу, император лишь махнул рукой:

- Экий ты упрямый! Ладно, дело кончено!

Что же касается дальнейшей судьбы командира линкора капитан-лейтенанта Барташевича, то, когда на стол царя легла бумага, извинявшая действия Барташевича и предлагавшая ограничить ему наказание "бытием под судом", то Николай пришел в полное негодование и поверх представленной ему докладной собственноручно написал весьма красноречивую резолюцию, подтверждающую детальное знакомство со всеми обстоятельствами трагедии: "Капитан-лейтенанта Барташевича, признавая виновным в пренебрежении своей обязательности первой очистки крюйт-камеры, оказавшейся неисправно исполненной, не удостоверился сам, что она очищается с должной осмотрительностью, от чего и последовала при пожаре корабля гибельная смерть 48 человек вверенного ему экипажа, разжаловать в матросы до выслуги, а впрочем, быть по сему".

В этой резолюции обращает на себя внимание, что император не столько ставит командиру в вину потерю самого корабля, сколько массовую гибель людей при эвакуации. Это подтверждает заботу императора о подданных и его беспощадность к тем, кто не дорожил жизнями подчиненных солдат и матросов. Об этом же говорит и анализ других кораблекрушений, случившихся в царствование императора Николая Первого. Если гибло судно, но людей спасали, наказание командиру всегда было предельно мягким. Если же при этом гибли люди, наказание было предельно суровым. Впрочем, эта вполне справедливая оценка действий начальника при катастрофах сохранилась в той или иной мере и по сегодняшний день.

Что касается дальнейшей судьбы Антона Игнатьевича Барташевича, то известно, что спустя много лет он вышел на пенсию в чине подполковника. Скорее всего, многочисленные друзья и сослуживцы Барташевича по Средиземноморской эскадре (а участники Средиземноморского похода вскоре выдвинулись почти на все руководящие посты как на Балтийском, так и на Черноморском флотах), по прошествии некоторого времени все же нашли возможность вернуть своего несчастного сотоварища в офицерскую семью, хотя, разумеется, что ни о какой особой карьере для него речи уже идти не могло. Как сложилась жизнь разжалованного артиллерийского офицера и цейхтвахтера неизвестно. Скорее всего, они так и остались нести крест матросской службы. За них заступаться было некому.

Вот и вся история гибели одного из лучших кораблей российского флота. Добавить ко всему сказанному можно лишь то, что никогда больше в нашем

флоте кораблей с именем "Фершампенуаз" не существовало. Может быть, само малопонятное и труднопроизносимое слово "Фершампенуаз" не прижилось среди русских моряков, однако, скорее всего решение никогда больше не возвращаться к нему, было все же вызвано именно печальной судьбой первого и последнего "Фершампенуаза".

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФЛИГЕЛЬ-АДЬЮТАНТ КАЗАРСКИЙ. СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Тем временем на Черном море начали происходить весьма драматичные и важные для России события, в которых самым активным образом оказались задействованы, как герои Наварина, так и герои боевых действий Черноморского флота в 1828-1829 годах. В официальной истории эти события никогда в полной мере не освещались, а потому следует на них остановиться подробнее, притом, что для целой плеяды наваринцев они имели поистине судьбоносное значение.

Начать необходимо, наверное, с того, что весной 1833 года на Черное море для проверки флота был командирован из Петербурга флигель-адъютант Казарский. Однако, бывший командир брига «Меркурий» не ограничился формальным исполнением приказа, а наметил доскональную проверку всех тыловых контор Черноморского флота. Одновременно он получил поручение от только что назначенного начальником штаба Черноморского флота Михаила Лазарева организовать погрузку на корабли экспедиционной эскадры десантных войск. Уже 13 марта 1833 года Казарский доносил в Главный морской штаб: «...При перевозке с берега войск и тяжестей не произошло ни малейшей потери, хотя корабли стояли в открытом море верстах в 3,5 от берега и не употреблено других гребных судов, кроме принадлежащих Черноморской эскадре».

Как всегда, Александр Иванович работает не покладая рук. Проведя большую организаторскую работу по подготовке Босфорской экспедиции и обеспечению ее всеми необходимыми материалами и продуктами, он принимается за ревизию тыловых контор и складов в черноморских портах. Вначале он работает в Одессе, где вскоре вскрывает ряд крупных хищений и недостач. Затем он переезжает в Николаев, где продолжает напряженно работать, но спустя всего лишь несколько дней внезапно умирает. Комиссия, разбиравшаяся в обстоятельствах смерти Казарского, сделала вывод: «По заключению члена сей комиссии помощника флота генерал-штаб-лекаря доктора Ланге, Казарский помер от воспаления легких, сопровождавшегося впоследствии нервною горячкой».

Произошло это 16 июля 1833 года. Было в то время Александру Ивановичу Казарскому неполных тридцать шесть лет.

Несмотря на многочисленные публикации о героическом командире брига «Меркурий», несмотря на то, что его недолгая жизнь, в общем-то, неплохо исследована, о последних днях пребывания Казарского в Николаеве историки и писатели хранят упорное молчание. Все единодушно отмечают

одно: смерть героя была настолько внезапна и скоропостижна, что была громом среди ясного неба для всех его многочисленных друзей и знакомых... А ведь стоило задуматься и поискать на страницах русской прессы следы того печального события, и многое бы перестало казаться таким ясным и простым.

В 1886 году популярный отечественный журнал «Русская старина» за июнь-сентябрь опубликовал воспоминания Елизаветы Фаренниковой, близкой знакомой всей семьи Казарских и лично Александра Ивановича. «Русская старина» являлась одним из самых серьезных исторических журналов России и публиковала только те материалы, в достоверности которых сотрудники редакции были уверены. Но, несмотря на всю сенсационность статьи о причинах смерти Казарского, публикация прошла незамеченной. Почему? Может, потому, что была уже иная эпоха. Может, еще почему-то...

Сегодня проверить достоверность публикации Елизаветы Фаренниковой не представляется возможным. Однако она полностью подтверждается всей ситуацией, сложившейся на Черноморском флоте к 1833 году. А то, что статья появилась на страницах журнала только спустя пятьдесят три года после трагических событий, может, вероятно, служить лишним доказательством того, что автор до поры до времени не могла опубликовать свой материал. Возможно, по каким-то личным соображениям, возможно, боясь чьей-то мести...

Итак, что же произошло с капитаном 1 ранга Казарским летом 1833 года? Попробуем понять и, хотя бы приблизительно проследить цепи событий, произошедших в июле 1833 года в Николаеве.

К середине 30-х годов XIX века крепостное право уже подводило страну к будущей катастрофе в Крымской войне. На фоне отсталости и застоя процветали взяточничество и воровство, подкупы и подлоги. Не было исключением из общего правила и Черноморский флот, в особенности же его береговые конторы. Однако помимо вопиющего воровства, процветавшего в то время на Черноморском флоте, там происходили события, о которых историки предпочитают почему-то стыдливо умалчивать.

Дело в том, что к концу времени командования Черноморским флотом А.С.Грейгом на нем сложилась небывало напряженная и взрывоопасная обстановка, связанная с проникновением коррупционеров в финансовые и хозяйственные флотские дела. Как считает ряд исследователей, адмирал Алексей Самуилович Грейг происходил по отцу из рода шотландских евреев. По матери, Сарре Грейг, он, скорее всего, тоже имел семитское происхождение. Честный человек, прекрасный моряк, кораблестроитель, инженер и астроном, он до поры до времени не имел никакого отношения к финансовым еврейским кругам. Однако, будучи уже в весьма зрелых годах, командуя флотом вдруг сходитя с молодой еврейкой Юлией Михайловной из Николаева, чей отец являлся одним из финансовых воротил юга России. При этом, скорее всего, сам адмирал Грейг оставался по-прежнему честным человеком. Так как Юлия не желала принимать православия, оставаясь в иудействе, венчание адмирала с девицей было

невозможно, и она считалась гражданской женой Грейга. Местная аристократия не приняла в свое общество еврейскую даму, но она не слишком это переживала, так как власти «матери-командирши» Черноморского флота ей вполне хватало. Что касается Грейга, то он, как это часто бывает в подобных случаях, когда пожилые мужчины сходятся с молодыми девицами, полностью попал под влияние жены. Теперь всеми хозяйственными делами Черноморского флота (да и не только хозяйственными, но даже кадровыми!) заправляла сожительница командующего и ее ближайшее окружение. Грейг, к большому сожалению, сам, быть может, того не понимая, стал лишь ширмой в умелых и цепких руках. Впрочем, и в отношении Грейга имеется достаточно «странный» факт: командующий Черноморским флотом, как оказывается, являлся одновременно... председателем Николаевского ссудного банка, которым также фактически руководила его жена. Впрочем, и на эту должность могла определить адмирала его не в меру предприимчивая Юлия Михайловна.

Говоря о коррупции того времени на Черноморском флоте, мы должны понимать, что речь идет не только и не столько о воровстве непосредственно на самом Черноморском флоте, как таковом. Разумеется, что и на самом флоте воровали, но это была лишь часть (и далеко не самая главная) в деятельности тогдашней черноморской «мафии». Во главе интернациональной греко-русско-еврейской «мафии» стояли некие торговцы Серебрянный и Рафалович. Их поддерживала коррумпированная флотская верхушка во главе с контр-адмиралом Н.Д. Критским, правителем канцелярии Грейга капитаном 1 ранга Ивановым и рядом других офицеров, занимавших большей частью береговые тыловые должности. Бороться и тем, и другим было за что.

Дело в том, что командующий Черноморским флотом в то время одновременно являлся и Главным командиром Черноморских портов. Главный командир Черноморских портов сосредоточивал в своих руках огромнейшую власть. Ему подчинялись все порты (в том числе и торговые) Черного моря, со всеми своими службами: портовым хозяйством, причалами, складами, таможней, карантинной и так далее. Учитывая же, что именно через порты Черного моря шел в то время основной внешнеторговый грузооборот российской торговли и прежде всего ее главной составляющей — пшеницы, трудно даже представить, какие деньги крутились вокруг всего этого и какие капиталы наживались теми, кто имел хоть какое-то отношение к этой бездонной черноморской кормушке.

Если до 30-х годов на Черноморском флоте наибольшее влияние в экономических и финансовых делах осуществляла греческая диаспора, имевшая также своих представителей среди черноморского адмиралитета (династия адмиралов Алексиано, Метакса, Кумани и другие), то теперь с легкой руки жены Грейга в тыловых конторах Черноморского флота

началась настоящая война двух финансовых группировок - старой греческой и новой русско-еврейской - за власть над Черноморским флотом и над черноморскими портами. И если в Николаеве, Одессе, Таганроге и других портах эта война протекала в основном в береговых конторах, то в Севастополе она докатилась и до боевых кораблей. По существу, две влиятельнейшие финансово-этнические группировки начали между собой настоящую войну за передел сфер влияния в Черноморском регионе.

К началу 30-х годов XIX века в Севастополе сложилась крайне негативная ситуация. Суть случившегося была в следующем. Дело в том, что морские офицеры, и в первую очередь офицерская молодежь, привыкли жить, не считая денег. Для этого в городе истари существовала хорошо отлаженная система греков-ростовщиков, дававших офицерам деньги под небольшой процент. Однако с попустительства Грейга в Севастополе начался передел сфер влияния и вскоре подавляющее большинство греков были отлучены от своего ростовщического бизнеса, а их место заняли евреи. Не отставали от них и русские купцы. Мгновенно резко подскочил процент за кредиты, неискушенные в финансовых делах мичманы и лейтенанты, привыкшие жить в долг, разумеется, продолжали пользоваться услугами кредиторов, но уже не греков, а евреев, с каждым заемом все больше и больше влезая в долги. А потому спустя некоторое время практически весь офицерский состав Черноморского флота был не только не в состоянии вернуть местным ростовщикам долги, но даже расплачиваться за проценты. Флот фактически оказывался в руках ростовщической мафии. Кто-то, отчаявшись выбраться из долговой ямы, кончал жизнь самоубийством, кто-то опускал руки и переставал интересоваться делами службы, думая только о том, как бы вернуть хоть кое-что. О ненормальной ситуации на Черноморском флоте было доложено Николаю I. Император быстро разобрался в ситуации. Так как никакой возможности восстановить старое положение дел уже не было, необходимы были экстраординарные меры, и они были применены.

Прежде всего, в Севастополе было введено чрезвычайное положение. В течение 24 часов все севастопольские евреи были выселены из города с запрещением не только когда-либо возвращаться в Севастополь на жительство, но даже приезжать туда по любым делам. Заслушивание грозила каторга. При этом во время отправки евреев из города жандармскими офицерами были уничтожены все имевшиеся у них долговые бумаги. Интересно, что у русских купцов долговые расписки были тоже изъяты, но, при этом, их из Севастополя не выселяли. Можно представить восторг и радость черноморских офицеров решением императора! Отныне имя Николая I стало для черноморцев почти священо. Отныне в отличие от балтийцев, которые «любили» императора в соответствии с его должностью, черноморцы обожали Николая I искренне. Зная об этом, последний отвечал им тем же, разрешая, в отличие от всего остального флота и армии, только черноморцам всевозможные послабления в форме одежды и несении службы. Эта взаимная любовь продлилась до самой Крымской войны, и может именно поэтому кровавая севастопольская оборона и гибель тысяч и

тысяч черноморских моряков, которых Николай I не без основания считал своими любимцами, значительно ускорила кончину императора?

Вместе с тем именно 20-30-е гг. XIX в. стали периодом становления и возмужания целой плеяды бывших наваринцев, перешедших служить на Черноморский флот. Перевод этот не был случайным и стихийным. Дело в том, что, наведя порядок в Севастополе, Николай I принялся за наведение порядка на Черноморском флоте в целом. Воспользовавшись «греческо-еврейской войной» на Черном море, он решил положить конец обеим финансовым группировкам и освободить отечественную внешнюю торговлю от всевильного черноморского «рэкета». Император Николай I начинал самую настоящую войну, исход которой предопределить было пока сложно. Огромные деньги, связи с зарубежными торговыми кругами и российским купечеством делали обе финансово-этнические партии крайне опасным противником даже для самого российского императора. Думается, все это Николай прекрасно понимал. Перед началом этой борьбы он несколько раз посещает черноморские порты, чтобы, по-видимому, еще раз убедиться в том, насколько далеко зашла коррупция, которую во имя безопасности и благосостояния России необходимо было выкорчевывать как можно скорее. Наверное, «черноморская мафия» была второй после декабристов по значимости опасностью для России.

Для начала этой борьбы надо было, прежде всего, ослабить позиции старого руководства Черноморского флота и портов, давным-давно сросшегося с представителями греческого и еврейского капитала. Именно поэтому новым начальником штаба и был назначен с Балтики герой Наварина контр-адмирал М.П. Лазарев, человек, в чьих личных и организаторских качествах император не сомневался. Однако и Лазареву на первых порах пришлось на Черном море несладко. Лучше всего характеризует ненормальную обстановку на флоте письмо М.П. Лазарева от 14 января 1833 года начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову, которое мы приведем здесь полностью. В трехтомном собрании приказов и писем Лазарева - это единственное письмо адмирала в своем роде. Прочитав его, можно только представить, насколько тяжелым было положение нового начальника штаба флота, когда он его писал. Сколько боли и сарказма вложил в него Лазарев:

«За желание успехов в любви прелестной Юлии я благодарен, но признаться должен, что по неловкости своей вовсе в том не успеваю. Доказательством сему служит то, что на другой же день отъезда моего из Николаева она, собрав совет, состоявший из Давыдки Иванова, Критского, Вавилова, Богдановича, Метаксы, Рафаловича и Серебрянного, бранила меня без всякой пощады: говорила, что я вовсе морского дела не знаю (!?), требую того, чего совсем не нужно, и с удивлением восклицала: «Куда он поместит все это? Он наших кораблей (!?) не знает, он ничего не смыслит», и проч., и проч.

Прелести ее достались в удел другому; они принадлежат Критскому, который в отсутствии... (Лазарев из деликатности упускает имя Грейга. - В. Ш.) по несколько часов проводит у ней в спальне. Она тогда притворяется больной, ложится в постель и Критский снова на постели же рассказывает ей разные сладострастные сказочки! (Я говорю со слов тех, которые нечаянно их в таком положении заставали). И как же им не любить друг друга? Все их доходы зависят от неразрывной дружбы между собой. Критский в сентябре месяце, выпросив пароход, ходил в Одессу и, положив в тамошний банк 100 тысяч, хотел подать в отставку, но министр двора здешнего Серебрянный («министром» местного финансового воротилу Лазарев именует с нескрываемым сарказмом. - В.Ш.) и прелестница наша уговорили его переждать, рассчитывая, что по окончании всех подрядов он должен получить 65 тысяч. И так как Критский громко везде говорил, что он оставляет службу, то Серебрянный столь же громко уверял, что это неправда, что он не так глуп, чтобы отказаться от 65 тысяч, и что он готов прозакладывать в том не только деньги, но даже бороду свою! Что ж, наконец, вышло? Министр, к стыду своему, столь много славившийся верными своими заключениями и расчетами, ошибся. Хотя Критский в отставку не вышел, но получил пятью тысячами менее, нежели как сказано было, т. е. досталось на его долю только 60 тысяч!!! Вот вам тайны двора нашего...

А хорошо бы, если бы государю вздумалось (подобно тому, как в Кронштадте) прислать сюда генерала Горголи (ревизора. - В. Ш.) или равного ему в способностях, который взял бы к допросу министра Серебрянного и некоторых других: многие бы тайны сделались известными!»

Совершенно очевидно, что М.П. Лазарев в конце письма, зная близкие отношения Меншикова с императором, намекает тому о ходатайстве перед Николаем I о присылке на Черноморский флот опытного и честного ревизора.

Из письма следует и то, насколько Лазареву было сложно среди враждебного окружения. Именно поэтому он добивается разрешения от морского министра о переводе к себе на Черное море офицеров, на которых он мог бы положиться. Именно так были переведены с Балтики на Черноморский флот его испытанные и преданные соратники по Наварину: А.И. Авинов, П.С. Нахимов, В.А. Корнилов, В.И. Истомина и многие другие балтийцы. Когда же Лазарев, став начальником штаба флота, несколько осмотрелся и вошел в курс всех черноморских дел, последовал следующий ход. Адмирала Грейга (вместе с его женой) отозвали в Петербург, где адмиралу выразили высочайшую благодарность за многолетнее руководство флотом и определили в почетную отставку в сенат, назначив сенатором. При этом Николай старался сохранить все внешние приличия в отношениях с отстраненным командующим флотом, чтобы лишний раз не будоражить общественное мнение. Именно поэтому, еще незадолго до перевода Грейга в Петербург, он согласился стать крестным отцом фактически

незаконнорожденного сына адмирала, названного Самуилом. Новорожденного ребенка Николай сразу же произвел в мичмана. После этого акта проявления благожелательности при переводе Грейга в столицу уже никто не мог сказать, что это явилось следствием опалы командующего Черноморским флотом. Думается, что и сам Грейг, будучи человеком далеко не глупым, в конце концов понял и принял правила игры императора.

Возглавив Черноморский флот, адмирал М.П. Лазарев на протяжении всего своего 28-летнего командования флотом и портами неукоснительно и последовательно проводил линию Николая Первого по уменьшению иностранного влияния в армии и на флоте, действуя подчас весьма решительно. Начальником штаба флота он определил своего друга и сослуживца, бывшего командира «Гангута» контр-адмирала Авинова, а когда тот стал болеть, подыскал ему достойную замену в лице Владимира Корнилова. Павел Нахимов в это время тоже успешно продвигался по служебной лестнице, командуя кораблями, а потом и корабельными соединениями.

Герб Александра Казарского

Вне всяких сомнений, что свою роль во всех этих событиях выпало сыграть именно Александру Ивановичу Казарскому - далеко не случайно. Именно на него пал выбор Николая Первого как на ревизора, которому первому предстояло разворошить воровское гнездо на Черном море.

Последние месяцы жизни Александра Казарского, как мы знаем, пришлось как раз на начало деятельности только что вступившего в командование на

Черноморском флоте контр-адмирала Лазарева. Почти одновременное появление на Черном море и Казарского и Лазарева было частью единого плана Николая Первого по наведению порядка и искоренению воровства и коррупции на Черноморском флоте.

Посылка флигель-адъютанта Казарского на Черное море с первой пробной ревизией как раз в период наибольшего обострения противостояния старой и новой флотской власти, вполне укладывается в схему действий Николая Первого по наведению порядка на Черноморском флоте. Казарский, как мы знаем, всю свою жизнь прослужил на Черноморском флоте и в силу этого был хотя бы в общих чертах в курсе происходящих там событий.

Во-вторых, во время своей службы на Черноморском флоте, он не занимал сколько-нибудь значительной (в глазах местной «мафии») должности, так как должность командира брига не была в числе должностей, имевших доступ к флотской кормушке. Когда же Казарский стал известен после своего знаменитого боя, то он почти сразу был переведен в Петербург, где состоял в свите Николая Первого.

В-третьих, при направлении Казарского для ревизии в черноморские порты можно было рассчитывать, что многие давно и хорошо знавшие его сослуживцы будут давать ему ту неофициальную информацию о творящихся на Черноморском флоте безобразиях, которую они никогда никому другому бы просто не рассказали.

В-четвертых, будучи флигель-адъютантом императора на Черном море Казарский подчинялся только Лазареву, имевшему к тому времени звание генерал-адъютанта. И, наконец, выбор на должность императорского ревизора по Черноморскому флоту определялся высокими личными качествами Казарского. Характеризуя Александра Казарского как человека, современники наряду со всеми другими высокими качествами, присущими ему, единодушно отмечали честность и неподкупность. И это при всем том, что Казарский был весьма беден. В его «Формулярном списке о службе и достоинствах» в графе «Имеет ли за собою, за родителями или, когда женат, за женою недвижимое имение» значится лаконичный ответ: «Не имеет».

Зная о высоких моральных качествах Александра Ивановича Казарского, морской министр именно ему поручает в 1831-1832 годах провести несколько крупных ревизий, чтобы хоть как-то приостановить размеры хищений. Бывший командир «Меркурия» со всей ответственностью провел такие ревизии в Нижегородской, Симбирской, Саратовской и целом ряде других губерний, вскрыв там очень большие злоупотребления и недостатки, что, естественно, вызвало серьезное раздражение чиновничьих кругов, так или иначе причастных к этим делам. Однако это была, скорее всего, своеобразная репетиция. В ходе этих поездок Казарский разобрался в нюансах своей новой работы, приобрел определенный опыт, доказал императору свою неподкупность и честность. Только теперь он был готов для решения дела чрезвычайной государственной важности. По существу, посылка Казарского, наделенного особыми полномочиями, в главнейшие порты Черного моря с независимой ревизией были объявлением Николаем Первым войны местным

«олигархам», войны, в которой капитану 1 ранга Казарскому предстояло выполнить роль авангарда.

Весной 1833 года к встрече Казарского на Юге России, безусловно, готовились. Вне всяких сомнений, что для этого были задействованы самые значительные силы. Вполне вероятно, что была предпринята и попытка подкупить столичного ревизора, но если она и была, то окончилась безрезультатно. Казарского подкупить было невозможно, и казнокрады это быстро поняли! А деятельность капитана 1 ранга в Одессе показала местным чиновникам, что он настроен весьма решительно. Тогда-то, видимо, и встал вопрос о том, как обуздать столичного чиновника. Силы у них для этого были, тем более что покровительствовали им контр-адмирал Критский - любимец прежнего командующего Черноморским флотом адмирала Грейга и правитель канцелярии командующего Иванов. Против них был бессилён даже тогдашний (с 1832 г.) начальник штаба Черноморского флота Лазарев, который в одном из своих писем жаловался главнокомандующему русскими вооружёнными силами на Юге России Меншикову: «...Явное препятствие обер-интенданта в изготовлении эскадры надёжным образом и столь дерзкое усилие его препятствовать мне в выполнении высочайшей воли я доводил до сведения главного командира, но получил отзыв... оправданиями обер-интенданта все остается по-старому и ничего не делается... « Но и Меншиков не мог ничем помочь Лазареву. В отчаянии он пишет своему другу Шестакову, характеризуя состояние кораблей эскадры, оставшихся без ремонта и припасов: «Париж» совершенно сгнил, и надобно удивляться, как он не развалился... «Пимен» кроме гнилостей в корпусе имеет все мачты и бушприт гнилыми до такой степени, что через фок-мачту проткнули железный шомпол насквозь!.. А фрегат «Штандарт» чуть не утонул... Как мне благоразумнее при теперешнем случае поступить, не знаю - должность генерал-адъютанта есть быть фискалом и доносчиком, а я до сего времени ни тем, ни другим не бывал, хотя вовсе не считаю бесчестным выводить наружу злоупотребление. Меншикову писал партикулярно о здешних злоупотреблениях, но толку все мало».

Сейчас уже почти невозможно установить точно, имел ли место разговор о творимых на флоте и в черноморских портах безобразиях между Лазаревым и Казарским. Однако логика подсказывает, что такого разговора просто не могло не быть. Испытывая трудности со снабжением, уходящих к Босфору кораблей, Лазарев и обратился за помощью к облеченному большой властью флигель-адъютанту императора. Сталкиваясь с посланником Николая Первого в открытую было далеко не безопасно, а потому Казарский с успехом выполнил внезапное и важное поручение Лазарева.

После этого флигель-адъютант императора начинает работу в Одессе, которая являлась в то время крупнейшим российским портом по вывозу хлеба, а потому там крутились преогромные деньги. Результаты работы Казарского были страшны для местных властей, ибо вскрытые масштабы творимого произвола говорили уже не столько о воровстве, сколько о подрыве всего экономического могущества России. Вполне возможно, что во

время своей работы в Одессе Казарскому удалось заполучить некие чрезвычайно важные бумаги, которые могли послужить обвинением для представителей местных «мафиозных» структур. Против императорского посланца надо было предпринимать срочные и кардинальные меры.

В это время у Казарского происходит несколько встреч с Лазаревым. Это не подлежит сомнению. Казарский, как флигель-адъютант императора, находился в подчинение у императорского генерал-адъютанта. В своих разговорах с бывшим командиром «Меркурия» Лазарев не мог, естественно, не коснуться и общего положения дел на Черноморском флоте и в черноморских портах. Это видно и из приведенных выше его писем, и из того, что сразу же после отправления Босфорской эскадры во главе с Лазаревым в Константинополь, Казарский направляется в Николаев, туда, где были сосредоточены тыловые конторы Черноморского флота. Кроме этого, Николаев по важности являлся вторым после Одессы торговым портом Черноморья. Можно предположить, что Лазарев, будучи главным командиром Черноморского флота и портов Черного моря, а также военным губернатором Севостополя и Николаева, снабдил Казарского какой-то конфиденциальной информацией, однако больше он помочь Казарскому ничем не мог, так как сам только недавно прибыл на Черное море (в 1830-1831 гг. М.П. Лазарев командовал отрядом кораблей Балтийского флота) и еще не вошел в курс всех местных дел.

В такой обстановке не могли бездействовать и казнокрады, понимавшие, что после ревизии Одессы и столкновения с ними при подготовке Босфорской экспедиции Казарский уже кое-что знает. Тогда-то, видимо, и был вынесен окончательный смертный приговор не в меру прыткому ревизору. Разумеется, заговорщики знали, что император не оставит без последствий смерть своего личного адъютанта, однако другого выхода у них просто не было, к тому же, возможно, они были слишком уверены в своем всемогуществе. Вполне возможно, что заговорщики прежде надеялись запугать Казарского, а в качестве крайней меры, если он не согласится на их условия, предусматривали его физическое уничтожение. Но учли они не все. Вспомним, что Александр Иванович в свое время окончил Николаевское штурманское училище, много лет прослужил на Черноморском флоте. Вскоре Казарский узнал о заговоре. Фаренникова описывает это так: «Казарский был предупрежден раньше, что посягают на его жизнь; оно и понятно: молодой капитан 1 ранга, флигель-адъютант был назначен ревизовать, а на флоте тогда были страшные беспорядки и злоупотребления». Сразу же Александр Иванович стал перед дилеммой: что делать — продолжать свою деятельность, рискуя жизнью, или немедленно прекратить проверки и вернуться в Санкт-Петербург? Дело осложнялось еще и тем, что рассчитывать Казарский мог в сложившейся ситуации только на свои силы. М.П. Лазарев уже ушел с эскадрой к Босфору, а адмирал А.С. Грейг, как мы уже говорили, в таких делах был скорее врагом, чем помощником. Всеми делами Черноморского флота в то время ведали еще ставленники старой флотской власти контр-адмирал Критский и правитель канцелярии

командующего Иванов, повязанные по рукам и ногам со взяточниками и казнокрадами. Но Казарский, несмотря ни на что, бросает вызов своим врагам! Мы никогда не узнаем, был ли это поступок человека, уверенного в своих силах, или, наоборот, шаг отчаявшегося в неравной борьбе с воровством патриота... Ясно одно: бывший командир «Меркурия» прекрасно понимал, на что он шел, и все же решил не отступить, дать бой!

...В первых числах июля 1833 года Александр Иванович Казарский на пути в Николаев остановился отдохнуть у супругов Фаренниковых, проживавших в небольшом имении в двадцати пяти верстах от города. Елизавета Фаренникова в своих записках отмечает подавленное состояние Казарского, его необычайную задумчивость и нервозность. Приводит его слова: «Не по душе мне эта поездка, предчувствия у меня недобрые». И еще одна важная фраза, сказанная им: «Сегодня я уезжаю. Я вас прошу приехать ко мне в Николаев в четверг, вы мне там много поможете добрым дружеским советом, а в случае, не дай Бог чего, я хочу вам передать многое».

Итак, в четверг в Николаеве должно было произойти что-то очень важное и опасное. Видимо, А.И. Казарский нуждался в помощи надежных и преданных друзей, потому и хотел встретиться в этот день с супругами Фаренниковыми. Более того, он уже располагал определенной информацией и боялся, что она может исчезнуть после его гибели. Александр Иванович ошибся в своих подсчетах всего лишь на один день, но эта роковая ошибка стоила ему жизни!

Спустя несколько дней после прощания Казарского с супругами Фаренниковыми, к ним в четверг (!) под утро прискакал верховой с известием, что Александр Иванович умирает. Примчавшись, загнав лошадей, в Николаев, Фаренниковы нашли Казарского уже в агонии. Умирая, он успел лишь прошептать им всего одну фразу: «Мерзавцы меня отравили!»

Через полчаса в страшных муках он скончался. Уже к вечеру, как отмечает Фаренникова, «голова, лицо распухли до невозможности, почернели как уголь; руки распухли, почернели аксельбанты, эполеты, все почернело... когда стали класть в гроб, то волосы упали на подушку». Налицо были все признаки, бывающие при отравлении ртутью!

Анализ обстоятельств смерти Александра Ивановича Казарского, внешних изменений после его кончины дает веское основание полагать, что командир «Меркурия» был отравлен наиболее известным в то время ядом - мышьяком. При этом доза, которую дали Казарскому, была настолько чудовищна, что ее хватило бы на несколько человек.

Избрав для осуществления своей подлой цели мышьяк, убийцы могли рассчитывать, прежде всего, на то, что криминалистики как науки тогда еще

не было и в помине. Сам факт отравления мышьяком врачи научились выявлять несколько позднее - в 60-х годах XIX века, когда стала известна реакция так называемого «мышьякового зеркала». Но к тому времени о загадочной смерти Казарского уже забыли...

В процессе поиска материалов о смерти Казарского автору пришлось столкнуться с суждениями некоторых историков о том, что Казарский заявил о своем отравлении злоумышленниками из-за якобы присущей ему мнительности (надо понимать - трусости?!), а причиной смерти стал будто бы заурядный грипп. Ужасные внешние изменения после кончины пытаются объяснить летней жарой...

Думается, что подобные утверждения бездоказательны, более того - оскорбительны для памяти столь отважного человека, каким был Александр Иванович Казарский.

Заканчивая разговор о мышьяке, уместно вспомнить, что он имеет одну существенную особенность: этот яд можно выявить в останках и спустя столетия. Так, например, сравнительно недавно был научно установлен факт отравления мышьяком Наполеона (по накоплениям этого яда в волосах умершего).

К сожалению, в силу политических и экономических причин думать сегодня об эксгумации тела командира «Меркурия» не приходится...

Но вернемся к событиям лета 1833 года в Николаеве. Похороны А.И. Казарского его знакомая описывает так: «За гробом народу шло много, в том числе вдовы, сироты, которым он так много помогал. Все они, рыдая о своем благодетеле, кричали вслух: «Убили, погубили нашего благодетеля, отравили нашего отца!» Впереди гроба несли его ордена и золотую шпагу с надписью: «За храбрость», которой Казарский был награжден за штурм крепости Варна. Черноморцы тяжело переживали смерть героя. Один из друзей Лазарева писал адмиралу на Босфорскую эскадру: «...Не буду говорить о горестном чувстве, которое произвело во мне сие известие: оно отзовется в душе каждого офицера Российского флота».

О загадочной смерти Казарского ходило тогда по Николаеву много толков. Супруги Фаренниковы, не покинув сразу город, попытались восстановить события последних дней жизни Казарского. Они установили, что, прибыв в Николаев, Александр Иванович, за неимением гостиницы, снял комнату у некоей немки. У нее и столовался, причем, обедая, как правило, просил ее саму вначале испробовать приготовленную пищу. «Делая по приезду визиты, кому следует, - пишет Фаренникова, - Казарский нигде ничего не ел и не пил, но в одном генеральском доме дочь хозяина поднесла ему чашку кофе... «Посчитав, видимо, неудобным отказать молодой девушке (а на этом, видимо, и строился весь расчет), Казарский выпил кофе. Спустя несколько минут он почувствовал себя очень плохо. Сразу же поняв, в чем дело, он поспешил домой и вызвал врача, у которого попросил противоядия. Мучимый страшными болями, кричал: «Доктор, спасайте, я отравлен!» Однако врач, скорее всего, тоже вовлеченный в заговор, никакого

противоядия не дал, а посадил Казарского в горячую ванну. Из ванны его вынули уже полумертвым. Остальное известно...

Реакцию властей на столь внезапную и подозрительную смерть столичного ревизора Фаренникова описывает следующим образом: «Были доносы (надо понимать - письма друзей А.И. Казарского. - В. Ш.), что Казарского отравили, через полгода прибыла в Николаев следственная комиссия, отрыли труп, вынули внутренности и забрали их в Санкт-Петербург. На этом все и кончилось». Удивляться здесь не приходится. Ведь даже если предположить, что члены комиссии, прибывшие для расследования этой загадочной смерти, не были подкуплены, криминалистика того времени была еще слишком слаба, чтобы устанавливать причину смерти спустя годы... И еще один факт. В это самое время из Николаева на имя императора Николая Первого поступило письмо о неестественной смерти А.И. Казарского, подписанное николаевским купцом первой гильдии Василием Корневым, в котором он также указывал на существование заговора злоумышленников. Военный российский историк В.Н. Малышев в своем труде «Флигель-адъютант его императорского величества капитан 1 ранга Александр Иванович Казарский», вышедшем в Петербурге в 1904 году, пишет по этому поводу: «Донос сей, по произведенному исследованию, оказался не имеющим никакого основания, и государь император по донесению об этом его императорскому величеству высочайше указать соизволил: «Николаевского 1-й гильдии купца Василия Коренева, за упомянутый выше неуместный донос, опубликовать от Сената, с строгим подтверждением удерживаться впредь от подобных действий». Это было исполнено указом Сената от 22-го марта 1834 года». Говоря современным языком, Корневу было приказано держать язык за зубами. Обращает на себя внимание, что Корнев являлся не просто горожанином Николаева и даже не просто купцом, а купцом первой гильдии, то есть наиболее богатым и влиятельным. Навряд ли человек такого положения, обладающий трезвым, расчетливым умом, стал бы писать заведомую напраслину, заранее подвергая себя возможности быть наказанным и лишенным каких-нибудь привилегий. Уж он-то, торговый человек, наверняка немало знал о заговоре флотских казнокрадов, с которыми вращался в одной среде. Возникает справедливый вопрос: почему Николай Первый не настоял на более тщательном расследовании причин смерти своего флигель-адъютанта? Ответить на него непросто. Но вспомним, что отравлен Казарский был в доме генерала, и сразу станет ясно: в том, чтобы замаять «дело Казарского», были заинтересованы самые высокие инстанции, имевшие связи и в столице. При таком положении дел, естественно, весьма несложно было организовать должным образом и подачу материала о смерти Казарского императору. К чести Николая Первого, он предпринял все возможные усилия, чтобы разобраться с таинственной

смертью своего флигель-адъютанта. Расследование дела он поручил шефу корпуса жандармов генералу Бенкендорфу.

8 октября 1833 года Бенкендорф передал императору записку, где значилось следующее: «Дядя Казарского Моцкевич, умирая, оставил ему шкатулку с 70 тысячами рублей, которая при смерти разграблена при большом участии николаевского полицмейстера Автамонова. Назначено следствие, и Казарский неоднократно говорил, что постарается непременно открыть виновных. Автамонов был в связи с женой капитан-командора Михайловой, женщиной распутной и предприимчивого характера; у ней главной приятельницей была некая Роза Ивановна, состоявшая в коротких отношениях с женой одного аптекаря, еврея по национальности. Казарский после обеда у Михайловой, выпивши чашку кофе, почувствовал в себе действие яда и обратился к штаб-лекарю Петрушевскому, который объяснил, что Казарский беспрестанно плевал и оттого образовались на полу черные пятна, которые три раза были смываемы, но остались черными. Когда Казарский умер, то тело его было черно, как уголь, голова и грудь необыкновенным образом раздулись, лицо обвалилось, волосы на голове облезли, глаза лопнули, и ноги по ступни отвалились в гробу. Все это произошло менее чем в двое суток. Назначенное Грейгом следствие ничего не открыло, другое следствие также ничего хорошего не обещает, ибо Автамонов ближайший родственник генерал-адъютанта Лазарева».

Версия Бенкендорфа, совпадая в целом с рассказом Фаренниковой, имеет и ряд различий. Прежде всего, обращает на себя внимание полное игнорирование производимой Казарским ревизии и упоминание каких-то «дядюшкиных денег», о которых Фаренникова, как ближайшая знакомая всего семейства Казарских, безусловно, должна была знать. Но она не упоминает об этом ни слова, зато настойчиво указывает на боязнь ревизии Казарского со стороны николаевских чиновников. В записке упоминается и адмирал Лазарев. Однако он в это время находился с эскадрой в Босфоре и отсюда влиять на ход следствия в Николаеве никак не мог. Какую цель преследовала ссылка на известного адмирала, непонятно. Возможно, что здесь сказалась давняя неприязнь между ним и Грейгом, отчаянная борьба между старой коррумпированной и новой незапятнанной темными махинациями флотскими властями, олицетворением которых в тот момент и были Грейг и Лазарев. Данный факт упоминания имени Лазарева говорит об огромном накале борьбы, перешедшей и на личные отношения между старым и новым командующим. А потому не вызывает удивления, что терпящий поражение по всем фронтам Грейг не упустил случая выставить своего соперника в неприглядном свете перед императором. При этом он не учел доскональное знание императором всего происходящего на флоте.

Автору не удалось найти никаких свидетельств о каких-либо родственных связях Лазарева и Автамонова, скорее всего таковых и не было. Скорее всего, если какое-то родство между Лазаревым и Автамоновым все же и имелось, то это было родство, связанное с крещением детей, что в то время весьма практиковалось. Однако крестничество ни к чему особенному не обязывало.

Но если в отношении Автамонова сведений почти не имеется, то, в то же время, на Черноморском флоте прославился наиболее масштабными и громкими воровскими делами главный флотский шкипер Артамонов, заведующий всем снабжением кораблей и судов, всеми видами имущества. Известно, что у этого Артамонова было еще два брата. Один из них участвовал в декабристском движении, когда же его арестовали, то черноморский Артамонов сразу же подсуетился и прибрал к рукам имение брата. В отношении третьего из братьев Артамоновых никаких сведений нет. Однако возникает предположение: не был ли уже известный нам полицмейстер Николаев Автамонов, на самом деле Артамоновым? Описка в фамилии для того времени дело весьма обычное. Фамилия того же Казарского писалась тогда в одних случаях как Казарский, а в других как Казарский и так далее. Если Автамонов и Артамонов были действительно представителями одной фамилии и братьями, то можно представить, какую власть и какое влияние они сконцентрировали в своих руках! Ведь полицмейстер главного порта Черного моря осуществлял всю полицейско-следственную власть во всех портах Черного моря!

А что же Николай Первый? Как он отреагировал на записку Бенкендорфа? Поверх докладной император наложил размашистую резолюцию: «Поручаю вам (главнокомандующему вооруженными силами России на юге страны Меншикову - В.Ш.) лично, но возлагаю на вашу совесть открыть лично истину, по прибытии в Николаев. Слишком ужасно. Николай».

Из резолюции видно, что император был очень сильно потрясен содержанием записки по обстоятельствам смерти своего флигель-адъютанта и писал свою резолюцию достаточно сумбурно, дважды не слишком к месту употребив слово «лично».

Любопытно и то, что, отказываясь от услуг департамента Бенкендорфа, Николай перепоручил расследование Меншикову. В чем причина, что жандармы были отстранены от «дела Казарского», неизвестно. Только ли в том, что Бенкендорф в своей записке дает недвусмысленно понять, что не верит в результат расследования и не очень-то хочет им заниматься? Снова вопросы, ответа на которые пока нет.

Расследование Меншикова тоже никакой ясности в раскрытие истинных причин смерти бывшего командира брига «Меркурий» не внесло. А прошло еще немного времени, и дело за давностью и недоказанностью было предано забвению. История смерти Казарского служит нам наглядным доказательством того, насколько тяжелой даже для императора-самодержца была борьба с коррупцией в 30-х годах позапрошлого века.

Даже Николай Первый, обладавший почти абсолютной властью, оказался бессильным не только защитить своего собственного адъютанта, но до конца разобраться в его таинственной смерти. На наведение порядка на Черноморском флоте и в черноморских портах у Николая Первого и адмирала Лазарева ушли долгие годы.

Совершенно непонятно, куда делись после смерти Казарского все его бумаги и записи, которые, как у ревизора, у него обязательно должны были иметься. Ни в одном из дошедших до нас документов о них не говорится.

Это весьма странно, потому, что если были основания усомниться в естественной смерти Казарского, то всякое расследование обстоятельств его гибели следовало начинать именно с изучения бумаг, наверняка содержащих много весьма опасной для местной «мафии» информации.

Но о бумагах нигде не сказано, ни слова. Не дает ли это нам право предположить, что после смерти Казарского исчезли и все бывшие при нем бумаги? Кто был заинтересован в их пропаже, думается, тоже ясно.

Вот, пожалуй, и все, что нам известно о смерти бывшего командира легендарного брига «Меркурий» Александра Ивановича Казарского. Идя на верную гибель, он все же вступил в неравное противоборство с всемогущим чиновничьим аппаратом крепостной России, пал, но не отступил в этой борьбе.

Мы знали командира «Меркурия» как отважного воина, теперь узнали, как Патриота и Гражданина своего Отечества в самом высоком смысле этих слов. Всей своей жизнью и даже смертью доказал Александр Иванович правомерность надписи, начертанной на памятнике, поставленном ему на старинном бульваре Севастополя: «Казарскому. Потомству в пример».

Ожесточенная схватка административно-финансовых кругов на Черном море в начале тридцатых годов XIX века предопределило приход к власти на Черноморском флоте плеяды наваринцев, вошедших в историю как отцы-основатели знаменитой «лазаревской школы», предопределившей развитие нашего флота на многие десятилетия. Именно наваринцы Нахимов, Корнилов и Истомин прославят Отечество при Синопе и героической обороне Севастополя, погибнув, но став национальными героями России.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАВАРИНСКОЕ ПЛЕМЯ

А время шло, зимы сменяли весны, а весны зимы. На смену героев 1827-1828 года пришли новые поколения российских моряков, а они, уже старики, жили теперь воспоминаниями о былом, о боях и походах своей молодости.

Последние свои годы доживал под Петербургом в Ориенбурге бывший старший офицер «Гангута» адмирал Анжу. Все знали старого заслуженного моряка, как большого хлебосола. Дом Анжу всегда был полон гостей.

Пётр Фёдорович Анжу

Особенно ж многолюдно бывало там, в годовщину Наваринской баталии 20-го октября, в день, давно ставшим для целого поколения русских моряков таким же памятным днем, как для пушкинских лицеистов день основания лицея. Собирались тогда в большой зале подле камина друзья и соратники по боевой молодости: Михаил Лазарев, и Петр Врангель, Александр Авинов и не было тогда конца воспоминаниям и рассказам. Жарко трещали в камине смолистые березовые паленья, а они вспоминали, вспоминали, вспоминали... Судьбы людей порой столь причудливо переплетены между собой, что невольно возникает вопрос, что может в этом таинственном переплетении есть некий божий промысел...

Наварин и Севастопольская эпопея... Всего лишь двадцать семь лет отделяют эти два события. Но как все переменялось в мире, и вчерашние союзники внезапно стали самыми непримиримыми врагами! Могли ли русские, английские и французские морячки представить себе в канун Наварина, что станут когда-то сражаться друг с другом!

А потому, может быть совсем не случайно именно в самой преддверии Крымской войны одновременно ушли из них сразу трое из тех, кто стоял у истоков Наваринской победы! Это может показаться почти невероятным, но в российском журнале "Морской сборник", номер пятый за 1851 год, были помещены сразу три некролога. Первый извещал, что в Вене после тяжелой болезни скончался главный командир Черноморского флота Михаил Петрович Лазарев, второй, что в Лондоне на восемьдесят первом году не стало адмирала сэра Эдварда Кодрингтона, а третий, что в Париже ушел из жизни бывший храбрый командир "Бреславля" Ла-Бретоньер...

Как знать, может в той одновременной смерти, была какая-то высшая справедливость, чтобы рыцари Наварина, так и не узнали о крушении своего братства!

К чести Кодрингтона, он до последней минуты своей жизни оставался настоящим другом России. Британский историк так сказал об этом

выдающемся флотоводце: «Как воин он (Кодрингтон – В.Ш.) оставил по себе блестящий пример для службы, которую любил безусловно и в которой считал совершенною обязанностью выставлять заслуги своих подчиненных. Открытый и благородный характер его никогда не выражал скрытости и, хотя откровенность его часто была неблагоприятна для его личных выгод, но, не смотря на то, прямой и твердый характер его всегда будут глубоко уважаемы всеми».

Что касается Логина Петровича Гейдена, то вопреки ожиданиям, он так и не стал старшим флагманом Балтийского флота, хотя по своим заслугам и опыту вполне этого заслуживал. По возвращении в Россию, Гейден был назначен лишь командиром 1-й флотской дивизии. Два последующих года он вообще не выходил в море. Лишь в 1832 году Николай Первый наградил вице-адмирала «за труды по командованию Средиземноморской эскадрой» Владимиром 2-й степени. На следующий год Гейден вывел все же свою дивизию в море. Но это была его последняя морская кампания. Сразу по возвращении в Кронштадт Гейден был произведен в полные адмиралы, а затем назначен Ревельским военным губернатором. В 1838 году он был повышен в должности до Главного командира Ревельского порта. К чести Гейдена, он вполне довольствовался полученным, и к большему никогда не стремился.

- Все бrenно в этом мире! - говорил он неизменно тем, кто пытался говорить с ним на эту весьма щекотливую тему. – И я лишь делаю свое дело там, где это необходимо России!

Из воспоминаний современника о Логине Петровиче Гейдене: «Прямота в действиях и словах составляли основу характера графа. Откровенный и доверчивый, обходительный и любезный, добрый и непринужденный в общении с равными и низшими, он умел снискать общее уважение и расположение. И если слишком прямодушный, слишком откровенный нрав его мог иногда, в людских понятиях вредить мнению о графе, то не уважать его не мог решительно никто, даже люди, к нему не благоволившие».

Историки считают, что, скорее всего, именно эти человеческие качества. Помноженные на большой морской опыт позволили Гейдену успешно выполнить сложнейшие задачи в Средиземном море. Но именно они, вероятно, помешали ему стать крупным военно-морским деятелем.

Последние шестнадцать лет своей жизни Гейден почти безвыездно провел в столь любимом им Ревеле. Ушел из жизни всеми уважаемый и любимый герой Наварина 5 октября 1850 года накануне 33-й годовщины своей победы. Отпевали старого моряка в Вышгородской лютеранской церкви, а положили в землю на местном Цигель-Копельском кладбище.

Значительный след в отечественной истории оставил героический командир «Азова» и бессменный начальник штаба Средиземноморской эскадры Михаил Петрович Лазарев.

После возвращения на Балтику, он некоторое время командует корабельным соединением. Затем Лазарев принял активное участие в работе Комитета образования флота по выработке новых штатов вооружения и запасов военных судов, а также по созданию нового положения об управлении Черноморским флотом. При этом работа в Комитете не снимала с адмирала командования отдельным отрядом судов, с которым он совершал плавания в Балтийском море и Ботаническом заливе.

17 февраля 1832 года контр-адмирал Лазарев назначается начальником штаба Черноморского флота. Его деятельность в этой должности началась с командования объединенной эскадрой Черного моря, в ходе которой он проявил незаурядные качества дипломата при оказании помощи турецкому султану в борьбе с восставшим против Порты египетским пашой Мухаммедом Али. Последний, разгромив главные силы турецкой армии, приближался к Стамбулу и был остановлен благодаря высадке с Лазаревской эскадры в Скутари русского десантного корпуса. Фактически Черноморский флот под командованием М.П. Лазарев с десантным корпусом Н.Н. Муравьева явились в 1833 году спасителями грозившей рухнуть Оттоманской империи. Адмирал принял участие и в подготовке заключенного тогда же Ункяр-Искелесийского договора, согласно которому Турция предоставила России право свободного прохода проливов, запретив кораблям всех других стран входить в Черное море.

2 апреля 1833 года Лазарев производится в вице-адмиралы, через 3 месяца становится генерал-адъютантом, а еще через месяц Высочайшим указом назначается «исправляющим должность» главного командира Черноморского флота и портов, Николаевского и Севастопольского губернатора. В том же году Лазарев награждается орденом Святого Владимира 2-й степени, а 31 декабря 1834 года утверждается в занимаемых им должностях. Взлет карьеры адмирала стремителен!

Из высказываний Истомина: «Для всех носивших морской мундир, Лазарев казался божеством».

Из высказываний Нахимова: «За год пребывания Лазарева в Черноморском флоте команды кораблей научились выполнять сложные операции с парусами менее, чем за 3 минуты вместе прежних 17-ти минут. Матрос есть главный двигатель на корабле, а мы только пружины, которые на него действуют, - говорил он».

Интересно, почему наши историки всегда с завидным упорством приписывают последнюю фразу Нахимову, в то время как он сам указал ее истинного автора?

Дальнейшая эпоха в истории Черноморского флота, включая Севастопольскую оборону 1854-1855 годов, по справедливости называется Лазаревской.

Неутомимый работник, настойчивый в достижении цели, преданный морскому делу, Лазарев и в своих офицерах умел вызвать те же чувства и стремления. Сам в душе спортсмен, прекрасно управлявшийся под парусами, он обратил внимание на развитие в личном составе здорового духа

соревнования в работе, учениях и в особенности управлении судами. Пользуясь каждым выходом флота в море на эволюции, Лазарев обыкновенно заканчивал их гонкой судов, невзирая на ранги. Эта система постоянных состязаний во многом способствовала развитию любви и гордости за свой корабль.

Черноморский флот в 30-40-е годы нес крейсерскую службу у берегов Кавказа, срывал контрабандные перевозки англичан и турок для горцев, перебрасывал свои войска, доставлял им различные грузы, поддерживал огнем корабельной артиллерии, высаживал морские десанты.

Постепенное занятие Кавказской береговой линии дало Черноморскому флоту богатый опыт в производстве совместных действий с армией. В экспедициях по занятию береговых пунктов Кавказа, руководимых лично командующим, проверялась боевая готовность флота, посадка войск на суда, организация высадки, результатом чего и явился план десантной операции Лазарева на Босфор в декабре 1852 года, уже после смерти адмирала принятый Николаем Первым за основу плана военных действий против Турции. Насколько подготовленным к десантным операциям был в то время Черноморский флот, наглядно показала перевозка 13-й пехотной дивизии осенью 1853 года. Доживи Лазарев до Крымской войны, он обязательно настоял бы на Босфорской операции. Авторитета бы и настойчивости у него хватило. Вне сомнений, что этим он смог бы изменить весь ход войны и спасти Севастополь и изменить весь ход Крымской войны.

10 октября 1843 года Лазарев за отличие был произведен в полные адмиралы. Он был награжден всеми существовавшими орденами Российской империи, в том числе и высшей степенью отличия - орденом Святого Андрея Первозванного.

В период командования Лазаревым Черноморский флот, как в технике судостроения, так и в организации службы шел впереди Балтийского, лишенного единой власти. Все штаты, положения, судовые расписания, всякое новое слово в подготовке и обучении флота шло из Севастополя.

За 18 лет, в течение которых Лазарев командовал Черноморским флотом, было построено 16 линейных кораблей и свыше 150 других судов, в том числе первые пароходо-фрегаты и корабли с железным корпусом, часть судов вооружена бомбическими орудиями. В Севастополе в возведенных мощных фортах он установил береговые батареи, доки и мастерские, учредил адмиралтейство, построил казармы для флотских экипажей, Морскую библиотеку. Именно при нем Севастополь стал настоящим городом, поражающим современников своей красотой.

Адмирал был избран почетным членом Русского Географического общества, Морского ученого комитета и Казанского университета, а также членом Одесского общества истории и древностей. Одни ценили его за флотоводческий талант, другие - за административный, третьи - за ученый...

Адмирал Шестаков в своих воспоминаниях так описывает "секрет" Лазарева: «...Помимо собственной его личности, вызывающей невольное уважение,

состоял главнейше в оправданной опытом аксиоме: окружил человека порядочностью - и он станет порядочным человеком».

Уже, будучи командующим флотом, Лазарев женился на Екатерине Фандерфлит - молоденькой дочери своего бывшего сослуживца, капитана 2 ранга в отставке Тимофея Ефремовича Фандерфлита, и двоюродной сестре Владимира Корнилова. Несмотря на весьма значительную разницу в возрасте супругов, их брак оказался счастливым. У Лазаревых было два сына (оба умерли в детстве) и три дочери.

Став адмиралом, Лазарев не редко позволяя в отношении даже самого Николая Первого поступки, за которые иные давно бы поплатились карьерой и эполетами. Иногда его грубость с императором носила порой даже вызывающий характер. Вот лишь несколько примеров.

Из воспоминаний Н.И. Лорера: «В последнюю свою поездку в Петербург, накануне возвращения в Николаев, адмирал Лазарев откланялся государю Николаю Павловичу. После милостивого приема, желая показать особое расположение, государь сказал: «Останься у меня обедать». «Не могу, государь, - отвечал Михаил Петрович, - я дал слово обедать у адмирала Г.И (который, кстати сказать, был не в милости в ту пору при дворе и, вынудив свой толстый хронометр, он взглянул на часы: «Опоздал, государь!» – с этими словами он поцеловал императора и вышел из кабинета. В это время взошел князь А.Ф. Орлов, чрезвычайно уважавший адмирала. «Наш Лазарев - единственный человек в империи, который не желает обедать со мной! - сказал ему Николай, глядя вслед вышедшему адмиралу, - что ж, придется обедать в одиночестве!»»

Алексей Фёдорович Орлов

Николай прощал Лазареву все странности его характера, оберегая для больших дел.

Черноморский флот времен Лазарева был, по существу, единственным «островом свободы» в николаевской России. Там, напрочь, отсутствовала муштра, парадность и шагистика. Там морские офицеры, вопреки всем существовавшим уставам, расстегивали мундиры, выпуская поверх их

белоснежные воротники рубах, прозванных «лиселями». Так обожал ходить их кумир Лазарев. Так ходили и они. И что же Николай - ярый поборник муштры и порядка? Да за одни «лиселя» он, не задумываясь, снял бы десяток генералов! Но, приезжая на Черноморский флот и видя все там происходящее, он молчит. Когда же императора уж слишком донимали доносители, он просто отмахивался от них:

- Оставьте Лазарева в покое! Он знает, что делает!

Лучшей характеристикой данной адмиралу, можно считать публикацию его биографа А. Хрипкова в журнале «Русский архив» за 1877 год: «Главной чертой его характера была резкая самостоятельность. Его рыцарская, без страха и упрека душа стояла так крепко за правду, что не существовало, буквально сказать, никакой власти на земле, которая могла бы поколебать его убеждения и заставить отказаться от цели, им раз для себя определенной. Эти-то душевные качества, любовь к службе и высокое понятие, о ее значении доставили Лазареву исключительное доверие всех подчиненных...»

С 1849 года Лазарев начал буквально заживо съедать рак желудка. К концу 1850 года стало ясно, что жить адмиралу остались считанные недели. В начале 1851 года по настоянию императора Николая Первого, пытавшегося хоть что-то предпринять для адмирала, он был отправлен на лечение в Вену.

Сам Лазарев прекрасно понимал, что дни его уже сочтены. Но присутствие духа, однако, не терял, позволяя себе даже шутить над собственной скорой кончиной. Так, когда перед отъездом на лечение ему выдали пенсию на год вперед, Лазарев брать ее отказался.

- Отсчитайте на несколько месяцев, более мне уже не понадобится, так зачем же разорять государство!

После жесточайших шестимесячных страданий, которые Лазарев переносил с завидным мужеством, не выказывая их даже близким, адмирал скончался в столице Австрии 11 апреля 1851 года.

И вот в рядах отечественной рати

Опять не стало смелого бойца.

И вновь вздохнули в горестной утрате

Все честные, все русские сердца...

Праха адмирала, привезенный в Россию 7 мая 1851 года, был предан земле в склепе севастопольского Владимирского собора.

После похорон соратники и друзья Лазарева, собравшись в Морской библиотеке, решили провести подписку на сооружение памятника уважаемому командиру. Организовать подписку поручили контр-адмиралу Корнилову. Он обратился ко всем офицерам Черноморского флота со словами: «С благоговением пишу порученное мне воззвание. Потомство оценит благотворную мысль увековечить память знаменитого адмирала...»

А уже 9 сентября 1867 года в Севастополе перед зданием Лазаревских казарм был торжественно установлен памятник адмиралу. К сожалению, до наших дней не сохранившийся. Представление о нем дают теперь лишь

изображения на гравюрах, старинных открытках. Лазарев стоял без фуражки, со зрительной трубой под левой рукой, устремив взор вдаль, у ног вделан в гранит бронзовый щит фамильного герба. Немного ниже высечена и лаконичная надпись: «Адмиралу генерал-адъютанту Михаилу Петровичу Лазареву. Лета 1867».

В тот же день и час, когда открывали памятник прославленному адмиралу в Севастополе, в Петербурге с эллинга судостроительного завода был спущен в Неву броненосный фрегат «Адмирал Лазарев».

...В день столетия со дня кончины Лазарева, в 1951 году, расположенная напротив Крестовского острова Колтовская набережная в Ленинграде была переименована в набережную адмирала Лазарева, а мост, связывающий остров с городом, - в мост его имени. На Кавказском побережье в населенном пункте Лазаревская ему воздвигнут памятник. Ныне он разрушен кавказскими сепаратистами.

В Севастополе именем Лазарева были названы адмиралтейство, казармы на Корабельной стороне, площадь и улица.

На карте мира имя русского адмирала носят острова в Тихом океане, научная станция, берег, горы, залив, море в Антарктиде, мыс в Охотском море и у Алеутских островов, остров в Аральском море, пик и риф в Тихом океане, шельфовый ледник в Антарктиде. А на том же Тихом океане несет службу тяжелый атомный ракетный крейсер «Адмирал Лазарев».

Петр Иванович Рикорд, после ухода основных сил нашей эскадры на Балтику, остался с отрядом кораблей у берегов Греции. В течение трех лет «терпением, кротостью и благоразумием он примирял враждующие партии, смягчал и охлаждал запальчивые порывы своих союзников (англичан и французов), - проявив, как пишет его биограф Н. Греч, - все качества храброго воина и дальновидного дипломата... среди безначалия, возмущения и убийств...» Именно Рикорду удалось погасить начавшуюся в Греции гражданскую войну и усмирить мятежников. Благодарные греки предложили Рикорду пост президента Греции, но Петр Иванович отказался:

- Ваше высокое доверие для меня большая честь! – сказал он в ответ. - Но я уже имею самый высокий чин – я русский адмирал!

После возвращения на Балтику Рикорд командовал флотской дивизией, сменив на этом посту своего бывшего начальника Гейдена, потом был членом Адмиралтейств-совета, возглавлял комитет по постройке пароходов для Балтийского флота и ученый комитет. На склоне жизни в 1854 году возрасте 77 лет он возглавил Балтийский флот и был готов дать достойный отпор англо-французской эскадре в случае ее нападения на Кронштадт. Эта деятельность окончательно подорвало здоровье старого адмирала и в следующем году Петра Ивановича Рикорда не стало.

Навечно вписаны в историю Отечества имена знаменитых наваринцев – Нахимова, Корнилова и Истомина.

Назначению на Черное море, где им предстояло вписать свои имена в скрижали славы, все трое всецело были обязаны своему учителю и наставнику Лазареву. Новый командующий флотом собирал под свою длань верных учеников.

Павел Степанович Нахимов к этому времени был уже капитаном 2 ранга и командиром новейшего фрегата «Паллада». Владимир Алексеевич Корнилов имел к тому времени чин капитан-лейтенанта, два ордена, репутацию блестящего боевого офицера и эрудита. Лейтенант Владимир Иванович Истомин, приобретя опыт крейсерских операций, также имел самые лестные отзывы.

Так в 1834 году на Черном море собрались воедино все те, кому двадцать лет спустя, придется обессмертить здесь свои имена, пасть, но не отступить перед врагом.

Прибыв в Николаев, Нахимов получает многообещающее назначение командиром на строящийся линейный корабль «Силистрия». И сразу же, как всегда, энергично принимается за работу. Одному из своих друзей он пишет в это время: «В Кронштадте я плакал от безделья, боюсь, чтоб не заплакать здесь от дела». Командуя «Силистрией», Нахимов участвует в высадках десанта против кавказских горцев при Туапсе и Псезуапе. В ходе этих операций на «Силистрии» неизменно держал свой флаг адмирал Лазарев. Там же был и начальник штаба эскадры только что произведенный в капитаны 2 ранга Корнилов. Рядом с флагманским кораблем неотлучно следовала посыльная шхуна «Ласточка» под началом капитан-лейтенанта Истомина... Снова учитель настойчиво передавал знания и опыт своим ученикам, словно предчувствуя, какие страшные испытания выпадут на их долю...

И опять, как несколько лет назад на Балтике, поведение Нахимова рождает целые легенды. Во время одного из выходов в море на «Силистрию» наваливается неудачно маневрировавший корабль «Адрианополь». Тут же командир «Силистрии» бросается в самое опасное место, туда, где разлетается в щепу борт, и рвутся снасти. Когда же недоумевающие офицеры корабля спрашивают своего командира, зачем он подвергал свою жизнь опасности, то Нахимов невозмутимо отвечает: «В мирное время такие случаи редки и командир должен ими пользоваться. Команда должна видеть присутствие духа в своем командире, ведь, может быть, мне придется идти с ней в сражение!

И здесь Нахимов идет своим, только ему присущим путем, и здесь он живет одним - подготовкой к возможной войне!

В 1845 году Нахимов получает контр-адмиральские эполеты. Однако в жизни его ничего не меняется, все отдается только службе.

Никогда не имя своей семьи Нахимов считал своей семьей матросов. А потому, зачастую все свои деньги отдавал им, их женам и детям. Зная

доброту и отзывчивость адмирала, к нему шли все от молодых офицеров до старух вдов, и Нахимов старался помочь каждому.

В 40-е годы Нахимов очень сближается с Корниловым. Нахимов командует «Силистрией», Корнилов «Двенадцатью Апостолами». Всякий раз, бывая в Николаеве, Нахимов неизменно останавливается в семье Корнилова, занимаясь и играя с его детьми. Корнилов же, будучи в Севастополе, всегдашний гость Нахимова. Сопратники по наваринской эпопее, они постепенно становятся не только друзьями, но и единомышленниками в деле развития Черноморского флота.

Из воспоминаний современников о Нахимове: «...Доброе, пылкое сердце, светлый пытливый ум; необыкновенная скромность в заявлении своих заслуг. Он умел говорить с матросами по душе, называя каждого из них, при объяснении, друг, и был действительно для них другом. Преданность и любовь к нему матросов не знали границ».

Может, именно за эту простоту и любовь к простым матросам его недолюбливало столичное начальство, называя, порой за глаза то боцманским, а то и матросским адмиралом.

В 1851 году умирает Лазарев. Тело умершего в далекой Вене адмирала в Севастополь привозит младший из его наваринских учеников - Истомин. Командование Черноморским флотом переходит к престарелому адмиралу Берху, который тут же устраняется от всех дел, передав фактическое руководство всем в руки начальника штаба флота контр-адмирала Корнилова. Нахимов в это время командует флотской дивизией. Теперь именно они: Корнилов и Нахимов остаются в ответе за Черноморский флот, теперь именно по ним равняются все остальные, теперь им предстоит продолжить эстафету черноморской доблести и славы.

...Стояла уже глубокая осень 1853 года. Непрерывно штормило. Нахимов по-прежнему упорно искал турок. Упорство и терпение его было, в конце концов, вознаграждено. Турецкий флот под командой Осман-паши был обнаружен в Синопской бухте. Немедленно блокировав бухту, Нахимов, несмотря на недостаток сил, готовится к сражению. По его просьбе к Синопу подходит эскадра контр-адмирала Новосильского. Теперь можно и атаковать! Приказ Нахимова на бой заканчивался словами: «...Государь император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать ожидания».

Утром 30 ноября флагман вице-адмирала Нахимова «Императрица Мария» берет курс в Синопскую бухту, ведя за собой колонну боевых кораблей. Вторую колонну ведет младший флагман Новосильский. Его флаг на линейном корабле «Париж», которым командует капитан 1 ранга Владимир Истомин.

Из воспоминаний участника боя лейтенанта А. Сатина: «... Было 12 часов 20 минут. Но вот на турецком адмиральском фрегате показался клуб дыму,

раздался первый выстрел, и не успело ядро просвистать, как неприятельская эскадра опоясалась белой пеленой, и ураган ядер проревел над нами. За первым залпом последовал всеобщий батальный огонь. Турки, кажется, этого не ожидали. Они воображали, что, бросив якоря, мы пошлем людей по реям убирать паруса, а потому орудия их были наведены по мачтам, и первый залп не причинил нам почти никакого вреда. Потом под нашим огнем и при густом дыме им было трудно взять верный прицел... Что было первые пять, десять минут, сказать трудно. Мы стреляли, по нас стреляли. Не только в батареях, но даже с палуб ничего в дыму не было видно... Гром выстрелов, рев ядер, откат орудий, шум людей, стоны раненых - все слилось в один общий адский гвалт. Бой был в разгаре...»

Сам командующий находился неотлучно на шканцах «Марии», там, где чаще всего падали ядра. Из рассказа матроса «Императрицы Марии» Антона Майстренко: «А Нахимов! - вот смелый, ходит по юту, да как свистнет ядро, только рукой, значит, поворотит: туда тебе и дорога! Другой бы ходил по юту? нет, я вам скажу...»

Русские корабли обрушили на турок всю мощь своего огня. Грохот шестисот пушек потряс Синопскую бухту. Все заволочло дымом. Гром выстрелов, рев ядер, стоны раненых - все слилось в один адский грохот. Нахимов сосредоточил весь свой огонь на турецком флагмане, понимая, что сейчас самое главное лишить турок руководства.

Из воспоминаний очевидца: «...Картина была восхитительная. Посредине рейда, как громадные кресты над могилами, торчали мачты потопленного фрегата с реями поперек. На отмели горел турецкий пароход. Город пылал в нескольких местах... Русские корабли в дыму, как в облаках, извергали смерть и огонь. Турки не могли более бороться, они начали садиться на гребные суда, спасаясь на берег; другие, расклепывая цепи, бросались на отмели и оттуда спасались вплавь. В 4-м часу все было кончено; только два фрегата, свалившись с мели... продолжали бой, наконец, и их турки начали оставлять, лишь несколько фанатиков отстреливались из трех орудий... Федор Михайлович Новосильский рассердился. «Париж» дал залп и Синопский бой отошел в историю».

Из воспоминаний Корнилова: «Мы могли наблюдать, как турецкие фрегаты один за другим взлетали на воздух. Ужасно было видеть, как находившиеся на них люди металась на горевших палубах, не решаясь, вероятно, кинуться в воду. Некоторые же сидели неподвижно, ожидая смерти с покорностью фатализма. Подойдя к нашему флагману «Марии», мы переправились на сей корабль. Нахимов был великолепен: фуражка на затылке, лицо обагрено кровью, от крови были красны даже его эполеты; матросы и офицеры - все черны от порохового дыма. Оказалось, что на «Марии» было больше всего убитых и раненых, так как Нахимов шел головным в эскадре и с самого начала боя встал ближе всех к турецким бортам».

Над Синопской бухтой развивались русские флаги. В итоге Синопского сражения турки потеряли пятнадцать судов из шестнадцати. Потери

неприятеля превышали три тысячи. Русская эскадра потеряла убитыми 37 человек...

Едва смолкли последние залпы, как на пароходе «Одесса» прибыл на Синопский рейд вице-адмирал Корнилов. Подойдя на пароходе к «Марии», Корнилов поднялся на борт линейного корабля.

- Поздравляю вас, Павел Степанович, с победой! - обнял он друга. - Вы оказали большую услугу России и прославили свое имя в Европе!

- Нет-с, - покачал головой скромный Нахимов. - Это все дело рук Михаил Петровича Лазарева!

Известие о Синопской победе вызвало бурю восторга по всей России. Вице-адмирал Нахимов был награжден Георгиевским крестом II степени, младшему флагману Новосильскому было присвоено звание вице-адмирала, а командир героического «Парижа» Истомина стал контр-адмиралом. Получили награды и другие участники сражения.

Фёдор Михайлович Новосильский

А затем в Черное море вошел огромный паровой англо-французский флот. Началась героическая оборона Севастополя. Экипажи затопленных кораблей с пушками и абордажным оружием были сразу направлены на создаваемые бастионы. Там неотлучно находились и Корнилов с Нахимовым. Они же назначили своего младшего товарища контр-адмирала Истомина командиром важнейшей оборонительной позиции города - Малахова кургана.

Душой обороны Севастополя стал Корнилов. Его, как и Нахимова, видели всюду. Скромный Нахимов, не раздумывая, признал старшинство своего младшего товарища и помогал ему во всем, не зная ни сна, ни отдыха.

В чем же главная заслуга вице-адмирала Корнилова? Да, прежде всего в том, что именно он вдохнул веру в защитников брошенного на произвол судьбы города, именно он сумел задать столь высокий дух патриотизма и мужества, что его с лихвой хватило до конца обороны. Сошедшие по его приказу на берег моряки, привнесли на бастионы то особое отношение к выполнению

своего долга, каким во все времена славился наш флот. Бастион воспринимался ими не иначе, как корабль, ведь командовали там их же командиры кораблей, а служба правилась согласно, морского устава по боцманским свисткам. А потому дрались моряки за бастионы, как за свои корабли, на которых ни при каких обстоятельствах нельзя спускать Андреевского стяга. Впоследствии с каждым днем обороны количество матросов на бастионах из-за больших потерь уменьшалось, но их боевой дух и морские традиции оставались неизменными.

В. А. Корнилов в 1852 г.

В. А. Корнилов в 1852 году.

Подойдя к городу, союзники начали окапываться и устанавливать осадные батареи. И вот грянуло 5 октября - день первой генеральной бомбардировки Севастополя. Едва началась пальба Корнилов и Нахимов были уже на линии огня. Обезжая под выстрелами линию обороны, они встретились на Пятом бастионе. Затем Корнилов поспешил на Малахов курган. Мог ли кто тогда знать, что адмиралы видятся последний раз?

Буквально через час, только что прибывший на курган Корнилов будет смертельно ранен ядром в пах. Упав наземь, он успеет еще прошептать, подбежавшим к нему офицерами:

- Отстаивайте же Севастополь!

Буквально на следующий день матросы выложили из ядер на месте гибели адмирала памятный крест. Позднее же здесь будет поставлен памятник: умирающий Корнилов, показывающий рукой на раскинувшийся у подножья кургана город, а ниже его слова, обращенные потомкам: «Отстаивайте же Севастополь!» А сам Малахов курган матросы станут теперь называть не иначе, как Корниловским бастионом.

«... Будем держаться до последнего. Отступать нам некуда - сзади нас море. Всем начальникам я запрещаю бить отбой; барабанщики должны забыть этот бой. Если кто из начальников прикажет бить отбой, заколите такого начальника, заколите барабанщика, который осмелится ударить позорный бой. Товарищи, если бы я приказал ударить отбой, не слушайте, и тот подлец

будет из вас, кто не убьет меня...» Из обращения В.А. Корнилова к гарнизону Севастополя.

Павел Степанович Нахимов

Из рассказов капитан-лейтенанта Асланбекова: «Нахимов, узнав о гибели Корнилова, поехал проститься с ним и, войдя в зал, где лежало его тело, стал целовать мертвого Корнилова и горько плакать».

По распоряжению Нахимова останки Корнилова погребли во Владимирском соборе подле могилы Лазарева. Глядя, как опускают гроб, Нахимов сказал: - Здесь хватит места еще на одного. Этим третьим буду я!

Как отмечают современники, вице-адмирал не желал пережить обороны Севастополя, твердо решив погибнуть здесь, но не отступить...

Теперь их, тех, кто с самого начала вдохновлял немногочисленный гарнизон, тех в кого истово верили защитники черноморской твердыни, осталось всего лишь двое: Нахимов и Истомина.

2 марта 1855 года Нахимов бывший до сих пор официально лишь помощником начальника гарнизона, наконец-то стал командиром Севастопольского порта и военным губернатором города. Меж тем каждый день обстрелов уносил все новые и новые жизни.

7 марта защитников города постиг тяжелый удар, погиб от попадания ядра в голову бессменный комендант Малахова Кургана контр-адмирал Владимир Иванович Истомин. Нахимов тяжело переживает смерть еще одного своего верного соратника. В письме к его брату Константину он пишет: «Общий наш друг Владимир Истомин убит неприятельским ядром; Вы знали наши дружеские с ним отношения, и потому я не стану говорить о своих чувствах, о своей глубокой скорби при вести о его смерти. Спешу Вам только передать об общем участии, которое возбудила во всех потеря товарища и начальника, всеми любимого. Оборона Севастополя потеряла в нем одного из своих

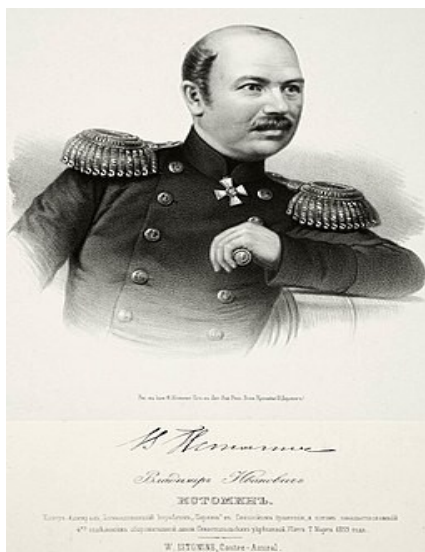
главных деятелей, воодушевленного постоянно благородною энергиею и геройской решимостью... Даже враги наши удивляются грозным корниловским бастионам. Посылаю Вам кусок георгиевской ленты, бывшей на шее у покойного в день его смерти, сам же крест разбит вдребезги.

По единодушному желанию всех нас, бывших его сослуживцев, мы погребли тело его в почетной и священной могиле для черноморских моряков в том склепе, где лежит прах незабвенного адмирала Михаила Петровича и первая, вместе высокая жертва защиты Севастополя - покойный Владимир Алексеевич. Я берег это место для себя, но решил уступить ему...»

Теперь из трех наваринцев, стоявших у истоков Севастопольской обороны, Нахимов остался один. Ежедневно он направляется на самый страшный Четвертый бастион и обреченные почти на неизбежную гибель тамошние матросы и солдаты сияли, когда видели своего любимца.

27 марта 1855 года Нахимов был произведен в полные адмиралы. В своем приказе по Севастопольскому порту он пишет: «Матросы! Мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота? Я с юных лет был постоянным свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию. Мы сдружились давно, я горжусь вами с детства...»

Из воспоминаний пехотного офицера: «На пятом бастионе мы нашли Павла Степановича Нахимова, который распоряжался на батареях, как на корабле, и ядра свистели около, обдавая нас землей и кровью убитых».

Владимир Иванович Истомин

Из воспоминаний артиллерийского офицера: «Каждый из защитников после жаркого дела осведомлялся, прежде всего: жив ли Нахимов, и многие из нижних чинов не забывали своего отца-начальника даже и в предсмертных муках. Так, во время одного из штурмов, рядовой полка графа Дибича-Забалканского лежал на земле близ Малахова кургана. «Ваше благородие! А, ваше благородие!» - кричал он офицеру, скакавшему в город. Офицер не остановился. «Постойте, ваше благородие!» - кричал тот же раненый в предсмертных муках: - «Я не помощи хочу просить, а важное дело есть!»

Тогда офицер возвратился к раненому. «Скажите, ваше благородие, адмирал Нахимов не убит?» «Нет», - отвечал офицер. «Ну, слава Богу! Я могу теперь умереть спокойно... " Это были последние слова умирающего».

В отчаянной рукопашной схватке за Камчатский люнет Нахимов был сильно контужен, но, зная, какое гнетущее впечатление произведет это известие на подчиненных, скрыл свою контузию. Жить Нахимову оставалось совсем немного. Смерть, которой он каждодневно бросал вызов за вызовом, уже стояла за его спиной...

И вот он наступил роковой день 28 июня 1855 года. Утром Нахимов с адъютантами верхом отправился осматривать бастионы. Давая указания, он доехал до Малахова кургана. Поговорив с матросами, взял подзорную трубу и поднялся на банкет. Его высокая фигура в адмиральских эполетах была прекрасной мишенью для стрелков неприятеля. Бывшие рядом офицеры попросили его побережся. Нахимов им не ответил, продолжая молча рассматривать в трубу позиции неприятеля. Рядом с ним просвистела пуля.

- Они сегодня довольно метко стреляют! - заметил Нахимов.

В этот момент грянул новый выстрел, и адмирал без единого стога упал на землю. Штуцерная пуля ударила прямо в голову, пробила череп и вышла у затылка. В сознание Нахимов уже не приходил. Его перенесли на квартиру. Прошел день, ночь, снова наступил день. Нахимов лишь изредка открывал глаза, смотрел неподвижно и молчал. Утром 30 июня его не стало. Вокруг дома в молчании стояла толпа моряков и горожан. Вдали грохотали пушки.

Адмирала погребли там, где он и желал, в ногах у своих боевых товарищей: Лазарева, Корнилова и Истомина. Гроб с его телом был покрыт прострелянным и изорванным флагом «Императрицы Марии», под которым он вел эскадру в день Синопа...

Смерть Нахимова потрясла всю Россию. Лишенный своего вождя Севастополь будет держаться еще несколько месяцев, а затем его защитники перейдут на Северную сторону бухты, куда союзники сунутся уже не решаясь.

Прошло почти сто лет, и в 1944 году были учреждены орден и медаль Нахимова. В статуте ордена Нахимова было записано: «Орденом Нахимова награждаются офицеры военно-морского флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских операций, в результате которых была отражена наступательная операция противника или обеспечены активные операции флота, нанесен противнику значительный урон и сохранены свои основные силы». Ныне памятники наваринцам-героям обороны Севастополя стоят в Севастополе, но по всей России.

Вместе с Нахимовым отважно сражался при Синопе бывший старший офицер брига «Меркурий» контр-адмирал Федор Михайлович Новосильский. Наградой за победу ему был Георгий 3-й степени. Впоследствии Новосильский с первого до последнего дня Севастопольской обороны

командовал обороной 2-м отделением оборонительной линии, то есть сразу нескольких бастионов. Только потому, что Новосильский остался жив, его имя нам сегодня менее известно, чем имена Нахимова, Корнилова и Истомина. Впоследствии Новосильский был главным командиром порта и военным губернатором Севастополя, Николаева и Кронштадта, являлся генерал-аудитором Морского министерства, стал полным адмиралом и сенатором. Умер герой «Меркурия», Синопа и Севастополя, в «маститой старости» в 1892 году. В тот год морские просторы уже всю утюжили броненосцы, которым суждено было пройти Цусиму и дожить до революции и Гражданской войны.

Отважно сражался при защите Севастополя и бывший мичман с «Наварина» Александр Панфилов. Командуя отрядом черноморских пароходо-фрегатов, он совершал дерзкие рейды против англо-французского флота, огнем орудий поддерживал сражающиеся бастионы. Именно ему выпала горькая участь затапливать последние корабли Черноморского флота в конце обороны «Священного города». В 1866 году Панфилов был произведен в полные адмиралы.

Вице-адмирал Е. В. Путятин

Героической обороной Петропавловска-на-Камчатке против англо-французской эскадры в 1854 году обессмертил себя бывший мичман с «Александра Невского и трофейного брига «Наварин» Василий Завойко, к концу жизни ставший полным адмиралом.

Весьма заметный след оставил в отечественной истории и бывший мичман с "Азова" Евфимий Васильевич Путятин. Служа в дальнейшем на Черноморском флоте, Путятин примет участие во всех значительных десантах на кавказское побережье, примет командование у Нахимова его любимой «Силлистей», возглавит зачистку Каспия от туркменских пиратов. Имя Путятин будет увековечено писателем Гончаровым в знаменитом романе «Фрегат «Паллада». Именно он впервые установит дипломатические отношения с Японией, возглавит переговоры с Китаем и заключит Тзань-

Тзинский мирный договор, определивший границы между нашими странами по Амуру и дававший нам право торговли в китайских портах. Свою службу России Путятин закончит на посту министра просвещения в самое переломное и тяжелое время государственных реформ в 1861 году. Впоследствии либералы будут винить Путятина в отсутствии «демократичности». Да, возможно, адмирал был чужд прозападных либеральных идей, зато он был истинным патриотом своего Отечества, прекрасно понимавшим, в какую бездну может провалиться Россия, в случае победы революционных идей. Последние годы заслуженный адмирал состоял членом Государственного совета. Умер Евфимий Васильевич Путятин в 1883 году.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Судьбы героев Средиземноморской эскадры сложились по-разному. Кто-то сделал карьеру и оставил заметный след в отечественной истории. Другие по тем или иным причинам рано оставили службу, и остаток жизни провели в деревнях в окружении близких. Тяготы и лишения нелегких плаваний вскоре после окончания войны стали причиной смерти героя Наварина и командира брига «Ахиллес» капитан-лейтенанта Ивана Бутенева, и доблестного командира транспорта «Пример» лейтенанта Федора Морского. В расцвете лет ушли из жизни командир фрегата «Александра» капитан 2 ранга Егор Шлипенбах, командир фрегата «Мария» капитан 1 ранга Ишкарин, командир брига «Охта» капитан 2 ранга Никольский.

Рано вышел в отставку и уехал в имение жены в Ярославскую губернию автор интереснейших мемуаров «Год Наваринской кампании» Александр Рыкачев.

Полными адмиралами и членами Госсовета ушли из жизни бывший командир "Гангута" Александр Авинов и бывший командир "Константина" Степан Хрущов. Что касается Авинова, то он много лет будет руководить штабом Черноморского флота при Лазареве. После потери зрения, Авинов переедет в Петербург, где и умрет в окружении своего многочисленного семейства. Степан Хрущев будет командовать соединениями кораблей на Балтике, а закончит службу сенатором.

До полного адмиральского звания дослужились так же командир «Александра Невского» и комендант острова Парос Лука Богданович, брат героя Севастополя Константин Истомина, Семен Воеводский с «Иезекииля», энтузиаст пароходостроения лейтенант Иван Шанц с «Фершампенуаза», братья Иван и Николай Епанчины с «Проворного» и «Елены», Дмитрий Замыцкий с «Телемака», командир транспорта «Сухум-Кале» лейтенант Николай Никонов, бывший лейтенант Юхарин с фрегата «Ольга». Полным

адмиралом, главным командиром Кронштадтского порта и сенатором стал и бывший командир линейного корабля «Фершампенуаз» Григорий фон Платер.

Вице-адмиралами стали лейтенанты Роман Бойль с «Александра», Болговский с «Княгини Лович», Цебриков с «Иезекииля», Чистяков с «Елисаветы», Куличкин с «Эммануила», мичман Сидесснер с «Фершампенуаза», братья Федор и Борис Нордманы, служившие на «Эммануила» и «Елене». генерал-лейтенантами стали Александр Севрюков с «Ольги» и Петр Баранов с «Константина» стали Иван Бутаков с «Царя Константина». В истории русского флота вице-адмирал Бутаков остался и как отец нашего выдающегося флотоводца, основателя тактики парового и броненосного флота адмирала Григория Ивановича Бутакова.

Два орла на погоны заслужит бывший мичман с брига «Усердие» Павел Моллер. Ему придется еще поучаствовать в двух войнах. В 1831 году Моллер отличится при штурме мятежной Варшавы, а в годы Крымской войны будет успешно командовать отрядом гребных судов на Балтике. Его двоюродный брат Александр Моллер с «Азова» будет много лет командовать кораблями на Балтийском флоте и уволится со службы контр-адмиралом.

Не слишком удачно сложилась последующая служба у героического командира линейного корабля «Иезекииль» Иосифа Ивановича Свинкина. Служба Свинкина вообще большая загадка для военно-морских историков. Его побед и заслуг хватило бы не на один десяток адмиралов, но, не смотря на это, начальство, ветерана екатерининского флота не слишком жаловало. После возвращения в Кронштадт, Свинкин получил назначение вице-директором департамента кораблестроения. В 1831 году ему дали контр-адмиральский чин, а уже в следующем отправили на пенсию.

Не сделал, к сожалению, карьеры и решительный командир фрегата «Кастор» капитан 2 ранга Иван Сытин. После возвращения на Балтику, он девять лет откомандует линейным кораблем «Кронштадт», а затем будет уволен со службы в чине капитана 1 ранга. Одни говорили, что причиной тому стал независимый и строптивый характер наваринца, другие, что причиной увольнения стало подорванное морской службой здоровье.

Свою необычную судьбу имела и, спасенная моряками "Гангута" во время Наваринского сражения икона Пресвятой Богородицы Одигитрии, ставшая корабельной иконой этого линейного корабля.

Впоследствии она была передана на броненосец "Гангут". В июне 1897 года броненосец наскочил на подводную скалу у Транзундского рейда. Пробоина была огромной, и спасти корабль было невозможно. В первую очередь с гибнущего броненосца свезли шлюпкой драгоценную икону. "Гангут" погиб, но при этом не погиб, ни один из членов его экипажа. Как говорили впоследствии на Балтийском флоте, что людей спасла именно икона

Богородицы Одигитрии, как когда-то она спасла при Наварине от пылающего брандера и экипаж первого "Гангута".

Есть сведения, что в 1915 году икона была вручена экипажу новейшего линкора-дредноута "Гангут". После 1917 года следы ее теряются. Однако давно известно, что просиявшие иконы никогда не пропадают, а в определенное свыше место и время они вновь предстают пред людьми, чтобы спасти, утешать и вдохновлять. И как знать, быть может, пройдет совсем немного времени и Наваринская святыня вновь обретет свое заслуженное место на одном из российских кораблей!

По-разному сложилась судьба и тех, кто сражался по другую сторону Дарданелл и Босфора. Не долгой будет жизнь отважного командующего дунайской флотилией капитана 1 ранга Николая Патаниоти. Вскоре после войны он примет под команду один из черноморских линкоров, затем станет командиром всех дунайских портов и умрет спустя несколько лет в чине контр-адмирала.

Блестящую карьеру сделает бывший начальник штаба Черноморского флота Василий Мелихов. Грамотного и эрудированного офицера заметит сам император и вскоре Мелихов будет переведен в Петербург. Чем только не придется заниматься ему! Мелихов будет главным инспектором флота и создателем пограничной таможенной стражи (прообраза нынешних морских частей погранвойск), будет писать новые уставы и заседать в Адмиралтейств-совете. В 1854 году император Николай Первый поставит перед ним невыполнимую задачу – создать в кратчайшее время целую флотилию канонерских лодок для обороны Кронштадта от англо-французского флота. Мелихов и здесь отличился. За два месяца бешеного труда он построит 64 канонерки! Наградой за этот подвиг ему будет чин адмирала. Впоследствии Мелихов станет членом Государственного совета, напишет воспоминания о войне 1828-1829 годов на Черном море. Примет самое активное участие в разработке документов по отмене крепостного права. Из жизни адмирал труженик уйдет в 1863 году.

Иван Семенович Скаловский в дальнейшем недолго служил на Балтике, но потом снова вернулся на родное Черное море. Во время знаменитого чумного бунта в Севастополе в 1830 году Скаловский оказался среди мятежной толпы и чудом остался жив. В последующем Скаловский в течение многих лет командовал эскадрами, блокировавшими кавказское побережье. На этом посту он и умер.

Отважный командир фрегата «Флора» Егор Колтовский сразу же после войны станет командиром линейного корабля «Норд-Адлер», а потом и «Варшавы». Примет самое активное участие в экспедиции эскадры Лазарева

в Босфор в 1833 году. Несколько лет будет служить на Балтике. Но не приживется там и снова попросится на родное Черное море. Там примет под команду бригаду линейных кораблей, а затем возглавит комитет по строительству в Севастополе нового адмиралтейства. В 1860 году Колтовский будет уволен со службы в чине полного адмирала.

Замечательную жизнь прожил и отважный черноморский «диверсант» лейтенант Ефим Зайцевский. После тяжелого ранения в руку во время схватки на бастионах Варны, Зайцевского наградят георгиевским крестом 4 степени и чином капитан-лейтенанта «за отличие». Император Николай даст от себя на лечение ран две тысячи рублей. От ампутации руки храбрец отказался наотрез.

- Лучше уж вовсе помереть, чем с культяпкой бегать! – заявил он уже изготовившим пилю хирургам.

Руку лейтенант сохранил, но она навсегда осталась недвижима. Зайцевский долго лечился на кавказских минеральных водах. Парализованная правая рука, при этом не помешала ему принять участия в нескольких дуэлях, когда вопрос коснулся чести его и чести флота. После Кавказа Зайцевский уехал на лечение в Европу. А дальше происходит вообще нечто необыкновенное. Искалеченный морской офицер, проходя лечение в нескольких странах, добывает на свой страх и риск несколько весьма важных секретных дипломатических документов. Храбрый офицер оказывается и талантливым разведчиком! Так предопределился дальнейший жизненный путь бывшего командира черноморского «спецназа».

В 1846 году капитан 2 ранга Зайцевский уже штатный военный разведчик при российской миссии в Неаполе. После нескольких успешных операций он получает чин капитана 1 ранга «за отличие в службе» и становится генеральным консулом на Сицилии. В 1853 году Зайцевский снова в Неаполе. Теперь перед ним небывалая по сложности задача – свести до минимума участие короля Виктора Эмануила Второго в коалиции против России. Ряд историков считают, что именно успешная деятельность Ефима Зайцевского стала причиной весьма вялого участия итальянцев в Крымской войне. Прославился Зайцевский и как поэт. Его талант ценил Пушкин, с которым Зайцевский поддерживал дружеские отношения.

Герой Анапы и Варны, выдающийся разведчик Отечества и талантливый поэт Зайцевский умер там же в Неаполе в 1861 году. Увы, сегодня имя и подвиги Ефима Петровича Зайцевского уже не помнит никто! Как же это не справедливо!

Командир несчастного транспорта «Змея» Андреян Тугаринов будет в своих действиях по спасению судна полностью оправдан. Уже на следующий год он станет командиром фрегата «Флора». Затем отличиться в экспедиции Лазарева в Босфор и даже получит от турок золотую медаль! В последующие годы капитан 1 ранга Тугаринов будет состоять презусом комиссии военного суда в Севастополе. В 1844 году он умрет и будет погребен на старом севастопольском кладбище напротив Карантинной бухты. Ныне от его могилы не осталось даже следа.

Герой Анапы, Варны и Сизополя лейтенант Константин Джоли, к большому сожалению всех его знавших, трагически погибнет уже спустя два года после окончания войны. Слухи о его смерти были разные. Большинство утверждало, что храбрец был убит на дуэли, в которой была замешана какая-то женщина.

Неплохую карьеру сделал бывший флаг-офицер Грейга Григорий Рогуля. После войны он возглавит канцелярию Грейга, а затем много лет будет командовать Севастопольским портом и Николаевским. Умрет бывший флаг-офицер в чине полного адмирала в 1871 году. Два его брата Алексей и Василий никакой карьеры не сдлают. Первый умрет вскоре после окончания войны, а второй дослужится лишь до капитан-лейтенанта.

Бывший командир «Рафаила» бывший капитан 2 ранга Стройников, после возвращения из плена был судим. Лишенный чина, дворянства и всех орденов, его отправили в арестантскую роту в Бобруйскую крепость. Там Стройников отбывал наказание в течение четырех лет. После этого он был переведен матросом на Черноморский флот «навечно». О дальнейшей судьбе труса известно лишь то, что он так никогда до конца своей жизни он та и не женился. Что было со Стройниковым дальше неизвестно, да и надо ли нам знать!

О судьбах матросов, как наваринцев, так и черноморцев, нам ничего не известно. Но можно предположить, что она была обычной для того времени. Двадцатипятилетняя служба, а затем полная отставка для тех, кто остался жив. Малая часть отставных матросов возвращалась домой, однако, большинство предпочитало оставаться в портовых городах. За долгие годы разлуки с родными метами их уже мало, что с ними связывало. Бывшие моряки шли служить в порты, кто-то нанимался на купеческие суда, кто-то в привратники и дворники. Женившись, они расселялись в корабельных слободках, обзаводились детьми. Для одиноких и увечных итогом жизни становились инвалидные дома.

Трагической закончится жизненный путь верного друга России и первого президента независимой Греции Ивана Каподистрии. Российские корабли еще не успеют покинуть пределы Средиземного моря, как он будет убит своими же соотечественниками. Заговорщики неожиданно нападут на Каподистрию и убьют несколькими ударами кинжала. Смерть авторитетнейшего греческого лидера породит гражданскую войну в Греции, в результате которой молодая республика станет монархией и королем будет навязан баварский принц Оттон. Пройдет еще очень много лет, прежде чем Греция вновь станет демократической республикой.

Баловень фортуны Николая Жозеф Мезон, получивший маршальский жезл за покорение пустых турецких крепостей, вскоре оплатил своему королю черной неблагодарностью, приняв участие в революции 1830 года. За это Мезон был назначен министром иностранных дел, затем он побывал послом в Австрии и России и, наконец, на закате карьеры на год добился места военного министра.

Печальной была судьба одного из виновников Наваринского погрома Ибрагима-паши. Вернувшись с войском в Египет, он вместе с отцом решил попытать счастья и подчинить Турцию Египту. В 1833 году Ибрагим-паша двинул своих вымуштрованных феллахов в Сирию. Султан выставил против Ибрагима его бывшего соратника по взятию Миссолонги Рашид-пашу, которого египтяне разбили в первом же сражении. Победоносный поход Ибрагима на Константинополь был прерван лишь появлением в Босфоре эскадры вице-адмирала Лазарева. Однако спустя семь лет Ибрагим снова разбил турецкую армию, когда султан опрометчиво попытался вернуть себе мятежный пашалык. Однако снова неудача! На помощь восставшим сирийцам пришли англичане и австрийцы и вынудили Ибрагима убраться в Египет. Вскоре от всех этих огорчений Ибрагим-паша заболел чахоткой и умер.

Осенью 1877 года Россия отпраздновала полувековой юбилей славного Наварина. Торжества начались праздником в Морском училище, именно так в те годы именовался знаменитый Морской корпус, чьи питомцы и были авторами давней победы. Газеты тех дней писали:

Накануне пятидесятилетия славной Наваринской победы, флаг турецкого фрегата, взятый при Наварине корабль "Александр Невский" и хранившийся в Морском училище, был перенесен в Морской музей, а в день 8-го октября поставлен в адмиралтейском соборе Святого Спиридона Тримийского, куда от Морского училища было приведено 220 воспитанников, т.е. все от 1-й и 2-й роты и части от 2-й, 4-й и 5-й роты. Во время следования воспитанников к адмиралтейству и обратно играл хор военной музыки Училища.

В церкви воспитанники 1-й, то есть старшей роты, были поставлены внизу, прочие же на хорах. Оставшиеся воспитанники в два часа были отведены в церковь Училища для слушания молебствия.

С утра, 8-го октября на стоящем в зале Училища бриг "Наварин" были подняты шелковый влаг и гюйс, что делается только в особенностях торжественных в Училище случаях.

Перед отправлением воспитанников в церковь, начальник училища направился в столовый зал, где воспитанники были выстроены поротно и, поздравить их с 50-ти летнею годовщиною славного боя, сказал несколько слов касательно повода к сражению и последствий от него, а равно и несколько слов о самом бое, при чем указывал на находящиеся в зале план и две картины Наваринского сражения и главным образом на портреты виновников славной победы - адмирала Логина Петровича графа Гейдена и адмирала Грейга, как на начальников русского флота того времени. Около 3 1/2 часов, по возвращении воспитанников, им был подан более роскошный против обыкновенного обед, так как прибавлен был десерт и, кроме того, во время обеда играл хор военной музыки Училища.

Мальчишки кадеты, стоявшие в тот день в парадном строю, командирами кораблей пройдут Порт-Артур и Цусиму, адмиралами Первую мировую и Гражданскую! Наваринские торжества станут их самым первым уроком мужества, чести и долга!

А затем были торжества пятидесятилетия Наварина по всей России. Вспомним, что шел год 1877 и империи, открывшая полвека назад дорогу к свободе единой Греции, вступала теперь в долгую и кровопролитную борьбу за свободу единой Болгарии. В дни наваринских торжеств на Черном море выводил свои утлые миноноски в предрезнозные атаки отважный лейтенант Степан Макаров, на Дунае не менее отважно атаквали турецкие броненосцы лейтенанты Федор Дубасов и Николай Скрыдлов.

Эпицентр же празднования Наварина был, конечно же, в Санкт-Петербурге. Главный печатный орган Российского флота журнал "Морской сборник" писал об этих торжествах русской доблести и духа так:

Центром этого морского праздника был собор Святого Спиридона Тримнийского в главном адмиралтействе, в Петербурге, где находился августейший генерал-адмирал и были, собравшись, все старшие представители флота и немногие участники Наварина, еще уцелевшие до сих пор.

Флаги, развивавшиеся с утра на паровых яхтах, стоявших вдоль набережной на Неве и на всех зданиях и казармах морского ведомства, напоминали жителям столицы, что русский флот празднует тризну одной из самых блестящих своих побед. По воле Его Императорского Высочества молебствие в Адмиралтейском соборе было назначено в половине второго часа пополудни, т.е. именно в то время, когда 50 лет тому назад союзные флоты переходили роковую черту, за которую начиналась Наваринская бухта. За полчаса до начала молебствия, совершенного при полном архипастырском служении, церковь стала наполняться чинами флота, начиная с полных адмиралов, членов Государственного и Адмиралтейств Советов и кончая воспитанниками Морского Училища и представителями от нижних чинов всех флотских экипажей, находящихся в Кронштадте и в Петербурге. Мы не станем перечислять всех находившихся в церкви, и заметим только, что из участников Наваринского боя тут были: находящиеся на службе: генерал-адъютант, адмирал, граф Ефим Васильевич Путятин, служивший мичманом на корабль "Азов", генерал-адъютант, адмирал, граф Логин Логинович Гейден, служивший лейтенантом на фрегате "Константин", адмирал Степан Васильевич Воеводский, служивший мичманом на корабле "Иезекииль", генерал-лейтенант Виктор Андреевич Иванов, служивший мичманом на корабле "Александр Невский"; находящиеся в отставке: вице-адмиралы Николай Григорьевич Котельников, служивший мичманом на фрегате "Константин" и Иван Васильевич Поскочин, служивший мичманом на фрегате "Кастор", генерал-майор маркиз Александр де-Траверсе, служивший лейтенантом на корабле "Азов", капитан-лейтенанты: Дмитрий Петрович Рыкачев, служивший мичманом на корабле "Гангут", Василий Дмитриевич Бартнев, служивший мичманом на корабле "Гангут", капитан

по адмиралтейству Илья Васильевич Бажанов, служивший артиллерийским унтер-офицером на корабле "Азов", и штабс-капитан по адмиралтейству Соколов, служивший унтер-офицером на корабле "Алексей Невский".

Из нижних чинов участников Наваринского боя в церкви находилось трое: отставной боцман Михаил Архипов, служивший марсовым матросом на корабле "Иезекииль", отставной квартирмейстер Илья Гейдеман, служивший матросом на фрегате "Елена", и отставной матрос Иван Гаврилов, служивший на корабле "Иезекииль". Последние двое находятся в Инвалидном доме Императора Павла 1-го. Замечательно, что отставной боцман Михаил Архипов. Архипов, получая 114 рублей пенсию, сумел так воспитать своих детей, что из них двое находятся на службе в 23-й дивизии, одни в чине штабс-капитана, а другой в чине поручика.

Участники Наваринского боя стояли по правую сторону аналоя под шелковым Георгиевским кормовым флагом и вымпелом, пожалованным кораблю "Азов" за Наваринское сражение. На алтаре лежал образ Божией Матери Одигитрии, поднятый с моря на корабль "Гангут", перед самым началом сражения. Перед образом, лицом к алтарю, стоя знаменщики 2-го флотского экипажа с ассистентами, с Георгиевским знаменитым флагом, пожалованным 12-му флотскому экипажу, к которому был приписан корабль "Азов". С левой стороны поставлен был кормовой флаг турецкого фрегата, сдавшегося кораблю "Александр Невский", во время сражения, и пущенного ко дну на другой день.

Кругом участников Наваринского боя группировались старшие чины флота, греческий посланник с секретарями и повременный в делах французского посольства господин Лабулэ, явившийся на молебствие во фраке, не в качестве представителя своей нации, а частным образом, по своим личным симпатиям. Мы слышали, что представитель Англии третьей державы, участвовавшей в Наварин, был также извещен о предстоящем молебствии, но не присутствовал, уведомив, что он получил от своего правительства инструкции – неучаствовать, ни в каких торжествах, устраиваемых по случаю выигранных сражений или побед. Из моряков, в числе собравшихся, видны были Георгиевские кресты героев Синопа (генерал-адъютант О.М. Новосильский - герой брига "Меркурий", Синопа и Севастополя, и другие), Севастополя (генерал-адъютант Г.И. Бутаков, вице-адмирал О.С. Керн и другие) и Дуная (капитан 1 ранга М.Д. Новиков). По левую сторону храма, за колоннами, были выстроены воспитанники Морского Училища, взвод 2-го флотского, бывшего 12-го экипажа, и представители других экипажей Балтийского флота.

Ровно в половине второго в церковь прибыли: Их Императорское Высочества Великий Князь Генерал-Адмирал и Великий Князь Дмитрий и Вячеслав Константинович. Вслед за их прибытием началось молебствие, законченное провозглашением многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дома, вечной памяти павшим на брани и уже скончавшимся участникам Наваринского сражения и многолетия победоносному всероссийскому воинству.

По окончании молебствия Великий Князь Генерал-Адмирал подошел к участникам Наваринского сражения, поздравил их с праздником и изволил милостиво разговаривать со многими из них.

В половине третьего часа церковь стала пустеть, вынесли Георгиевский знаменный флаг 2-го флотского экипажа и, в сопровождении взвода с музыкою, он тронулся по направлению к Крюковским казармам. За ним следовали воспитанники Морского Училища, а также с музыкою впереди. Вечером, здания Морского ведомства были освещены газовой иллюминацией, а в 6 часов участники Наваринского сражения и старшие представители флота собрались в Мраморный дворец к обеду, в роскошные залы Великого Князя Генерал-Адмирала. Нижние чины участники боя были угощены обедом, в Инвалидном доме Императора Павла 1-го.

В числе украшений великолепной залы Мраморного дворца поставлены были портреты бывшего начальника русской эскадры, адмирала, графа Логина Петровича Гейдена и генерал-адъютанта, адмирала Михаила Петровича Лазарева, бывшего командира корабля "Азов" и начальника штаба эскадры. На обеде присутствовали Их Императорская Высочества Великий князь Генерал-Адмирал, Великая княгиня Александра Иосифовна и Великие князья Дмитрий и Вячеслав Константинович.

К столу приглашены были все участники Наваринского сражения, морские члены Государственного Совета, члены Адмиралтейства-Совета и главного военно-морского суда, адмиралы Георгиевские кавалеры и старшие флагмана, морские генерал-адъютанты и адмиралы свиты Его Императорского Величества, военные начальники центральных управлений Морского министерства и главные командиры Кронштадтского и Санкт-Петербургского портов.

Великий Князь Генерал-Адмирал сидел в центре, в середине участников Наваринского боя, имел с одной стороны генерал-адъютанта графа Л.Л. Гейдена, а с другой - генерал-адъютанта графа Е.В. Путятина. Великая княгиня сидела с другой стороны стола, окруженная старшими представителями флота, имея с одной стороны генерал-адъютанта графа О.П. Литке, а с другой Управляющего Морским министерством генерал-адъютанта С.С. Лесовского. Первый тост за здоровье Государя императора был предложен Августейшим Генерал-Адмиралом, второй тост "за здоровье наваринцев" был также предложен Великим князем. Затем Его Высочество предложил Управляющему Морским Министерством прочесть полученные телеграммы. Прочитаны были следующие телеграммы:

Из Николаева - от генерал-адъютанта Н.А.Аркаса: "От себя и всех Черноморских моряков спешу поздравить ваше превосходство с 50-ти летнею годовщиной славной Наваринской битвы. Мы все можем не отозваться в этот достопамятный день. Возвратившись от благодарственного молебствия Богу, сил за дарованную нашему флоту победу, помянув почивших и, тепло помолившись за живых участников этого боя, мы просим ваше превосходительство передать старым Наваринцам, что славная имена и пример их, не умрут в потомстве. Признанные в свою очередь, на новую

брань с тем же врагом, Черноморские их последователи постараются доказать себя достойными сынами своих предков и столь же верными слугами Царю и родине, а в деле с неприятелем поступать с ним также по-русски, как сделали они под Наварином. Генерал-адъютант Аркас."

Из Архангельска - Его Императорскому Высочеству Генерал-адмиралу: "Моряки Архангельского порта, по случаю 50-летнего юбилея Наваринской битвы, совершить благодарственное молебствие в Соломбальском соборе, в присутствии военных и гражданских чинов, иностранных консулов и других граждан города Архангельска, приносят поздравление с такого славного годовщины Вашему высочеству. Ухтомский".

Из Ельцы, Орловской губернии, Его Превосходительству Морскому министру Лесовскому: "Не откажите принять на себя труд передать от меня поздравление, с выражением лучших пожеланий, моим боевым товарищам Наварина. Я искренно сожалею, что на днях перенесенная мною такая болезнь лишила меня возможности вместе отпраздновать пятидесятилетие памятного нам дня. В особенности приветствую "Гангутских" товарищей. Среди семьи и друзей пью за здоровье наваринцев". Капитан-лейтенант С. Бехтеев».

Из Одессы - Управляющему Морским министерством. "Просим ваше превосходительство передать Наваринцам искреннее поздравление от нас, Синопцев, с их славным юбилейным днем. Надеемся, что и внуки юбиляров пойдут по стопам своих дедов. Вице-адмирал Спицын, капитаны 1-го ранга Нарбут, Житков, Вальд и отставной капитан 2 ранга Кумани".

Генерал-адъютант С.С.Лесовский, окончив чтение телеграмм, провозгласил тост за здоровье Его Императорского высочества Великого Князя генерал-адмирала и затем, когда восторженные крики ура" замолкли в зале, он снова встал со своего места и предложил второй тост за здоровье Ее Императорского Высочества Великой княгини Александры Иосифовны.

"В конце обеда, когда все присутствовавшие собирались встать из-за стола, Августейший Генерал-адмирал обратился к ним со следующей речью: "Мы уже пили за здоровье наваринцев. Плодами Наваринского боя были Синопское сражение и Севастополь. "Ныне, когда наши молодые моряки отправлялись на Дунай, то, провожая их, мы выражали надежду, что они будут достойны своих предшественников: севастопольцев и синопцев. В свою очередь, когда Синопцы выходили в море, их провожали желанием сделаться достойными предшественниками наваринцев. Вероятно, и вам, господа "Наваринцы, желали быть достойными Сенявинцев, - а им - екатерининских моряков.

"Таким образом, можно дойти и до начала нашего флота, т.е. до времени Петра Великого. Из этого я делаю то заключение, что-то доказывается присутствие в нашем флоте преданий, через которые создается дух и нравственная сила.

Настоящее поколение доказало своим подвигам на Дунае и в Черном море, что этот дух славных преданий жив до сих пор в семье наших моряков и свято сохраняется ими.

Поэтому, я предлагаю тост за сохранение и продолжение славных морских преданий, которыми создается нравственная сила!

Эта речь закончила Наваринскую тризну, справленную русским флотом, в 50-ти летнюю годовщину, во дворце своего Августейшего генерал-адмирала. При этом считаемся не лишним заметить, что обед начался ровно в 6 часов, т.е. в тот момент, когда 50 лет тому назад после уничтожения турецко-египетского флота был пробит отбой на судах союзной эскадры".

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Год 170-летия знаменитой Наваринской победы. День Наварина до сих пор является самой знаменательной датой в истории греческого народа. И поэтому не случайно на праздничные торжества в честь Наваринской годовщины греческой стороной был приглашен российский боевой корабль. Им стал сторожевой корабль Черноморского флота "Пытливый".

...Над Минной стенкой Севастополя гремел оркестр. С палубы отходящего корабля был хорошо виден золотой крест Владимирского собора - усыпальницы выдающихся русских адмиралов, тех, чье боевое крещение состоялось 170 лет назад при Наварине. Мы уходили от места бессмертной славы Лазарева и Корнилова, Нахимова и Истомина к месту боевой юности. Мы уходили туда, осененные тем же Андреевским флагом, что и они, уходили посланцами священной севастопольской земли к земле Андрея Первозванного и Георгия Победоносца.

Черное море встретило нас свежим ветром и пятибальной волной. Несмотря на это, на корабле непрерывно шли учения, ведь сегодня, когда флот испытывает острый дефицит топлива, особенно важно чтобы каждый час, проведенный в море, был использован с максимальной пользой. К Босфору, правда, море стало несколько тише.

Во время формирования проливной зоны офицеры походного штаба, глядя на прибрежные оживленные кварталы Стамбула, говорили: "Давненько мы здесь не бывали. Теперь из российских граждан сюда чаще всего ездят "челноки". А туркам того и надо, богатеют на нашем обширном рынке, не то, что мы..." А за Стамбулом, у причалов Умурьери были хорошо видны ряды замерших в готовности ракетных катеров - ударного кулака ВМС Турции. И сразу новые и опять безрадостные мысли о том, что соотношение военно-морских сил на Черном море в последние годы явно стало не в нашу пользу, а потом сюда зачастили заморские и даже заокеанские боевые корабли. В перспективе же и это море может вскоре стать внутренним морем НАТО, ведь в Румынии, и Болгария стремятся вступить в этот альянс, да и Украина с Грузией все больше посматривают в ту же сторону...

Ветеранам средиземноморских походов может показаться удивительным, но за все время прохождения проливов нас почти не сопровождали разведывательные корабли и катера, как в былые времена, никто не фотографировал и не снимал на видеокамеры. То же было и в Средиземном море. Не скрою, что такое невнимание даже несколько обижало. Что это -

искренняя вера в нашу миролюбивую политику, или же зная реальный расклад сил на данном морском театре, нас уже просто не принимали в расчете.

Главной достопримечательностью Босфора для нас во все времена был храм Святой Софии - великий памятник раннему христианству, обращенный ныне в мечеть Айя-Софию. Существует легенда, что, когда в 1798 году в Босфор вошла эскадра адмирала Федора Федоровича Ушакова, в Софийском соборе внезапно обвалились штукатурка и на стенах проступили скорбные лики православных святых. Ныне розовый массив бывшего православного храма окружен со всех сторон, будто сторожами, иглами мусульманских минаретов.

Непривычная голубизна моря радует глаз. Форштевень "Пытливый" уже во всю режет пологую средиземноморскую волну, и вот, наконец, перед нами обрывистые берега легендарного Пелопоннеса. В мгlistой дали угадывается проход в Наваринскую бухту. на ходовом мостике "Пытливый" оживление, по УКВ ведутся переговоры с греческой стороной о порядке входа в бухту. Хозяева сообщают, что им нечем отвечать на положенный по протоколу салют наций - в Пилосе попросту нет салютных пушек. А потому предлагается эту церемонию отменить. После недолгого совещания контр-адмирал Ковшарь принимает решение: "Мы тем не менее салютовать будем, ибо российские корабли всегда входили в Наварин под гром своих орудий". Спустя некоторое время 21 салютационный залп вспугнул дремавших на волнах чаек. Ветер относил пороховой дым к скалам острова Сфактерия, и казалось, что этот дым совсем иных пушек из иного, уже далекого от нас времени.

Все дни пребывания "Пытливый" в Пилосе превратились в настоящую демонстрацию русско-греческой дружбы. Вместе с нашим кораблем на празднование Наваринского юбилея пришел греческий фрегат УРО "Элли" и французский фрегат "Командант Близон". Поэтому не прислала свой корабль английская сторона, осталось не известным, но, наверное, на то были определенные политические причины.

Пилос - городок, раскинувшийся на южном берегу Наваринской бухты, насчитывает всего лишь пять тысяч населения и живет в основном за счет туризма. белые двухэтажные домики словно убегают куда-то в горы. на узких улицах густые заросли кактусов и агавы. При входе в бухте высятся бастионы некогда грозной турецкой крепости.

***Памятник битве при Наварино на
центральной площади Трех адмиралов в Пилосе***

Неокастро. Во дворе цитадели, в бывшем домике коменданта - небольшой музей, посвященный Наваринской битве. На стенах развешаны старинные карты и гравюры, портреты участников морской битвы и героев греческой освободительной борьбы в витринах - оружие и знамена. Перед музеем высится гора проржавевших ядер, старинные якоря и пушки - немых свидетелей тех героических дней. Главная площадь городка - площадь Трех Адмиралов, названная так в честь командующих объединенной русско-англо-французской эскадрой. Площадь - визитная карточка Пилоса: здесь отдыхают и пьют традиционный кофе, прогуливаются и знакомятся.

Посреди площади памятник с барельефами адмиралов. Неподалеку стоит огромный платан - современник Наваринской битвы. Под платаном - столики местного кафе. Каждый вечер весь период нашего пребывания в Пилосе на площадь Трех Адмиралов выходили оркестр штаба Черноморского флота. Послушать его собирался практически весь город. Эмоциональные греки с удовольствием хлопали в такт маршам и танцевали зажигательные "сиртаки". Ключевым событием Наваринского праздника стало возложение цветов к могилам моряков союзной эскадры, павших в сражении. Вначале длинная колонна катеров отправилась к острову Цихли-Баба, где на высокой скале высился памятник французским морякам, а затем участники торжеств прибыли на острова Сфактерию, кстати, местные греки между собой в разговоре зовут этот остров Русским.

Там в братской могиле с небольшим памятником лежат 65 российских моряков. В центре острова у могилы высится обелиск павшим русским воинам - мраморная плита с уходящей ввысь стелой и символическим светильником. На плите надпись славянской вязью: "Памяти павших в Наваринском сражении 8\20 октября 1827 года и погребенных поблизости. Поставлен в 1872 году начальником отряда свиты его величества контр-адмиралом И. Бутаковым, командиром, офицерами и командою клипера "Жемчуг". Рядом памятная плита от посольства Советского Союза в Греции. Недалеко от могилы небольшая греческая часовня. А чуть выше на холме рубленая из карельской сосны часовня покровителя моряков Святого Николая, сработанная руками плотников-реставраторов из Кижей. Сюда, на крайний юго-запад далекого Пелопоннеса в разобранном виде ее переправила администрация города Петрозаводска, по инициативе проживающего там российского грека Михаила Чахова. И в этом есть тоже большой смысл.

Вспомним, ведь участвовавшие в сражении корабли балтийского флота строились на Архангелогородских верфях и комплектовались матросами-поморами с карельской земли и с беломорских берегов, так что появление на здешних берегах такой часовни вовсе не случайно? Ее освящение было приурочено к юбилею сражения у Наварина. При огромном стечении народа русские и греческие священники освятили новый православный храм на греческой земле, отслужили молебен на могиле павших моряков. Гремел трехкратный оружейный салют, под Андреевским флагом, печатая шаг, прошел мимо братской могилы парадный расчет черноморского корабля, отдавая долг памяти погибшим пращурам.

А на следующий день был праздник города. В городском соборе прошла торжественная праздничная служба. К подножию памятника Трем Адмиралам легли увенчанные национальными лентами венки. Пилос раскрасился флагами государств-союзников по Наваринской битве. Отовсюду неслась музыка, маршировали греческие пехотинцы и десантники, школьники, а также русские и французские моряки? Наши черноморцы, как всегда, оказались на высоте. Их прохождение встретили особо бурные аплодисменты и крики: "Ура, Россия!" Вечером над городом грохотал и полыхал праздничный фейерверк.

Я упорно хотел узнать мнение греков о значении Наваринской победы для их Отечества. И все говорят мне следующее: "Вклад России в победу при Наварине был решающим. Сегодня, через 170 лет после Наваринского сражения, мы помним о значительном вкладе русского флота в наше освобождение, а потому принимать потомков наваринских победителей для нас очень большая честь. Мы никогда не забываем великую единоверную Россию и рассчитываем на укрепление нашей дружбы, что особенно важно для нас сегодня, когда международная обстановка для Греции очень непростая".

«Навариния» 2018 года в порту Пилос

Что ж, слова греков имеют под собой достаточно веские основания. В дни нашего пребывания в Пилосе нам стало известно о новом обострении в греческо-турецких отношениях, а газета "Оптима" ("Согласие") вышла с недвусмысленным заголовком: "Не повторится ли Наваринское сражение?" Небезынтересна и точка зрения греческой стороны на значение самого Наваринского сражения. Вот некоторые оценки греческой печати: "Морское сражение при Наварине стало последней по счету битвой, которая завоевала Греции независимость. Это был поединок великих держав, победа союзников, одержанная в противоборстве с Оттоманской империей, возвышение гуманизма над тиранией и последний шаг на пути к освобождению страны, которой суждено было возродиться из пепла... Наваринское сражение было битвой народов, не вписывалось в рамки военной стратегии. Французы, русские, англичане и греки дали сражение, не имеющее аналогов в стратегической и политической практике... Сражение при Наварине поставило завесу на пути экспансии османов. Оно дало понять всему миру, что для греков нет возврата к азиатскому рабству".

За день до нашего ухода из Пилоса покинул причал греческий фрегат. Следом за ним неожиданно и незаметно исчез французский корабль. Проводы же "Пытливому" в Милосе вылились в настоящую. На палубе корабля, не смолкая, гремел оркестр. Толпы горожан, собравшись на причале, кричали и махали руками, кто-то танцевал. В момент отдачи швартовых разом взревели клаксоны стоящих на набережной автомобилей. Над головами уходящих и провожающих чернело бездонное ночное небо, щедро усыпанное россыпями ярких звезд. На душе было радостно от

осознания нашего единства и грустно от неотвратимости наступавшего расставания. "Пытливый", словно нехотя, оторвался от Наваринского берега и медленно развернулся на выход из бухты.

- Смотрите! Смотрите! - внезапно закричал матрос-сигнальщик, показывая рукой в сторону берега. - Они нас все еще провожают! Стоявшие на мостике обернулись. Вдоль ночного берега, вдоль далеких уже от нас городских огней мчалась вереница автомашин, мигавших нам своими фарами. В ответ с корабля на берег направили лучи прожекторов. Нащупав автомашины, сигнальщик отбил им ратьером наш прощальный привет. Но вот и последние провожающие исчезли из вида. С левого борта в ночной мгле проплыли зубчатые стены некогда грозной цитадели Неокастро.

Залив Водокилия, расположенный между Ионическим морем, лагуной Дивари и заливом Наварино (панорамный вид с Палеокастро)

До свиданья, Греция - место славных подвигов нашего флота. До свидания, страна братской дружбы и единой веры. Впереди нас ждал Севастополь, нас ждала Россия!

Москва-Севастополь-Наварин
1997-2006 гг.

Краткий словарь военно-морских терминов, встречающихся в книге

абордаж – рукопашный бой при сближении противоборствующих кораблей вплотную

аврал – работа на корабле, выполняемая всей командой

балясина – деревянная ступенька штурмтрапа

баргоут (бархоут) - пояса окружной обшивки у ватерлинии корабля; они всегда делаются несколько толще, чем остальная обшивка, для более медленного изнашивания

бак – носовая часть верхней палубы

бакштов – толстый канат, вытравливаемый за корму корабля для привязывания шлюпок во время стоянки корабля

бизань-мачта – третья от носа мачта корабля

бимс – балка поперечного набора корабля, поддерживающая настил палубы

бегучий такелаж – все подвижные снасти, служащие для постановки и уборки парусов, подъема и спуска частей рангоута

боканцы – деревянные балки–выстрелы, выступавшие за борт в носовой части парусных судов

брамсель – третий снизу четырехугольный парус; поднимается на брам-стенге над марсом

брасы – снасти бегучего такелажа, служащие для постановки парусов под определенным углом к ветру

бригрот – парус, поднимаемый на грота-реи, когда нет постоянного грота

бридель – якорная цепь, прикрепленная коренным концом к рейдовой или швартовой бочке

бушприт – горизонтальное или наклоненное рангоутное дерево, выступающее вперед с носа судна

ванты – снасти стоячего такелажа, поддерживающие мачту или стенки с бортов судна

ватервейс – водопроток на палубе вдоль бортов корабля

ватер-шлагги – водяные шланги

верп - вспомогательный якорь

галионджи – матросы на турецких кораблях эпохи парусного флота

галс – курс корабля относительно ветра; если ветер дует в левый борт, говорят, что корабль идет левым галсом, если в правый – то правым

галфвинд – курс парусного корабля, при котором его диаметральной плоскость составляет с направлением ветра угол в 90 градусов

гальюн – свес в носовой части парусного корабля, на котором устанавливалось носовое украшение

гардемарин – учащийся выпускного курса Морского корпуса

грот-мачта - вторая от носа мачта

дагликс - левый становой якорь

диплот - лот, отличающийся большой массой груза и длиной лотлиня; используется для измерения больших глубин

дифферент – наклон корабля в продольной плоскости

дрейф – боковое смещение, снос корабля с намеченного курса под воздействием ветра и течения; лечь в дрейф – так расположить паруса, чтобы одни двигали корабль вперед, а другие назад, вследствие чего корабль оставался бы приблизительно на одном месте

интрпель – топор, предназначенный для абордажного боя с обухом в форме четырехгранного заостренного зуба, загнутого назад

каттенс-помпы – ручные водоотливные помпы

капудан-паша – главнокомандующий турецким флотом

карлингс – подпалубная балка продольного направления, поддерживающая палубу

картушка – главная составная часть магнитного компаса, указывающая стороны света

килевание – ремонт бортов парусного корабля на плаву, путем поочередного накренивания его до появления киля из-под воды

кливер – косой треугольный парус, ставящийся впереди фок-мачты

констапель – первый офицерский чин морских артиллеристов

констапельская – кормовая каюта на средней палубе парусного корабля, где хранились артиллерийские припасы

крамбол – деревянная балка, выступающая за борт и жестко соединенная с баком; предназначалась для крепления якоря на ходу

крюйсель – прямой парус на бизань-мачте

лабиринг – продвигаться на парусном корабле против ветра к цели переменными курсами по ломанной линии

лоцбот – небольшое парусно-гребное судно, выполняющее задачи лоцманской службы

марс – первая снизу деревянная площадка на мачте. Использовалась как наблюдательный пост

марсель – второй снизу на мачте парус, ставящийся между марса-реем и нижним реем; на фок-мачте – фор-марсель, на грот-мачте – грот-марсель

обсервация – определение истинного места корабля в море по береговым ориентирам или небесным светилам

плехт – самый большой из станových якорей, висел в носовой части по правому борту

принайтовать – т.е. привязать

рангоут – все деревянные и металлические части, служащие для постановки, несения, растягивания парусов, подъема тяжестей, сигнализации; к рангоуту относятся мачты, стеньги, реи, бушприт

рея – горизонтальное рангоутное дерево, подвешенное за середину к мачте или стеньге и служащее для привязывания к нему парусов

риффы – поперечный ряд продетых сквозь парус завязок, посредством которых можно уменьшить его площадь. При усилении ветра берут риффы (подбирают парус), при ослаблении ветра риффы отдают

ростры – место на корабле, где устанавливаются крупные шлюпки и хранятся запасные части рангоута

румпель – балка, соединяющая руль с штур-тросами

рында – судовой колокол

салинг – площадка в виде рамы, состоящий из продольных и поперечных брусьев для соединения стеньги с продолжающей ее в высоту брам-стенкой

склянки – песочные часы, которыми отсчитывалось время на парусных кораблях

снасти – веревки и тросы, служащие на корабле для постановки и уборки парусов, постановки рангоута и т.д.

стаксель – косою парус треугольной формы; стаксель впереди фок-мачты называется фока-стаксель и фок-стенга-стаксель, впереди грот-мачты - грот-стенга-стаксель, впереди бизань-мачты – крьюйс-стенга-стаксель

стенга - рангоутное дерево, служащее продолжением мачты и идущее вверх от нее. В зависимости от принадлежности к той или иной мачте, стеньгам присваиваются дополнительные наименования: на фок-мачте – фор-стенга, на грот-мачте – грот-стенга, на бизань-мачте – крьюйс-стенга

счисление – графическое изображение пути корабля на карте, производимое для того, чтобы в каждый данный момент времени знать место корабля при плавании и ориентироваться по карте в окружающей обстановке

табанить – грести в обратную сторону для дачи шлюпке заднего хода или ее разворота

такелаж – все снасти, цепи, канаты на корабле; такелаж разделяется на стоячий и бегучий;

стоячий такелаж (ванты, штаги и т.д.) поддерживает рангоутные деревья

тибембировка – ремонт парусного корабля, включающий в себя полную или частичную замену деревянной обшивки

траверз – направление, перпендикулярное курсу корабля

утлегарь – рангоутное дерево, являющееся продолжением бушприта и связанное с ним при помощи эзель-гофта

фальшборт – ограждение верхней палубы корабля

фальшфейер – тонкая бумажная гильза, наполненная пиротехническим составом, имеющим свойство гореть ярким белым пламенем; применяется для подачи ночных сигналов

флагман – адмирал, командующий соединением кораблей или корабль, на котором прибывает данный адмирал

фок – самый нижний парус на фок-мачте

фок-мачта – передняя мачта на корабле

фордевинд – курс по ветру, дующему прямо в корму идущего корабля

форштевень - особо прочная часть корпуса корабля, которым заканчивается набор корабля в носу

цейтвахтер - чиновник морской артиллерии, имевший в своем ведении оружие и боеприпасы

шканцы – палуба в кормовой части корабля от грот- до бизань-мачты, откуда осуществлялось управление вахтой и командование парусным кораблем

шкафут – боковые переходные мостики, соединявшие палубу бака со шканцами

шкоты - снасть бегучего такелажа, заложенная за нижний угол паруса, служащая для растягивания и удержания парусов в нужном положении; шкоты принимают название паруса, за который они заложены, например: марсель-шкоты, грот-шкоты, фока-шкоты и т.д.

штурм-трап – наружный трап в виде веревочной лестницы

штур-трос – трос, соединяющий штурвальное колесо с румпелем

шпирон – таран в носовой части корабля

шпринг – способ постановки на якорь, позволяющий поставить диаметральной плоскостью корабля под любым углом к линии ветра или течения

шхив (шків) – колесо с желобом на ободке, вращающееся на оси между щетками блока

шхеры – извилистые заливы в северной части Финского залива

ют – кормовая часть верхней палубы

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ГРЕЧЕСКИЙ ГАМБИТ

- 1 ГЛАВА «АЗОВ» ПОДНИМАЕТ ФЛАГ**
- 2 ГЛАВА ВОССТАНЬ, О, ГРЕЦИЯ, ВОССТАНЬ!**
- 3 ГЛАВА ПОВТАНЦЫ И КАРАТЕЛИ**
- 4 ГЛАВА ЭСКАДРА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ**
- 5 ГЛАВА В ПОХОДЕ**
- 6 ГЛАВА В ПОИСКАХ СОЮЗНИКОВ**
- 7 ГЛАВА УЛЬТИМАТУМ ИБРАГИМ-ПАШЕ**
- 8 ГЛАВА БИТВА ТРЕХ АДМИРАЛОВ**
- 9 ГЛАВА ТРИУМФ ПОБЕДИТЕЛЕЙ**
- 10 ГЛАВА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАСЬЯНСЫ**
- 11 ГЛАВА КОРАБЕЛЬНЫЕ БУДНИ**
- 12 ГЛАВА ПЕРЕПУТЬЯ МОРСКИХ ДОРОГ**
- 13 ГЛАВА ХОЗЯЕВА МОРЯ**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ТУРЕЦКИЙ ЭНДШПИЛЬ

- 1 ГЛАВА РОССИЯ ПРИНИМАЕТ ВЫЗОВ**
- 2 ГЛАВА ОТ АНАПЫ ДО ШУМЛЫ**
- 3 ГЛАВА ОСАДА ВАРНЫ**
- 4 ГЛАВА В ШТОРМАХ И В БОЯХ**
- 5 ГЛАВА НА ВЕРШИНАХ КАВКАЗА**
- 6 ГЛАВА ЗАМОК НА ДАРДАНЕЛАХ**
- 7 ГЛАВА ВРЕМЯ НАСТУПАТЬ**
- 8 ГЛАВА ПОБЕДА ПРИ КУЛЕВЧИ**
- 9 ГЛАВА ПОДВИГ БРИГА «МЕРКУРИЙ»**
- 10 ГЛАВА ЧЕРЕЗ БАЛКАНЫ**
- 11 ГЛАВА У ВРАТ ЦАРЬГРАДА**
- 12 ГЛАВА ТРИУМФАТОРЫ**

**ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ГОДЫ И СУДЬБЫ**

- 1 ГЛАВА ТРАГЕДИЯ «ФЕРШАМПЕНУАЗА»**
- 2 ГЛАВА ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ КАЗАРСКИЙ. СМЕРТЬ ГЕРОЯ**
- 3 ГЛАВА НАВАРИНСКОЕ ПЛЕМЯ**
- 4 ГЛАВА ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД**

ПОСЛЕСЛОВИЕ